МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)
Педагогический институт имени В. Г. Белинского
Историко-филологический факультет
Министерство по охране памятников истории и культуры
Пензенской области
Отделение Российского исторического общества
в Пензенской области
Пензенское региональное отделение Российского
военно-исторического общества
Региональная общественная организация краеведов
Пензенской области

ЛЕБЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей по материалам
XXVII Всероссийской научно-практической конференции

г. Пенза, 16 апреля 2026 г.

П о д р е д а к ц и е й
И. Н. Иноземцева

Пенза
Издательство ПГУ
2026

УДК 93/94
ББК 63
Л33

Р е ц е н з е н т

доктор исторических наук, профессор, декан историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета
О. А. Сухова

Лебедевские чтения : сб. ст. по материалам XXVII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16 апреля 2026 г.) / под ред. И. Н. Иноземцева. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2026. – 372 с.

Л33

ISBN 978-5-908089-93-7

Публикуемые статьи отражают современное состояние исторической науки, обществознания, методики преподавания истории и обществознания и сгруппированы по следующим разделам: «Актуальные проблемы государства и права: история и современность», «Археология», «Всеобщая история», «История России», «История Поволжья и Пензенского края», «Методика преподавания истории, обществознания и права».

Издание адресовано преподавателям высших учебных заведений, учреждений среднего профессионального образования, дополнительного образования, студентам и всем, для кого значимы дискуссионные проблемы истории и обществознания.

УДК 93/94
ББК 63

Приказ
о подготовке и проведении XXVII Всероссийской научно-практической конференции «Лебедевские чтения»
№ 93/о от 04.02.2026

ISBN 978-5-908089-93-7

© Пензенский государственный университет, 2026

УДК 34

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Дарья Юрьевна Богомолова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

dasha.bogomolova.2019@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние цифровизации на трансформацию статуса человека и его положения в обществе. Анализируются новые подходы к критериям социальной стратификации и процесс углубления цифрового неравенства в обществе. Особое внимание уделяется правовому регулированию цифровой среды как фактору, закрепляющему либо смягчающему стратификационные процессы.

Ключевые слова: цифровизация, информация, информационно-коммуникационные технологии, социальная стратификация, цифровое неравенство, цифровые навыки, работник интеллектуального труда, криптовалюта, социальное неравенство, цифровые права

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторически наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ А. М. Ефремкина.

Цифровизация – это одна из основных тенденций XXI в. Буквально за полвека, а если быть точнее, то за 44 года с момента появления первого персонального компьютера, её влияние затронуло абсолютно все сферы общественной жизни. Этот процесс произошёл не только на территории России, но и распространился по всему миру.

Информационно-коммуникационные технологии превратились в обязательные компоненты жизни, без которых человек уже не может существовать.

Владение цифровыми технологиями выступает определяющим фактором достатка человека. Служит «входным билетом в более успешную жизнь и на более привлекательные рабочие места» [1, с. 49].

В связи с этим мы можем говорить о том, что овладение цифровыми навыками становится новым критерием социальной стратификации, определяющим место и роль человека в обществе. Однако стратификация в цифровую эпоху имеет не только социально-экономическое, но и ярко выраженное правовое измерение. Государство через право не только наблюдает за этими процессами, но и активно участвует в конструировании новой иерархии, как справедливо отмечает В. Н. Назаров. Доступ к цифровой среде и возможность использования информационных технологий всё ещё чаще рассматриваются в юридической науке как элемент правового статуса личности, отсутствие которого порождает феномен «цифровой исключенности [2, с. 117].

Показательное развитие и расширение круга пользователей цифровых технологий в широком масштабе вызывает беспокойство по поводу воспроизводства и возникновения новых форм социального неравенства. Цифровое неравенство или цифровой разрыв в различие уровня обладания знанием и информацией становится важнейшим критерием давления общества. В рамках данной статьи иную интерпретацию получает поговорка Натана Ротшильда: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Нали-

чие большего или меньшего количества знаний в цифровой области может привести к некой иерархизации современного общества. Право здесь выступает в роли «легитимизатора» новых элит: именно юридическое признание цифровых подписей, статуса самозанятых, а в перспективе – правового статуса «работников платформ» закрепляет переход индивида из низшей страты в высшую, наделяя его новым набором прав и обязанностей.

Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий лидирующие позиции начинают занимать технические профессии, такие как: специалисты по кибербезопасности, аналитики данных, облачные специалисты, разработчики ПО, а вместе с ними распространение получил термин «работник интеллектуального труда», главными чертами которого является:

1) ориентированность на оперирование информацией и знаниями;

2) независимость от собственности на средства производства;

3) высокий стандарт образования и научная компетентность [3, с. 11].

В условиях цифровизации образование является неотъемлемым критерием, определяющим статус человека. Чем выше знания, тем больше шанс занять желаемую позицию в обществе. С правовой точки зрения, формирование этой страты сопровождается появлением института «цифровых профессий». В России с 2022 г. ведётся реестр аккредитованных IT-компаний, сотрудники которых пользуются льготами по страховым взносам и освобождаются от призыва в рамках частичной мобилизации, согласно Постановлению Правительства РФ и поправкам в Трудовом кодексе [4].

В рамках товарно-денежных отношений в 2017 г. получила развитие киберваюта или же криптовалюта – биткойн. Она существует только в электронном формате и не имеет носителя ни в виде монеты, ни в виде бумажной купюры. Курс определяется исключительно спросом и предложением.

Исходя из этого мы можем отметить, что в данной сфере появились люди, которые успев изучить информацию, стали криптомиллиардерами и заняли свою социальную нишу. В качестве примеров можно выделить привести Виталия Бутирина (самый популярный криптомиллиардер с состоянием более чем 1 млрд. долларов), а также Павла Дурова (состояние 17,1 млрд. долларов).

В Сальвадоре, Германии, Японии, Канаде, США, АОЭ, Португалии, Австралии, Швейцарии люди уже могут расплачиваться криптовалютой. В России же такая опция недоступна и запрещена Федеральным законом № 259 «о цифровых финансовых активах, цифровой валюте». Пункт 7 статьи 14 гласит: «В Российской Федерации запрещается распространение информации о предложении и (или) приёме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг) [5].

По мнению Э. Абуджауда, лишь немногие способны аккуратно разделять две сферы своего жизненного мира: онлайн и оффлайн, виртуальную и реальную.

Интернет сейчас воспринимается как продлённое в киберпространство привилегированная форма социальной, культурной, политической, экономической, идеологической стратификации. Люди всё больше и больше погружены в виртуальный мир.

«Мы видим сегодня тенденции всё большей десоциализации личности в реальном пространстве и резкий рост гиперсоциализации в цифровом… Если тебя нет в цифровом пространстве – тебя не существует» [6, с. 30].

Прослеживая это явление, мы видим, что критерий социальной стратификации – престиж был изменён. Теперь этот критерий имеет современное название «киберпрестиж».

В связи с этим выделяется новый класс, который в научном обороте получил название «работник интеллектуального труда». Ему присущи такие черты, как:

1. ориентированность на оперирование информацией и знаниями;
2. высокий стандарт образования и научная компетентность;
3. независимость от собственности на средства производства.

Определяющей чертой социально-психологических установок представителей этого класса является приверженность целям самосовершенствования и творческой самореализации [7, с. 100].

Можно сделать вывод о том, что данный класс появился как следствие неравенства интеллектуального потенциала среди людей. Одна группа не смогла его раскрыть, другая им просто не обладала и те, кто владел должными познаниями заняли привилегированное положение в обществе. Это тоже ведёт к тому, что образуется социальное неравенство.

Наше общество всегда было подвержено изменениям. Говоря о новых формах социальной стратификации, мы не можем говорить исключительно о том, что это негативное явление. Оно определённо поможет или уже помогло одним категориям лиц подняться по социальной ступени вверх, но при этом как и везде кто-то мог не справится с новыми критериями, которые ведут к изменению уклада жизни, социальной роли и, соответственно, положение таких лиц могло в некоторой степени ухудшиться.

Подводя итоги, хочется сказать, что цифровизация является моделирующей системой социальной стратификации. Общество становится всё более подверженным глобальным изменениям, следуя за развитием тенденций и отсюда вытекает проблема широкого распространения цифровых технологий, что влечёт за собой озабоченность людей по поводу воспроизводства существующих и появления новых форм социального неравенства.

Право выступает одновременно и инструментом преодоления цифрового разрыва, и фактором его консервации. Но в настоящее время правовой аспект цифровизации ещё недостаточно проработан.

Список литературы

1. Курганская В. Д., Дунаева В. Ю. Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1 (3). С. 46–64.

2. Назаров В. Н. Цифровое неравенство как проблема правового статуса личности в условиях информационного общества // Правоведение. 2022. № 3. С. 112–125.

3. Сорокин П. А. Социальная мобильность / пер. с англ. М. В. Соколовой. М. : Academia : LVS, 2005. 588 с.

4. Об утверждении Правил предоставления права на получение отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях, осуществляющих деятельность в области информационных технологий : постановление Правительства РФ № 490 от 28.03.2022 : [в ред. от 02.10.2025] // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2271.

5. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 : [в ред. от 02.07.2021] // КонсультантПлюс. 2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 27.10.2025).

6. Сафиуллин А. Р., Моисеева О. А. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 6. С. 26–37.

7. Юдина М. А. Влияние цифровизации на социальное неравенство // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 1. С. 97–108.

Информация об авторе: *Богомолова Дарья Юрьевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 37.09

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИЗАЙН-ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ EDTECH

Данила Андреевич Буртасов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

burtasoff58@ya.ru

Аннотация. Рассматриваются этапы становления отрасли российского онлайн-образования, отмечаются следующие технологические и методологические переходы: от использования базовых дизайн-инструментов к внедрению систем управления обучением (LMS), а также к формированию комплексных подходов в области педагогического дизайна, геймификации и проектирования образовательных интерфейсов (UI/UX).
Ключевые слова: EdTech, дизайн-инструменты, педагогический дизайн, рынок онлайн-образования, LMS
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Н. В. Семиной.

Бурное развитие сети интернет в конце 2000-х – начале 2010-х привело к возникновению интернет-форумов, а затем и социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники и др.). С введением ЕГЭ со стороны обучающихся появляется запрос на подготовку к экзаменам. В российском интернет-пространстве в этот период появляются репетиторы, проводившие индивидуальные занятия на платформе Skype, используя для своего продвижения социальные сети, форумы и традиционные рекламные объявления. По мнению директора направления EdTech фонда «Сколково» Натальи Царевской-Дякиной, начало российского EdTech принято связывать с распространением Skype, который позволил репетиторам проводить индивидуальные занятия удаленно. Уже тогда было понимание, что формируется новый рынок [1]. Постепенно с массовым распространением интернета, во второй половине 2010-х гг. начинают появляться образовательные проекты, направленные на подготовку к экзаменам, олимпиадам или занимающиеся обучением младших и средних школьников. Такие известные сегодня проекты на рынке российского EdTech как «Фоксфорд», «Нетология», «Умскул», «Вебиум» и др. появились именно в это время и постепенно набирали свою аудиторию. Ключевую роль в популяризации данных онлайн-платформ сыграла эпидемия коронавируса, когда весной 2020 г. школьники со всей России перешли на дистанционное обучение. Удачно подвернувшийся момент, позволил ведущим игрокам российского EdTech нарастить свою аудиторию с помощью промоакций. Очевидно, что в последствии темпы роста замедлились, многие, попробовав, новые методы не захотели возвращаться к прежним методам. По данным агентства Smart Ranking в 2023 г. рынок вырос на 32 %, а в 2024 г. – на 19 %. EdTech в 2025 г. продолжает развиваться, эксперты предполагают, что с 2024 г. по 2033 г. ежегодный темп роста составит 14 % [2].

Рассмотрим дизайн-инструменты, которые использовали российские EdTech компании в разный период своего существования.

Базовым инструментом для создания презентаций и постов для сообществ долгое время являлся Microsoft PowerPoint. Стоит отметить, что большинство преподавателей (а именно они чаще всего являлись создателями данных проектов) не имели базовых представлений о дизайне, а наем профессиональных дизайнеров не был в приоритете из-за небольшой численности платежеспособной аудитории проектов.

В последующее время с постепенным ростом аудитории руководство образовательных проектов начинает задумываться о привлечении дизайнеров для оформления рекламных кампаний и учебных материалов. Наметился скачок качества создаваемого контента и наполняемости страниц брендов. Значимой платформой для продвижения образовательных продуктов стала социальная сеть ВКонтакте, в которой начали массово появляться различные онлайн-проекты, часто копирующие визуальную и контентную составляющую друг друга.

С этого времени ключевыми инструментами дизайна материалов стали Adobe Illustrator, Adobe Photoshop, а Microsoft PowerPoint становится вспомогательным инструментом и используется для создания презентаций.

Качество рекламных и учебных материалов заметно улучшается, но появляется новая проблема – защита контента от копирования со стороны недобросовестных коллег или учащихся. Начинается формирование понимания со стороны руководителей образовательных проектов, что они создают и продают образовательный продукт. Как отмечается в юридических рекомендациях для EdTech-проектов, «онлайн-курс или вебинар с точки зрения права является сложным объектом и охраняется». Для защиты прав на курс ключевое значение приобретает правильное оформление договоров с авторами и фиксация авторства через процедуру депонирования [3].

Большие компании начинают свою легализацию на российском рынке, входя в правовое поле. Вместо налогообложения в качестве индивидуальных предпринимателей (ИП), проекты начали переходить на оформление в качестве обществ с ограниченной ответственностью (ООО). На данный момент все ведущие российские EdTech-проекты имеют образовательную лицензию.

С 2020-х гг. некоторый интерес онлайн-школ и иных образовательных проектов был обращен в сторону дизайн-инструмента Figma. Интуитивно понятный интерфейс, поддержка совместной работы, возможность создания вкладок, – все то, что необходимо не только дизайнеру интерфейсов, но и педагогу. Онлайн-доска FigJam используется образовательными проектами не только в корпоративных, но и в образовательных целях: групповая работа, организация мозговых штурмов [4].

Однако, с 2022 г. большинство зарубежных дизайн инструментов оказались заблокированными для пользователей из Российской Федерации и это вынудило образовательные проекты искать отечественные технические решения. С этого периода компании Яндекс, VK начинают внедрять инструменты для образования в ряд своих приложений: электронная доска от Яндекса, расширение функционала сервиса VK Звонки от ВКонтакте.

Рынок российского онлайн-образования со своего возникновения, а особенно в последние десятилетия претерпел кардинальные изменения. Как отмечают эксперты компании Эквио российский EdTech образца 2014 и образца 2025 гг. имеет значительные отличия:

1) В 2025 г. по сравнению с 2014 г. значительно увеличился спрос на системы управления обучением LMS (Learning Management System). Первые платформы были дорогими и сложными в использовании и не вызывали интерес у аудитории.

2) В 2025 г. по сравнению с 2014 г. стало сложнее подчеркивать уникальные преимущества продукта, так как они становятся заметны только после покупки [2].

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время в российском EdTech используются различные дизайн-инструменты, заточенные под конкретные задачи. Например, создание презентаций, конспектов, рабочих листов, а также различного контента (видео, лонгриды) для платформ и социальных сетей. Готовые решения для организации обучения, в частности LMS-системы – Coursera, Stepik, Coreapp и др. становятся основными платформами для организации обучения среди образовательных стартапов, в то время как крупные компании разрабатывают собственные персонализированные платформы.

Список литературы

1. Редакция Forbes Club. Поводы для оптимизма: почему отрасль онлайн-образования продолжит рост / Forbes. 2024. 29 июля. URL: https://www.forbes.ru/club/538427-onlajn-obrazovanie-polucaut-ludi-kotorye-ne-posli-by-ucit-sa-oflajn (дата обращения: 27.03.2026).

2. Дорохина А. История компании Эквио: 12 лет инноваций и роста в сфере EdTech / Эквио. 2025. 6 апреля. URL: https://e-queo.com/blog/expertnie-stati/istoriya-kompanii-ekvio-11-let-innovaczij-i-rosta-v-sfere-edtech/ (дата обращения: 27.03.2026).

3. Калиничева Е. Поднять паруса: защита контента онлайн-курсов от пиратства // Вестник лицензионного рынка. 2024. 19 июня. URL: https://licensingrussia.ru/article/13586-podniat-parusa-zashchita-kontenta-onlain-kursov-ot-piratstva/ (дата обращения: 27.03.2026).

4. Figma for Education // Figma. 2026. URL: https://www.figma.com/education/ (дата обращения: 27.03.2026).

Информация об авторе: *Буртасов Данила Андреевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(37)

ВАРВАРИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ПО ДАННЫМ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

Даниил Сергеевич Вдовин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

VdovinDaniil14@yandex.ru

Аннотация. По сведениям, сообщаемым в «Римской истории» Аммиана Марцеллина, рассматривается процесс варваризации римской императорской армии. Особое внимание уделяется проникновению варварской элиты в высшие военные и гражданские должности. Делается вывод о значимой роли варваризации в римской императорской армии.

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, «Римская история», варваризация, римская императорская армия

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой «Всеобщая история и обществознание» ПГУ С. В. Белоусова.

Римская армия как социальный и политический институт римского общества – не статичное явление, а динамично развивающейся субъект общества. За период Римской государственности, он подвергся преобразованиям и модернизации.

Ретроспективный взгляд на развитие армии необходим. Чтобы понять «варваризацию» как процесс, необходимо разграничить римскую армию периода ранней республики и поздней империи, так как из-за социально-экономических и политических процессов это два совершенно разных института. Римская армия периода ранней республики нужно рассматривать через призму идей полиса и связанного с ним гражданства. В период республики армия не являлась профессиональной. Это произойдет ну рубеже II–I вв. до н.э. с реформой Гая Мария. Сам термин «легион» в ранний период римской республики означал ополчение, которое формировалось из граждан и не являлось регулярной армией. Гражданин Рима – тот, чьи родители родились в Риме. Он владеет землей, с которой имеет доход на приобретение необходимого обмундирования. Ввиду этого среднестатистический легионер – гражданин, т.е. римлянин. Позже те, кто не являлся гражданином служили в вспомогательных частях.

В период поздней империи армия меняется, само государство стало «античной сверхдержавой», с огромными территориальными границами, которые необходимо защищать. С этой точки зрения предыдущая концепция армии уже не могла удовлетворять потребности государства. Необходимо было ее преобразовывать. Ввиду огромной протяженности границ требовалась большая численность солдат. Старая система набора не могла удовлетворять эту потребность. Усугубилась ситуация и кризисом III в. [1, с. 67]. В этот период римская империя претерпевала гражданские войны, нашествия варваров, наступления персов на Востоке, чуму 257 г. сильно истощили вооруженные силы [1, с. 154]. В связи с этим старые механизмы пополнения не работали: военная служба становилась более опасной, а условия менее выгодными. Перед государством стояла задача: восполнить потери в армии. Одним из способов решения было привлечение варваров на военную службу по договорам. Но такие соглашения могли быть заключены только после успешных войн с соседями. Варварские контингенты были включены в римские войска Постумом, Аврелианом и Пробом [1, с. 155]. Ещё один метод привлечения варваров заключался в их расселении на опустошённых или заброшенных римских землях. В таких случаях варваров насильно переселяли в империю, где они занимались земледелием и поставляли свою молодёжь в римскую армию. Это происходило при Клавдии II, Аврелиане и Пробе [1, с. 155]. Таким образом, можно выделить значение термина «варваризация» для римской армии – практика привлечения на военную службу варваров, а также активное включение на службу населения романизированных территорий. Необходимо упомянуть и о федератах, которые находились в симбиотических отношениях с Римской империей. Со стороны государства им предоставлялось право проживания на римских пограничных территориях с гарантией со стороны варваров защиты границ, то есть выполнение пограничной службы.

Проследить процесс варваризации армии можно по данным, записанным Аммианом Марцеллином. Особое внимание необходимо уделить упоминаниям варварских племен, а также на указание имен неримского происхождения и занимаемых этими личностями должностей. В «Римской истории» Аммина Марцеллина присутствуют частые упоминания варварских этносов.

Из данных приведенных Аммианом Марцелином в Римской истории можно сделать следующий вывод: одну из главных ролей в варваризации римской армии играли народы, проживавшие в непосредственной близости с Римскими границами по Рейну – прежде всего франки и аламанны. Рейнско-дунайский лимес был зоной наиболее активных контактов, которые в большинстве случаев имели характер военных столкновений. Варвары-германцы, жившие вдоль Рейна, имели самые тесные связи с Галлией и Римской империей в целом. Именно поэтому можно сказать, что Рейн был «каналом

варваризации» Рима, который стал особо заметен в кризис III в. [2, с. 48]. Наряду с другими варварами огромную роль занимали сарматы, находившиеся в тесных связях с Римом на дунайской границе. О глубокой интеграции сарматов в военную систему поздней империи свидетельствует тот факт, что на протяжении III–V вв. их крупные отряды служили в римской армии, также базируясь в провинциях, удалённых от Дуная. Существуют данные, свидетельствующие о том, что отряд сарматов численностью 5,5 тыс. всадников в конце II в. был направлен императором Марком Аврелием в Британию, и сарматские части базировались здесь вплоть до середины V в., охраняя римские владения от вторжений скоттов и пиктов. Не менее активной была роль сарматских наёмников в Галлии, где они также выполняли пограничные функции [2, с. 48–49].

В произведении Аммиана Марцеллина наиболее часто упоминаются варвары в XXIV и XXXI книгах. Содержание XXIV книги посвящено персидской экспедиции Юлиана Отступника 363 г.

В книге XXXI описывается нашествие готов на Римскую империю и битва при Адрианополе, состоявшаяся в 378 г. Эти события стали переломным моментом в истории государства, завершившись полным разгромом римских войск и гибелью императора Валента.

Проанализировав этот аспект, можно прийти к следующему выводу. Тенденция к увеличению варваров в Римской армии наблюдалась в моменты наиболее значимых военных событий, где требовалось увеличить вооруженные силы или мобилизировать все возможные людские ресурсы для обороны (персидский поход и нашествие готов). То есть в те промежутки времени, когда военная система Рима не могла справиться собственными силами и требовались ресурсы из вне. Ими становились отряды варваров, этнически разбавлявших Римскую императорскую армию. Существовало несколько причин варваризации: внутренние и внешние. Если говорить о внутренних, то это кризис внутри Рима, который на время был купирован реформами Диоклетиана и Константина. Но к середине IV в. он стал сильнее прослеживаться: спад хозяйственной активности, натурализация хозяйства, депопуляция, сокращение доходов казны [2, с. 50]. Эти факторы делали невозможным эффективное военное строительство, комплектование армии за счет внутренних ресурсов. Решением этой проблемы стало привлечение варваров. Аммиан Марцеллин о принятии на римскую службу сарматов при императоре Констанции II «Побуждало его к тому корыстолюбие, которое раздувала шайка льстецов, усиленно напевавших ему в уши, что он, успокоив внешнее волнение и водворив повсюду мир, приобретет много людей, готовых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов, провинциальное же население охотно будет откупаться от личной службы деньгами.»(Амм. Марц. Книга XIX. 11. 7) В период правления Валента произошла схожая ситуация, император согласился принять готов, так как «он может получить непобедимое войско, соединив свои и чужие силы, и государственная казна получит огромные доходы из военной подати, которая из года в год платилась провинциями» (Амм. Марц. Книга XXXI. 4. 4). Таким образом, можно говорить о том, что принятие варваров на службу могло укрепить армию боеспособными отрядами, улучшить финансовую ситуацию.

Внешними причинами активной интеграции варваров в армию можно назвать увеличение давления на границы империи, так Марк Аврелий был вынужден пойти на уступки варварам, тогда в II в. они были включены в вооруженный состав [2, с. 52]. Эта тенденция усиливается в период III–IV вв., в этот промежуток времени происходило Великое переселение народов, что усиливало натиск варваров на границе, возможность решения этой проблемы отсутствовала. В таких условиях Римские императоры

были вынуждены использовать варварские отряды для охраны границ (федераты). Также варвары стали инструментом политической борьбы.

Если говорить о «варваризации» как явлении, то необходимо отметить, что она охватывала не только «низы» римского общества, но и затрагивала «верхушку государственной власти». Одной из уступок римских императоров было назначение варварской знати на высокие государственные или военные должности. В связи с этим стоит обратить внимание на упоминание Аммианом Марцеллином варваров, занимавших высокое положение. Данные приведены в табл. 1.

Таблица 1

Варвары, занимавшие высокие посты в военной или гражданской организации Римской империи[1]

Имя	Этническая принадлежность	Занимаемая должность
Агилон	аламанн	трибун царской конюшни, трибун скутариев, магистр пехоты; по приказу Юлиана руководил осадой Аквилеи во время войны между Юлианом и Констанцием (361 г.)
Вадомарий	аламанн	дукс Финикии; командовал римскими войсками в подавлении мятежа Прокопия (365–366 гг.); вместе с комитом Траяном командовал римским войском во время персидской кампании 371 г.
Гариобавд	аламанн	вакантный трибун; по поручению Юлиана под видом посла собирал информацию о планах аламаннов при дворе аламаннского царя Гортария
Маларих	франк	трибун гентилов
Маллобавд	франк	трибун арматур, комит доместиков; по поручению Констанция II допрашивал Галла перед вынесением смертного приговора; был одним из командующих римской армией во время войны с лентиензами в Реции (378 г.)

Используя приведенные данные, можно сделать вывод, что в современную Аммину Марцеллину эпоху варваризация глубоко проникла в римское общество. Варварская элита последовательно занимала сначала военные должности, а затем проникала в политическую сферу, тем самым сформировав отдельную группу. Прослеживалась тенденция замещения римских кадров варварскими: «тайный приказ ко всем их командирам, – все были римляне, что в наше время случается редко» (Амм. Марц. Книга XXXI.16.8). Это показывает, что тенденция замещения офицерских постов германцами, которая началась при Константине, продолжилась и при Констанции, о чем сообщает Аммиан Марцеллин [3, с. 587]. Таким образом, варваризация – быстрый и динамичный процесс, который сменил «романизацию», неизбежно интегрировав варварскую элиту во все сферы общества, став кратковременным решением трудностей, но заметно пошатнувший внутреннюю стабильность и идеологическую направленность армии, что создало предпосылки для падения Римской империи в 476 г.

[1]Дмитриев В. А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н.э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Научные ведомости БелГУ. Сер. : История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). Вып. 18. С. 44–55 ; Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. М. : АСТ : Ладомир, 2005. 631 с.

Список литературы

1. Банников А. В. Эволюция римской военной системы I–II вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2013. 256 с.
2. Дмитриев В. А. К вопросу о варваризации римской армии в IV в. н.э. (по данным Аммиана Марцеллина) // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102), вып. 18. С. 44–55.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. М. : АСТ : Ладомир, 2005. 631 с.

Информация об авторе: *Вдовин Даниил Сергеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Александр Сергеевич Водопьянов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vodopanov749@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются ключевые особенности процесса ресоциализации в отношении несовершеннолетних осужденных лиц. На основе изученной научной литературы, официальной статистики дается характеристика проведения постпенитенциарных мероприятий в Пензенской области и делается вывод о степени эффективности деятельности по возвращении индивида в привычный для большинства членов нашего общества социум.
Ключевые слова: ресоциализация, несовершеннолетние осужденные, индивид, социум, правонарушение, Пензенская область, ЦВСНП, подросток
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством ассистента кафедры «История Отечества, государства и права» ПГУ М. В. Желтухиной.

В Российской Федерации суды ежегодно выносят около 10–11 тысяч приговоров в отношении несовершеннолетних лиц, две тысячи из которых получают реальные сроки и отправляются в места лишения свободы. Более полутора тысяч не достигших совершеннолетия в момент вынесения приговора уже имеют за плечами судимость [1]. Ввиду этого, важным направлением политики государства в условиях современной России является осуществление воспитательных, психологических и иных мероприятий по ресоциализации несовершеннолетних осужденных, поскольку показатели привлечённых к ответственности из года в год являются весьма неутешительными, что как раз-таки в совокупности указывает на актуальность исследования данной темы в нынешнее время в контексте выявления особенностей постпенитенциарных процессов.

В первую очередь в рамках исследования необходимо дать определение термина «Ресоциализация», выявить ключевые особенности, отмеченные различными исследователями.

Так, например, О. В. Стрилец в своей научной статье «Ресоциализация осужденных в России: современный взгляд…» отмечает, что термин «ресоциализация» берёт своё начало в 1973 г., после выхода работы американских психологов Д. Б. Кеннеди

и А. Кербера, которые одними из первых сформулировали концепцию ресоциализации. Сущность данного термина они трактовали, как процесс повторного возвращения индивида в социальную среду в виду несовершенства социализации [2, с. 135].

Однако, данное определение не является исчерпывающим. По мнению Л. А. Исаевой, «ресоциализация» – это совокупность средств нравственного, психологического, духовного, правового, организационного, воспитательного характера, воздействующих на осужденных с целью изменения их нравственной направленности и недопущения отрицательных последствий лишения свободы, закрепления результатов исправления, вовлечения лиц, отбывающих наказание, в позитивные социальные связи и содействия им после освобождения [3, с. 145].

С точки зрения Н. Ф. Яковлевой, В. А. Карапчук, Н. М. Харламовой в современной России ресоциализацию несовершеннолетних осужденных можно трактовать как, «процесс обогащения и коррекции их социального опыта, основанный на взаимовлиянии социального опыта, установок, восприятия и связей, вследствие которых индивид вступает в отношения». Важно заметить, что сам процесс ресоциализации будет наиболее эффективным, что до нас хотят донести авторы, именно в единстве всех перечисленных компонентов [4, с. 71–72].

Нельзя не согласиться с данными исследователями, поскольку, действительно, ресоциализация – это совокупность средств, методов, посредством которых достигается перевоспитание индивидов, а также процесс возвращения человека в привычный для большинства людей социум, путём применения различных мер воздействия на осуждённого, что нацелено на предотвращение возможных негативных действий с его стороны в будущем. При этом важной целью, по мнению Л. А. Исаевой, является выработка у осужденных убеждений о том, что им необходимо беспрекословно соблюдать законодательство, не допускать вновь совершения противоправных действий [3, с. 147]. Также необходимо учитывать, что ресоциализация, поскольку она имеет весьма специфические особенности, методы, средства и мероприятия, является отнюдь не быстрым процессом, ввиду чего, необходимо определенное время, чтобы вернуть человека в стабильное состояние. Также на эффективность исследуемого процесса будет влиять конкретная «программа» и её реализация уполномоченными органами.

Возвращение несовершеннолетних осужденных в привычный для большинства членов общества социум является важной составляющей частью социальной политики нашего государства. В Пензенской области по данным постановления Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пензенской области от 19 февраля 2025 г. № 1 на начало 2025 г. на учете в УИК по Пензенской области состояло 37 несовершеннолетних, что вызывает крайнюю обеспокоенность, поскольку в 2023 г. их количество составляло 12 человек, а в 2022 г. – 21 [5]. Необходимо заметить, что количество несовершеннолетних за прошлые годы заметно выросло в городе Пенза (Октябрьский и Железнодорожный районы), а также в Спасском районе, Земетчинском районе, г. Кузнецке, Городищенском районе и в г. Заречный. С другой стороны, можно отметить Иссинский, Никольский, Тамалинский, Неверкинский, Камешкирский, Вадинский, Лопатинский и Малосердобинский районы, где несовершеннолетние осужденные на учёте не состояли. Согласно данным статистики среди лиц, не достигших 18 лет, преобладают преступления, совершённые по ст. 158 УК РФ (кражи, тайное хищение чужого имущества), а также грабежи, угоны, нанесение тяжких телесных повреждений, мошенничество, хранение и сбыт наркотических средств. Общее количество преступлений, совершённых несовершеннолетними, в Пензенской области увеличилось по итогам 2024 г. на 42,3 %. Однако, в 2025, согласно данным пресс-

службы судебной системы Пензенской области, к уголовной ответственности привлекли намного меньше подростков. Число поступивших уголовных дел в отношении несовершеннолетних составило 98, а признали виновными в разного рода преступлениях 65 человек, что на 25,3 % меньше, чем в 2024 г. [6]. То есть здесь можно увидеть более положительную тенденцию изменений состояния данной проблемы, хотя количество совершаемых преступлений всё равно указывает на необходимость более эффективного проведения в регионе постпенитенциарных мероприятий.

Основными субъектами в Пензенской области, которые осуществляют ресоциализирующие меры в отношении несовершеннолетних осужденным, являются:

1. Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Пензенской области;

2. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Основными направлениями деятельности ЦВСНП в Пензенской области являются: круглосуточный приём и временное содержание несовершеннолетних с целью уберечь их от совершения правонарушений в будущем, а также осуществление всесторонней работы с ними, где представлены следующие меры:

1. Первичное психодиагностическое обследование и создание специалистами плана работы с несовершеннолетним. Результаты, касающиеся поведения вносятся в личное дело подростка и направляются в дальнейшие места работы с ним;

2. Проведение коррекционной работы и тренингов, направленных на осознание детьми норм поведения и формирование морально-нравственных ценностей;

3. Воспитательные беседы с педагогами и психологами школ, для того чтобы всесторонне изучить личность подростка и сформировать пути его перевоспитания. Также с целью духовного и нравственного воспитания с подростками проводятся встречи с представителями Пензенской Епархии, в ходе которых несовершеннолетним осужденным рассказывают о значении совершаемых ими поступков, наставляют проводить время в учреждении с пользой и сделать верные выводы [7; 8].

Действительно, вышеперечисленные меры являются важными составляющими процесса всестороннего перевоспитания несовершеннолетних, поскольку они нацелены на многогранное выявление особенностей каждого осужденного и недопущение совершения им противоправных действий в будущем, что в скором времени должно положительно повлиять на состояние исследуемой проблемы и возможно снизить показатели прошлых лет.

Важной мерой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в Пензенской области является проведение учебно-воспитательной, образовательной деятельности с несовершеннолетними. К примеру:

1. Для содержащихся в ЦВСНП в Пензе организован образовательный процесс: уроки проводятся пять раз в неделю по предметам школьной программы (русский язык, литература, история, обществознание, биология, география, химия, математика, физика);

2. По окончании срока содержания для предоставления по месту учебы, подросткам выдается справка об успеваемости за период содержания в ЦВСНП;

3. Подросткам предоставляется возможность в летнее время ухаживать за плодово-ягодными деревьями и кустарниками, работать в теплице, в зимнее – помогать в уборке территории. Также здесь организуются уроки по физическому воспитанию [7].

Осуществление данных мероприятий будет способствовать всестороннему развитию несовершеннолетних осужденных лиц, поскольку они, находясь в постпенитенциарном учреждении, смогут осваивать соответствующую их возрасту образовательную

программу, посещать организованные для них факультативы. Наличие возможности заботиться о растениях даст им представление о некоторых особенностях выращивания тех или иных культур, а сам процесс нахождения в это время на свежем воздухе будет благотворно влиять на их самочувствие.

Важные задачи в осуществлении ресоциализации несовершеннолетних в Пензенской Области выполняют Комиссии по делам несовершеннолетних в Пензенской области. Деятельность комиссий направлена на реализацию следующих ключевых задач:

1. Предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и действий несовершеннолетних против общества, выявление и устранение причин совершения противоправных действий;

2. Обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

3. Социально-педагогическая и психологическая реабилитации несовершеннолетних, находящихся в трудном положении;

4. Выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и других противозаконных действий.

Для реализации поставленных задач компетентными органами проводятся специальные мероприятия, направленные на всесторонний учёт особенностей ресоциализирующихся в Пензенской области [5]. Психологами для осужденных подростков проводятся групповые коррекционные занятия-программы: «Профилактика рецидива преступлений несовершеннолетних осужденных», «Ценность семьи как общности родных и близких людей, в которой осуществляется взаимопомощь и взаимоподдержка», «Коррекция криминально значимых свойств личности», «Профилактика повторных преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в УИИ».

Несмотря на реализацию большого спектра мероприятий в данном направлении, по данным на 2024 г. в Пензенской области, в частности в Железнодорожном районе, было зарегистрировано 3 повторных преступления, совершённых несовершеннолетними осужденными, хотя годами ранее, в 2023 и 2022 г., этот показатель был – 0 и 3 соответственно. Однако, следует отметить, что в 2025 г. показатели улучшились, но при этом всё равно необходимо уделять большое внимание решению данной проблемы, так как к уголовной ответственности продолжает привлекаться значительное количество подростков.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что несмотря на реализуемые мероприятия по ресоциализации несовершеннолетних, которые охватывают всесторонний учёт особенностей подростков, количество совершаемых преступлений лицами младше 18-ти лет изменяется не в лучшую сторону или же близко к показателям прошлых лет. Такая ситуация может быть обусловлена рядом причин: начиная от нежелания самих ресоциализирующихся меняться в лучшую сторону и вставать на праведный путь и заканчивая неэффективной реализаций мероприятий постпенитенциарной направленности, проводимых компетентными органами. При этом следует учитывать, что осуществление поддержки в перевоспитании подростков является важным направлением государственной политики, которое необходимо не только грамотно реализовывать, но и постоянно совершенствовать.

Список литературы

1. Генпрокуратура: в РФ в 2025 г. подростковая преступность выросла на 10 % // ТАСС. 2026. 3 января. URL: https://tass.ru/obschestvo/26077051?ysclid=mnaffu3vs1428971830 (дата обращения: 17.02.2026).

2. Стрилец О. В. Ресоциализация осужденных в России: современный взгляд // Евразийская адвокатура. 2024. № 6 (71). С. 134–137.

3. Исаева Л. А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы // Право и практика. 2018. № 4. С. 145–149.

4. Яковлева Н. Ф., Карапчук В. А., Харламова Н. М. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных: опыт Канской воспитательной колонии / под общ. ред. Н. Ф. Яковлевой. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2014. 212 с.

5. О проводимой работе по социальному, психологическому и юридическому сопровождению несовершеннолетних и молодежи, находящихся в местах лишения свободы, а также несовершеннолетних осужденных, состоящих в УИИ, направленной на реабилитацию и ресоциализацию : постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пензенской области № 1 от 19.02.2025 // Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав Пензенской области : офиц. сайт. URL: https://kdn.pnzreg.ru/Постановление%20КДН%20и%20ЗП%20от%2019.02.2025%20№ 1.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

6. В Пензенской области 4 подростков отправили на принудительное лечение // PenzaInform.ru. 2026. 12 марта. URL: https://www.penzainform.ru/news/social/2026/03/12/v_penzenskoj_oblasti_4_podrostkov_otpravili_na_prinuditelnoe_lechenie.html?ysclid=mnaf77dbfa655726096 (дата обращения: 14.03.2026).

7. Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по Пензенской области // Управление МВД России по Пензенской области : офиц. сайт. 2026. URL: https://58.мвд.рф/umvd/структура/центры-умвд-россии-по-пензенской-области/центр-временного-содержания-для-несоверш (дата обращения: 23.02.2026).

8. Священник Виктор Сторожев посетил центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Русская Православная Церковь. Пензенская епархия : офиц. сайт. 2026. URL: https://пензенская-епархия.рф/2023/09/30/священник-виктор-сторожев-посетил-це/?ysclid=mnafhdil8z360131284 (дата обращения: 04.03.2026).

Информация об авторе: *Водопьянов Александр Сергеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 349.22

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УВАЖИТЕЛЬНОСТИ ПРИЧИН ОТСУТСТВИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКА И РАБОТОДАТЕЛЯ

Лейсан Мансуровна Галимова

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Казань, Россия

leysan.galimova.05@mail.ru

Аннотация. На основании данных ранее не опубликованных источников и материалов судебной практики проводится углубленный анализ проблемы определения уважительности причин отсутствия на рабочем месте. Особое внимание уделяется детальному рассмотрению судебной практики, касающейся вопросов уважительности прогулов. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что в реальной правоприменительной практике часто возникают ситуации, когда отсутствие сотрудника обусловлено уважительными обстоятельствами. К таким обстоятельствам относятся, в частности, болезнь, семейные обстоятельства, форс-

мажорные события и иные значимые факторы, требующие объективного рассмотрения и оценки с точки зрения трудового права.

Ключевые слова: Трудовой кодекс РФ, увольнение, прогул, трудовые отношения, работодатель, работник, уважительная причина

В условиях стремительного развития трудовых правоотношений и перманентных изменений в законодательстве, субъекты трудовых правоотношений сталкиваются с разнообразными правовыми проблемами, сопряженными с процедурой увольнения за прогул. Анализ нормативно-правовых актов и судебной практики позволяет изучить пределы правомерности рассматриваемого вида дисциплинарного взыскания и оценить юридические последствия для работодателя и работника в случае нарушения установленных правовых норм.

Одним из оснований для расторжения трудового договора по инициативе работодателя в Российской Федерации является прогул, что предусмотрено пп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации [1]. Решение суда о признании причины отсутствия уважительной должно быть объективным, мотивированным и учитывать интересы как работника, так и работодателя, чьи взгляды на уважительность причин зачастую диаметрально противоположны.

Законодательство не содержит исчерпывающего перечня уважительных причин отсутствия на рабочем месте, что приводит к возникновению проблемы субъективизма при принятии решения об увольнении работодателем, что в свою очередь приводит к разнообразию судебной практики. К примеру, работодатель не вправе уволить сотрудника за прогул, если он отсутствовал на рабочем месте по уважительной причине. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что решение работодателя о признании причины отсутствия неуважительной может быть оспорено в суде. Самыми распространенными в данном случае является отсутствия по причине болезни, данное обстоятельство легко доказывается в случае добросовестности работника – путем предоставления листков нетрудоспособности, справок, актов вызова скорой помощи. На основании рассмотренных материалов дела, истица была уволена в связи с ее отсутствием на рабочем месте 17 и 18 июня, что было обусловлено состоянием ее здоровья. Данное обстоятельство документально подтверждено медицинской справкой и предварительным уведомлением руководства. Апелляционная и кассационная инстанции, проведя тщательный анализ обстоятельств дела, пришли к выводу о незаконности увольнения, учитывая уважительный характер причины отсутствия [2].

Следует отметить, что сокрытие факта временной нетрудоспособности при увольнении и последующее предоставление больничного листа исключительно в судебном процессе не является основанием для признания увольнения незаконным. В данной ситуации суды, как правило, принимают сторону работодателя, квалифицируя действия работника как недобросовестные, даже если в день расторжения трудового договора он находился на больничном. Это подтверждается практикой, в частности, решением Второго кассационного суда общей юрисдикции. В указанном деле работник скрыл свою нетрудоспособность в период с 16 по 22 февраля, а электронный листок нетрудоспособности предоставил лишь 6 июля того же года, то есть спустя значительное время после увольнения. Суды работника в должности не восстановили [3].

В дополнение к вышеизложенному, следует отметить, что, если сотрудник стал участником дорожно-транспортного происшествия, которое требует дальнейшего медицинского вмешательства, то данное обстоятельство также может быть квалифицированно как уважительная причина отсутствия на рабочем месте. В рассматриваемом судебном деле работник был уволен по основанию, предусмотренному пп. «а» п. 6 ч. 1

ст. 81 ТК РФ, вследствие участия в ДТП, которое привело к его госпитализации в хирургическое отделение и частичной утрате памяти. Суды, признавая данное решение работодателя незаконным, акцентировали внимание на том, что работодателем не был должным образом учтен факт получения истцом травмы и последующего лечения [4].

В соответствии с действующим законодательством, в случае ареста работника в период его очередного или дополнительного отпуска, отпуск должен быть либо перенесен на иной срок, либо продлен. В рассматриваемом деле ответчик уволил истца за прогул 16 и 17 мая, не учитывая, что отпуск истца был продлен до 23 мая. Суды всех инстанций, исследовав и проанализировав предоставленные доказательства, пришли к обоснованному выводу о том, что истец не совершал прогула, поскольку во время пребывания в отпуске был задержан, и находился под арестом. О данных обстоятельствах мать истца уведомила работодателя посредством направления уведомления через мессенджер, что свидетельствует о наличии у ответчика информации, позволяющей объективно оценить правомерность продления отпуска [5].

В правоприменительной практике наблюдается дискуссионная тенденция, связанная с самовольным использованием отпуска в ситуациях, когда работодатель, обладая объективной возможностью, отказывается его предоставить. В рассмотренном деле истица обратилась к работодателю с заявлением о предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска с последующим увольнением по собственному желанию. Однако работодатель отказал в предоставлении отпуска, мотивируя это тем, что отпуск запланирован на иное время согласно утвержденном графику отпусков. Суды признали увольнение незаконным [6]. Кроме того, использование работником, подавшим заявление о предоставлении отпуска без сохранения заработной платы как инвалиду, такого отпуска, если работодателем не был оформлен данный отпуск или было отказано в его предоставлении, не может являться неуважительной причиной отсутствия работника на рабочем месте [7].

Также суд может признать факт опоздания на рейс, в связи с чем у работника отсутствовала объективная возможность быть на рабочем месте, уважительной причиной. В рассматриваемом деле истец полагал, что прогулов не совершал, а отсутствовал на рабочем месте 11 и 12 декабря в связи с опозданием на рейс с отпуска и последующим ухудшением здоровья, о чем своевременно сообщил работодателю. Об опоздании на рейс работник сообщил по телефону и.о. директора филиала, что подтверждается предоставленной перепиской, и направил письменное заявление об отпуске без сохранения заработной платы, тем самым проявив ответственность и заботу о соблюдении трудовой дисциплины. Суды всех инстанций встали на сторону работника и восстановили его в должности [8].

Важно отметить, что отсутствие работника на рабочем месте, обусловленное непредоставлением работодателем условий труда, соответствующих установленным требованиям безопасности, может быть квалифицировано судом как уважительное. В рассмотренном деле, имевшем место 12 марта, произошло замыкание электропроводки в сторожке, а также отсутствовали необходимые запасы дров и углей. Ввиду несоответствия рабочего места сторожа требованиям охраны труда, он уведомил работодателя о невозможности выполнения своих трудовых обязанностей и причине своего простоя. Суды трех инстанций признали увольнение незаконным и восстановили работника в должности [9].

Нередко встречаются такие ситуации, когда между руководством и сотрудником возникает конфликт, и администрация стремится найти любые законные основания для расторжения трудового договора. В частности, работник был уволен за прогул, однако

он не согласился с данным основанием, поскольку его отсутствие на рабочем месте было связано с тем, что директор организации лично отстранил его от выполнения должностных обязанностей по причине личной неприязни и отказу расторгнуть трудовой договор по собственному желанию. Истцу был выдан обходной лист, в котором указана дата увольнения – 21 августа, а работодатель потребовал от работника объяснений по факту отсутствия на рабочем месте в период с 22 по 25 августа. Суд кассационной инстанции подтвердил правомерность применения норм трудового законодательства судом апелляционной инстанции, который установил, что работник был фактически отстранен от выполнения своих трудовых обязанностей руководством, что сформировало у истца убеждение о начале процедуры увольнения. Работник был убежден в этом, поскольку у него изъяли спецодежду и оборудование, а также выдали обходной лист. На основании доказательств суды признали увольнение работника незаконным [10].

Таким образом, наиболее распространенными уважительными причинами отсутствия на рабочем месте являются болезнь, семейные обстоятельства, участие в дорожно-транспортном происшествии с дальнейшим прохождением реабилитации, опоздание на рейс самолета и иные объективные причины. На мой взгляд, в целях предотвращения разночтений и спорных интерпретаций в определении тех или иных причин уважительными при увольнении, Верховному суду Российской Федерации следует инициировать регулярное издание обзоров судебной практики по делам об увольнении по причине прогула, которые будут содержать анализ наиболее релевантных прецедентов, что позволит судьям всегда иметь доступ к актуальной судебной практике. Кроме того, необходимо стимулировать взаимодействие между практикующими судьями и учеными-теоретиками в области трудового права, что позволит не только обмениваться опытом, но и способствовать формированию единообразной судебной практики по делам об увольнении за прогул.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 : [в ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=moietp0d9g37756245 (дата обращения: 19.02.2026).

2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-32704/2025 от 24.11.2025 // Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=42723127&case_uid=219c2404-2f16-473d-a3f5-65e03159a74f&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

3. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-4409/2025 от 25.02.2025 // Второй кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14158523&case_uid=d7976408-a1d0-4127-ba71-deb4ca945fd9&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

4. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-1859/2025 от 13.03.2025 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13411343&case_uid=048ed2f9-7129-470b-ace5-7eddfd6e933c&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-20222/2025 от 17.09.2025 // КонсультантПлюс. 2025. URL: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=39162932&case_uid=671389d9-a77f-4c82-9fdf-0a0eaa5dc642&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

6. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-2784/2025 от 15.08.2025 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/

modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13668402&case_uid=7aa1d7fa-d5ed-4107-8339-cca790979ba1&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

7. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-8613/2025 от 13.11.2025 // Пятый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11197533&case_uid=a299a8fc-58a7-4218-ae86-2dab8f747ce6&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

8. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-9414/2025 от 27.11.2025 // Девятый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://9kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14677141&case_uid=bfedb841-51ed-48c4-a48e-9b5eda1d5168&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-20295/2025 от 09.12.2025 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=37092988&case_uid=1e27ea46-08e6-4557-b58a-000e13790979&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

10. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 88-13666/2025 от 07.10.2025 // Седьмой кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9137907&case_uid=afda9872-0b14-40eb-bc4f-433c22e295e9&delo_id=2800001&new=2800001 (дата обращения: 09.02.2025).

Информация об авторе: *Галимова Лейсан Мансуровна*, студентка, ФГБОУ ВО «Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева» (Россия, г. Казань).

УДК 304.2

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ

Ирина Алексеевна Девяткина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

devyatkina.iryna@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается явление культурной апроприации в современном мире. Анализируются правовые механизмы защиты культурного наследия. Исследуются проявления культурной апроприации и их правовые последствия.

Ключевые слова: культурная апроприация, правовой аспект, коренные народы, законодательство, культура

Термин «культурная апроприация» появился на рубеже XX–XXI вв. Кеннет Коутс-Смит стал первым, кто описал это явление. В своих исследованиях он объединил марксистское понятие «классовое присвоение» (угнетающий класс, заимствующий и производящий «высокую культуру») и то, что он называет «культурным колониализмом» [1, с. 11].

Оксфордский словарь объясняет культурную апроприацию как присвоение, некорректное заимствование обычаев, идей, традиций и т.д. одной культурной группой у другой, при этом чаще всего имеется в виду заимствование западной культурой по отношению к незападным [2].

Кембриджский словарь определяет культурную апроприацию иным образом: заимствование или использование вещей, которые принадлежат не вашей культуре, осо-

бенно в том случае, когда вы не демонстрируете понимания или уважения к этой культуре. Первая часть этого определения говорит о сути происходящего, о механике процесса, а следующая поясняет, по какой причине «культурная апроприация» может восприниматься в негативном ключе и подвергаться критике, что особенно часто можно увидеть в последнее время [3].

Итак, культурная апроприация – это заимствование и использование одной культурой предметов иной культуры (как правило, исторически угнетенной) без демонстрации должного уважения и понимания этой культуры.

Мнения ученых относительно культурной апроприации условно делятся на позитивное, негативное и нейтральное. Авторы, рассматривающие культурное присвоение как негативное явление, говорят, что это метод угнетения маленьких культурных групп, в ходе которого случается клиширование и приписывание себе их наследия. С нейтральной позиции культурная апроприация изучается как феномен, у которого имеются свои «плюсы» и «минусы». Такое отношение зависит от цели культурного заимствования и проявления уважения к присваиваемой культуре. Положительное отношение к данному явлению выражается в том, что культурная апроприация – это та часть современного мира, без которой не было бы развития. Культурная апроприация развивает культуру, стимулирует к совершенствованию, созданию уникального.

Чтобы лучше понять явление культурной апроприации, стоит рассмотреть несколько примеров ее проявления в современном мире.

Летом 2025 г. мексиканская общественность обвинила немецкий бренд спортивной одежды в заимствовании и культурном присвоении из-за модели сандалий Chavarria Oaxaca Slip On, выпущенных в сотрудничестве с дизайнером Вилли Чаваррия. Мексиканцы говорили о том, что данный дизайн является заимствованием традиционного элемента обуви коренных народов, проживающих в Оахаке. Модель с тонкими кожаными ремнями сандалий сделана таким образом, что стала похожа на традиционную обувь мексиканцев – хуарачи. Волну недовольства вызвал тот факт, что при создании сандалий дизайнер не работал с мексиканскими мастерами, а само представление новинки прошло не на родине заимствуемого продукта, а в Пуэрто-Рико. Компания Adidas и модельер Вилли Чаваррия извинились перед жителями Мексики, а также пожелали возместить ущерб коренному населению [4].

В 2019 г. итальянский модный дом Gucci подвергся обвинениям, связанным с культурным присвоением. Дизайнерами был смоделирован и выпущен свитер с высоким воротником, в котором была оставлена прорезь для рта, напоминающая макияж в стиле «блэкфейс», который использовался американцами для унижения представителей темнокожей расы. Gucci крайне быстро принес извинения и убрал свитер из сетки продаж. Бренд высказался о том, что никоим образом не хотел никого оскорбить. Ранее модный дом уже обвинялся в культурной апроприации. Компания представила головной убор, напоминающий тюрбан, относящийся к элементам культуры сикхов [5].

Многие страны объявляют культурное наследие общественным достоянием. Так, в Российской Федерации элементы фольклора, авторы которых неизвестны, как правило, не подлежат охране авторским правом. Возникает проблемная ситуация – культуру различных народов, особенно малочисленных, следует строго защищать, но как это сделать – неизвестно.

Декларация ООН «О правах коренных народов» (2007), устанавливает, что коренные народы имеют право на сохранение, контроль, охрану и развитие своего культурного наследия, традиционных знаний и традиционных форм культурного выражения, а также проявлений их научных знаний, технологий и культуры (ст. 31). Однако,

каким образом применять данное положение, ратифицировавшие декларацию страны решают самостоятельно [6].

В отдельных ситуациях возможно применять нормы о защите географических указаний (ГУ) и наименований места происхождения товаров (НМПТ). Такие аббревиатуры обозначаются на товарах, происходящих из той или иной страны и имеющих определенные качества или характерные черты. В случае, если изготовитель прибегает к использованию элемента, который связан с конкретным народом или регионом, то это может считаться введением потребителя в заблуждение, тем более если модель производится не в этом регионе.

Также возможно привлечение к ответственности за недобросовестную конкуренцию, если использование элементов культуры наносит экономический ущерб носителям этой культуры. Например, культурная апроприация может замещать аутентичные товары и лишать общины возможностей для заработка.

В некоторых ситуациях можно применять нормы о защите товарных знаков. Так, если захотеть зарегистрировать товарный знак, который относится к традиционным ремеслам, то в таком случае возможен отказ, поскольку эмблема или название будут сходны с уже существующими традиционными элементами.

В суде споры о культурном присвоении встречаются достаточно редко. Такие конфликты регулируются посредством общественного осуждения или с помощью процесса медиации.

В законодательстве Российской Федерации понятие «культурное наследие малочисленных народов» не закреплено. Но Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» содержит права лиц, которые относятся к категории коренных малочисленных народов, на охрану и развитие своей традиционной культуры [7].

С 2022 г. действует Федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», регулирующий действия в области изучения, использования и сохранения предметов нематериального достояния этнокультур. Данный закон охрану и популяризацию культурного и лингвистического разнообразия, при этом не содержит прямых указаний к защите культурного наследия от присвоения [8].

Культурная апроприация – это многогранное явление. Для представителей различных творческих профессий этот факт может доставить огромное количество проблем. Сложности часто появляются из-за того, что отсутствуют четкие границы между апроприацией и вдохновением. Часто трудности возникают из-за отрицательного облика культурного присвоения. Нужда в заимствовании в разных проявлениях может выглядеть как колонизация традиционных элементов, что портит межкультурные отношения. Майкл Ф. Браун высказывается о том, что присутствует опасность в эксплуататорских действиях международных компаний и в похожих действиях по отношению к культуре колонизированных народов. Исходя из этого, люди творческих профессий, часто использующие элементы различных культур, оказываются в нестабильном положении. Их могут объявить культурными апроприаторами [9, с. 58].

Участники споров о положении культурного присвоения нередко прибегают к использованию таких категорий этики как терпимость и честность. Так, вопрос о границах между присвоением и обменом должен решаться как критерий этики, а не как проблема государственного масштаба. Более точно по этой проблеме высказался Ю. Хабермас. Он считает, что моральные нормы заключаются в форме коммуникативных актов. Их участники согласуют и координируют свои действия, достигнутые согласия выступают в виде подтверждения ультиматума на значимость. В этих актах

требование значимости выражается в виде рационализации, в то время как стратегические акты констатируют значимость в виде силового поддержания [10, с. 91].

В процессе культурной апроприации судебные запреты, буллинг в медиапространстве, а также любые формы социального осуждения признаются стратегией, не позволяющей усвоить ценности, которые фиксируются и принимаются всеми участниками конфликта. Нравственный дискурс рассматривает нормы, не как что-то навязываемое культурой или обществом, а как итог свободного диалога, основывающегося на критериях независимости, нейтральности и чистоты намерений. Такая ситуация определяет тот факт, что в спорах по вопросу культурной апроприации должны участвовать как угнетенные, так и доминирующие группы людей, которые будут ориентированы на то, чтобы выразить мнение и на то, чтобы прислушаться к своему оппоненту.

Культурная апроприация – это многогранное явление, сочетающее исторические, социальные и правовые аспекты. Ее корни уходят в колониальное прошлое, а современные проявления связаны с глобализацией и коммерциализацией культуры. Правовые механизмы защиты пока несовершенны: они часто защищают не саму культуру, а юридические лица, представляющие ее интересы.

Только баланс между уважением к культурному наследию и свободой творчества позволит избежать как неуважительного присвоения, так и излишнего ограничения культурного обмена.

Список литературы

1. Худоногова А. Е. Культурная апроприация в творчестве Джима Джармуша : бакалаврская работа по направлению подготовки 51.03.01 «Культурология». Красноярск, 2017. 79 с. // Архив электронных ресурсов Сибирского федерального университета. 2025. URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/34213/diplom_72.pdf?sequence=1&ysclid=moixpx5fo8377981620 (дата обращения: 12.12.2025).

2. Cultural appropriation // Oxford Reference. 2018. URL: https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803095652789 (дата обращения: 12.12.2025).

3. Кулиничева Е. А. «Культурная апроприация» как прием в современной олимпийской униформе: особенности использования и проблемы рецепции // Теория моды: одежда, тело, культура. 2020. № 55 // Новое литературное обозрение. 2025. URL: https://nlobooks.ru/article/14981/ (дата обращения: 20.03.2026).

4. Лазаренко Н. Власти Мексики обвиняют Adidas в культурной апроприации // РБК Life. 2025. 11 августа. URL: https://www.rbc.ru/life/news/6899b5799a794781ccc57544 (дата обращения: 20.03.2026).

5. Аулих С. Gucci обвинили в расизме из-за черного свитера-балаклавы // BURO. 2019. 7 февраля. URL: https://www.buro247.ru/news/style/7-feb-2019-gucci-jumper-blackface-backlash.html?ysclid=mnadea00hz294514148 (дата обращения: 20.03.2026).

6. О правах коренных народов : Декларация ООН (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 61/295 от 13.09.2007) // Гарант. 2026. URL: https://base.garant.ru/2565451/802464714d4d10a819efb803557e9689/ (дата обращения: 24.03.2026).

7. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон № 82-ФЗ от 30.04.1999 (последняя редакция) // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/?ysclid=mnadwf9taz35611522 (дата обращения: 24.03.2026).

8. О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации : федер. закон № 402-ФЗ от 20.10.2022 (последняя редакция) // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_429409/?ysclid=mnae1yn2jw967568434 (дата обращения: 24.03.2026).

9. Московчук Л. С. Культурная апроприация как этическая проблема // Наследие веков. 2022. № 1. С. 54–62.

10. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. С. В. Шачина ; под ред. Д. В. Скляднева ; послесл. Б. В. Маркова. СПб. : Наука, 2001. 380 с.

Информация об авторе: *Девяткина Ирина Алексеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93/94

СЕМЬЯ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Алина Дмитриевна Докина

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

alinadokina@gmail.com

Аннотация. Рассматривается эволюция государственной политики по защите института семьи в России на основе анализа официальных правовых документов разных эпох.

Ключевые слова: семья, традиционные ценности, семейное законодательство, Домострой, Семейный кодекс РФ

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наука, доцента кафедры «Перевод и переводоведение» ПензГТУ Т. Ю. Новинской.

Согласно Указу Президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» «крепкая семья» определяется в качестве одного из ключевых нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан и обеспечивающих преемственность поколений. Анализ эволюции семейно-брачных отношений в России позволяет утверждать, что защита института семьи всегда находилась в фокусе государственной политики и правового регулирования, претерпевая значительные изменения в зависимости от исторического контекста [1].

Историческая ретроспектива государственной политики в отношении семьи в России позволяет выделить несколько качественно различных этапов, каждый из которых характеризовался специфической идеологической парадигмой и правовым инструментарием.

В средневековый период базовые принципы семейного уклада формировались под влиянием православных традиций. Важнейшим источником, регламентировавшим семейные отношения, стал «Домострой» (середина XVI в.) – свод наставлений, подготовленный при участии протопопа Сильвестра [2]. Данный памятник закреплял строгую иерархическую модель семьи, где глава дома (муж) наделялся всей полнотой власти, а обязанности жены и детей сводились к беспрекословному послушанию и ведению хозяйства [3]. В «Домострое» содержались не только советы по быту, но и предписания о воспитании детей «в страхе Божием», включая рекомендации по применению телесных наказаний как меры воздействия («казни сына своего от юности его… если жезлом бьешь его, не умрет, но здоровее будет»), что отражало патриархальные реалии того времени [4]. Тем не менее, именно этот документ стал первым

в отечественной истории развернутым письменным сводом правил, утверждавшим семью как «малую церковь» и основу христианского общества.

Важным этапом в развитии семейного законодательства стало принятие Соборного уложения 1649 г. Этот акт юридически закрепил принцип следования жены за мужем в правовом и социальном статусе, а также установил ограничение на количество браков (не более трех), что свидетельствовало о стремлении государства к упорядочиванию семейных связей. В петровскую эпоху произошло смягчение норм о безусловном подчинении детей родительской воле при выборе супруга или супруги, а также была установлена возможность вступления в брак с лицами иных христианских конфессий, что расширило границы брачного союза.

XIX в. характеризовался дальнейшей систематизацией семейного права. Так свод законов Российской империи (1832 г.) закрепил необходимость венчания как единственной законной формы брака, установил брачный возраст (16 лет для невесты, 18 для жениха) и жестко регламентировал процедуру развода, которая была крайне затруднена и допускалась лишь в исключительных случаях. До революции 1917 г. в России действовал принцип нерасторжимости православного брака, а искусственное прерывание беременности (аборт) расценивалось как тяжкое уголовное преступление (ст. 1464 Уложения о наказаниях), приравнивавшееся к убийству.

Радикальное изменение семейных ценностей произошла после Октябрьской революции. Декреты 1917-1918 гг. (в частности, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.) [5] ввели институт гражданского брака, лишив церковный брак юридической силы, упростили процедуру развода и уравняли права супругов в имущественных отношениях. В 1920 г. РСФСР стала одной из первых стран мира, легализовавшей аборты, что противоречило традиционному для России отношению к нерожденной жизни как к высшей ценности.

Восстановление традиционных подходов в семейной политике началось в середине 1940-х гг. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. существенно ужесточил процедуру развода, установил различие между зарегистрированным и фактическим браком, а также ввел государственные награды для матерей (звание «Мать-героиня»), что символизировало возвращение к пониманию семьи как важнейшего института воспроизводства общества.

Современный этап развития семейного законодательства ознаменован принятием Семейного кодекса Российской Федерации (вступил в силу 1 марта 1996 г.). В статье 1 Кодекса закреплены основополагающие принципы: защита семьи государством, добровольность брачного союза мужчины и женщины, равенство супругов, приоритет семейного воспитания детей. Статья 12 СК РФ устанавливает: «Брак заключается при взаимном добровольном согласии мужчины и женщины» [6]. Это является основополагающим принципом для заключения брака в России. Данная норма исключает легализацию однополых союзов и соответствует традиционным ценностям, обозначенным в Указе № 809 [1]. Ценность семьи в современном мире наиболее ярко выражается на контрасте с гендерными идеологиями западных и европейских стран. С начала 2000-х гг. семья вновь становится абсолютным приоритетом государственной политики в России, выразившаяся в серии стратегических документов. Целью данной модели является не просто материальное стимулирование рождаемости, но и формирование в обществе ценностей многодетной, крепкой семьи.

Таким образом, эволюция российского семейного законодательства от «Домостроя» до современного Семейного кодекса демонстрирует преемственность в понимании семьи как высшей социальной ценности. Несмотря на исторические трансформации (от патри-

архальной модели к советскому эксперименту и возврату к традиционным основам), институт семьи неизменно остается объектом особой защиты государства и важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности и культурного суверенитета России.

Список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 : [в ред. от 04.03.2026] // Официальный сайт Президента России. 2026. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 28.03.2026).
2. Библиотека № 18. Онлайн-обзор книги «Домострой» // Саратовская централизованная библиотечная система. 2026. URL: https://sarcbs.ru/news/detailed.php?ELEMENT_ID=27636 (дата обращения: 28.03.2026).
3. Найденова Л. «Свои» и «чужие» в Домострое: внутрисемейные отношения в Москве XVI века // Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 290–331. URL: https://www.booksite.ru/ancient/reader/family_04.htm (дата обращения: 28.03.2026).
4. Домострой: нормы семейной жизни на Руси // Пушка.рф. 2026. URL: https://пушка.рф/materials/254777/domostroi-normy-semeinoi-zhizni-na-rusi (дата обращения: 28.03.2026).
5. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : [принят на сессии ВЦИК 16 сентября 1918 г.] // НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. 2026. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/kodeksy_18 (дата обращения: 28.03.2026).
6. Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995 : [в ред. от 23.03.2026] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mox88iwnhp861865201 (дата обращения: 28.03.2026).

Информация об авторе: *Докина Алина Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 341.1/8

РАЗВИТИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МОРСКИМ ПИРАТСТВОМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Михаил Евгеньевич Ермаков

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

pirat1196@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются истоки явления и эволюция подходов к определению понятия морского пиратства. Анализируются современное международное законодательство, направленное на борьбу с морским пиратством, меры противодействия указанному явлению, а также проблемы, вытекающие из несовершенства правовой базы.

Ключевые слова: морское пиратство, морское право, ООН, Резолюция 1816
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Т. В. Гавриловой.

Пиратство – это одна из древнейших проблем в истории человечества. Колыбелью его возникновения принято считать Средиземное море: именно там человек впервые смог выйти в открытое море для создания активных торгово-экономических отношений, одна-

ко учеными до сих пор ведутся споры о точной локализации этого явления. Так, по мнению некоторых ученых, родиной пиратства является Иллирия, других – Греция. Согласно же исследователю-политологу Д. Вомбевеллу, родиной пиратов является остров Крит, где уже во II тыс. до н.э. был мощный военный и торговый флот, созданный для гегемонии в Средиземном море [1, с. 257–258]. Но чем же занимались пираты? В чем состояла их жизнь?

Пират – от греч. Peiratēs, «пробовать», «испытывать» – понятие, возникшее еще в IV–III в. до н.э. Оно означало человека, промышляющего морским разбоем. В свою очередь, под морским разбоем мы понимаем незаконный захват, ограбление или потопление морских судов [2, с. 4]. В античности грань между пиратом и обычным морским торговцем была крайне условной, преступлением этот вид промысла стал считаться лишь с появлением правовых связей между государствами. Также менялись и цели пиратов: от простого грабежа и разбоя они переходили к морскому рэкету, похищениям и работорговле, а также к выполнению военных задач своего государства (к примеру, Дионисий из Фокиды, пиратствующий против персов во время Греко-персидских войн) [2, с. 244].

В средние века пиратство эволюционирует благодаря нашествию норманнов с севера. Так называемые «викинги», в поисках лучшего места для жизни взамен своей суровой родины массово ходили в набеги, промышляли речным и морским пиратством, что в конечном итоге позволяло им получать не только богатую дань, но и даже земли и титулы [3, с. 34].

Не утихало пиратство и в Средиземном море: после падения Рима контроль за регионом ослаб, что позволило во всю развернуться арабам. Так возникали пиратские «гнезда» в Тунисе, на Мальте, Сардинии, Сицилии и Корсике. Мавры и вовсе начали нападать на прибрежные города (Рим, Генуя Марсель, Ницца были разграблены, население угнано в рабство). Все это заставило Англию и Францию выплачивать Алжирским пиратам ежегодную дань за право свободного плавания в Средиземном море [4, с. 12].

Ситуация начинает меняться глобально с началом Нового времени. Появляется «законное» пиратство (корсары и каперы), а также «вольные добытчики» – флибустьеры и буканьеры. Теперь можно было получить своеобразную «лицензию» от короля и грабить корабли противника, набивая свой кошелек и помогая тем самым своей родной стране. Так, например, особую славу на этом поприще сыскал Френсис Дрейк, английский капер, который спонсировался напрямую королевой. Он не только ослабил флот Испании, но и повоевал против них, преследуя политические цели своей страны [5].

С началом новейшего времени пиратство потеряло былой размах: теперь это явление стало локальным и малочисленным, государства активно боролись с этой проблемой. Однако, использование военного флота для «пиратских» целей никуда не делось: во время ПМВ и ВМВ немцы и итальянцы активно нападают на торговые суда нейтральных стран и стран противников (к примеру, торпедирование немцами лайнера «Луизитания» – близнеца «Титаника» в 1915 г.) [6].

Эти события привели к тому, что Лига Наций начала действовать: впервые пиратство было классифицировано и получило определение, закрепленное в нормативном акте (1926 г.). Позже эти определения были расширены в Лондонском договоре 1930 г. и Нионском договоре 1937 г.: туда были добавлены военные суда и подводные лодки, однако ООН в 1956 г. оспорила это решение, заявив, что акт пиратства может быть совершен лишь с частного судна и с целью покушения на собственность [7, с. 76]. Так в 1968 г. Генеральной Ассамблеей ООН была учреждена Конференция по морско-

му праву, где, в свою очередь, была принята Конвенция об открытом море, кодифицирующая обычное морское право. Статья 15 данной Конвенции установила первые международно-подтвержденные признаки пиратства, под которыми стали понимать любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата, направленный против какого-либо судна или летательного аппарата лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства [8, ст. 15]. Конвенция по морскому праву, принятая ООН в 1982 г. закрепила эти положения, став основным международным договором, который и по сей день регулирует и кодифицирует нормы, связанные с пиратством.

Примерно с 2008 г. в мире наблюдается новый всплеск пиратства. По оценкам специалистов, пираты наносят своими действиями ущерб в размере от 13 до 16 млрд долларов в год. Помимо захватов пленных современные пираты наносят ущерб простоем судов, задержками поставок товаров, а также вредят самим судам, которым в итоге требуется дорогостоящий ремонт. Если попытаться локализовать «горячие» точки морского пиратства, то мы увидим, что это берега Малайзии, Филиппин, Южно-Китайского моря, Гвинеи, западного берега Африки, Бразилии и т.д. Все эти регионы отличаются большим количеством населения и низким уровнем жизни, что является благоприятным фактором для роста преступности и пиратства в регионах. По данным Международного центра по борьбе с пиратством, на сегодняшний день в этом задействованы около двухсот крупных группировок, стараниями которых нападению подверглись более 62 стран в 56 прибрежных морях по всему миру [9, с. 141]. В результате обострения ситуации в Сомали, Советом Безопасности ООН была принята Резолюция 1816, которая разрешала законно использовать военные суда государств для охраны своих плавательных средств при прохождении вышеупомянутых точек пиратской активности. Также, заинтересованные страны призывались для пресечения актов пиратства, путем развертывания своих воинских частей в этих зонах [10].

В наши дни практикуются разнообразные варианты охраны судов: в том числе создаются «коридоры безопасности» (тактические группы во главе с США, которые патрулируют, устраивают досмотры кораблей, а также конфискуют незаконные товары и оружие), организуются военные конвои сопровождения, а также существует группа быстрого реагирования, на случай захвата пиратами заложников (операция «Атланта», 9 боевых европейских кораблей). Также широкое распространение приобрела идея создания вооруженных команд на коммерческих судах, которые сумели бы дать отпор пиратам, однако, из-за высокой стоимости подобного мероприятия, данная мера осталась единичной [11, с. 500]. Помимо этого, государства могут оказывать свою помощь в противодействии мировому пиратству: для этого необходимо обратиться в соответствующий орган государственной власти страны, в акватории которой будет проходить предполагаемое судно под флагом заявленной стороны, одновременно сделав запрос Генеральному Секретарю ООН. После одобрения заявок, государство сможет ввести свои военные силы на эту территорию, так как будет иметь статус «сотрудничающего государства» [12, с. 221]. Однако, существует проблема несовершенства международного законодательства. Страны, захватившие пиратов, не могут их осудить, поскольку законы их стран могут не иметь действующих норм, устанавливающих наказание за пиратство, поэтому преступники часто оказываются на свободе. Данная проблема требует создания единого нормативного акта по осуществлению суда над пиратами, что в конечном итоге стало бы важным фактором противодействия морскому пиратству.

Список литературы

1. Мазуренко М. Н. Историко-правовой анализ возникновения морского пиратства // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 257–261.
2. Благовещенский Г. Всемирная история пиратства. М. : ЛитРес, 2010. 303 с.
3. Стриннгольм А. М. Походы викингов / пер. с нем. А. Шемякина. М. : АСТ : Хранитель, 2007. 398 с.
4. Максаковский В. П. Современное морское пиратство // География. 2010. № 15. С. 12–15.
5. Князев С. «Пират на службе британской короны»: как Фрэнсис Дрейк совершил кругосветку с сокровищами на борту // RT на русском. 2025. 26 сентября. URL: https://russian.rt.com/science/article/1537970-frensis-dreik-puteshestvie (дата обращения: 25.03.2026).
6. Последнее плавание «Лузитании»: история загадочной морской трагедии // Вокруг света. 2022. URL: https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1211/ (дата обращения: 25.03.2026).
7. Ван З., Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Пиратство – вызовы современности // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 75–82.
8. Конвенция об открытом море (Женева, 29 апреля 1958 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 2026. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901493 (дата обращения: 25.03.2026).
9. Борода К. А. Морское пиратство в наши дни: правовые проблемы борьбы // Теория и практика современной науки. 2016. № 4 (10). С. 140–142.
10. Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1816 : [принята Советом Безопасности на его 5902-м заседании 2 июня 2008 г.] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/902131701 (дата обращения: 25.03.2026).
11. Мозговой М. М. Международно-правовые аспекты борьбы с морским пиратством в современных реалиях // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 497–503.
12. Бреев А. В. Проблемы правовой регламентации морского терроризма в России // Молодой ученый. 2012. № 10 (45). С. 211–213.

Информация об авторе: *Ермаков Михаил Евгеньевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 342.4

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ 1917 г.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Екатерина Александровна Зацепина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

zhilkiolgana.989@mail.ru

Аннотация. Проводится историко-правовой анализ проекта Конституции Российской Демократической Федеративной Республики, разработанного Временным правительством в 1917 г. Рассматриваются ключевые положения конституционного проекта – форма правления, государственное устройство, система органов власти и правовой статус личности. Особое внимание уделяется проектным принципам федеративного устройства России.

Ключевые слова: конституционный проект, Временное правительство, Российская Демократическая Федеративная Республика, Учредительное собрание, межреволюционный период

В истории отечественного конституционализма после Февральской революции 1917 г. открылся новый этап, когда с падением самодержавной монархии встал вопрос о переустройстве правовых и практических основ государственной структуры управления. В промежутке между Февральской и Октябрьской революцией 1917 г. Временное правительство развернуло активную деятельность по разработке конституционного проекта, призванного закрепить новое государственное устройство России.

На протяжении продолжительного периода времени в советской историографии вопросы конституционных проектов Временного правительства оставались незаметными для исследователей. Как отмечает С. В. Левчук, «единственная и первая статья о конституционных проектах и политическом переустройстве Временного правительства была опубликована в 1947 г. профессором С. Л. Рониным» [1, с. 47]. Значительный вклад позже в постсоветский период в изучение конституционной деятельности временного правительства внес сам С. В. Левчук, в 1998 г. защитив диссертацию на тему «Становление демократической государственности и конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года».

Особую значимость имеют также работы А. С. Смыкалина, который провел сравнительный анализ проекта Конституции Временного правительства 1917 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г. Он подчеркивает преемственность этих положений и отмечает, что конституционные проекты Временного правительства – это направление правосоциалистического конституционализма и альтернативный путь развития России [2, с. 101]. При этом дальнейшего рассмотрения требуют вопросы, посвященные соотношению ветвей власти в проекте Конституции 1917 г., принципы федеративного устройства и соотношение данного проекта с предшествующими конституционными идеями.

Основное внимание в конституционном проекте Временного правительства в межреволюционный период уделялось исполнительной власти. В соответствии с Проектом закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном Собрании от 1917 г., реализация исполнительной власти является прерогативой временного президента Российской республики до момента издания Учредительным Собранием постановления о его переизбрании, но не более 1 года. Конституционный проект Временного правительства был ориентирован на создание президентской республики с сильным аппаратом исполнительной власти [3].

В полномочия временного президента, согласно рассматриваемому проекту, вверялись такие права, как законодательная инициатива, контроль за процессом исполнения законов, издание указов о структуре и устройстве правительственных учреждений, занятие поста верховного главнокомандующего и руководство внешней политикой. Как отмечает М. Ю. Шарапов, проект Конституции Временного правительства представляет собой «модель унитарной президентской республики с двухпалатным парламентом» [4, с. 83].

Специфичным также в рассматриваемом конституционном проекте был и механизм избрания и ответственности президента. Президент избирался Учредительным Собраниям, а в перспективе двухпалатным парламентом сроком на 1 год. При этом проект не содержал четких инструкций к несению президентом ответственности. Было лишь закреплено положение о том, что «президент мог предоставлять устные и письменные объяснения Собранию», в результате чего механизм подотчетности президента сводился с подчинению его Учредительному Собранию. А. С. Смыкалин при анализе

рассматриваемого проекта отмечал, что «пост президента предполагал собой выборную парламентом замену императора-самодержца».

Как уже было отмечено выше, законодательная власть, согласно проекту Конституции Временного правительства от 1917 г., осуществлялась двухпалатным парламентом, где Верхней палатой выступал Государственный Совет, а Нижней – Государственная Дума. По рассматриваемому конституционному проекту Верхняя палата парламента избиралась областными парламентами, а Нижняя – на основе всеобщего избирательного права.

Наиболее дискуссионным и проблемным в проекте Конституции Временного правительства стал вопрос о форме территориального устройства новой России. Проект «Основных законов об автономии» 1917 г. был разработан Н. Н. Лазаревским в рамках Особой комиссии при Юридическом совещании Временного правительства. Ведущим принципом данного проекта была кадетско-монархическая идея «единой и неделимой России». То есть формально Россия провозглашалась федеративной республикой. При этом проект Конституции не учитывал реальных деструктивных процессов национальных окраин.

Раздел о правах и обязанностях граждан в конституционном проекте Временного правительства от 1917 г. стал наиболее противоречивым. С одной стороны, в нем была отражена Декларация прав народов России, где содержались основные гражданские права – равенство и суверенность, право на свободное самоопределение, отмена национальных привилегий и ограничений и прочие [5]. При этом, с другой стороны, как отмечает М. Ю. Шарапов, механизмов практической реализации позитивные права, перечисленные в данной Декларации, не имели [4, с. 85].

Стоит также отметить, что проект Конституции Российской Демократической Федеративной Республики Временного правительства от 1917 г. отражает преемственность по отношению к Основным государственным законам Российской империи от 23 апреля 1906 г. Это проявляется в сохранении двухпалатного парламента, определении механизмов ответственности правителя и институциональной структуре государственных органов управления.

Рассматриваемый конституционный проект Временного правительства также схож с Конституционными Законами Франции от 1875 г. Аналогичные положения содержатся в разделах о полномочиях президента, в порядке формирования правительства и особенностях соотношения исполнительной и законодательной ветвей власти.

Работа над проектом новой Конституции, начатая Временным правительством 11 октября 1917 г., была прервана Октябрьской революцией. Учредительное Собрание, также прервавшее свою работу, не закончило проект Конституции, начатый Временным правительством. При этом частично идеи. Отраженные в данном проекте, получили свое развитие в дальнейшем, преимущественно в деятельности антибольшевистских правительств. Так, например, Комитет членов Учредительного Собрания на практике пытался воплотить идеи демократической, социалистической революционной народной версии республики на практике [6, с. 18].

Несмотря на практическую нереализованность и незавершённость конституционного проекта Временного правительства от 1917 г., он оказал значительное влияние на дальнейшей развитие конституционализма в советской России. Как отмечает М. Ю. Шарапов, конституционный проект Временного правительства представляет собой альтернативный путь развития России и выступает важным элементом в правопреемстве дальнейшего конституционного развития [4, с. 87].

Таким образом, конституционный проект Временного правительства 1917 г. включал в себя модель государственного устройства, которая опиралась на принципы

федерализма. Он был ориентирован на создание государственной структуры во главе с президентом, подчиняющимся Учредительному Собранию, двухпалатным парламентом и федеративным государственным устройством.

Проект Конституции Временного правительства не был реализован вследствие начавшейся Октябрьской революции 1917 г. и роспуска Учредительного собрания в 1918 г. При этом он представляет собой альтернативный путь развития России и позволяет оценивать историческую специфику особенностей государственного строительства России в межреволюционный период.

Список литературы

1. Левчук С. В. Конституционные проекты временного правительства России в 1917 г. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2008. № 3. С. 45–56.

2. Смыкалин А. С. Историко-сравнительный анализ проекта Конституции Демократической Федеративной Республики 1917 г. и ныне действующей Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2014. № 1. С. 100–114.

3. Проект закона об организации временной исполнительной власти при Учредительном Собрании, а также проект формы издания законов при Учредительном Собрании 1917 г. // Викитека. 2026. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Проект_закона_об_организации_временной_исполнительной_власти_при_Учредительном_Собрании?ysclid=mn1t1nip39597090228 (дата обращения: 20.03.2026).

4. Шарапов М. Ю. Об исторической альтернативе развития государства российского после февральской революции 1917 года // Эпоха науки. 2018. № 16. С. 82–87.

5. Декларация прав народов России : [принята СНК РСФСР 2 (15) ноября 1917 года] // Конституция РФ. 2026. URL: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/?ysclid=mooq3enyli335707512 (дата обращения: 22.03.2026).

6. Гордеев А. Г. Демократическая альтернатива: государственно-правовая политика Комитета членов Учредительного собрания // История государства и права. 2024. № 11. С. 15–19.

Информация об авторе: *Зацепина Екатерина Александровна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 347.63

ПРОБЕЛЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ УЧЕТА ДЕТСКОГО МНЕНИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Юлия Владимировна Зверева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

juziliva@gmail.ru

Аннотация. Осуществляется анализ правового регулирования и практических проблем учета мнения несовершеннолетнего в судебном процессе. Рассматриваются противоречия между международными стандартами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка, и российским процессуальным законодательством. Анализируются дискуссионные вопросы возраста, с которого учет мнения становится обязательным, проблемы выявления подлинной воли ребенка при воздействии на него заинтересованных лиц, а также несовершенство процедуры опроса

несовершеннолетних в суде. Особое внимание уделяется недавним законодательным инициативам об исключении обязательности учета мнения десятилетних детей и их оценке с позиции защиты интересов ребенка.
Ключевые слова: учет мнения ребенка, интересы ребенка, судебный процесс, опрос несовершеннолетних, семейные споры, Семейный кодекс РФ
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата юридических наук, доцента кафедры «Правоохранительная деятельность» ПГУ К. Г. Гаврилова.

Право ребёнка выражать своё мнение при решении любого вопроса, затрагивающего его интересы, является одним из фундаментальных принципов как международного, так и российского семейного права. Статья 12 Конвенции ООН о правах ребёнка провозглашает, что взглядам ребёнка уделяется должное внимание в соответствии с его возрастом и зрелостью [1]. В российском правопорядке это положение реализовано в статье 57 Семейного кодекса РФ, которая закрепляет право ребёнка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства [2].

Однако, несмотря на кажущуюся ясность нормативного регулирования, правоприменительная практика сталкивается с целым комплексом проблем, которые ставят под сомнение эффективность реализации этого права. Дискуссия об оптимальных пределах учёта детского мнения, о возрасте, с которого оно становится юридически значимым, и о процедурах его выявления не утихает как в научном сообществе, так и среди законодателей. Особую остроту этой дискуссии придают недавние законодательные инициативы, предлагающие кардинально пересмотреть сложившийся подход.

Центральным вопросом дискуссии остаётся установленный статьей 57 СК РФ возраст, с которого учёт мнения ребёнка становится обязательным, – 10 лет. Законодатель исходит из презумпции, что именно с этого возраста ребёнок достигает достаточной степени зрелости для формулирования собственных взглядов. Однако психологические исследования ставят под сомнение обоснованность такого формального подхода.

Как показывают исследования, десятилетний возраст относится к младшему школьному либо пограничному между младшим и средним школьным возрастом периоду и не предполагает завершения какого-либо критического этапа развития. Это лишь условная граница, после которой начинают формироваться способность к рефлексии, внутренняя позиция и «чувство взрослости». Более того, десятилетний возраст попадает в интервал 9–12 лет, когда типичной реакцией ребёнка на высококонфликтный развод родителей является формирование альянса с одним родителем и негативного, отвергающего отношения к другому. Использование законодателем понятия «учёт мнения» лишает правовые последствия какого-либо признака формализма, что в равной степени относится и к полярности баланса интересов родителей и интересов ребёнка» [3, с. 67]. Иными словами, само понятие «учёт» оставляет суду широкую дискрецию, что порождает неопределённость в правоприменении.

Также существует несогласованность возрастных порогов в различных отраслях законодательства. Так, ч. 2 ст. 54 Федерального Закона № 323 предполагает учёт мнения несовершеннолетнего с 15 лет [4]. Гражданское процессуальное законодательство признаёт частичную процессуальную дееспособность с 14 лет [5]. Такая дифференциация, с одной стороны, может быть оправдана различной природой регулируемых отношений, но с другой – создаёт правовую неопределённость.

Особую сложность представляет реализация права на выражение мнения детьми младше 10 лет. Статья 57 СК РФ не содержит прямого запрета на выяснение мнения таких детей, однако в ней отсутствует и специальный механизм его реализации. Как

констатируют исследователи, «судебная практика показывает, что данная норма в указанной части является недействующей».

В то же время Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14.11.2017 № 44 разъяснил, что ребёнок в возрасте младше десяти лет может быть опрошен судом непосредственно в судебном заседании, если суд придёт к выводу о том, что он способен сформулировать свои взгляды по вопросам, затрагивающим его права. Однако такое решение остается на усмотрение суда, что превращает право ребёнка быть заслушанным из субъективного права в зависимое от судейского усмотрения [6].

Показательна и практика вышестоящих судов. Судебная коллегия по гражданским делам в одном из определений указала, что «действующее законодательство не содержит ограничений относительно права ребёнка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства», признав допустимым выяснение мнения детей, не достигших десяти лет, через органы опеки и попечительства [7]. Однако такая опосредованная форма выяснения мнения, по мнению многих исследователей, не согласуется с требованиями ст. 12 Конвенции о правах ребёнка, которая предполагает непосредственное заслушивание.

Существует и проблема отсутствия единых методических рекомендаций по проведению опроса детей. Отдельные разъяснения содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому опрос следует производить с учётом возраста и развития ребёнка, в присутствии педагога, в обстановке, исключающей влияние на него заинтересованных лиц. Однако эти рекомендации носят общий характер и не решают многих практических вопросов [8].

Наиболее сложная проблема – установление истинного, не искажённого влиянием заинтересованных лиц мнения ребёнка. Ведь не секрет, что зачастую мнение ребёнка формируется родителем, с которым он проживает и который оказывает на него сильное психологическое давление, а затем при рассмотрении судом спора о ребёнке навязанное родителем мнение выдается за мнение самого ребёнка.

Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ) является наиболее эффективным инструментом для решения этой задачи. В рамках КСППЭ перед экспертами могут ставиться вопросы о самостоятельности мнения ребёнка и способности его выразить, а также о том, не является ли мнение следствием воздействия одного из родителей. Однако назначение такой экспертизы не является обязательным и зависит от усмотрения суда.

В 2024 г. дискуссия об учёте мнения ребёнка вышла на новый уровень. Группа депутатов Государственной Думы выступила с инициативой исключить положения об обязательном учёте мнения ребёнка, достигшего десяти лет. Авторы законопроекта аргументировали свою позицию тем, что «концепт обязательного учёта мнения ребёнка не только противоречит концепту традиционной российской семьи, но и угрожает традиционным российским семейным ценностям». В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что мнение малолетнего ребёнка зачастую становится «непреодолимым вето на мнение родителя», а при семейных спорах родители пытаются добиться от ребёнка выражения «нужного» и «правильного» мнения. В качестве альтернативы депутаты предложили учитывать в суде не мнение ребёнка, а его интересы, к числу которых отнесли сохранение детско-родительских отношений, крепкую семью, формирование авторитета родителя, контроль над ребёнком, возможность не разлучаться с обоими родителями [9].

Эта инициатива вызвала неоднозначную реакцию. Председатель Комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Нина Останина

заявила, что комитет не поддерживает законопроект, приведя примеры ситуаций, где учёт мнения ребёнка необходим: смена имени без согласия десятилетнего ребёнка или усыновление вопреки его воле [10].

Представляется, что данная дискуссия отражает глубинное противоречие между двумя подходами: патерналистским, рассматривающим родителей как единственных легитимных представителей интересов ребёнка, и либертарным, признающим за ребёнком автономию воли. Истина, как это часто бывает, находится посередине: мнение ребёнка должно учитываться, но не являться абсолютным и определяющим, а оцениваться в совокупности с иными обстоятельствами дела.

Анализ современных проблем позволяет сделать вывод, о необходимости разработки и утверждения на уровне Верховного Суда РФ методических рекомендаций по опросу несовершеннолетних, учитывающие возрастные и психологические особенности детей, а также требования к обстановке опроса и квалификации лиц, его проводящих.

Право ребёнка быть услышанным в суде является важнейшей гарантией защиты его интересов. Однако реализация этого права сталкивается с комплексом проблем: несовершенством возрастных критериев, отсутствием чёткой процедуры опроса, трудностями выявления подлинной воли ребёнка, несогласованностью отраслевого законодательства.

Дискуссия 2024 г. об исключении обязательности учёта мнения десятилетних детей высветила глубинное противоречие между необходимостью защиты прав ребёнка и сохранением родительского авторитета. Представляется, что решение не может заключаться ни в полном отказе от учёта мнения ребёнка, ни в придании ему абсолютного значения.

Оптимальный подход предполагает, что мнение ребёнка должно выявляться во всех случаях, когда это возможно с учётом его возраста и развития, но оцениваться критически, в совокупности с иными доказательствами, с учётом психологического состояния ребёнка и возможного влияния на него заинтересованных лиц. Только такой сбалансированный подход позволит реализовать основополагающий принцип семейного права – обеспечение интересов ребёнка.

Совершенствование правового регулирования должно идти по пути создания чётких процессуальных механизмов, гарантирующих выявление подлинного мнения ребёнка, и повышения квалификации судей и специалистов, участвующих в опросе несовершеннолетних.

Список литературы

1. Конвенции о правах ребенка : [одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/?ysclid=mn07sia9hd960902572 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995 : [в ред. от 23.03.2026] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mn07w4zhgm553547134 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Ильина О. Ю. Мнение и согласие ребенка при рассмотрении споров о его воспитании: формы выражения и правовые последствия // Ребенок и правосудие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Москва, 13 декабря 2018 г.). М. : Академия прикладной психологии и психотерапии, 2018. С. 66–71.

4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 : [в ред. от 17.11.2025] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 10.03.2026).

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 : [в ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=moihlpqe13717813361 (дата обращения: 10.03.2026).

6. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 44 от 14.11.2017 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282678/?ysclid=mn07ywjim5100990552 (дата обращения: 15.03.2026).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 18-КГ17-210 от 19.12.2017 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=526695#IBpMVEV9nuQIYAL5 (дата обращения: 19.03.2026).

8. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 27.05.1998 : [в ред. от 26.12.2017] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/?ysclid=mn07zlpaej747635295 (дата обращения: 19.03.2026).

9. Горин К. Нужна ли дополнительная конкретизация? Об уточнении термина «интересы ребенка» в Семейном кодексе в соответствии с традиционными ценностями // Адвокатская газета: Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. 2024. 13 февраля. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/nuzhna-li-dopolnitelnaya-konkretizatsiya (дата обращения: 20.03.2026).

10. Детей предложили лишить права голоса в суде // ДумаТВ. 2024. 28 февраля. URL: https://migration.dumatv.ru/news/detei-predlozhili-lishit-prava-golosa-v-sude (дата обращения: 21.03.2026).

Информация об авторе: *Зверева Юлия Владимировна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 342.5

РОЛЬ АМЕРИКАНСКОГО ЗАКОНА ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ США

Никита Александрович Иванчев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ivanchev.nikita@yandex.ru

Аннотация. Анализируются положения Закона Соединенных Штатов Америки о регистрации иностранных агентов 1938 г. с целью определения его влияния на внутреннюю политику данного государства. Рассматриваются сферы применения этого закона и особенности его правового регулирования. Особое внимание уделяется практическому влиянию данного закона на обеспечение национальной безопасности и прозрачности контроля иностранного влияния.
Ключевые слова: иностранные агенты, Соединенные Штаты Америки, правовое регулирование, прозрачность, лоббизм, национальная безопасность, регулирование, законодательство

В настоящее время, в условиях динамичного изменений всех сфер общественной жизни в различных геополитических пространствах, вопросы влияния иностранных субъектов на внутреннюю политику отдельных государств приобретают особую значимость. Наиболее разработанный правовой механизм регулирования деятельности иностранных агентов представлен нормативной базой Соединенных Штатов Америки (США), которыми еще в 1938 г. был принят Закон о регистрации иностранных агентов [1].

Изучением рассматриваемого американского закона занимались как зарубежные (например, О. К. Джонсон, Н. А. Робинсон и др. [2; 3], так и отечественные исследователи: Г. Л. Купряшина, Р. А. Курбанова, В. А. Лебедева [4–6] и др. До 2017 г. Закон США о регистрации иностранных агентов не пользовался широкой востребованностью.

После 2017 г. в связи с увеличением количества дел, связанных с правонарушениями со стороны иностранных агентов, его применение в значительной степени выросло. Поэтому изучение особенностей действия американского законодательства об иностранных агентах видится значимым и актуальным направлением исследования в условиях динамичных изменений в современном геополитическом пространстве.

Изначально действие американского Закона о регистрации иностранных агентов было направлено против нацистской и коммунистической пропаганды в штатах в преддверии Второй Мировой войны. Цель данного правового акта, продолжающая действовать в настоящее время, заключалась в обеспечении национальной безопасности государства и прозрачности регулирования деятельности иностранных агентов на его территории. Закон должен был гарантировать осведомленность американских органов власти о личностях и деятельности на территории Соединенных Штатов Америки тех, кто пытается влиять на их государственную политику по поручению иностранных принципалов [4, с. 104].

Закон о регистрации иностранных агентов в Соединённых Штатах Америки устанавливает четкие правовые рамки и механизм регулирования их деятельности на территории своего государства. Во-первых, данный правовой акт содержит определение категории иностранных принципалов. Рассматриваемый закон относит к ним частные лица, корпорации, зарубежные политические партии, располагающие за пределами Соединенных Штатов Америки. Также к ним относятся иностранные организации, ведущие свою деятельность и влияющие на общественность и политику в Америке, но зарегистрированные не на ее территории.

Во-вторых, рассматриваемый нормативный правовой акт под иностранными агентами предлагает понимать «любое лицо, действующее в США по запросу, поручению или под контролем иностранного принципала». К ним закон относит лица, занимающиеся политической деятельностью, сбором средств и предоставлением информационных услуг, затрагивающих политические интересы Америки.

В-третьих, положениями рассматриваемого закона регламентированы обязанности иностранных агентов. Среди них – необходимость раскрытия деталей отношений со своим иностранным принципалом, цель деятельности, а также размер полученных доходов/компенсации и понесенных расходов. Законом оговорены исключения из числа иностранных агентов, которые представлены на рис. 1.

Согласно рисунку 1, действие анализируемого закона, не затрагивает деятельность лиц в области науки, религии, образования и искусства, которая не связана с коммерческой деятельностью. Под действие данного нормативно-правового акта также не подпадают работники средств массовой информации, руководство которых составляют американские граждане, дипломаты и официальные представители иностранных государств, аккредитованные в Соединенных Штатах Америки [5, с. 9].

Говоря о влиянии американского Закона о регистрации иностранных агентов, следует отметить, что его действие в настоящее время, в первую очередь, обеспечивает прозрачность иностранного влияния и укрепление национальной безопасности. Изложенные в этом акте требования к информированию американских органов власти и должностных структур о деятельности иностранного агента, целях его пребывания на территории Америки, о расходах и доходах, позволяют отслеживать влияние этих лиц на политическую и общественную составляющие своего государства.

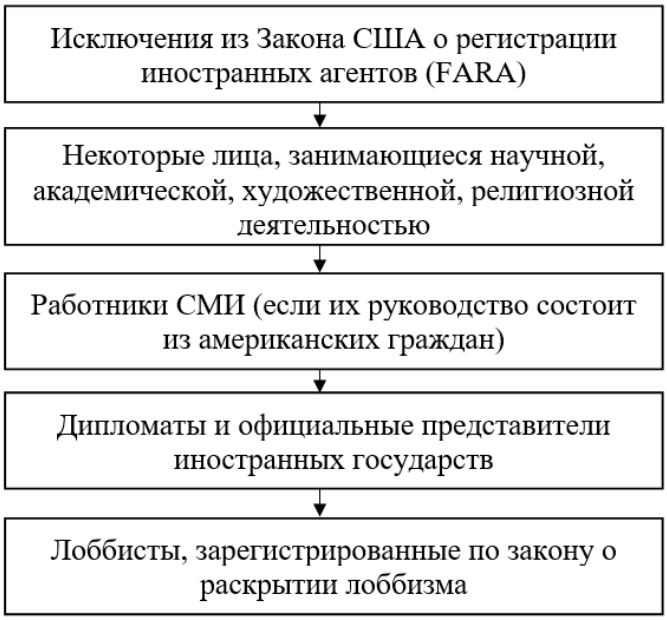

Рис. 1. Лица, не признающиеся иностранными агентами по Закону США о регистрации иностранных агентов

Помимо этого, данный закон обеспечивает защиту национальных интересов. С каждым годом число иностранных агентов на территории Соединенных Штатов Америки активно возрастает, что создает угрозу для ее дальнейшей стабильности. Так, по состоянию на 2025 г., в Америке насчитывается 533 активных регистрантов, 729 иностранных принципалов и 2406 индивидуальных агентов [6] (см. рис. 2).

Рис. 2. Соотношение иностранных агентов в США (по состоянию на апрель 2025 г.)[1]

Активные регистранты – это лица, которые зарегистрировались в соответствии с законом об иностранных агентах и занимаются политической или адвокатской деятельностью от имени иностранных организации на территории США. Иностранные

[1] Составлено автором по: Регистрация по месту влияния // Коммерсантъ. 2025. 7 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7776406 (дата обращения: 28.03.2026).

принципалы и индивидуальные агенты понятия, непосредственно связанные друг с другом. Принципалами являются иностранные правительства или политические партии, также ими могут быть организации, ассоциации. Агентами могут быть лица или организации, действующие по запросу, приказу, под руководством иностранного принципала.

При помощи идентификации и регистрации иностранных агентов рассматриваемый закон позволяет предотвращать несанкционированное вмешательство во внутренние дела и политику Америки, снижать риски и угрозы, а также вести противодействие шпионажу и дезинформации [7, с. 28].

Данный закон также служит инструментом дипломатического и политического воздействия на иностранные державы. Применение его положений к организациям и лицам, ведущим противоправную деятельность на территории Америки и носящие угрозу для ее государственного строя, позволяет влиять на их репутацию и, соответственно, оказывать давление на иностранные державы, выступающие их принципалами.

Таким образом, роль американского закона об иностранных агентах в настоящее время крайне велика. В условиях постоянно растущего иностранного влияния и вмешательства в общественную и политическую жизнь Соединенных Штатов Америки действие этого нормативного акта призвано обеспечить эффективность национальной безопасности и прозрачность регулирования деятельности иностранных агентов на своей территории.

Список литературы

1. Foreign Agents Registration Act of 1938 // An official website of the United States government. URL: https://www.justice.gov/nsd-fara (дата обращения: 28.03.2026).

2. Johnson O. C. The foreign agent: Truth and fiction Unknown Binding. 1964 // Amazon.com. URL: https://www.amazon.com/foreign-agent-Truth-fiction/dp/B0007ES7IQ (дата обращения: 28.03.2026).

3. Робинсон Н. А. Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды в США / пер. с англ. под ред. О. С. Колбасова, А. С. Тимошенко ; послесл. О. С. Колбасова. М. : Прогресс, 1990. 523 с.

4. Купряшин Г. Л., Дробышева Е. С., Стародубцев А. С. Латентное в публичном: изъяны регулирования лоббизма в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 104–127 // КиберЛенинка – научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/latentnoe-v-publichnom-izyany-regulirovaniya-lobbizma-v-ssha?ysclid=moij3duzsz639016107 (дата обращения: 28.03.2026).

5. Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 5. С. 5–15.

6. Регистрация по месту влияния // Коммерсантъ. 2025. 7 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7776406 (дата обращения: 28.03.2026).

7. Лебедев В. А. Закон США о регистрации иностранных агентов 1938 года: особенности содержания и применения // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 25–37.

Информация об авторе: *Иванчев Никита Александрович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 726.825.8

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Олеся Александровна Канахина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

kanakhinao11@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются мемориальные практики как один из важных компонентов современной культурно-образовательной среды. Анализируется роль мемориальной деятельности в формировании исторической памяти. Уделяется внимание рассмотрению механизмов трансляции социокультурного опыта и форм мемориальной деятельности.

Ключевые слова: мемориальные практики, культурно-образовательная среда, социальная память, историческая память

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ О. В. Колпаковой.

В современности одной из наиболее актуальных проблем выступает сохранение и трансляция исторической памяти. Сегодня мемориальные практики становятся важным компонентом формирования культурно-образовательной среды, отражая способы конструирования и трансляции коллективной памяти в обществе и способствуя развитию гражданской идентичности и социокультурного пространства.

Вопросам сохранения исторической памяти и передачи социокультурного наследия посвящено немало работ как зарубежных, так и отечественных исследователей. Фундаментальными трудами, посвященными мемориальным практикам, как одному из важнейших средств сохранения и трансляции истории, выступают работы А. Ассмана, Е. И. Козновой, М. Хальбвакса, которые рассматривали социальные рамки памяти [1–3]. Мемориальным практикам, как компоненту образовательной среды, посвящены также труды А. С. Левченкова, Н. А. Медушевского, А. И. Миллера, Т. В. Мухлаевой [4–7] и других.

Проблема сохранения культурной памяти исследована в работах таких исследователей, как А. С. Кравченко, который уделял внимание роли культуры в сохранении мирового наследия [8], А. А. Петрова, рассматривавшего функционирование мемориальных практик как компонента культурно-образовательной среды [9], Н. У. Ярычева, изучавшего функциональный потенциал мемориальной культуры [10].

При наличии фундаментальных трудов и не иссякающего интереса к данной теме мемориальные практики как компонент культурно-образовательной среды остаются не до конца исследованными. Комплекс мероприятий и направлений сохранения исторической памяти постоянно пополняется в связи с чем появляются пробелы в области изучения мемориальной деятельности.

Мемориальные практики, будучи компонентом культурно-образовательной среды, реализуются в нескольких направлениях. Они представлены на рис. 1.

Мемориальные практики как компонент культурно-образовательной среды представляют собой комплекс мер, направленных на сохранение, актуализацию исторической памяти и дальнейшей ее передачи будущим поколениям. В культурно-образовательном пространстве мемориальные практики выполняют множество функций.

Рис. 1. Классификация мемориальных практик по направлениям деятельности

Одной из функций мемориальных практик является когнитивный аспект, суть которого проявляется в формировании знаний об исторических событиях и личностях. Мемориальные практики также позволяют транслировать социально значимые ценности и, таким образом, приводят к пониманию исторических процессов, умению анализировать причинно-следственные связи.

К тому же мемориальные практики, будучи компонентом культурно-образовательной сферы, выполняют и интегративную функцию, то есть помогают объединять различные социальные группы. В связи с чем реализуется не только познавательный, но и аксиологический аспект в том числе.

Мемориальные практики, направленные на сохранение исторической памяти, помогают не только пополнять багаж исторических знаний, но и учат толерантно относиться к культуре, истории, особенностям быта представителей разных национальностей и народностей. Они также направлены на воспитание как действующих, так и будущих поколений посредством переосмысления исторических процессов, сохраняемых в музеях, выставках, различных комплексах. Так мемориальные практики формируют патриотические чувства, гражданскую идентичность, уважение к культуре и истории, как своего народа, так и к особенностям исторического развития различных социальных групп [5, с. 15].

Институтом формирования и сохранения исторической памяти являются музеи. Историческое наследие сохраняется посредством разработки и создания мемориальных экспозиций, организации выставок, проведения различных культурно-образовательных программ. Памятниковедение также направлено на сохранение исторической памяти и социокультурного наследия и отвечает за сохранение исторических памятников, реставрацию мемориальных объектов и создание новых памятных мест [8, с. 14].

В области образовательной деятельности мемориальные практики направлены на их внедрение в учебный процесс с целью трансляции важности сохранения исторической памяти, охраны памятников истории, культуры и искусства. В образовательных учреждениях реализуется организация разноплановых экскурсий и встреч, а также подготовка и проведение научно-исследовательских проектов, с которыми учащиеся и сами педагоги могут выступать на различных конференциях и семинарах [9, с. 159].

Реализация мемориальных практик поддерживается различными институтами, как государственными, так и частными инициативами. Механизмы поддержки мемориальной деятельности включают законодательные меры, деятельность государственных и неправительственных организаций (рис. 2).

Рис. 2. Механизмы поддержки мемориальных практик
в культурно-образовательном пространстве

Мемориальные практики в культурно-образовательной среде способствуют формированию целостного представления об истории, умению анализировать, распределять события хронологически. Они направлены на воспитание уважения к культурному наследию, а также развитию исследовательских навыков.

Мемориальные практики в культурно-образовательном пространстве способствуют росту интереса учащихся разного возраста и различных ступеней образования к истории, в связи у них появляется возможность не только теоретически исследовать данную область, но и самостоятельно подготавливать определенные проекты. В результате чего у населения, вовлеченного в культурно-образовательное пространство, появляется возможность на практике заниматься сохранением исторической памяти.

Таким образом, мемориальные практики в настоящее время выступают важным компонентом культурно-образовательной среды. Они способствуют формированию исторической памяти и развитию гражданского сознания и социокультурной идентичности.

Их эффективное использование способствует сохранению исторической памяти и наследия. Мемориальные практики способствуют формированию у общества умений критически анализировать, интерпретировать исторические события, определять свою оценку к ним. Они также способствуют вовлечению заинтересованной части населения в практическое сохранение исторической памяти, ухаживая за памятниками истории, культуры и искусства, самостоятельном сборе и организации мемориальных выставок.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

2. Кознова Е. И. К проблеме памяти в творчестве М. М. Бахтина // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. 10, Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 91–96.

3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Париж : Felix Alcan, 1925. 332 с.
4. Левченков А. С. Исторический ревизионизм и память о Великой Отечественной войне в геополитическом противостоянии на западном фланге постсоветского пространства // Постсоветские исследования. 2021. № 4 (7). С. 581–590.
5. Медушевский Н. А. От локальной истории и мест памяти к концепции «большой истории»: российский опыт // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8, № 2А. С. 15–26.
6. Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. 2019. № 3 (94). С. 87–102.
7. Мухлаева Т. В. «Помнить ради будущего» – образование взрослых для продвижения мира и согласия в Европе // Человек и образование. 2014. № 4 (41). С. 100–103.
8. Кравченко А. С. Роль культуры в сохранении мирового наследия. Омск : Изд-во Омского колледжа культуры и искусств, 2023. 330 с.
9. Петров А. А. К вопросу о функционировании мемориальных практик как компонента культурно-образовательной среды образовательной организации. Омск : Изд-во Омского колледжа культуры и искусств, 2023. 330 с.
10. Ярычев Н. У. Функциональный потенциал мемориальной культуры // Культура и цивилизация. 2022. № 1. С. 157–164.

Информация об авторе: *Канахина Олеся Александровна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 347.63

ИНСТИТУТ ОСПАРИВАНИЯ ОТЦОВСТВА В ПРАВОВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Светлана Сергеевна Каржина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

karzhina.sveta2017@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция института оспаривания отцовства в российском праве от дореволюционного периода до современности. Проанализированы ключевые законодательные акты: от Свода законов Российской империи и первых кодексов советского периода 1918 и 1926 гг. до Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 г. и действующего Семейного кодекса РФ, вступившего в силу в 1996 г.
Ключевые слова: оспаривание отцовства, установление происхождения ребенка, семейное законодательство России
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Н. В. Семиной.

Институт оспаривания отцовства представляет собой один из наиболее сложных и динамично развивающихся правовых механизмов, в котором на протяжении всей истории российского государства сталкиваются интересы биологического родства, юридической стабильности семейных отношений и защиты прав ребенка. История развития этого института в России наглядно демонстрирует изменение подхода государства к семье: если раньше главенствовали жесткий контроль и приоритет общественного над личным, характерные для советского периода, то в современной модели высшую

ценность приобретают частные интересы личности и незыблемости биологического происхождения ребенка.

В дореволюционной России отсутствовало единое законодательство о семье и браке. Вопросы происхождения детей регламентировались разрозненными нормами, закрепленными преимущественно в церковных канонах и Своде законов Российской империи, где ключевое значение придавалось сословной принадлежности и брачному статусу родителей. Институт оспаривания отцовства как таковой не получил самостоятельного развития. Коренной перелом в подходе к семейным правоотношениям наступил с приходом советской власти, которая впервые в отечественной истории создала светское, унифицированное законодательство в этой сфере. 16 сентября 1918 г. в РСФСР начал действовать новый Кодекс, регулирующий брак, опеку и акты гражданского состояния. Он поставил биологическое происхождение выше юридической записи и, кроме того, законодательно закрепил возможность доказывать отцовство через суд.

Основополагающий принцип, заложенный в Кодексе 1918 г., коренным образом изменил правовую природу установления происхождения ребенка, признав единственным основанием для возникновения прав и обязанностей действительного биологического родства. Согласно положению, закрепленному в ст. 134, решающее значение при определении родителей имеет запись в реестре актов гражданского состояния. Эта норма базируется на презумпции бесспорности внесенных данных: матерью и отцом признаются именно те лица, которые указаны в книге записей рождений. Ключевое нововведение в первую очередь заключалось в предоставлении заинтересованным сторонам безусловного права доказывать неверность такой записи в судебном порядке.

Процедурно механизм оспаривания был неразрывно связан с институтом удостоверения отцовства в отношении детей, зачатых вне брака. Порядок признания отцовства строился на строгой формальности. Незамужняя женщина или жена, чья беременность наступила от постороннего мужчины, должна была лично обратиться в ЗАГС с заявлением, назвав отца будущего ребенка. Человек, чье имя фигурировало в этом заявлении, обладал правом опротестовать данное утверждение в судебном порядке. закон отводил на это строго ограниченный срок – 14 дней с момента извещения его органами ЗАГС. Молчание и бездействие в этот период расценивались как полное признание отцовства. Если в ходе судебного разбирательства вскрывалась ложность изначальных показаний, сделанная запись лишалась законной силы, согласно нормам ст. 137, виновные же привлекались к уголовной ответственности [1].

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г., отказавшись от формального признания значения лишь зарегистрированного союза и установление юридической охраны фактических брачных отношений, сформировал новую конструкцию оспаривания отцовства. Так, в ст. 25 уравниваются в правах дети, рожденные как в браке, так и вне его, что обусловило ключевое значение установления отцовства для защиты прав ребенка. Ст. 27 закрепляла право заинтересованных лиц оспаривать отцовство в суде при отсутствии или неточности записи о родителях. Предусматривался следующий порядок оспаривания отцовства. В соответствии со ст. 28, лицо, указанное матерью как отец, могло в месячный срок подать возражение в органы ЗАГС. Именно на этом этапе закон предоставлял возможность для последующего оспаривания. В соответствии со ст. 29, лицо, указанное в качестве отца и получившее извещение, могло возбудить в суде спор против матери ребенка о неправильности заявления. после чего в течение года инициировать судебный спор, согласно ст. 29. В свою очередь, мать, исходя из норм ст. 30, была вправе напрямую обратиться в суд. При этом в кодексе отсутствуют специальные нормы, позволяющие мужу матери, состоящему с ней в зарегистрированном браке, оспаривать отцовство в отношении рожденного ею ребенка [2].

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г., отражая тенденцию к усилению государственного регулирования семейных отношений, закреплял строго формализованный и достаточно ограниченный механизм оспаривания отцовства, который был неразрывно связан с процедурой установления происхождения детей. Возможность оспаривания отцовства в Кодексе 1969 г. была неразрывно связана с презумпцией отцовства супруга матери и существовала в узких временных и процедурных рамках. Согласно ст. 49, закон предоставлял лицу, указанному в свидетельстве о рождении как отец, ровно один год на то, чтобы опротестовать эту запись. Отсчет этого срока начинался с момента, когда гражданин узнал (или должен был узнать) о факте такой регистрации. Для несовершеннолетних родителей действовала особая отсрочка: срок вступал в силу только после их восемнадцатилетия. Данная норма была универсальной. Она охватывала как ситуации с детьми, появившимися в зарегистрированном браке, так и случаи рождения вне брака, если отцовство было установлено на добровольной основе или по решению суда [3].

Основополагающим принципом семейного законодательства Российской Федерации, закрепленным в ст. 47 Семейного кодекса РФ, вступившего в силу с 1996 г., является возникновение прав и обязанностей родителей и детей исключительно на основании происхождения ребенка, удостоверенного в установленном законом порядке.

Согласно положениям ст. 52 СК РФ, внесенная в акты гражданского состояния запись о матери и отце (вне зависимости от наличия официального брака между ними) может быть опротестована только посредством судебного разбирательства. Закон определяет исчерпывающий, но при этом широкий перечень истцов: таковыми выступают записанные родители, действительные родители по крови, ребенок, достигший совершеннолетия, а также опекуны, представляющие интересы несовершеннолетнего или признанным недееспособным родителя. Ключевым является тот факт, что в случае, если мужчина на момент записи себя отцом осознавал, что таковым по крови не является, его иск будет отклонен. Более того, для случаев применения вспомогательных репродуктивных технологий действует правило: супруг, оформивший информированное согласие на искусственное оплодотворение или подсадку эмбриона, не имеет права оспаривать факт отцовства [4].

Подводя итог, можно утверждать, что институт оспаривания отцовства в России прошел несколько сложных этапов: от полного отсутствия четкой регламентации в дореволюционный период через формализованные и ограниченные временными рамками механизмы советского законодательства к современной модели, закрепленной в Семейном кодексе РФ.

Список литературы

1. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве : [принят на сессии ВЦИК 16.09.1918] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2902#gDqnoEVMlpHsvqi81 (дата обращения: 24.03.2026).

2. Кодекс законов о браке, семье и опеке : [утв. постановлением ВЦИК 19.11.1926] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3552&ysclid=mn52kyla2p205622336#0NapoEVEVRrwEGFO1 (дата обращения: 24.03.2026).

3. Кодекс о браке и семье РСФСР : [утв. ВС РСФСР 30.07.1969 с изм. от 29.12.1995] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3261/?ysclid=mn52pzlvcp888397956 (дата обращения: 24.03.2026).

4. Семейный кодекс Российской Федерации № 223-ФЗ от 29.12.1995 : [в ред. от 23.03.2026] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=moorfb43kx154870592 (дата обращения: 24.03.2026).

Информация об авторе: *Каржина Светлана Сергеевна*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 342

ГЕНЕЗИС ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОССИИ

Дарья Сергеевна Киселева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

bystrakovadaria@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция общественных форм реализации комплекса мер по защите законных интересов и прав военнослужащих на территории нашей страны. Обозначаются ключевые этапы: формирование традиций княжеской и церковной поддержки (X–XVII вв.); институционализация военно-социальной помощи в период империи (XVIII – начало XX в.); возникновение революционных солдатских комитетов (1917–1918); огосударствление социальной защиты в советский период и восстановление независимых правозащитных некоммерческих организаций в постсоветской России.
Ключевые слова: военнослужащие, социальная защита, общественные организации, благотворительность, правозащита, Комитет солдатских матерей

В древнерусский период помощь воинам предполагала опеку и контроль, осуществлялась княжеской и церковной властью, однако уже в это время в ней уже можно усмотреть элементы общественного участия. Первые документально зафиксированные акты помощи военнопленным встречаются в договорах Киевской Руси с Византией: в 911 г. князь Олег установил взаимные обязательства о выкупе пленных «россиян и грек», а в 945 г. князь Игорь подтвердил эти положения [1]. В первом договоре прямо предписывалось: «Буде случиться россиянину видеть в чужой земле полоненного грека, или греку россиянина, выкупать оного и отсылать в свою землю, получив данную за него цену…» [1]. Значимым моментом стало оформление благотворительности в систему: в 996 г. Устав князя Владимира Святого придал «организованный характер заботы о страждущих воинах» [1]. В 1091 г. епископ Переяславский Ефрем, прославившийся своей помощью обездоленным, не только в Переяславле, но и в иных городах «построил больницы, назначил врачей и установил, чтобы больные призирались и лечились безденежно». В 1096 г. Ярослав Владимирович учредил сиротское училище, где на свои средства содержал 300 юношей, включая детей получивших увечья воинов [1].

Татаро-монгольское нашествие вынудило церковь позаботиться о бедных, взяв на себя на благотворительную деятельность. Однако с образованием централизованного государства в XV в. традиции возобновились. Иван IV «впервые в Европе проявил заботу о призрении пленных, включая и военнопленных-иноземцев (татар, литовцев, поляков и других, получивших увечья): их раздавали в монастыри для обихода» [1]. В этот период особое место занимает система выкупа пленных, получившая институ-

циональное оформление в виде специального налога – «полоняничных денег», взимавшегося со всего христианского населения. В XVII в. были установлены фиксированные ставки выкупа: так, в период 1654–1656 гг. сумма выкупа за крестьян и холопов достигала примерно 250 руб., а за богатых людей – 1000 руб. [1]. Несмотря на государственный характер этой системы, её функционирование обеспечивалось за счёт средств, собираемых с населения, что позволяет называть ее прообразом механизма помощи военнослужащим и их семьям, основанного на сочетании общественной и государственной систем.

Реформы Петра Великого вывели развитие на новый этап: были заложены основы регулярной армии и сформирована государственная система социальной поддержки военнослужащих. В результате в 1715 г. в Санкт-Петербурге были открыты сухопутный и морской госпитали, а также дом престарелых и специальное учреждение для «больных и немощных солдат и матросов» [1]. При 49-ти гарнизонных полках были открыты школы для детей военнослужащих (50 человек). Именно в этот период начинают формироваться элементы общественного участия. Петр I, осознавая тяжесть рекрутской повинности, установил, что жены и дети рекрутов из крепостных крестьян освобождаются от крепостной зависимости [1]. В годы правления Анны Иоанновны сеть школ для солдатских детей расширилась (до 80 человек в полку), а вдовы военнослужащих получили возможность доживать в женских монастырях. Во времена правления Елизаветы Петровны в Казани был открыт интернат для офицеров-инвалидов; в 1760 г. правительство обозначило четыре губернии (Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую и Белгородскую) для устройства «богаделен для отставных, раненых и увечных солдат, где хлеб стоил дёшево, а мяса и рыбы было в изобилии» [1]. В то время появилась первая государственная лотерея, средства от которой поступали на содержание отставных и раненых воинов [1].

При Екатерине II сложилась система инвалидных домов и «инвалидных городов». К концу XVIII в. «офицерам, прослужившим 25 лет, стали назначать пожизненные пенсии, а увечным воинам – независимо от количества прослуженных лет» [2]. Вместе с тем государственная поддержка ещё не охватывала всех нуждающихся, что давало толчок развитию благотворительных инициатив. XIX в. ознаменовался расцветом общественной благотворительности, тесно связанной с государственными структурами. Отечественная война 1812 года придала мощный импульс движению «в пользу организации помощи воинам» [1].

Александровский комитет (учрежден в 1814 г., с 1877 – Александровский) выступил центральным институтом, объединившим государственные и общественные ресурсы. К 1814 г. его капитал составлял 300 тыс. руб. Комитет оказывал помощь раненым и их семьям, содержал благотворительные заведения, а также занимался сохранением военных памятников. Параллельно развивались частные инициативы: в 1812 г. зажиточный крестьянин Сампов в Енисейской губернии и купец Попов в Арзамасе открыли богадельни для воинов [1].

Ключевую роль в институциональном оформлении поддержки военнослужащих и их семей сыграло Мариинское ведомство (фонд императрицы Марии, жены Павла I). С 1797 по 1828 г., то есть более трёх десятилетий, именно на него возлагалось руководство социальной сферой. В этот период под его эгидой возникли военно-сиротское отделение Воспитательного дома (позднее Павловский институт), два училища для дочерей солдат, училище для детей нижних чинов морского ведомства в Севастополе и Николаеве, а также училища для детей солдатских полков [1].

В работе П. П. Щербинина выделяется восемь основных способов поддержки, среди которых: поместная форма (наделение землей), «кормовая» форма (содержание

за счет доходов с дворов), призрение при монастырях, инвалидное содержание, зачисление в инвалидные команды, денежные пенсии и пособия [3]. Все эти формы, кроме пенсий, предполагали участие монастырей, благотворительных обществ и местных сообществ, что делало систем отчасти общественной. К началу XX в. в России сложилась разветвленная сеть благотворительных организаций, но их деятельность была строго регламентирована и не предполагала правозащитных функций: «до 1917 года в России была создана целая система, которая поддерживала социально-экономическое положение военнослужащих, но она базировалась на принципах государственного призрения, а не гражданских прав».

Кардинальные изменения произошли в 1917 г. Февральская революция разрушила прежнюю модель патерналистской благотворительности. В армии стихийно возникли солдатские комитеты, которые стали не просто органами самоуправления, но и инструментом защиты прав военнослужащих. Как подчеркивает В.П. Булдаков в работе «Союзы фронтовиков» в 1917–1918 гг. и их роль в революции и Гражданской войне», эти организации приобрели огромное политическое влияние и стали мощным фактором разложения старой армии и создания новой [4]. Созданное 5 мая 1917 г. Временным правительством Министерство государственного призрения среди прочего должно было разработать закон о помощи семьям военнослужащих, павших на фронте. Но завершить эту работу не удалось: после Октябрьской революции большевики, придя к власти, упразднили все дореволюционные благотворительные учреждения, объявив их «буржуазным пережитком: «После первой мировой войны в России заметно ухудшилось экономическое положение. К власти пришли большевики и убрали ранее созданную систему социального обеспечения военнослужащих». Возникшие в тот период солдатские комитеты и союзы фронтовиков, представлявшие собой низовые общественные объединения, были либо встроены в советскую систему, либо подавлены.

С установлением советской власти социальная защита военнослужащих окончательно перешла в исключительное ведение государства. «Проводилась единая государственная политика в области социальной защиты военнослужащих. Были убраны направления благотворительности, а также не рассматривались случаи личной благотворительности». Красноармейцы обеспечивались государством в полном объёме: им выплачивалось денежное довольствие, а в октябре 1919 г. были введены красноармейские льготы. Пенсионные вопросы решались на основе централизованных нормативных актов. Показательным в этом отношении стал Декрет СНК от 14 декабря 1920 г., согласно которому лица, освобождённые от воинской повинности по религиозным мотивам, в обязательном порядке направлялись на общественно-полезные работы в лечебные учреждения. В этот период отсутствовали какие-либо независимые общественные институты, которые могли бы отстаивать интересы военнослужащих или осуществлять контроль за соблюдением их прав.

В годы Великой Отечественной войны и в последующие десятилетия государство существенно расширило меры поддержки: увеличились пенсионные выплаты, за генералами и старшими офицерами закреплялась жилая площадь, а пенсии детям военнослужащих продлевались до окончания учёбы. Объединения ветеранов (например, Советский комитет ветеранов войны, созданный в 1956 г.) существовали в строго регламентированных рамках, решая преимущественно мемориальные, представительские и ограниченные социальные задачи, при полной подконтрольности государству они не занимались правозащитой.

Распад СССР и демократические преобразования начала 1990-х гг. создали условия для возрождения гражданского общества, в том числе в сфере защиты прав воен-

нослужащих. «В последние годы система социальной защиты военнослужащих стремительно развивается, получает новый образ. Помимо самого социального обеспечения образуется система, которая включает в себя управленческий процесс». Принципиально новым явлением выступило возникновение Комитета солдатских матерей России. В исторических источниках указывается, что он был учреждён в конце 1980-х гг. как реакция на массовые нарушения прав призывников и военнослужащих в период Афганской войны, а затем и в ходе вооруженных конфликтов на Северном Кавказе [5]. В отличие от дореволюционных благотворительных обществ, эта организация формировалась снизу, на основе самоорганизации граждан; ставила своей целью не благотворительность, а правозащиту и общественный контроль за действиями военных властей; оказывала юридическую помощь призывникам, контрактникам и их семьям; публично выступала против неуставных отношений («дедовщины») и нарушений прав человека в армии. Параллельно возникали и другие общественные структуры: фонд защиты «Покров» в Москве, региональные правозащитные центры, ветеранские организации нового типа.

Государство, в свою очередь, начало институционализировать взаимодействие с общественностью. С 1995 г. ознаменовался введением в Вооружённых Силах РФ должности офицера по социальной защите и профилактике правонарушений; годом позже в Военном университете Министерства обороны стартовала трёхлетняя программа подготовки специалистов по социальной работе. Основным нормативным актом стал Федеральный закон «О статусе военнослужащих, закрепивший совокупность прав, свобод и социальных гарантий для военнослужащих. Если в имперский период социальная поддержка строилась вокруг понятия «призрение», то современная система исходит из принципа правовой защищённости.

Список литературы

1. Дубровская Т. А. История военной социальной работы // Авторский проект LIBRERO.RU. 2026. URL: https://www.librero.ru/noosphere/socwork (дата обращения: 12.12.2025).

2. Постников С. В. Социальное обеспечение ветеранов в Российской армии до 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2022. 5 августа. URL: https://history.milportal.ru/socialnoe-obespechenie-veteranov-v-rossijskoj-armii-do-1917-goda/ (дата обращения: 10.12.2025).

3. Щербинин П. П. Особенности социальной защиты ветеранов военной службы в Российской империи в XVIII – начале XX в. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies. 2007. Iss. 6/7. URL: https://journals.openedition.org/pipss/973# (дата обращения: 10.12.2025).

4. Заяц Н. «Союзы фронтовиков» в 1917–1918 гг. и их роль в революции и Гражданской войне // Скепсис. 2026. URL: https://scepsis.net/library/id_3641.html?ysclid=moosj1nd4v807788541 (дата обращения: 10.12.2025).

5. Комитет солдатских матерей России. История // РУВИКИ. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82_%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%B4%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85_%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B9_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 10.12.2025).

Информация об авторе: *Киселева Дарья Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 347

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В АЗИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ)

Юлия Руслановна Ломакина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ulomakina241@gmail.com

Аннотация. Проводится сравнительный анализ региональных особенностей кодификации гражданского права на рубеже XIX–XX вв. в азиатских странах на примере Китая и Японии. Рассматриваются специфика темпов реформирования правовой системы в Восточной Азии и особенности интеграции западных правовых идей в гражданские кодексы Китая и Японии. Выделяются общие и специфические черты процесса кодификации гражданского права в Китае и Японии на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: гражданское право, кодификация, Япония, Китай, азиатские регионы, модернизация, пандектная система, европейские стандарты

Переходный период конца XIX – начала XX вв. стал временем активной трансформации правовых систем азиатских стран. В условиях роста давления со стороны западных держав с целью укрепления системы управления Япония и Китай вступают в фазу реформирования действующего гражданского права, а точнее к его кодификации. Данный процесс отражает общий для азиатских регионов переход от традиционных правовых систем к современным, базирующимся на европейских образцах.

Вопросам реформирования системы права и кодификации гражданского права в Китае и Японии посвящены труды ряда исследователей. Так, В. Н. Ерёмин, изучая историю права Японии, внес вклад в анализ роли Г. Буассонда в реформировании правовой системы японского общества и специфику включения идей немецкой и французской правовых школ в новый гражданский кодекс [1, с. 17]. Процесс модернизации китайской правовой системы в условиях перехода от традиционных принципов к европейским стандартным рассмотрен А. И. Цыреторовым и П. Н. Дудиным [2, с. 239].

Малоизученными выступают вопросы специфики подхода отдельных азиатских стран к кодификации гражданского права на рубеже XIX–XX вв., в связи с чем данная статья призвана провести сравнительный анализ реформирования гражданского законодательства в рассматриваемый период.

В Китае к концу XIX в. право традиционно олицетворяло собой преимущественного уголовную отрасль. Частное право в китайской правовой традиции нормативно не было закреплено, что препятствовало развитию рыночных отношений с западными державами и сдерживало процесс привлечения иностранного капитала. Необходимость в кодификации гражданского права в Китае было обусловлена в первую очередь внешнеполитическими предпосылками. Череда поражений в опиумных войнах, неравноправные кабальные договоры с иностранными государствами вынуждали Китай встать на путь реформирования своей традиционной правовой системы.

Среди экономических предпосылок кодификации гражданского права в Китае следует выделить слабый уровень развития национальной экономики и необходимость скорейшего включения китайского сегмента в мировые отрасли. Внутриполитические события тоже способствовали наступлению процесса реформирования правовой

системы Китая. Реформаторские процессы, ведущиеся в конце правления последней династии Цин, и Синьхайская революция 1911 г. также активизировали процесс кодификации. После окончания монархического правления уже в Китайской республике с 1912 г. начинается активный процесс подготовки к кодификации гражданского права [3, с. 29].

Реформирование правовой системы в Японии на рубеже XIX–XX вв. было обусловлено обновлениями во всех сферах общественной жизни после реставрации Мэйдзи, начавшейся в 1868 г. Япония, так же, как и Китай стремилась избежать дальнейшего заключения неравноправных договоров с иностранными державами и модернизировать свое государственное устройство и правовую систему в соответствии с современными европейскими идеями.

Этап реформирования правовой системы в Японии начался раньше, чем в Китае, и протекал быстрее. Наглядно процесс кодификации гражданского права в Китае и Японии в рассматриваемый период отражен на рис. 1.

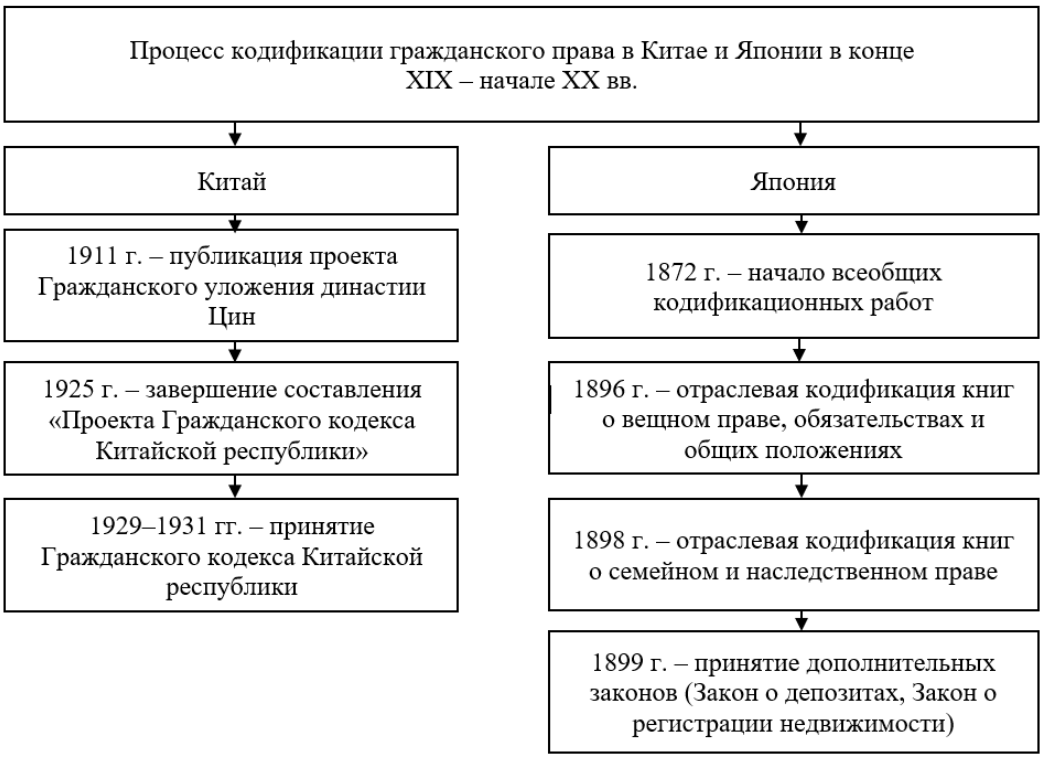

Рис. 1. Процесс кодификации гражданского права в Китае и Японии в конце XIX – начале XX в.

Анализируя этапы кодификации гражданского права в Китае и Японии, можно выделить специфику реформирования правовых систем в разных азиатских регионах. Так, процесс кодификации гражданского права в Китае, был последовательным и фрагментарным в рамках проведения реформ. Изменение правовой системы в данном государстве напрямую зависело от политических факторов, в первую очередь от падения династии Цин и перехода к Китайской республике. Кодификация гражданского права в Китае представляет собой яркий пример интеграции зарубежных правовых моделей в традиционную систему. Например, «Проект Гражданского кодекса Китайской республики», изданный в 1925 г., включал систематизацию правовых норм посредством включения правовых идей западных стран, таких, как Германия и Япония [4, с. 425].

Япония вела постепенное реформирование гражданского права, проводя изменения от всеобщей кодификации к отраслевой, Китай же вел отдельное отраслевое реформирование системы гражданского права. Связь правовых реформ в Японии и Китае с внутриполитическими событиями также разнится. В Японии кодификация гражданского права велась параллельно с курсом модернизации Мэйдзи, а в Китае – она следовала за революционными событиями 1911 г.

Окончательно принятый 5 мая 1931 г. Гражданский кодекс в Китайской республике содержал 1225 статей и делился на 5 книг: книга I «Общие положения», книга II «Обязательства», книга III «Вещные права», книга IV «Семейные права», книга V «Наследование» [5].

Структура китайского Гражданского кодекса 1931 г. полностью соответствует пандектной системе Германского гражданского уложения 1896 г. и в том же порядке включает общие положения, статьи об обязательствах, вещных, семейных правах и наследовании. Китай также заимствовал принцип недействительности сделок из Германского гражданского уложения. В китайском Гражданском кодексе он закреплен в статьях 71 и 72 отражает недействительность сделок, противоречащих закону, публичному порядку и добрым нравам [5]. Аналогичное положение содержится и в Германском гражданском уложении 1896 г. в статьях 134 о запрещенных сделках и статье 138, которая как раз и закрепляет запрет на сделки против добрых нравов (gute Sitten) [6].

Окончательно кодифицированный Гражданский кодекс Японии был схож по структуре с китайским и включал в себя 5 книг: книга I «Общие положения», книга II «Вещные права», книга III «Обязательства», книга IV «Родственники», книга V «Наследование» [7].

Принятие Гражданского кодекса 1898 г. в Японии позволило окончательно закрепить принадлежность данной азиатской страны к континентальной системе права. Японский Гражданский кодекс, как и в Китае, в основном опирался на положения Германского гражданского уложения и идеи французского права. Так, например, статья 1 Гражданского кодекса Японии 1898 г. закрепляет приоритет общественного благосостояния, устанавливает запрет на злоупотребление правом и требует добросовестности правоотношений [7].

Подобные положения содержатся в Германском гражданском уложении – статья 242 закрепляет добросовестность и честность отношений, запрет использования своего права исключительно с целью причинить вред другому отражен в статье 226 [5]. Принцип добросовестности (bonne foi) во французском Гражданском кодексе, то есть в Кодексе Наполеона, был изначально закреплен статьей 1134 (сейчас 1104) и отражал добросовестное заключение договоров и, таким образом, пресекал злоупотребление правами участников гражданских правоотношений [8].

Общие черты кодификации гражданского права в Японии и Китае проявляются в цели, то есть в желании трансформировать правовую систему в духе современных европейских стандартов, опора на идеи иностранных правовых школ, в частности германской, а также сочетание европейских идей с национальными традициями.

Отличительной особенностью кодификации гражданского права в Японии было включение большинства японских обычаев и традиций в Гражданский кодекс посредством «системы Иэ», т.е. незыблемости патриархальной семьи, передачи земли старшему сыну и приверженности синтоистским учениям. При этом спецификой китайского гражданского кодекса 1931 г. стало включение своих традиций с интеграций швейцарского влияния, что позволяла смягчать строгие германские нормы и адаптировать под китайские учения и идеи.

Результатом проводимой на рубеже XIX–XX вв. кодификации гражданского права в Восточной Азии стало создание правовых систем нового образца в Китае и Японии. Китайский Гражданский кодекс 1931 г. впервые закрепил принципы свободы и равенства в правах, введения моногамии и введением интегрированных из швейцарской и германской систем правил наследования. При этом с 1949 г. он сохраняет свою силу только на территории Тайваня, да и то с изменениями.

Гражданский кодекс Японии 1898 г. стал базой для современной правовой системы данного государства. Он сохранил закрепление японской традиционной патриархальной семьи и обеспечил легальные механизмы закрепления и защиты частной собственности, а также свободы договоров. В настоящее время он продолжает действовать на территории Японии с изменениями.

Таким образом, несмотря на общие цели трансформации системы гражданского права и схожесть интеграции иностранных идей в процесс его кодификации в Китае и Японии, в каждой из этих азиатских стран наблюдается свой специфичный путь реформирования правовой системы на рубеже XIX–XX вв. Общие черты кодификации гражданского права в рассмотренных странах Восточной Азии проявлялись в поэтапности проведения реформ, включении опыта передовых европейских держав, в частности Германии, в свою систему права и в стремлении сочетать национальные традиции с ведущими идеями. Различия процесса кодификации гражданского права в Китае и Японии проявляются в темпах проведения реформ, степени систематизации гражданского права и подходах к сочетанию традиций и новых идей.

Список литературы

1. Ерёмин В. Н. История правовой системы Японии. М. : РОССПЭН, 2010. 294 с.

2. Дудин П. Н., Цыреторов А. И. Становление гражданского права Китая в 1912–1929 гг. (предкодификационный период) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 55. С. 237–253.

3. Коданева С. И. Правовая культура Китая: история и современность (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право. 2025. № 1. С. 28–40.

4. Чжихуа В. Революции и кодификация китайского гражданского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 3. С. 422–432.

5. Civil Code of the People's Republic of China (Adopted at the Third Session of the Thirteenth National People's Congress on May 28, 2020) // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People %27s_Republic_of_China (дата обращения: 15.03.2026).

6. Германское гражданское уложение 1896 года // Wikisource. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Германское_гражданское_уложение?ysclid=mmvwr9qlj4355005394 (дата обращения: 17.03.2026).

7. The Civil Code of Japan (1898) // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/The_Civil_Code_of_Japan/Book_1 (дата обращения: 15.03.2026).

8. Civil Code, France // WIPO. 2026. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23230 (дата обращения: 17.03.2026).

Информация об авторе: *Ломакина Юлия Руслановна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 328.78

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Дарья Сергеевна Маринина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

marinina.daria.sergeevna@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается история становления и развития молодежных движений России. Отмечаются первые молодежные движения, возникшие в Российской империи. Описывается организация молодежных движений в СССР. Особое внимание уделяется вопросу развития молодежных движений в современной России (Движение первых, Юнармия и др.).
Ключевые слова: молодежные движения, воспитание, государственная молодежная политика
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Н. В. Семиной.

Молодежные движения являются неотъемлемой частью современного российского государства, которое активно занимается вопросами развития и воспитания молодого поколения через молодежную политику, посредством создания и последующей деятельности различных молодежных движений, в частности таких как «Движение первых» или «Юнармия».

Молодежные движения зарождаются в России еще в имперский период. Отмечается, что молодежные движения зарождались в XIX в., однако в отличие от европейских государств испытывали определенное давление со стороны государственной власти и чаще всего имели нелегальный статус, как например кружок Герцена-Огарёв.а В целом в XIX в. студенческая среда была крайне активна в создании различных организаций, кружков политического характера, выступая против действующего строя и требуя реформ (а чаще революций).

Но помимо «политических движений» постепенно формируются объединения, которые были далеки от политики. Так, к числу первых молодежных движений имперского периода относится «Маяк», основанное на идеях и ценностях «Христианского союза молодых людей». Общество занималось вопросами нравственного, умственного и физического воспитания. Также возникают и активно действуют такие организации, как «Юный разведчик» (скаутское движение), «Союз русского сокольства» (данное движение даже имело государственную регистрацию).

Что касается государственного регулирования молодежных движений в Российской Империи, то студенческие движения, в силу их политических настроений, были запрещены. Помимо этого, в 1861 г. были запрещены все студенческие сходки, организованные без разрешения начальства, Временные правила 1899 г. установили жесткие санкции против студентов, участвующих в деятельности подобных организаций, а также за участие в беспорядках и т.д. Университетские уставы (в особенности устав 1884 г.) вводили жесткую систему контроля [1, с. 40].

Единого закона, регулирующего молодежные движения в Российской Империи принято не было. Движения регулировались косвенно, опосредованно. Не было и целенаправленной государственной политике по развитию молодежных движений. Николай II поощрял развитие скаутского движения (движения разведчиков), но государственного регулирования деятельности данного движения также не было.

С приходом к власти большевиков ситуация кардинально меняется. Большевики воспринимали организацию молодежного движения одним из важнейших инструментов распространения идей марксизма-ленинизма, их укоренения в сознании людей. Уже 29 октября 1918 г. был образован Российский коммунистический союз молодежи, более известный как «комсомол» решением I Всероссийского съезда союзов рабочей и крестьянской молодёжи (стоит отметить, что за время своего существования данная организация неоднократно переименовывалась). РКСМ объединил союзы рабочей молодежи, которые стали повсеместно возникать в период революционных событий 1918 г. В уставных документах было прописано, что целью деятельности РКСМ является политическое воспитание молодежи, распространение идей марксизма- ленинизма, популяризации среди молодежи занятия хозяйственным и государственным строительством.

Через четыре года, 19 мая 1922 г., решением Всероссийской конференции комсомола будет создано пионерское движение. В дальнейшем, именно пионерское движение станет всесоветским школьным движением. Через два года, 18 июля 1924 г., решением РЛКСМ будет создано движение для детей в возрасте от 8 до 11 лет – движение октябрят. Таким образом, в стране была создана система «октябрята – пионеры – комсомольцы», которая просуществует вплоть до распада СССР в 1991 г.

Данные организации имели четкую организационно-правовую структуру, документы. Интересно, что в силу динамики политических настроений в СССР в данные документы могли вноситься изменения. Так, например, несколько менялась формулировка клятвы пионера, модернизировались и законы пионеров. Советские молодежные организации находились под жестким государственном надзором, были неотъемлемой частью государственной системы.

Стоит отметить, что с развитием СССР стали появляться и другие формы молодежных движений. Среди самых распространенных – тимуровское движение, вдохновленное повестью А. Гайдая «Тимур и его команда» [2, с. 282].

Также возникало множество неформальных движений и объединений. Так, в конце 1940 г. возникло движение Стиляги, просуществовавшее до конца 1970-х гг. Стилягам на смену пришло антивоенное движение «Хиппи». В 1980-е гг. популярностью пользовались движения «Металлисты», «Панки», «Любера» и многие другие. Данные движения не имели официального, государственного характера, однако это не мешало им собирать большое количество последователей. В период перестройки начинается всеобъемлющий кризис, который не обходит стороной и молодежные движения. Из представленных примеров видно, что в 1980-е гг. неформальных движений становится в разы больше.

Прямого законодательного запрета деятельности данных движений в СССР не было. Однако, идеи, ценности данных движений понимались как «антисоветские». Поэтому, их последователи преследовались государством. К примеру, некоторые представители движения «Хиппи» обвинялись в тунеядстве, предполагающем юридическую ответственность [3, с. 117–118].

Распад СССР привел к слому устоявшейся системы молодежных движений. Интересно, что зачастую данный период характеризуют как время кризиса, упадка. И здесь интересную позицию высказывают некоторые исследователи, называя период временем идейно-политической поляризации молодежи, приведшей к возникновению множества движений разной направленности. Однако, здесь речь идет в первую очередь про движения политического характера – монополия КПСС пала, и появилась возможность реализовывать себя в разных политических направлениях.

Помимо движений политического характера, активное развитие получили и иные формы неформальных движений, таких как готы, рэперы. Идеи металлистов, панки, хиппи также были популярны.

В 1995 г. был принят закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Отмечалось, что действие данного закона распространяется только на общероссийские, международные молодежные и детские объединения. Не подпадают под действие закона молодежные и детские коммерческие организации; молодежные и детские религиозные организации; молодежные и студенческие объединения, являющиеся профессиональными союзами; молодежные и детские объединения, учреждаемые либо создаваемые политическими партиями [4]. Данный закон стал первым шагом в государственном регулировании молодежных движений в современной России.

В 2010-е гг. в России молодежные движения развиваются в формате деятельности волонтерских молодежных организаций, преимущественно волонтерской и экологической направленности.

В 2020-е гг. начинается кардинально новый этап. В 2020 г. принимается Федеральный закон «О молодежной политике в РФ» [5], заложивший в целом основы молодежной политики, а также определивший возраст молодежи – с 14 до 35 лет. Следующим шагом стало принятие Федеральный закон «О российском движении детей и молодежи», создавшем всероссийскую систему молодежного движения, объединившего школьные и студенческие движения в единое «Движение первых», которое провозглашается добровольным, самоуправляемым общероссийским государственным движением. Закон определяет всю организационно-правовую форму Движения [6].

Таким образом, история движения молодежи в России зарождается еще в имперский период. Оно не имело четкого государственного регулирования, было разрозненным и не объединяло всю молодежь страны. С приходом советской власти ситуация меняется. Создается четкая система «октябрята-пионеры-комсомольцы». Школа становится центром молодежного движения, а оно само рассматривалось как инструмент идеологического воспитания молодежи. После распада СССР, с падением монополии на идеологию, на движения, с распространением идей свободы, политического плюрализма возникают многочисленные молодежные движения. Их особенностью является отсутствие прямой связи с государством. Постепенно молодежные движения объединяют школьников и студентов в волонтёрских организациях.

С началом 2020-х гг. формируется система общегосударственного объединения молодежи – «Движение первых», которому предшествовало РДШ – российское движение школьников, не включающее в свой состав студентов высших и среднепрофессиональных учебных заведений. Движение позволило проводить единую молодежную политику, опираясь на четкие принципы, реализую конкретно установленные задачи, делая молодежную политику более эффективной. Дальнейшее развитие молодежных движений видится в развитии «Движения Первых».

Список литературы

1. Игишев В. Г. История развития молодежных движений в России // Академия профессионального образования. 2019. № 4 (83). С. 27–38.

2. Хетагурова З. В., Плахова С. Е. Молодежные организации и движения в России: история и современность // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты : сб. науч. ст. 13-й Междунар. науч.-практ. конф. (г. Курск, 28–29 ноября 2023 г.). Курск : Университетская книга, 2023. С. 280–287.

3. Синякова А. И., Грунтовский И. И. История молодежных движений России // Организация и проведение воспитательной работы в ходе учебного процесса: состояние, пути оптимизации : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (г. Москва, 20 декабря 2023 г.) / под. ред. И. И. Грунтовского. М. : Междунар. юрид. ин-т, 2024. С. 115–120.

4. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений : федер. закон № 98-ФЗ от 28.06.1995 : [в ред. от 28.12.2022] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041/ (дата обращения: 26.03.2026).

5. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон № 489-ФЗ от 30.12.2020 : [в ред. от 23.07.2025] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 26.03.2026).

6. О российском движении детей и молодежи : федер. закон № 261-ФЗ от 14.07.2022 : [в ред. от 08.08.2024] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421798/ (дата обращения: 26.03.2026).

Информация об авторе: *Маринина Дарья Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 32.019.51

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МНЕНИЯ ПУТЕМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Сергей Михайлович Мироненко

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

sergey.m1204@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются способы влияния интернет-дискурса на формирование политического мнения в условиях перенасыщения контентом и информационной войны. Исходя из зарубежных и отечественных исследований выявляются основные факторы влияния на политическое мнение. Анализируются способы подачи информации через социальные сети медийными личностями, политическими лидерами, а также рассматривается система мягкой пропаганды, обеспечивающая внедрение определенных смыслов массовому пользователю.
Ключевые слова: интернет-дискурс, Интернет, политическое мнение, информационная война
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Г. А. Чернова.

О важности формирования нужных взглядов для какой-либо деятельности в вопросе политического дискурса известно достаточно давно, а потому не удивительно, что в следствие перехода человечества из XX в. в XXI вопрос о информационных процессах только усилился, чему способствовало множество факторов, в числе которых и технологическое развитие, и политические события, и изменение карты мира в этот период. Глобализация перешла на новую стадию, что привело к новой стадии информационной войны, главным образом вокруг интернета.

В первую очередь этому способствовало само становление глобальной сети интернет – она привлекла к себе особый интерес в контексте политических событий, их влияния и обсуждения, что привело сразу же к созданию интернет дискурса. Будучи распространённым практически по всему Земному шару, интернет стал крайне удобным средством, без которого на данный момент уже сложно представить жизнь среднестатистического человека.

Именно поэтому можно говорить о таком явлении как интернет-дискурс. Для того, чтобы разобраться в том, как он формирует политическое мнение, стоит обратиться

к определению самого дискурса. У него достаточно много трактований. Если опираться на работы Мишеля Фуко, то дискурс предстаёт механизмом формирования ограничений и возможностей, как систему обоснования властвования над индивидами от лица государства [1, с. 29].

Если же опираться на лингвистику, то дискурс представляет из себя языковой акт, происходящий при участии двух коммуникантов в определённом социальном, культурном, временном и пространственном контексте, или в сути своей есть речевой продукт [2, с. 54].

Таким образом, дискурс – это единое поле коммуникации и текста, в котором у одной стороны появляется возможность воздействовать на когнитивное восприятие другой и тем самым направлять её в нужное русло с помощью трактования того, о чем идет речь.

Говоря же уже о определении интернет-дискурса, то это так же достаточно сложное явление, у которого множество определений и трактовок. Однако почти у всех есть общее – это международный характер, виртуальность, универсальность, быстрота и доступность связи. То есть, интернет-дискурс – это поле коммуникации и создания текста в интернет-пространстве с возможностью воздействия на конативное восприятие.

Интернет-дискурс, в контексте информационного влияния является универсальным и компилятивным. Поэтому, будучи объединителем разных типов дискурса в себе, он может быть создан как в процессе разбора политических событий обывателями, так и быть использован в формате информационной войны с целью когнитивного воздействия на восприятие. Простота обучения использования базовых функций и его доступность делают интернет-пространство идеальным полем столкновения интересов государств, политических лидеров и простых людей в формировании нужного им политического мнения [3, с. 15].

Ещё одним фактором стало то, что к концу XX в. в результате череды событий прекратил свое существование СССР, что вылилось в перестройку мировой политический системы и ускоренную глобализацию. Однако, вместо окончания Холодной войны, это событие стало отрытым полем новой информационно-психологической войны – фактически не имеющие более какой-либо защиты от внешнего влияния постсоветские страны стали легкой добычей новой доктрины. Не секрет, что ещё задолго до начала Специальной военной операции (с 2022 г.) ряд стран во главе с США активно влияли на политические процессы постсоветских государств, в том числе и на Украину. Интернет-пространство стало удобной площадкой для этого, что привело, например, к событиям 2014 г. Все это привело к тому, что Украина стала полем двух битв – помимо реальной ещё и виртуальной. И хотя Россия так же активно использует интернет-дискурс в политическом влиянии, как уже было сказано, у США и других стран было гораздо больше времени на подготовку и на реализацию стратегий в интернет-пространстве [4, с. 26].

Говоря о технологическом развитии важно отметить появление и развитие нейросетевых технологий и внедрение их алгоритмов главным до появления первых нейросетей, но именно сейчас наступило время популяризации этой технологии.

Да, в нынешнем состоянии нейросети нельзя называть полноценным ИИ, однако, представляя из себя уникальную систему, она фактически начали тихую революцию. Уже сейчас можно заметить то, что в обучении школьники и студенты используют нейросети для упрощения и ускорения процесса выполнения заданий. Тоже самое происходит практически во всех сферах. Интернет же стал настоящим полем экспериментов. Например, компания Alphabet Inc, владеющая Google, одной из самых популярных

поисковых систем, внедрила ИИ в поисковую систему. О том, что нейросетям нельзя рассуждать на некоторые темы или надо писать определенным образом говорили не раз, так что Google становятся в данном случае монополистами в интернет-дискурсе, а за ними уже последователи и другие компании [5, p. 167].

О том, как именно влияет ИИ на формирование политического мнения, писали многие. Ведь создание фейковых заголовков и заявлений никуда не делось, теперь с помощью ИИ можно создавать дипфейки – крайне реалистичные фотографии, записи голоса и видео, имитирующие практически точно политических лидеров, заставляют некоторых людей пасть жертвой манипуляции. Сюда же можно отнести так называемому «Теорию мертвого интернета» – интернет трансформировался в личную экосистему ИИ, где контент создается ИИ, им же оценивается, им же перерабатывается. Поводом для беспокойства стали социальные сети, причем как отечественные, так и зарубежные, где контент модерируется ИИ [6, p. 754]. Таким образом сфера разработки ИИ, её правового регулирования и стратегии противодействия будет, предположительно, ведущей задачей государства в контексте борьбы за влияние на интернет-дискурс.

Отдельным фактором стоит обозначить интернет-мемы. Пожалуй, наиболее значимая часть интернет-дискурса. Здесь он раскрывается в полной мере, так как «мем» – коллекция цифровых предметов, разделяющих общие характеристики содержания, формы и/или позиции, созданных с осознанием друг друга, и распространяются через интернет большим числом пользователей по всему миру. Хотя определение «мема» в популярном дискурсе расширилось и теперь включает различные типы контента, создаваемые и распространяемые таким образом [7, p. 2].

Мемы, будучи системой быстрой и оперативной передачи вирусной информации, стали идеальным способ политической влияния в интернет-пространстве. Политические мемы часто сочетают смех и политически мотивированный гнев, создавая своего рода эмоциональный выплеск для своей аудитории, часто подчеркивая политические реалии [7, p. 4]. Сатира в мире постмодерна, пожалуй, одно из самых эффективных и эффектных орудий. Русский интернет, стоит отметить, является экосистемой, которая активно, с помощью глобализации, поддерживает информационную борьбу, причем как раз с помощью мемов. С 2022 г. русский сегмент интернета постоянно пополняется ими, в ответ на любые политические события.

Так же для полного рассмотрения методов информационного влияния стоит для начала обозначить то, что интернет-пространство постоянно изменяется, что прямо сказывается и на развитие интернет дискурса. Здесь стоит отметить то, что не только в технологическим плане или в умении вести интернет влияние, но и в плане самого пользователя интернета. Среднестатистический человек легко попадается на систему комплексной стратегии по манипуляции. И действительно – обсуждение в социальных сетях, контроль над поисковой системой и умение создавать информационную волну, которая пробивает все когнитивные барьеры, подчиняет своей цели, и затем такой пользователь сам становится распространителем информации, тем самым выполняя задачу по внедрению выгодного интернет-дискурса в политическом влиянии. А с момента эпидемии 2019 г., когда во множестве стран стартовая карантин, люди в полной мере погрузились в интернет-жизнь. В следствие же стремления вернуть себе привычной уклад жизни, психика людей адаптировала интернет как средство от одиночества, тем самым дав повод к увеличению влияния в интернет-дискурсе.

И так, после рассмотрения ряда особенностей интернет-пространства, стоит обозначить наиболее легкий способы влияния: «интернет-мемы», социальные сети, человеческая психика, отсутствие стратегии по защите политического пространства от информационной войны, и технологии ИИ. Все это опирается на факторы глобализации, невнимательности и доверчивости пользователей, активную пропаганду ИИ, а также

зависимость от интернета. Совокупно же, рассматривая все это через ведение информационной войны, с помощью интернет-дискурса, мы получаем многогранный феномен, суть которого состоит в перманентном воздействии через культуру и идеологию на концептуальную сферу, определяющую картину мира объекта воздействия, и осуществляется посредством дискурсивной коммуникации и соответствующих дискурсивных практик, объективируемых в отдельных текстах. И этот феномен не только растет под влиянием извне, но и активно саморазвивается и дополняется самими пользователями интернета – в частности медийными личностями, которые как продвигают какие-либо идеи [3, с. 45].

В пример такого стоит поставить ситуацию с работой Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). В связи с террористическими актами, участники которых использовали разные социальные сети, в частности Telegram, было принято решение о начале препятствия работе сервису, что, однако было сделано без должной информационной подготовки и не в полной мере обосновано для граждан страны, чем смогли воспользоваться заинтересованные стороны.

Таким образом, на момент XXI в., в условиях проведения СВО, Российская Федерация, оказавшаяся практически в окружении ряда настроенных отнюдь не дружелюбно стран, переживает, возможно, одно из самых тяжких испытаний начиная с самого своего формирования в 1991 г. Потому влияние интернет-дискурса слишком велико, как для внутренний политической деятельности государства, так и для внешнего противостояния и построения образа. России, которая практически на протяжении всей своей истории оказывалась в информационном противостоянии, необходимо начать проявлять активную политику медийного управления. Необходимо повысить внимание к разработке Российской доктрины информационной войны – для спасения своего политического поля и контрмер по влиянию на него интернет-дискурса.

Список литературы

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с франц. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 2015. 500 с.

2. Новицкая Н. П., Аргунова В. Г. Понятие интернет-дискурса и жанры интернет-коммуникации // Инновационное развитие современной науки : сб. науч. тр. по материалам XL Междунар. науч.-практ. конф. (г. Анапа, 11 октября 2021 г.). Анапа : Изд-во НИЦ ЭСП в ЮФО, 2021. С. 53–60.

3. Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа : коллективная монография / под общ. ред. О. И. Калинина, О. А. Солоповой. М. : ФЛИНТА, 2025. 344 с.

4. Гончарова И. В., Ницевич В. Ф., Судоргин О. А. Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11, № 1. С. 19–31.

5. Jungherr A., Schroeder R. Artificial intelligence and the public arena // Communication Theory. 2023. Vol. 33, № 2-3. P. 164–173.

6. Öğüç Ç. Dead Internet Hypothesis: AI, Censorship, and the Decline of Human-Centered Digital Discourse // İmgelem. Sayı : Yeni Medya Çalışmaları | Eylül. 2025. P. 751–776.

7. Halversen A., Weeks B. E. Memeing Politics: Understanding Political Meme Creators, Audiences and Consequences on Social Media // Social Media + Society. 2023. № 9 (4). P. 1–11.

Информация об авторе: *Мироненко Сергей Михайлович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 347

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Елизавета Алексеевна Павлуткина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

yelizaveta.pavlutkina@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ деятельности частных военных компаний (ЧВК) в России, Китае и Соединенных Штатах Америки. Рассматриваются модели правового регулирования ЧВК в указанных странах, выявляются их особенности, преимущества и недостатки. Особое внимание уделяется законодательной базе, опыту применения ЧВК в реальных конфликтах, а также проблемам подотчетности и правового статуса сотрудников.

Ключевые слова: частные военные компании, правовое регулирование, наемничество, сравнительный анализ, Россия, США, Китай, Документ Монтрё, международное гуманитарное право

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Н. В. Семиной.

Частные военные компании (далее – ЧВК) стали одним из наиболее заметных и спорных явлений в современной правовой науке и сфере безопасности. Представляя собой коммерческие организации, предлагающие разнообразные услуги: от логистики и охраны до боевой поддержки и разведывательной деятельности, ЧВК активно используются государствами по всему миру для достижения различных целей, чаще всего, в условиях, когда прямое участие регулярных вооруженных сил нежелательно или невозможно. При этом деятельность рассматриваемых компаний вызывает серьезные вопросы относительно правового статуса, ответственности и соответствия их деятельности нормам международного права.

Настоящая статья посвящена рассмотрению ЧВК в России, Китае и Соединенных Штатах Америки (далее – США), так как именно эти страны представляют собой наиболее интересное поле для анализа различных подходов к регулированию и применению ЧВК. США обладают развитой системой правового регулирования и являются крупным рынком для ЧВК, Китай демонстрирует подход с государственным контролем и акцентом на внутреннюю безопасность, а Россия характеризуется правовой неопределенностью в данной сфере. Изучение частных военных компаний этих трёх стран позволяет сравнить различные модели регулирования, оценить их эффективность и выявить ключевые тенденции в развитии и использовании частных военных компаний в современном мире.

Правовое регулирование ЧВК существенно различается в России, США и Китае, отражая их разные подходы к данной форме деятельности. Соединенные Штаты Америки являются крупнейшим заказчиком услуг ЧВК и обладают наиболее развитым, хотя и постоянно эволюционирующим, законодательством в этой сфере.

Закон США о военной экстерриториальной юрисдикции (Military Extraterritorial Jurisdiction Act, MEJA) 2000 г. стал ключевым шагом к обеспечению подотчетности американских граждан, работающих по контрактам с Министерством обороны США или другими государственными ведомства за рубежом. MEJA расширяет юрисдикцию американских гражданских судов на деяния, совершенные такими лицами за пределами США, которые были бы преступлениями по американскому законодательству, если

бы были совершены в США. Это позволяет привлекать к ответственности сотрудников ЧВК за нарушения, совершенные в зонах военных операций. Примером применения MEJA стал инцидент на площади Ниссур в Багдаде в 2007 г., когда сотрудники ЧВК Blackwater (ныне Academi) были обвинены в убийстве иракских граждан [1, с. 23].

International Traffic in Arms Regulations – это набор федеральных правил США, который регулирует экспорт оборонных товаров и услуг, включая обучение и техническую поддержку, что распространяется на ЧВК, работающие с американскими вооружениями и технологиями.

Американские ЧВК, такие как DynCorp, Academi (ранее Blackwater) и Triple Canopy, активно применялись в Ираке, Афганистане, а также в других регионах мира. Они выполняли задачи по охране дипломатических миссий, конвоев, важных объектов, обучали местные вооруженные силы и полицию, оказывали логистическую поддержку и даже участвовали в боевых операциях. Несмотря на развитое законодательство, проблемы с подотчетностью и правовым статусом остаются. Контроль за деятельность ЧВК в США осуществляют различные федеральные органы, включая министерство обороны, юстиции, Комиссию по международной торговле и Федеральную комиссию по ценным бумагам и биржам. Кроме того, ЧВК подчиняются местным и штатным законам.

В Китае правовое регулирование ЧВК осуществляется на основе внутреннего законодательства Китайской Народной Республики. Ключевым документом является «Положение об управлении службами безопасности, принятое в сентябре 2009 г., регулирующее создание и работу частных охранных компаний. В результате чего в прямом понимании частных военных компаний в Китае нет, но есть частные охранные компании (ЧОК).

В Китае допускается создание двух типов компаний: «охранные компании», занимающиеся обучением, разведкой и прогнозированием рисков, и «компании, занимающиеся услугами сопровождения вооруженной охраной», имеющие право обеспечивать сотрудников боевым оружием (кроме тяжёлой техники), но с обязательной государственной долей не менее 51 %. Деятельность китайских ЧОК за границей должна соответствовать законам государства пребывания, например, в отношении владения оружием [2, с. 78].

Китайские частные охранные компании работают в Ираке и Афганистане, обеспечивают безопасность китайских предприятий и других объектов в Кении, Нигерии, Эфиопии и многих других странах Африканского континента. Например, в июле 2016 г. охранная компания DeWe Security спасла 330 граждан Китая в Южном Судане. Их мандат строго ограничен оборонительными функциями: охрана, сопровождение, логистическая поддержка, обучение персонала. Они не имеют права носить наступательное тяжелое вооружение или участвовать в боевых действиях. В отличие от западных и российских ЧВК, китайские компании избегают прямого столкновения и предпочитают использовать дипломатические и разведывательные методы для предотвращения угроз. Они часто работают в тесной связке с китайскими государственными предприятиями.

На международном уровне предпринимались попытки создать единую правовую базу для ЧВК. Наиболее значимым документом является Документ Монтрё 2008 г., разработанный Международным комитетом Красного Креста и правительством Швейцарии. Он разъясняет, как существующее международное право (особенно международное гуманитарное право) применяется к частным военным и охранным компаниям в условиях вооруженного конфликта [3].

Документ устанавливает, что государства обязаны регулировать деятельность ЧВК, но сам по себе не является юридически обязывающим договором, а лишь руководством для государств [4, с. 89].

В России отсутствует специальное законодательство, регулирующее деятельность ЧВК. Закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» ограничивает деятельность частных охранных компаний территорией России [5, с. 40].

Действующий в настоящий момент времени в России Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», регламентирует вопросы, связанные с несением военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, при этом напрямую не охватывает вопросы, связанные с функционированием частных военных компаний [6].

Государственные военнослужащие подчиняются военному уставу и законам о военной службе, в то время как частные военные компании работают по найму на основе заключаемого контракта или договора. Рассматриваемый Федеральный закон лишь косвенно затрагивает деятельность частных военных компаний, регулируя положения о воинской обязанности и военных правонарушений в целом, не затрагивая основ функционирования и существования данных компаний в принципе.

Регламентация деятельности частных военных компаний в Российской Федерации отражена на законодательном уровне в форме Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об оружии», который, в свою очередь, регулирует порядок использования и применения в своей деятельности огнестрельного и другого вида оружия при наличии лицензии и специального разрешения на оружие [3].

Говоря об опыте применения ЧВК в России, стоит отметить, что в 2013 г. была сформирована и зарегистрирована первая «официальная» российская ЧВК «Славянский корпус». Первым контрактом компании стала охрана нефтяных месторождений в Сирии. Частная военная компания «Вагнер» была задействована в военной операции России в Сирии, работала в странах Африки по приглашению правительств [4, с. 88].

С 2022 г. ЧВК «Вагнер» участвовала в специальной военной операции на Украине.

Правовое регулирование ЧВК представляет собой сложный и неоднородный процесс. США стремятся к комплексному регулированию, с целью контроля и соблюдения норм международного права. Китай сосредотачивается на внутреннем регулировании, допуская ограниченную деятельность ЧВК с государственным участием, но жестко контролируя их деятельность за рубежом. Россия, напротив, характеризуется отсутствием четкой законодательной базы, что создает правовую неопределенность и потенциальные риски. Такая разница в подходах отражает различные геополитические интересы, концепции национальной безопасности и правовые традиции каждой из стран.

Таким образом, Соединенные Штаты Америки представляют модель с наиболее развитым, хотя и несовершенным, законодательным регулированием деятельности ЧВК/частных подрядчиков. Законы, такие как MEJA и DFARS, направлены на обеспечение подотчетности и контроля, а также защиту прав персонала. ЧВК являются частью официально признанной системы обеспечения национальной безопасности.

Российская Федерация в настоящий момент времени пребывает в состоянии «правового вакуума», где деятельность ЧВК де-юре не регулируется и даже может подпадать под уголовные статьи о наемничестве и незаконных вооруженных формированиях. Однако де-факто российские ЧВК активно используются государством в качестве инструмента внешней политики, что создает проблемы с прозрачностью, подотчетностью и международно-правовым статусом их сотрудников.

Китай также в настоящий момент времени не легализует частные военные компании для ведения боевых действий, но активно развивает сектор частных охранных

компаний для защиты своих экономических интересов за рубежом. Эти компании действуют строго в оборонительном ключе, под плотным государственным контролем и без участия в боевых операциях.

Список литературы

1. Чжочао Ю., Грозин А. В. Частные военные компании: причины появления, основные особенности и правовое положение // Постсоветский материк. 2022. № 4 (36). С. 16–28.
2. Шалак А. В., Третьяков Д. А. Роль китайских частных военных компаний в реализации инициативы «Один пояс – один путь» // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6, № 2. С. 77–83.
3. Документ Монтрё: О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта // Montreux Document Forum. 2026. URL: https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf (дата обращения: 09. 03.2026).
4. Ветренко И. А., Ковалев А. А. Частные военные компании и их участие в военных политических конфликтах: история и современность // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 2 (38). С. 86–96.
5. Козлова О. Е. Проблемы правового регулирования частных военных компаний // Исследования молодых ученых : материалы XIV Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2020 г.). Казань : Молодой ученый, 2020. С. 39–41.
6. О воинской обязанности и военной службе : федер. закон № 53-ФЗ от 28.03.1998 (последняя редакция) // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/?ysclid=moou8s6coc128097025 (дата обращения: 20.03.2026).

Информация об авторе: *Павлуткина Елизавета Алексеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 37.014.52+930.2

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Александр Алексеевич Панфёров

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

panferoval2003@mail.ru

Аннотация. Анализируется историко-правовая эволюция системы формирования ценностей и ценностных ориентаций у школьников в России на протяжении ключевых периодов ее государственного развития. На основе методологии исторического и сравнительно-правового анализа последовательно исследуются нормативно-правовые положения, идеологические концепции и институционные механизмы воспитания в образовательных системах дореволюционной России, советского периода и Российской Федерации. Особое внимание уделяется правовым документам – от уставов учебных заведений и партийных директив до конституционных реформ и федеральных законов. Анализ выявляет преемственность и кардинальные трансформации в целеполагании воспитательной деятельности, обусловленные изменениями государственной идеологии и социально-политического строя. Формулируются выводы о циклически-волновой динамике процесса, где периоды идеологической централизации сменяются этапами

относительного плюрализма, а также оцениваются перспективы современной модели в условиях глобальных вызовов. Исследование вносит вклад в понимание механизмов правового регулирования воспитания как инструмента государственной политики и его влияния на формирование национально-культурной идентичности молодого поколения.
Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, историко-правовой анализ, российское образование, воспитательная система, духовно-нравственное воспитание, государственная идеология, школьники
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Н. В. Семиной.

Вопросы формирования ценностного мира подрастающего поколения традиционно находятся в центре внимания государства, общества и педагогической науки, поскольку именно ценности определяют вектор личностного развития, социального поведения и гражданской позиции индивида. В современной России, пережившей глубокие социокультурные трансформации последних десятилетий, проблема ценностных ориентаций молодежи приобрела особую остроту. На фоне глобальных вызовов информационной открытости и идеологического плюрализма государство вновь актуализирует задачу консолидации общества вокруг разделяемых нравственных и патриотических оснований. Школа как ключевой агент социализации выступает главным проводником этой политики.

Однако современные подходы к воспитанию не возникли на пустом месте: они являются результатом сложного исторического развития, когда на каждом этапе создавалась специфическая нормативно-правовая база, отражавшая господствующие идеологические установки. Понимание динамики этого развития необходимо для осмысленной оценки современных инициатив, прогнозирования их эффективности и предотвращения возможных рисков.

Этапы развития системы формирования ценностей у школьников в России демонстрирует тесную взаимосвязь между трансформациями государственного строя, официальной идеологией и содержанием воспитательного идеала.

В дореволюционный период правовая регламентация воспитательного процесса была органично вплетена в общую ткань законодательства Российской империи, основу которой составляли принципы «Самодержавие. Православие. Народность», сформулированные министром народного просвещения С. С. Уваровым. Именно эта триединая формула легла в основу генезиса идеологизированного целенаправленного гражданского воспитания в России. Устав гимназий и прогимназий 1871 г., равно как и Устав университетов 1884 г., закрепляли сословный характер образования и его подчиненность задачам воспитания верноподданных граждан, преданных престолу и Отечеству. Закон Божий являлся обязательным предметом, а надзор за нравственностью учащихся осуществляли не только педагоги, но и представители духовенства [1, с. 37–48].

Ценностный каркас в этот период строился на религиозной морали, монархическом патриотизме и уважение к сословной иерархии. Ключевыми нормативными документами выступали также циркуляры Министерства народного просвещения, строго регламентировавшие не только учебный процесс, но и внеурочную деятельность, чтение, форму одежды. Таким образом, правовое обеспечение носило характер детальной опеки, направленной на минимизацию влияния либеральных и революционных идей [1, с. 154–155].

Коренной перелом в системе ценностного воспитания произошел после октябрьской революции 1917 г., ознаменовав начало довоенного советского этапа. Новая власть с самого начала рассматривала школу как инструмент построения коммунисти-

ческого общества. Уже в 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который ликвидировал религиозный фундамент воспитания. Основополагающим документом стал «Декрет о единой трудовой школе» (1918), провозгласивший принципы безвозмездности, совместного обучения, связи школы с производственным трудом, коммунистического воспитания [2].

Формирование новой системы ценностей, основанной на марксистко-ленинской идеологии, коллективизме, интернационализме и атеизме, стало центральной задачей. Особую роль в этом процессе сыграло создание в 1922 г. Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина [3]. Её устав и символика, регламентированные партийными постановлениями, превратили пионерию в массовый институт идеологической индоктринации и социальной активности школьников. «Цель пионерской организации – воспитывать юных борцов за дело Коммунистической партии Советского Союза. <…> Пионерская организация воспитывает юных ленинцев в духе коммунистической идейности и преданности Советской Родине, пролетарского, социалистического интернационализма, сознательного отношения к труду и общественному достоянию, освоению духовной культуры, непримиримости ко всему, что чуждо социалистическому образу жизни» [4].

Правовой статус воспитательной работы закреплялся в первых советских Конституциях (1918, 1924 гг.), провозгласивших воспитательную функцию государства, и в партийных директивах, которые де-факто имели силу закона. Школьные программы, учебники и вся внеклассная работа были подчинены задаче формирования «нового человека» – строителя коммунизма [5].

Образовательная системы Советского Союза вплоть до его распада характеризовалась дальнейшей систематизацией и идеологическим ужесточением воспитательной работы на фоне Холодной войны. Принятая в 1977 г. Конституция СССР в статье 25 прямо закрепляла, что «в СССР существует и совершенствуется единая система народного образования, которая обеспечивает общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан, служит коммунистическому воспитанию, духовному и физическому развитию молодежи, готовит ее к труду и общественной деятельности» [6].

Массовая общеобразовательная школа, унифицированная по всей стране, стала главным механизмом транслирования официальных ценностей. Правовую основу составляли Закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью» (1958), а позднее – «Основы законодательства СССР и союзных республик о народном образовании» (1973). Эти документы детализировали задачи трудового, идейно-политического, нравственного и эстетического воспитания в неразрывной связи с обучением [5].

Пионерская и комсомольская организации, деятельность которых регулировалась их уставами и решениями съездов КПСС, охватывали практически всех школьников, создавая всеобщую систему коллективных действий, ритуалов и контроля. Ценностные ориентации были четко заданы: преданность делу коммунизма, советский патриотизм, социалистический интернационализм, коллективизм, готовность к защите Родины. Однако к 1980-м годам нарастал разрыв между официально пропагандируемыми ценностями и реальными практиками, что стало одним из симптомов системного кризиса.

Распад СССР и либеральные реформы 1990-х гг. привели к глубокому ценностному вакууму и радикальному пересмотру правовых основ образования в Российской Федерации. Принятая в 1993 г. Конституция РФ гарантировала идеологическое многообразие и светский характер образования (ст. 13, 14). Закон «Об образовании» 1992 г., носивший либеральный характер, деидеологизировала школу, сместив акцент на права и свободы личности, вариативность и автономию образовательных учреждений. Поня-

тие «воспитание» хотя и присутствовало в законе, но не имело четкого идеологического наполнения, уступив место таким ценностям, как плюрализм, толерантность, адаптивность к рыночным отношениям. Государство в значительной степени устранилось от прямого ценностного регулирования, что привело к фрагментации воспитательного пространства, проникновению коммерциализированных и западных культурных образцов. Этот период до принятия нового ФЗ «Об образовании в РФ» в 2012 г. можно охарактеризовать как этап нормативно-правовой неопределенности и поиска новой национальной воспитательной модели в условиях доминирования либеральной парадигмы [7].

Принятие Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012) стало поворотным пунктом, ознаменовавшим начало возвращения государства в сферу воспитательной политики. Закон впервые на уровне федерального законодательства дал развернутое определение воспитания как деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей, принятых в обществе правил и норм поведения. Были введены понятия «духовно-нравственное развитие» и «воспитание гражданственности» [8]. Последующие стратегические документы, такие как «Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года» (2015 г.), конкретизировали цели: формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства патриотизма, уважения к памяти защитников Отечества, закону и правопорядку, человеку труда [9].

В этот период (до 2022 г.) происходило постепенное насыщение образовательного пространства новыми институтами (Российское движение школьников (РДШ), Юнармия), обновление программ по истории и обществознанию с акцентом на патриотическую составляющую, внедрение курсов духовно-нравственной направленности. Правовая система начала выстраивать каркас для консолидирующей, но еще относительно широкой системы ценностей, сочетающей патриотизм с общечеловеческими нормами.

Современный этап, начавшийся в 2022 г., знаменует собой качественно новый уровень идеологического и правового оформления системы воспитания, характеризующийся четкой конкретизацией и законодательным закреплением понятия «традиционные российские духовно-нравственные ценности». Ключевым событием стало внесение масштабных поправок в Федеральный закон «Об образовании в РФ» : [в ред. от 14.07.2022 № 303-ФЗ), которые ввели в текст закона единые для всей системы образования воспитательные идеалы. Согласно новой редакции, воспитание теперь определяется как деятельность, направленная в том числе на «формирование у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества…, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа РФ, природе и окружающей среде» [10].

Однако наиболее значимым нововведением стало прямое указание на необходимость формирования «на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Сами эти ценности получили официальное определение в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». К ним отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного

над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [11]. Данный перечень был конституционализирован через поправки в Основной закон, где статья 67.1 Конституции РФ устанавливает, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России», а государство создает условия для их воспитания «на основе… традиционных семейных ценностей» [12].

Таким образом, современная правовая модель представляет собой жестко централизованную систему, где традиционные ценности выступают, как обязательный, защищаемый государством ценностный стандарт, интегрированный во все компоненты образовательного процесса – от рабочий программ, учебников и внеурочных курсов «Разговоры о важном», «Россия – мои горизонты», «Орлята России» до общественных движений (РДДМ «Движение Первых»). Этот этап можно рассматривать как попытку создания целостной, юридически закрепленной системы ценностного воспитания, альтернативной как советской идеологической доктрине, так и либеральному плюрализму 1990-х гг. (табл. 1).

Таблица 1

Основополагающие ценности отечественного образования на различных этапах его развития

Этапы	Ценности
Дореволюционный этап	Религиозность, патриотизм, преданность монарху, уважение к старшим и авторитетам, трудолюбие, честь и достоинство, социальное послушание, религиозность
Советский этап (1917–1941)	Преданность партии и вождям, коллективизм и товарищество, трудовая дисциплина, советский патриотизм, интернационализм, атеизм, скромность и бескорыстие, дисциплинированность
Советский этап (1945–1991)	
Российский этап (1991–2012)	Индивидуализм, прагматизм, плюрализм, гражданственность, национальная идентичность, свобода, гуманизм
Российский этап (2012–2022)	Патриотизм, гражданственность, толерантность, ЗОЖ, саморазвитие, ответственность, уважение к старшим
Современный этап (после 2022)	Жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о циклически-волновой динамике процесса формирования ценностей у российских школьников, где периоды жестокой идеологической централизации и нормативной унификации сменяются этапами относительной либерализации и плюрализма. Каждая смена политического режима приводила к кардинальному пересмотру ценностных ориентаций воспитания и созданию новой нормативно-правовой базы, отражавшей доминирующую идеологическую парадигму: от православно-монархической и коммунистической, затем к либерально-плюралистической и, наконец, к концепции традиционных духовно-нравственных ценностей. При этом несмотря на радикальные идеологические вызовы, прослеживается преемственность в методах и институтах: стремление государства к всеобщему охвату молодежи воспитательным воздействием, использованием массо-

вых детских организаций (пионерия, РДШ, Юнармия, Движение Первых), акцент на патриотизме и служении Отечеству. Хотя содержание этих понятий радикально менялось [5].

Современный этап, начавшийся после 2022 г., представляет собой уникальный синтез: с одной стороны, наблюдается возврат к модели активного государственного участия и нормативной детализации, сравнимой с советским периодом, с другой – ценностное наполнение принципиально иное, апеллирующее не к классовым, а к консервативно-традиционалистским, цивилизационным основаниям российской государственности.

Перспективы развития данной системы связаны с рядом вызовов. Во-первых, это вызов эффективности: способность школы, в условиях цифровизации и глобальной информационной открытости, транслировать и прививать официально утверждённые ценности в конкурентной среде альтернативных смыслов. Во-вторых, это вызов кадровый, требующий от педагогов не только формального следования предписаниям, но и личной мировоззренческой убежденности. В-третьих, необходимость гармоничного сочетания безусловно важной задачи консолидации общества вокруг базовых ценностей с уважением к индивидуальности ребенка и избеганием формализма и ритуальности, которые дискредитировали идеологическую работу в позднесоветский период. Наконец, правовая определенность, достигнутая в последние годы, требует содержательного педагогического и методического наполнения, чтобы декларируемые традиционные ценности не остались лишь набором лозунгов, а стали живым мировоззренческим выбором нового поколения.

Таким образом, исторический опыт учит, что устойчивость любой системы ценностного воспитания определяется не только силой нормативного предписания, но и её способностью отвечать на экзистенциальные запросы времени, находить отклик в сердцах молодых людей и органично интегрироваться в культурный контекст их повседневной жизни.

Список литературы

1. Шупаев А. В. Развитие гражданского воспитания в дореволюционной России (конец XVIII – начало XX века). М. : ФЛИНТА, 2025. 158 с.

2. Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : декрет ВЦИК от 16.10.1918 // Исторические материалы. 2026. URL: https://istmat.org/node/31601 (дата обращения: 20.03.2026).

3. Куценко Т. А., Фурин С. А. Всесоюзная пионерская организация // Большая Советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. С. 460–463.

4. Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина : [утв. Бюро ЦК ВЛКСМ 10.06.1986] // Internet Archive. Wayback Machine. 2026. URL: https://web.archive.org/web/20071127123206/http://sovietthings.narod.ru/Polozheniye_o_VPO_imeni_V_I_Lenina.htm (дата обращения: 20.03.2026).

5. Ивашевский С. Л. Идеалы и право в системе образования советской России // Народное образование. 2010. КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/idealy-i-pravo-v-sisteme-obrazovaniya-sovetskoy-rossii?ysclid=mophpovt76896699646 (дата обращения: 20.03.2026).

6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. // Конституция РФ. 2026. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 20.03.2026).

7. Об образовании : закон РФ № 3266-1 от 10.07.1992 // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/?ysclid=mopi1gpdr745218624 (дата обращения: 20.03.2026).

8. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (первая редакция) // Гарант. 2013. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362/ (дата обращения: 20.03.2026).

9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : [утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р] // Гарант. 2026. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/ (дата обращения: 20.03.2026).

10. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (последняя редакция) // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 20.03.2026).

11. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 : [в ред. от 04.03.2026] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 20.03.2026).

12. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.03.2026).

Информация об авторе: *Панфёров Александр Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 329.15

КПСС И КПРФ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Григорий Валерьевич Сахно

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

za.sakhno@yandex.ru

Аннотация. Проводится комплексный анализ проблем преемственности и политической идентификации Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Анализируются схожие и различные черты в направлениях деятельности КПСС и КПРФ. Сравнивается специфика методов деятельности, и определяется их эффективность.

Ключевые слова: КПСС, КПРФ, преемственность, марксизм-ленинизм, постсоветская Россия, оппозиция, методы и направления деятельности, эффективность

Распад Советского Союза поставил перед бывшими коммунистическими партиями на постсоветском пространстве важнейшую задачу адаптации в условиях социально-экономических трансформаций и кардинальных политических перемен. Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) является наиболее ярким примером такой преемственности, унаследованной от Коммунистической партии Советского Союза (КПСС).

Проблема правопреемства между КПСС и КПРФ представляет собой неоднозначный феномен в конституционно-правовой практике постсоветской России, сочетающий юридические разрывы с декларативной идейной непрерывностью. Ключевой раздел в этом вопросе был обозначен Постановлением Конституционного суда РФ № 9-П от 30 ноября 1992 г. Рассматривая конституционность указов президента Б. Н. Ельцина о запрете КПСС и КП РСФСР (1991–1992 гг.), суд подтвердил законность роспуска руководящих структур всесоюзной партии, признав их неконституционными лишь в части, касающейся ликвидации первичных организаций, созданных по территориальному принципу . Это решение создало правовую лакуну: формально КПСС как общенациональная структура прекратила существование, однако была признана возможность сохранения партийных ячеек на местах.

Именно в эту правовую нишу и вошла воссозданная в феврале 1993 г. КПРФ. Юридически КПРФ не является прямым правопреемником КПСС в гражданско-правовом смысле, особенно в вопросах собственности. Тем не менее, политико-правовая идентификация партии строится на постулате о идейной и исторической преемственности. В программных документах и уставных нормах КПРФ последовательно проводится тезис о продолжении дела РСДРП(б) – ВКП(б) – КПСС, что позволяет партии позиционировать себя не как новую политическую силу, а как восстановленную структуру, преодолевшую период временного запрета.

Современное правовое регулирование политических партий в Российской Федерации, закрепленное Федеральным законом «О политических партиях», окончательно институционализировало разрыв с советской моделью [1]. В отличие от конституционной нормы статьи 6 Конституции СССР 1977 г., закреплявшей «руководящую и направляющую роль» КПСС, современное законодательство исходит из принципа политического плюрализма и равноправия партий. Для КПРФ это означает необходимость функционирования в условиях конкурентной среды, что порождает внутреннюю напряженность между идеалом «партии нового типа» (каковым была КПСС) и реальностью парламентской партии, вынужденной участвовать в электоральных процедурах буржуазного государства, легитимность которого она оспаривает [2, с. 494].

КПРФ была образована в 1993 г. уже в условиях многопартийной системы и становления рыночной экономики, в отличие от КПСС, действовавшей в период командной экономической системы и однопартийного руководства. Идеология КПРФ, хотя и закрепляет преемственность, сохраняя положение о базировании на принципах марксизма-ленинизма, при этом в большей степени трансформировалась. Она сочетает в себе и названные элементы, и идеи патриотизма, социальной справедливости, государственничества. Сегодня КПРФ поддерживает связи с коммунистическими, социалистическими и трудовыми партиями других стран, участвует в международных левых форумах [3, с. 80].

Обе рассматриваемые партии формально опираются на принципы марксизма-ленинизма, а также направлены на поддержание идей патриотизма, социальной справедливости, равенства. Обе эти партии апеллируют к историческому прошлому, хотя КПРФ и интерпретирует память советского периода, она акцентирует внимание на его достижениях и героизме, проявленном в тот исторический период.

Различные черты в положении и сущности деятельности КПСС и КПРФ проявляются в том, что КПСС была руководящей партией в системе, когда партийный аппарат слился с государственным. КПРФ же представляет собой парламентскую оппозиционную партию, действующую в условиях многопартийности. КПСС преследовала идею построения коммунизма, а КПРФ направлена на «построение социализма

XXI века» в России, национальное возрождение и восстановление социальной справедливости [4].

Общими чертами в направлениях деятельности и функционировании КПСС и КПРФ выступают за сохранение марксистко-ленинской идеологии как основы функционирования партии, противостояние капитализму, защиту прав трудящихся и поддержку социалистических идей.

Различиями в функционировании КПСС и КПРФ выступают следующие аспекты: изменение статуса партии (от правящей к оппозиционной), трансформация в условиях современных реалий идеологических установок, изменение методов политической борьбы и адаптация к новым политическим и экономическим условиям в период кардинальных перемен.

Трансформация методов и направлений деятельности выражает собой глубокие различия, которые обусловлены фундаментальной сменой политического контекста для рассматриваемых партий. Основным методом осуществления власти КПСС было функционирование и передача решений через государственный партийный аппарат. Все решения партии были обязательны для исполнения. Основным методом участия КПРФ в политической жизни являются выборы, формирование фракции в Государственной Думе, законотворческая деятельность, а также критика действующего курса управления.

КПСС осуществляла массовую мобилизацию населения на выполнение государственных задач, в основном при помощи пропаганды. КПРФ в настоящий момент времени проводит электоральную агитацию при помощи проведения предвыборной агитации, работы с избирателями, а также посредством создания региональных отделений. КПСС использовала методы государственного принуждения для подавления инакомыслия и устранения политических оппонентов. КПРФ, согласно Резолюции, же проводит публичные акции, организует митинги, демонстрации, пикеты в рамках законодательства с целью выражения протеста и привлечения внимания общественности к социально значимым проблемам [5].

В период функционирования КПСС управление экономикой и обществом в целом осуществлялось при помощи централизованного и государственного планирования и контроля за всеми сферами жизни. КПРФ в настоящий момент времени проявляет медийную активность. Она использует доступные средства массовой информации для распространения своих идей – это могут быть собственные издания, интернет-ресурсы, выступления на федеральных каналах.

Ключевым различием является то, что КПСС действовала как субъект власти, который определял и реализовывал государственную политику во всех ее направлениях. КПРФ сегодня функционирует как субъект оппозиции, чья деятельность направлена на критику действующей власти.

Оценивая эффективность деятельности изучаемых партий, следует отметить, что КПСС была эффективна как инструмент управления в советском государстве и как способ мобилизации ресурсов для достижения определенных государственных задач. При этом в области обеспечения свободы, динамичной адаптации к общественным изменениям КПСС была, в отличие от КПРФ, в меньшей степени адаптирована, в связи с чем она утратила свои лидирующие позиции и вынуждена была трансформироваться в условиях кардинальных перемен.

КПРФ в современном мире эффективна как инструмент политического представительства определенной части электората, на фоне открытия региональных отделений и роста вовлеченности молодежи в работу коммунистической партии. Она успешно

сохраняет свои позиции в политической системе, но при этом ее эффективность в реализации своих установок ограничена, поскольку она не обладает лидирующими позициями, как некогда КПСС, в связи с чем она расценивается, как системная оппозиция [6, с. 5735].

Проблемы преемственности и политической идентификации КПРФ являются центральными и определяют ее место в современной российской политике. Одной из проблем преемственности выступает идеологический вопрос и необходимость его трансформации и адаптации в современных условиях.

КПРФ закрепляет базирование на принципах марксизма-ленинизма, но в условиях функционирования многопартийного государства, рыночной экономики и капиталистического уклада, она вынуждена адаптироваться к этим реалиям. Это привело в коммунистической современной партии к появлению концепции «патриотического социализма», «социализма XXI века», сочетающих коммунистические идеи с аспектами государственничества.

КПРФ сохраняет организационную преемственность, но будучи оппозиционной, а не лидирующей партией, как КПСС, она также имеет разветвленную структуру, но ее влияние на принятие решений несопоставимо с влиянием КПСС. Также преемственность продолжает сохраняться и в кадровом составе. На самых ранних этапах зарождения и функционирования в состав КПРФ входили члены КПСС и КП РСФСР. При этом в условиях динамичного развития, открытия региональных отделений, активной работы КПРФ с населением, все больше в рядах этой партии появляется молодежи и лидеров среди нового поколения.

Проблемы политической идентификации КПРФ проявляются в дилемме – оставаться партией прошлого, какой была КПСС, или развиваться, как партия будущего России с учетом трансформаций и особенностей адаптации к современным реалиям. Чрезмерная апелляция к советскому наследию нередко отталкивает молодых избирателей, не имеющих личного опыта жизни в СССР [1, с. 494].

КПРФ в настоящий момент времени находится в процессе становления своей политической идентичности. Она балансирует между сохранением наследия КПСС и необходимостью адаптации к современным условиям, а равно и функционированию при многопартийности, рыночной экономике и развитии капитализма, что идет вразрез с идеологическими установками.

Таким образом, КПРФ, возникшая после распада СССР, выступает самым ярким примером адаптации коммунистической партии к современным условиям многопартийности и рыночной экономики. Эффективность КПРФ состоит в ее способности влиять на общественное мнение, принимаемые государственные решения, но при этом, поскольку она не занимает лидирующие позиции, как КПСС, она ограничена в реализации своих идей.

Основной проблемой КПРФ выступает поиск адекватной политической идентификации. Коммунистическая партия постоянно балансирует между сохранением преемственности КПСС и своего советского наследия и необходимостью модернизации, чтобы быть релевантной для новых поколений и вызовов современности.

Список литературы

1. О политических партиях : федер. закон № 95-ФЗ от 11.07.2001 : [в ред. от 20.02.2026] // КонсульватнтПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/?ysclid=mn49dja0ik786222110 (дата обращения: 24.03.2026).

2. Бегмалиев А. О. Проблема обновления партийного лидерства (на примере КПРФ) // Аллея науки. 2021. № 12 (63). С. 493–496.

3. Майоров Г. А. Сравнительный анализ программных установок КПРФ и партии «Коммунисты России» с точки зрения идейных расхождений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 78–90.

4. Программа КПРФ – политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» // Коммунистическая партия Российской Федерации : офиц. сайт. 2026. URL: kprf.ru (дата обращения: 11.03.2026).

5. О восстановлении полноты исторической справедливости в отношении Иосифа Виссарионовича Сталина : резолюция XIX Съезда КПРФ // Коммунистическая партия Российской Федерации : офиц. сайт. 2026. URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/235885.html (дата обращения: 21.03.2026).

6. Шефер А. А. Идеологическая трансформация российских коммунистов в постсоветский период (на материале КПРФ) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 11-1 (99). С. 5734–5740.

Информация об авторе: *Сахно Григорий Валерьевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 349.2

ПРАВОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПИКЕТИРОВАНИЯ И ЗАБАСТОВКИ

Анастасия Романовна Яковенко

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Казань, Россия

nastya.yakvenko01@gmail.com

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ таких форм выражения коллективного недовольства, как забастовка и пикетирование. Рассматриваются их правовая природа, цели, порядок реализации и юридические последствия. Особое внимание уделяется разграничению данных понятий в контексте трудового и административного права. Делается вывод о принципиальном различии указанных форм, несмотря на их внешнюю схожесть.

Ключевые слова: забастовка, пикетирование, трудовое право, коллективный трудовой спор, публичные мероприятия, правовое регулирование, юридическая ответственность

В условиях развития современных трудовых отношений вопросы защиты прав работников приобретают особую значимость. Одной из форм выражения несогласия с действиями работодателя или условиями труда являются коллективные протестные действия. Среди них наиболее распространенными считаются забастовка и пикетирование. Несмотря на определённое сходство, выражающееся в публичном характере и направленности на выражение недовольства, данные формы имеют различную правовую природу и регулируются разными отраслями права. В связи с этим представляется необходимым провести их разграничение с точки зрения действующего законодательства и правоприменительной практики.

Забастовка традиционно рассматривается, как один из ключевых институтов трудового права, представляющий собой временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей в целях разрешения коллективного трудового спо-

ра. Существенной характеристикой забастовки является её коллективный характер, поскольку она предполагает участие группы работников, объединённых общими требованиями к работодателю. При этом наличие трудового спора является обязательным условием, без которого проведение забастовки утрачивает правовое основание.

Право на забастовку гарантировано Конституцией РФ (ст. 37) [1] и Трудовым кодексом РФ (далее – ТК РФ) (ст. 2, 21, 409) [2]. Так, правовое регулирование забастовки осуществляется нормами трудового законодательства, устанавливающими как условия её допустимости, так и порядок проведения. В частности, предусмотрена необходимость соблюдения примирительных процедур, включая переговоры между сторонами, а также принятие решения о проведении забастовки в установленном порядке. Кроме того, обязательным является предварительное уведомление работодателя в письменной форме не позднее чем за 5 рабочих дней. Несоблюдение указанных требований влечёт признание забастовки незаконной, что, в свою очередь, может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности к её участникам.

Таким образом, забастовка представляет собой строго регламентированную форму коллективного действия, непосредственно затрагивающую сферу трудовых правоотношений.

В отличие от забастовки, пикетирование имеет иную правовую природу и относится к формам реализации конституционного права граждан на свободу выражения мнения [3, с. 88]. Оно представляет собой публичное мероприятие, выражающееся в присутствии граждан в определённом месте с целью доведения своей позиции до общества, органов власти или иных субъектов. При этом пикетирование не ограничивается рамками трудовых отношений и может использоваться для выражения позиции по широкому кругу общественно значимых вопросов.

Правовое регулирование пикетирования осуществляется нормами административного законодательства, регулирующими порядок проведения публичных мероприятий. В России порядок организации и проведения пикетирований определён Федеральным законом от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [4]. Закон направлен на обеспечение реализации права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования, закреплённого в ст. 31 Конституции РФ. Как правило, для его осуществления требуется соблюдение уведомительного порядка, а также выполнение требований, связанных с местом, временем и формой проведения. Нарушение установленных правил влечёт наступление административной ответственности, что отличает пикетирование от забастовки, последствия которой в первую очередь проявляются в сфере трудовых правоотношений.

Сравнительный анализ забастовки и пикетирования позволяет выявить ряд принципиальных различий. Прежде всего, они различаются по своей правовой природе. Забастовка является институтом трудового права и выступает способом разрешения коллективного трудового, тогда как пикетирование относится к сфере конституционного и административного права и представляет собой форму выражения гражданской позиции [5, с. 276]. Указанное различие предопределяет и иные особенности данных форм.

Отличия проявляются также в способах воздействия. Забастовка – это временное добровольное прекращение работы работниками с целью оказания давления на работодателя для удовлетворения определённых трудовых требований. К таким требованиям, как правило, относят повышение зарплаты, улучшение условий труда, сокращение рабочего времени и т.д. Пикетирование, в свою очередь, является публичным выраже-

нием позиции человека, чаще всего в виде плакатов, размещаемых в местах массового скопления людей. Оно направлено на то, чтобы привлечь внимание общественности и средств массовой информации к конкретным проблемам, будь то социальная несправедливость, экологические проблемы или политические требования.

Следующим различием является состав участников. В забастовке участвуют только работники, которые состоят в трудовых отношениях с конкретным работодателем. А в пикетировании может принять участие любой гражданин, студент, пенсионер, журналист, волонтер или даже кто-то, кто далек от самой проблемы. Здесь важна не трудовая принадлежность, а гражданская позиция.

Различия в правовых последствиях заслуживают особого внимания. Участие в законной забастовке не будет иметь негативных последствий для работников и защищено трудовым законодательством. В случае признания забастовки незаконной возможно применение дисциплинарных мер. Пикетирование же, при нарушении установленного порядка его проведения, влечёт административную ответственность, как правило в форме штрафа, и не оказывает прямого влияния на трудовой статус участника [6, с. 86].

Анализ современной судебной практики свидетельствует о чётком разграничении между реализацией работниками конституционного права на свободу выражения мнения и нарушением трудовой дисциплины. Суды часто указывают, что участие в публичных акциях, включая пикетирование, митинги или размещение критических высказываний в социальных сетях – не может квалифицироваться как дисциплинарный проступок, если такие действия осуществляются вне рабочего времени, без использования служебных ресурсов и не сопровождаются отказом от выполнения трудовых обязанностей (например, решение Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области от 15.11.2018 по делу № 2-1226/2018) [7]. В таких случаях суды ссылаются на ст. 29 Конституции РФ, подчёркивая, что граждане вправе свободно выражать свои взгляды. В то же время, если действия работников связаны с приостановкой трудовой деятельности, даже под видом «гражданского протеста» или «акции солидарности», они подпадают под регулирование норм о забастовках, установленных главой 64 ТК РФ. При этом отсутствие соблюдения установленной процедуры – отсутствие уведомления работодателя и решения профсоюза – влечёт признание таких действий незаконной забастовкой (например, решение Ленинградского областного суда от 22.11.2013 г. по делу № 3-64/2013) [8]. Таким образом, суды подчёркивают, что свобода слова не даёт права на нарушение трудового законодательства, а любое прекращение работы требует строгого соблюдения процессуальных гарантий, независимо от мотивации работников.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что забастовка и пикетирование, несмотря на внешнюю схожесть, являются различными правовыми явлениями. Забастовка представляет собой инструмент трудового права, направленный на разрешение коллективных трудовых споров посредством прекращения работы. Пикетирование, в свою очередь, является формой реализации конституционного права на свободу выражения мнения и не связано с отказом от исполнения трудовых обязанностей.

Различие между забастовкой и пикетированием необходимо для надлежащей юридической квалификации поведения участников и определения применимого законодательства. От этого зависят процедуры осуществления соответствующих прав и возможные юридические последствия. Основная проблема заключается в том, что границы между данными формами на практике размыты: пикетирование может использоваться как альтернатива более строго регламентированным забастовкам, а рабо-

тодатели, в свою очередь, могут незаконно квалифицировать публичную деятельность работников как нарушения. Это создает правовую неопределенность и затрудняет защиту прав работников и работодателей, требуя более четкого надзора и единой судебной практики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=moilmi6q7i937883332 (дата обращения: 29.03.2026).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 : [в ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=moietp0d9g37756245 (дата обращения: 29.03.2026).
3. Костенников М. В., Куракин А. В., Трегубова Е. В. Конституционное право на проведение мирных собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования и административная ответственность как средство его обеспечения // NB: Административное право и практика администрирования. 2013. № 8. С. 82–105.
4. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : федер. закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/?ysclid=moilz8l28a259925880 (дата обращения: 29.03.2026).
5. Нудненко Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 531 с.
6. Ярыгин И. И. Административная ответственность за участие в несанкционированных собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании: проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 84–86.
7. Решение Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области по делу № 2-1226/2018 от 15.11.2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-anzhero-sudzhenskii-gorodskoi-sud-kemerovskaia-oblast/?ysclid=mnc28ub6y3477521992 (дата обращения: 29.03.2026).
8. Решение Ленинградского областного суда по делу № 3-64/2013 от 22.11.2013 // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SARB&n=63129&ysclid=moimatnz19457464513#0iKa5IVgPddHvQGB (дата обращения: 29.03.2026).

Информация об авторе: *Яковенко Анастасия Романовна*, студентка, ФГБОУ ВО «Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева» (Россия, г. Казань).

УДК 930.2

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О БУРТАСАХ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Иван Алексеевич Баранов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

baranov-1102@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ письменных источников о буртасах, предпосылках возникновения раннегосударственного образования данного этноса. Исследование позволит углубить данные, связанные с формированием буртасского этноса и его протогосударства, которые до сих пор являются дискуссионными.

Ключевые слова: буртасы, средневековье, раннегосударственное образование, Среднее Поволжье, монгольское нашествие, историография

Благодарности: доктору исторических наук, профессору, декану историко-филологического факультета ПГУ О. А. Суховой и научному руководителю доктору исторических наук, профессору кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. В. Ставицкому.

Финансирование: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-20415 «Этногенез народов Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов». https://rscf.ru/project/25-28-20415/

Буртасы являлись народом Среднего Поволжья, о котором имеются достаточные сведения по письменным источникам, однако их происхождение, локализация, развитие государственности до сих пор вызывают споры среди ученых [1, с. 1]. Большинство сведений о данном средневековом этносе относятся к началу IX в. и заканчиваются 1237 г., когда после монгольского нашествия, буртасский этнос практически не упоминался [2, с. 246].

Первое письменное сообщение о буртасах принадлежит арабскому историку Абуль-Мундир Гишам ибн-Мухаммеду (Аль Кальби), датируемое 819 г. [3, с. 15]. Он описывал данный этнос как внуков Яфета – сына Ноя, что служило подтверждением божественного происхождения данного народа. Советский историк А. П. Новосильцев объяснял использование библейский сказаний, как точку отсчёта исторического развития [4, с. 224].

Джейхани, живший в X в., подробно описал соседство буртас с Хазарским Кагаганатом, булгарами, но не указал конкретного места проживания изучаемого этноса, лишь их связи в системе путей между городами Итилем, Булгаром и Киевом [5, с. 29–33].

Абу-Али Ахмед бен-Омар Ибн-Русте, известный как Даста (X в.), определил локализацию места проживания буртас между Хазарским Каганатом и землями Булгарии. Он подробно описал их как разрозненные племена в виде селений с 1–2 старейшинами без главного правителя. Старейшины осуществляли только судебную функцию. Вся власть была в руках Каганата, которому буртасы платили дань и отдавали 10000 всадников. Место их проживания было богато лесными, животными (преимущественно пушниной) ресурсами. Религия буртас напоминала верования гузов-кочевников, т.е. язычников. Положение и права женщин были равны таковым с мужчинами. Решение бытовых проблем осуществлялось по принципу «око за око».

Абу-Зайд Ахмед ибн-Сахль аль-Балхи, так же живший в X в., первым отметил географическое расположение буртас в районе берегов реки Волга. Из новых сведений

он упомянул отличие буртасского языка от хазарского, булгарского и славянского. Также аль-Балхи выделил страну буртас [6, с. 19–24,73].

Данный тезис нашёл продолжение у арабского географа Абу-Исхак аль-Фариси аль-Истахри в «Книге путей и государств», написанной в 950 г. По его мнению, буртасы приравнивались к другим народам, имевших основы раннего государства, таким как: русы; хазары; булгары.

Арабский историк, географ и путешественник Абу-ль-Хасан Али аль-Масуди в своём труде «Луга золота и рудники драгоценных камней» писал о славянском вторжении на мусульман у побережья Каспийского моря в 913 г. В данном событии буртасы, как булгары и хазары отличились своей жестокостью - перебили русов. Поход закончился поражением славян, после чего они больше не проводили нападений на данную территорию. Кроме военного дела аль-Масуди говорил о тюркском происхождении буртасов, считал их оседлыми народами, жившими между хазарами и булгарами. Река их называлась Буртас [7, с. 40–41]. В «Книге сообщений и знаний» он относил их конкретно к хазарам. Стоит отметить, что при изучении указанного письменного источника найдена общая закономерность относительно места проживания изучаемого этноса – это река, носящая аналогичное название. Главным богатством страны Буртас, о котором не раз писал аль-Масуди – это пушнина, а именно шкуры лисиц, которые ценились арабскими и персидскими правителями [8, с. 34].

Повторение сказанных ранее сведений о буртасах стало главной тенденцией, продолжавшейся до конца X в. Один из источников, который отличается от общепринятых – это письмо хазарского царя Иосифа Хасдаю ибн Шапруту, еврейскому советнику Кордовского халифа Абд ар-Рахмана III. В этом документе буртасы упоминаются в контексте уплаты дани Хазарскому каганату [9, с. 98–99].

Однако в «Книге путей и царств» Абуль-Касим Мухаммед Ибн-Хаукаля подробно описан в его понимании разорительный поход руссов на территорию в районе реки Итиль: на булгар, буртас, хазар, в следствие чего эти территории были захвачены славянами. Вероятнее всего это был поход князя Святослава на Хазарский каганат в 965 г., завершившийся разгромом государства хазар и присоединением части его территорий к Киевской Руси [10, с. 85].

В XI в. большинство мусульманских авторов продолжало дублировать уже имеющуюся информацию.

Персидский создатель такого труда как Худуд ал-лем мин ал-машрик ила-л-магриб (в перерводе с арабского означает «области мира от востока к западу») и «Слова об области венедеров» разделил буртасов на 2 группы: часть селилась в районе Волго-Донской переволоки, вблизи хазарских территорий; другая часть также находилась в районе реки Волги, но выше по течению [11, с. 4, 239, 255].

Абу Обейд Абдаллах ал-Бекри в трактате «Книга путей и стран» писал о большой территории, на которых проживали буртасы [12, с. 61–63].

Абу-Абдаллах Мухаммед ал-Идриси, живший в XII в., создал трактат под названием «Развлечение страстно желающего странствовать по землям», где упоминается о буртасских городах – Буртас и Сувар, а также о Хазарском каганате в качестве соседа, но к тому времени это государство уже прекратило своё существование [13, с. 103–113].

Мусульманский ученый Якут аль-Хамави в «Словаре стран» систематизировал ранее известные данные о буртасах. Он писал, что это народ, который ближе всего соседствовал с хазарами. Язык буртас являлся самостоятельным и отличался от хазар и булгар, т.е. от языков других тюркских народов. По его мнению, буртасы кочевали в долине реки Итиль (Волги) [11, с. 232].

Таким образом, в сферу интересов мульманских учёных входил в основном географический аспект жизни буртасов. Основным местом их расположения они считали Среднее Поволжье.

Исключением являлся Абу Саид Абд-ал-Хайя б. Зохак Гардизи. В своей книге «Украшение известий» он описал амуницию буртас, а также их набеги, совершаемые на булгар, печенегов. Кроме того, Гардизи отмечал неизменяемость власти в лице двух старейшин, осуществлявших роль судей в решении бытовых вопросов. Гардизи как и Ибн-Русте описал погребальный обряд, который различался: у одних буртасов – это кремация, у других трупоположение. Это говорит о возможных религиозных отличиях у буртас в связи с влиянием соседей, которые представляли разные религиозные конфессии.

В XIII в. арабские и персидские ученые выделили границы предполагаемого государства Буртас: восточнее Серира (современный Дагестан) и по юго-восточным берегам Волги. Начало данной тенденции связано с именем арабского географа и историка Ибн Саида ал-Магриби. В его трудах появились новые данные, кроме географических описаний изучаемого этноса. Буртасы совершали набеги на соседствующих с ними гузов и тюркские племена, что приводило к ответным нападениям не только на буртасов, но и на близлежащие народы, о которых ал-Магриби не упоминал [13, с. 77, 103–111, 589].

Проявляли интерес к буртасах и представители католичества, а именно венгерский монах-доминиканец Юлиан. Его сочинение «О существовании Великой Венгрии, обнаруженной Рихардом во время господина папы Григория девятого», изданное в 1235 г. изобилует описанием города Буртас (Бундаз). Юлиан не упоминал о мусульманской принадлежности изучаемого этноса, а писал о возможной смене их религии на христианскую [14, с. 80].

Фламандский монах-францисканец Гильом Рубрук, автор «Путешествия в Монголию в 1253–1255 гг.» писал ещё об одном этносе – мордас (мордва) [15, с. 110]. Рубрук сделал вывод о том, религией мордвы был ислам, но данное утверждение беспочвенно. По мнению Я. В. Пилипчука, больше всего эти данные можно сопоставить с буртасами, которые могли пройти булгаризацию и войти в состав государства Волжская Булгария. Но это предположение носит спорный характер [16, с. 257].

Персидский учёный – энциклопедист Рашид ад-Дин описал монгольское нашествие, где среди покоренных народов отмечены буртасы, мордва-мокши (мухши) и эрзя (арджаны). Итогом монгольского нашествия стало завоевание территорий и народов от левой части Улуг-така (современная Республика Тыва) до буртасов (в источнике фуртасы) и Руси [17, с. 15, 214].

Первое летописное упоминание о буртасах в русских летописях приходится на XIII в. у неизвестного автора «Слова о погибели Русской земли». Создатель произведения локализовал изучаемый этнос в районах, близких к проживанию мордвы и марийцев (черемисов). Буртасы находились в подчинении Руси ещё со времён Владимира Мономаха и платили дань, в том числе и его потомкам [18, с. 206–207].

Анализируя труды как мусульманских, так и европейский авторов, можно отметить богатство сочинений, раскрывающих быт, культуру, географическое и военное дело буртасов. Однако авторы рассматривали их историю через своё мировоззрение, имея на тот момент государство, религию в качестве идеологии. Кроме того, переписывание старых данных приводило к превратному толкованию буртасской истории и недостаточно полному представлению об изучаемом этносе, что не позволяет в полной мере говорить о раннем государственном образовании.

Советский востоковед Б. Н. Заходер подробно изучал вопрос формирования раннего государства буртас на территории Среднего Поволжья. Опираясь на данные арабо-персидских авторов, он писал, что буртасы – это союз племен, язык которого отличается от булгарского, хазарского, славянского. Тезис о торговле буртасов может являться догадкой арабских авторов, так как указанная мысль неоднократно переписывалась. Буртасская община обладала примитивными формами власти. Вместо князя или другого правителя буртасы имели двух старейшин, которые решали бытовые вопросы и выполняли судебные функции. Таким образом, буртасы находились на стадии родоплеменных отношений [11, с. 118, 238, 247].

Объединяющего фактора такого как монотеистическая религия у буртасов не было. Их язычество сохранилась с эпохи Хазарского Каганата, который веротерпимо относился к религиям зависимых от него народов – мордвы, марийцев, булгар, сувар. Буртасский этнос мог не принять и ислам, гипотетически находясь в составе Волжской Булгарии. Роль старейшин, обычай кровной мести, равное положение мужчин и женщин, упоминаемые в трудах Ибн-Русте (Даста), являются признаками родообщинного строя.

Можно считать, что буртасы представляли собой племена, объединенные в союз, но признаки, которые могли привести в последующем к развитию раннего государственного образования у данного этноса, не прослеживаются. Поэтому вопрос существования буртасского раннего государства остаётся открытым. Необходимы новые данные, позволяющие достоверно раскрыть историю буртасов.

Список литературы

1. Белорыбкин Г. Н. Буртасы. Пенза : ИРО, 2008. 36 с.
2. Андреев С. И. К исторической интерпретации буртасов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 102, № 10. С. 241–248.
3. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1870. 380 с.
4. Новосельцев А. П. Некоторые аспекты развития мусульманской историографии средних веков // Всемирная история и Восток. М. : Наука, 1989. 286 с.
5. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1952. Вып. 43. С. 3–44.
6. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста / пер. и коммент. Д. А. Хвольсона. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1869. 199 с.
7. Калинина Т. М. Восточная Европа в представлениях ал-Истархи, ибн Хаукала, ал-Масуди (в связи с проблемой буртасов) // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов : тез. к межобластной науч. конф. (г. Пенза, 23–27 января 1990 г.). Пенза : Б.и., 1990. С. 34–43.
8. Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р. Хр. О Кавказе, Армении и Азербайджане : текст, пер., примеч. Ибн-ал-Факих. Тифлис : Тип. Канц. Главнонач. Гражд. частью на Кавказе, 1902. 57 с.
9. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л. : Изд-во АН СССР, 1932. 134 с.
10. «Повесть временных лет»: произведения древнерусской литературы в переводах Д. С. Лихачёва. СПб. : Азбука, 2020. 379 с.
11. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе : в 2 т. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. Т. 1. 279 с.
12. Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах / сост.: А. Куник, В. Розен. СПб. : Тип. Акад. наук, 1878. Ч. 1. 192 с.
13. Бартольд В. В. Сочинения : в 9 т. М. : Изд-во восточной литературы, 1973. Т. VIII. 723 с.
14. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 71–112.
15. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вступ. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М. : Гос. изд-во географической литературы, 1957. 274 с.
16. Пилипчук Я. В. Кем были буртасы? // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 2. С. 252–266.
17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / отв. ред. П. П. Иванов. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 308 с.
18. Попов А. И. Буртасы и мордва // Учёные записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук. 1948. № 105. Вып. 2: Советское финноугроведение. С. 199–210.

Информация об авторах: *Баранов Иван Алексеевич*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 902

ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ В ВЕРХНЕМ ПОСУРЬЕ

Владимир Альбертович Винничек[1],
Артём Сергеевич Булушев[2]

[1]Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия
[2] Средняя общеобразовательная школа № 7 г. Пензы имени В. И. Лебедева, Пенза, Россия

[1]vinnichekvladimir@mail.ru
[2]a95615692@gmail.com

Аннотация. Рассматривается проблема проникновения в Верхнее Посурье аскизской ременной гарнитуры, которая встречается на предмонгольских поселениях региона. Ссылаясь на ранние исследования, выделяется ряд находок, которые с точки зрения хронологии относятся к XIII–XIV вв. Отмечается, что они были обнаружены на Золотарёвском поселении за пределами городища. Делается предположение о том, что древнехакасские железные таушированные изделия появились в регионе вместе с войсками монголов в 1237 г.
Ключевые слова: аскизы, Верхнее Посурье, предмонгольские поселения, монгольское нашествие

В книге Г. Н. Белорыбкина «Золотарёвское городище», вышедшей в 2023 г., одна из глав под названием «Аскизское наследие» посвящена изучению ремённой гарнитуры, обнаруженной на территории Золотарёвского поселения и имеющей аналогии в материальной культуре древних хакасов [1, с. 254–268]. Автор предполагает, что военный отряд аскизов охранял здесь торговый путь из Болгара в Киев [1, с. 268], указывая, что подобные железные ремённые накладки с позолотой встречаются на поселениях Древней Руси и Волжской Булгарии. Ранее Г. Н. Белорыбкин также отмечал, что древние хакасы являлись частью населения Золотарёвского городища и во время сражения с монголами в 1237 г. были в составе местной армии [2, с. 192].

Железные ремённые накладки т.н. «аскизского» облика получили распространение в Верхнем Посурье не ранее второй половины XI в., т.к. на добулгарских поселениях региона VIII – начала XI в. такие изделия не зафиксированы. Примером могут служить материалы Васильевского, Ахунских и Зареченских селищ.

Кроме того, железные накладки «аскизского» облика отличаются друг от друга не только по форме. Некоторые из них покрыты серебром или золотом при помощи техники таушированния, когда поверхность основы надсекали, образуя ряды «колючек», а затем на них набивали тонкую пластину драгметалла. Необходимо отметить, что все подобные ремённые накладки на Золотарёвском поселении найдены за пределами городища. На внешней стороне оборонительного вала были обнаружены и два наконечника стрел, которые покрыты золотом также при помощи таушированния [3, с. 181–182, с. 196, рис. 1]. Это свидетельствует о том, что стрелы и элементы железной ремённой гарнитуры с покрытием драгметаллами принадлежали не защитникам крепости, а напавшим в 1237 г. аскизам, которые входили в состав монгольской армии.

Известно, что в 1207 г. монгольская армия под командованием Джучи, старшего сына Чингисхана, покорила все «лесные народы», жившие в Южной Сибири от Байкала до западносибирских степей. При этом были подчинены Саяно-Алтайское нагорье и федерация княжеств древнехакасского государства.

Необходимо учесть, что расстояние между Золотарёвским городищем и расселением средневековых хакасов составляет более 3000 км. Трудно себе представить

народ, дружина которого, бросив своих родных и близких во время смертельной угрозы в родном краю, решил защищать интересы верхнесурского населения и охранять несуществующий торговый путь далеко от дома.

Все рассматриваемые покрытые драгметаллами изделия датируются И. Л. Кызласовым каменским этапом аскизской археологической культуры (XIII–XIV вв.) и обладают следующими признаками: парное расположение заклепок в зонах крепления, небольшие валики по сторонам предметов, удлиненные мысы наконечников, в том числе их каплевидные завершения, ярко выраженные выступы под заклепками, парные скругленные окончания верхних сторон, геометрический (треугольники, ромбы) и волнообразный орнамент, покрытие таушировкой не только малых, но и больших поверхностей [4, с. 59–60, с. 63, табл. IX: 60, 68, 70, табл. X: 42, 46, 47, табл. XXVI: 9, 10, рис. 26: 119, 121, 122, рис. 32: 2].

Необходимо отметить, что на верхнесурских поселениях во время археологических исследований никогда не фиксировалась фольга из серебра или золота, находки которой, возможно, позволили бы выдвинуть предположение о местном производстве таушированных элементов ремённой гарнитуры аскизского облика и указанных наконечников стрел.

Однако, подобная аскизская железная ремённая гарнитура встречается не только на территории Золотарёвского поселения, но и на других памятниках Верхнего Посурья (рис. 1).

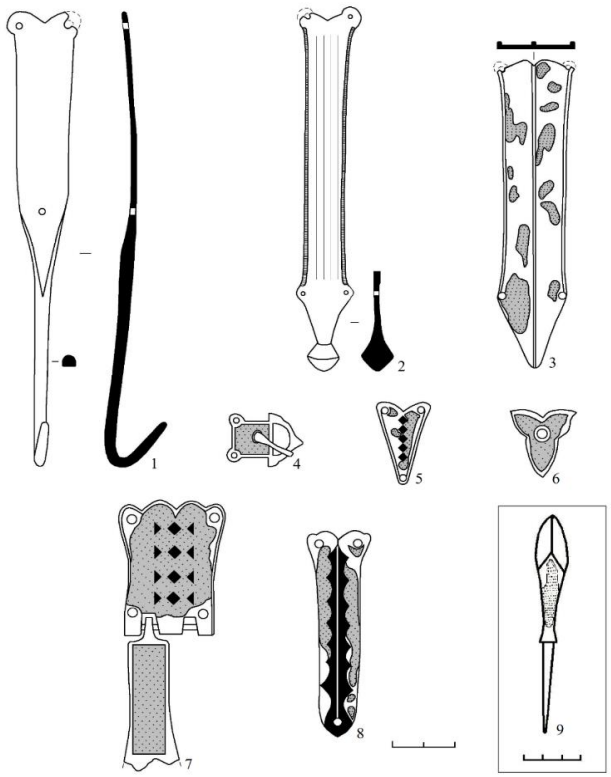

Рис. 1. Элементы аскизской ремённой гарнитуры и наконечник стрелы с домонгольских поселений Верхнего Посурья: 1–3 – селище Балабанов Родник; 4–9 – Золотарёвское поселение; 1, 2 железо; 3–6, 8 – железо + таушировка позолоченным серебром; 7 – железо + таушировка серебром; 9 – железо + таушировка золотом

Как уже было отмечено выше, территория компактного расселения древних хакасов стала частью улуса Джучи в 1207 г. [5, с. 73]. Как известно, монголы включали в состав своего войска военных из числа покорённых племён и народов, используя их во время боевых действий в качестве авангарда.

Поэтому, на наш взгляд, вопрос о причинах пребывания аскизов в Пензенском крае в начале XIII в. на сегодняшний день нельзя считать окончательно решённым, он требует дополнительных исследований. В равной степени, по нашему мнению, не решён вопрос о локализации ремесленных центров изготовления железных таушированных элементов ремённой гарнитуры.

Список литературы

1. Белорыбкин Г. Н. Золотарёвское городище // Труды Пензенской археологической экспедиции. Т. 2: Материалы и исследования по археологии № 2. Пенза : Областной изд. центр, 2023. 331 с.
2. Белорыбкин Г. Н. Золотарёвское поселение. СПб. ; Пенза : Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.
3. Винничек В. А., Сафронов П. И. Редкие и уникальные наконечники стрел со средневековых поселений Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Пенза : Родной дом, 2010. Вып. 3. С. 180–199.
4. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М. : Наука, 1983. 128 с.
5. Винничек В. А., Киреева К. М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза : ГАОУ ДПО ПИРО, 2012. 136 с.

Информация об авторах: *Винничек Владимир Альбертович*, кандидат исторических наук, директор Центра историко-культурного наследия, ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области» (Россия, г. Пенза);
Булушев Артём Сергеевич, учащийся, МБОУ «СОШ № 7 г. Пензы» имени В. И. Лебедева (Россия, г. Пенза).

УДК 572+902

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОРДВЫ: ЭПОХАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

Дмитрий Сергеевич Иконников[1], Владимир Вячеславович Ставицкий[2], Ольга Анатольевна Калмина[3], Олег Олегович Калмин[4]

[1,2,3,4]Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

[1]ikonnikof-ds@mail.ru
[2]stawiczky.v@yandex.ru
[3]okalmina@gmail.com
[4]kalmin.o.o@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена эпохальная динамика краниометрических признаков у мордвы различных исторических эпох. К исследованию были привлечены пять условно «ранних» выборок, датировавшихся ранним железным веком и эпохой Средневековья (Ражкинский, Селиксенский, Цнинские, Барбашинский и Муранский могильники), и пять выборок, относившихся преимущественно к XVII–XVIII вв. (суммарные серии эрзи, терюхан и мокши, выборки из могильника у с. Левжа и поздних погребений Кельгининского могильника). Сопоставление «поздних» и «ранних» выборок методом канонического анализа показало, что «поздние» выборки отличались от «ранних» тенденцией к укорочению и увеличению ширины мозгового отдела черепа, усилению профилировки лица на уровне верхнего края орбит, увеличению угла выступания носа и одновременно уменьшению высоты переносья. Наиболее вероятным объяснением такого морфологического сдвига является воздействие какого-то компонента (или нескольких компонентов), имевшего место на протяжении II тыс. н.э. Данный компонент характеризовался европеоидным обликом и относительно большой величиной поперечно-продольного черепного указателя.

Ключевые слова: мордва, краниология, эпохальная динамика
Благодарности: авторы выражают благодарность администрации и сотрудникам Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина за возможность исследовать хранящуюся у них краниологическую коллекцию из Кельгининского могильника
Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-20415 «Этногенез народов Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов». https://rscf.ru/project/25-28-20415/).

Краниологические особенности мордвы различных исторических эпох изучены ещё сравнительно слабо. В частности, мало известно об эпохальной динамике краниометрических признаков. В настоящее время известны краниологические серии из пяти мордовских памятников, датирующихся ранним железным веком и средневековьем: из Ражкинского кон. II–IV вв. (данные авторов), Селиксенского кон. II–VII вв. [1, табл. 70–71], Цнинских VIII–X вв. [2, табл. 51, 3, табл. 2-3], Барбашинского XIII–XIV вв. [4, табл. 1] и Муранского XIII–XIV вв. [1, табл. 29] (далее – «ранние» серии). Из материалов близких к современности, в литературе имеются данные о суммарных сериях эрзи, мокши и терюхан [5, табл. 35–37] и серии из могильника у с. Левжа XVII–XVIII вв. [6, табл. 1]. Здесь мы дополним их нашими материалами по поздним погребениям Кельгининского могильника XVII–XVIII вв. (табл. 1) (далее – «поздние» серии). В ходе статистических работ крайне малочисленные мужские выборки из Ражкинского, Селиксенского, Цнинских и Кельгининского могильников были дополнены данными по женским черепам, преобразованными в мужские путём умножения на среднемировой коэффициент полового диморфизма [7, табл. 12–13]. Кроме того, материалы Т. И. Алексеевой по Селиксенскому могильнику были дополнены измерениями черепов из того же могильника, хранящихся в антропологической лаборатории Пензенского государственного университета.

Таблица 1

Краниометрические данные из могильников мордвы различных исторических эпох

	1.	8.	17.	5.	9.	32.	45.	48.	55.	54.
Ражкинский мог-к	182,6	139,2	134,2	105,5	95,9	86,3	137,1	65,8	48,3	24,7
Цнинские мог-ки	185,1	132,1	139,1	104,4	96,1		130,4	70,0	50,0	25,0
Селиксенский мог-к	189,8	138,0	139,8	101,2	97,8	82,5	135,0	69,4	51,0	26,4
Барбашинский мог-к	184,1	133,9	136,1	102,4	97,1	83,0	129,1	69,3	49,9	24,9
Муранский мог-к	186,3	137,6	133,3	104,5	97,1	83,6	132,6	69,7	50,5	25,5
Мордва-эрзя	179,4	143,3	135,0	101,1	96,6	83,6	134,1	70,5	50,6	24,7
Мордва-терюхане	178,9	142,8	134,0	104,1	95,2	83,1	133,0	70,0	52,6	24,6
Мордва-мокша	182,5	140,9	131,0	99,4	96,1	83,4	132,1	69,9	50,7	24,5
Кельгининский мог-к	181,9	139,8	132,8	101,0	96,1	79,5	130,9	72,1	50,1	25,6
Мог-к у с. Левжа	179,0	138,8	131,2	100,4	93,7	80,8	128,3	69,9	51,1	24,9
	51.	52.	DC.	DS.	SC.	SS.	72.	75(1).	77.	zm'.
Ражкинский мог-к	42,4	32,0	21,6	12,0	8,8	4,8	82,3	18,2	145,1	126,3
Цнинские мог-ки	41,8	31,4	23,7	12,8	8,4	3,8		21,4	138,3	127,4
Селиксенский мог-к	41,8	31,7	27,1	14,2	9,9	4,2	82,0	24,0	138,9	126,2
Барбашинский мог-к	41,2	31,5	22,6	12,4	10,0	4,6	84,0	26,3	137,5	123,3
Муранский мог-к	41,6	32,5	21,4	11,4	8,9	3,5	84,8	26,0	137,1	131,2
Мордва-эрзя	41,5	32,5	21,9	11,9	9,3	4,0	85,8	28,5	140,6	128,4
Мордва-терюхане	40,6	33,3	20,0	11,8	8,3	4,1	85,5	27,3	141,3	128,7
Мордва-мокша	40,8	32,6	22,1	12,4	10,1	4,7	84,7	26,9	140,4	127,2
Кельгининский мог-к	41,8	31,7	23,0	12,3	10,2	5,1	83,0	24,0	139,7	124,9
Мог-к у с. Левжа	41,2	32,5	22,2	11,8	9,2	3,7	83,9	25,0	137,1	126,5

Сопоставление выборок по индексам, предложенным Г. Ф. Дебецем для определения степени выраженности монголоидной примеси в смешанных европеоидно-монголоидных группах: преаурикулярному фацио-церебральному указателю (ПФЦ), показателю уплощённости лицевого скелета (УЛС) и условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) [8, с. 15–18], показало большой разброс по величине УДМЭ и УЛС для «ранних» выборок (табл. 2, рис. 1) и заметную «стабилизацию» значений этих индексов для «поздних». Однако придавать значение этому обстоятельству преждевременно, так как «ранние» серии сравнительно малочисленны и происходят из могильников, разбросанных на очень широкой территории (от бассейна Цны до среднего течения Волги). Напротив, «поздние» выборки многочисленнее и собраны на более компактной площади Волго-Окского междуречья. Значение ПФЦ для «ранних» серий несколько меньше, чем для «поздних», и трансгрессия по этому индексу очень невелика. Этот момент труднее объяснить случайными обстоятельствами.

Таблица 2

Значения преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ), показателя уплощённости лицевого скелета (УЛС) и условной доли монголоидного элемента (УДМЭ) для 10 краниологических выборок мордвы различных исторических эпох (в порядке возрастания УДМЭ)

Серия:	ПФЦ	УЛС	УДМЭ
Барбашинский могильник	88,7	17,9	–12,1
Селиксенский могильник	89,2	25,9	–0,6
Цнинские могильники	88,4	36,9	7,5
Мордва-эрзя	90,3	30,6	10,4
Мордва-мокша	91,5	27,2	12,7
Могильник у с. Левжа	91,0	29,6	12,8
Кельгининский могильник	92,0	26,7	15,0
Мордва-терюхане	90,6	34,5	16,4
Муранский могильник	90,4	36,2	17,0
Ражкинский могильник	89,7	52,2	31,5

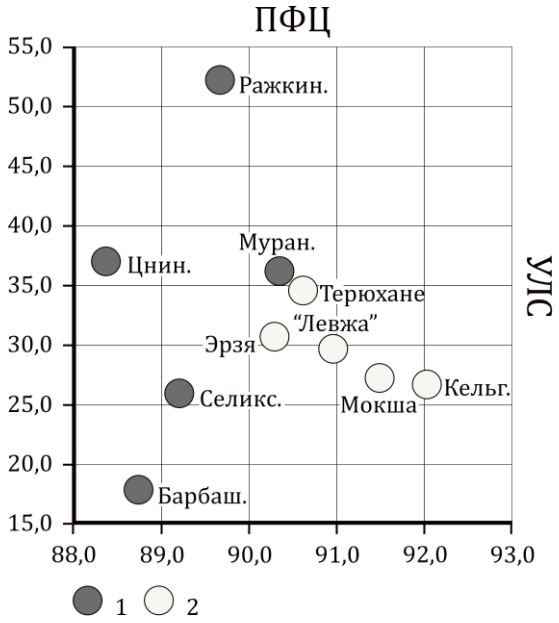

Рис. 1. Соотношение величин преаурикулярного фацио-церебрального указателя (ПФЦ) и показателя уплощённости лицевого скелета (УЛС) для краниологических серий мордвы различных исторических эпох

Результаты исследования 10 выборок мордвы различных исторических эпох методом канонического анализа [9, с. 138–140] продемонстрировало следующие результаты (табл. 3, рис. 2): первый канонический вектор (КВ-I) описывал 33,8 % изменчивости. Наибольшие положительные нагрузки приходились на поперечный диаметр черепа и угол выступания носа, наибольшие отрицательные – на симотическую высоту, назо-малярный угол и продольный диаметр черепа. На графике «поздние» серии сосредоточились в правой и центральной части графика, «ранние», преимущественно, в левой. Трансгрессия между «ранними» и «поздними» выборками была невелика (исключение – только положение Муранского могильника), но и заметных разрывов также не наблюдалось. Это даёт основания предполагать, что КВ-I, частично отражает общую направленность эпохальной изменчивости. Изменение пропорций мозгового отдела черепа частично могло быть объяснено общемировым процессом брахицефализации. Но усиление профилировки верхней части лица и носа, очевидно, являлось результатом воздействия какого-то компонента (или компонентов), имевшего, в целом, европеоидный облик. Установить происхождение этого компонента можно только в ходе специального комплексного исследования.

Таблица 3

Значения канонических переменных (КП) и нагрузок на векторы (НВ) I-III канонических векторов для 10 краниологических выборок мордвы

	КВ–I		КВ–II	
	КП	НВ	КП	НВ
1.	–0,068	**–0,414**	–0,008	–0,050
8.	0,129	**0,647**	0,021	0,104
17.	–0,077	–0,377	–0,024	–0,118
5.	0,083	0,340	0,041	0,168
9.	–0,056	–0,248	0,026	0,114
32.	0,011	0,042	0,098	0,364
45.	–0,037	–0,189	0,132	**0,673**
48.	0,011	0,046	0,011	0,045
55.	0,087	0,253	–0,155	**–0,450**
54.	0,066	0,118	–0,073	–0,132
51.	–0,099	–0,178	–0,015	–0,027
52.	0,090	0,171	0,097	0,185
DC.	–0,148	–0,326	–0,184	**–0,404**
DS.	–0,142	–0,213	–0,161	–0,242
SC.	0,191	0,344	0,046	0,083
SS.	–0,616	**–0,555**	0,388	0,349
72.	–0,022	–0,063	0,073	0,213
75(1).	0,095	**0,435**	0,033	0,151
77.	–0,096	**–0,424**	0,105	**0,461**
zm'.	0,046	0,246	–0,015	–0,081
%	33,8		26,5	

КВ-II описывал 26,5 % изменчивости. Наибольшие положительные нагрузки приходились на скуловой диаметр и назо-малярный угол, наибольшие отрицательные – на высоту носа и дакриальную ширину. Вектор частично дифференцировал серии по степени выраженности монголоидной примеси. Поэтому Ражкинский могильник, у которого следы этой примеси выражены наиболее отчётливо, занял изолированное положение.

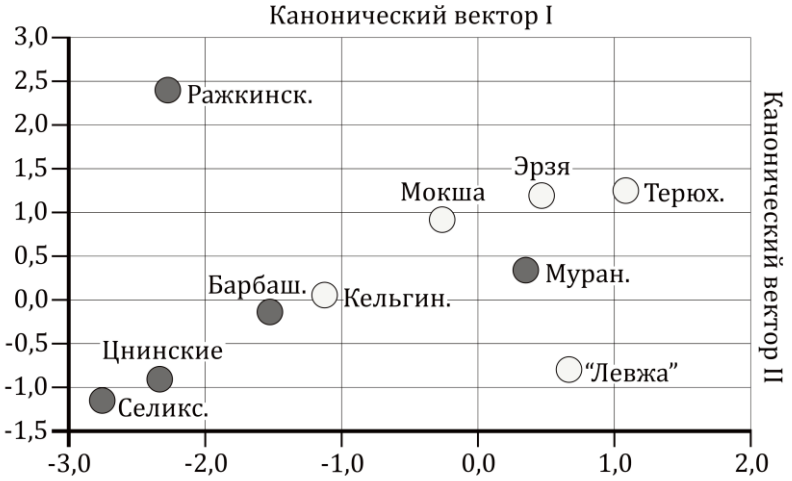

Рис. 2. Положение краниологических выборок мордвы различных исторических эпох в пространстве I-II канонических векторов

Список литературы

1. Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 329 с.

2. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 389 с. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV).

3. Гончарова Н. Н., Конопелькин Д. С. Новые данные к антропологии финских племен Верхней Волги и бассейна Оки // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты / отв. ред. А. В. Громов. СПб., 2014. С. 89–103.

4. Газимзянов И. Р. Антропология средневекового Барбашинского могильника // Краеведческие записки / отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара, 2010. Вып. XIV. С. 149–172.

5. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М. : Наука, 1969. 323 с.

6. Кадырбекова Т. К. Внутригрупповая изменчивость краниометрических признаков в серии из мордовского могильника Левжа (XVII – первая половина XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия XXIII, Антропология. 2025. № 3. С. 145–161. doi: 10.55959/MSU2074-8132-25-3-13

7. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 127 с.

8. Дебец Г. Ф. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии / отв. ред.: В. П. Алексеев, И. С. Гурвич. М. : Наука, 1968. С. 13–22.

9. Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 226 с.

Информация об авторах: *Иконников Дмитрий Сергеевич*, кандидат исторических наук, заведующий антропологической лабораторией кафедры «Анатомия человека», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза);

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и обществознание», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза);

Калмина Ольга Анатольевна, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза);

Калмин Олег Олегович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры «Анатомия человека», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 902.3

ПЕНЗЕНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Олег Васильевич Ягов[1],
Александр Алексеевич Понякин[2]

[1,2]Правительство Пензенской области, Пенза, Россия
[1]Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

[1]yagovdom@mail.ru
[2]ponyakin@bk.ru

Аннотация. На основе анализа нормативных правовых актов, отчетной документации о проведении археологических полевых работ на территории Пензенской области, а также библиографических источников раскрывается сущность работы регионального объединения специалистов-археологов под наименованием «Пензенская археологическая экспедиция» как нового способа сохранения археологического наследия на территории Российской Федерации.
Ключевые слова: археологическое наследие, охрана памятников истории и культуры, Пензенская область

Исторические процессы на территории Пензенской области, начиная с каменного века и вплоть до позднего средневековья – XVIII в. практически всегда изучаются на основании археологических исследований [1, с. 3]. При этом с XIX в. по 2021 г. фактически отсутствовало консолидированное сообщество ученых-археологов. Исследования осуществлялись в составе либо обособленного государственного учреждения, либо единолично ученым-археологом в виду изучения им строго определенной тематики [2, с. 34].

Особенно активно археологические работы на территории Пензенской области стали проводиться в 1960-х и 1970-х гг. Данная тенденция была характерна для всей территории РСФСР и явилась основной для всей последующей системы государственной охраны памятников в стране.

Первая волна изучения и постановки на государственный учет объектов археологического наследия связана с принятием постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». В связи с изданием постановления на государственную охраны были приняты 9 археологических комплексов в различных районах Пензенской области (Пензенском, Нижнеломовском, Вадинском и других) [3, с. 183].

Следующий серьезный период комплексного подхода к изучению и государственному учету археологических памятников относится к 1970-м г. Так, в данный период на государственный учет и охрану были поставлены памятники археологии в городе Пензе (Ахунское городище, 2 пол. I тыс. до н.э.), Вадинском районе (Кармалейское городище, IX–XI вв.), Городищенском районе (Юловское и Сундровское городища, XII–XIII вв.), Наровчатском районе (Наровчатское городище, XIV в., Озименковская стоянка эпохи неолита), Нижнеломовском районе (Вал русской сторожевой черты XVII в.), Сосновоборском районе (Русско-Труевское городище, XIII–XIV вв.), Шемышейском районе (Армиевское городище, V – VI вв., Неклюдовское городище, XII–XIII вв.). При этом указанные памятники археологии были поставлены на государственный учет и охрану по результатам научных работ фактически одного специали-

ста-археолога – сотрудника Пензенского государственного краеведческого музея М. Р. Полесских [4, с. 39].

Далее вплоть до 2018 г. памятники археологии на территории Пензенской области фактически не ставились на государственный учет соответствующими нормативными актами. С 2018 по 2021 гг. отдельными исследователями эпизодически осуществлялись археологические исследования и их постановка на учет. За этот период на территории Пензенской области было выявлено всего 9 памятников археологического наследия. Среди них «Грунтовый могильник Пановский» в Земетчинском районе, «Селище Агапово-1» в Белинском районе и другие [5].

2022 г. явился переломным моментом в сфере сохранения археологического наследия Пензенской области. 30 августа 2022 г. было принято распоряжение Правительства Пензенской области № 600-рП «О мерах по сохранению объектов археологического наследия Пензенской области». Пунктом 5 данного распоряжения исполнительным органам власти Пензенской области было поручено создать Пензенскую археологическую экспедицию и профинансировать ее работу. С 2023 г. экспедиция фактически начала свою работу. В состав данного профессионального коллектива вошли специалисты Департамента Пензенской области по охране памятников истории и культуры, Института регионального развития Пензенской области, Пензенского государственного краеведческого музея, Пензенского государственного университета, Пензенского общественного фонда поддержки науки, культуры и образования «Буртас» [6]. Было утверждено соглашение о взаимодействии, план работы на 2023 г.

В 2023 г. в рамках экспедиции было проведено 18 мероприятий, в 2024 г. – 24, 2025 г. – 36, на 2026 г. запланировано 36 мероприятий: выставок, конференций, археологических полевых работ (раскопок и разведок). Благодаря работе экспедиции значительно возросло количество памятников археологии, стоящих на государственном учете. За время работы экспедиции было выявлено и постановлено на государственный учет в качестве выявленных 16 объектов археологического наследия [7]. В единый реестр объектов культурного наследия России на основании документов, подготовленных членами экспедиции, было включено 9 памятников археологии в качестве объектов культурного наследия федерального значения. Среди них – «Культурный слой города Пензы, XVII–XX вв.», который стал основной площадкой изучения древней истории областного центра [8].

Создание и деятельность Пензенской археологической экспедиции по факту стало новым способом сохранения археологического наследия Пензенской области в ее новейшей истории.

Список литературы

1. История Пензенского края : в 3 т. / под общ. ред. О. В. Мельниченко. Т. 1: История Пензенского края с древнейших времен до конца XVIII века / под ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2022. 448 с.

2. Мурашов Д. Ю., Белова Е. Г. Краевед Ф. Ф. Чекалин: жизнь и память // Пензенское краеведение. Научно-популярный журнал. 2023. № 1 (45). С. 34–40.

3. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 3793.

4. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 6175.

5. О включении выявленного объекта археологического наследия в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Пензенской области : приказ Комитета Пензенской области по охране памятников истории и культуры № 217-ОД

от 18.11.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5801202011190002 (дата обращения: 19.03.2026).

6. В региональном правительстве проинформировали о планах работы Пензенской археологической экспедиции // Официальный сайт Губернатора и Правительства Пензенской области. 2026. URL: https://pnzreg.ru/news/society/455572/ (дата обращения: 19.03.2026).

7. О включении выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник "Чубаровка"» (Пензенская область, Колышлейский район) в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Пензенской области, установлении границ его территории и правового режима использования земельных участков в границах территории объекта культурного наследия : приказ Министерства по охране памятников истории и культуры Пензенской области № 30-6 от 04.02.2026 // Официальный интернет-портал правовой информации. 2026. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5801202602090022 (дата обращения: 19.03.2026).

8. Культурный слой Пензы XVII – начала XX века приобрел статус памятника федерального значения // Информационное агентство «Пенза-СМИ». 2023. 13 сентября. URL: https://penzasmi.ru/news/82724/kulturnyy-sloy-penzy-17--nachala-20-vekov-priobrel-status-pamyatnika-federalnogo-znacheniya (дата обращения: 19.03.2026).

Информация об авторах: *Ягов Олег Васильевич*, первый заместитель Председателя Правительства, Правительство Пензенской области; доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза);
Понякин Александр Алексеевич, министр по охране памятников истории и культуры Пензенской области, Правительство Пензенской области (Россия, г. Пенза).

УДК 94(410)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ АНГЛИИ И СТАНОВЛЕНИЕ КОМПОЗИТАРНОЙ МОНАРХИИ (XIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVII в.)

Арина Александровна Афонина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

af0ninaar@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается процесс становления и развития композитарной монархии в Англии XIII – первой трети XVII в. как особой модели государственного устройства, основанной на объединении автономных территорий под властью единого монарха при сохранении их уникальных институтов. Устанавливаются общие закономерности и специфические черты управления Уэльсом, Шотландией и Ирландией. Особое внимание уделяется соотношению интеграционного и сепаратного типов управления, роли династического фактора, религиозных противоречий и колонизационной политики в формировании британской государственности. Делается вывод о вариативности моделей интеграции в рамках единой композитарной монархии и значении этнокультурных и социальных факторов для эффективности государственного управления.

Ключевые слова: композитарная монархия, Уэльс, Шотландия, Ирландия, Тюдоры, Стюарты

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. П. Митрофанова.

Концепция композитарной монархии выступает в качестве одного из наиболее эффективных методологических подходов к исследованию государственных институтов и систем управления в европейских странах. Данный подход предоставляет исследователям уникальные возможности не только для анализа механизмов функционирования верховной власти в эпоху перехода от Средневековья к раннему Новому времени, но и открывает новые возможности в изучении этнокультурных процессов и межэтнических отношений того периода. Сама концепция основывается на разработках Х. Г. Кенигсберга и Дж. Эллиотта, по мнению которых «подавляющее большинство государств раннего Нового времени представляли собой не только в территориальном, но и административном отношении структурно сложные объединения». Особенно это можно заметить при изучении истории Великобритании периода раннего Нового времени [1, с. 35–36].

Сам термин «композитарная монархия» подразумевает, что это особая модель государства эпохи раннего Нового времени, состоящая из нескольких автономных территорий (композитов), объединенных личной унией в лице общего суверена – монарха. Для периода XVI–XVII вв. можно выделить другие формулировки термина: 1) государство, в котором политическую роль играют несколько сословий, т.е. сословно-представительные монархии; 2) государство, состоящее из разных народов, фактически, почти синоним империи [2, с. 46].

Главными признаками композитарной монархии являются: 1) объединение автономных королевств с сохранением их уникальных институтов; 2) вариативность степени интеграции и моделей управления для каждого композита. Вопросы интеграции автономных территорий в состав единого государства анализировались главным образом через призму формально правовых отношений.

Дж. Эллиотт выделял два типа композитарной монархии: интеграционный (унификация управления, как у Испании с колониями) и сепаратный (полная автономия частей, как у Англии и Шотландии после 1603 г.).

Процесс становления композитарной монархии в Англии развивался с XII по XVII в. Он был тесно связан с расширением английского влияния на Уэльс, Шотландию и Ирландию и формированием уникальной политической системы, отличающейся от континентальных европейских государств. Можно выделить ключевые этапы становления композитарной монархии в Англии: 1) Ранний этап (до XIII в.); 2) Период консолидации (XIII–XV вв.); 3) Этап англо-шотландского противостояния (XIV–XVI вв.); 4) Тюдоровский период (конец XV – начало XVI вв.); 5) Раннестюартовский период (1603–1642 гг.).

До нормандского завоевания 1066 г. и в англонормандский период (XI–XII вв.) английское королевство уже имело сложную структуру, но как «композитарная монархия» она еще не сформировалась. Но стоит отметить, что нормандское завоевание заложило основы для будущей централизации. Вильгельм Завоеватель, введя феодальную систему, имеющая существенные отличия от континентальной модели, проведя перепись «Книги Страшного суда» в 1086 г., создал прецедент верховной собственности короны на всю землю. Однако и в XII в. единство королевства держалось не на институтах, а на централизованных вассально-ленных связях и фигуре монарха, что делает эту систему переходной к более сложным формам государственности [3, с. 558–559].

Ключевым этапом в истории английской композитарной монархии стал 1272 г. – именно тогда Эдуард I развернул кампанию по подчинению Уэльса, положив начало формированию нового государственного устройства. В данный период население Уэльса находилось на низком уровне политического, экономического развития. Это было связано с междоусобицами кельтских племен. В 1277 г. началась экспедиция Эдуардом I. Ему удалось подчинить территории, используя политику замирения: оказал почести Лливелину III и его брату Давиду [4, с. 194–195].

Изначально Эдуард I хотел использовать в качестве управления Уэльса английские способы. На территории создал графства, а разъездные суды начали применять Common Law (общее право). Однако кельты были против такого подхода к управлению: валлийцы придерживались своих древних обычаев, которые, по мнению Эдуарда I, являлись варварскими. Все же с 1301 г. на территории Уэльса начали действовать английские законы и обычаи, но формально его территория оставалась вне английского королевства.

Начало XV в., время правления Генриха IV, ознаменовалось принятием парламентом 17 статутов, ущемлявших права валлийцев. Эта мера стала ответом на восстание под предводительством Оуэна Глендоуэра. Управление Уэльсом из Лондона постоянно осложнялось сопротивлением местных жителей. Впоследствии, при Эдуарде IV, был учрежден Совет Окраинных земель, призванный управлять территориями, принадлежавшими принцу Уэльскому. Впоследствии Генрих VII Тюдор расширил его полномочия, стремясь укрепить королевскую власть. Окончательная интеграция произошла лишь в XVI в., когда Генрих VIII утвердил «Акт об объединении», юридически оформивший слияние Англии и Уэльса в единое королевство [4, с. 195].

В отличие от Уэльса, Эдуарду I не удалось захватить Шотландию. Его попытка объединить оба королевства династическим браком (союз его сына и наследницей шотландского престола) не увенчалась успехом. Маргарет Норвежская Дева умерла во время плаванья. Тогда шотландские феодалы Иоанн Баллиоль и Роберт Брюс начали оспаривать свои права на корону. Эдуард I, являвшийся третейским судьей, при назначении Иоанна Баллиоля королем Шотландии заявил о признании себя сюзереном данной территории, за что впоследствии боролся несколько лет. Эдуарду I удалось подчинить себе Шотландию и трон, но в 1306 г. Роберт Брюс был коронован в Скуне, Шотландия. А Эдуард II, вовсе прекратил захват шотландских земель.

Стоит отметить, что на данной территории были сильны феодально-клановые отношения, которые отличали социальный и государственный строй страны. Это проявлялось в разных аспектах: в социальном строе, в государственном устройстве, в экономике и в культуре. В средние века Шотландия образовала свою цивилизацию и монархию, сходную с англо-нормандской. Парламент был однопалатный, в него входили «титулованная знать, духовенство, горожане, лэрды (среднее и мелкое дворянство-А.А.)». Правовая система была основана на римском праве, делопроизводство велось на народном, гэльском, языке который отличался от английского [2, с. 49]. Это позволяло Шотландии отстаивать свою независимость на протяжении нескольких веков.

Начало интеграции Шотландии в Англию произошло в XVI в., при Марии Стюарт (1542-1567) которая стала ориентироваться на Францию и католицизм. Ее политика вызвала недовольство шотландских дворян и кальвинистов, повлиявшее на создание Ковенанта – союза, выступавшего за свержение Марии Стюарт. Так, началась война, которую поддержала Елизавета I Тюдор. В 1560 г. был подписан Эдинбургский договор: французские и английские войска покидали Шотландию, управление переходило к Совету лордов, а кальвинисты получали свободу вероисповедания [2, с. 49].

Столкновения на границах, которые не прекращались с XIII в., и вопрос о престолонаследии стали главными причинами к стремлению объединения двух королевств в XVI в., при правлении Елизаветы I Тюдор. Еще Генрих VII предусматривал объединение Англии и Шотландии, когда выдавал замуж дочь Маргариту за Якова IV. Так, в конце XVI – в начале XVII в. этот династический союз предоставил правнуку Якова и Маргариты, Якову VI, право на английский престол. По мнению Томаса Уилсона, английского дипломата и судьи, доктора права, современника, Яков не являлся для англичан иностранцем. А Шотландия – была частью британских островов. Таким образом, можно сказать, что Шотландия органично становилась частью единого королевства.

В 1603 г. Яков VI стал английским королем, объединив Англию, Шотландию и Ирландию под именем Яков I Стюарт. Эта уния была хорошо подготовленным шагом английской политики, положив начало триединому королевству – Великобритании. В данный период происходило создание новой знати на территории Шотландии, которое в дальнейшем привело к изменению состава аппарата управления: в 1625 г. новые дворяне, по происхождению шотландцы, вошли в Тайный совет [5, с. 349]. Англии удалось превратить Шотландию в часть композитарной монархии. Но Якову I Стюарту не удалось создать планы объединения составных частей под единый государственно-правовой механизм и оставить их для дальнейшей реализации. Таким образом, Англия, в отличие от других европейских стран, не перешла к единообразному бюрократическому управлению: важным элементом оставался патронат и выборность местной администрации из дворян [6, с. 166–168].

Вхождение Ирландии в состав английского государства происходило иным путем. Сам процесс завоевания территории начался еще в XII в., но к XV в. англичане захватили большую часть Ирландии. На этой территории стали действовать английская система управления и парламент, состоявший из двух палат (как в Англии-А.А.). На другой части Ирландии оставалась прежняя власть, выраженная кланом вождей, которая продолжала нападать на английские поселения и города. Так продолжалось вплоть до XVI в., но «дикие ирландцы» все же стали номинально признавать власть английских монархов. В 1541 г. Генрих VIII объявил себя королем Ирландии. До сих пор ведутся споры о том, почему английский король решил полностью подчинить себе Ирландию. Но после начала англиканской реформации началось сопротивление, кото-

рое объединило две враждующие общины ирландцев-католиков и гэльские племена. Тогда вождей кланов принудили отказываться от земель в пользу короля, а он жаловал их своим союзникам. Конфискация земель продолжалась до конца XVI в. Ирландцы превращались в бесправных арендаторов со своей титулованной знатью. Парламент сохранялся и подчинялся английской короне.

При Елизавете I Тюдор в 1594 г. началось восстание в Ольстере. Восставшие требовали сохранение католицизма и права на собственную администрацию. Оно переросло в войну, которую удалось подавить только в 1603 г. Так, английская администрация в Дублине смогла распространить свою власть на всю территорию Ирландии, введя повсеместно единую судебную систему и завершив разоружение как ирландских, так и староанглийских феодальных владений. К началу XVII в. были присоединены территории, называемые Манстер и Ольстер [6, с. 172].

Одним из важнейших факторов композитарной монархии стали и креации ирландской знати Тюдорами и Стюартами. На территории Ирландии было введено административное деление на четыре региона с графствами, английские колонисты обладали крупными земельными участками, таким образом, была система феодального землевладения. Но стоит отметить, что это не позволило прочно привязать Ирландию. Попытки англичан распространить протестантизм не увенчались успехом ни среди знати, ни среди простого населения. Этому способствовала жестокая политика короны, направленная на подавление сопротивления и выкачивание ресурсов, что лишь подогревало ненависть к продолжению борьбы против английскому господству и англиканской церкви [7, с. 231–238].

Таким образом, к началу XVII в. на Британских островах сложилась уникальная композитарная монархия, сочетавшая высокую степень интеграции (Уэльс) с широкой автономией (Шотландия) и колониальным подчинением (Ирландия). Этот опыт подтверждает тезис Дж. Эллиотта о вариативности моделей управления в рамках одного государства и демонстрирует, что эффективность композитарной модели зависела не только от формально-правовых механизмов, но и от учета этнокультурных, религиозных и социальных особенностей каждого композита.

Список литературы

1. Паламарчук А. А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45.

2. Митрофанов В. П. Становление композитарной монархии в Англии в XVI – первой половине XVII в. // Многосоставные государства: опыт и перспективы развития : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 29–30 мая 2019 г.) / под ред. А. Д. Гулякова. Пенза : Изд-во ПГПУ, 2019. С. 45–52.

3. Кизилова А. А. Развитие государственности и ее этапы в средневековой Англии // Вестник науки. 2025. Т. 2, № 5 (86). С. 557–564.

4. Моруа А. История Англии. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2021. 768 с.

5. Федоров С. Е. Аристократия при ранних Стюартах (1603–1629). СПб. : Алетейя, 2023. 668 с.

6. История Европы : в 8 т. Т. 3: От средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) / отв. ред.: Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. М. : Наука, 1993. 656 с.

7. Савин А. Н. Лекции по истории Английской революции. М. : Крафт+, 2000. 535 с.

Информация об авторе: *Афонина Арина Александровна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(410)

АНГЛИЙСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Даниил Сергеевич Вдовин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

VdovinDaniil14@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются феномен английских средневековых университетов, их развитие в XI–XIII вв., особенности отношений с городской организацией, их роль в английском обществе.

Ключевые слова: университет, Оксфорд, Кембридж, Англия, образование, средневековый город

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. П. Митрофанова.

В раннее средневековье все образование было основано на античной системе образования («семь свободных искусств» и было подконтрольно церкви.

Светское образования возникает в период XI–XII вв. роста городов, когда стали появляться частные школы, гильдейские, муниципальные. Эти образовательные учреждения продолжали развиваться, в конечном итоге трансформируясь в университеты. *Universitas* – с лат. совокупность, что контексте подразумевают общность студентов и преподавателей, организованных в университет.

Университеты – институт, который возник в результате синтеза культур раннего средневековья и античного мира. В основе университетского образования лежала система «семи свободных искусств». Она включала тривиум: грамматика, риторика и диалектика (логика) и квадриум: арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Идея семи искусств была создана в V в. до н.э. греком Гиппием Эллидским. В дальнейшем в развитие этой системы внесли вклад Марк Теренций Варрон, Августин Аврелий, Марциан Капелла [1, с. 25–26]. Первые университеты возникли почти одновременно и неизбежно оказывали влияние друг на друга. Парижский и Болонский университеты по праву можно назвать первыми в Европе [2, с. 13; 3, с. 104].

Университеты стали появляться по всей Европе. Это также происходило и в Англии. Одним из старейших университетов в англоязычном мире является Оксфорд. Дата основания остается неизвестной, но по существующим данным можно сказать, что в XI в. он уже существовал, так как преподавание там велось уже в 1096 г. [4, с. 6] Однако, в XII в. Оксфорд не являлся научным центром Англии, отставая от Парижского в этом отношении. В результате реформы Генриха II Плантогенета в 1167 из Парижа были вынуждены выехать английские студенты студенты (Генрих запретил обучение в Сорбоне-Д.В.), англичане отправились в Оксфорд [5, с. 65]. Уже около первой половины XIII в., как заметил Н.С. Суворов, Оксфордский университет выступает как соперник Парижского [2, с. 46].

Обратить внимание стоит на взаимоотношения Оксфорда с горожанами в XIII в., так как они были неоднозначными. Университет – прежде всего корпорация, имеет свое внутренне устройство и регламентацию. Статуты университетов являлись записью их обычного права. Это создавало основания для напряженных взаимоотношений. В 1209 произошел массовый отток магистров и студентов из Оксфорда. Причиной послужило то, что горожане повесили двоих студентов [5, с. 118]. Город покинуло около 3000 магистров и студентов, выразив этими действиями протест против местных вла-

стей [2, с. 47]. События 1229 г. позволили укрепить позиции Оксфорда. Забастовка Парижского университета способствовала тому, что кадры перетекали в другие учебные заведения. Поскольку преподаватели и студенты, покинувшие Парижский университет переходили в другие, то формировалась схожая внутренняя структура [2, с. 48]. Это прослеживалось в том, что руководящая власть находилась в руках магистров, канцелярские должности, процветание теологии. Контроль и наблюдение за деятельностью Оксфорда были полномочиями канцлера. Степень влияния римской курии в Оксфорде была значительна слабее, чем на Парижский университет. В 1231 г. Оксфорд обрёл статус университета, а в 1248 г. Генрих III пожаловал ему королевскую хартию. Как и во многих других университетах Европы, студенты в Оксфорде группировались по национальному и географическому признакам, образуя землячества. Северяне, в основном шотландцы, представляли районы севернее реки Трент, в то время как южане включали англичан, ирландцев и валлийцев.

С середины XIII в. благотворители начали создавать колледжи на территории университета, а члены монашеских орденов – дома (холлы) для своих собратьев. Старейшим колледжем Оксфорда признан Университетский колледж, основанный в 1249 г. на средства папского капеллана и учёного Уильяма Даремского, который до 1237 г. был архидиаконом Дарема, а в 1235 г. стал архиепископом Руана. Однако, согласно легенде, его основал король Альфред Великий, что придаёт колледжу особое значение в глазах королевского дома. До Реформации в этот колледж принимали только студентов, изучавших богословие.

Вторым по старшинству является Бэллиол-колледж, который был основан в 1263 г. Джоном I де Бэллиолом, отцом шотландского короля Иоанна Бэллиола. Годом позже, в 1264 г., Уильям де Мертон, который занимал пост канцлера Англии в 1261–1263 и 1272–1274 гг., а также был епископом Рочестерским с 1274 г., учредил Мертон-колледж. В тот же год был принят и его устав, в то время как аналогичные документы других колледжей появились лишь спустя два десятилетия. Холл и часовня Мертон-колледжа, важные исторические достопримечательности Оксфорда, были построены в XIII в. и с тех пор неоднократно перестраивались. Двор Моб (Mob Quad), хоть и не столь древний, как Передний двор (Front Quad), стал эталоном университетской архитектуры в Англии.

Активное бегство преподавателей и студентов из Оксфорда в 1209 г. позволили организовать Кембриджский университет. Оно продолжалось около 5 лет, с 1209 до 1214 гг. Однако, основа для университета была создана до этого события. Аббат одного из монастыря Линкольшира, который проходил обучение во Франции, вернувшись в Англию, выписал нескольких учителей из Франции [2, с. 48]. Они организовали школу, которая стала популярной. Эта школа стала базой для формирования университета. Также толчком к развитию был отток студентов из Парижского университета в 1229 г. Об этом свидетельствует грамота Генриха III, король принимает под свое покровительство членов Парижского университета от притеснений горожан, а также предписывает таксировать квартиры «по обычаю университетскому» [2, с. 48]. Это показывает, что Генрих III поддерживал сложившуюся тенденцию. Также особое внимание необходимо уделить письму, которое подтверждает, заинтересованность Генриха III в иностранных студентах и магистрах, необходимых для развития английских университетов. Сохранилось письмо парижским студентам и магистрам: «…поэтому мы решили известить все ваше сообщество, что, если вы пожелаете, то можете переселиться все вместе в наше королевство Англию и остаться здесь для вашего обучения. Для этой цели мы назначим вам города, бурги, местечки, какие вы пожелаете выбрать. В каждом

надлежащем случае вы сможете здесь наслаждаться свободами и спокойствием которые полностью удовлетворят ваши нужды и будут угодны богу…» [6, с. 18]. В университете распространение получили теология и искусства, особенно развивалась математика. Во главе находился канцлер, как это было и в Оксфорде. Таким образом, Кембридж был основан выходцами из Оксфорда и пополнялся студентами и преподавателями из Парижского университета.

Первый устав Кембриджского университета был создан примерно в 1250 г. В 1284 г. епископ Илийский Хьюго де Балшем приобрёл два здания в Кембридже рядом с церковью Святого Петра у Трапингтонских ворот, чтобы разместить там 14 бедных, но «достойных» студентов. Так был основан первый колледж Кембриджского университета – Питерхаус. В 1286 г. епископ завещал колледжу 300 марок, на которые были куплены земли к югу от церкви Святого Петра и построен главный зал колледжа. Устав Питерхауса был основан на основе устава Мертона в Оксфорде.

Оксфордский и Кембриджширский университеты долгое время были первыми в Англии, они определяли направления развития. Они пользовались протекцией короля, который формировал условия для успешного развития. Однако, такая политика формировала основу для возникновения конфликтов в средневековом городе.

Средневековый город – место сосредоточения различных корпораций. Такое расположение в замкнутой системе города, где интересы одной корпорации затрагивали интересы другой. Это создавало причины для конфликтов. Как уже ранее было замечено университет – одна из корпораций города. В связи с этим в Оксфорде и Кембридже часто возникали конфликты между горожанами и представителями университета. Причины конфликтов лежали в положении преподавателей и школяров по отношению к горожанам и городской юрисдикции [7, с. 42]. Первые обладали большими привилегиями, чем вторые. Члены университетов были в положении клириков, это позволяло им выйти из юрисдикции городских властей. Это служило причиной конфликтов.

В 1248 г. в Оксфорде произошла ссора, в ходе которой был убит студент. Чтение лекций в университете было прекращено. Епископ Линкольна Роберт Гросстест пригрозил нарушителям отлучением, а муниципальная власть была оштрафована на 80 марок. Примечательно, что решением этого вопроса занимался Генрих III, пытавшись внедрить принцип коллективной ответственности для светской общины. Было установлено, что четыре члена городского управления и восемь горожан должны были действовать в качестве помощников мэра и судебных приставов в вопросах нарушения спокойствия. По королевской хартии от 18 июня 1255 г. устанавливалось, что четыре члена городского управления и восемь горожан должны были действовать в качестве помощников мэра и судебных приставов в вопросах нарушения спокойствия. Им предоставлялась возможность в судебном порядке преследовать злоумышленников, нарушителей покоя и бродяг, а также тех, кто укрывал уголовников [7, с. 42–43].

При такой тенденции полномочия ректоров Оксфорда и Кембриджа расширялись. К XIV в. они получили права судейства по всем гражданским тяжбам между учеными и горожанами исключая вопросы земельной собственности, также по уголовным делам между ними в пределах Оксфорда и Кембриджа, кроме убийств и нанесений увечий, попадавших в юрисдикцию королевского суда [7, с. 43].

Взаимоотношения между городской корпорацией и университетом, сложившиеся в Оксфорде, также формировались в Кембридже. По хартии Генриха III от 22 февраля 1268 г. было установлено, что функции городской корпорации в поддержании закона и порядка осуществлялись в следующем порядке: два члена городского управления, четыре старейших горожанина, двое мужчин, принявших присягу в каждом церковном

приходе должны были содействовать мэру и судебным приставам в сохранении порядка. В 1270 университет апеллировал тем, что эта функция выполнялась некомпетентно, таким образом добиваясь от королевской власти передачи этих полномочий в совместное ведение [7, с. 44].

Была выпущена новая хартия, установившая, что наряду с горожанами для поддержания закона и порядка принимать участие будут и пять ученых из различных графств. Усиление привилегий университетской корпорации вызывало недовольство со стороны горожан. Университетские корпорации пользовались поддержкой как церковной, так и королевской власти. Все университеты начинали свою деятельность с разрешения церковных властей. Это создавало возможность потребовать обладания привилегированным клерикальным статусом. Он предоставлял иммунитет от юрисдикции светских судей. Поэтому, этот статус сначала потребовал Парижский университет, а затем и Оксфорд. Обладание им означало, что члены университетской корпорации были в судебном и административном отношении подчинены только ректору и на них распространялось каноническое право. Ректор по своему положению становился как независимый сеньор. Эта ситуация стала обостряться к концу XIII в., с получением корпораций Оксфорда и Кембриджа от королевской власти новых хартий, ограничивавших права городской корпорации. В хартии 1290 г. устанавливалось, что неакадемический персонал, являвшийся объектом ректорского суда и освобожденный из-под городской юрисдикции на то время, пока он остается в пределах окрестностей университета. Это были слуги ученых, торговцы пергаментом и пр. Такие условия сосуществования двух корпораций в рамках ограниченного пространства, приводили к росту недовольства со стороны горожан. Оно трансформировалось в конфликты. В XIV в. происходит ряд вооруженных конфликтов, направленных против университетской корпорации: 1322 г. – в Кембридже, 1355 г. – в Оксфорде, 1381 г. – в Кембридже [7, с. 44–49].

Таким образом, средневековые английские университеты были неоднозначным явлением в истории Англии. Они способствовали культурному развитию, формировали самостоятельную политическую идеологию. В условиях геополитического соперничества с Францией Оксфордский и Кембриджский университеты были своего рода учебным и научным противовесом Парижского университета. Они формировали английский дискурс. Однако, также университеты были источников противоречий, постоянно «наступая» на юрисдикции городских корпорациях, эмансипируясь от них при поддержке церковной и королевской властей. Оксфордский и Кембриджский университеты вызывали недовольства со стороны горожан. Привилегированное положение, независимость от городских корпораций стали основой для конфликтов с использованием оружия на протяжении XIV в.

Список литературы

1. Арсеньев В. И. Марциан Капелла и семь свободных искусств // Вестник науки и образования. 2022. № 3. С. 25–27.

2. Суворов Н. С. Средневековые университеты. 2-е изд.. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 256 с.

3. Митрофанов В. П. Учебный процесс в средневековых университетах (на материалах Парижского, Болонского и Пражского университетов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 2 (70). С. 103–115.

4. Thackrah J. R. The university and colleges of Oxford. Lavenham, Suffolk : Dalton, 1981. 152 p.

5. Петерсон И. Р. История становления университетского образования в Западной Европе. Красноярск : СФУ, 2013. 134 с.

6. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. : учеб. пособие / под ред. и с предисл. А. Е. Москаленко ; вступ. ст., пер. и примеч. Г. И. Липатниковой. Воронеж : ВГПУ, 1973. 157 с.

7. Евсеев В. А. Борьба университетской и городской корпораций: столкновения школяров и горожан (на примере Оксфорда и Кембриджа XIII–XIV вв.) // Интеллигенция и мир. 2024. № 1. С. 37–58.

Информация об авторе: *Вдовин Даниил Сергеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕСПОТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЛАДА ЦЕПЕША И ИВАНА ГРОЗНОГО

***Михаил Николаевич Викулов[1]*,**
Петр Вадимович Тихов[2]

[1,2]Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

[1]misavikulov1@gmail.com
[2]tikhovp@gmail.com

Аннотация. Проводится анализ политики и особенностей деспотизма двух правителей XV–XVI вв. – Влада III Цепеша и Ивана IV Грозного. Рассматриваются исторические аспекты формирования их политических режимов, методы укрепления государственной власти, а также особенности формирования образа правителя в источниках и исторической памяти. Ключевой акцент сделан на анализе моделей усиления единоличной власти, сравнении роли принуждения как инструмента государственного контроля, а также на изучении идеологических концепций, служащих обоснованием для применения жестких методов правления. Источниками являются письменные памятники эпохи, включая «Сказание о Дракуле-воеводе» Федора Курицына, и современные научные исследования отечественных историков. Научная новизна работы обусловлена межкультурным сравнительным подходом к анализу политических практик правителей, изучаемых в рамках национальных историографий. Сделан вывод о наличии как сходств, обусловленных общими политическими задачами централизации власти, так и существенных различий, связанных с особенностями государственно-политического развития Московского государства и Валахии.

Ключевые слова: деспотизм, политика, Иван Грозный, Влад Цепеш, опричнина, централизация власти, политическое насилие, историческая память, сравнительный анализ

Благодарность: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История Отечества, государства и права» ПГУ О. А. Филенковой.

Проблема деспотической власти и применения репрессивных методов управления занимает важное место в исторической науке, поскольку позволяет выявить закономерности формирования централизованных государств и политической культуры власти. Особый интерес представляет сравнение правителей, действовавших в похожих геополитических условиях Восточной Европы XV–XVI вв., но принадлежавших к различным государственным традициям. Сравнительный анализ их правления позволяет выявить как общие черты процессов централизации власти, так и особенности и различия в политическом развитии Московского государства и Валахии.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оба правителя вошли в историю как символы жестокой власти, однако их политическая деятельность включала реформаторские элементы, направленные на укрепление государственности. Несмотря на наличие значительного количества исследований, посвящённых каждому правителю отдельно, их сопоставление остаётся недостаточно проработанным направлением.

Политическая деятельность валашского правителя происходила в условиях постоянной угрозы со стороны Османской империи и внутренней нестабильности, вызванной борьбой боярских группировок за власть. Частая сменяемость правителей требовала проведения жёсткой политики централизации государственного управления. Исследователи отмечают, что его меры были направлены на формирование сильной княжеской власти, способной противостоять внешнему давлению [1, с. 70].

Например, Федор Курицын в своем произведении отмечает, что однажды валашский Воевода приказал прибить к головам турецких послов их колпаки из-за того, что при поклоне они не сняли головных уборов [2].

В Московском государстве середины XVI в. также происходил процесс централизации. Реформы Избранной рады, создание приказной системы управления, военные преобразования, в частности – создание стрелецкого войска, и принятие Судебника 1550 г. стали важными этапами укрепления государственной власти. Однако усиление личной власти царя сопровождалось ростом репрессивных практик, кульминацией которых стало введение «опришнины» [3, с. 105].

Если мы обратимся к изучению репрессивной политики Влада Цепеша, то можем обнаружить, что исторические источники фиксируют многочисленные случаи жестоких репрессивных мер, связанных с правлением валашского правителя. Наиболее известной формой казни была посадка на кол, ставшая символом его власти, за что он и получил свое прозвище – «колосажатель». В источниках, дошедших до наших дней, отмечается также страсть Цепеша к устраиванию пиршеств среди посаженных на кол трупов. Однако современные исследования подчёркивают, что подобные меры носили не только карательный, но и демонстративный политический характер. Публичные казни выполняли функцию устрашения и укрепляли дисциплину среди населения [1, с. 72].

В «Сказании о Дракуле-воеводе» одного из дипломатов Руси того времени, Федора Курицына, приводятся эпизоды, которые демонстрируют принцип неотвратимости репрессий независимо от социального положения виновного. Это формировало образ правителя как носителя справедливой, хотя и жестокой власти [2].

Исследователи отмечают, что произведение отражает представления о сильной государственной власти, способной обеспечить порядок и социальную стабильность [4, с. 291].

Важным элементом политики была борьба с боярской знатью. Часть знати была уничтожена или лишена политического влияния, что позволило укрепить центральную власть. Одновременно проводились меры по развитию торговли и обеспечению безопасности купцов, что свидетельствует о прагматическом характере государственной политики [1, с. 70].

Чтобы наиболее полно понять особенности деспотизма обоих правителей, рассмотрим репрессивную политику Ивана Грозного. В Московском государстве она достигла наибольшего выражения в период опричнины (1565–1572 гг.). Создание особого опричного войска и выделение территорий под личное управление царя стали инструментами борьбы с боярской оппозицией. Опричнина сопровождалась конфискациями земель, переселениями населения и казнями [3, с. 142].

Одним из наиболее известных эпизодов стал Новгородский поход 1570 г., сопровождавшийся массовыми карательными мерами. Данный эпизод демонстрирует масштаб применения насилия и его политическую направленность – устранение потенциальной оппозиции и укрепление власти царя. При этом исследователи отмечают, что представление об абсолютном деспотизме правителя нередко преувеличивается, поскольку его власть сохраняла элементы сословно-представительной системы [5, с. 419].

Стоит отметить, что в обоих случаях важную роль играло идеологическое обоснование насилия. Валашский правитель позиционировал себя как защитника государства и веры, что позволяло оправдывать жестокие меры в условиях постоянной угрозы. Жестокость воспринималась как инструмент сохранения порядка, а в Московском государстве формировалась концепция богоустановленной царской власти, в рамках которой репрессивное воздействие на подданных рассматривалось как исполнение высшей справедливости. Это можно заметить и изучая переписку Ивана Грозного со сбежавшим в Речь Посполитую Андреем Курбским. Правитель в данном случае оправдывает свои действия с точки зрения религии. Исследования показывают, что в политической культуре XVI в. жестокость правителя могла восприниматься как проявление справедливости, если она была направлена на защиту государства [5, с. 422].

Формирование образа валашского правителя происходило под влиянием хроник и литературных произведений. Он стал героем многочисленных легенд и позднейших культурных интерпретаций, превратившись в символ, выходящий за рамки исторической личности, как, например, прототип для образа Графа Дракулы в романе Брэма Стокера [6, с. 154].

Русское «Сказание о Дракуле-воеводе» отражает восприятие иностранного правителя в славянской культурной традиции, где он изображается как жестокий, но справедливый правитель [2].

Образ же московского царя также является противоречивым. Его деятельность оценивается как сочетание реформаторства в первой половине его правления и репрессивной политики во второй половине. Историографические оценки изменялись в зависимости от эпохи, что демонстрирует зависимость исторической памяти от политических факторов [5, с. 424].

Сопоставление правления позволяет выделить ряд сходств. Оба правителя использовали репрессии как средство централизации власти и подавления оппозиционной элиты. Жестокость носила демонстративный характер и выполняла функцию устрашения для подданных. Политика насилия была обусловлена необходимостью укрепления государства в условиях внешних угроз и внутренней нестабильности.

Однако вместе с тем различия также значительны. Московское государство обладало более развитым административным аппаратом и идеологией самодержавия. Репрессии в России носили более институционализированный характер, тогда как политика валашского правителя была более персонализированной. Масштабы государств и социальная структура общества определяли различия в методах управления правителей.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что правление обоих правителей формировалось под воздействием похожих исторических факторов, связанных с процессами централизации власти и укрепления государственности. Репрессии выступали важным инструментом управления, а жестокость имела политико-символическое значение.

Различия в масштабах государств, структуре власти и идеологических основаниях обусловили особенности реализации репрессивной политики. Сопоставление правления двух правителей Восточной Европы позволяет глубже понять закономерности формирования сильной власти в раннее Новое время.

Список литературы

1. Мечкарь Л. Влад III Цепеш (Дракула) в истории, легендах и современном искусстве // Личность, пространство и время в древности и средневековье : материалы III Всерос. школьной исторической конф. с междунар. участием (г. Москва, 17 февраля 2018 г.) / Московский педагогический государственный университет, Институт истории и политики. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2018. С. 69–74.
2. Сказание о Дракуле-воеводе / пер. О. В. Творогова // Infolio. Университетская электронная библиотека. 2026. URL: http://www.infoliolib.info/rlit/drl/dracula.html#2 (дата обращения: 20.02.2026).
3. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М. : Наука, 1975. 248 с.
4. Князев Е. А. Жизнечувствие деспотизма в первой древнерусской антиутопии // Диалог культур: поэтика локального текста : материалы V Междунар. науч. конф. : в 2 т. (г. Горно-Алтайск, 26–29 сентября 2016 г.). Горно-Алтайск : Горно-Алтайский гос. ун-т, 2016. Т. 2. С. 288–298.
5. Коновалов А. В. Сословно-представительное самодержавие: мифы об абсолютизме и деспотизме Ивана Грозного // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов VI Междунар. науч. междисциплинарной конф. (г. Севастополь, 21–24 июня 2022 г.) / под ред. А. В. Ставицкого. Севастополь : Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2023. С. 417–426.
6. Новик А. Ю. Образы Влада Дракулы в исторической памяти // Российский журнал исследований национализма. 2023. № 1-2. С. 151–154.

Информация об авторах: *Викулов Михаил Николаевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза);
Тихов Петр Вадимович, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 930.1

СОЗНАНИЕ ИСТОРИКА В КОНЦЕПЦИИ Р. ДЖ. КОЛЛИНГВУДА

Георгий Андреевич Воронов

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

voronov.gosh@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается историософская концепции Р. Дж. Коллингвуда, изложенная в его произведениях «Идея истории» и «Автобиография». Дается характеристика авторского отношения к роли сознания ученого-историка как специалиста, глубинному пониманию сути истории, исторического процесса и особенностей методологии исторического исследования. Делается вывод о том, что сознание историка фактически определяет качество его работы.
Ключевые слова: история, историк, историософия, методология, Коллингвуд, критический подход
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России СмолГУ Н. В. Никитиной.

Цель исследования заключается в изучении особенностей сознания ученого-историка, изложенных Р. Дж. Коллингвудом в его трудах «Идея истории» и «Автобиография». Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: 1) харак-

теристика авторского понимания термина «истории» и места истории в системе наук; 2) анализ профессиональных обязанностей ученого-историка с позиции философа; 3) определение роли критического подхода в исторической методологии мыслителя.

История в широком смысле понималась Коллингвудом как «разновидность исследования или поиска… Наука – это поиск, и в этом смысле история – наука» [1, с. 12–13]. К концу исследования будет дано более разработанное определение: «История, таким образом, – наука, но наука особого рода. Это наука, задача которой – изучение событий, доступных нашему наблюдению. Эти события исследуются логическим путем, в результате чего историк, проанализировав что-то иное, доступное нашему наблюдению и именуемое «свидетельством», делает вывод, касающийся интересующих его событий» [1, с. 240]. Предмет же истории – это «действия людей, совершённые в прошлом» [1, с. 13]. Действия важны только по тому, что они осмысляются, то есть в основе предмета истории лежит «мысль, не ее объект, а сам акт мышления» [1, с. 292]. Мысль же историк обозначал как «некую форму опыта, или умственной деятельности, характерная черта которой, если ее определять негативно, заключается в том, что эта форма опыта не просто нечто непосредственное, а потому не исчезает вместе с потоком сознания. Позитивной чертой, отличающей мысль от простого сознания, является ее способность осознавать деятельность «я» как единую, как деятельность одного и того же «я» сохраняющее свое тождество в многообразии своих деяний» [1, с. 292]. Тем самым, мысль есть не только отображения внешнего действия (конкретных поступков), но внутренней работы человека (самосознания).

Исторический процесс – это процесс, который «создает собственные законы», обладающей творческой и разрушительной и силой [1, с. 81, 158]. Прошлое тогда и становится историей, которая минувшее начинает познаваться человеком: «Мысль существует только в историческом процессе, процессе мысли, а исторический процесс является историческим лишь в той мере, в какой он познается нами как процесс мысли» [1, с. 217]. Прошлое может быть как живым, так и мертвым, различие в непосредственной связи с настоящим, где происходит переработка идей прошлых эпох в условиях современности, т.е. если знание отсечено от настоящего, то прошлое мертво [1, с. 162]. Тем самым, исторический процесс (как и история в целом) есть конструируемое поле постижения прошлого в настоящем моменте. Но как взаимосвязан исторически процесс и прогресс? Коллингвуд считал, что «историческая мысль имеет еще одно обязательство: она должна создавать и сам прогресс» [1, с. 319]. Причина существования прогресса – «сама реальность человеческих стремлений со всеми их добрыми и злыми составляющими» [1, с. 99]. Здесь философом была затронута проблема самопознания мыслящего субъекта как отправной точки осознания прошлого. О. В. Воробьева отмечала, что Коллингвуд воспринимал исторический процесс с позиции «участия в нем человеческого разума. Его философия истории базировалась на взаимосвязи разума и природы» [2, с. 10]. Данную мысль развивал А. А. Аванесян: «Строго говоря, самосознание полагается отправной точкой, предпосылкой самой возможности осмысления человеком истории» [3, с. 146].

Целесообразность исторической науки обосновывалась на том, что история нужна «для» человеческого самопознания» [1, с. 13]. Проблеме научности истории уделено большое внимание, но под достаточно специфическим углом. Философ входе исследования этапов становления исторической науки рассматривал противостояние позитивистской/естественнонаучной мысли и развитие гуманитарного знания – автор доказывал не научность истории как таковой области познания мира и самого себя, а «автономность» исторической мысли, ее самостоятельность от естественнонаучных дисциплин. В своей работе Д. Н. Варламов писал, что современная Коллингвуду естественнонаучная методология находилась в кризисе, выход из которого ученый видел «в выделении особого поля исторических исследований, подчиненных исключительно внутренним закономерностям»

[4, с. 227]. Коллингвуд понимал под автономией «такой вид научного мышления, когда исследователь опирается на собственный авторитет, высказывает определенные положения или предпринимает какие-то действия по своей инициативе, а не потому, что эти положения и действия санкционированы или предписаны кем-то посторонним» [1, с. 261]. Противостояние с естественнонаучным знанием ярко иллюстрируется, если обратить внимание на разработанную исследователем терминологию слова «факт». Мыслитель открыто указал, что в обыденном и научном сознаниях утвердилось естественнонаучное понимание факта как эмпирически установленного опыта. В то время как исторический факт – это опосредованное (непрямое) знание, которое мы получаем «с помощью логического вывода в ходе интерпретации данных в соответствии со сложной системой правил и постулатов» [1, с. 128]. Исторический факт реконструируется на основе документов [1, с. 163]. Далее положение углубляется: «исторический факт, будучи однажды по-настоящему установлен, в процессе воспроизведения мыслей исторического деятеля в сознании историка, оказывается вместе с тем и объяснен. Для историка не существует различия между открытием того, что случилось, и объяснением, почему это случилось» [1, с. 169]. Причем процесс интерпретации фактов со стороны историков понималась Коллингвудом как «способность воспроизвести в своем сознании изучаемые им мысли, для чего необходимо сформулировать проблему, явившуюся отправной точкой для них, и реконструировать последовательные этапы мысли, с помощью которых пытались решить эту проблему» [1, с. 299].

Далее стоит перейти к описанию той роли, которой автор отводил историку. Основа исторической, да и в целом научной точки зрения, лежала в христианской теологии – данная религия породила конкретные формы мышления, развывшиеся в просветительские и атеистические воззрения [1, с. 243]. Сознание историка должно воспроизводить прошлое, так мыслителем отмечалось, что «специфической особенностью исторического мышления оказывается способ, с помощью которого сознание историка, будучи сознанием сегодняшнего дня, схватывает процесс, в котором возникло само это сознание, и возникло через духовное развитие прошлого» [1, с. 162]. Философ был против концепции своеобразного созерцания минувшего: «События истории не «проходят перед взором» историка. Они произошли до того, как он стал думать о них. Он должен воссоздать их в собственном сознании, сопережить тот внутренний опыт участвовавших в них людей, который он хочет понять» [1, с. 94]. Ученый отрицает право историком делать прогнозы или определять ход будущих событий: «Дело историка – знать прошлое, а не будущее», а «задача историка состоит в том, чтобы показать, как возникло настоящее», «правильная постановка задачи историком – не в том, чтобы узнали, что люди сделали, но в том понимании того, что они думали» [1, с. 54, 101, 112]. Настоящее, в данном ключе, является базисом, с помощью которого «историк способен разглядеть подлинное прошлое», при этом не забывая, что «он должен во всех отношениях быть человеком своей эпохи и рассматривать прошлое с точки зрения этой эпохи». Здесь, конечно, кроется опасность того, чтобы заподозрить автора, если не в релятивизме, то по крайней мере презентизме и отрицании объективности исторической науки. Однако далее входе рассуждений автор пояснил, что «в истории же общие условия познания выводятся из того фундаментального принципа, согласно которому познающий находится в своей современности и видит прошлое с точки зрения этой современности» [1, с. 105, 106]. Исследователь И.В. Дёмин также пояснил данную особенность замысла мыслителя: «Исходный тезис и отправная точка рассуждений Коллингвуда – единство исторического бытия и исторического сознания. Согласно Коллингвуду, нет двух процессов: истории как «реального» процесса и исторического познания как «отражения» этого процесса в сознании историка» [5, с. 26]. Исходя из всего выше перечисленного делается заключение, что процесс познания прошлого и субъективен, и объективен одновременно, т.е. гомогенен [1, с. 182]. Таким образом,

Коллингвуд признал, что историком не свободен от условий современности, но это не означает бесполезность его деятельности, так как историк ставит проблемы и решает задачи, исходя из собственного контекста и запросов своей эпохи. Сознание историка есть чередование унаследованного и приобретенного опыта. В совокупности это означает, что последующие поколения специалистов должны понимать историографическую специфику времени своих старших коллег.

Причем деятельность историка предполагала, по мысли ученого, критический подход. В предложенной нам концепции историк занимается изучением истории мысли (в конечном счете), а исследование основано на реконструкции и логических выводах. Это значит, что специалист дает тем или иным положениям свою оценку, которая по своей сути предполагает критику. Историческое знание существует на основе критики, так как, по мысли Коллингвуда, важно ответить на вопрос «был ли прав» тот или иной деятель [1, с. 205]. Ученый доказывал, что наличие критического, оценивающего начала неизбежно, так как «каждый историк сознает, что в ряде случаев он вмешивается в повествование источника тремя указанными способами: он выбирает из него то, что ему представляется важным, опуская остальное; он интерполирует в них то, что они не говорят явно; и он критикует их, отвергая или исправляя в них то, что ему кажется плодом дезинформации и лжи» [1, с. 224]. Тогда же каков критерий исторической истины? Философ отвергал концепцию авторитетов и согласования с ними результатов исследования. Единственный критерий работы историка – он сам, а точнее его опыт, здравый смысл, независимость оценки [1, с. 227]. Вышеперечисленные положения, в конечном счете, подводят к авторской «методологии исторического мышления», которая базировалась на трех принципах: во-первых, постановка и исследование проблем, а не периодов; во-вторых, познание мыслей субъекта прошлого, их интерпретация; в-третьих, обязательное изучение историографии [1, с. 394, 396, 399].

Таким образом, понимание термина «история» в концепции Коллингвуда многопланово и многогранно. История есть поле постижение прошлого, где прошлое продолжает жить в настоящем. Жизнеспособность минувшего определяется его актуальностью для потомков, а процесс постижения приравнивается к реконструкции мысли предков. Без сомнения, история – это наука особого типа, к которой не применимы мерки естественнонаучной дисциплины. Определяющую роль в работе ученого-историка играет его самопознание себя как личности и как специалиста, который ответственно подходит к поставленной проблеме исследования и имеет право на соответствующую оценку познаваемого предмета исследования. Главным методом историка является критика как собственно источника, так и историографии вопроса. Отсутствие критического подхода низводит историю к многократной и бессмысленной перекомпиляции источников, т.е. к истории «ножниц и клея». Главным же критерием работы ученого будет его собственный здравый смысл, который опирается на профессиональный опыт и моральные качества (в конечном счете). Стоит говорить о том, что сознание историка фактически определяет качество его работы.

Список литературы

1. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1980. 485 с.

2. Воробьева О. В. Коллингвуд и Тойнби // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2025. № 3 (70). С. 5–14.

3. Аванесян А. А. Феномен воспроизведения как основа теории исторического познания Р. Дж. Коллингвуда // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 143–156.

4. Варламов Д. Н. Историософия Р. Дж. Коллингвуда в контексте модернистского понимания истории // Clio-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. 2012. Вып. 3. С. 225–228.

5. Дёмин И. В. Трактовка специфики исторического познания в философской концепции Р. Дж. Коллингвуда // Язык и культура. 2016. № 24. С. 25–29.

Информация об авторе: *Воронов Георгий Андреевич*, студент, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (Россия, г. Смоленск).

УДК 327

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1960–1980-е гг.)

Эльвина Равилевна Исламова[1], Виталий Анатольевич Эпштейн[2]

[1,2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

[1]elvina20.06.03@yandex.ru

[2]epshteinv@gmail.com

Аннотация. Представлены ключевые этапы формирования китайско-пакистанского стратегического партнерства в условиях холодной войны. Сближение Китая и Пакистана объясняется совокупностью геополитических факторов, включая противостояние с Индией, трансформацию международной системы и изменение политики ведущих держав. Рассмотрены соглашение о демаркации границы 1963 г., индо-пакистанская война 1965 г., дипломатическое взаимодействие в период кризиса 1971–1972 гг., а также развитие военно-технического сотрудничества. Важную роль в укреплении двусторонних связей сыграли внешние акторы – СССР и США, действия которых способствовали стратегическому сближению Пекина и Исламабада. Уже к 1980-м гг. китайско-пакистанские отношения приобрели устойчивый и комплексный характер, заложив основу для дальнейшего развития партнерства в сфере безопасности.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, холодная война, стратегическое партнерство, военно-техническое сотрудничество, Индия, региональная безопасность

Истоки китайско-пакистанского сближения следует искать в трансформации региональной среды безопасности в Южной Азии во второй половине XX в. При всех различиях внешнеполитической ориентации Пекина и Исламабада их сближение началось с совпадения стратегических интересов. Объединяющим фактором стала конфронтация с Индией, превратившаяся в ключевой дестабилизирующий фактор региональной безопасности. Первые признаки устойчивого сближения проявились в начале 1960-х гг., когда Исламская Республика Пакистан, несмотря на союзнические отношения с США, начала активное выстраивание отношений с КНР. В течение десяти лет (1961–1971) Исламабад поддерживал признание КНР в ООН [1, с. 231] и урегулировал пограничный спор с Пекином. Подписанное в 1963 г. соглашение о демаркации границы касалось участка в районе Шакгамской долины, связанного с более широким территориальным спором вокруг Кашмира. После раздела Британской Индии бывшее княжество Джамму и Кашмир стало предметом соперничества между Индией и Пакистаном, поэтому любое международное соглашение, затрагивавшее его северные райо-

ны, вызывало резкое неприятие Нью-Дели. Для Пекина и Исламабада, напротив, оно означало снятие важного двустороннего противоречия и создание политической базы для дальнейшего сотрудничества. Сближение закреплялось не только на уровне межгосударственных соглашений, но и в политических контактах на высшем уровне. В 1964–1965 гг. были установлены прямые контакты между руководством двух стран: официальный визит президента Пакистана Мухаммеда Айюб Хана в Пекин в феврале 1965 г. наглядно продемонстрировал формирование устойчивой оси Исламабад-Пекин.

Решающим моментом в двусторонних отношениях стала Вторая индо-пакистанская война 1965 г. В ходе конфликта Китай оказал Пакистану дипломатическую поддержку, выступив с открытыми предупреждениями в адрес Индии о тяжких последствиях агрессии. США, введя эмбарго на поставки вооружений обеим сторонам конфликта, продемонстрировали Исламабаду, что союзнические связи с Западом не гарантируют своевременной поддержки в критический момент. Именно после войны 1965 г. сближение с Китаем стало приобретать не только политический, но и более практический характер: в 1966 г. пакистанская военная делегация посетила Пекин, а китайская сторона содействовала восполнению части потерь в вооружении и военной технике (ВиВТ). С этого времени КНР начала занимать место одного из ключевых поставщиков ВиВТ для Пакистана. Показательно, что после 1965 г. зародилось секретное сотрудничество двух стран в ядерной сфере: уже в 1965 г. пакистанское руководство начало переговоры о получении китайской помощи в сфере развития ядерных технологий [2, с. 31]. Тем самым двусторонние отношения начали эволюционировать в сторону устойчивого военно-стратегического партнерства.

В 1970-е гг. китайско-пакистанское взаимодействие вышло на новый уровень. Во время Третьей индо-пакистанской войны 1971 г. и последовавшего кризиса, завершившегося отделением Восточного Пакистана, Пекин вновь занял пропакистанскую позицию. В 1972 г. КНР впервые использовала право вето в Совете Безопасности ООН, заблокировав проект резолюции о приеме Народной Республики Бангладеш в ООН. Этот шаг имел не только дипломатическое, но и важное символическое значение, в очередной раз продемонстрировав стремление Китая отстаивать интересы Пакистана на международном уровне.

В свою очередь Исламабад сыграл роль посредника в американо-китайском сближении, содействовав организации секретного визита Генри Киссинджера в Пекин в 1971 г. Пакистан оказался вовлечен ключевой поворот мировой политики начала 1970-х гг., а для китайского руководства его ценность как внешнеполитического партнера возросла. Продолжало развиваться и военно-техническое сотрудничество. Одним из ключевых шагов стало создание в Камре (провинция Пенджаб) в первой половине 1970-х гг. Пакистанского авиационного комплекса (Pakistan Aeronautical Complex, PAC), ставшего базой для ремонта, обслуживания, а позже и развития пакистанской авиационной промышленности. В 1970-е гг. Китай поставлял Пакистану танки Т-59, самолеты F-6 и боевые корабли, а также участвовал в создании оборонной инфраструктуры. Речь шла, в частности, о предприятиях в Таксиле (провинция Пенджаб) и металлургическом комплексе в Карачи (провинция Синд) [1, с. 272]. Таким образом, сотрудничество перестало ограничиваться поставками готовой продукции, начала формироваться материально-техническая база для долгосрочной кооперации.

Дополнительный импульс двустороннему взаимодействию придало изменение стратегической обстановки в регионе после индийского ядерного испытания «Улыбающийся Будда» 1974 г. В результате произошедших событий пакистанское руководство окончательно утвердилось в необходимости создания собственного ядерного по-

тенциала. Премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто выступил с заявлением: «Если Индия создаст свою атомную бомбу, значит, и нам придется сделать свою, даже если ради этого нам придется сидеть на хлебе и воде или вовсе умирать от голода» [3, с. 33]. Он подчеркнул, что «теперь для Пакистана осуществление собственных ядерных испытаний является судьбоносным и что Пакистан никогда не поддастся на ядерный шантаж Индии». В этих условиях Китай стал для Исламабада стратегическим партнером в реализации ядерной программы.

К началу 1980-х гг. расширялись профессиональные контакты между вооруженными силами двух стран, пакистанские офицеры проходили подготовку в китайских военных учебных заведениях, а сотрудничество в сфере бронетехники и авиации постепенно переходило к более сложным формам кооперации. С 1980-х гг. обучение пакистанских офицеров в военных академиях НОАК способствовало углублению взаимодействия и частичной унификации стандартов военной подготовки [4, с. 17]. Особое место в китайско-пакистанском сближении продолжал занимать ядерный компонент. По рассекреченным данным, в 1982 г. Китай передал Пакистану высокообогащенный уран и техническую документацию для создания боеголовки [2, с. 34]. Кроме того, китайские специалисты оказывали помощь в разработке центрифуг, участвовали в проектировании взрывных устройств и передавали образцы необходимых компонентов. В сентябре 1986 г. между Китаем и Пакистаном было подписано соглашение о сотрудничестве в области мирного атома, которое де-факто включало и оборонные аспекты. По данным исследований, Китай передал Пакистану проект ядерного заряда мощностью до 25 килотонн, а также оказал содействие в создании инфраструктуры для обогащения урана [5, с. 87], а именно поставил оборудование для газовых центрифуг и компоненты магнитных систем. Тем самым к середине 1980-х гг. китайско-пакистанское сотрудничество в ядерной сфере приобрело системный характер.

Во второй половине 1980-х гг. двусторонняя кооперация стала распространяться и на совместные проекты в оборонной промышленности. В середине 1980-х гг. Китай и Пакистан договорились о совместной разработке и производстве реактивного учебного самолета. Разработка велась китайской авиастроительной компанией в Наньчане (Nanchang Aircraft Manufacturing Company) и Пакистанским авиационным комплексом. Одновременно развивались проекты в сфере бронетехники: на основе танка Type-59D был создан Type-85IIAP, позднее модернизированный с учетом требований пакистанской армии. Результатом стала модель Type 90-2M, получившая в Пакистане название «Аль-Халид» в 1988 г. Это свидетельствовало о переходе от формата «поставщик-получатель» к более глубокой технологической кооперации. Дополнением к военно-техническому сотрудничеству стала реализация инфраструктурных проектов с военно-стратегическим уклоном. Наиболее показательным стало строительство Каракорумского шоссе, начавшееся в конце 1960-х гг. и завершенное к началу 1980-х. Проект обеспечил надежную логистическую связь между китайским Синьцзяном и северным Пакистаном. Изначально дорога имела военно-логистическое значение, а в период 1979–1989 гг. использовалась для переброски вооружения и снабжения моджахедов, сражавшихся против просоветского режима в Кабуле. В более поздний период, уже с началом реализации Китайско-пакистанского экономического коридора, маршрут превратился в центральную артерию экономического взаимодействия.

Формирование китайско-пакистанского партнерства происходило под значительным влиянием внешних акторов. Индия оставалась главным фактором, стимулирующим сближение двух стран, тогда как политика СССР и США оказывала дополнительное воздействие на региональный баланс сил. В условиях ухудшения китайско-

советских отношений, а затем и ранее упомянутого советского вмешательства в Афганистан в 1979 г., Китай и Пакистан начали координировать действия в антисоветском направлении: через территорию Пакистана поставлялось оружие моджахедам с целью истощения советских сил в регионе [6, с. 253]. Это не только укрепило двусторонние связи Пекина и Исламабада, но и усилило значение Пакистана для Китая как буфера против советского влияния в Южной Азии. Позиция США в отношении Пакистана в рассматриваемый период была противоречивой. В 1978 г. Вашингтон прекратил помощь Исламабаду, обвинив его в нарушении прав человека и развитии ядерной программы. Однако после начала советской интервенции в Афганистан ситуация изменилась: Пакистан стал восприниматься как важный форпост борьбы с СССР, что сопровождалось возобновлением поддержки и временным смягчением американской позиции в отношении пакистанской ядерной программы, несмотря на формальное сохранение политики нераспространения. В результате Пакистан получал поддержку одновременно от США и Китая, что существенно усиливало его роль в региональной конфигурации холодной войны.

Таким образом, формирование военно-технического сотрудничества между Китаем и Пакистаном прошло **три основных этапа**.

Первый этап охватывает середину 1960-х гг. и связан с последствиями индо-пакистанской войны 1965 г. В этот период Пекин предоставил Исламабаду дипломатическую и морально-политическую поддержку, включая предупреждения Индии о «тяжелых последствиях», а уже в 1966 г. принял пакистанскую военную делегацию с целью восполнения утраченного в ходе конфликта вооружения и техники. Именно на этом этапе были заложены основы военно-стратегического взаимодействия.

Второй этап приходится на 1970-е гг., когда КНР превратилась в главного поставщика вооружений для Пакистана (Франция и США занимали второе и третье места). Общая сумма поставок достигла 600 млн долларов и включала 500 танков Т-59, 300 самолетов F-6 и 25 военных кораблей [7, с. 112]. Одновременно Китай участвовал в строительстве заводов по ремонту танков и самолетов, а также содействовал созданию оборонных предприятий в Таксиле и металлургического комплекса в Карачи. Сотрудничество перешло от единичных поставок к формированию оборонно-промышленной базы [8].

Третий этап относится к 1980-м гг. и характеризуется углублением технологической кооперации. Наряду с обучением кадров и расширением институциональных контактов между вооруженными силами, стороны приступили к совместным разработкам в сфере бронетехники и авиации. В этот же период на новый уровень вышло сотрудничество в ядерной сфере, что окончательно придало отношениям Китая и Пакистана стратегический характер.

Таким образом, к концу 1980-х гг. китайско-пакистанские отношения вышли за рамки обычного добрососедства и включали дипломатическую поддержку, военно-техническое взаимодействие, элементы стратегической координации, ядерное сотрудничество и развитие инфраструктурной базы. Сформированная в период холодной войны модель партнерства стала фундаментом для дальнейшего углубления двусторонних связей.

Список литературы

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М. : Институт востоковедения РАН : Крафт+, 2008. 566 с.

2. Small A. The China–Pakistan Axis: Asia’s New Geopolitics. London : Hurst, 2015. 320 p.

3. Лазарева В. Д., Ахтямова А. М., Рахматуллина Р. Ш. Южно-Азиатский стратегический треугольник: Индия – Пакистан – Китай в Кашмирском конфликте // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27, вып. 2. С. 21–46.

4. Казанин М. В. Китай – Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века. М., 2017. 103 с.

5. Масленникова Н. В. Сотрудничество между Пакистаном и Китаем в сфере ядерных технологий // Восточная аналитика. 2016. № 1. С. 86–100.

6. Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток: избранные публикации 2008–2016 гг.: к 200-летию Института востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2016. 711 с.

7. Liu X. The Sino-Indian Border Dispute and Sino-Indian Relations. Lanham, Md. : University Press of America, 1994. 236 p.

8. Эпштейн В. А., Исламова Э. Р. Китайско-пакистанские отношения в сфере военно-технического сотрудничества во второй половине XX – начале XXI в. // Современные востоковедческие исследования = Modern oriental studies. 2025. Т. 7, № 3. С. 100–113.

Информация об авторах: *Исламова Эльвина Равилевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Россия, г. Москва);
Эпштейн Виталий Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и международных отношений Института управления, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Россия, г. Москва).

УДК 272-745+94

АПОСТОЛЬСКАЯ НУНЦИАТУРА КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА

Александр Владимирович Каширский

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

alexkashirprimary@gmail.com

Аннотация. Рассматривается процесс формирования и осуществления правопреемственности от апокрисиария апостольской нунциатуры как одного из центральных дипломатических институтов Папской области и современного города-государства Ватикан. Проводится анализ внутренней трансформации нунциатуры на примере ее деятельности в различных странах мира. Сделан вывод, что на формирование института нунциатуры оказали влияние Византийская империя и международное сообщество, производя интеграцию института в международное правовое пространство.
Ключевые слова: апокрисиарий, апостольская нунциатура, Святой престол, римская курия, Папа Римский

Прообраз института дипломатии знаком человеку еще с первобытнообщинного строя. В древнем мире послы и договоры между державами стали неотъемлемой частью государственного аппарата. В Новейшей истории человечество дошло до уровня развития дипломатии как профессиональной сферы с отдельной отраслью высшего образования и знакомо всем по дипломатическим представительствам, консульствам и посольствам. Но как сама политическая система города-государства Ватикан являет-

ся атипичной по сравнению с основной массой государств, так и институт дипломатии Святого престола имеет отличительные особенности, которые влияют не просто на восприятие или церемониальные процедуры, но и на процесс деятельности этого института в целом.

В данном вопросе стоит в первую очередь обратить внимание на зарождение и установление первоначальных институтов дипломатии и международного взаимодействия Римской курии. С начала своего существования и до процесса разделения христианской церкви Римская курия в вопросе организации внутренней системы управления ассимилировалась с Римской и Византийской империями. Но в связи с распадом Римской империи бóльшая ассимиляция произошла с Византией. Конкретизируя вопрос институтов дипломатии, мы можем утверждать, что прародителем современной апостольской нунциатуры является апокрисиарий, заимствованный понтификатом у византийской церкви. Документально подтвержденные сведения дают нам возможность утверждать, что уже с V в. император Юстиниан I утвердил права и обязанности так называемых «церковных послов» – апокрисиариев [1, с. 38–45]. Особенностью данного инструмента было не только внешнее представительство Константинопольской церкви в других государствах, но и внутреннее. Данный термин был применим и к послам Римской курии, отправленных в Византию. Посол имел дипломатические и финансовые права, а также возможность дисциплинарного взыскания над главами местных администраций представляемой им церкви. Римские апокрисиарии были представлены в Византии начиная с 453 г. и их деятельность продолжалась практически до начала XIV в.

Начиная с 1500 г. Римская курия основала собственное дипломатическое представительство, которое открылось в Венеции. Таким образом понтификат способствовал интегрированию новой территории, подаренной папе римскому, в единое политическое пространство Папской области. В связи с таким отделением от Византии, сформировалась и самостоятельная терминология. Церковный посол вне зависимости от вектора своего представительства именовался Апостольским нунцием, а его администрация – Апостольской нунциатурой (от лат. «nuntius» – вестник) [2, с. 26]. Их полномочия определились к середине XVI столетия с изданием декрета «Si in quibuslibet», принятого 11 ноября 1563 г. [3, с. 191–192]. Последующая крупная интеграция института нунциатуры произошла в XIX в. с принятием Венского регламента, который официально уравнивал апостольских нунциев в правах с послами по общему международному праву [4, с. 531–533]. Третьим этапом закрепления статуса дипломатических агентов Святого престола стало приятие в 1961 г. Венской конвенции о дипломатических отношениях. Институт нунциатуры подтвердил свой официальный статус диппредставительств, а также был учреждён специальный титул представителя Ватикана при Организации Объединённых Наций, которая существует и на данный момент.

Бюрократический аппарат нунциатуры изначально разрастался так быстро, что система вскоре стала включать в себя не просто самого нунция и нескольких его помощников, а целое устоявшееся ранжирование работников. По статусу и полномочиям после апостольского нунция следовал интернунций (посол 2-го ранга). Такие работники, как правило, находились в регионах (куриях), где не существовало постоянной нунциатуры папского престола. Эта особенность ограничивала интернунция в правах и полномочиях, что стимулировало его к масштабированию деятельности по установлению дипотношений с тем или иным государством или регионом. На данный момент, начиная с XX в. и II Ватиканского собора, должность интернунция упразднена. Заместо неё была введена система Апостольских делегатов, которые имеют схожие обязанности,

но в связи с распространением католичества и в целом дипломатических связей Ватикана, в подобных сотрудниках понтификат нуждается крайне редко [5, с. 238–240].

Вместе с упразднением должности интернунция и введением понятия «апостольских делегатов», был учрежден статус Пронунция. Данный ранг в дипломатическом корпусе Римской курии появился для разграничения работников на две категории – «по полномочиям» и «по выслуге лет». Пронунций назначался исходя из последнего. Эти сотрудники дипмиссии являлись советниками, представителями, помощниками, но не имели никаких правовых полномочий по переговорам, заключению договоров или официального представительства Святого престола на мероприятиях и иных действах, где это было необходимо.

Возвращаясь к периоду укрепления института апостольской нунциатуры, стоит отметить её решающую роль в некоторых масштабных политических процессах европы. Так период XVI в. стал временем борьбы с Реформацией, где посильную роль сыграли именно нунции. По итогам Тридентского собора, для исполнения его решений, был назначен специальный нунций, который имел полномочия осуществления епископского суда. Подобные примеры говорят не только о политической важности института, но и об уровне международного влияния Папской области того времени.

Апостольская нунциатура в России известна официально с XVIII в. Но что касается точной датировки, то здесь мнения разнятся. По данным российской исторической науки, первым апостольским нунцием считается Лоренцо Литта (1797–1799 гг.) [6, с. 53–59]. Но источники Ватикана, как и сама апостольская нунциатура в Москве, утверждают о принятии 1783 г. за дату основания института в Российской империи. Несмотря на постоянные тесны дипломатические контакты Римской курии и Русского царства, а в последствии и Российской империи, апокрисиариев римский понтификат не назначал, как и постоянных представителей. Но дискуссия о датировке утверждения нунциатуры продолжается до сих пор. Трудность в определении истины состоит в ограниченности доступа, а порой и полном его закрытии в Секретный архив Ватикана, где хранится большая часть документов, касаемо международной политики и государственной системы как Римской курии и Папской области, так и современного города-государства Ватикан.

Таким образом, институт апостольской нунциатуры, прошёл путь от зарождения в виде церковных послов и сформировался под влиянием Византийской империи в форме апокрисиариев, что позволило ему стать частью Римской куриальной системы. Последующая трансформация в апостольскую нунциатуру была продиктована сегрегированием Римской католической церкви от Константинопольской и последующей политической самостоятельностью, которая была подтверждена международными актами, особенно касающихся института апостольской нунциатуры.

Список литературы

1. Ванькова А. Б. Законодательство византийских императоров VIII – начала X в. о монахах: традиции и новаторство // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2, История. История Русской Православной Церкви. 2024. № 121. С. 38–58.

2. Подосинов А. А., Белов А. М. Русско-латинский словарь. 5-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2011. 368 с.

3. Тридентский собор. Каноны и декреты / пер. с лат. Е. М. Розенблюма, И. И. Аникьева. СПб. : Католическая высшая духовная семинария «Мария – Царица Апостолов», 2019. 234 с.

4. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 3: Трактаты с Австрией. 1808–1815, 1808–1815. СПб., 1876. 550 с.

5. Курашвили А. Ю. Полномочия легатов Святого Престола (нунциев) по заключению международных договоров // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2 (48). С. 238–246.

6. Асваріщ М. Б. Мальтийский орден в России (1797–1810) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 52–65.

Информация об авторе: *Каширский Александр Владимирович*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 327

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В XX в.

Мария Александровна Косарева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

mariya210702@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются развитие военных конфликтов XX в., причины, а также роль и участие мировых держав в их эскалации и завершении.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, Индокитайские войны, Корейская война, сфера влияния

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ А. М. Ефремкина.

Военные конфликты неотъемлемая часть внешней политики на протяжении тысячелетней истории государств. Война – это переросший в столкновение конфликт интересов за ресурсы, зону влияния, международное положение.

Участники войн – это особый вопрос в данном виде конфликта. Любая война имеет стран-участниц, каждая из которых имеет свой интерес. Известны войны, когда участники открыто заявляют о своих намерениях и причины столкновений, но особый интерес вызывают страны, которые открыто не воюют, но участие принимают. Какой у них мотив? Данный вопрос можно хорошо проанализировать на примере войн XX в., поскольку это время связано с различными конфликтами и большим количеством участников.

XX в. – это время перемен во многих сферах общественной жизни и военной в том числе, государства веками наращивали военную мощь и набирали военный опыт, который в XX в. приобретает особо жестокие формы и выливается в конфликты, которые до этого мир не знал. В это время были использованы новые методы войны, которые ранее известны не были – новые виды стрелкового оружия, танки, военные самолеты, концлагеря и др. Данное исследование поможет понять как война, используемая как инструмент внешней политики помогала странам добиваться своих внешнеполитических задач и целей.

Начать стоит с двух мировых войн. Мировые войны 1914–1918 и 1939–1945 гг. начинала Германия. Причина для многих очевидна – передел мира, в целом что может и не показаться подозрительным. Война за территории – это то, что мы наблюдали уже

десятки раз. Германия – страна, опоздавшая к делению мира. Страна объединилась лишь во второй половине XIX в., когда мир колоний условно поделен между крупными странами и войти на эти территории у Германии уже не получается. Передел мира – основная причина войн, причем она была основной сразу в двух войнах, несмотря на то, что начинались они при разных правителях и даже при разных формах правления и политических режимах. Остальные участники войн оказываются странами, попавшими под желания «агрессора» получить новые рынка сырья и сбыта. Но все ли так однозначно?

На примере стран Антанты мы понимаем, что нет. Франция и Англия страны, которые не просто желали сохранить свои колонию в разных частях света, освобождать колониальные территории они не стремились, скорее наоборот, у них было желание укрепить позиции. Россия – страна, которая защищала в первую очередь союзника – Сербию, затем уже себя от агрессора, но цель у нее была Босфор и Дарданеллы, за которые она воевала уже на протяжении двух с половиной веков с Османской империей, как в целом и в Первой мировой. Сюда же добавляется стремление усилить влияние на Балканах, которое также имела Австро-Венгрия. США – государство, которое также стремилось усилить свое влияние на европейском континенте. Страны участвующие явно не желали огромных жертв и потерь, но каждая из них получила не только негативные последствия, но и положительные.

По итогам двух мировых войн США, СССР, Франция и Англия оказались странами не только много потерявшим, но и победителями, которые отныне трактуют всему миру как жить. На двух мировых войн можно сделать вывод: правительства государств понимали, что мировые войны неизбежны, но не сделали должных действий, чтобы это остановить до их начала, вина здесь явно не только на Германии. Особенно это очевидно перед Второй мировой войной, когда проводилась политика сдерживания агрессии. Страны Запада сами допустили войну, подразумевая, что два «агрессора» США И СССР столкнуться друг с другом. Каждая из стран понимала, что война – это возможность стать сильнее, но никто не подумал о том, что они окажутся такими кровопролитными.

Не успела закончиться Вторая Мировая война, как начинается новый конфликт, только теперь в Азии – Корейская война (1950–1953). Причины корейской войны формировались задолго до ее начала, мирным путем объединить страну не получилось, юг и север считали себя заранее победителем и желали навязать свое устройство проигравшей стороне.

В данном конфликте также важно косвенное участие СССР и США, которые на тот момент находились уже в состоянии холодной войны. Напрямую страны не участвовали в конфликте, но при этом они помогали каждой из сторон оружием и финансово, они также рассматривали корейскую войну как способ достижения своих целей в Азии. Основная причина участия обеих стран – расширение своего влияния в данном регионе, каждая из них рассматривала Корею как территорию, подконтрольной себе.

Данный конфликт усугубляется после раздела Кореи по 38-й параллели, но особый окрас он приобретает, когда к 1950 г. СССР и США начали активно поставлять оружие каждой из сторон. СССР и США желали распространить свою идеологию и сделать данную территорией своей сферой влияния. Для СССР это было бы удобной зоной распространения социализма, для США капитализма, но мирным путем достигнуть данные цели возможности не было [1, с. 249–250].

Итогом военных действий в Корее стало окончательное разделение страны на две части – Южную и Северную Корею, которые стали развиваться совершенно разными путями, и что самое главное, стали врагами и соперниками, что продолжается и по сей день и основная вина за это лежит на США и СССР.

Военным путем две сверхдержавы добились желаемого – сфера влияния получена, регион оказался под идеологическим и экономическим «колпаком» двух стран. США и СССР не стали воевать напрямую, но воевали руками корейцев и китайцев, также участвующих в данной войне. Последствия Корейской войны оказали значительное влияние на геополитическую ситуацию во многих регионах мира. Этот конфликт стал важным этапом в развитии холодной войны, проложив путь для концепции «ограниченной войны», где две супердержавы, Соединенные Штаты и Советский Союз, могли вести боевые действия на территории третьих стран [2].

Особый интерес вызывают индокитайские войны, которые длились с 1946 по 1991 г., где наблюдается желание сохранить колониальные владения, а также добавляется стремление сдержать распространение коммунизма в данном регионе.

Первая индокитайская война (1946–1954) связана с колониальными претензиями Франции в данном регионе. Территория Вьетнама с середины XIX в. была колонией Франции, и она желала сохранить свои владения здесь. После окончания Второй Мировой войны Вьетнам, уже оказавшийся под влиянием коммунистических сил, объявляет о независимости, с чем Франция, конечно, мириться не собиралась. Но военные действия разворачиваются здесь не сразу, изначально стороны сели за стол переговоров, были достигнуты договоренности о создании и признании Демократической республики Вьетнам. Переговоры были прекращены после нападения французской армии на Хайфон. В очередной раз мы видим, что государства предпочли свои геополитические интересы отстаивать кровью и оружием. Первая индокитайская война заканчивается неудачей Франции, но теперь перед ней и ее союзником США встает здесь новая проблема – распространение коммунизма.

Вторая индокитайская война (1954–1975 гг.), которая проходила преимущественно на территории Вьетнама стала примером как борются друг с другом капитализм и социализм. Вьетнам оказался полем битвы для стран социалистического и антикоммунистического спектра. Если первая индокитайская война связана с желанием сохранить колонии, то теперь после проигрыша Франции в дело вступают новые игроки – США и СССР. Для правительств обеих стран данная территория была стратегически важна, она позволяла контролировать юго-восточную Азию в целом, распространить здесь свое влияние стало одной из важнейших направлений внешней политики обеих государств [3, с. 146].

Соперничество и борьба друг с другом чужими руками и на чужой территории было уже «обыденным явлением» для США и СССР За годы первой и второй индокитайской войны на в южном Вьетнаме США развернули целые корпорации, которые заработали миллиарды долларов, они были заинтересованы не только в военных действиях в данном регионе, но и в продолжительности конфликта, поскольку это приносило немалые средства. Вьетнам в условиях глобального противостояния также стремился решать свои задачи, пытаясь играть на противоречиях между великими державами, и сам втянул их в локальный конфликт: коммунистическое правительство Северного Вьетнама стремилось объединить страну под своей властью, а правительство Южного Вьетнама пыталось сохранить власть, опираясь на внешние силы.

Данная война схожа с корейской. Вьетнам в 1954 г. разделили в Женеве на две части – северную и южную. Опять мы наблюдаем похожую картину – северный коммунистический Вьетнам борется с южным капиталистическим, только у вьетнамского народа цель была одна – это независимость от Франции и объединенное государство, но в итоге на территории государства развернулась борьба двух сверхдержав в рамках холодной войны. Самое парадоксальное, что Францию, которой изначальной принад-

лежал Вьетнам была выведена из войны США. Для США вытеснить Францию с данной территории оказалось куда проще, чего они и добились соглашениями в Женеве в 1954, а вот избавиться от коммунистов так просто не получилось, пришлось воевать. Война закончилась поражением для США, коммунизм здесь продолжил распространяться, а СССР открыл для себя новую сферу влияния. Данный конфликт стоил для стран слишком дорого: миллиарды средств и сотни тысяч солдат, но достигать своих целей в данном регионе военным путем они так и не перестали.

Список литературы

1. Ланцова И. С. Советский Союз в Корейской войне 1950–1953 гг. // Исторический путь России: из прошлого в будущее : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского : в 3 т. / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина (г. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 г.). СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2021. Т. 1. С. 245–251.

2. Стрелец М. В. СССР и Корейская война 1950–1953 гг.: современные подходы // Корееведение в России: направление и развитие. 2023. Т. 4, № 3. С. 123–127.

3. Брик И. И. Вторая Индокитайская война 1954–1975 гг. // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2024. № 1 (20). С. 144–149.

Информация об авторе: *Косарева Мария Александровна*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47)+930+316.7

РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Никита Олегович Кулагин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

lupanda@list.ru

Аннотация. Рассматривается динамика исторического развития России и Запада, выявляются сходства и различия в культурных, социальных и ценностных системах. Анализируются дискуссия о применимости понятия «феодализм» к русскому государству XV–XVII вв., эволюция образа России в западноевропейском дискурсе XVIII–XIX вв., а также современные аспекты традиционных ценностей в России в сопоставлении с западными консервативными ориентирами.

Ключевые слова: Россия, Запад, феодализм, традиционные ценности, образ России

Начало Специальной военной операции на Украине актуализировало пересмотр евроцентристского подхода, долгое время занимавшего доминирующее положение в отечественной историографии. В учебнике истории под редакцией В.Р. Мединского расширен материал, посвященный странам Азии, Африки и Латинской Америки, что отражает стремление к более многополярному видению прошлого.

Однако дальнейшее внешнеполитическое развитие нашей страны при всем антагонизме невозможно в изоляции от взаимоотношений с Западом. В связи с чем в дан-

ном исследовании осуществляется попытка выявления точек соприкосновения, которое могли бы дать вес России в странах Запада.

В рамках исследования выделены три параметра сравнения:

– динамика развития социальных структур России и стран Запада в период до XVIII в. (дискуссия о применимости понятия «феодализм» к русскому государству XV–XVII вв.);

– эволюция образа Российской империи в странах Европы (XVIII–XIX вв.);

– современный дискурс о традиционных ценностях в России в сопоставлении с западными консервативными ориентирами.

В советской историографии сложилась практика определения периода отечественной истории до 1861 г. как «феодального». Данный термин был введен для описания западноевропейской истории и использовался Карлом Марксом в теории общественно-экономических формаций, заточенной главным образом под описание стран Европы. Следует отметить, что русские дореволюционные историки в большинстве своем отвергали этот термин применительно к истории России.

Для начала стоит отметить, что многие расходящиеся в своем пути цивилизации имеют общую исходную предпосылку.

Советские медиевисты А.И. Неусыхин [1] и А. Я. Гуревич [2] при изучении средневековой истории Европы выделили особый «дофеодальный» период, характерный для развития всех народов. Для него характерно отсутствие антагонизма между знатью и свободными общинниками, а князь или король еще не является наследственным правителем в полном смысле этого слова. А. Я. Гуревич считал данный тип общества самостоятельным этапом и подчеркивал долгую перспективу его консервации до тех пор, пока внешние силы не приведут к его эволюции в феодальную, рабовладельческую или иную систему [2, с. 20–22].

Профессор И. Я. Фроянов доказал, что дофеодальным обществом была и Киевская Русь со своеобразным общинным строем и самобытной культурой. Данное общество просуществовало до времен татаро-монгольского нашествия, после чего сформировалась Московская Русь с принципиально иной структурой – централизованной и монархической. Развитие же стран Европы пошло по иному пути [3]. Как показывает А. Я. Гуревич [2, с. 20–22], западная феодальная сеньория появилась вследствие необходимости варваров контролировать завоеванные земли Западной Римской Империи.

Таким образом, дофеодальный период являлся общей точкой, из которой впоследствии произросли западноевропейская и русская социально-историческая модели.

Классический европейский феодализм характеризовался распадом страны на множество мелких владений, имевших черты как простых поместий, так и государственных образований. Владельцы их обладали соответствующими правами и были связаны вассально-ленными отношениями [4]. Происходило сращивание служебных отношений с поземельными.

В. О. Ключевский анализирует удельный период на предмет феодализма и приходит к выводу о его отсутствии. Поскольку уделы раздавались не на основе феодальных контрактов (как в Европе), а на основе принадлежности владельцев к роду Рюриковичей. Впоследствии в Московском государстве также не сложилось классической системы «вассалитета». Права на землю имели только князья, бояре же и дворяне не обладали наследственными вотчинами в западноевропейском смысле. Служебные отношения не были жёстко связаны с поземельными [5, с. 334–351].

Строй Московского государства Василий Осипович определял как «боевой, тягловый», все сословия различались не столько правами, сколько государственными

повинностями. К примеру, одни обязаны были защищать страну с оружием в руках, другие – работать на обеспечение обороны. Допетровские титулы, в отличии от западноевропейских, определялись не земельной собственностью, а служебным положением [6, с. 166, 169].

Таким образом, становление социальных структур России и стран Запада в последующий период проходило по разным траекториям развития. Что и являлось причиной сильного диссонанса в восприятии европейцами послепетровской России, не прошедшей по общему для всей Европы пути.

С той поры отношение к Российской империи на Западе претерпевало сложную эволюцию. В исследовании Н. П. Мониной [7] можно рассмотреть данный вопрос на примере германского дискурса. В трудах немецких мыслителей XVIII–XIX вв. Россия часто фигурирует в образе «варварской» страны, которая примеряет на себя европейские формы. Основой для варваризации образа служил собственный исторический путь нашей страны и русские культурные факторы, не укладывающиеся в типовое мировосприятие европейца тогдашней эпохи. Петровские реформы вызывали интерес как попытка преодолеть эту отсталость, а после Наполеоновских войн восприятие России сделалось двойственным. С одной стороны, Россия признавалась освободительницей Европы, с другой стороны не покидало ощущение чуждого, казавшегося азиатским, начала. Польское восстание 1830–1831 гг. и Крымская война служили катализатором резких антироссийских настроений. Касательно Крымской войны следует отметить, что при всем официальном нейтралитете германских государств в 1853–1856 гг. немецкое общественное мнение склонялось в пользу антироссийской коалиции. В рамках объединения Германии идея противостояния России оказалась тесно связана с подъёмом немецкого национализма и концепцией «похода на Восток» [7].

Однако в немецком дискурсе звучали и иные, более сложные оценки. К примеру, Фридрих Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» о России как о гигантском срединном государстве, где «сила воли откладывается и накопляется с давних пор». По мысли Ницше, эта накопленная воля может либо уничтожить Европу, либо, напротив, заставить её преодолеть «жалкую мелкогосударственную нервность» и обрести единую волю, способную ставить цели на тысячелетия [8, с. 238–239]. В работе «Антихрист» философ называет Россию «единственной державой, у которой есть прочность, которая может ждать, которая ещё может нечто обещать», противопоставляя её политической суетливости западных государств [9, с. 631–688].

Данный момент в достаточной степени напоминает события нынешней эпохи. Современная Европа переживает глубокий ценностный кризис, выражающийся в разрыве между наднациональными институтами ЕС и запросом населения европейских стран на защиту национальной идентичности. В этой ситуации Россия, при всей сложности её отношений с Западом, имеет потенциальную точку роста для своей мягкой силы. Одним из первых шагов по реализации данного направления стал указ Президента РФ от 19.08.2024 № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». Согласно этому документу, иностранцы, не разделяющие идеологический курс своих стран и разделяющие традиционные духовно-нравственные ценности нашей страны, могут претендовать на получение ВНЖ в России.

Пространство российской мягкой силы остается во многом незаполненным. Поэтому в рамках приверженности России политике традиционных ценностей предлагается рассмотреть соотношение западных консервативных ориентиров с положением дел в России. Для понимания дальнейшей работы будем отталкиваться от понимания

того, что Россия по культурному складу своему при всех отличиях остается более европейской страной, нежели евразийской, а русская культура – неотъемлимой частью общеевропейского культурного пространства [10].

В качестве образца традиционных ценностей Запада возьмем ценности США 1950–1960-х гг., которые впоследствии отстаивались в своем общем виде американским консервативным движением.

Для американцев 1950-х гг. наиболее ценным являлось право собственности – оно являлось ключевым пунктом американской жизни в контексте противостояния с СССР Также берем во внимание вопрос регулирования абортов – он является центральным в полемическом дискурсе американских республиканцев. Нельзя обойти вопрос участия граждан в религиозной жизни, взаимодействия религии и общества.

Вопрос традиционных ценностей после 2012 г. стал почвой для появления многочисленных стереотипов, вызванных сравнением показателей в России и на Западе.

В 2024 г. право частной собственности назвали для себя важным 55 % россиян [11]. В данный период Россия столкнулась с чередой трудно контролируемых вызовов, в результате чего в обществе стал актуальным вопрос о собственной «подушке безопасности».

Крайне распространенным является стереотип о мировом лидерстве России по числу произведенных абортов. Число абортов еще в СССР традиционно было крайне высоким и еще 15 лет назад Россия превосходила в этом отношении многие западные страны.

Обратимся к статистическим показателям. В 1965 г. задокументированное число искусственных прерываний беременности составляло 8,5 млн. [12]. Коэффициент абортов на 1000 женщин от 15 до 49 лет составлял 122,46. После развала СССР ситуация в этой области продолжила оставаться катастрофической. Так в 2000 г. в современной России было произведено 2,1 млн. абортов, в 2010 г. – около 1,2 млн. [13]. Однако уже в 2015 г. зафиксировано 848 тыс. абортов, число продолжило сокращаться и в 2024 г. достигло 444 тыс. [14]. Коэффициент абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет в России составляет на данный момент 13,0, что сопоставимо с уровнем США и Франции (коэффициент в обоих странах составляет 14,4) и Канады (12,0) чуть ниже, чем в Греции (15.0) и ниже, чем в Австралии (16.0) [14]. Вопрос о числе произведенных абортах в частных клиниках является дискуссионным в своей прозрачности, равно как и в СССР, встречается мнение, число абортов не является полностью задокументированным. Но в данном исследовании мы руководствуемся только официальными данными.

Далее перейдем к рассмотрению «религиозного вопроса». После распада СССР в нашей стране начался процесс, который можно именовать духовным возрождением. Возобновлялись закрытые в советские годы храмы, возрождались монастыри, отмечался рост интереса к вере в обществе. Если в 1991 г. на момент распада СССР православными считало только себя 34 % граждан нашей страны, то в последующие годы показатель рос и в 2004 г. показатель достиг пика в 76,1 % [15]. После чего наметилась тенденция к постепенному снижению пикового показателя данного периода. Так уже в 2000-е гг. [16] отмечался резкий контраст между процентом идентифицирующих себя православными и реальным процентом посещения церквей.

После 2012 г. власти РФ обратили внимание на необходимость укрепления традиционных ценностей в обществе. В упомянутое десятилетие происходило снижения общественного доверия к церкви. Начались также протесты против строительства храмов. Вопрос о традиционных ценностях России как правило оставался в обществе

открытым, часто доходило до скепсиса о самой их возможности в России, а порой и насмешки над ними как казенным конструктом.

Начало Специальной Военной Операции на Украине ознаменовалось патриотическим подъемом, в результате чего в обществе возник поиск смысловой и культурной составляющей жизни. В настоящее время православными себя считают 67 % россиян, среди молодежи 18–24 лет зафиксирован рост с 25 до 45 %. Однако среди молодежи среди молодежи посещаемость церквей является наиболее низкой по сравнению с остальными возрастными группами. Акцент в настоящее время сосредоточен на собственный духовный поиск, а не на коллективное следование обрядам [17].

Таким образом, исторические расхождения обусловлены длительной разнонаправленностью исторического развития. Но при всех исторических расхождениях традиционные ценности являются той точкой соприкосновения, на основании которых возможно позитивное противопоставление России Западу в рамках общей западной парадигмы.

Список литературы

1. Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 75–87.
2. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. : Наука, 1967. 285 с.
3. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.) / под ред. А. Я. Дегтярева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 512 с.
4. Кареев Н. И. Учебная книга истории средних веков: с историческими картами. 10-е изд., вновь перераб. Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 271 с.
5. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 1. 592 с.
6. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 2. 592 с.
7. Монина Н. П. Варваризация образа России в немецком русофобском дискурсе конца XVIII–XIX вв. // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 1 (92). С. 24–30.
8. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / пер. П. Полилова // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. ; сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 238–406.
9. Антихрист: проклятие христианству / пер. В. А. Флёровой // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. ; сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. М. : Мысль, 1990. Т. 2. С. 631–692.
10. Стрелецкий В. Н. Россия между Западом и Востоком: геоисторический опыт и современный социокультурный контекст пространственного развития // География и природные ресурсы. 2024. Т. 45, № 5. С. 103–111.
11. Крюков В. Россияне стали больше ценить право частной собственности // Ведомости. 2024. 9 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/09/1080093-rossiyane-stali-bolshe-tsenit-pravo-chastnoi-sobstvennosti (дата обращения: 26.03.2026).
12. Аборты в СССР // И. Г. Калабеков. СССР и страны мира в цифрах. URL: https://su90.ru/abort.html (дата обращения: 26.03.2026).
13. Денисов Б. П., Сакевич В. И. Прерывание беременности в Российской Федерации по данным официальной статистики и лонгитюдного обследования // Демоскоп Weekly. 2016. № 687–688. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/analit01.php (дата обращения: 26.03.2026).
14. Abortion Rates by Country 2026 // WorldPopulationReview. 2026. URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/abortion-rates-by-country (дата обращения: 26.03.2026).

15. Габдуллина Э. ВЦИОМ нашел критерии воцерковленности // Коммерсантъ. 2025. 9 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7795312 (дата обращения: 26.03.2026).

16. Митрофанов Г., прот. Люди разуверились в государстве и надеются на Церковь : интервью // Правмир.ру. 2012. 16 окт. URL: https://www.pravmir.ru/lyudi-razuverilis-v-gosudarstve-i-nadeyutsya-na-cerkov/ (дата обращения: 27.03.2026).

17. Богомазова Л. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ. Новости. 2025. 9 июня. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 26.03.2026).

Информация об авторе: *Кулагин Никита Олегович*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(510)

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА 1980–2020-х гг. В КИТАЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕМЕН

Юлия Дмитриевна Ларина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

larina.dzhulija2017@yandex.ru

Аннотация. Анализируется трансформация жилищных отношений в сельской и городской среде Китая на рубеже XX–XXI вв. Особое внимание уделяется феномену «опустения деревень», проблемам жилищной дифференциации в городах и формированию новой модели сельского жилища. Рассматривается специфика трансформации жилища из средства выживания и носителя культурных традиций в инструмент накопления капитала.

Ключевые слова: жилищная реформа, китайская культура, городское жилище, сельское жилище, социальное неравенство, урбанизация, социальное неравенство

Китай на рубеже XX–XXI вв. пережил значительные социально-экономические изменения. Активное реформаторское движение в Китае во всех сферах жизни было начато в 1970-х гг. в ходе реформ Дэна Сяопина, что привело к изменениям в социально-экономической и политической сферах, а также положило начало эволюции жилищных отношений. Жилище в китайской культурной традиции всегда занимало особое место, представляя собой не только физическое убежище, но и отражение семейных многопоколенных ценностей. Это является отражением культурной и национальной идентичности китайского общества.

Трансформации городского и сельского жилищного пространства в Китае отражена в работах современных исследователей. Чжоу Чуньшань в своей работе «Evolution and mechanism of the residential spatial structure from 2000 to 2010 in Guangzhou» отмечает, что жилое пространство китайских городов вследствие рыночных реформ претерпевает на рубеже XX–XXI вв. значительные изменения в области жилого пространства [1]. Проблематика сельского жилища и опустения деревень отражена в работах Лун Хуалоу, который отмечает, что быстрая урбанизация привела к опустению деревень. Феномен «опустения деревень» в Китае проявляется в том, что на окраинах деревень ведется чрезмерное строительство и перенаселение, а центры деревень пустеют [2, с. 87]. При этом важно и дальше рассматривать данную тему для выделения

проблем в области жилищной политики Китая с целью выработки новой эффективной модели жилищного устройства.

Как составная часть общей экономической реформы, трансформация жилищной политики началась в Китае в 1980-е гг. До реформирования жилище в китайском социуме распределялось государством среди работников на основе их семейного положения и трудового стажа. В период с 1980 по 1993 гг. рыночные элементы постепенно начинают внедряться в жилищную политику Китая. Жилые объекты в этот период продаются всем работникам предприятий по льготным ценам, независимо от трудового стажа.

С 1994 по 1998 гг. в Китае проходит этап ускоренной приватизации жилья. В этот период жилые дома и помещения активно продаются арендаторам или прочим работникам государственного сектора. Уже с 1998 г. было прекращено распределение жилого фонда в стране и начался период накопления жилого капитала. Этот феномен проявляется в том, что работниками и работодателями стали вноситься взносы на специальные счета, которые в дальнейшем использовались для приобретения жилья. В данный период активно развиваются принципы коммерциализации жилищного фонда в Китае [2, с. 89].

В 2020-х гг. в китайском обществе началась реализация политики «новой урбанизации», которая ориентирована на гуманистические ценности и основное внимание сосредотачивает на вопросах социального жилищного строительства и интеграции сельских мигрантов в городе.

Наиболее ярко структурные изменения городского жилищного пространства прослеживаются на примере Гуанчжоу. Он, будучи городом субпровинциального значения, к 2020 г. сохранил историческую преемственность: здесь сочетается как современное коммерческое жилье, так и застройки с 1949 г. Отразился на городском жилищном пространстве также и быстрый рост рыночных цен. В период с 1980 по 2000 гг. в структуре жилищного фонда Китая доминировали плановые застройки, к которому относились ведомственное или коллективное жилье. А уже к 2010-м гг. ведущую роль в жилищном секторе города стали играть коммерческие постройки. Наблюдается также и пространственная экспансия. Расширение жилой застройки в китайских городах обусловлено их стремительным развитием. При этом пригородные территории в основном оснащены постройками смешанного типа, что отражает дифференцированную структуру населения (сельское и городское) в данном пространстве.

Жилищная реформа в Китае, начавшаяся в 1980 г., стала отражением перемен и привела не только к повышению темпов урбанизации и усилению феномена «опустения деревень», но и к росту социального неравенства и возникновению его новы форм. И. Сюй отмечает, что механизмы рыночной экономики в Китае сохранили черты социализма, а вместе с ними и соответствующие преимущества некоторых социальных групп [3]. Это проявляется в том, что работники государственного сектора и различных ведомств, получившие возможность приватизировать жилье на рубеже XX–XXI вв. оказались в более выгодном положении изначально, чем работники частного сектора.

Особую остроту с 2000-х гг. в Китае вследствие пересмотра взглядов на жилище приобрела проблема исключения сельских мигрантов из системы городского жилищного обеспечения. Несмотря на отмену системы хукоу, которая проявлялась в регистрации всех жителей в домовом хозяйстве и закреплении их за соответствующей территорией, мигранты из села к 2020-му г. в Китае также продолжали сталкиваться с проблемами дискриминации на рынке жилищного фонда. Данное явление стало катализатором формирования «этнических» анклавов и трущобных районов в пригородах Китая [4, с. 10].

Трансформация сельского жилища вследствие реформ, начавшихся в 1980-е гг. в Китае, прошла своим специфичным путем. Реформирования жилищного фонда в селе в первую очередь в китайском социуме на рубеже XX–XXI вв. было связано с развитием сельской промышленности. В этот период реализовывался активно принцип «либерализации крестьян от земли, но не от деревни», вследствие чего занятые на предприятиях в городе сельские крестьяне полученные доходы направляли на строительство домов в родных деревнях. Традиционные дома в селах в рамках первой волны строительства заменялись на кирпичные и железобетонные постройки. На этом примере ярко видно, что система хукоу была отменена в Китае лишь формально [5, с. 17].

С 1990-х гг. в ходе развития урбанизации и активной миграции сельчан в город и пригород сельские территории столкнулись с феноменом «опустения деревень». Двойственная структура социально-экономического развития Китая сформировала уникальное явление. При активном сокращении сельского населения в Китае одновременно произошло расширение застроенных территорий. При этом центральные части деревень в 2000-е гг. в Китае начали активно запустевать и разрушаться при параллельном активном новом строительстве на их окраинах.

Между городской и сельской строительными жилищными системами в Китае к 2020 г. сложилась ярко выраженная дихотомия. Городская система жилищного фонда основана на государственной собственности, опирается на современные промышленные технологии инфраструктурные решения и имеет развитую систему управления. При этом сельская система жилищ опирается на коллективную собственность и каноны традиционной китайской культуры. Застройка сел осуществляется преимущественно самими сельчанами с привлечением кустарных мастеров, что приводит к отступлению от государственных стандартов и размыванию рамок ответственности в сфере жилищных отношений между государством и его гражданами.

Таким образом, трансформация жилищной политики в Китае, начавшаяся в 1980-е гг. стала отражением перемен в социально-экономической жизни страны. Жилище в китайском обществе постепенно из средства выживания и носителя традиций стало адаптироваться в инструмент накопления капитала и отражение статусности в обществе.

Жилищная реформа в Китае имеет неоднозначные, но долгосрочные последствия. С одной стороны, у значительной части китайского населения значительно улучшились жилищные условия, а у государства в целом активно возросли объемы жилищного строительства в период с 1980 по 2020-е гг. С другой, – в ходе реформирования жилищной политики в Китае возникли новые формы социального неравенства: работниками городского сектора в 1990-е г. в ходе приватизации было получено больше преимуществ в рамках приобретения жилья, чем работниками частных предприятий и компаний.

Список литературы

1. Chunschan Zh. Evolution and mechanism of the residential spatial structure from 2000 to 2010 in Guangzhou // Geographical Research. 2015. Vol. 34, iss. (6). P. 1109–1124. URL: https://www.dlyj.ac.cn/EN/10.11821/dlyj201506010 (дата обращения: 22.03.2026).

2. Кучук О. В. Жилищная реформа и современное состояние рынка жилья в Китае // Известия Восточного института. 2007. № 2. С. 86–99.

3. Xu Yi. Effects of housing policies on intra-urban inequality in transitioning China // DSpace@MIT. 2026. URL: https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/34174 (дата обращения: 22.03.2026).

4. Григорьева Н. В. Влияние системы хукоу на институт семьи в Китае // Вестник науки и творчества. 2021. № 11 (71). С. 9–11.

5. Полховская Т. Ю. Государственное регулирование системы финансирования недвижимости: опыт Китая // Финансовые исследования. 2011. № 2. С. 15–25.

Информация об авторе: *Ларина Юлия Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 316.811

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЕВРОПЕ И США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Юлия Руслановна Ломакина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ulomakina241@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности трансформации семейных ценностей в первой половине XX в. в Европе (на примере Англии и Франции) и Соединенных Штатах Америки. Раскрываются особенности изменений в структуре семьи, отношении к браку, разводу, гендерным ролям. Проводится сравнительный анализ общих и различных черт протекания процесса трансформации ценностей в разных социокультурных пространствах.

Ключевые слова: семейные ценности, Англия, Франция, США, гендерные роли, воспитание детей, брак, развод, модернизация

Первая половина XX в., включавшая в себя две мировые войны, глобальный экономический кризис, повсеместные технологические прорывы, коренные социальные изменения и переоценку роли женщины и ее места в обществе, оказала значительное влияние на дальнейшую историю развития западной цивилизации.

Переосмысление гендерных ролей и власти в семье, переоценка понимания брака, разводов – это те изменения, которые были вызваны повсеместным развитием западных обществ в первой половине XX в. Рассматривать эволюцию семейных ценностей целесообразно с точки зрения разных социокультурных пространств, каковыми являются Соединенные Штаты Америки (США) и Европа (на примере Британии и Франции). Эта тематика остаётся актуальной и в настоящее время.

Историография проблемы обширна. Знаковыми в рамках нашего анализа являются работы Т. Парсонса, который рассматривал развитие социальных систем в условиях кризисов, реформирования. Также он занимался изучением особенностей американского социума, в том числе и в плоскости семейных отношений, что отражено в его работе «Американская семья и ее отношения с личностью и социальной структурой» [1, с. 96].

Используются работы, написанные в рамках историко-культурного акцента – Э. Шортера, Л. Стоуна и Дж. Гуди, которые рассматривали британскую семью с позиции культурных факторов. Они также занимались исследованием эволюции законодательства в области семейных правоотношений в Англии [2, с. 81].

В своём анализе мы исходим из того, что на рубеже XIX–XX вв. семейные ценности Соединенных Штатов Америки начинают активно изменяться. В этот период

времени уже доминирует нуклеарная семья, патриархальные акценты уходят из социального стереотипа. Экономической базой такой семьи считалось социально-экономическое положение ее главы – мужа и отца семейства, от которого зависел статус и материальная обеспеченность ячейки общества. Наиболее ценными качествами семьи считались трудолюбие, покорность, дисциплина, всецелое подчинение главе семьи, то есть мужу и отцу, выполнение каждым своих функций.

В американских семьях подобного типа наблюдалась стереотипизация семейных порядков и закрепления гендерных ролей – мужчина признавался кормильцем семьи и содержал ее, в обязанности женщины входило воспитание детей, в частности, трудовое, направленное на обучение младших членов семьи различным промыслам. Далее на рубеже XIX–XX вв., в эпоху ранней индустриализации, пространство семейных ценностей в Америке начинает меняться.

Основные направления трансформации в Европе и США в рассматриваемый период включали в себя тематику изменения моделей воспитания детей, взгляд на гендерные роли в семье и отношение к браку.

В США в первой половине XX в. осуществляется стремительный переход от авторитарных моделей воспитания к более мягким, направленным на комфорт ребенка и его психики. Данное направление развивается благодаря повсеместному распространению идей бихевиоризма и фрейдизма. Постепенно в Америке к 1920-м гг. начинают развиваться идеи *«scientificmotherhood»*, то есть идеи «научного материнства». Они включали в себя не столько развитие здорового ребенка, сколько формирование у него правильных привычек гигиены, поведения.

По аналогии США в Англии в конце XIX в. семейные ценности базировались на иерархичности позиций членов семьи. Мужчина и женщина не считались равноправными партнерами – права женщины в английских семьях были ограничены воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства и содержанием быта.

Отличительной чертой семей в Англии рассматриваемого периода было стремление к латентности – личные семейные проблемы было не принято привносить в публичное пространство. Также в английских семьях была четко заметна принадлежность её членов к конкретной гендерной группе, и, соответственно, разделяемым ей интересам, целям и образу жизни. Наиболее распространёнными ценностями английской семьи рубежа XIX–XX вв. были приверженность трудолюбию, пунктуальности, хозяйственности и экономности.

В Англии темпы изменения моделей воспитания детей были менее стремительными, чем в США, и строгие викторианские порядки дисциплины сохранялись дольше. Они включали в себя строгое соблюдение правил поведения ребенком, ограничения в питании, запрет на чтение художественной литературы, ориентацию на религиозные ценности и наличие телесных наказаний за провинности. После Первой Мировой войны рост числа социальных служб в Англии, распространение развития педиатрии начинает формировать в обществе взгляд о том, что детство – это особый период, требующий всецелой отдачи взрослого, его внимания и защиты.

До середине XIX в. типичная французская семья была во многом похода на американскую и английскую. Женщина признавалась полностью зависимой от мужчины, в ее обязанности входило исполнение воли мужа, в общественном пространстве использование основных социальных возможностей было затруднено. Так, семейные отношения во Франции регламентировались Гражданским кодексом Наполеона 1804 г. Согласно его нормам, жена и дети обязаны были подчиняться мужу и отцу семейства, выказывать ему послушание во всем в обмен на его содержание и «покровительство».

Между тем, в рамках «западной цивилизации» первой половины XX в. взгляд на гендерные роли, брак и саму семью, то есть само пространство «семейного контура», стали меняется. В США все большее распространение получает образ новой женщины – flapper. Данный тип женщин старался бросить вызов нормам в одежде, поведении и роду деятельности. Доступ к трудовой деятельности дает женщинам возможность экономической независимости, в результате чего происходит их отделение от традиционных семейных ценностей и домашнего хозяйства.

В Англии в годы Первой Мировой войны произошло активное вовлечение женщин в «мужские» профессии, в результате чего строгие границы между сферами деятельности гендеров стерлись. После войны женщины вернулись к традиционным ролям – матери и хранительницы очага, но такая форма деятельности заложила основы для дальнейшего феминистского движения и пересмотра взгляда на семейные ценности во второй половине XX в.

Общие акценты начинают смещаться. В США это направление стало наиболее динамичным: число разводов в сравнении с числом браков начинает активно расти, не считая годы экономических кризисов и войн. Брак перестает пониматься как добровольный пожизненный союз. Число разводов в США с 1920-х по 1950-е гг. активно растет, число браков постепенно снижается, но возрастает в 1940-е гг. в период ликвидации последствий Второй Мировой войны при не снижающемся, а продолжающем набирать динамику числа разводов, что представлено на рис. 1 [1, с. 97].

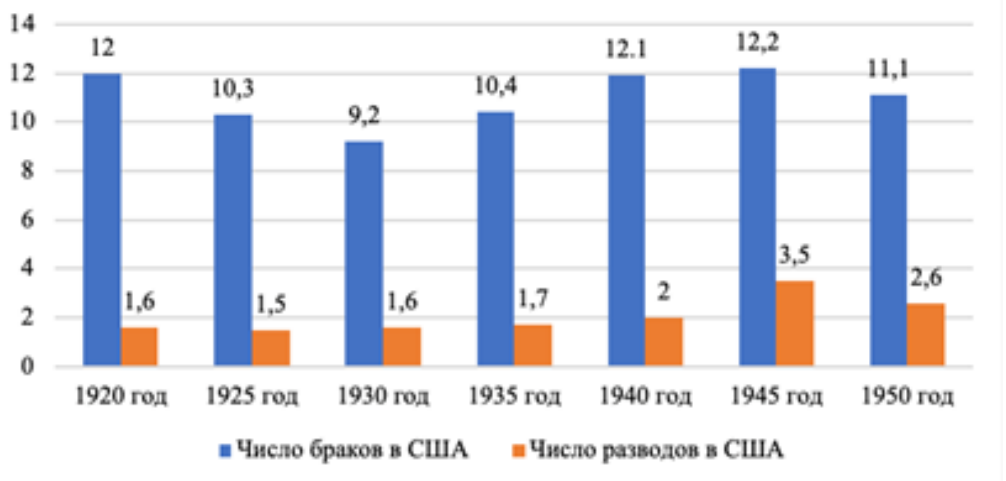

Рис. 1. Соотношение числа браков и разводов в США в 1920–1950-е гг.
(кол-во на 1000 чел.)

Законы Англии были более строгими, чем в США, что не давало таких широких возможностей для разводов. Но при этом в 1937 г. английский парламент принимает «MatrimonialCausesAct», который расширил основания для развода. Соотношение числа браков и разводов в Англии имело иную динамику, нежели в США. Темпы роста разводов увеличиваются только 1940-м гг., что говорит об эффективности и достаточной строгости государственных мер в области семейного права, что отражено на рис. 2 [3, с. 16].

Во Франции взгляд на брак и семейные ценности оставался традиционным и ориентированным на церковные нормы. При этом, однако, наблюдался медленный, но стабильный рост числа разводов. Процесс тормозился дороговизной и сложностью бракоразводного процесса, что делало эту процедуру не доступной широким слоям населения.

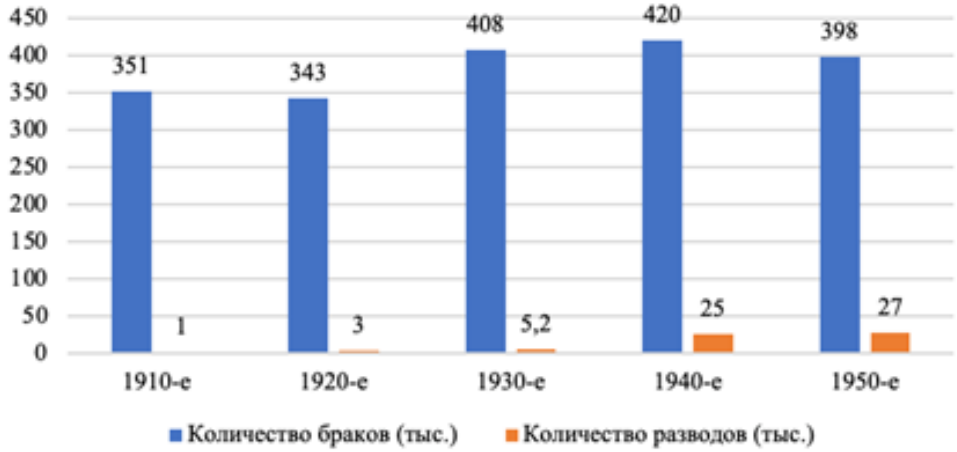

Рис. 2. Соотношение числа браков и разводов в Англии в 1910–1950-е гг. (в тыс.)

Таким образом, трансформация семейных ценностей в первой половине XX в. в Европе, на примере Англии и Франции, и США представляет собой динамичный и неоднозначный процесс. В условиях повсеместного вовлечения женщин в профессиональную деятельность, их постепенной эмансипации, пересматриваются традиционные взгляды на семью, где мужчина кормилец, а женщина – хранительница очага. При этом темпы модернизации семейных ценностей в разных социокультурных пространствах отличались. На этот процесс оказывали влияние индустриализация, мировые войны, экономические кризисы, политика государства.

Список литературы

1. Парсонс Т. Американская семья и ее отношения с личностью и социальной структурой // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 2. С. 95–104.

2. Подольский В. А. Предпосылки формирования социального государства в Великобритании во второй половине XIX – начале XX века // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2021. Т. 12, № 3. С. 67–84.

3. Карпов Г. А. Демография современной Великобритании: взрыв или кризис? // Социодинамика. 2017. № 9. С. 1–21.

Информация об авторе: *Ломакина Юлия Руслановна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 930(479.24)

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИОГРАФИИ АЗЕРБАЙДЖАНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.)

Баламирза Айдын оглы Мамедли

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

balamirzamammadli@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены этапы формирования и развития азербайджано-германских отношений с конца XX – начала XXI в. Изучены особенности становления двустороннего сотрудниче-

ства в условиях восстановления государственной независимости Азербайджана и институционализации дипломатических связей. Проанализированы факторы, определявшие динамику отношений, включая внутреннюю стабильность страны, внешнеполитические инициативы и интеграцию в евроатлантическое пространство. Показано, что азербайджано-германские отношения характеризуются постепенным укреплением доверия и расширением сотрудничества.
Ключевые слова: Азербайджан, ФРГ, дипломатия, внешняя политика, историография

Неслучайно отношения с ФРГ, занимавшей важное место в европейском направлении внешней политики Азербайджана в конце XX – начале XXI вв., находятся в центре внимания азербайджанской историографии. ФРГ, являющаяся одним из ведущих государств Европы, фактическим лидером Европейского союза, а также одним из ключевых членов НАТО и «Большой семёрки», благодаря своему значительному экономическому потенциалу нередко рассматривается как «локомотив» европейской экономики. После восстановления государственной независимости в 1991 г. Азербайджан получил возможность развивать всесторонние отношения с государствами Западной Европы в соответствии со своими внешнеполитическими приоритетами. В этих условиях установление тесных связей с Германией – одной из ведущих мировых держав – имело важное значение как для укрепления государственной независимости Азербайджана, так и для его интеграции в систему международных отношений. В свою очередь правительство ФРГ также было заинтересовано в установлении дипломатических отношений с новыми независимыми государствами, возникшими на постсоветском пространстве.

20 февраля 1992 г. МИД Азербайджанской Республики направило ноту № 154 в МИД ФРГ, в которой выражалась заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества. 17 марта того же года германская сторона положительно отреагировала на данное обращение. Примечательно, что ответная нота была направлена не в Баку, а в посольство ФРГ в Москве. Причины этого обстоятельства в азербайджанской историографии специально не объясняются. По нашему мнению, это может быть связано с осторожной позицией Германии по отношению к новым независимым государствам постсоветского пространства, которое в тот период ещё рассматривалось как зона особого влияния России. Кроме того, на территории Германии до августа 1994 г. продолжали находиться советские войска. Несмотря на это, стороны вскоре предприняли конкретные шаги по установлению дипломатических отношений. 2 сентября 1992 г. в Бонне было открыто посольство Азербайджана и, как отмечает М. Абасов, это было первое посольство Азербайджанской Республики в Европе [1, с. 68]. 22 сентября 1992 г. ФРГ также открыла своё посольство в Баку.

В азербайджанской историографии период президентства А. Муталлибова и А. Эльчибея нередко характеризуется как этап слабой институционализации азербайджано-германских отношений. Исследователи связывают это с отсутствием последовательной внешнеполитической стратегии и нестабильной внутриполитической ситуацией в Азербайджане. Так, историк А. Гасанов отмечает, что в тот период отношениям с Германией не уделялось должного внимания и не предпринимались практические шаги для использования её политического влияния и экономического потенциала в интересах республики [2, с. 94]. В качестве подтверждения автор указывает, что некоторое время дипломатическое представительство Германии в Азербайджане возглавлял посол ФРГ в Грузии, а нормативно-правовая база двустороннего сотрудничества практически не формировалась. Схожую точку зрения высказывает С. Магеррамова, связывая ограниченное развитие отношений с политической нестабильностью в Азербайджане начала 1990-х гг. [3, с. 60].

Анализ историографии позволяет выделить несколько основных причин пассивности азербайджано-германских отношений в 1991–1993 гг.:

1) нестабильная внутриполитическая ситуация в Азербайджане, вызванная военным конфликтом, экономическим кризисом и слабостью государственных институтов;

2) ограниченные дипломатические возможности;

3) формирование на Западе искажённого образа Азербайджана под влиянием армянской пропаганды;

4) сосредоточенность Германии на решении внутренних социально-экономических проблем после объединения страны.

В историографии начало нового этапа азербайджано-германских отношений определяют со второй половиной 1993 г., когда возвращение Гейдара Алиева к власти кардинально изменило внешнеполитический курс Азербайджана. С. Магеррамова, Х. Гаджиева, С. Зейналова и др. отмечают, что с первых дней президентства Гейдара Алиева формировалась новая система отношений с европейскими государствами, создавая благоприятные условия для тесного сотрудничества с Германией [3, с. 30; 4, с. 24–25; 5, с. 21]. Немецкие исследователи М. Дорнфельдт и Э. Зивальд отмечают, что президент Г. Алиев лично проводил внешнюю политику, ориентированную на установление равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми государствами, а Азербайджан должен был стать мостом между Востоком и Западом и центром стабильности на Кавказе [6, с. 140]. Визит председателя Кавказской комиссии Бундестага В. Виммера в декабре 1993 г. подтвердил активизацию двустороннего диалога и поддержку Германии в разрешении карабахского конфликта. В 1993–1994 гг. значительно оживились экономические и социально-гуманитарные связи. В 1995 г. состоялись первые встречи президентов двух стран и визиты германских министров, в ходе которых были подписаны ключевые документы, включая «Совместное заявление об основах азербайджано-германских взаимоотношений», «Соглашение о культурном сотрудничестве», «Меморандум о финансовом сотрудничестве». И. Муса, С. Магеррамова, Ч. Гусейнова оценивают эти события как «новую линию» в отношениях Германии с Азербайджаном и важный шаг на пути формирования устойчивых двусторонних связей [7, с. 498; 3, с. 36; 8, с. 165].

В результате успешного развития двусторонних отношений президент Гейдар Алиев был приглашён канцлером Гельмутом Колем с официальным визитом в ФРГ в июле 1996 г. В ходе четырёхдневного визита состоялись встречи с канцлером и другими официальными лицами, а также широкие переговоры, главной целью которых было определение направлений и принципов дальнейшего сотрудничества между двумя странами. Среди ключевых результатов визита – подписание меморандума о сотрудничестве между Национальным банком Азербайджана и Deutsche Bank, а также встреча с руководителями ведущих немецких компаний, что способствовало привлечению инвестиций и технологий в Азербайджан. Историки М. Гасымлы, Э. Гасымов, Г. Мирза, М. Абасов и др. оценивают визит как открытие качественно нового этапа в развитии двусторонних отношений и важный шаг в укреплении экономического сотрудничества и международной интеграции страны [9, с. 24; 10, с. 10; 11, с. 454; 1, с. 69].

Несмотря на активизацию двусторонних отношений, ФРГ в 1990-е гг. опоздала среди ведущих держав, проникших на Южный Кавказ. В результате немецкие компании начали участвовать в освоении азербайджанских углеводородных ресурсов только к концу 1990-х гг. Только в 1997 г. компания «Деминекс» приняла участие в пятом международном нефтяном контракте Азербайджанской Республики, приобретя 10 % акций.

В начале XXI в. продолжалась успешная динамика развития азербайджано-германских отношений. Это подтверждается визитами немецких делегаций в Азербайджан в 2001–2002 гг., проведением экономического форума в Баку, а также обсуждениями военно-политического сотрудничества. С первых дней президентства Ильхама Алиева двусторонние связи с западными государствами развивались активно, что сыграло важную роль в укреплении отношений с ФРГ. Г. Мирза отмечает, что этому процессу способствовало повышенное внимание Германии к Южному Кавказу после принятия программы ЕС «Новая политика соседства» [11, с. 454]. Первый официальный визит президента И. Алиева в ФРГ в 2004 г. рассматривается в историографии как новый этап двустороннего сотрудничества [3, с. 49]. Период правления Ангелы Меркель (2005–2021 гг.) характеризуется как этап активного развития отношений: проведение «Года Азербайджана» в Германии в 2008 г., создание кафедры «История Азербайджана» в Берлинском университете имени Гумбольдта в 2010 г., открытие Немецкой торговой палаты в Баку в 2012 г., а также регулярные официальные и деловые визиты президента И. Алиева.

Таким образом, историография показывает, что азербайджано-германские отношения прошли несколько ключевых этапов развития. Начальный период 1991–1993 гг. характеризовался слабыми дипломатическими возможностями Азербайджана, что объясняется внутренней нестабильностью республики и осторожной позицией Германии. С приходом к власти Гейдара Алиева во второй половине 1993 г. отношения получили целенаправленное развитие: был активизирован диалог на политическом, экономическом и гуманитарном уровнях. Первый официальный визит президента Азербайджана в ФРГ в 1996 г. стал важной вехой в укреплении сотрудничества. Начало XXI в., период президентства Ильхама Алиева и канцлерства Ангелы Меркель, характеризуется устойчивой динамикой развития двусторонних отношений. Реализовались комплексные инициативы в политической, экономической и культурной сферах, растёт роль Азербайджана как ключевого партнёра Германии на Южном Кавказе. Историки подчеркивают, что этот процесс стал результатом системного внешнеполитического подхода руководства Азербайджана, а также внимания Германии к региону в рамках европейских и международных инициатив. В целом, азербайджано-германские отношения можно охарактеризовать как пример постепенного наращивания доверия, институционализации сотрудничества и интеграции в евроатлантическое и международное пространство, что подтверждается как исторической динамикой, так и современными экономическими и культурными связями.

Список литературы

1. Абасов М. А. Международные отношения Азербайджана и Германии от истоков и до начала XXI века: политический аспект : дис. ... д-ра филос. по полит. наукам. Баку, 2015. 201 с.
2. Həsənov Ə. M. Azərbaycanın ABŞ və Avropa dövlətləri ilə münasibətləri (1991–1996). Bakı : Elm, 2000. 368 s.
3. Məhərrəmova S. S. Azərbaycan Respublikasının Almaniya Federativ Respublikası ilə münasibətləri (1991–2011-ci illər). Bakı : Turxan NPB, 2020. 208 s.
4. Hacıyeva X. Z. Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətində aparıcı Qərb dövlətləri və NATO (1991–1995): tarix üzrə fəlsəfə doktoru dis. Bakı, 2001. 168 s.
5. Зейналова С. М. Азербайджано-германские отношения в контексте интеграции Азербайджана в Европейское сообщество. Баку : Мутарджим, 2008. 76 с.
6. Dornfeldt M., Seewald E. Deutschland und Aserbaidschan. Die Geschichte der amtlichen Beziehungen. Berlin : Wissenschaft Verlag, 2021. 184 s.
7. Musa İ. Azərbaycanın xarici siyasəti: 3 hissədə] Bakı : Bakı Universiteti, h. 3, 2011. 776 s.

8. Hüseynova Ç. S. Beynəlxalq arenada Dağlıq Qarabağ münaqişəsi: hardayıq və nə etməli? Bakı : MBM, 2014. 315 s.

9. Qasımlı M. C. Azərbaycan Respublikasının xarici siyasəti (1991–2003): 2 hissədə. II hissə. Bakı : Mütərcim, 2015. 640 s.

10. Qasımov E. A. Azərbaycan Respublikasının Qərbi Avropa dövlətləri ilə əlaqələri (Elm, təhsil və mədəniyyət sahəsində, 1991–2005-ci illər): tarix üzrə fəlsəfə doktoru dis. Bakı, 2013. 197 s.

11. Mirzə H. Azərbaycan-Almaniya münasibətləri // Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991–2016). Bakı : Poliart, 2017. 904 s.

Информация об авторе: *Мамедли Баламирза Айдын оглы*, докторант, исторический факультет, Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).

УДК 316.811

ЖЕНЩИНЫ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ ЕВРОПЫ 1848 г.: РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ

Алина Рушановна Нарбекова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

alya.narbekova@list.ru

Аннотация. Рассматривается эволюция форм участия женщин в революционных событиях 1848 г., именуемых «Весной народов». Анализируются требования, выдвигаемые женщинами, включая вопросы образования, избирательного права и независимости. Исследуется влияние участия женщин в революционных событиях 1848 г. на дальнейшее развитие феминистского движения.

Ключевые слова: «Весна народов», женщины, революционные события, избирательное право, образование, феминистское движение

История Европы 1848 г. именуется, как в отечественной, так и в зарубежной историографии временем «Весны народов». Этот период представляет собой череду революционных потрясений, которые из локальных выступлений переросли в широкомасштабные события и охватили территорию от Франции до Австрийской империи.

В последнее время интерес к роли женщин в различных событиях неустанно растет. Это связанно с распространением и развитием гендерной истории. Тема феминизма и роли женщин в определенных исторических процессах отражена в работах таких исследователей, как Дж. Скотт в труде «Gender: A Useful Category of Historical Analysis» [1], в исследовании «К черной феминистской критике» Б. Смит [2], К. Оффен в работе «European Feminisms, 1700–1950: A Political History» [3].

Проблема участия женщин в революционных событиях отражена также и в работах отечественных исследователей, среди которых можно выделить такие труды, как «История социально-революционного движения в России, 1861–1881 гг.» Н. Н. Голицына [4], «Заветы Ленина женщинам всего мира» К. Цеткин [5], «Исторические судьбы женщин» С. С. Шашкова [6] и др.

При этом, несмотря на наличие все возрастающего числа работ, посвященных роли женщин в революционных событиях XIX–XX вв., сохраняются пробелы в освещении особенностей эволюции форм участия женщин в революции 1848 г.

Переходя к рассмотрению особенностей эволюции форм участия женщин в революционных событиях Европы 1848 г., следует отметить, что их участие не было единым и монолитным. Зачастую женщины начинали свое участие в «Весне народов» с незаметных форм поддержки – помощи, а продолжали активными и организованными методами.

На начальных этапах революционного движения в Европе 1848 г. женщины выполняли второстепенную роль и исполняли привычные им функции, но уже не в бытовой обстановке. Изначально в ходе «Весны народов» женщины занимались поддержкой и обеспечиванием участников событий. Они готовили еду для повстанцев, занимались шитьем флагов, лечением раненных. Так, на начальном этапе революционного движения 1848 г. женщины в основном морально поддерживали и помогали восставшим, выполняя второстепенные функции [7, с. 1079].

Другой формой участия женщин при возникновении «Весны народов» является их участие в демонстрациях, наряду с мужчинами. Вместе с другими восставшими женщины на улицах Парижа, Берлина, Вены выражали всеобщее недовольство.

В ходе «Весны народов» постепенно развиваются более активные и организованные формы борьбы, например, участие в уличных боях. В Париже женщины-везувианки были одними из наиболее радикальных фигур: помогали подносить патроны к баррикадам, стали сами брать в руки оружие.

Постепенно складываются женские ассоциации и различные клубы. Это был один из наиболее значимых сдвигов, когда формы женского участия в революционном движении 1848 г. становятся активными и организованными. Во Франции появляются такие клубы, как «Голос женщин», «Клуб эмансипации женщин», в Германии появляются «Женские гражданские ассоциации» [8, с. 4]. В Берлине и Гамбурге женщины, посредством вовлечения в ассоциации, начинают уже активно и публично выражать свои социальные требования и выступать за реформы в образовании, предоставлении избирательных прав.

Помимо прямого участия в публичных выступлениях и демонстрациях женщины опосредованно оказывали влияние на революционные события 1848 г. Они, зачастую, становились авторами памфлетов и петиций, которые публиковались в массовых изданиях. Яркими примерами политического лидерства в революционном движении Европы 1848 г., в том числе и в прессе, стали фигуры Жанны Дероэн и Полины Ролан во Франции.

Так, формы участия женщин в революционных событиях 1848 г. эволюционировали от простейших форм поддержки и негласного участия до активных методов воздействия посредством ассоциаций и организаций, женских объединений.

В ходе революционного движения в Европе в 1848 г. женщины предъявляли специфичные гендерные требования, которые выходили за рамки общих требований повстанцев. Одной из центральных целей женщин было желание добиться избирательного права. После введения всеобщего мужского избирательного права активистки стали бороться и за свои права в политике. Например, Жанна Дероэн во Франции на выборах в Законодательное собрание пытается выдвинуть свою кандидатуру в 1849 г. Данный акт вызвал скандал и из-за гендерного неравенства, имевшего место быть в рассматриваемый период времени, ее кандидатура не была допущена к избирательному процессу, что также усилило революционные настроения и стало одной из предпосылок росту феминистского движения [8, с. 9].

Желание добиться женщинами политических и избирательных прав перерастало в принятие определенных актов, отражающих их волю. Опубликованная в 1848 г. на

конференции в Сенека-Фоллс «Декларация чувств» является одним из первых публичных документов, поддерживающих полные гражданские права и свободы женщин, включая право голоса [1, с. 1078].

Следующим требованием женщин в ходе «Весны народов» в Европе было получение доступа к образованию. Женская часть населения осознавала, что ограниченный доступ к образованию выступает барьером на пути к полной эмансипации женщин. Свободный доступ к образованию рассматривался женщинами, как возможность получения интеллектуальной независимости. Требования женщин в области образования включали:

– получение равного с мужчинами доступа к государственным школам;

– открытие высших учебных заведений, в которых женщины могли бы получать соответствующую квалификацию по тем же направлениям, что и мужчины.

Ряд требований женщин в ходе революционного движения в 1848 г. включал также и социально-экономические преобразования. Женщины пытались достичь не только интеллектуальной независимости, но и материальной, то есть экономической. Они боролись за создание кооперативов, отмену законов, ограничивающих право замужних женщин самостоятельно распоряжаться своими доходами и владеть собственностью.

Социальные требования женщин включали в себя право на развод. В странах с жесткими католическими порядками, как, например, во Франции, женщины боролись за получение возможности расторжения брака. Женщины также призывали к созданию условий для матерей-одиночек, развитие государственных программ по защите института материнства и детства.

Данные требования, выдвигаемые женщинами в ходе революционных событий Европы 1848 г., не были услышаны властями и реализованы на практике. При этом их массовый и динамичный характер заложил предпосылки для дальнейшего развития и роста феминистского движения в начале XX в. Влияние участия женщин Европы в революционном движении 1848 г. не имело практико-ориентированных результатов. Но оно заложило основу для распространения идей эмансипации и роста популярности феминизма среди масс.

В ходе «Весны народов» женщины продемонстрировали свой политический потенциал и широкие возможности самоорганизации, это стало важным прецедентом, который разрушил стереотип о женщинах, как о пассивных членах общества. События 1848 г. в Европе показали, что женщины тоже «имеют голос»: это подтверждалось их участием в демонстрациях и публичным выражением своего мнения, протестов, изданием прессы.

В ходе революционного движения 1848 г. женщинами были четко сформулированы требования доступа к образованию, предоставления избирательного права, создание достойных условий труда и его оплаты, возможности расторжения брака. Они в дальнейшем легли в основу движения феминисток, суфражисток и борьбы женщин за независимость и защиту своих прав на рубеже XIX–XX вв. Формируются также и символы лидерства среди женщин – участниц «Весны народов». Одним из таких образов стала Жанна Дероэн, боровшаяся за права и независимость соотечественниц [9, с. 91].

Таким образом, революционные события в Европе в 1848 г. стали поворотным моментом не только в истории разных стран и государств, но и в истории женского движения, проникнутого идеями независимости, эмансипации и достижения гендерного равенства.

Список литературы

1. Scott Joan W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // The American Historical Review. 1986. Vol. 91, № 5. P. 1053–1075. URL: http://www.tonahangen.com/wsc/hi411/wp-content/uploads/2011/11/Scott.GenderUseful.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

2. Smith B. Toward a Black Feminist Criticism // Conditions. 1977. Vol. 1, № 2. P. 25–44.
3. Offen K. European Feminisms, 1700–1950: A Political History. Stanford : Stanford University Press, 2000. 554 p.
4. Голицын Н. Н. История социально-революционного движения в России, 1861–1881 гг. М. : Государственная публичная историческая библиотека России, 2019. 336 с.
5. Цеткин К. Заветы Ленина женщинам всего мира. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1938. 48 с.
6. Шашков С. С. Исторические судьбы женщин. М. : Кучково поле, 2016. 654 с.
7. Адылова Л. С. «Декларация чувств 1848 года»: влияние на феминистское движение в США и Канаде // Вестник науки. 2024. № 6 (75). С. 1078–1084.
8. Королева Т. В. Суфражистское движение во Франции в конце XIX – начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2007. № 4 (45). С. 3–24.
9. Чирухина Ю. В. Роль феминизма в развитии политического участия женщин в Германии // Система ценностей современного общества. 2008. № 2. С. 88–94.

Информация об авторе: *Нарбекова Алина Рушановна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 943.7.03:2

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕХИИ В XV в. (ПО ДАННЫМ ТРАКТАТА ЛАВРЕНТИЯ ИЗ БРЖЕЗОВОЙ)

Алина Дмитриевна Новокрещенова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

novokresenovaalina@gmail.com

Аннотация. Рассматривается национальное движение в Чехии В XV в. через призму трактата Лаврентия из Бржезовой. Повествуется о главных участниках события. Отражены основные элементы национального самосознания чехов.
Ключевые слова: Чехия, Ян Гус, Лаврентий из Бржезовой, табориты, чашники, Гуситская хроника

XV в. стал для Чехии периодом глубоких социально-политических и религиозных трансформаций, во многом предопределенных наследием гуситского движения. Особое значение приобретают письменные источники, отражающие общественные настроения и интеллектуальные течения. Гуситское движение в Чехии являлось одно из самых ярких страниц не только в истории Чехии, но и всей средневековой Европы. Данное движение, отличающееся своего многогранностью, до сих пор привлекает внимание исследователей. В разные периоды оно интегрировалось как явление, прежде всего, религиозные, национальные, нравственное или как крестьянское восстание, пропитанное религиозными идеями [1, с. 118]. В современной чешской историографии все чаще используется термин «гуситская революция», под которым понимается масштабный, комплексный и многоуровневый социальный конфликт, охвативший как глубокие религиозные, так и социальные аспекты [2, с. 5].

Одним из ключевых документов является трактат Лаврентия из Бржезовой, выдающегося чешского гуманиста и писателя, чьи труды дают ценное представление о национальном самосознании чехов в указанное время. К сожалению, оригинал

«Гуситской хроники» Лаврентия из Бржезовой не сохранился, но сохранились его рукописные копии XV–XVI вв. [3, с. 16].

Стоит отметить, что данное произведение охватывает лишь раннийй период гуситского движения. Его автор, Лаврентий из Бржезовой, происходил из небогатого шляхетского рода. Он начал свой академический путь в Пражском университете, получив степень бакалавра свободных искусств в 1390 г. и магистра в 1394 г. Несмотря на попытку освоить юриспруденцию, параллельно он занимался переводами литературных произведений на чешский язык. Разделяя взгляды Яна Гуса, Лаврентий впоследствии присоединился к умеренному крылу гуситского движения. В 1431 г. его поэма запечатлена победу гуситов над крестоносцами в битве у Домажлиц. Последние сведения о Лаврентии из Бржезовой датируются 1437 г., когда ему было 67 лет.

Несомненно, период создания хроники оказал существенное влияние на мировоззрение Лаврентия из Бржезовой. Первоначальный революционный дух, которым был проникнут автор, постепенно угасал. Он сам стал склоняться к мысли, что продолжающееся противостояние между гуситами и католической церковью представляет угрозу разрушения для «Когда-то счастливого и известного Богемского королевства». Это все и приводит к критике радикальных взглядов таборитов и актов разрушения церквей и монастырей [2, с. 27].

В тексте хроники на протяжении всего повествования прослеживается выраженный национальный патриотизм автора. Его неприязнь к немцам проявляется в характеристике их как «Чахофобов» и «жестоких преследователей истины». Одновременно Лаврентий выражает крайнее неодобрение в адрес императора Сигизмунда за его отказ поддержать Яна Гуса во время судебного процесса [4, с. 27–38].

Взгляды Яна Гуса можно сгруппировать на два ключевых направления: нравственное и догматическое. Конец XIV – начало XV вв. отмечены глубоким нравственным кризисом чешского духовенства, что вызывало заметное народное недовольство. Ян Гус решительно осуждал эти пороки, призывая к искоренению разложения, охватившего духовенство на всех уровнях, от рядовых монахов до епископов. Его проповеди также касались проблем симонии и неоправданного обогащения прелатов [5, с. 94–95]. Эти идеи получили широкое признание не только в Вифлеемской церкви, где он служил, но и за ее пределами.

Ян Гус, признанный предшественник Мартина Лютера, развивал учение, имевшее существенные отличия от последующих протестантских течений. Особое влияние на него оказал Джон Уиклиф, английский реформатор, отрицавший сакраментальность Евхаристии и видевший в ней лишь символ [6, с. 61]. Однако, в отличие от Уиклифа, Ян Гус не принял его догматические положения, в том числе трактовку Евхаристии. Вместо этого он сделал своим центральным призывом, который был осужден как еретическим: «Констанцкий собор... Запретил впредь предоставлять народу пресвятое Божественное причащение Тела и Крови Господней под обоими видами, и такое причащение.... осудил, как ошибочное и еретическое». По «Гуситской хронике» можно сказать, что данные события относятся к лету 1414 г. в Праге, в храмах св. Адальберта в день Всех святых. Собирался всеобщий собор в имперском городе Констанце для установления единства церкви и восстановления мира, ибо в то время церковь была разделена на несколько частей. Лаврентий подробно приводит подробности о составе собора, подчеркивая его пышность и многочисленность [4, с. 27–28]. Ян Гус прибыл в Констанц с охранной грамотой Сигизмунда, но был арестован и заключен в тюрьму, это произошло по проискам враждебного чешского духовенства.

Трактат Яна Гуса «Tractatus de ecclesia» напрямую критикует Римскую Церковь, поскольку утверждает, что главой Церкви является Христос, а не папа [4, с. 25]. Гус определял Церковь как «общество всех людей, царь которого есть Христос» [7, с. 2].

В народе папа чисто отождествлялся с антихристом. Важно отметить, что после сожжения магистра Яна Гуса выдвинули протест чешская и моравская шляхты. Как они отмечали, собор не предоставил ему высказаться, не уличив его, как следовало по закону, не выслушав никаких доводов [4, с. 35–36].

Утраквисты или чашники представляли собой умеренное крыло движения. Их центром была Прага, так как к утраквистам относились в основном магистры Пражского университета, шляхтичи и духовенство - представители высшего, образованного сословия. Лидером чашников считался викарный епископ Пражской епархии Рокицан [8, с. 210].

Помимо них, Лаврентий активно упоминает о таборах. В 54 главе описывает их обычаи, происхождение и нравы, как отмечает сам автор: «...ввиду того, что хотя они называют себя ревнителями закона божия, но некоторые из них впали во многие заблуждения» [4, с. 107]. Табориты активно отвергали учение папства, по сообщению Лаврентий, они видели в монастырях «разбойничьи вертепы». Их богословы старались отвергать учение католиков об аде. В таборе царил дух братства, который объединял его членов. Социальная структура была основана на принципе разделения ролей: мужчины и женщины одинаково брали на себя военные и хозяйственные задачи, причем стоит отметить, что женщины в равной мере с мужчинами участвовали в сражениях. Важным событием, которое выделяет Лаврентий, 30 июля 1419 г. является восстание в Новом Городе Пражском. Он описывает, как простой народ во главе с Яном Жижкой выбросил из ратуши бургомистра и членов городского совета, которые являлись противниками причащения чашей, вскоре они были убиты. Данное событие становится катализатором к открытому вооруженному конфликту [4, с. 43–44].

Описание национального движения в Чехии Лаврентием заканчивается главой, в которой повествуется о выступлении войска Жижки против Сигизмунда к Кутной горе. Около 60 тыс. человек в составе войска короля Сигизмунда двинулся к горе, пражане, чувствуя недостаток сил, отправили гонцов к Жижке и таборитам с призывом о помощи, в дальнейшем возникает вспышка религиозной и культурной напряженности: «Когда же они увидели, что один из всех священников – таков был их обычай – стал служить обедню без всякого священнического облачения, в своей собственной одежде, не соблюдая никакого привычного порядка в священнослужении, а только припал головой к земле и, пролежав так с поднятой задней частью тела в течение небольшого времени… Увидав все это, кутногорцы, мужчины и женщины, еще более раздраженные против богемцев, стали выходить из храма, плевать на землю с ропотом…» [4, с. 278–279]. Заключительным эпизодом стало предательство и потеря города, но войско Жижки не было разгромлено. Оставшись без какого-либо продовольствия, табориты и пражане перегруппировались. Текст хроники обрывается: «И когда наступило утро…» [4, с. 280].

Таким образом, наряду с другими первоисточниками, «Гуситская хроника» является одним из наиболее ценным и подробным источником, освещающим события, непосредственно связанные с Яном Гусом и началом самого гуситского движения. Его личное участие и близкое знакомство с ключевыми фигурами позволяют реконструировать ход событий с уникальной перспективой.

Список литературы

1. Галямичев А. Н. К проблеме истолкования сущности гуситского движения // Из истории социально-этических и политико-правовых идей : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : СГПИ, 1990. С. 118–124.

2. Гаркуша Л. М. Современная гуситология в Чехии. Состояние и основные направления исследований : дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 222 с.

3. Герчикова И. А. Чехи и «чешскость»: в поисках национальной идентичности (1918–2018) // Славяноведение. 2019. № 4. С. 37–44. URL: https://slav.jes.su/S0869544X0005430-6-1 (дата обращения: 13.02.2026).

4. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 330 с.

5. Рубцов Б. Т. Гуситские войны. Великая крестьянская война XV века в Чехии. М. : Госполитиздат, 1955. 324 с.

6. Чугунова Т. Г. Английские религиозные реформаторы XVI в. О таинстве Евхаристии // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2021. № 5. С. 61–63.

7. Гильфердинг А. Ф. Гус. Его отношение к Православной Церкви. СПб., 1871. 79 с.

8. Эрнест Дени Гус и гуситские войны. М. : Клио, 2016. 422 с.

Информация об авторе: *Новокрещенова Алина Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 930.1

КРИТИКА ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСТОРИИ КАРЛОМ ПОППЕРОМ

Александр Радович Оборок

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

sasaoborok57@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается критическая позиция методолога науки Карла Поппера по отношению к способности истории делать научные прогнозы. Анализируются научные работы по данной проблеме. Делаются выводы о легитимности критики, ее преимуществах и недостатках.

Ключевые слова: Карл Поппер, постпозитивизм, методология истории, историцизм, научный прогноз, философия истории

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. И. Шувалова.

Карл Раймунд Поппер – один из самых влиятельных методологов науки XX в. Его наибольший вклад в науку можно оценить введением нового критерия демаркации – фальсификации – «научное исследование должно быть посвящено тому, чтобы не подтверждать научную теорию, а опровергать ее» [1, с. 575]. Следуя данному критерию, если ученый находит противоречащий теории компонент, то «она должна быть целиком видоизменена или заменена более успешной теорией» [2, с. 316].

Критика закономерностей исторического развития, из которых выявляется возможность прогнозирования, была представлена в работе «Нищета историцизма» 1944 г. Данная книга была написана на основе лекции, прочитанной Карлом Поппером в Лондонской школе экономики зимой в 1935-1936 гг. Главной задачей он ставил критику всех возможных исторических предсказаний, «основанных на материалистическом, идеалистическом или любом другом модном мировоззрении, – и вне зависимости от того, что за будущее нам предсказывают» [3, с. 3].

Состояние методологии, в которой находились трактовки исторической необходимости, было обусловлено научной парадигмой XIX в. Тогда за базис были приняты принципы, в том числе терминология, из классической физики, а точность, свойственная естественным наукам, распространялась на гуманитарные знания [4, с. 12]. Противоречивость данной тенденции выделил Поппер. Использование терминов «статика», «динамика», «движение», «вектор» было проявлением противоречивости. Их проблема заключалась в том, что они были восприняты с искажением изначального смысла, вследствие чего их заимствование не обуславливало точности, необходимой для прогнозирования будущего социальной системы, «ибо общество, которое социолог называет статическим, аналогично физическим системам, которые физик назвал бы динамическими» [3, с. 129]. В пример выдвигается Солнечная система, с точки зрения физики она динамическая, но ее повторяемость и статичность в структурных изменениях дает историку признаки для отнесения ее к статическим системам в социальном смысле [3, с. 130]. В итоге прогнозируемость Солнечной системы как динамической не детерминирует, к примеру, возможность прогнозирования эволюции жизненного цикла динамической цивилизации по А. Тойнби [3, с. 128].

Главным объектом критики Поппера выступает историцизм как методологическая основа для исторического прогнозирования. Прогноз делается на построенной схеме развития исторического процесса: «в основе исторической эволюции усматривают “ритмы”, “схемы”, “законы” или “тенденции”» [3, с. 10]. Концепция историцизма является неоднородной по отношению к применимости методов точных наук. Общая классификация представляется в ее разделении на два вида: негативная и позитивная концепции [3, с. 9].

Негативная концепция основывается на том, что не принимает методы естественных наук, считая социальные законы релятивистскими, то есть зависимыми от места и времени [3, с. 12]. Концепция раскрывается Карлом Поппером через выделение характерных для нее признаков: невозможность социального обобщения; существование подлинной социальной новизны; неточность предсказаний; холический характер социальных групп, то есть понимание группы как целое, которое больше суммы своих членов; причинное понимание истории в качественных понятиях. Эти признаки выражаются в интуитивное понимание истории, имеющее три подхода [3, с. 27]. Первый подход: «социальное событие понято, когда оно проанализировано с точки зрения вызвавших его сил, т. е. индивидов и групп, их целей или интересов, а также власти, которой они располагают» [3, с. 29]. Второй вариант развивает первый, добавляя смысловой компонент в анализ события, то есть его возникновение оказывает ситуационную значимость для ряда других событий [3, с. 29]. Третья разновидность представляет комплексное соединение первых двух, дополняя немаловажным аспектом как выявление объективных тенденций или направлений, доминирующих в конкретном историческом процессе [3, с. 30].

Исходя из данного понимания негативной концепции, выдвигается аргумент против возможности прогнозирования исторических процессов в ее рамках. Трудность возникает ввиду влияния прогноза на прогнозируемое событие, поскольку оно каузально может способствовать его предотвращению либо появлению. Поппер выделил данное явление в «Эдипов эффект» [3, с. 20]. В итоге прогноз сам является социальным событием, который взаимодействует с другими, в том числе предсказанными, из-за чего происходит влияние на саму объективность прогноза: «И тот факт, что его высказывания оказывают такое влияние, нарушает их объективность» [3, с. 23]. Добавляя к этому признак подлинной социальной новизны, из которой выводится уникальность

каждой исторической ситуации, в том числе вызвавших их сил и тенденций, точные и детальные прогнозы невозможны [3, с. 21].

Позитивная концепция имеет сходство с негативной в двух аспектах: холическое понимание социальных групп и искаженное понимание методов естественных наук. Однако он открыт к методам последних и делает важное открытие – законы эволюции общества [3, с. 121]. Признание неточности в деталях и датах прогнозов здесь компенсируется их широтой и долгосрочностью [3, с. 46]. Из этого выделяются следующие черты позитивной концепции: холизм, универсальность исторических законов, формирование теории исторического развития, применение социальной динамики, создание крупномасштабных прогнозов. Отсюда вытекает понимание истории как закономерного процесса, в основе которого лежат универсальные законы, «соединяющие следующие друг за другом периоды» [3, с. 51].

Аргументация Карла Поппера против возможности прогнозирования исторического процесса в рамках позитивной концепции основывается на доказательстве существования тенденций исторического развития, а не его законов.

Во-первых, изучая какую-то вещь, мы так или иначе останавливаемся на ее частных аспектах, не охватывая тотально, поэтому всякое описание с необходимостью избирательно [3, с. 91]. В связи с этим изучение социальной целостности в структуре всех социальных и исторических событий эпохи является по Попперу невозможным, поскольку «речь идет о бесконечном регрессе» [3, с. 93].

Во-вторых, Поппер проводит различие между тенденциями и законами. Тенденции говорят о существовании направления в определенное время и место, являясь единичным историческим утверждением, детерминированным от начальных специфических условий [3, с. 133]. Закон же является универсальным суждением безусловного характера, в котором утверждается о невозможности тех или иных вещей [3, с. 133]. Например, тенденция – это технический прогресс, а закон должен утверждать, что при определенных обстоятельствах будет обнаружен этот технический прогресс. Исходя из этого, Карл Поппер формулирует главную ошибку историцизма: «его «законы развития» суть абсолютные тенденции, – тенденции, которые, подобно законам, не зависят от начальных условий» [3, с. 148]. Данная ошибка демонстрируется на формационной теории Карла Маркса. Условная тенденция к концентрации средств производства может быть прекращена из-за быстрой убыли населения, а сама убыль может произойти от воздействий индустриальной среды. Это показывает возможность условий, при которых данная тенденция прекратила бы свое существование. Так с помощью критерия фальсификации отрицается безусловность данной тенденции, а исторические прогнозы становятся невозможными, поскольку «мы не можем основывать их на том, что тенденции существуют» [3, с. 133].

Карл Поппер, исследовав методологическую основу истории, сделал немаловажный вклад в понимание прогностической функции истории: «Поппер утверждает невозможность какого-либо предсказания или предвидения в истории, так как наблюдать можно лишь уникальные процессы» [5, с. 315]. В уникальности данного процесса ключевую роль играет человеческий фактор – «крайне неопределенный и изменчивый элемент социальной жизни и социальных институтов» [3, с. 181]. Также это подкрепляется всем предшествующим критическим анализом методологий истории под общим названием «историцизм».

Список литературы

1. Лосев Ю. И., Бартенева Т. Н. Карл Раймунд Поппер – британский философ и социолог // Личность и общество в историческом процессе : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. /

под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева (г. Рязань, 9–10 апреля 2020 г.). Рязань : Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2020. С. 573–579.

2. Дадашев А. А., Ермолаева М. Х. Карл Поппер как основатель постпозитивизма // Экономика и социум. 2018. № 11 (54). С. 315–318.

3. Поппер К. Р. Нищета историцизма : пер. с англ. М. : Прогресс – VIA, 1993. 187 с.

4. Москаленко М. Р. Прогностическая функция исторической науки // Российская социология и история: актуальные проблемы развития : сб. науч. работ студентов и аспирантов. Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2006. С. 5–15.

5. Ушакова Г. П., Клемятич Д. Ю. Карл Поппер: критика стандартной концепции науки // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1 (3). С. 313–321.

Информация об авторе: *Оборок Александр Радович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 347.625.2

ПРАВА ЖЕНЩИН В АНГЛИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Елизавета Алексеевна Павлуткина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

yelizaveta.pavlutkina@mail.ru

Аннотация. Анализируются особенности английского законодательства, регулирующего права женщин, на рубеже XVIII–XIX вв. Рассматривается специфика правовой регламентации бракоразводного процесса, семейных отношений, института опеки, материнства и детства. Особое внимание уделяется попыткам преодоления ограниченности прав женщин и зарождения их борьбы за свои социально-экономические и политические права.

Ключевые слова: английское законодательство, права женщин, брак, развод, феминизм, правовая история

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Т. В. Осиповой.

Права женщин в английском законодательстве конца XVIII – начала XIX в.были ограничены по сравнению с современными стандартами. Статус женщин в гражданско-правовых и семейных отношениях определялся в соответствии с традиционными нормами феодального права дореволюционного периода.

Период конца XVIII – начала XIX в. в Англии представляет собой время динамичных перемен во всех сферах общественной жизни. Эпоха Просвещения и Французская революция зародили идеи защиты прав человека, свободы и равенства. При этом данные идеи на правовое положение женщин начали распространяться не сразу, что обуславливает специфику рассматриваемой темы.

Английское законодательство и правовая практика данного времени являлась собой строго патриархально определенное место женщины в обществе. Нормативная база Англии рубежа XVIII–XIX вв. предопределяла зависимое положение женщины на протяжении всей ее жизни: сначала от отца, затем от мужа.

Английское законодательство в области регулирования и регламентации прав женщин в рассматриваемый период придерживалось принципа coverture. Данная идея

предполагала юридическую «покрытость» мужем, то есть всецелую ее зависимость от мужчины в реализации своих прав, свобод и несения обязанностей.

Женщина была ограничена в различных сферах общественной жизни. Это проявлялось, во-первых, в невозможности ее полноценным образом реализовывать свои права в области собственности. До замужества женщина, по английским обычаям, подлежала повиновению перед отцом, равно и ее имущество и собственность, в число которых входили личные вещи и предметы гигиены, были подчинены тоже главе семьи. После замужества, как и прав женщины, так и ее имущество переходили в зависимость от мужа. Замужняя женщина не имела права самостоятельно распоряжаться своим имуществом, так как оно переходило в собственность ее мужа. Доходами от недвижимого имущества также мог распоряжаться только либо отец, либо муж женщины [1].

Женщина также была юридически неправоспособна. Она не могла выступать ответчиком в суде и защищать свои права в процессуальном порядке. Также женщина была лишена возможности заключать контракты, что было подчинено принципу femme covert, наложения запрета на договорные отношения с женщинами в юридическом смысле.

Единственный вид контракта, который был доступен женщине – это marriage settlements, то есть брачный договор. По нему женщина имела возможность защитить часть своего имущества, нажитого или полученного до вступления в брак. Специфика этого права проявлялась в его ограниченности [2].

Процедура заключения брачного договора, ввиду своей дороговизны, была доступна лишь женщинам из обеспеченных семей и распространялась не на все ее имущество.

Во-вторых, бракоразводный процесс в отношении женщины был также ограниченной процедурой, лишая ее какой-либо автономности от мужчины и правоспособности. Брак в Англии в конце XVIII – начале XIX вв. представлял собой не столько юридический, сколько религиозный союз. Ввиду строгой религиозной регламентации брак в Англии признавался добровольным и пожизненным союзом мужчины и женщины. Поэтому процедура развода была ограничена не только законодательством, но и религиозными догмами. Брак закреплялся юридическим договором, а также освящался церковью.

Возможности развода в Англии в рассматриваемый промежуток времени также были ограничены. По аналогии с заключением брачного договора процедура расторжения брачных семейных отношений, была дорогой и трудоемкой. Ввиду чего она была ограниченной и доступной только наиболее богатым мужчинам. Женщина, вследствие своей неправоспособности, отсутствия возможности распоряжения своим имуществом, лишалась денежных средств и способов их использования, в результате чего, она и не могла подать на развод. До 1857 г. в Англии развод мог быть получен только мужчиной и только по соответствующему парламентскому акту. Заключение данного нормативного правового акта требовало определенных финансовых затрат и наличия юридической поддержки [2].

Английское обычное право также закрепляло принцип умеренности применения мужчиной силы в семье для налаживания дисциплины и наведения порядка. Женщина обязана была ему всецело подчиняться и, как уже было отмечено выше, она не имела возможности защищать свои права в судебном порядке.

В области института детства и опеки мужчины также обладали всем спектром прав, в отличие от женщин. Они, в свою очередь, после развода лишались возможности участия в воспитании детей, их образовании. После смерти жены мужчина также получал полную автономность в воспитании и уходе за детьми, не оставляя таких прав родственникам со стороны жены.

В-третьих, в области общественной жизни и выражения своего мнения женщины также были ограничены в значительной степени. Женщины на рубеже XVIII–XIX вв.

в Англии были лишены избирательных прав, в результате чего, они не имели права голосовать и выражать свое мнение, предлагать инициативы на разных уровнях, от общегосударственного до местного.

Доступ к образованию у женщин также был не только ограничен, но и закрыт. К получению домашнего образования допускались женщины из наиболее богатых слоев населения, всем остальным был закрыт доступ к формальному образованию в специализированных учреждениях. Профессиональные возможности для женщин в Англии того времени также были ограничены. Им разрешалось заниматься всеми видами деятельности, кроме «мужских». Ввиду чего женщина могла работать только в качестве домашней прислуги, швеи или учительницы в частной школе, что было доступно также богатым слоям населения в большей степени. При этом зачастую доходами от профессиональной деятельности женщины также распоряжался мужчина.

Несмотря на жесткие правовые и религиозные ограничения прав женщин в Англии, в конце XVIII – начале XIX вв. начинают возникать первые попытки преодоления этих формальных ограничений. Постепенно на рубеже веков Court of Chancery, то есть Суд канцлера, начинает постепенно вмешиваться в защиту имущественных прав женщин. Такая инстанция была заинтересована в защите имущества, которое было передано в доверительное управление женщине. В целях сохранности и целостности, суд всячески старался защищать права женщин в области собственности. Это давало женщинам возможность хоть в какой-то степени защищать свои имущественные права через посредников, каковым являлся доверитель, передававшей ей в управление свое имущество.

Идеи просвещения постепенно заложили в общественном сознании идеи изменения отношения к женщине и разрушения стереотипов. Учения о свободе и равенстве прав человека, провозглашаемые во Франции, нашли свое место и в Англии. В результате чего идеи о всецелой зависимости женщины от мужчины встали под сомнение и начали пользоваться все меньшей востребованностью в Английском обществе.

На рубеже XVIII–XIX вв. постепенно начинают защищаться права женщин и уменьшаться рамки строгости ограничения их прав посредством публикаций в прессе и литературных произведений. Так, например, в 1792 г. выходит в свет публикация Мэри Уолстонкрафт под названием «В защиту прав женщины». Данный труд заложил основы для развития феминистских мыслей в обществе, которые выражали собой возможность за борьбу, как активными, так и пассивными методами за защиту своих прав женщинами. Уолстонкрафт в своем труде осуждала Английские порядки, которые ставили женщину в зависимое положение и ограничивали ее доступ к образованию, отмечая, что такие устои тормозят общественное развитие. Идеи, отраженные Уолстонкрафт в своем труде, вызвали в обществе волну сопротивления. При этом они породили большое число дискуссий, что, в свою очередь, заложило основы для зарождения борцов за права женщин и возможности публичной защиты их прав.

Первыми публичными голосами в защиту прав женщин в Англии как раз стали труды Мэри Уолстонкрафт: они не были приняты большей частью общества, но при этом именно они заложили интеллектуальную основу для будущего женского движения в защиту своих прав, которые в конце XIX в. стали примером для суфражизма и феминизма. Ограниченность прав женщин была отражена также в литературе посредством описанная зависимого положения героинь романов Джейн Остин, Шарлотты Бронте. Джордж Элиот в своих трудах показывает новый облик женщин: женщин, которые должны выбирать между личным счастьем и повиновением обществу, между альтруизмом, развитием и долгом [3, с. 334].

В памфлете «Английские законы, касающиеся женщин» она описала историю своего брака: жестокий муж избивал Нортон, истратил её приданое, присваивал её писательские гонорары и прилюдно её унижал. После того как супруги разъехались,

мужчина оставил их общих детей без должного ухода, из-за чего младший погиб. Каролина развернула кампанию за право опеки над детьми. В конце концов в 1839 г. был принят закон о праве матерей осуществлять опеку над малолетними детьми.

К концу XIX в. завершилась реформа семейно-брачного законодательства, в результате которой были ликвидированы основные ограничения, налагаемые на замужнюю женщину обычным правом. Например, в 1882 г. был принят закон о собственности замужних женщин, который уравнял их с незамужними в имущественных правах: в приобретении, купле-продаже и наследовании имущества.

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. в Англии права женщин были с религиозной и юридической точки зрения всецело ограничены. Английская правовая доктрина базировалась на принципе coverture, который предполагал юридическую «покрытость» женщины. Это выражалось в ее зависимости от мужчины по всем вопросам: собственности, семейных отношений, бракоразводного процесса, института материнства, детства, опеки.

Значительные изменения в правовой регламентации положения женщины в Английском обществе произошли только в середине-конце XIX в. Но уже в конце XVIII в. были заложены интеллектуальные основы для разрушения стереотипов о необходимости зависимости женщины от мужчины и поднятия их на активную борьбу за защиту своих прав. Одним из катализаторов роста идей феминизма, суфражизма и независимости женщин, стала публикация Мэри Уолстонкрафт «В защиту прав женщин» от 1792 г.

Список литературы

1. Güven M. The Status of Women in 18th Century English Society. 13.07.2022 // Arcadia. 2022. Jun 13. URL: https://www.byarcadia.org/post/the-status-of-women-in-18th-century-english-society (дата обращения: 15.10.2025).

2. Нуралиева А. Т. Женский литературный труд в Англии на рубеже XVIII–XIX веков // Вестник Иссык-Кульского университета. 2017. № 45. С. 311–315.

3. Смирнов Е. Р., Поварова А. Е. Институт брака и правовое положение женщины в Англии XIX века // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 3 (1). С. 332–335.

Информация об авторе: *Павлуткина Елизавета Алексеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(15)

БАРТОЛОМЕ ДЕ ЛАС КАСАС И ЕГО «ИСТОРИЯ ИНДИЙ» (XVI в.)

Виктория Владимировна Родионова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

viktoriarodionova7386@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются гуманистические взгляды и убеждения Бартоломе де Лас Касаса по вопросу колонизации индейцев, изложенные в его фундаментальном труде «История Индий».

Ключевые слова: Бартоломе де Лас Касас, Вальядолидский спор, «История Индий», испанцы, индейцы, конкистадоры, «Черная легенда»
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. П. Митрофанова.

Бартоломе де Лас Касас – фигура, без которой трудно представить историю испанской колонизации Нового света. Именно он считается одним из первых «бойцов» за права человека в истории. Бартоломе де Лас Касас прошел немалый путь от участника завоеваний и владельца энкомьенды до защитника коренных народов Америки. В 1514 г. он проходит «второе обращение», осознает несправедливость происходящих событий и посвящает более пятидесяти лет борьбе против жестокости конкистадоров, ставит под сомнение право испанцев на насильственный захват чужих территорий, применение насилия, превращение индейцев в рабов [1, с. 139]. Бартоломе де Лас Касас становится церковнослужителем и главным оппонентом тех, кто оправдывал насилие. Но его проповеди не приносят особых результатов.

Возможно, это и побудило его приступить к написанию «История Индий», которую он завершил в основном в 1527 г. Лас Касас завещал не публиковать «Историю Индий» в течение сорока лет после его смерти, опасаясь гнева властей. В архивах рукопись пролежала около трех столетий и полностью была напечатана лишь в XIX в. [2, с. 29].

««История Индий» – не дневник и не написанный по горячим следам отчет, а исторический труд, созданный на основе многолетних личных впечатлений и наблюдений, с использованием сведений, полученных от других лиц, и различных документов» [2, с. 21]. Книга охватывает период со времени первого плавания Колумба (1492 г.) до 1520-х. Она содержит сведения, основанные на дневниках адмирала, к которым у Бартоломе де Лас Касаса был доступ [2, с. 17]. Также дается детальное описание быта, природы и культуры Карибских островов до их разрушения. Автор не стесняется в выражениях, описывает зверства испанцев: массовые казни через сожжение заживо: «....приказал провести расследование действий и намерений тех индейских правителей, которых он сжег заживо без всякого суда, не выслушав их и не дав им возможности защититься, не предъявив им обвинения и не зная, что они скажут в свое оправдание»; пытки, систему принудительного труда в рудниках и на жемчужных промыслах, травлю людей собаками, использование людей в качестве вьючных животных, убиение большого количества населения «...уничтожив к тому же столь бесчеловечно население целой провинции...» [2, с. 70, 71]. Система энкомьенды приводила к огромным потерям населения. Лас Касас не ограничивается обличением, формирует радикальные для XVI в. тезисы:

1. Индейцы – разумные существа, обладающие душой и равные европейцам.
2. Король Испании не имеет морального и юридического права лишать их свободы и собственности.
3. Истинная христианизация возможна только через убеждение и любовь, а не через насилие.

Его идеи достигли кульминации в так называемом Вальядолидском споре. Впервые могущественная империя официально приостановила свои завоевательные походы, чтобы публично обсудить вопрос: имеет ли Испания моральное право покорять индейцев? Это спор проходил в испанском городе Вальядолиде, где перед комиссией из известных теологов и юристов встретились два интеллектуала. Это были Хуан Хинес де Сепульведа и Бартоломе да Лас Касас. Сепульведа опирался на теорию Аристотеля и руководствовался четырьмя доводами:

1. Что одни люди рождены господами, другие – слугами. Индейцы были настолько ниже испанцев, насколько обезьяны ниже людей [3, с. 40–41].

2. Испанцы обязаны наказать их за идолопоклонство и человеческие жертвоприношения.

3. Война оправдана, если она спасает жертв каннибализма и языческих ритуалов.

4. Сначала необходимо подчинять людей силой, чтобы они могли беспрепятственно слушать проповеди.

Доводы Лас Касаса были оппозиционными и в определенной мере революционными. Он выступал пять дней, читая выдержки из своей рукописи. Его аргументы стали основой для современного понимания прав человека. Прежде всего, он заявил, что Аристотель был язычником и не может быть авторитетом выше христианских истин. Индейцы – не варвары, они имеют свои города, законы и социальный порядок. Следующий довод он обозначил так: Христос заповедал нам «идти и учить», но не «идти и убить», говоря о том, что вера, навязанная мечом, – это не вера, а грех. Бартоломе де Лас Касас пошел на смелый шаг, заявив, что индейцы имеют полное право вести справедливую войну против захватчиков [2, с. 47]. Последним аргументом он подчеркивал то, что убивать тысячи людей на войне, чтобы «спасти» нескольких от алтаря, – еще большее зло.

Сульведа будучи гуманистом, апологетом «справедливой войны», напротив, утверждал, что индейцы лишены письменности, законов и частной собственности, поэтому их разум «недоразвит». Лас Касас опроверг этот тезис. Он говорил о четырех категориях «варварства», доказывая то, что они имеют свою самобытную культуру: «…как понятливы эти люди и как легко приобщить их к законам нашей веры»; «…развиты все лучшие качества души и тела, в особенности же достойно восхищения их воображение» [2, с. 159, 375]. Это означало, что разум присущ всем людям без исключения. Главным контраргументом против тезисов Аристотеля он выдвигал главную заповедь Христа: «Возлюби ближнего своего». Если Бог создал человека, то создал его свободным [2, с. 109]. Лас Касас подметил: если цель испанцев – научить индейцев вере и разуму, то как можно учить через грабеж и убийства? Вместо «мудрого правителя» (по Аристотелю) индейцы увидели в испанцах «свирепых тиранов». Следовательно, колонизаторы сами ведут себя как «варвары», теряя право на доминирование. Бартоломе де Лас Касас считался заступником индейцев. «К Лас Касасу потянулись индейцы с жалобами на своих угнетателей, со всем, что накопилось в душе народной за годы, прожитые под чужеземным ярмом» [2, с. 27].

Жертвоприношения Лас Касас не одобрял, но считал их «добросовестным заблуждением». Он верил, что как только индейцы узнают об истинном Боге, который принес в жертву себя за грехи людей, они немедленно откажутся от кровавых обрядов. Предлагал также христианизацию добровольным путем, указывая, что насильственное крещение только отвернет индейцев от веры навсегда.

Вальядолидский спор стал основой для формирования международного права. Так, было доказано, что индейцы не являются «вещью», они – полноправные субъекты, которые имеют право на собственность и жизнь. Лас Касас первым показал несовершенность античных устоев и тезисов, что они ошибочные, если противоречат человечности. Стоит отметить, что в ранние годы своей деятельности Бартоломе де Лас Касас предложил привозить в Америку рабов из Африки, для «облегчения участи индийцев». Позже он раскаялся, признав, что рабство темнокожих также несправедливо и греховно, как и рабство индейцев.

Труды Бартоломе де Лас Касаса легли в основу «Черной легенды» Испании – представления об испанской колонизации как о беспрецедентно жестоком процессе.

Она выставляла страну в самом негативном ключе [4, с. 18]. Автор выступает как первопроходец этнографии, детально описывает быт индейцев, превращая эти детали в политические аргументы, указывал, что наличие четкой планировки улиц, храмов и рынков говорит о высоком уровне общественного разума. Лас Касас делает акцент на наличии законов, судов, иерархии, проявляют слушание лидерам. Все это является признаком высокой гражданской культуры. Он также писал о мастерстве индейских ремесленников: описывал тонкость и красоту в работе с тканями, золотом и серебром, которая требовала острого ума, наличие которого находится в их искусстве. [2, с. 196, 376–377] Особого внимания заслуживало отношение к детям, где совершенно отсутствовала жесткость, преобладала любовь и кроткость. По его мнению, данные качества превосходили европейские нравы.

Главным выводом, к которому Лас Касас призывает читателя, является то, что индейцы – «чистая доска», способная принять христианство и стать образцом веры. «История Индий» Бартоломе де Лас Касаса – не только бесценный исторический источник, но и документ, зафиксировавший переломный в европейской мысли момент. Впервые жестокость колонизации была осмыслена как моральное преступление, а индейцы как субъекты, обладающие естественными правами. Лас Касас впервые в истории сформулировал универсальный принцип, согласно которому права человека не зависят от его веры, культуры и происхождения, на котором в настоящее время базируется концепция неотчуждаемых прав личности.

Список литературы

1. Крылов К. Е. От реконкисты к конкисте – предпосылки создания испанской колониальной империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 1. С. 137–141.

2. Лас Касас Б. де. История Индий : сокр. пер. с исп. / отв. ред.: д-р ист. наук Д. П. Прицкер, д-р филол. наук Г. В. Степанов [и др.] ; изд. подготовили В. Л. Афанасьев [и др.]. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 471 с.

3. Волкова Е. Ю. Характер влияния европейской культуры на аборигенную культуру индейцев Южной Америки в XVI в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 3. С. 39–50.

4. Антонова Н. В., Зайцев А. А., Загладина Е. Н. Истоки «Черной легенды» о Филиппе II в работах современных европейских и американских испанистов // Манускрипт. 2016. С. 17–20.

Информация об авторе: *Родионова Виктория Владимировна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 394.2

ПРАЗДНИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Диана Сергеевна Севостьянова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

sewostyanowa.diana@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются праздничные мероприятия в период Средневековья. Особое внимание уделяется церковным и сельскохозяйственным праздникам, а также значению праздников в жизни общества.

Ключевые слова: праздники, Средневековье, Пасха, Рождество, Духов день, Плуговой понедельник, Праздник дураков
Благодарности: статья подготовлена под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. П. Митрофанова.

Праздники на протяжении всего существования человечества играют большую роль. В Средние века каждое народное мероприятие сопровождалось обрядами, пением и танцами, наряжались в костюмы.

Хейзинга И. отмечал в своем произведении о сущности праздника в Средневековье так: «Праздник… был суверенным выражением культуры, формой, посредством которой люди сообща выражали величайшую радость жизни и воплощали свое чувство единства друг с другом» [1, с. 207].

Стоит отметить, что разных регионах и странах праздники отмечали по-разному. Так, например, в странах северной Европы на Пасху была традиция красить яйца, обменивать их, а в странах Южной Европы такого не было. В северной Америке Пасху отмечали в кругу семьи, с близкими, обычно это происходило в воскресенье [2, с. 11].

Также праздники отмечали и в зависимости от направления в христианстве. Таким образом праздновали Троицу. Если в православии она приходилась на 51 день после главного христианского праздника и это выпадало на понедельник, то в католицизме на 50 день и воскресенье, соответственно. Название «Троица» тоже имела разное: в православии – Духов понедельник, в католицизме – праздник Сошествия Святого Духа [3, с. 74].

В средневековой Европе Рождество наступало в ночь на 25 декабря, длилось оно до 6 января. Обычно на Рождество устраивали рождественский обед, зал украшали гирляндами, зеленью. Праздничный стол особой роскошью не отличался: были обычные ложки и вилки. Так праздновали Рождество аристократы. Что же касается крестьян, то они готовили подарки весь год, также украшали свои дома зеленью и гирляндами. На протяжении всей недели, в период празднования Рождества проводились разнообразные игры, по улицам звучали рождественские гимны, устраивались концерты, ряженые в костюмах ходили по дворам [4, с. 273].

Если говорить про подарки на Рождество, то в разных странах они также отличались. Так, в Англии делали «рождественскую» фигурку, которая приносила щедрость весь год. Во Франции был обычай класть подарки в носки, в Германии – в сапоги [2, с. 12].

В средневековой Европе сельскохозяйственные праздники были тесно связаны с аграрным календарем, природными ритмами и религиозными традициями. Такие праздники говорили о начале посевных работ, сборе урожая, переходе от одного сезона к другому и служили способом благодарности за плодородие, молитвы о будущем урожае и сплочения общины.

Одним из таких древних обычаев был английский Плуговый понедельник, который торжественно открывал новый сельскохозяйственный сезон. Его отмечали в первый понедельник после Богоявления, которое приходится на 6 января. Исторические свидетельства о существовании этого праздника уходят корнями в конец XV в., что говорит о его давней и прочной традиции.

В этот день деревни оживали благодаря шествиям с плугом. Рабочие вместе с музыкантами и ряжеными, обходили дома, собирали пожертвования на будущий урожай. Среди ряженых выделялась фигура «старой женщины» по прозвищу Бесси, которую, как правило, изображал молодой парень, а также шут. Участники шествий не только собирали средства, но и развлекали жителей песнями, театральными представлениями, демонстрировали соломенного медведя [5, с. 71].

Особенно яркие традиции Плугового понедельника были распространены в северных и восточных графствах Англии. В этот день люди тянули плуг от дома к дому, что служило началом вспашки земли. В церквях зажигали «плуговые свечи», которые должны были благословить труд земледельцев и плодородие самой земли. В некоторых церковных приходах плуг выставляли на всеобщее обозрение. Такой обряд применялся как символ сбора средств для нужд церкви [6, p. 73].

Стоит отметить, что первого августа отмечался Ламмас – древний праздник, посвященный щедрости урожая и золотой пшенице. Перевод данного праздника с древнеанглийского означает «хлебная масса», что подчеркивало особую роль зерна. У кельтов этот день был известен как Лугнасад, в честь могущественного бога Луга, чье покровительство распространялось на плодородие земли и мастерство ремесленников.

Средневековье не обходилось и без праздника Дураков. Он распространен в средневековой Европе начиная примерно с XII в. вплоть до конца XVII в. Этот праздник представлял собой своеобразное переворачивание социальной иерархии, во время которого шуты и низшие слои общества могли публично высмеивать власть и привилегированные классы [7, с. 162].

Традиционно Праздник Дураков отмечался зимой, что совпадало с периодом рождественских праздников и карнавалов перед Великим постом. Наиболее известным местом празднования была Франция, где существовала особая традиция выбора «дурацкого епископа» – лицо, которое могло пародировать церковные церемонии и вести себя шуточно, устраивать различные розыгрыши и сатирические представления [8, с. 90].

Во время Праздника Дураков участники одевались в яркие костюмы, надевали маски, участвовали в различных играх и состязаниях. Часто устраивались процессии с музыкальным сопровождением, театральные постановки и спектакли, в которых высмеивалось поведение властей и влиятельных лиц. Люди переодевались в одежду противоположного пола, менялись ролями друг с другом, обращались друг к другу титулами и должностями.

Таким образом, церковные и светские праздники в период Средневековья играли важнейшую роль в культурной и духовной жизни общества. Они объединяли людей разных сословий, способствовали укреплению общинных связей и поддержанию традиционных ценностей. Особенности средневековых праздников отражают культурное наследие прошлого, позволяют лучше понять историческое начало современных традиций и обычаев.

Список литературы

1. Хейзинга И. Осень средневековья / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова ; коммент. указатели Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 786 с.

2. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII веков. М. : Искусство, 1978. 176 с.

3. Фруассар Ж. Хроники, 1325–1340 / пер., ст. и примеч. М. В. Аникиева. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 654 с.

4. Фруассар Ж. Хроники. 1340–1350 / пер., ст. и примеч. М. В. Аникиева. СПб. : Ювента, 2012. 856 с.

5. Поло де Болье М.-А. Средневековая Франция. М. : Вече, 2006. 384 с.

6. Hone W. The Every-day Book: Or Everlasting Calendar of Popular Amusements, Sports, Pastime, Ceremonies, Manners, Customs, and Events, Incident to Each of the Three Hundred and Sixty-five Days, in Past and Present Times. London : Hunt and Clarke, 1826. Vol. 1. 1720 p.

7. Даркевич В. П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М. : Наука, 1988. 334 с.

8. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1965. 348 с.

Информация об авторе: *Севостьянова Диана Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 32.019.5

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Алексей Александрович Трусов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Legionti@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ истоков и особенностей системы социального рейтинга в Китае, которая стала инструментом контроля и регулирования общественного поведения и экономических отношений. Рассматриваются предпосылки ее введения в Китайскую Народную Республику, начиная с социальных и экономических изменений 1980-х гг. Описаны структура системы, методы оценки граждан и компаний, а также влияние современных технологий на функционирование данной системы.

Ключевые слова: система социального рейтинга, социализм с китайской спецификой, социальный контроль, социальная ответственность

В век информационных технологий государства постоянно сталкиваются с множеством вызовов, на которые им нужно отвечать. Одним из подобных ответов стала система социального рейтинга, введенная в КНР, масштабный проект, инициированный китайским правительством для оценки благонадежности и социальной ответственности граждан и компаний. Проект подобного масштаба является уникальным явлением, нехарактерным для обществ запада.

Основной причиной введения данной системы видится в необходимости построения государства с идеологией «Социализма с китайской спецификой». Социальный рейтинг являлся попыткой совмещения рыночной экономики и её механизмов с ведущей и центральной ролью коммунистической партии, а также попытка отхода от лозунга «браться за классовую борьбу как решающее звено работы»; на главное место было поставлено экономическое строительство [1, с. 63].

Истоки проблемы начинаются ещё с конца 80-х гг., а именно в 1989 г., когда количество уголовных дел в Китае изменилось в 2 раза по сравнению с 1988 г.: с 827 000. до 1 972 000, что демонстрирует нарастание социальной напряженности [2, с. 129]. Одной из причин такого резкого взлета заведенных дел можно считать социальные протесты, проходившие в КНР в 1989 г.. Тогда две страны социалистического блока искали возможные пути реформирования систем. В этом же году советская делегация во главе с М.С. Горбачёвым прибыла в Пекин, чтобы официально завершить процесс нормализации отношений. Многотысячные демонстрации по всему Пекину, плакаты с надписями «У СССР есть Горбачёв. А кто есть у нас?», «Демократия – наша общая мечта» и «Горбачёв, народ здесь, а не там». Эти обстоятельства толкали КПК к ускорению перестройки системы. Тяньаньмэнь не обошёлся без политических жертв – через месяц после визита советской делегации всех постов лишился один из главных архитекторов китайских преобразований 1980-х гг. Чжао Цзыян. Но режим устоял, волнения были подавлены и не переросли в революцию [3, с. 50]. В последующие годы

количество уголовных дел росло. Так, в 1990-е гг. – более 3 000 000 дел, после 2001 г. – около 4 500 000 дел, в 2007 г. – около 5 000 000 дел, в 2017 г. – 5 480 000 дел, а в 2018 г. – 5 070 000 дел [4, с. 158]. Хотя согласно отчету Верховного народного суда от 8 марта 2021 г. по уголовным статьям было осуждено 1 527 000. человек, что показывает тенденцию на снижение [5].

Первое упоминание на высоком государственном уровне о системе социального кредита появилось в Отчёте работы правительства КНР за 2002 г. Председателем КНР Цзян Цзэминем была высказана мысль о необходимости создания механизма, который позволил бы углубить «модернизацию рыночной составляющей» Китайской Народной Республики. Полномочия по разработке системы были переданы Народному банку Китая, а также подведомственным ему государственным учреждениям, так как контроль над финансами теоретически позволил бы правительству распространить контроль на социальную сферу и дал бы возможность реформирования экономической системы в нужное КПК русло. Таким образом, на базе «Системы банковского кредитного реестра и консалтинга 1997 года» в 2006 г. Банком Китая было создано единственное в стране Национальное бюро по оценке кредитоспособности. В 2007 г. выходит постановление «Некоторые мнения канцелярии Госсовета о построении системы социального кредита». Данный документ постановляет необходимость развития кредитной системы КНР, отмечает её важность для совершенствования системы социалистической рыночной экономики, а также придаёт большое значение созданию системы социального кредитования. В 2010 г. в китайской провинции Сычуань, в г. Суйнин была введена программа «массового кредита», которая измеряла и оценивала так называемое индивидуальное поведение. В соответствии с этой системой каждому гражданину Китая начислялось 1000 кредитных баллов, которые могли вычитать за нарушение административных и моральных норм. Граждане в соответствии с рейтингом делились на 4 категории: A, B, C, D. Для каждой из групп были предусмотрены льготы или же ограничения [6, с. 89].

Система социального кредита в том виде, что существует сейчас, появилась в 2014 г. с выходом программы «Уведомление Государственного совета о публикации Плана строительства системы социального кредитования (2014–2020)». Цели, ставящиеся программой, были следующие. Во-первых, ускорение создания системы социального кредитования для полной реализации научных взглядов на развитие финансовой сферы КНР. Во-вторых, повышение осведомленности и уровня доверия ко всему обществу. В-третьих, укрепление принципов честности в государственных делах, деловой этики, социальной неприкосновенности и доверия к судебной системе. К 2020 г. планировалось принять основные законы и нормативные акты, регулирующие данную систему, создать систему кредитного надзора, а также ввести в систему все компании и граждан КНР [6, с. 92].

Практика системы социального рейтинга показала, что реализация рейтинговой системы, согласно данным из города Джун-Чен в провинции Шаньдун, представлена следующим образом:

– стартовый рейтинг для жителей города – 1000 баллов;

– рейтинговая система основывается на анализе 160 тысяч параметров;

– вся информация собирается в едином информационном центре;

– приобретение более 1050 баллов свидетельствует об образцовом поведении гражданина;

– образцовые жители Китая маркируются «АА», «А», «В» (900 баллов);

– маркировка «С» (менее 849 баллов) – относятся к категории «неблагонадёжных», они не имеют право занимать должности в органах государственной и муниципальной службы;

– маркировка «D» (менее 600 баллов) – самый низкий показатель и высокие ограничения. К людям с пониженным социальным рейтингом будут применяться следующие санкции: запрет на работу в госучреждениях; отказ в соцобеспечении; особо тщательный досмотр на таможне; запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; отказ в местах в люксовых гостиницах и ресторанах; запрет на обучение детей в дорогих частных школах [7, с. 69]. Для граждан с высоким социальным рейтингом предусмотрены поощрения. Им доступно упрощение юридических процедур, позволяющих получить статус поставщика государственных закупок, приобрести недорогое государственное жильё, а также претендовать на базовое социальное обеспечение. Получение лицензии для регистрации юридического лица с возможностью работы в сфере здравоохранения и транспорта. Наличие государственной поддержки, включая субсидии, ссуды под низкие проценты [6, с. 90]. Не стоит забывать, что рейтинг имеют не только частные лица, но и компании, что ставит их в прямую зависимость от своей репутации. Здесь явно мы можем увидеть исполнение заявленной функции, о повышение доверия к обществу. Хотя практика показала несовершенство данной системы – протесты в провинции Хэнань в 2022 г., вызванные махинациями в сфере финансов, и последующим недоверием к банковской системе КНР.

Социальный рейтинг формируется из Государственного учета: оплата налогов, оплата счетов ЖКХ, своевременное погашение кредитов; общественный учета: оплата общественного транспорта, общественная деятельность, соблюдение ПДД, честность в образовании, судимость; онлайн учета: взаимодействие с интернет-пользователями, надежность информации, размещаемой в интернете, покупательские привычки. Для систематизации и анализа всей собранной информации о субъекте системы социального рейтинга, используется нововведение двадцать первого века, технология Big Data, что может косвенно указывать почему система социального рейтинга была введена именно в 2014 г., поскольку начиная с 2014 в развитии данной технологии происходит всплеск, что обуславливает техническую базу появления данной технологии [8, с. 103].

В мировом сообществе к данной системе сложилось двоякое отношение. Часть экспертов называет данную систему «цифровой тюрьмой», относясь к ней как ещё одному инструменту подавления личности в КНР. Другая же часть делает акцент на положительные черты данной системы: она позволяет наладить коммуникацию между обществом и властью.

В модернизации социалистического строя Китай пошел по иному пути, нежели СССР. Вместо дезинтеграции власти и уступок либеральным силам, проводимым СССР, КНР пошла по пути поступательных рыночных реформ и усилению власти КПК, что в 2014 г. привело к созданию системы социального рейтинга. Данная система является стремлением китайского правительства найти компромисс, особый путь в развитии государства, сохраняя элементы социалистической системы, существовавшие ещё до реформ, Дэн Сяопина. Проводимые КПК рыночные реформы, так или иначе, лишали партию контроля над экономикой, система социального рейтинга же позволяет установить контроль над финансовым рынком Китая и обществом. Система социального рейтинга является логичной эволюцией реформ, проводимых еще с начала 1980-х гг. Об итогах такого глобального проекта судить ещё рано, поскольку после 2020 г. она продолжает реформироваться и меняться. Однако, если судить по официальной статистике, она оказала влияние на уровень преступности в КНР, так как к 2021 г. он упал в 3 раза по сравнению с показателями 2018 г. Можно предположить, что работает тезис: человека отвращает от совершения преступления не жесткость последующего наказания, а его неотвратимость, что обеспечивается цифровизацией и системой социального рейтинга.

Таким образом, система социального рейтинга в Китае – это сложный и многогранный проект, объединяющий в себе возможности современных технологий с традиционными механизмами социального контроля. Подобная система необходима правительству КНР для развития экономики в выбранной ими стратегии построения «социализма с китайской спецификой». Кроме того, она является закономерным результатом рыночных преобразований КНР.

Список литературы

1. Пивоварова Э. П. Что такое «социализм с китайской спецификой»? // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8 (649). С. 60–64.
2. Бинсун Х. Тенденции развития преступности в КНР // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 1. С. 127–129.
3. Иванов С. А. Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.? // Россия и АТР. 2016. № 3 (93). С. 49–65.
4. Холиков И. В., Землин А. И. Основные тенденции уголовно-правового регулирования транспортной деятельности в Китайской Народной Республике // Транспортное право и безопасность. 2020. № 2 (34). С. 154–165.
5. 第十三届全国人民代表大会第四次会议　关于最高人民法院工作报告的决议　(2021年3月11日第十三届全国人民代表大会第四次会议通过) = Резолюция по рабочему отчету Верховного народного суда : [принята на четвертой сессии 13-го Всекитайского собрания народных представителей 11 марта 2021 года] // 中华人民共和国最高人民法院 版权所有 = Верховный народный суд Китайской Народной Республики. URL: http://gongbao.court.gov.cn/Details/342529c11d2af722964a6b1c961105.html (дата обращения: 07.03.2026).
6. Разумов Е. А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в КНР // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 24. С. 86–97.
7. Юдина Т. Н., Сулемонова Х. С. Внедрение системы социального рейтинга в КНР // Теоретическая экономика. 2021. № 1 (73). С. 66–71.
8. Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 100–109.

Информация об авторе: *Трусов Алексей Александрович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 130.2

ФЕНОМЕН ВАКОН ЁСАЙ: АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА В ЯПОНСКОЙ ВОИНСКОЙ ЭТИКЕ КОНЦА XIX в.

Наталия Алексеевна Шанцева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

natmorpehh2@gmail.com

Аннотация. Анализируется феномен вакон ёсай как один из механизмов адаптации японской культуры к эпохе Мэйдзи. Рассматривается влияние данной концепции на эволюцию военной

этики. Выделяются противоречия и последствия внедрения вакон ёсай в военную этику для японского общества.
Ключевые слова: вакон ёсай, эпоха Мэйдзи, военная этика, императорская армия Японии, трансформация, культурный синтез

Эпоха Мэйдзи стала наиболее плодотворным периодом трансформации Японии, ее культуры и традиций. Будучи в течение продолжительного времени изолированной от внешнего общества и устоев, Япония в этот период вынуждена была адаптироваться к условиям модернизации и влиянию идей западных цивилизаций.

Так, концепция вакон ёсай, распространяемая в японском обществе во второй половине XIX в., выступала важной идеологической составляющей трансформации императорской армии. Правительство Мэйдзи в результате обнажившегося кризиса военной системы и этики осознала необходимость проведения модернизации с упором на культурный синтез. Важно было повысить эффективность японской армии посредством сохранения культурных традиций и устоев при внедрении в нее передовых западных технологических решений [1, с. 39].

Концепция вакон ёсай представляет собой принцип военного дела, который одновременно сочетает «японский дух с западными знаниями». Прототипом рассматриваемого феномена выступает теория вакон кансай, отражающая сочетание идей японских традиций с китайской наукой.

Мыслители эпохи Мэйдзи имеют различные взгляды к пониманию анализируемой концепции. Так, Фукудзава Юкити в своем труде «Призыв к знаниям» рассматривает принцип вакон ёсай как сочетание японских традиционных ценностей с новшествами и передовыми технологиями западных цивилизаций. Нитобэ Инадзо в своем исследовании «Бусидо: душа Японии» отмечает, что анализируемая концепция является универсальным и передовым военным этическим кодексом Японии. А Ямагата Аритомо, будучи «отцом японской армии», проповедовал приверженность японскому императору, как главное условие успешной модернизации военного дела по западным образцам [2, с. 187].

Военная этика японского общества второй половины XIX в. через призму феномена вакон ёсай включала в себя три традиционных элемента, к которым относились бусидо, синтоистские ценности, а также конфуцианские принципы. Бусидо, как часть концепции вакон ёсай, представляло собой кодекс чести самураев. В эпоху Мэйдзи в XIX в. кодекс чести воинов японской армии активно адаптировался к современным условиям, которые отражали постепенный отход от «закрытости» и изоляции от внешнего мира.

Бусидо отражало верность императору, вместо феодала, обязательность дисциплины и самоконтроля в армии и наличие самопожертвования как высшей добродетели истинного воина. Синтоистские ценности представляли собой почитание культа японского императора как потомка богини Аматэрасу. Конфуцианские принципы в концепции вакон ёсай отражали через наличие иерархии, и пропаганды служения как долга перед обществом [2, с. 189].

Западное влияние на императорскую армию Японии проявлялось в заимствовании элементов прусской военной системы, а именно структуры военного дела, униформы и тактики. Технологический прогресс в виде огнестрельного оружия и фортификация также был заимствован военной этикой Японии из западных теорий и учений.

Культурный синтез в процессе модернизации военного дела Японии во второй половине XIX в. проявлялся в умелом сочетании традиций и новшеств сторонних цивилизаций. Модернизация военной этики в эпоху Мэйдзи базировалась на государ-

ственной поддержке. Так, в 1882 г. был издан «Императорский рескрипт солдатам и матросам». Данный акт представлял собой совокупность непреклонной верности императору, что соответствует традициям Японии, современного офицерского корпуса из представителей бывшего сословия самураев и в пропаганде презрения к смерти во имя долга. При этом, несмотря на активное внедрение новшеств западных цивилизаций в военную этику, в Японии основное внимание уделялось уникальности коренной культуры [3, с. 19].

Под влиянием концепции вакон ёсай в Японии в 1875 г. была создана Императорская военная академия, отражавшая параллельное сочетание синтоистских ритуалов в армейской жизни с коренными ценностями, например, приверженности императору и его решениям.

Анализируемая концепция оказала неоднозначное влияние на развитие армии и военной этики Японии к концу XIX столетия. Во-первых, благодаря стремительным темпам включения западных технологий в японскую армию и новых иностранных идей в этику Япония смогла одержать победу в Японо-Китайской войне 1894–1895 гг., показав эффективность армии нового образца.

Во-вторых, принцип вакон ёсай позволил в Японии активными темпами распространить формирование культа императора как центра сочетания национальной идентичности с различными новшествами. К концу XIX в. в Японии была создана эффективная и боеспособная национальная армия взамен закрытого самурайского ополчения.

При этом, стоит также отметить, что феномен вакон ёсай в Японии породил и ряд противоречий к концу XIX в. Концепция Бусидо способствовала размыванию традиционных японских ценностей вследствие открытия японского общества западным цивилизациям. Коренные устои стали восприниматься обществом как формальность. Активно распространяемый культ самопожертвования способствовал повышению смертности в Японии к концу XIX столетия. Это обуславливалось как распространением культа самопожертвования ради Родины, так и туберкулезом, который начал проникать на территорию Японии вследствие открытия границ для западных представителей и строительства новых городов.

К тому же идея «японского духа» и коренных традиций нередко использовалась руководством новой реформированной императорской армии в качестве оправдания агрессии воинов. Военная этика японского общества к концу XIX в. опиралась на кодекс Бусидо, в котором были изложены правила «истинного» и настоящего воина. К началу XX в. в Японии укоренилась идея верности господину. Кодекс Бусидо провозглашал, что каждый самурай должен быть предан своему сюзерену и быть готовым отдать за него жизнь в любой момент [4, p. 39].

Особое внимание уделялось воинской чести. Две наиболее важные составляющие воина в Японии – это жизнь и смерть. При наличии факторов, влияющих на невозможность для самурая защитить свою честь, возникала необходимость в совершении им ритуального самоубийства, то есть сэппуку. Специфика военной этики Японии вследствие влияния идеи вакон ёсай проявлялась в том, что военное дело опиралось не на специализированные военные учреждения и уставы, призывавшие воинов к соблюдению моральных норм, а на силе убеждения, общественного мнения и акцента на традиции и воспитание [5, с. 88].

Таким образом, феномен вакон ёсай коренным образом изменил специфику военной этики японской императорской армии в конце XIX в. Анализируемая концепция позволила, во-первых, провести военную модернизацию без ущерба и потери культур-

ной идентичности Японии. Вакон ёсай позволил японской военной этике обрести армию нового образца, отражавшую синтез западной дисциплины с духовностью восточных традиций.

Во-вторых, концепция вакон ёсай заложила в Японии основы национальной идеологии военного искусства. Она впоследствии определила развитие страны в XX столетии. При этом стоит отметить, что модернизация военной этики Японии в конце XIX в. имела и недостатки. В начале XX столетия в японском обществе усилилась милитаризация.

Феномен вакон ёсай представляет собой особый пример адаптации японской культуры и ментальности к условиям глобальной модернизации. В связи с чем перспективным представляется дальнейшее изучение исследуемой концепции во влиянии на современную культуру и корпоративную этику военного дела Японии.

Список литературы

1. Скворцова Е. Л. Влияние западной культуры и идеологии на духовную жизнь Японии // Вестник культурологии. 2020. № 1. С. 37–56.
2. Акунов В. В. Самураи державы Ямато. М. : Вече, 2013. 317 с.
3. Гамалей М. С. Трансформация морально-этической самооценки самурайского сословия в период Токугава (1603–1868) : автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2012. 25 с.
4. Benesch O. Inventing the Way of the Samurai. Oxford : University press, 2014. 284 p.
5. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. Эпоха Мэйдзи. М. : Восточная литература РАН, 1998. 240 с.

Информация об авторе: *Шанцева Наталия Алексеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 930.2

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНОЙ СТАТУСНОЙ СОЛИДАРНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Владимир Иванович Шувалов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vi-shuvalov@rambler.ru

Аннотация. Анализируется идея «локальной статусной солидарности» Иммануила Валлерстайна в контексте идей геополитики.
Ключевые слова: интерпретационная схема российской истории, локальная статусная солидарность, структурирование социальности, потенциал геополитической доминантности

Геополитический дискурс давно обоснован и активно используется для расширения предметного поля научный исследований. Его важным преимуществом является «живая» тематика, предполагающая возможность использования новых установок и нестандартных алгоритмов.

Интерпретационная схема российской истории в начале XXI в., по-прежнему, далека от общепризнанного канона, аппелирует к неоднозначной аргументации и форму-

лирует столь же дискуссионные выводы. И это не удивительно. Разные приоритеты зафиксировали столь же противоречивые ориентиры.

С одной стороны, марксистские, «доморощенные», идеи завели наш социум в тупик. С другой стороны, некоторое время активно «обкатывалась» категория государства-нации [1]. Однако она оказалась насквозь «европоцентричной», её двойные стандарты скомпрометировали даже те аспекты, которые выглядят рационально до сих пор. Наконец, идея «государства-цивилизации» поставила на повестку дня параметры самоидентификации, необходимости осмысления истории социума великороссов сквозь призму алгоритма, ориентированного на «самовоспроизводство».

Здесь, как это ни парадоксально, интерес представляет идея «локальной статусной солидарности», активно используемая Иммануилом Валлерстайном в его фундаментальной работе «Мир-система Модерна» (1974–2011). Несмотря на то, что в центре внимания ученого капиталистическая мир-экономика, то есть глобальная формация, рассматриваемые им тенденции и закономерности вполне применимы и к осмыслению истории отечественного социального агрегата. Актуализация таких принципов позволяет использовать возможности мир-системного анализа вполне прагматично, а, значит, вариативно. Их целесообразно встраивать в геополитическую доминанту континентализма, поскольку сама по себе эта установка ограничена и не позволяет выставлять приоритеты в духе «полезного насилия», например, Фр. Тёрнера с его идеей фронтира [2].

Сама постановка проблемы связана с политическим аспектом организации сложных социальных систем. На этапе развития в Европе собственно капитализма, мир – системы Модерна, и фиксируется усложнение задач, стоявших перед политической надстройкой любого нового, «национального», образования.

Если в рамках мира-империи культуру (а это «идентичность», то есть то, что для нас в анализируемом контексте принципиально важно), связывали с определённым видом деятельности, то в мире-экономике этот момент И. Валлерстайн привязывает к «пространственной локализации» [3, с. 429]. Так фиксируется интересующая нас проблема «локальной статусной солидарности» [3, с. 434].

Капиталистическая мир-система сложный и вариативный организм, она состоит из множества неравновесных частей. При этом всё политическое пространство рассматриваемого феномена не контролирует никто. Поэтому так важна фиксируемая «национально-культурная идентичность», причем, на возможно большей территории. Здесь учёный использует понятие «гомогенизации», то есть однородности населения конкретного политического целого. Только в таком случае у власти появляется надёжный инструмент давления на окружающее пространство [3, с. 429]. В таком контексте И. Валлерстайн и обращает внимание на то, что характерологическим моментом при рассмотрении сложной социальной страты (класса или группы) «является не наличие у них самосознания, но географические рамки их самоопределения» [3, с. 431]. Идеи структурирования социальности пересекаются в таком плане с геополитическими интенциями.

Геополитический дискурс рассматривает политическую динамику функционирования социальных агрегатов. Однако, и это принципиально важно, целесообразно соотносить эту доминанту с социальным пространством существования той или иной политической конфигурации. Значительная часть таких структур оказалась просто неэффективной, она разрушала саму социальность, которая и вызвала её к жизни. Поэтому Валлерстайн обращает много внимания на контекст, который сформировал ту или иную политическую идентичность, на тот социальной базис, который позволял власти какое-то время воплощать в жизнь свои государственнические амбиции.

Пространство прагматичной солидарности формируется в контексте следующих составляющих.

Статусная солидарность связана с исторической традицией географического региона, консолидируемого властью.

Принципиальным моментом является экономическое место политического субъекта в осевом разделении труда. Потенциал, связанный с функциональностью, определяет и востребованные на уровне легитимации акценты идентичности, встроенные в экономический контекст.

Характер приоритетов варьирует и властный потенциал конкретного политического актора на международной арене. Проблема суверенитета многозначна и тоже подразумевает пространственный подтекст существования того или иного государства.

Обратим внимание и на потенциал социальной регламентации, который несёт в скрытом виде любая такая система политической солидарности. Её границы напрямую связаны с мобильностью, задают общий «тон» возможностям системы в деле социальной трансформации.

Таким образом, локальная статусная солидарность подвижный и вариативный параметр, который зависит от целого комплекса разнонаправленных факторов, имеющих чётко выраженный исторический подтекст. Динамика таких изменений отражает и саму историческую эволюцию выбранного для рассмотрения социума.

Используя рассматриваемый инструментарий, Валлерстайн «просчитывает» и алгоритм характерных изменений на фоне эволюции социума великороссов [3, с. 372–400].

Первоначально локальная статусная солидарность социальных групп, сформировавшихся в границах пространства древнерусской идентичности, была самодостаточной, и не нуждалось в регламентации со стороны. Однако сложные процессы, связанные с организацией власти, формируют нового бенефициара этой геополитической целостности – институт монархической власти под контролем московских князей. Московия начала «перебивать» локальную статусную солидарность «старой Руси» бояр и монастырей, пытаясь сформировать новую социальную общность на этой территории, которая бы ориентировалась не на свои, а именно на её интересы. Всё это время «русское геополитическое пространство» сохраняло идентичность, привязанную к православию, которое и формировалось параллельно институту власти как некая регламентирующая социальная альтернатива. При этом выдерживался даже параметр относительной автаркии. В целом территория сохраняла геополитический потенциал континенталистской направленности как самостоятельный доминантный алгоритм.

Однако московская власть всё-таки победила. Но, к сожалению для формирующегося нового социума великороссов, на новых для всех условиях. Теперь её потенциал связывается с инкорпорацией. «С точки зрения мир-системы в целом, усилия Петра можно рассматривать как попытку полного участия в мире-экономике» [4, с. 264]. При этом механизм самовоспроизводства социума деформируется, параллельно разрушается православный самоидентификатор. Параметры регламентации заимствуются тоже со стороны, теперь они прозападные, либерально ориентированные. «Русская цивилизация» привязывается к сословному образованию [5, с. 90–96]. В итоге новая локальная статусная солидарность уже антирусская, замкнута на интеграционистские схемы в рамках мира-экономики. О национально ориентированной буржуазии приходится забыть. Потенциал геополитической доминантности утрачивается. Инкорпорация продолжается, но она носит «корыстный» для власти характер и не несёт геополитического потенциала субъектности [6, с. 200, 231]. Весь XIX в. Евразия так и «провалялась» под ногами России, двери Константинополя так и не стали открывать. В итоге, геопо-

литическое пространство такого объёма начинает испытывать проблемы, связанные с внутренней стабильностью. Таким образом, власть периода российской империи не смогла предложить социуму вариант солидарности на основе внутренних интересов общности.

Процесс форматирования социальности и одновременно идентификация на основе локальной статусной солидарности – это и исторические обстоятельства, и культурные приоритеты. Этот процесс и спонтанен, в какой-то степени, и может контролироваться. В XIX в. это и доктрина центристского либерализма, и гео-культура мир-системы [7, с. 325]. «Менеджирование социальности» России в этом контексте не завершено.

Список литературы

1. Шувалов В. И. Теория индустриального общества : учеб. пособие. Пенза, 2008. 72 с.
2. Шувалов В. И. «Рациональное в нерациональном»: идеи континентализма первой половины XX в. в контексте теории исторического процесса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2023. № 3 (67). С. 139–149.
3. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 552 с.
4. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 528 с.
5. Велижев М. Б. Цивилизация, или Война миров. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с.
6. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. III: Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е гг. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 528 с.
7. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. IV: Триумф центристского либерализма, 1789–1914 гг. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.

Информация об авторе: *Шувалов Владимир Иванович*, доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и обществознание», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47).066

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР И НАМЕСТНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В УФИМСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ (1781–1796): МЕХАНИЗМЫ СУБОРДИНАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ

Евгений Владимирович Абакумов

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
Школа № 1366, Москва, Россия

abakumovevg@gmail.com

Аннотация. На основе анализа законодательства, делопроизводственной документации Уфимского наместнического правления и всеподданнейших рапортов рассматривается эволюция властных отношений в первые полтора десятилетия существования наместничества (1781–1796).

Ключевые слова: Уфимское наместничество, генерал-губернатор, наместническое правление, губернская реформа 1775 г., коллегиальность, единоличная власть, приграничное управление

Формирование эффективной модели управления обширными приграничными территориями являлось одной из ключевых задач российской административной политики последней трети XVIII в. В рамках екатерининской губернской реформы 1775 г. была создана двухуровневая система, в которой взаимодействие между генерал-губернатором и наместническим правлением определяло характер региональной власти [1, ст. 81, 95]. Уфимское и Колыванское наместничества были учреждены в 1781 г. соответственно из Оренбургской и Сибирской губерний, а указом от 23 декабря 1781 г. предписывалось открыть их к маю 1782 г. [2]. Эволюция этих институтов в Уфимском наместничестве (1781–1796) раскрывает специфику имперского управления стратегически важной окраиной.

Правовые основы взаимодействия были заложены «Учреждением для управления губерний» 1775 г. Однако реализация его норм в Оренбургском крае предопределялась сложившейся задолго до реформы административной традицией, ещё в дореформенный период губернаторы И. И. Неплюев и Д. В. Волков совмещали военные и гражданские функции, действуя как верховные распорядители [3, л. 12–16]. Это сделало формальное разделение властей условным для данного региона.

Закон 1775 г. содержал внутреннее противоречие. С одной стороны, он провозглашал наместническое правление верховным исполнительным органом, «местом, которое управляет в силу закона именем императорского Величества» [1, ст. 95]. Его коллегиальный состав (правитель наместничества, два советника) был призван обеспечить законность решений. С другой стороны, тот же акт наделял генерал-губернатора широчайшими надзорными полномочиями, обязывая «строгого и точного взыскания чинить со всех ему подчиненных мест» [1, ст. 81]. Для пограничных регионов эти полномочия расширялись за счёт военных функций. «Если наместничество пограничное, – гласила ст. 89 «Учреждения», – то генерал-губернатору облежит бдение и предосторожности от соседей, и он в случае нужды берет надлежащие меры военные» [1, ст. 89]. Генерал-губернаторы назначались непосредственно императрицей и обладали правом решающего голоса в Сенате по

делам своих наместничеств [1, ст. 91]. По штату 1781 г. ему полагалось жалованье 6000 руб. в год и столовые деньги, при нём состояли два адъютанта с жалованьем по 200 руб., что подчёркивало высокий статус и военную составляющую должности [4].

В отличие от внутренних губерний, в Оренбургском крае произошла концентрация военных и гражданских функций в лице генерал-губернатора. Именной указ от 14 января 1782 г. возлагал на первого генерал-губернатора И. В. Якоби попечение о всей пограничной линии «со всеми расположенными по ней укреплениями» [5]. И. В. Якобий (Якоби) получил при назначении более подробную инструкцию от императрицы, чем остальные наместники; «во всех случаях инструкции были ориентированы на скорейшее устройство наместничеств и учитывали особенности мест» [6, с. 49]. Под его ответственность попадали даже укрепления соседней Астраханской губернии. Уникальность положения Якобия заключалась также в масштабе подведомственной территории: Колыванское наместничество с 1782 г. вместе с Уфимским находилось под управлением генерал-губернатора Якобия [6, с. 54]. Сенатская ревизия 1787 г. подтвердила эффективность такой модели: сенаторы отметили «желаемый порядок» и связали его с «особым попечением» генерал-губернатора [7, л. 10].

Наместническое правление, вопреки декларированной роли, трансформировалось в исполнительный аппарат при генерал-губернаторе. Фонд Национального архива Республики Башкортостан содержит опись дел Уфимского наместнического правления за 1784–1808 гг. [8]. Анализ журналов заседаний за декабрь 1784 г. позволяет увидеть реальную компетенцию правления. Журналы представляют собой систематическую запись текущей работы под председательством правителя П.Ф. Квашина-Самарина. Состав присутствия включал советников и секретаря [8, л. 1–188]. Согласно штату Уфимского наместничества, правителю полагалось жалованье 1800 руб. и столовые 1200 руб. в год, советникам – по 600 руб. [4]. В компетенцию правления входил контроль над деятельностью палат уголовного и гражданского суда, казенной палаты, а также приказа общественного призрения, на содержание которого выделялось 900 руб. в год [1].

Содержание журналов охватывает несколько категорий дел: финансово-хозяйственные (распоряжения о выделении денег, учреждение хлебных магазинов), контроль над нижестоящими структурами (рапорты расправ, магистратов, городничих), кадровые назначения и дисциплинарные требования, судебно-административные поручения, исполнение указов Сената. Примечательно отсутствие упоминаний генерал-губернатора как участника заседаний – все решения принимались правлением самостоятельно, что указывает на дистанционный характер власти наместника [8, л. 6–8].

Существенным дополнением служит всеподданнейший рапорт правителя П. Ф. Квашина-Самарина Екатерине II в 1784 г. [9]. Правитель доносил о благополучии в крае, опираясь на донесения военных структур. Это демонстрирует двойственное положение правителя, с одной стороны подчиняясь генерал-губернатору, он одновременно нёс личную ответственность перед императрицей, что создавало систему сдержек.

Генерал-губернатор осуществлял власть дистанционно через письменные предписания правителю. Его резиденция находилась в Оренбурге, тогда как правление заседало в Уфе. Правитель концентрировал фактические рычаги повседневного управления, становясь гарантом институциональной памяти [10, с. 7–9]. Ярким примером реформаторской деятельности генерал-губернатора стал О.А. Игельстром, который разделил башкир на юрты, ввёл институт старшин, а в Малой казахской орде пытался ликвидировать ханскую власть [11, с. 19–21]. Его преобразования в отношении башкир и мишарей дополнялись созданием в 1782 г. четырёх нижних расправ (в Уфе, Белебее,

Челябе, Оренбурге) по высочайшему рескрипту, что вписывалось в общую логику сословного судоустройства наместничества [12, л. 10 об.]. Секретное предписание 1787 г. предписывало выдавать жалованье старшинам хлебом, чтобы «приучить этот народ к хлебной пище» [13, л. 18].

Финансовые полномочия генерал-губернатора были широки, ежегодно выделялось 20 тыс. руб. на инженерные работы [14]; он утверждал торговые соглашения и подряды, назначал смотрителей заводов, нёс ответственность за сбор податей [15; 16; 17].

К 1796 г. сложилась модель, при которой генерал-губернатор выступал верховным арбитром и военно-административным диктатором края, а наместническое правление превратилось в его исполнительный аппарат [18, с. 86]. Даже после упразднения наместничеств Павлом I и переименования Уфимского наместничества в Оренбургскую губернию с 1797 г., основная конструкция «военный губернатор – гражданский губернатор» наследовала прежнюю логику надзора и исполнения, заложенную в екатерининский период [6, с. 112, 162].

Таким образом, в Уфимском наместничестве пределы коллегиальности определялись не столько законом, сколько фактической концентрацией власти у генерал-губернатора. Правление эффективно выполняло текущие процедуры, но стратегические решения принимались в режиме персонализированного надзора. Всеподданнейшие рапорты правителя раскрывают двойственность его положения, а институциональная эволюция подтвердила приоритет единоличного начала в управлении приграничным регионом.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (далее – ПСЗРИ-I). 1775–1780 гг. СПб., 1830. Т. XX, № 14392.
2. ПСЗРИ-I. 1781–1783 гг. СПб., 1830. Т. XXI, № 15303.
3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 813.
4. ПСЗРИ-I. Ч. 1: Книга штатов. Отделение 2. СПб., 1830. Т. XLIV, № 17494.
5. ПСЗРИ-I. 1781–1783 гг. СПб., 1830. Т. XXI, № 15324.
6. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Изд-во МПГУ, 2001. 357 с.
7. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 988.
8. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-384. Оп. 1. Д. 2.
9. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 987.
10. Оспанова А. А. Роль губернаторских канцелярий в системе местного управления в пореформенный период // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23, № 4. С. 7–11.
11. Васильев Д. В. Реализация реформ О. А. Игельстрома в Степи Оренбургского ведомства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2015. № 1 (31). С. 17–26.
12. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 932.
13. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 22.
14. ПСЗРИ-I. 1781–1783 гг. СПб., 1830. Т. XXI, № 15760.
15. ПСЗРИ-I. 1789 – 6 ноября 1796 г. СПб., 1830. Т. XXIII, № 16940.
16. ПСЗРИ-I. 1789 – 6 ноября 1796 г. СПб., 1830. Т. XXIII, № 16975.
17. ПСЗРИ-I. 1789 – 6 ноября 1796 г. СПб., 1830. Т. XXII, № 17194.
18. Абакумов Е. В. Изменение положения губернского правления в законодательной политике Екатерины II последней трети XVIII века // В мире научных открытий. 2013. № 1 (37). С. 83–93.

Информация об авторе: *Абакумов Евгений Владимирович*, аспирант, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» (Россия, г. Уфа); заместитель директора, ГБОУ «Школа № 1366» (Россия, г. Москва).

УДК 930.2

КОНЦЕПТ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПОДХОД ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АСПЕКТОВ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Дмитрий Анатольевич Акимцев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

dmitrij.akimcev@bk.ru

Аннотация. Рассматривается интерпретационная практика социально-психологических аспектов крестьянского мировосприятия с позиций системы координат «свой – чужой». Прослеживается развитие исследуемого подхода. Анализируются работы ключевых представителей отечественной исторической антропологии, выделяется преемственность подходов. Подчеркивается присутствие изучаемой исследовательской практики в зарубежной историографии.
Ключевые слова: отечественная историография, социально-психологические аспекты, крестьянское мировосприятие, историческая антропология, система координат «свой – чужой»
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ В. И. Шувалова.

В настоящей работе прослеживается трансформация методологического подхода к интерпретации аспектов крестьянского мировосприятия через анализ концепта «свой-чужой». Концепт – когнитивная модель исторической реальности, состоящая из системы смыслов.

Как в зарубежной, так и в отечественной историографии для отражения сути бытия социальных групп прошлого исследователи выстраивали системы координат. Широко известными концептами являются: ментальность, символизм повседневной жизни и др. В данном исследовании предпринимается попытка обосновать факт существования в историографии крестьянского мировосприятия концепта «свой-чужой», суть которого – исследование проблемы сословной самоидентификации. Бесспорно, в традиционном социуме присутствовало несколько уровней самосознания: в соответствии с религиозной, национальной принадлежностью. Крестьянство идентифицировало себя с русским населением империи, с православным миром, а также как часть сословия. Но имел место слабозаметный микроуровень самосознания земледельческого сословия – идентификация с конкретной земледельческой общиной. Следствием данного явления становилось восприятие крестьян других миров как чужаков.

Практика анализа аспектов мировосприятия крестьянского сословия в отечественной историографии присутствовала уже на советском этапе развития гуманитарной науки. Подход интерпретации аспектов мировоззрения и самоидентификации общинников с позиций деления на «своих» и «чужих» имел место в изысканиях исследователей периода марксистско-ленинской методологии. В данном ключе рассуждали П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. В коллективной монографии перечисленных историков акцентируется внимание на выделении в сознании общинников «своих» и «чужих» [1, с. 14–15]. В данной научной работе используется понятие «мир», гово-

рится о противопоставлении «мы» и «они», при анализе вопроса крестьянской самоидентификации авторы ссылаются на Б.Ф. Поршнева [2]. В работе отмечается, что крестьяне одного мира противопоставляли себя не только помещикам и представителям других сословий, но и представителям соседних общин [1, с. 14].

Исследуя крестьянскую общину, крестьяноведы отмечали ее закрытость и четкое деление на «своих» и «чужих». Данный аспект отмечали многие историки, которые занимались крестьянским вопросом в постсоветской отечественной историографии.

В. П. Данилов и Л. В. Данилова писали, что у общинников было принято делить людей на «своих» и «чужих» [3, с. 26]. Авторы отмечали, что в крестьянской среде чужаками считались все, кто не входил в конкретную общину. То есть вместе с горожанами, помещиками антагонистами (субъектами, которые способны нанести потенциальный вред устоявшемуся коллективу) также считались представители других крестьянских общин.

В качестве примера интерпретации аспектов крестьянского мировосприятия с позиций концепта «свой-чужой» в постсоветской историографии 2000–2010-х гг. можно рассмотреть изыскания В. Б. Безгина.

В. Б. Безгин в своей работе «Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века» отмечает, что социальные нормы крестьянского сообщества распространялись исключительно на представителей «мира». Представители других общин рассматривались как «чужаки», поэтому они исключались из системы правоотношений устоявшегося коллектива. Любой, кто пришел из «вне» в мировосприятии крестьянина был априори виноват и опасен. Нарушение границ земледельческого сообщества расценивалось как преступление, за которым следовали санкции (избиение). В данном контексте В. Б. Безгин пишет про «мужицкий снобизм» (крестьянский снобизм), отмечая, что «поднадуть, объегорить всякого, кто не мужик, в деревне считалось делом справедливым и разумным и уж никак не преступным» [4, с. 33]. Автор отмечает, что крестьяне были готовы на преступление в отношении лиц, не являвшихся членами их микросоциума. В. Б. Безгин делает вывод в своей работе, что крестьянская общность противопоставляла себя другим социальным слоям исследуемой эпохи. В помещиках, купцах и др. крестьяне видели скрытого противника, врага, представителей других социальных слоев было не жалко [4, с. 33].

В. А. Шаповалов в изысканиях последних лет выделяет отдельную категорию социально-психологической системы координат «свой-чужой». Автор делает вывод, что данное явление базировалось на принципе двойных стандартов [5, с. 213]. В соавторстве с С. П. Шаповаловой исследователь рассматривал проблему крестьянского воровства у помещика именно с позиций концепта «свой-чужой». Авторами делается вывод, что кражи, которые совершали общинники у представителей других сословий, являлись следствием специфики мировосприятия. В отношении представителей своего микросоциума крестьяне соблюдали всю совокупность норм общинного права, а в отношении остальных социальных слоев и их представителей (в первую очередь своего хозяина – помещика) считали допустимым присваивать чужое имущество, не испытывая жалости и угрызений совести.

Таким образом, можно констатировать, что концепт «свой-чужой» присутствует в отечественной историографии проблемы социально-психологических аспектов крестьянского мировосприятия. Данная система координат трансформировалась от отличительной черты крестьянской психологии, которую выделяли исследователи во второй половине XX в., до исследовательского концепта, актуального на современном этапе развития гуманитарной науки.

Стоит отметить, что проблема присутствия в сознании традиционных сословий установки делить социум на «своих» и «чужих» разрабатывалась и в зарубежной историографии. В качестве примера можно обратиться к труду К. Гинзбурга «Сыр и черви.

Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.». Автор пишет про мировоззренческий код, основанный на устной культурной традиции, а также про конфронтацию официального института католической церкви и крестьянской религии, которая тяготела к языческим верованиям, что в свою очередь приводило к критическому восприятию ряда христианских догм. Свое исследование Гинзбург проводил с учетом социально-экономического и политического контекста XVI в. Понятие «народная культура» в итальянской историографии также называют «культура угнетенных классов». Карло Гинзбург характеризует «архаическое общество» как систему, где подавляющее влияние находилось у феодальной знати. В соответствии с совокупностью данных фактов К. Гинзбург констатировал, что в сознании мельника Миноккио присутствовала установка, делить окружающих на «своих» (крестьяне) и «чужих» (властвующая элита: духовенство и феодалы) [6, с. 139].

Подводя итог, необходимо сделать вывод о том, что фундаментальные исследования отечественной, а также зарубежной историографии проблемы крестьянского мировосприятия строились на анализе вопроса социальной самоидентификации, в результате сформировался концепт «свой-чужой». Интерпретация социально-психо-логических аспектов крестьянской истории с данных позиций авторитетными исследователями, а также сохранение актуальности данной практики на протяжении нескольких десятилетий подтверждают тезис о том, что изучаемый подход является эффективным.

Список литературы

1. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного возрождения. М. : Мысль, 1988. 218 с.

2. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М. : Наука, 1966. 213 с.

3. Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы Междунар. конф. (г. Москва, 14–15 июня 1994 г.) / отв. ред.: В. П. Данилов, Л. В. Милов. М. : РОССПЭН, 1996. С. 22–39.

4. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов : ТГТУ, 2012. 124 с.

5. Шаповалов В. А., Шаповалова С. П. Усадьба и изба: воровство как проявление «коммунизма крестьянина с помещиком» // Этнография. 2022. № 1 (15). С. 207–226.

6. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М. : РОССПЭН, 2000. 272 с.

Информация об авторе: *Акимцев Дмитрий Анатольевич*, аспирант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93/94(930)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Маркелл Сергеевич Бузынин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Knight-04@mail.ru

Аннотация. Детская беспризорность является одной из важнейших социальных проблем. События Великой Отечественной войны обострили этот вопрос, в военных реалиях государство

было вынуждено обратить на него пристальное внимание и искать пути его решения. Анализируются государственные меры, предпринятые руководством СССР в годы Великой Отечественной войны по борьбе с детской беспризорностью.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, детская беспризорность

Детская беспризорность – это социальное явление полного отстранения несовершеннолетнего от семьи, сопряжённое с утратой места жительства и занятий [1]. Данное явление угрожает формированию личности несовершеннолетних, способствует развитию асоциального поведения и несет опасность для социума. События Великой Отечественной войны усугубили ситуацию с беспризорностью в СССР.

Немецкие войска, оккупировав советские территории действовали с особой жестокостью по отношению к местному населению. По указу 1941 г. «О применение военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мерах войск» [2] за действия, совершенные в отношении гражданских лиц со стороны военнослужащих немецкой армии, не предусматривалось преследования. В подобных условиях эвакуация мирного населения из районов, еще подконтрольных РККА и находящихся поблизости от линии боевого соприкосновения являлась важной задачей советского руководства.

Процесс эвакуации должен был носить организованный характер, с этой целью И. В. Сталин издал 24 июня 1941 г. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О создании совета по эвакуации» [3]. В нем определялось руководство новообразованного совета в лице председателя Кагановича Л.М. и заместителя председателя А. М. Косыгина [3]. Совет по постановлению приступал к работе незамедлительно.

В условиях военного времени, в ходе эвакуации населения и боевых действий распространённым явлением стала беспризорность, дети оставались без родителей, по причине их смерти или непреднамеренной разлуки. С целью избежать развития беспризорности несовершеннолетних, 23 января 1942 г. СНК было издано Постановление № 75 «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», обязывавшее Совнаркомы и Исполкомы, а также районные Советы депутатов трудящихся обеспечить устройство детей до 15 лет включительно, потерявших родителей, под личную ответственность председателей чего? в приемники-распределители [4]. Они были обязаны содержать детей в течении двух недель, после чего их возвращали найденным родителям или же принимали решение в соответствии с возрастом: дети до 14 лет определялись в соответствующие учреждения либо на патронирование, а после 14 на работу в промышленность или сельское хозяйство. Седьмой пункт постановления предусматривал при распределении на работу или же патронат выдачу детям необходимой одежды на сумму до 200 рублей на 1 человека [4]. Отдельным пунктом постановления выделялись дети возрастом до 3 лет, которых незамедлительно определяли в детские учреждения или на патронирование [4]. Семьям, бравшим ребенка, предусматривалось ежемесячное пособие объемом в 50 рублей [4]. Обязанностью районных отделов народного образования и здравоохранения было обеспечение семьи ежемесячным пособием и одеждой из местного бюджета, систематическое наблюдение за семьями с целью помощи им в воспитании ребенка, а также трудоустройство патронируемого по достижении им установленного возраста [5].

8 сентября 1943 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении», разрешавший на официальном уровне принять в семью беспризорного ребенка не из государственного учреждения. Эта мера помогла сократить число беспризорных детей, лишившихся родителей безвозвратно, так теперь неравнодушные граждане могли принять их в свою семью не только фактически, но и оформив это юридически [6].

Многие дети уже на начальном этапе войны остались сиротами – отцы ушли на фронт и погибли в боях с оккупационными войсками, а матери умирали в условиях военной жизни. В этих обстоятельствах государственная политика была направлена на

обеспечение условий жизни детей, оставшихся без родителей. Для этого на территории СССР спешно открывались новые детские дома и «уплотнялись» уже действующие. Подобная спешка привела к ухудшению условий содержания несовершеннолетних. Так, в докладе прокурора СССР В.М. Бочкова от 19 апреля 1941 содержатся сведения о том, что воспитанники Краснодарских учреждений не были укомплектованы одеждой, обувью и продуктами питания в достаточной степени, а среди причин называлась коррупция и нехватка топлива для обеспечения температурного режима зимой [7].

К 1942 г. возникла проблема с нехваткой квалифицированных педагогических кадров в интернатах. Образовательный процесс проходил стихийно, и не носил системного характера. Помещения были в абсолютно неудовлетворительном состоянии – электричество отсутствовало, для обогрева использовались пожароопасные печи (дрова на растопку которых заготавливали сами воспитанники). На ночлег выделялись для девочек одна кровать на двоих, а для мальчиков нары с неограниченным количеством спящих воспитанников на них. Естественно, что в таких условиях дети часто болели, но помощь оказать не всегда было возможно ввиду мобилизации медицинских кадров на фронт.

Правительство СССР пыталось решить сразу две проблемы – переизбыток детей в интернатах и потенциальные сложности с квалифицированным кадровым составом в послевоенные годы. Так, Главное управление трудовых резервов при СНК СССР с января 1942 получило возможность набирать детей от 14 лет в ремесленные и железнодорожные училища [8]. Остальные «детдомовцы» в обязательном порядке направлялись в сельское хозяйство и промышленность на работы.

Стоит затронуть так же вопрос обеспечения детских домов продовольствием. Несмотря на то, что питание интернаты получали по нормам детских домов [9, с. 36], основным источником пропитания были подсобные хозяйства. Для этого закупались козы, куры и коровы, земельные участки, выделяемые из Государственного фонда и совхозных земель, обрабатывались силами воспитанников.

Война всегда накладывает «отпечаток» на человека, но особенно тяжело приходилось именно детям. Нередко пережившие смерть родителей или их потерю, повидавшие ужасы войны ребята попадали в учреждения с недостаточно высоким уровнем качества содержания. Дети получали психологические травмы от подобных жизненных ситуаций, а недостаток продовольствия вынуждал идти на преступления с целью добычи пропитания, прибегая к воровству. Это нарушало порядок в интернатах и создавало угрозу безопасности других воспитанников, при чем данное явление распространялось и за пределы детских учреждений. Так, 15 июня 1943 г. СНК постановил усилить меры борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством путем создания трудовых воспитательных колоний [10]. Туда попадали все беспризорные дети, задержанные за мелкие преступления (не уголовные) и воспитанники детских домов, систематически нарушавшие распорядок.

В 1944 г. затянувшиеся боевые действия привели к всплеску беспризорности и безнадзорности, что привело к образованию детских комнат милиции. Их функционал заключался в приеме изъятых беспризорных и безнадзорных детей для выявления причины такового их состояния и передачи либо родителям, либо соответствующие учреждения. Однако долго искать родителей милиционеры не могли – срок пребывания в данном учреждении для ребенка был ограничен 6 часами, после чего ребенок определялся в соответствующее учреждение [8, с. 38].

Великая Отечественная война несла серьезные тяготы для советского народа: разруху, людские потери, обострение проблемы беспризорности. Государство проводило политику, направленную на помощь малолетним гражданам в условиях военного времени, о чем свидетельствуют постановления СНК и Президиума Верховного Сове-

та СССР. Однако, по причине кадрового кризиса, разоренной войной материально-технической базы, а также затянувшихся боевых действий проблема беспризорности оставалась насущной в период 1941–1945 гг. и продолжала свое существование в послевоенные годы.

Список литературы

1. Детская беспризорность // Национальная библиотека Республики Татарстан. 2025. URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/homeless.htm (дата обращения: 10.12.2025).
2. О военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых полномочиях войск : указ Верховного главнокомандующего вермахта от 13.05.1941 // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». 2026. URL: https://www.prlib.ru/item/1321807 (дата обращения: 10.12.2025).
3. О создании Совета по эвакуации Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24.06.1941 // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». 2026. URL: https://www.prlib.ru/item/1761999 (дата обращения: 10.12.2025).
4. Об устройстве детей, оставшихся без родителей : Постановление СНК СССР № 75 от 23.01.1942 // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». 2026. URL: https://www.prlib.ru/item/1349703 (дата обращения: 10.12.2025).
5. О патронировании, опеке и усыновлении детей, оставшихся без родителей : инструкция Наркомпроса РСФСР, Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР : [утв. Постановлением СНК РСФСР № 325 от 03.04.1943] // Электронная библиотека исторических документов. 2026. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199943-o-patronirovanii-opeke-i-usynovlenii-detey-ostavshihsya-bez-roditeley-instruktsiya-narkomprosa-rsfsr-narkomzdrava-rsfsr-i-narkomyusta-rsfsr-utverzhdena-postanovleniem-soveta-narodnyh-komissarov-rsfsr-ot-3-aprelya-1943-goda-locale-nil-325#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 10.12.2025).
6. Об усыновлении : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.09.1943 // Электронная библиотека исторических документов. 2026. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/199944#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 10.12.2025).
7. Славко А. А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/detskie-doma-i-shkoly-dlya-detey-sirot-v-rossii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-poslevoennyy-period?ysclid=mopt4cao18871143605 (дата обращения: 10.12.2025).
8. Славко А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. № 120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-regulirovanie-protsessa-likvidatsii-detskoy-besprizornosti-v-rossii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-i-v?ysclid=mopt8uxtx2728054324 (дата обращения: 10.12.2025).
9. Епифанов А. Г. Из опыта эвакуации детских и образовательных учреждений Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 33–38.
10. Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством : Постановление СНК СССР № 659 от 15.06.1943 // Электронная библиотека исторических документов. 2026. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371592-postanovlenie-snk-sssr-locale-nil-659-locale-nil-ob-usilenii-mer-borby-s-detskoy-besprizornostyu-beznadzornostyu-i-huliganstvom-locale-nil-15-iyunya-1943-g (дата обращения: 10.12.2025).

Информация об авторе: *Бузынин Маркелл Сергеевич,* студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93/94

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ЭЛИТЫ: ФУНКЦИИ И СТАТУС В КНЯЖЕСКИХ КРУГАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Дарья Сергеевна Бурдонова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

burdonova165@gmail.com

Аннотация. Исследуются функции и статус греческого языка в княжеских кругах Древнерусского государства X–XI вв. Рассмотрена его роль в дипломатии, торговле, церковной практике. На основе анализа летописных источников, русско-византийских договоров и княжеских печатей с греческими надписями демонстрируется, что греческий язык становился инструментом укрепления связей с Византией, символизировал культурный и политический престиж князей, служил маркером принадлежности к образованной элите.

Ключевые слова: греческий язык, Древнерусское государство, древнерусские князья, дипломатия, архонт Руси, княжеские печати, образование

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Т. Н. Кузьминой.

Греческий язык в эпоху Древнерусского государства занимал особое место, являясь важным элементом общественно-политической жизни общества. С момента принятия христианства в 988 г., а затем в процессе развития отношений с Византийской империей, греческий язык стал не только языком богослужения и церковной литературы, но и орудием дипломатии и культуры для высших слоев Древней Руси. Он использовался как средство общения в княжеских кругах, играя важную роль в укреплении политических и культурных связей с Византией, а также в демонстрации статуса и международного авторитета правителей.

Актуальность исследования греческого языка как языка элиты в княжеских кругах Древнерусского государства обусловлена недостаточной разработанностью темы в исторической науке, несмотря на его очевидное значение для понимания политической и культурной идентичности русских князей. Несмотря на формальное принятие славянского языка для богослужения, греческий оставался важным элементом образованности и высоких политических амбиций правящей элиты, что требует более глубокого анализа. Цель настоящей работы – исследовать функции греческого языка в княжеских кругах Древнерусского государства, а также рассмотреть причины и условия его использования русскими князьями.

Будучи языком духовенства, торговли и дипломатии, как известно по заверенным мирным договорам 907, 911 и 944 гг. [1, с. 381], греческий язык стал признаком образованности и дифференциации слоёв общества в Древней Руси. Клятва между христианами и русскими является одним из пунктов договора 911 г. [2, с. 11], христиане в договоре являются греками, в то время как русские представляются исключительно язычниками. Однако, согласно «Повести Временных Лет», мирный договор князя Игоря 944 г. с византийским императором Романом I Лакапином с русской стороны был заверен как язычниками, так и христианами, которые были приведены к судебной клятве, так называемой роте, в Киевской церкви Ильи Пророка [3, с. 420]. Интересно то, что христиане стали необходимой частью дипломатического процесса. Они своим присутствием и клятвой заверяли соблюдение договора со стороны князя Игоря.

Более активное распространение христианства произошло при регентстве княгини Ольги, принявшей христианство предположительно в 957 г. в Константинополе. Крещение княгини Ольги возымело символический окрас сближения Древней Руси и Византийской империи, который использовался как политический ход. В X в. разожглось противостояние Священной Римской империи и Византийской империи за влияние на варварские племена. В 960 г. был крещён по латинскому образцу польский король Мешко I [4, с. 70], годом ранее Ольга послала просьбу германскому императору Оттону I прислать епископа для проповеди христианства [5, с. 69]. А. В. Назаренко предполагает, что просьба являлась инструментом давления на Византию [5, с. 71]. После вокняжения Святослава, явного приверженца язычества, отношения с Византией ухудшаются. Святослав ввязывается в войну против Византийской Империи в 970 г., которая заканчивается поражением для Руси. В 980 г. Оттон II заключает договор с Польшей, предрешая судьбу русско-германских отношений. Повесть временных лет сохранила легенду, в которой Владимир, отвечает немецким послам так: «ИдеѢте опять, яко отци наши сего не приняли суть» [6, с. 39–40], слова Владимира явно отсылают к неудачной миссии Адальберта Трирского, что подтверждают похолодание отношений между Владимиром и Оттоном III.

Отношения между Русью и Византией оставались напряжёнными. Г. В. Вернадский писал, что император Василий нуждался в военной помощи, которая была оказана Владимиром Святославичем, сам князь предположительно принял христианство в феврале 988 г., однако за оказанную услугу киевский князь просил в жёны сестру Василия – багрянородную принцессу Анну, а также епископа [4, с. 73]. Когда ни одно из обязательств не было выполнено, Владимир начал завоевания византийских владений в Крыму. Одним из итогов было возвращение Владимира в Киев с невестой Анной и крымскими священниками. Важно, что с появлением нового сословия на Руси изменения общества после принятия христианства обрели глобальный характер и стали причиной разделения его на два класса [1, с. 477]. В Повести Временных лет упоминается, что в Новгороде представители языческой веры восстали против епископа с желанием его убить. Епископ вышел к народу с князем и дружиной со словами: «иже хощеть веру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли верует кто, то ко кресту да идеть» [7, стб. 181]. За епископом пошли князь и дружина, за волхом народная масса. Летописец вновь указывает на тесную связь между духовенством и князем, тем самым отмечая последователей новой религии как представителей господствующего класса.

Б. Д. Греков считает, что после принятия христианства договоры между Русью и Византией сделались ненужными, так как их отношения укреплялись через дипломатические браки и Церковь [1, с. 478]. Причины тому известны - князья сами подчеркивали свои родственные отношения с византийским двором, а при их отсутствии проведением активной церковной политики, всё большее приобщая русскую культуру к византийской для проявления авторитета своей княжеской власти, не только в пределах Руси, но и Европы. Одним из важных способов проявления стало использование греческого языка самими князьями.

Одним из важных источников по исследуемой теме стали княжеские печати с греческими строчными надписями. Нам известно как минимум 37 печатей подобного типа, однако нас интересуют лишь те, в которых древнерусские князья и княгини именуются «архонтами» или «архонтиссами Руси».

Титул «архонт Руси» встречается в византийских сочинениях Константина Багрянородного [8, с. 45], а также в Свидетельстве Хроники Иоанна Скилицы [9, p. 399]. В хронике Иоанна Скилицы перечисляются и одновременно называются архонтами Руси три

князя – Мстислав Владимирович, князь Тмутараканский и Черниговский, Ярослав Владимирович и как преемник, предположительно, его сын Изяслав Ярославович [10, с. 46]. Важно то, что не описывая подробно положение дуумвирата, Иоанн Скилица использует титул архонт Руси для двух князей, представляя их равноправными правителями в независимости от территории княжения Мстислава Владимировича и Ярослава Владимировича. В Византийских источниках титул архонт Руси употребляется в значении князь, что не даёт нам сделать вывод, что архонтами Руси являлись исключительно великие киевские князья. Наоборот, как отмечают В. Л Янин и Г. Г. Литаврин, титул «архонт Руси» не закреплялся за киевскими князьями или за князьями другой русской земли [11, с. 208].

Одним из примеров употребления титула не киевскими князьями стала булла Феофано Музалон, которую традиционно представляют женой Тмутараканского князя Олега Святославича. На её булле представлена надпись на греческом «Κ[ύρι]ε β[οή]θ[ει] τη ση δούλη θεοθάνου άρχοντήσ[σ]η 'Ρωσίας τη Μουζαλονήσ[σ]η» – «Господи, помоги рабе твоей Феофании, архонтиссе Росии, Музалониссе» [12, с. 155]. Стоит отметить, что не существует прямых доказательств, что булла была изготовлена в период Тмутараканского княжения Олега Святославича. Из этого можно сделать вывод, что булла скорее всего принадлежит не тмутараканскому периоду правления Олега Святославича, а значит не периоду открытого противостояния Олега Святославовича с другими русскими князьями, поэтому титул архонтиссы Руси используется в печати. Н. Бенеску в 1941 г. была опубликована печать некоего архонта Михаила с надписью «Κ[ύρι]ε β[οή]θ[ει] Μιχαήλ αρχοντ[ι] Ματράχ[ου] Ζιχίας και πάσης [Χ]αξαρί[ας]» – «Господи, помоги Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии» [12, с. 158]. В. Л Янин и Г. Г Литаврин считают, что архонтом Михаилом был Олег Святославич князь Тмутараканский. По их мнению, отмечая себя властителем конкретной земли, Олег-Михаил Святославич выражал своё желание независимости от киевского престола [11, с. 207–208]. Другим доказательством употребления титула архонта Руси не киевского князя являются печати архонта Давыда, найденные в Сутейске и принадлежащие предположительно Давыду Игоревичу [13, с. 20]. Одна из печатей представлена рис. 1. Давыд Игоревич был волынским князем и активным участником междоусобной войны 1097–1100 гг, по итогам которой он лишался владимирского стола и получал во княжение волынские города [1, с. 499–501].

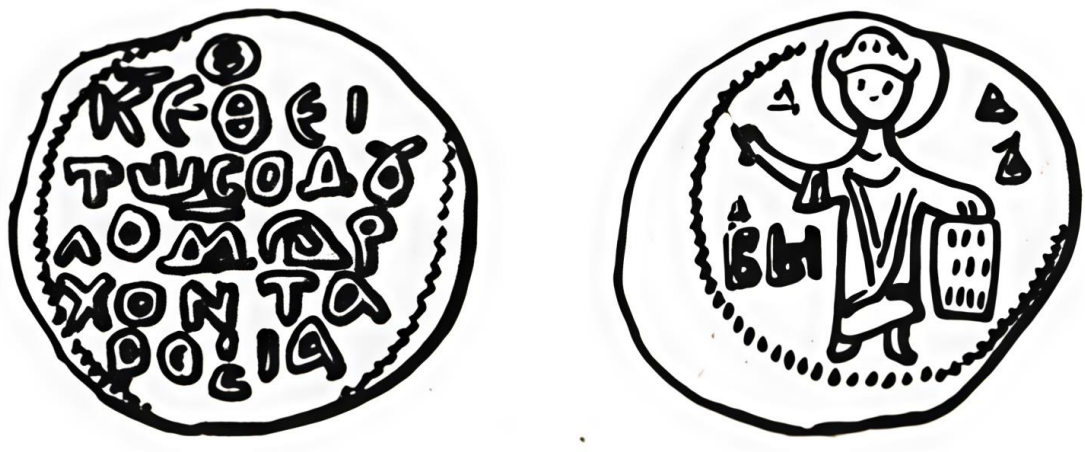

Рис. 1. Печать архонта Руси Давыда[1]

[1] Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Том I. Печати X – начала XIII вв. стр. 251 № 28.

Примечательной является печать Владимира Мономаха (рис. 2.) Её особенность заключается в том, что она является первым обнаруженным прижизненным памятником Владимира Всеволодовича с прозвищем Мономах, а также объявления титула благороднейшего архонта Руси [13, с. 17]. Употребление титула благороднейшего может быть связано с прямым родством Владимира Всеволодовича с византийским аристократическим родом Мономах, а также проводимой политикой князя – отказа от киевского княжения в угоду порядку старшинства [11, с. 209].

Рис. 2. Печать Владимира Мономаха[1]

Таким образом употребление титула «архонт», а также «архонт Руси» на греческом языке представляется лишь демонстрацией собственного статуса правителя не только на уровне Древнерусского государства, а также выходящим за него для проявления собственной независимости, что является проявлением проведения собственной независимой политики, исключающая обязательства древнерусских князей перед друг другом. Стоит отметить, что использование титула может также считаться открытым проявлением родственных связей Рюриковичей и византийских домов. Примечательно, что данный титул не был строго закреплён за киевскими князьями и применялся в отношении различных представителей династии Рюриковичей, что указывает на его гибкий и репрезентативный характер.

За исключением вышеупомянутых печатей, не сохранились памятники иного употребления греческого языка древнерусскими князьями. Известны инициативы древнерусских князей по распространению просвещения, мотивацией, которых было создание сильного бюрократического аппарата, на который можно было опираться [14, с. 67]. Старания Владимира Святославича организовать единую систему школьного образования, одной из основ которой был бы греческий язык, нельзя назвать неудачными, ввиду малого отклика со стороны народа. Они заложили основу для продвижения развития института школы. Его начинания активно продолжал Ярослав Мудрый. В 1030 г. он собрал 300 детей в Новгороде для того, чтобы «учити книгам» [15, стб. 136].

Затем в Киеве при Софийском соборе была организована дружина грамотников и знатоков греческого языка для перевода церковных книг [7, стб. 152]. Поэтому важно отметить, что греческий язык был основой для той системы обучения, продвигаемой

[1]Там же. № 25.

древнерусскими князьями, необходимой им для введения удачной торговли и дипломатии.

Греческий язык в княжеских кругах Древнерусского государства обладал статусом языка элиты и служил важным инструментом социальной и политической репрезентации. Он использовался князьями и княгинями для подтверждения собственного авторитета, демонстрации независимости и укрепления связей с византийским двором, что отражено в титуловании «архонт» и «архонтисса Руси» на княжеских печатях. Язык выполнял функции дипломатического, торгового и религиозного общения, обеспечивая участие христианских представителей в международных переговорах и церковной жизни. Кроме того, греческий язык служил основой образовательной системы, поддерживаемой князьями для подготовки грамотных специалистов и формирования бюрократического аппарата, необходимого для эффективного управления и внешнеполитической деятельности.

Таким образом, греческий язык был не только признаком образованности и элитарного статуса, но и важным инструментом политической стратегии, культурной интеграции и формирования княжеской власти в Древней Руси.

Список литературы

1. Греков Б. Д. Киевская Русь. М. : Госполитиздат, 1953. 568 с.
2. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. М. : Госюриздат, 1952. 287 с.
3. Кириллин В. М. Русская образованность в X–XVII вв. // Герменевтика древнерусской литературы. 2010. № 15. С. 419–472.
4. Вернадский Г. В. Киевская Русь / пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой ; под ред. Б. А. Николаева. Тверь : ЛЕАН ; М. : АГРАФ, 1996. 448 с.
5. Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы : материалы и исследования, 1991 г. М. : Наука, 1994. 272 с.
6. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачёва ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. СПб. : Наука, 1996. 667 с.
7. Лаврентьевская летопись / под ред. Е. Ф. Карского ; предисл. Б. М. Клосса (репр. изд. 1926–1928 гг.). М. : Яз. рус. культуры : Кошелев, 1997. 733 с.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. : Наука, 1991. 496 с.
9. Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Thurn H. Berlin : Gruyter, 1973. 580 p.
10. Роменский А. А. К интерпретации известия Иоанна Скилицы об архонтах Руси под 6544 (1036) годом // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 6. С. 44–55.
11. Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. М. : МГУ, 1962. С. 204–221.
12. Чхаидзе В. Н. Феофано Музалон – архонтисса России: к вопросу об идентификации // Византийский временник. 2007. Т. 66, № 91. С. 155–170.
13. Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. : в 2 т. Т. I: Печати X – начала XIII в. М. : Наука, 1970. 325 с.
14. Ганина С. В. Религиозные и светские аспекты образования и воспитания детей в средневековой Руси: историко-педагогический и социально-философский анализ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (132). С. 66–72.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 5: Псковская и Софийская летописи. СПб. : Изд. Археографической комиссии, 1851. 275 с.

Информация об авторе: *Бурдонова Дарья Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47).083

МЕРЫ ПООЩРЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОХРАННОЙ КОМАНДЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Алексей Николаевич Гребенкин[1],
Даниил Денисович Буянский[2]

[1,2]Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия

[1]angrebyonkin@mail.ru
[2]manga.ozvuchka@mail.ru

Аннотация. Дана характеристика мер поощрения агентов Охранной команды Санкт-Петербургского Охранного отделения в начале XX в. Перечислены основные виды нематериальных и денежных наград. Приведены примеры награждений. Дана оценка влияния мер поощрения на деятельность агентов.
Ключевые слова: Российская империя, императорская охрана, Санкт-Петербургское Охранное отделение, меры поощрения, награды

Охранная команда Санкт-Петербургского Охранного отделения занималась обеспечением безопасности трасс проезда Высочайших особ по улицам столицы, а также отвечала за охрану председателя Совета министров, некоторых министров, генерал-губернаторов и иных высокопоставленных лиц [1, с. 78]. Служба агентов была тяжелой и опасной: им приходилось дежурить на улице в любую погоду иногда по 15–16 часов подряд, рискуя стать жертвой злоумышленников, которые готовили покушение на охраняемых особ [2, л. 158 об.]. Чтобы удержать лучших агентов и стимулировать добросовестное отношение к обязанностям, руководство Охранного отделения и команды разработало достаточно сложную систему наград.

Агенты со стажем более 20 лет могли быть представлены к званию потомственного почетного гражданина. Те, кто прослужил 10 лет, представлялись к званию личного почетного гражданина. Как и нижние чины полиции и сверхсрочнослужащие нижние чины армии, агенты, большая часть которых являлась запасными и отставными унтер-офицерами гвардейских и армейских частей, получали серебряные и золотые медали «За усердие» на станиславской, аннинской, владимирской, александровской и андреевской лентах. Соответствующие списки ежегодно представлялись в градоначальство.

Награждения медалями были массовыми. В январе 1916 г. агенты, находившиеся в командировке в Тифлисе в охране великого князя Николая Николаевича, по его распоряжению были награждены медалями с надписью «За усердие». Четыре агента получили золотые шейные медали на Александровской ленте, 11 агентов – серебряные шейные на Александровской ленте, один агент – серебряной нагрудной на Станиславской ленте. В апреле последовало новое награждение. Два агента получили золотую шейную медаль с надписью «За усердие» на Александровской ленте, один – золотую шейную медаль на Владимирской ленте, 23 – серебряную шейную на Александровской ленте.

Приказом начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 16 апреля 1916 г. № 499 агенты Охранной команды, состоявшие в командировке при Ставке Верховного Главнокомандующего в 1914 и 1915 гг., были награждены медалью с надписью «За усердие». В. Измайлов получил золотую шейную медаль на Андреевской ленте. Девять

агентов были награждены золотой шейной медалью на Владимирской ленте, три – серебряной шейной на Владимирской ленте, 20 – серебряной шейной на Аннинской ленте, пять – золотой нагрудной на Аннинской ленте, три – серебряной нагрудной на Станиславской ленте.

Почетной наградой являлись золотые и серебряные часы. В феврале 1916 г. агенты П. Давыдов, В. Дмитриев, Я. Келлер, А. Киселев, Н. Семин и В. Черемных, прослужившие в команде более 30 лет, безупречно исполнявшие свои обязанности и неоднократно направлявшиеся в почетные командировки по охране членов императорской семьи, были удостоены благодарности петроградского градоначальника генерал-майора князя А. Н. Оболенского и награждены золотыми часами с цепочкой. В ноябре 1916 г. находившиеся в командировке в Могилеве в распоряжении подполковника И. В. Дукельского агенты И. Коновец, И. Севастьянов и Г. Третьяков были Высочайше пожалованы серебряными часами с изображением государственного герба России. В декабре 1916 г. агент В. Измайлов за 30-летнюю службу в Охранной агентуре и Охранной команде был награжден золотыми часами с такой же цепочкой.

Были предусмотрены и денежные награды. В марте 1909 г. ряду сотрудников Охранной команды, которые занимались специальными работами по канцелярии и команде и вследствие этого не посылались в командировки, заведующим были выданы деньги в качестве дополнительного пособия к празднику Св. Пасхи. Заведующий канцелярией штабс-капитан в отставке С. П. Улезко получил 40 р., три старших агента и прикомандированный сотрудник Охранного отделения – по 25 р., рядовые агенты – четыре человека по 10 р. и два по 5 р. Уволенному 4 апреля 1909 г. агенту Т. Заганову в качестве вознаграждения за безупречную службу было выдано жалованье за апрель. В июне 1916 г. агенту А. Крюкову, задержавшему нескольких подозрительных людей во время дежурства у салон-вагона командующего 6-й армией генерала от инфантерии Н. В. Рузского, по распоряжению начальника Санкт-Петербургского Охранного отделения было выдано в награду 15 р. В соответствии с приказом по Петроградскому Охранному отделению от 25 июня 1916 г., агентам отделения В. Прокофьеву и Н. Мартышкину и агенту Охранной команды Н. Китаеву, состоявшему в прикомандировании к Петроградскому Охранному отделению, «за умелые действия по службе, выразившиеся в задержании ими 3 июня Бурлакова, пытавшегося скрыться и угрожавшего стрельбой из имевшегося у него револьвера» [3, л. 146 об.], была объявлена благодарность начальника Отделения и выдано по 10 р. каждому.

За образцовое исполнение служебных обязанностей агенты могли удостоиться благодарности начальника Санкт-Петербургского (Петроградского) Охранного отделения. В декабре 1915 г. полковник К. И. Глобачев объявил благодарность агенту Ивану Ионину «за внимательное и аккуратное исполнение своих служебных обязанностей, выразившихся в задержании у подъезда собственного дворца великой княгини Марии Павловны неизвестной женщины, пытавшейся подойти к великой княгине во время ее выхода из дворца» [3, л. 2]. В феврале 1916 г. благодарности был удостоен агент Ф. Дейнека, который помог подняться сбитому с ног извозчиком «неизвестному господину, оказавшемуся членом Государственного Совета, бароном фон-Гойнинген-Гюне» [3, л. 50]. В ноябре 1916 г. благодарность была объявлена коллежскому секретарю М. Зубрилову, прослужившему в Охранной агентуре и Охранной команде 25 лет. В приказе отмечалось, что, «отличаясь прекрасным поведением и знанием дела, Зубрилов за время всей своей службы всегда относился к ней с должным усердием и вниманием, зарекомендовав себя энергичным, неутомимым и выдающимся работником и, как пользующийся особым доверием начальства, ежегодно находился в командировках

по охране Высочайших особ и за отличие по службе был награжден медалями и подарками до золотых часов включительно» [3, л. 247 об.].

Иногда начальник Санкт-Петербургского (Петроградского) Охранного отделения распоряжался объявить отличившимся агентам благодарность в приказе по команде. В августе 1916 г. министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского генерал-лейтенант В. И. Марков в письме на имя заведующего Охранной командой отметил, что состоявшие в его охране агенты Л. Бычков и А. Иванов «постоянно отличались добросовестным исполнением своих обязанностей, вниманием и усердием, что особенно обнаруживалось во время поездок Его Превосходительства с Всеподданнейшими докладами в Ставку Верховного Главнокомандующего» [3, л. 186 об.]. Содержание письма было доложено начальнику Петроградского Охранного отделения, который приказал объявить этим агентам благодарность в приказе по команде.

Заведующий Охранной командой мог объявить благодарность и по собственной инициативе. В феврале 1916 г. по итогам проверки несения постовой службы агентам Д. Колесникову и Н. Сулимову была объявлена благодарность «за внимание и бдительность при исполнении своих обязанностей» [3, л. 37 об.].

Агенты, находившиеся в постоянной охране Высочайших особ и высокопоставленных лиц, могли рассчитывать на назначавшиеся ими денежные награды.

Иногда они могли иметь достаточно солидный размер. В апреле 1908 г. великий князь Владимир Александрович и его супруга великая княгиня Мария Павловна распорядились выдать в качестве вознаграждения 50 р. агенту В. Дмитриеву, который сопровождал их во время поездки в Болгарию, и такую же сумму двум агентам, охранявшим великую княгиню при возвращении из-за границы. Трем старшим агентам, которые охраняли великого князя и великую княгиню в декабре 1908 г. в здании Дворянского собрания во время проведения благотворительного базара, было выдано в награду по 16 р., семи постовым агентам – по 11 р.

Щедро вознаграждали агентов представители полицейского ведомства, хорошо знавшие, что те получают достаточно скромное жалованье. Исключительной широтой души отличался бывший вице-директор Департамента полиции мВД П. И. Рачковский, что видно из следующей ведомости. В марте 1909 г. агентам было выдано 1323 р. наградных денег, в т. ч. 300 р. от П. И. Рачковского, 160 р. от Государственного Совета, 200 р. от г. министра юстиции, 400 р. от председателя Совета Министров, 150 р. от министра народного просвещения, 88 р. от Департамента полиции МВД и 25 р. от статс-секретаря П. Н. Дурново. В июле 1909 г. П. И. Рачковский выдал в награду агентам за их ревностную службу 200 р., а заведующий заграничной агентурой в Париже А. М. Гартинг – 25 р.

Весьма выгодно в денежном отношении было служить в охране товарища министра внутренних дел генерал-майора П. Г. Курлова. На Пасху в марте 1909 г. Курлов распорядился выдать денежное пособие двум старшим агентам по 25 р., а 10 постовым агентам по 10 р. В июне 1909 г. по распоряжению П. Г. Курлова два старших агента, командированные в Полтаву получили денежные награды в размере 35 р., два обходных агента – по 25 р., а 87 постовых агентов – по 15 р. В сентябре того же года за командировку в Крым старший агент получил 50 р., два постовых – по 35 р.

Агенты, находившиеся в охране начальника Главного тюремного управления действительного статского советника С. С. Хрулева, получали денежные награды из сумм Главного тюремного управления. Они были весьма существенными. Так, старшему агенту Л. Бычкову к Рождеству 1911 г. было выдано 60 р., постовым агентам – от 20 до 40 р.

Статс-секретарь великого княжества Финляндского генерал-лейтенант В. И. Марков награждал агентов своей охраны не к праздникам, а после каждой поездки. В 1916 г. он выдавал двум агентам, сопровождавшим его во время поездок в Петроград, Териоки и на дачу госпожи Кротте, расположенную неподалеку от станции Койвисто, наградные деньги в размере 5 р. за каждую поездку. Во время поездок в Ставку агенты получали по 10 р.

Иногда высокопоставленные лица регулярно выдавали агентам, принимавшим участие в обеспечении их безопасности, денежные награды, однако размер вознаграждения был достаточно скромным. Министр внутренних дел статс-секретарь П. Н. Дурново на Пасху 1908 г. распорядился выдать старшему агенту своей охраны В. Дмитриеву денежное пособие в размере 10 р., а пяти постовым – по 3 р. В декабре 1908 г., перед Рождеством, старший агент получил 7 р., а пять постовых агентов – 5 р., 4 р., 4 р., 3 р. и 2 р. соответственно.

Некоторые охраняемые лица (например, бывший московский генерал-губернатор генерал-адъютант адмирал Ф. В. Дубасов), не имея возможности назначать щедрые награды, старались регулярно выдавать хотя бы небольшие суммы. В апреле 1908 г. агентам Охранной команды Санкт-Петербургского Охранного отделения, которые несли службу по охране Дубасова, было назначено пособие к празднику Св. Пасхи. Адмирал распорядился выдать старшему агенту П. Сальникову 5 р., а пяти постовым – по 4 р. В июле 1908 г. охранники Дубасова вновь получили наградные деньги: старший – 2 р. 50 к., а младшие: четыре человека по 1 р. 50 к., один – 1 р., еще один – 50 к. В августе вознаграждение еще скромнее: 80 к. старшему агенту и по 70 к. постовым. К празднику Рождества Христова старшему и четырем постовым агентам было выдано по 2 р.

Денежные награды выдавались и иностранными высокопоставленными лицами, которые посещали Россию. В июле 1910 г. китайский принц Цзай-Тао пожаловал по 10 р. шести агентам, которые несли службу во время пребывания китайской военной миссии в Санкт-Петербурге. В сентябре 1916 г. японский принц Кан-Ин передал 100 р. для награждения 13 агентов, обеспечивавших его безопасность во время пребывания в Петрограде с 14 по 19 сентября.

Иногда награда высокопоставленных охраняемых лиц имела нематериальную форму. В мае 1909 г. помощник начальника Севастопольского жандармского управления в Ялтинском уезде ротмистр Попов уведомил заведующего Охранной командой, что агенты, командированные в Ялту для охраны великого князя Николая Николаевича, вели себя хорошо и к службе относились старательно. За это агентам была объявлена благодарность. О награде было доведено до сведения начальника Охранного отделения. В августе 1916 г. статс-секретарь великого княжества Финляндского генерал-лейтенант В. И. Марков уведомил заведующего Охранной командой подполковника Н. М. Терехова, что охранявшие его агенты «постоянно отличались добросовестным исполнением своих служебных обязанностей, вниманием и усердием, что особенно обнаруживалось во время… поездок с Всеподданнейшим докладом в Ставку Верховного Главнокомандующего» [4, л. 60], и ходатайствовал об их поощрении. Терехов в приказе по Охранной команде объявил им благодарность.

Таким образом, система поощрений агентов Охранной команды была достаточно дифференцированной. Субъектами наградной политики являлись не только прямые начальники, но и высокопоставленные охраняемые лица. Грамотное сочетание нематериальных наград (медалей, благодарностей и т.д.) и денежных премий позволяло поддерживать в агентах служебное рвение, убеждать их в том, что охрана императора, членов Дома Романовых и высокопоставленных особ – это почетное и ответственное занятие, приносящее как внешние знаки отличия, так и материальный достаток.

Список литературы

1. Казанцев П. А. Обеспечение безопасности императора, членов императорской фамилии и высших должностных лиц Российской империи в 1881–1917 гг.: институциональный аспект : дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 251 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 111. Оп. 3. Д. 64а.
3. ГАРФ. Ф. 111. Оп. 3. Д. 81.
4. ГАРФ. Ф. 111. Оп. 3. Д. 76.

Информация об авторах: *Гребенкин Алексей Николаевич*, доктор исторических наук, доцент, сотрудник, ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации» (Россия, г. Орел);
Буянский Даниил Денисович, сотрудник, ФГКВОУ ВО «Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации» (Россия, г. Орел).

УДК 908

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2021–2025 гг.: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Александр Анатольевич Гущин[1],
Олег Васильевич Ягов[2]

[1]Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия
[2]Правительство Пензенской области, Пенза, Россия
[2]Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

[1]Alone-87@yandex.ru
[2]yagovdom@mail.ru

Аннотация. Осуществлен анализ состояния и динамики развития промышленного комплекса Пензенской области за период с 2021 по 2025 г. Рассматриваются ключевые показатели, такие как оборот предприятий, объем отгруженной продукции и индекс промышленного производства, которые демонстрируют устойчивый рост и значительные достижения региона в различных отраслях, включая машиностроение, пищевую промышленность и высокотехнологичное производство.
Ключевые слова: промышленность, предприятия, инвестиции, импортозамещение, Пензенская область

Значимую роль в экономике Пензенской области играет промышленное производство. Промышленный комплекс региона включает в себя 2,5 тыс. предприятий, на которых работает более 78 тыс. чел. Промышленность Пензенской области обеспечивает поступление 44 % налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ. На долю промышленности приходится 18,6 % валового регионального продукта [1].

В 2021–2025 гг. промышленность Пензенской области претерпела определенные изменения и продемонстрировала устойчивый рост.

Значительно вырос оборот промышленных предприятий Пензенской области. Так, на производствах связанных с добычей полезных ископаемых в 2020 г. оборот составлял 1974,3 млн руб., а в 2024 г. уже 4052,1 млн руб. (0,3 % от общего оборота организаций Пензенской области). Значительно увеличился и оборот предприятий обра-

батывающей промышленности – с 226 885,1 млн руб. в 2020 г. до 430 046,9 млн руб. в 2024 г. (29,2 % от общего оборота организаций Пензенской области). В строительной отрасли оборот вырос с 34793,3 млн руб. в 2020 г. до 54817,7 млн руб. в 2024 г. (3,7 % от общего оборота организаций Пензенской области) [2, с. 35; 3, с. 32].

Объем отгруженной продукции также значительно увеличился. В 2021 г. он составил 349,6 млрд руб. (122,4 % к 2020 г.), а в 2024 г. уже 530,0 млрд руб. [4].

Показательно, что в последние годы в Пензенской области наблюдается стабильной высокий показатель индекса промышленного развития. Так, в 2021 г. он составил 100,1 %, в 2022 г. – 104,3 % (2 место среди регионов ПФО), в 2023 г. – 114,1 % (2 место среди регионов ПФО и 10 место в России), в 2024 г. – 108,2 % (5 место среди регионов ПФО и 20 место в России) [4].

По отдельным направлениям промышленность Пензенской области добилась значительных успехов. Так, Пензенская область занимает 1 место среди регионов ПФО по производству корпусной мебели [1]. При этом удельный вес производства мебели на пензенских предприятиях в общем объеме производства Российской Федерации в 2024 г. составил 12,1 % [3, с. 40].

Важное место в регионе занимает и производство продуктов питания, что вносит свой вклад в продовольственную безопасность как Пензенской области, так и страны в целом. Удельный вес производства мяса и субпродуктов пищевых домашней птицы на пензенских предприятиях в общем объеме производства Российской Федерации в 2024 г. составил 5,9 %, сахара – 6,2 %, кондитерских изделий – 3,7 % [3, с. 40].

Пищевая промышленность также демонстрирует динамичное развитие. Увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции и развитие перерабатывающих предприятий способствуют созданию новых рабочих мест и повышению уровня жизни населения. С 2020 г. по 2024 г. производство мяса и субпродуктов пищевых домашней птицы в расчёте на одного жителя региона увеличилось с 205,2 до 245,4 кг, колбасных изделий с 15,8 до 39,2 кг, мясных полуфабрикатов с 52,8 до 173,4 кг, молока с 32,1 до 31,8 кг, масла растительного с 49,3 до 64,9 кг, хлебобулочных изделий с 37,4 до 45,0 кг, сахара с 268,7 до 333,8 кг [2, с. 44; 3, с. 41].

Важную роль в промышленности страны играют и высокотехнологичные предприятия региона. Так, предприятиями биомедицинского кластера «БиоМед» производится около 70 % всех имплантируемых искусственных клапанов сердца в России и 17 % используемого при операциях хирургического шовного материала. Доля производимой продукции высокотехнологичных инженерных средств охраны предприятиями приборостроительного кластера «Безопасность» на рынке России составляет 61 %. ООО «Станкомашстрой» входит в ТОП-5 в ТОП-5 предприятий станкостроительного комплекса России. Более 60 % топливно-наливной техники в России производит АО «Завод ГРАЗ». АО «Пензаспецавтомаш» (BENZA) является лидером в России по производству контейнерных АЗС. ПАО «Биосинтез» выпускает более 170 препаратов различного сегмента, которые поставляются во все регионы России и страны СНГ. ООО «Кузнецкий технопарк» - первый в России завод полного цикла по производству и переработке эластичного пенополиуретана [1].

В Пензенской области активно реализуются проекты по модернизации производственных мощностей и внедрению новых технологий, что позволяет повысить конкурентоспособность местных предприятий.

Промышленные предприятия разрабатывают новую высокотехнологичную и импортозамещающую продукцию, в том числе: компания «ЭФ ЭМ Групп» разработала и изготовила вакуумный пресс мощностью 7,2 кВт, предназначенный для различных от-

раслей промышленности; ООО «Пензенский завод Телема Гино» ведет работы по проектированию блоков тормозных резисторов и шкафов заземления для атомных ледоколов «Лидер»; ООО «Завод Пензэнергомаш» запустило в производство резервуарные установки для нефтегазовой промышленности; АО «Пензаспецавтомаш» находятся в разработке топливораздаточные колонки и электрозарядные станции [1].

Как отметил Губернатор Пензенской области О.В. Мельниченко в интервью Российской газете по итогам Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2024): «Позитивную динамику обеспечивает, в первую очередь, обрабатывающая промышленность за счет наращивания выпуска компьютеров, электронных и оптических изделий, оборудования, транспортных средств, мебели, металлических изделий и продуктов питания» [5].

Для развития промышленности региона важным направлением является привлечение инвестиций. Объем привлекаемых инвестиций промышленных предприятий за 9 месяцев 2021 г. составил 7,6 млрд руб., в 2022 г. было реализовано инвестиционных проектов и завершена модернизация производства на общую сумму свыше 2,0 млрд руб., в 2023 г. – свыше 15,7 млрд руб., в 2024 г. – 18,7 млрд руб. [4]

По итогам 2024 г. Пензенская область вошла в топ-5 российских регионов, где создали лучшие условия для развития внешнеэкономической деятельности. Свыше 500 предприятий поставляют продукцию почти в 87 стран мира по 95 товарным позициям из 97 возможных [6].

Промышленные предприятия активно пользуются и мерами государственной поддержки, участвуют как в федеральных программах, так и в региональных. Пензенская область с 2020 г. принимает участие в реализации постановления Правительства Российской Федерации от 15.03.2016 № 194, по которому в регион привлекаются федеральные деньги на докапитализацию Фонда развития промышленности Пензенской области [4].

На заседании Ассоциации промышленников Пензенской области 27 марта 2023 г. О.В. Мельниченко отметил: «В прошлом году мы впервые предоставили гранты на компенсацию части затрат организаций, связанных с уплатой процентов по кредитам, взятым на пополнение оборотных средств. Трем системообразующим предприятиям региона предоставили льготные кредиты на пополнение оборотных средств на общую сумму 1,4 млрд рублей. Программы реализуются как по линии Правительства Российской Федерации, так и по линии Пензенской области» [7].

В 2025 г. промышленность Пензенской области сохранила устойчивый рост. Производство мебели увеличилось более чем на 16 %, бумажная промышленность показала рост свыше 45 %. Положительная динамика наблюдалась и в производстве биомедицинских изделий. По итогам года индекс промышленного производства в Пензенской области составил 101,4 % [8]. Объем отгруженных товаров собственного производства в 2025 г. составил 577 млрд руб. [9]. В 2026 г. на техническое переоснащение и поддержку предприятий планируется направить более 130 млн руб. [8]

В целом, за последние пять лет Пензенская область смогла укрепить свои позиции в промышленном секторе, активно привлекая инвестиции и внедряя инновации. Это создает основу для дальнейшего устойчивого развития региона и повышения его экономической конкурентоспособности.

Список литературы

1. Информация об итогах работы промышленности Пензенской области в 2024 году // Министерство экономического развития и промышленности Пензенской области : офиц. сайт. 2026. URL: https://clck.su/gWmam (дата обращения: 15.02.2026).

2. Пензенская область в цифрах и фактах 2020 : краткий стат. сб. Пенза : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области (Пензастат), 2021. 75 с.

3. Пензенская область в цифрах и фактах 2024 : краткий стат. сб. Пенза : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области (Пензастат), 2025. 67 с.

4. Итоги работы промышленности // Министерство экономического развития и промышленности Пензенской области : офиц. сайт. URL: https://merp.pnzreg.ru/promyshlennost/informatsiya-i-statistika/itogi-raboty-promyshlennosti/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. Дмитриев О. Олег Мельниченко: после ПМЭФ импульс к развитию получил первый в России станкостроительный кластер // Российская газета. 2024. 10 июня. URL: https://rg.ru/2024/06/10/oleg-melnichenko-posle-pmef-impuls-k-razvitiiu-poluchil-pervyj-v-rossii-stankostroitelnyj-klaster.html (дата обращения: 15.02.2026).

6. Викторов В. Олег Мельниченко отметил устойчивый рост промышленности Пензенской области // Комсомольская правда. 2025. 24 января. URL: https://www.penza.kp.ru/daily/27656.5/5040482/ (дата обращения: 15.02.2026).

7. Олег Мельниченко назвал сохранение темпов производства в числе ключевых задач 2023 года // Правительство Пензенской области : офиц. сайт. 2023. 27 марта. URL: https://pnzreg.ru/news/promyshlennost/441473/ (дата обращения: 15.02.2026).

8. На заседании правительства и Ассоциации промышленников обсудили итоги работы за 2025 год // ГТРК «Пенза». 2026. 4 марта. URL: https://russia58.ru/news/747667/#gsc.tab=0 (дата обращения: 29.03.2026).

9. Промышленное производство. Январь-декабрь 2025 г. // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области : офиц. сайт. URL: https://58.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Промышленное%20производство%20Пензенской%20области%20за%20январь-декабрь%202025%20года.pdf (дата обращения: 29.03.2026).

Информация об авторах: *Гущин Александр Анатольевич*, кандидат исторических наук, проректор по научной работе, ГАОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области» (Россия, г. Пенза);

Ягов Олег Васильевич, первый заместитель Председателя Правительства, Правительство Пензенской области; доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47)

ПРОБЛЕМА ВЫВОДА СОВЕТСКИХ/РОССИЙСКИХ ВОЙСК ИЗ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1989–1994 гг.

Матвей Алексеевич Дёмин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

matveydemin12@mail.ru

Аннотация. Анализируется проблема вывода советских/российских войск из стран Восточной Европы в 1989–1994 гг. в историографии. В частности, акцентируется внимание на взглядах Р. Г. Пихои и В. В. Согрина. Рассматриваются особенности переговорного процесса с принимающими государствами, организационно-логистические и политические трудности, возникшие при выводе войск из стран Восточной Европы в 1989–1994 гг.

Ключевые слова: вывод войск, Восточная Европа, военная политика, межгосударственные отношения, трансформация системы безопасности
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора, декана историко-филологического факультета ПГУ О. А. Суховой.

Одним из ключевых процессов в рамках завершения «Холодной войны», изменения геополитической ситуации и трансформации системы безопасности стала проблема вывода советских войск из стран Восточной Европы. Военно-политическая карта Европы на завершающем этапе «Холодной войны» начала обновляться. Советское военное присутствие было повсеместно и постепенно ликвидировано в масштабе таких территорий, как Германская Демократическая республика (ГДР), Чехословакия, Польша, Венгрия и Болгария. Вывод советских войск из стран Восточной Европы в рассматриваемый период ознаменовался не только выводом с европейской территории физической и технической составляющей, но и сменой парадигмы в политическом, социально-экономическом и логистическом пространстве [1].

К 1980 г. присутствие советских войск в странах Восточной Европы стало обременительным и затруднительным для Советского союза. Проблемы, обусловившие необходимость вывода советских войск, отражены на рисунке 1.

Рис. 1. Проблемы, обусловившие необходимость вывода советских войск из стран Восточной Европы в 1989–1994 гг. (с 1991 г. – российских войск)

В первую очередь необходимость вывода советских войск из стран Восточной Европы в 1989–1994 гг. была обусловлена экономическими издержками. В условиях постоянно нарастающего кризиса, не снижающейся инфляции и увеличивающегося недовольства народных масс содержание групп войск стало затруднительным для бюджета Советского союза, от которого требовались ассигнования.

Во-вторых, политическое давление стран Восточной Европы также способствовало процессу выводы советских войск с их пространства. С постепенным падением коммунистических и социалистических режимов в странах Восточной и Центральной Европы новые власти требовали скорейшего вывода советских войск с их территории с целью налаживания своей системы органов власти и управления. Вывод советских войск из стран упомянутого пространства начался в 1990 г. При этом военный структуры Организации Варшавского договора (ОВД) начали упраздняться странами-участниками военным путем 25 февраля 1991 года, а уже 1 июля 1991 г. в Праге был заключен и подписан Протокол о полном прекращении действия деятельности ОВД и Совета взаимопомощи [2, с. 8].

В-третьих, международная обстановка в условиях сложившегося комплексного кризиса в экономической и социально-политической сферах также обязали Советский союз начать вывод своих войск с территориального пространства стран Восточной Европы. В ходе Мальтийского саммита, прошедшего в 1989 г., было принято решение между Советским союзом и Соединенными Штатами Америки (США) о невмешательстве в дела восточноевропейских стран. Данное решение предоставляло широкие возможности для протекания уже начавших зарождаться на территории Восточной Европы демократических революций. Итогом окончания конфронтации в восточноевропейском регионе стало заключение в 1990 г. «Парижской хартии», которая ознаменовала начало эры демократии.

Рассматривая локальные аспекты вывода советских войск из стран Восточной Европы, отечественные историки придерживаются разных позиций. Наиболее примечательной представляются мнения Р. Г. Пихои и В. В. Согрина.

Р. Г. Пихоя, рассматривая обстановку, обусловившую необходимость вывода советских войск из Чехословакии в 1990-е гг., соотносил ее с предыдущими действий и указаниями советской власти. В своей книге «Советский Союз. История власти. 1945–1991» он отмечает, что неуспешная политика советского государства в 1989–1990-е гг. и сложившиеся социально-экономические и логистические проблемы обусловлены изначальным поспешным решением о вводе войск в Чехословакию в 1968 г. Данное решение советской власти Р. Г. Пихоя определяет, как «провал советского руководства» [3].

В своей статье «Чехословакия 1968 г. Взгляд из Москвы» историк указывал, что «программа действий» лишь легализовала и одобрила те процессы, которые происходили в чехословацком обществе. Здесь стала возрождаться деятельность партий Национального фронта, существовавших ранее лишь формально. В партию вступали десятки тысяч новых членов, преимущественно из молодёжи» [4].

После роспуска Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи вывод советских войск активизировался не только из Чехословакии. О необходимости покинуть военным частям Советского союза территории Восточной Европы начали заявлять Польша, Германия и Венгрия. 12 сентября 1990 г. между М. С. Горбачевым и Г. Колем был подписан договор о скорейшем выводе советских войск с территории ГДР. Он предусматривал, что советские войска должны покинуть территорию Германии до 1994 г. [1].

Аналогичного взгляда с мнением Р. Г. Пихои придерживается В. В. Согрин, который потерю власти М. С. Горбачевым отождествляет с его личными просчетами и ошибками, а также слабостью и нерешительностью. Он подчеркивает, что крушение коммунистических систем в Восточной Европе, начавшееся в 1989 гг., стало катализатором подъема демократического движения. В рамках сложившейся обстановки начинающие демократы получили возможность легальным путем прийти к власти [5].

Исходя из анализа точек зрения Р. Г. Пихои и В. В. Согрина, можно прийти к выводу о том, что ошибки и просчеты советского руководства, а также несостоятельность и нерешительность отдельных фигур в политическом пространстве стали еще одной проблемой, предопределившей необходимость выводы советских войск из стан Восточной Европы в 1989-1994 гг.

Сам процесс вывода советских войск с территории Восточной Европы сопровождался рядом проблем. Они отражены на рисунке 2.

Рис. 2. Проблемы, возникшие в ходе вывода советских войск с территории Восточной Европы в 1989–1994 гг. (с 1991 г. – российских войск)

Правовое оформление вывода советских войск с территории стран Восточной Европы также оказалось затруднительным для Советского союза. Во-первых. Некоторые страны устанавливали короткие сроки для ликвидации военных частей, например ГДР был установлен срок 4 года, как уже было указано выше, а Венгрией и Чехословакией – только 1–2 года. В ряде случаев, во-вторых, России приходилось отказываться от доли имущества в пользу принимающих государств [3, с. 198].

Логистические и технические сложности вывода советских войск с территории Восточной Европы были обусловлены большой численностью – более 500 тыс. военнослужащих, без учета их семей и десятков тысяч технических единиц. Вывод советских войск из стран Восточной Европы также обременялся спорами, возникающими по поводу имущества и возмещения убытков за эксплуатацию инфраструктуры советскими войсками. Например, из Польши вывод российских войск был закончен в срок (за 2 года), но для его осуществления России пришлось уступить часть складов и техники в пользу принимающего государства.

Таким образом, вывод советских, а затем российских войск с территории стран Восточной Европы в 1989–1994 гг. стал проблематичным и затруднительным процессом. Сама сложившаяся обстановка, вызвавшая экономический и социально-политический кризисы, в том числе, вызванная ошибками и несостоятельностью советской власти, на что указывают в своих работах Р. Г. Пихоя И В. В. Согрин. Обусловили необходимость ликвидации советских войск с восточноевропейского пространства.

Сам процесс вывода советских войск из Восточной Европы также сопровождался рядом проблем. В их числе неравноправные соглашения и специфика правового оформления данного процесса, выразившаяся, преимущественно, в кратчайших сроках необходимости вывода войск. При осуществлении данного процесса также возникли логистические и техническое проблемы, которые сопровождались спорами о возмещении имущества и убытков за эксплуатацию инфраструктурой принимающих стран.

Список литературы

1. Серенкова В. В. Венгерский круглый стол 1989 года как механизм общественно-политической трансформации // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследо-

вателей. 2015. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vengerskiy-kruglyy-stol-1989-goda-kak-mehanizm-obschestvenno-politicheskoy-transformatsii?ysclid=mopwm2hbh8550357073 (дата обращения: 17.03.2026).

2. Шишелина Л. Н. Договоры о дружбе и сотрудничестве между Россией и странами Центральной Европы: 30 лет спустя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 5. С. 7–16.

3. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. М. : Изд-во РАГС, 1998. 734 с.

4. Пихоя Р. Г. Чехословакия, 1968 год. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 3–20.

5. Согрин В. В. Политическая история современной России: 1985–2001: от Горбачева до Путина. М. : ИНФРА-М : Весь Мир, 2001. 260 с.

Информация об авторе: *Дёмин Матвей Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93

ВЛИЯНИЕ ОКРУЖЕНИЯ НА ПРАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ПРИНИМАЕМЫЕ ИМИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

Валерия Сергеевна Дробенчук

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

drobenchuk@list.ru

Аннотация. На основе привлечения материалов частной переписки, рескриптов, грамот (в том числе находящихся на хранении в РГИА) рассматриваются отдельные представители из окружения Екатерины II, императоров Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, а также их влияние на политику, проводимую правителями Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, политические решения, окружение правителей, фаворитизм, Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Михаил Павлович, Иоанна Лович, Александр II, Н. М. Муравьёв, П. П. Коновницын, А. С. Шишков

Во все времена окружение правителей играло важную роль в принятии решений и управлении страной. Вне всяких сомнений, без «птенцов гнезда Петрова» не было бы проведено большинство реформ Петра I. Иногда фавориты имели настолько сильное влияние на правителя, что правление самодержца входило в историю под именем фаворита. Яркий пример – «Бироновщина», Анна Иоанновна не принимала важных решений без своего фаворита Эрнста Иоганна Бирона, который фактически правил вместо неё.

Обширную переписку вели Николай I и Михаил Павлович: о восстании декабристов, о присяге, флоте, войне и семейных делах [1, л. 1]. Это позволяет сделать вывод, что Николай I был близок с Михаилом Павловичем. Они имели общие мировоззрения, т.к. оба воспитывались графом Петром Петровичем Коновницыным [2, л. 1]. До графа Коновницына великих князей воспитывал генерал Матвей Иванович Ламсдорф, отличавшийся строгостью. В 1800 году Павел I поручил ему воспитывать двух младших великих князей.

Консервативная политика Николая I, в частности, создание Третьего отделения личной канцелярии и подавление Польского восстания 1830-1831 гг, объясняется вли-

янием М. И. Ламсдорфа и П. П. Коновницына. Оба воспитателя – военные деятели, которые прививали своим воспитанникам железную дисциплину, иногда достаточно суровыми методами.

Кроме того, одним из корреспондентов Николая I и Александры Фёдоровны была жена Константина Павловича – Иоанна Лович [3, л. 1]. Будущий император Александр II был знаком с женой своего дяди и был о ней настолько высокого мнения, что это повлияло на его решение по январскому восстанию 1863–1864 гг. Восстание было подавлено, но если бы не Михаил Николаевич Муравьёв, то многим преступникам удалось бы избежать наказания, так как польское политическое лобби в Петербурге было весьма могущественным и пленных мятежников из «хороших семей» отпускали по ходатайству влиятельных лиц. Учитывая масштаб восстания, жестокость восставших по отношению к тем, кто не разделял их идею, наказание, постигшее поляков, было весьма мягким. О жестокости польских мятежников можно судить по двум доносам, отправленных М. Н. Муравьеву.

Отрывок первого доноса: «...Что главный революционный комитет состоит в Варшаве быть может, но помимо этого комитета существует другой комитет близ самого царя, состоящий большей частью из знатных по рождению полячек, которые действуют под руководством Нарышкиной, Долгорукой, Голицыной, Рашет, Плятер и других лиц, фамилий которых я не мог упомнить. Этот Комитет, кроме политической цели на погубление России, имеет намерение скоро погубить Вас [М. Н. Муравьева]. Он развивает страшный патриотизм в поляках, имеющих свое пребывание в России, в особенности в тех которые католики. Для различных незначительных переговоров полячки преимущественно собираются у графини Екатерины Плятер живущей в Сергиевской улице; близ Гагаринского переулка, с другими лицами польской крови;

... 28 июня 1863» [4, л. 22].

Отрывок второго доноса: «Его Высокопревосходительству Господину военному Муравьеву в Вильно губернатору Виленскому, Ковенскому и Гродненскому

Дворянин Ковенской губернии Тельшевского уезда Губернский секретарь Пётр Псилговский жительствующий в городе Шавмъ и в местечке Сядъ средь бунтовавшего своего собратия остался якобы верен правительству, но эта верность его больше вредна, чем если бы он открыто приступил к мятежу...

Это чтобы мочь содействовать извне и сообщить им все нужные сведения, он тщательно исполняет возложенную на него обязанность, ибо, проезжая часто из местечка Сядъ в г. Шавли и обратно, сообщает мятежникам все сведения, доставляет припасы, привербует многих к мятежу и вообще содействует ему гораздо больше нежели одно лицо его могло содействовать при открытом преступлении к оному.

13 августа 1863» [4, л. 59].

Деятельность Муравьева в Польше и Северо-Западном крае началась еще до мятежа 1830-1831 гг.: он подавал императору Николаю I записку, в которой подчеркивал, что в Северо-Западном крае мало что изменилось по сравнению с временами Речи Посполитой. Муравьев пытался усилить русское влияние в Польше и бороться с «ополячиванием» в Белоруссии. Если при Николае I Михаил Николаевич не занимал ключевых постов, то с воцарением Александра II ситуация изменилась к лучшему: в 1856 он назначается председателем Департамента уделов, а в 1857 уже получает пост министра государственных имуществ, где Муравьев сыграл огромную роль в освобождении крестьян [5, с. 7].

Один из видных деятелей, живший на рубеже XVIII-XIX вв., Александр Семёнович Шишков, оказывал влияние на политику целого ряда Романовых: он служил при

Екатерине II, Павле I, Александре I и Николае I. При Екатерине II Шишков дослужился до генерала-лейтенанта [6, л. 1]; при Павле I пребывал в чине вице адмирала и 3 декабря 1799 г. стал кавалером ордена Святой Анны; при Александре I 30 августа 1814 г. стал кавалером ордена Святого равноапостольного Князя Владимира первой степени, 25 декабря 1812 г. стал кавалером ордена святого Александра Невского [6, л. 4]. Кроме того, Мария Фёдоровна, имевшая большой вес и власть при своем сыне-императоре, 22 июня 1821 г. избрала Александра Семёновича в члены Советов, учрежденных при Обществе Благородных девиц и училищ Ордена Святой Екатерины [6, л. 7]. 15 мая 1824 г. император Александр I назначил Шишкова Министром Народного Просвещения [6, л. 8].

Романовы ценили заслуги Шишкова: 12 ноября 1817 г. Константин Павлович, по просьбе Александра Семёновича, определил его племянника кадетом в первый Кадетский корпус.

При Николае I, в связи с состоянием здоровья, Шишков подает прошение об отставке, которое император удовлетворил [6, л. 11]. Однако, он остается близким императорской семье, ему пишут дочери и сестры императора [6, л. 9].

Большую часть своей деятельности Александр Семёнович провел при правлении Александра I. Он был одним из тех, кто направлял молодого императора на путь либеральных реформ.

Таким образом, можно сделать вывод, что окружение имело сильное влияние на правителей как из-за родственных связей, так и из-за идеологической близости. В отличие от XVIII вв., в XIX в. правители Российской Империи подбирали свое окружение более вдумчиво, основываясь на уме и таланте личности, а не только на личных предпочтениях. Примеры А.С. Шишкова, служившего четырем императорам, и М. Н. Муравьева, способности и деятельность которого были оценены Николаем I и Александром II, подтверждают эту тенденцию. Тем не менее, как показывает переписка между Николаем I и Михаилом Павловичем, родственные связи продолжали играть важную роль. Привлечение большего количества архивных материалов позволит расширить и уточнить механизмы влияния ближайшего окружения на принятие политических решений.

Список литературы

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 706. Оп. 1. Д. 71.
2. РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 36.
3. РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 74.
4. РГИА. Ф. 1670. Оп. 1. Д. 9.
5. Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедева. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 458 с.
6. РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1.

Информация об авторе: *Дробенчук Валерия Сергеевна*, старший преподаватель кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (Россия, г. Санкт-Петербург).

УДК 94

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ В СИБИРИ В XVII в. КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛОНИЗАЦИИ

Иван Алексеевич Ермаков

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

ivanermakov2004@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности строительства городов в Сибири в XVII в. Оцениваются роль первых русских городов в экономическом развитии Сибири, в освоении региона, их функции.

Ключевые слова: освоение Сибири, XVII в., остроги, города, торговля, зимовье, промышленники, коренное население

Благодарность: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Т. Н. Кузьминой.

Процесс включения сибирских территорий в состав России был неразрывно связан с их экономическим освоением. Эти два аспекта представляли собой единый механизм, способствовавший интеграции Сибири в государственную систему. В первой половине XVII в. русские отряды активно продвигались в Восточную Сибирь, закладывая вдоль рек Обь, Енисей и Лена, в том числе в Енисейске и Красноярске, укрепленные поселения – остроги. Эти небольшие, удаленные друг от друга крепости служили центрами, вокруг которых постепенно формировались новые населенные пункты, как временные, так и постоянные [1, с. 9].

Строительство сибирских крепостей и городов велось по единому образцу. В указанный район прибыл воинский контингент под началом опытного полководца. В его рядах находились разнородные воинские формирования и специалисты: стрельцы, казаки, «литва», артиллеристы, служилые татары, ремесленники (плотники), духовные лица и прочие. После определения места для строительства крепости, войско занималось лесозаготовками, под руководством плотников возводило оборонительные укрепления, храм, административные и жилые здания. Затем они приступали к охране рубежей и сбору ясака [2, с. 195].

Многие эти города выросли из первоначальных, зачастую временных, поселений, известных как зимовья, которые использовались охотниками и служилыми людьми. Эти зимовья не были однотипными. Простейшие, называемые «промышленными зимовьями», представляли собой неукрепленные дымные избы с пристройками, плоской крышей и крошечными окнами. Однако со временем появились и более сложные варианты. Например, зимовья с «нагородями» имели над плоской крышей бревенчатую конструкцию высотой около метра, напоминающую крепостную башню. Некоторые из них даже оснащались тыновой оградой с бойницами, что придавало им вид небольших крепостей [3, с. 60].

Остроги также отличались друг от друга в зависимости от способа постройки. Несмотря на то, что в основном они были представлены вертикально вкопанными бревнами, их конструкция могла варьироваться. Их стены могли быть спроектированы как прямостоящими, так и наклонными внутрь укрепления. Кроме того, верхняя часть стен могла быть оборудована боевой площадкой или же обходиться без таковой. Способ установки также варьировался: бревна могли быть заглублены в грунт или же

устанавливаться непосредственно на поверхности на опоры, что было характерно для так называемых "косых острожков". Высота стен также могла существенно отличаться, достигая шести метров или оставаясь в пределах четырех. Не менее важным отличием острогов было количество и архитектурное оформление их башен [3, с. 60].

Если острог имел более четырех башен, то он мог называться «городом». Тем не менее, главное различие между «городом» и «острогом» определялось не количеством башен, а качеством и типом оборонительных стен. «Город» подразумевал наличие более прочных, «рубленых» стен, часто построенных по принципу «городней». Эти «городни» представляли собой прямоугольные бревенчатые срубы, соединенные друг с другом и с башнями, создавая таким образом непрерывную и мощную защитную линию, напоминающую цепь соединенных строений [4, с. 66].

Городские оборонительные башни, часть крепостных стен различались по размеру, форме и функциям. Основание чаще всего было квадратным или прямоугольным. Встречались также многоугольные башни, условно "круглые", среди которых преобладали шестиугольные как более простые. Например, шестиугольная башня в Удинском остроге или Проездная башня в Новой Мангазее, которая имела двухъярусную конструкцию: восьмиугольный верхний и шестиугольный нижний ярусы. Конструкция башен в первую очередь отражала их оборонительную роль. Так в стенах были проделаны бойницы, позволяющие вести огонь из различного оружия. Каждый из четырех этажей, оснащенных этими проемами, предоставлял достаточно места для размещения защитников. Большинство башен были укреплены зубчатыми стенами с бойницами по всему периметру, а на самой вершине располагалась наблюдательная вышка для контроля над территорией [5, с. 15].

Помимо оборонительных функций, башни выполняли одновременно и хозяйственные и иные функции: служили амбарами-хранилищами, тюрьмами, караульными и жилыми помещениями; в башнях устраивались также часовни и церковные звонницы. Вместе с тем в крепостные стены нередко встраивались всякого рода хозяйственные и культовые постройки, которые в случае необходимости выполняли роль фортификационных сооружений [4, с. 68].

При создании городов в Сибири колонисты уделяли особое внимание обороне и близости к рекам. Рельеф местности играл ключевую роль: города на мысах напоминали сектора радиально-кольцевой системы, а расположенные у берега – половину круга. Встречались и линейные планировки. Прямоугольные стены посадов и расположение ворот придавали застройке относительную регулярность [6, с. 42].

Каждый город имел свои особенности: болота разделяли Томск XVII в. на отдельные части, в Тюмени улицы были прямыми, Тара стоит между двумя оврагами [2, с. 195], а восточносибирские города, такие как Илимск и Селенгинск, вытягивались вдоль рек. Тобольск, столица Сибири, демонстрировал постепенное формирование радиально-кольцевой уличной сети, зависящей от дорог, береговой линии и крепостных стен.

При основании сибирских городов Москва, хоть и продумывала каждый шаг, не ставила природные факторы во главу угла при выборе места. Решающее значение имели другие соображения. Основной целью было размещение городов и острогов в районах с высокой концентрацией ясачного населения. Поселения в Сибири рассматривались как ключевые опорные пункты для освоения новых земель и как средство защиты от враждебных народов. Важную роль играл и контроль над торговыми маршрутами, обеспечивавший значительные поступления в казну. Однако такой подход часто приводил к неудобствам для жителей. Города, расположенные в низинах, страдали от

наводнений, а в других случаях возникали проблемы с водоснабжением. Интересно, что остроги, подверженные затоплению, часто перемещались, но оставались в своих районах, поскольку их присутствие там было критически важным. Для поселений, расположенных на возвышенностях, главной опасностью были пожары. Эта беда, общая для всех русских городов, особенно сильно сказалась на развитии Тобольска, столицы Сибири. С 1658 по 1701 г. он пережил десять пожаров [4, с. 71].

Как уже было сказано выше, в отличие от городов Европы и даже Центральной части России, в Сибири XVII в. город в большей степени носил военно-служилый характер [7, с. 24]. Данный факт подтверждает то, что коренные жители нередко участвовали в возведении оборонительных сооружений – острогов и крепостей. Мотивацией для такого участия послужило желание значительной части аборигенов региона обрести покровительство мощного Русского государства, спасаясь от набегов степных народов и гнета со стороны отдельных влиятельных восточных племен. В качестве примера можно привести челобитную томских татар русскому царю, которая существенно повлияла на основание и развитие Томска, а также участие прибайкальских бурят в строительстве Иркутского острога [1, с. 20].

Помимо этого, каждый город выполнял и другие жизненно важные функции – административную, налогово-финансовую, культовую, перевалочно-транспортную, торговую, промышленную и др. [3, с. 67], т. е. становились административными центрами, которые населяли «служилые люди», занимавшиеся сбором ясака, служили перевалочными пунктами для торговли и перемещения по территории края, местом сосредоточения торговли и становились промышленными центрами. Так, например, первые города Сибири, такие как Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Томск и Енисейск, возникли и развивались в первую очередь как экономические центры, специализирующиеся на судостроении, обеспечении речных перевозок и торговых операциях [1, с. 27]. А развитие таких городов как Омск, Томск, Красноярск, Братск, Иркутск, Якутск сыграло важную роль не только в развитии внутреннего обмена и торговли, но и в установлении торговых отношений с Китаем [8, с. 458].

Сибирские города тесно переплетались с сельским хозяйством, поскольку многие горожане владели и обрабатывали пашни за пределами городских стен. Это объясняется их изначальным предназначением: они создавались не как торговые или ремесленные центры, а как опорные пункты государственной власти, призванные закрепить русское присутствие на новых землях [9, с. 157].

Исследования подтверждают, что в каждый конкретный момент для каждого города существовала одна, определяющая его характер функция. Тем не менее, даже не достигнув полного социально-экономического развития, сибирские укрепленные поселения играли ключевую роль в истории региона [3, с. 157]. К началу XVIII столетия, благодаря усилиям служилых людей и представителей других сословий, в Сибири было возведено порядка 150 крепостных сооружений. Из них только 20, как наиболее значимые, функционировали в XVII в. в качестве уездных центров, среди которых были Тюмень, Тобольск, Томск и Якутск. Хотя на фоне 10 миллионов квадратных километров территории Сибири это число может показаться незначительным, оно приобретает особую ценность, если учесть дефицит людских ресурсов, крайне низкую плотность населения и суровый климат региона. Невозможно переоценить роль этих, на первый взгляд, скромных очагов европейской цивилизации в ее восточном воплощении для истории Северной Азии. . Они наиболее ярко представляли новую, русскую Сибирь для коренных народов, способствовали интеграции этого огромного и дикого региона и, обладая существенным экономическим потенциалом, заложили основу для всех будущих преобразований зауральских земель [3, с. 67]. Обеспечивая безопасность и условия для развития хлебопашества,

торговли и промыслов, они создавали условия для дальнейшего более крепкого взаимодействия коренного населения и переселенцев [1, с. 28].

Таким образом, строительство городов как укреплённых поселений, наравне с походами первопроходцев и военными предприятиями казаков и воевод являлось ключевым фактором освоения Сибири и включения этого региона в состав Российского государства. Освоение русскими обширных территорий от Урала до Тихого океана и развертывание там хозяйственной деятельности было тесно связано с появлением сибирских городов. Эти города не только создавали условия для экономической активности, но и, в свою очередь, стимулировали ее развитие, что приводило к их дальнейшему возникновению и распространению по региону.

Список литературы

1. Оглы Б. И. Строительство городов Сибири. Л. : Стройиздат, 1980. 272 с.
2. Тихонов С. С. Планиграфические особенности сибирских городов конца XVI – начала XVII века (по материалам «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова) // Баландинские чтения : сб. ст. XIII науч. чтений памяти С. Н. Баландина. 2018. № 1. С. 195–198.
3. Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М. : Наука, 1987. 176 с.
4. Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М. : Просвещение, 1990. 144 с.
5. Березиков Н. А. Крепостное зодчество в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Баландинские чтения. 2016. № 1. С. 12–17.
6. Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Особенности планиграфии и благоустройства сибирского города в XVI–XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 3 (38). С. 41–50.
7. Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск : ИДМИ, 2001. 113 с.
8. Угольков И. А. Развитие торговли в Сибири в XVII веке // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация : материалы IV Междунар. науч. конф. М. : Московский художественно-промышленный институт, 2020. С. 456–461.
9. Хромых А. С. История Сибири (конец XVI – начало XVIII века) : учеб. пособие. Красноярск, 2014. 320 с.

Информация об авторе: *Ермаков Иван Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93/94

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В 1945–1953 гг.: ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Арина Игоревна Исионова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

arishka-isa@mail.ru

Аннотация. Раскрываются особенности и противоречия советского кинематографа в 1945–1953 гг. Особое внимание уделено подготовке кадров для советского кинематографа, в первую очередь во ВГИКЕ.

Ключевые слова: кинематограф, послевоенные годы, подготовка кадров, ВГИК, цензура, идеологический контроль, образ советского гражданина
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. А. Власова.

Послевоенный период 1945–1953 гг. стал для советского кинематографа временем глубоких противоречий. С одной стороны, страна переживала невероятный подъем, энтузиазм Победы и потребность в искусстве, которое отразило бы величие подвига и трудности восстановления. С другой – жесткий идеологический контроль, кампании против «космополитизма», постановление ЦК ВКП(б) «О кинофильме «Большая жизнь»» (1946 г.), в котором говорилось, что фильм «порочен в идейно-политическом и крайне слаб в художественном отношении» [1, с. 598–599], а также «ждановщина» наложили суровые ограничения на творчество. В этих условиях система подготовки кадров – актеров, режиссеров, сценаристов, операторов – оказалась на острие ключевых задач: не просто воспитать профессионалов, но и сформировать творческих советских работников, верных партийным установкам. Этот процесс характеризовался уникальным сплавом выдающихся традиций, бюрократического диктата и ответа на вызовы времени.

Система кинематографического образования в СССР в 1945 г. уже имела устоявшуюся структуру, центром которой был Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК). Его не без основания считали сердцем отечественной киноиндустрии. Уникальность ВГИКА заключалась в синтезе фундаментального гуманитарного образования и узкопрофессиональной подготовки внутри единого вуза. Однако война нанесла вузу серьезный урон: многие педагоги и студенты ушли на фронт, часть института была в эвакуации [2]. Первой задачей стало восстановление полноценного учебного процесса. Киновузы подверглись реорганизации учебных планов. Усиливались циклы историко-партийных дисциплин, теории марксизма-ленинизма.

В творческих мастерских, которые традиционно вели выдающиеся режиссеры (С. Эйзенштейн, Г. Козинцев, М. Ромм и др.), от студентов требовали не только формального следования идеологическим установкам, но и демонстрации «правильного» понимания образа жизни советского гражданина. Подготовка актеров в послевоенный период характеризовалась несколькими ключевыми тенденциями. Во-первых, сохранялась и укреплялась сильная театральная основа обучения. Доминирующей методологией оставалась система Станиславского, трактуемая, однако, сквозь призму соцреализма. Акцент делался на «переживании», направленном на создание типического, идеологически ясного образа (руководитель, колхозник, ученый, враг). Выпускники должны были владеть классическим репертуаром, техникой сценической речи и движения, что обеспечивало высокий профессиональный уровень. Педагогами были звезды театра и кино (Б. В. Бибиков, О. И. Пыжова, С. А. Герасимов и др.), чей авторитет был непререкаем.

Во-вторых, огромную роль играл личный жизненный опыт. На студенческие скамьи ВГИКа и театральных институтов пришли фронтовики, чье понимание героизма, страдания и долга было выстрадано и подлинно [3, с. 181]. Режиссеры ценили в них «правду жизни», отсутствие наигранности. Такие актеры, как Ю. В. Никулин, В. В. Тихонов, А. Д. Папанов, прошедшие войну, привнесли в кинематограф особую психологическую глубину, даже играя в рамках строгих канонов [4, с. 34].

В-третьих, идеалом женского образа стала не роковая красота или бытовая простота, а сочетание духовной силы, скромности и беззаветной преданности делу партии и лично Сталину. Актрисы должны были воплощать образ «матери-Родины», верной подруги героя или самоотверженной труженицы [5, с. 340–341].

Подготовка режиссеров была наиболее идеологически нагруженной. От будущего постановщика требовалось быть не просто организатором съемочного процесса, а «инженером человеческих душ», ответственным за идейное содержание фильма [6, с. 234–236] Студентов учили не только режиссуре и работе с актером, но и драматургии, монтажу, операторскому искусству. В программах обучения акцент смещался с новаторских поисков 1920-х гг. на овладение канонами нарративного, понятного массовому зрителю кино. Ключевой фигурой был Сергей Герасимов, создавший свою знаменитую «мастерскую», где царил дух творческого коллективизма.

Все киноработы проходили многоступенчатую цензуру в Госкино и отделе пропаганды и агитации ЦК партии. Учились не отклоняться от утвержденного текста, находить визуальные эквиваленты для политических лозунгов. При этом великие педагоги-режиссеры, такие как Сергей Эйзенштейн, старались в рамках дозволенного передать студентам секреты монтажного мышления, работы с кадром, актером, закладывая основы для будущего кинематографического «оттепельного» поколения [7, с. 341–343].

Война стала мощным катализатором и для операторского искусства. Фронтовые кинооператоры, прошедшие через реальные сражения, привнесли в художественное кино беспрецедентную динамику, документальную достоверность и смелость в работе с ракурсами и светом. После войны их опыт был систематизирован в учебных программах. От оператора требовалось не только виртуозное владение техникой, но и умение средствами композиции, освещения возвеличить героя, создать эпический или, наоборот, камерно-лирический образ в строгом соответствии с режиссерским замыслом, одобренным сверху.

Подготовка сценаристов велась на Высших сценарных курсах и в Литературном институте. Это была, пожалуй, самая сложная и идеологически уязвимая специализация. Сценарист должен был стать первым фильтром идеологического контроля, создавая истории, лишенные конфликтов «между хорошим и очень хорошим», прославляющие коллективный труд, изобличающие «космополитов» и «низкопоклонников перед Западом» (кампания по «борьбе с космополитизмом» 1948–1953 гг. напрямую затронула кинематограф) [8, с. 57–58]. При этом формально требовалось следовать драматургическим канонам, создавать запоминающихся персонажей, что в условиях жестких тематических ограничений было тяжёлым трудом.

Результатом стало «малокартинье», которое было связано с идеализацией, жесткой цензурой и послевоенными экономическими трудностями [5, с. 340-341]. Именно в этой практической «борьбе за фильм» и происходило реальное, часто болезненное столкновение романтических идеалов, полученных во ВГИКе, с суровой производственно-идеологической реальностью.

Подготовка кинокадров в 1945–1953 гг. представляла собой сложный и противоречивый феномен. С одной стороны, она сохранила и передала эстафету великих традиций русского и советского искусства, фундаментальность школы, культ профессионального мастерства. Были воспитаны выдающиеся мастера, которые через несколько лет, в эпоху «оттепели», совершат прорыв в мировое кино. С другой стороны, система была скована идеологическими путами, изоляционизмом и страхом. Двойственность задачи – воспитать творца и агитатора – определяла внутренние конфликты всего процесса.

Этот период стал суровой проверкой на прочность для советской кинопедагогики. Полученный ею уникальный, часто травматический опыт подчинения искусства государственному заказу и последующего преодоления этих рамок во многом определил специфику и величие всего советского кинематографа второй половины XX в.

Список литературы

1. Власть и художественная интеллигенция : документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост.: А. Н. Артизов, О. В. Наумов ; под ред. А. Н. Яковлева. М. : Международный фонд «Демократия», 1999. 873 с.
2. История. 1941–1945 гг. Всероссийский государственный университет кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК) : офиц. сайт. 2026. URL: https://vgik.info/stages-history/ (дата обращения: 09.12.2025).
3. Фомин В. И. История российской кинематографии (1941–1968 гг.): управление, общественные организации, репертуарная политика, кинопроизводство, кинофикация, кинопрокат, кинотехника, зарубежные связи, подготовка кадров. М. : Канон-Плюс, 2019. 735 с.
4. Исаева К. М. История советского киноискусства в послевоенное десятилетие : учеб. пособие. М. : ВГИК, 1992. 74 с.
5. Зоркая Н. М. История советского кино. СПб. : Алетейя, 2005. 544 с.
6. На пепелище. Советское послевоенное кино. 1945–1953 гг.: документы и свидетельства / авт.-сост. В. И. Фомин. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024. Кн. 1. 700 с.
7. Эйзенштейн С. М. Избранные произведения : в 6 т. / сост.: П. М. Аташева [и др.]; гл. ред. С. И. Юткевич ; вступ. ст. Р. Юренева. М. : Искусство, 1966. Т. 4. 788 с.
8. Очерки истории советского кино : в 3 т. Т. 3: 1946–1956 / под ред. Ю. С. Калашникова, Н. А. Лебедева, Л. П. Погожевой, Р. Н. Юренева. М. : Искусство, 1961. 778 с.

Информация об авторе: *Исионова Арина Игоревна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ПАВЛА I: ПОПЫТКА СДЕЛАТЬ ИЗ РУССКОЙ АРМИИ ПРУССКУЮ

Вадим Александрович Карнопов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

vadimkarnopov876@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные мероприятия по реформированию русской армии в период правления Павла I. Анализируется основная тенденция – реформирование армии по прусскому образцу.

Ключевые слова: Павел I, военная реформа, Пруссия, прусская армия, восприятие реформы

Благодарность: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Т. Н. Кузьминой.

Личность Павла I в российской истории оценивается крайне противоречиво – некоторые из исследователей, таких как В. О. Ключевский и Н. К. Шильдер, считали Павла Петровича деспотом, а период его правления называли «царством страха». Сторонниками же другого мнения были Д. А. Милютин и П. Н. Буцинский. Тем не менее, вклад Павла I в реформирование Российского государства вполне весомым, особенно его военная реформа – в период его царствования 40 % всех законодательных актов касались армейской сферы [1, с. 53–54].

По мнению Павла I, русская армия периода царствования Екатерины II напоминала скорее вооружённую толпу, нежели регулярную армию достойного образца. По его мнению, в армии процветало казнокрадство, халатное отношение к службе, использование труда нижних чинов в усадьбах офицеров и командиров, а также фактического отсутствие части личного состава, указанного в списках. Кроме того, новый император отмечал массовое дезертирство, невозможность реального продвижения по службе для офицеров и указывал на устаревший характер вооружения и обмундирования. Будущие преобразования императора будут отражать контраст с армией екатерининского времени – Павлом I будут реформированы уставы, будет введена единая форма, а вооружение и обмундирование будет заменено на более новое и совершенное [2, с. 126].

Особый взгляд Павла I на реформирование русской армии на прусский манер, с присущими последнему манией парадного «регулярства», привёл к переизданию в первую очередь воинских уставов. Так, «Устав конного полка», «Воинский устав о полевой кавалерийской службе» и «Устав о полевой гусарской службе», вышедшие в 1797 г., не имеют практически никаких отличий от «Устава о полевой пехотной службе» того же года издания. Единственное их отличие от пехотного устава заключается в том, что глава «О атаке» является все же шестнадцатой по счету, т. е. занимает более «привилегированное» положение, нежели аналогичная глава в пехотном уставе. Но и здесь успех атаки полагается зависящим главным образом от управления лошадьми и удержания сомкнутого строя; о храбрости кавалеристов как главнейшего условия победы не упомянуто вовсе. По-настоящему оригинальная рекомендация содержится в 78-й главе «О шанцевых инструментах, о сбережении оных, и чтоб не терпеть блядок в армии», третий параграф которой гласит: «Непотребных не терпеть в лагере, за чем полковым командирам смотреть и оных выгонять; такожде и генералам сие наблюдать и тем меньше допускать до того, чтобы шинки заводились». Нечего сказать, достойное занятие для генералов, которых, напомним, петровский устав отождествлял с душой армии [3, с. 20–21].

Другим важнейшим аспектом реформаторской деятельности Павла I является изменение формы и обмундирования русского солдата. Конечно же, всё это было изменено также по образцу прусской армии. В начале своего реформаторского пути Павел I ввёл форму прусского образца исключительно для своих гатчинских войск, что станет отправной точкой его так называемой «мундирной реформы». Форма образца 1796–197 гг. в действительности имело огромное сходство с формой прусской армии периода правления Фридриха II. Несмотря на схожий покрой, русские мундиры всё же были достаточно скромными – у армейской пехоты и драгун не было столь богатой обшивки, как у тех же пруссаков. К тому же, русские мундиры для чинов одного полка различались минимальными деталями, в то время как в прусской различия в мундирах одного полка были заметны невооружённым глазом. Более богатой обшивкой отличались гвардейские полки и мундиры членов императорской свиты [4, с. 179–180].

Изменилось при Павле I и комплектование русской армии. В основе теперь лежало разделение Российской империи на 12 военных инспекций, во главе которых стоял генерал-инспектор. В его основные функции входило не, собственно, командование войсками своей инспекции, а лишь наблюдение за их подготовкой. После этого, Павел Петрович хотел перенять систему комплектования Пруссии – вербовкой, проще говоря, наёмничеством, предполагая и привлечение иностранцев. Конечно, полноценно внедрить эту систему не удалось, не позволяло это сделать недостаток средств в казне. Основной идеей подобного преобразования было то, что по мнению Павла I такие солдаты будут более преданны лично ему, что позволит более эффективно подавлять вос-

стания и бунты в случае их возникновения. И несмотря на неполную реализацию этого аспекта военной реформы, всё же, частично такая система вводилась в отношении поляков, преимущественно набираемых в кавалерию [5, с. 21–22].

Павел I видел своей главной целью изменение тех устоев, что были созданы его матерью, и главным таким устоем была армия. Именно к армии император имел самые тёплые чувства, и считал, что она более всех сфер в Российском государстве нуждается в реформации. В реформаторской деятельности Павла Петровича можно выделить как положительные, так и отрицательные стороны. Как уже было сказано ранее, Павел I считал, что армия периода правления Екатерины II не является образцовой, что она имеет слишком много недугов. Борьба с казнокрадство велась с помощью точной регламентации и крайне строгими наказаниями – всё чаще в военных документах того времени появлялись выражения «исключение из службы» или же «исключение из службы с отсылкою к военному суду». Павел I не пренебрегал и применением телесных наказаний в армии, но даже в этом случае не должно было быть никакой самовольности, всё также было чётко регламентировано. За излишне жестокое обращение чины также исключались из службы с последующей отсылкою к военному суду. Здесь стоит отметить, что «гонение сквозь строй» также было строго регламентировано, к тому же оно было более гуманным, нежели в последующие времена. Павел также считал, что лица, совершившие не только серьёзные преступления, но и мелкие, не совместимые с армейской честью проступки, не могут и не должны находиться в офицерской среде. Из положительных сторон также можно отметить и самостоятельность военного духовенства в административном плане. Конечно, отрицательные стороны реформы Павла I также стоит упомянуть. Первое это конечно же подражание прусской армии. Несмотря на идею жёсткой регламентации по образцу Пруссии, подобные реформы были слишком радикальным поворотом. Другим отрицательным аспектом стало наименование полков по шефам – практика средневековая, не только чуждая России, но и создававшая огромную путаницу ввиду частой смены шефов.

С одной стороны, часть нововведений в армии действительно принесли положительные результаты. С другой же, хочется отметить, что реформы проводись с крайне высокой степенью подражания порядкам Пруссии. Несмотря на старания Павла I. Его нововведения принимались в среде солдат и офицеров с достаточно неохотно – чёткая регламентация и тотальный контроль всего, что касается армии, были слишком радикальным поворотом в его реформистской политике.

Список литературы

1. Гавриленко Е. В. Военная реформа Павла I // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 85. С. 53–56.

2. Короткий век Павла I (1796–1801) / сост. М. Н. Смыр. М. : Олма Медиа Групп, 2010. 256 с.

3. Зверев С. Э. «Вселить в них дух воинственный»: дискурсивно-педагогический анализ воинских уставов. СПб. : Алетейя, 2017. 301 с.

4. Юркевич Е. И. Обмундирование русской армии в царствование императора Павла I (1796–1801 гг.): анализ и оценки // История военного костюма: от древнего мира до наших дней : сб. ст. по материалам Междунар. воен.-ист. конф. (г. Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.). СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2016. С. 179–189.

5. Мезенцев Е. В. Российская армия в наполеоновскую эпоху (1799–1815 гг.): организация, комплектование, тактика. М. : Директ-Медиа, 2020. 360 с.

Информация об авторе: *Карнопов Вадим Александрович,* студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОБЩЕСТВА ПРАВИЛЬНОЙ ОХОТЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Надежда Дмитриевна Корсакова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

lady.korsakova@mail.ru

Аннотация. Исследуется деятельность Томского общества правильной охоты (1893–1915). На основе широкого круга источников: отчетов, уставов, протоколов собраний, переписки и периодики – рассматриваются ключевые направления работы общества. Особое внимание уделяется мерам, направленным на развитие охотничьего хозяйства в Томской губернии, пропаганде правильной в установленные сроки охоты, а также противодействию браконьерства. Отдельно освещается вклад Томского общества правильной охоты в развитие спортивной культуры региона.

Ключевые слова: охота, Томское общество правильной охоты, браконьерство, садочная стрельба, Томская губерния

История человечества с давних времен неразрывно связана с охотой, что вполне объяснимо, поскольку она была одним из первых способов получения пищи и одежды. Тем не менее, формы консолидации охотников появились сравнительно недавно. В Европе первые охотничьи общества появились в XVIII в. У нас организационное оформление любителей охоты произошло гораздо позже. На сегодняшний день охотничьи общества по-прежнему продолжают существовать, но к ним добавляются новые формы деятельности, новые аспекты спортивного характера, что позволяет, как и раньше удовлетворять потребности в физической активности и снятии стресса.

Научный интерес к проблеме дореволюционного досуга активизировался во второй половине XX в. и существенно возрос на рубеже веков, что связано с развитием истории повседневности и введением в научный оборот новых архивных источников по деятельности общественных организаций и клубов Российской империи. А. А. Задерейчук отмечает, что история объединений охотников в России берет начало с создания «Московского общества охоты имени Императора Александра II» в 1862 г. [1]. Е. А. Дегальцева в своей работе посвященной спорту дореволюционной провинции пишет, что в Сибири подобные общества возникли в конце XIX – начале XX в. Первое общество правильной охоты появилось в 1871 г. в Иркутске по инициативе купечества [2]. Устав Томского общества правильной охоты утвердили к началу охотничьего сезона в 1893 г. Основные цели общества заключались в следующем: а) вести правильную и разумную в дозволенное законом время охоту; б) содействовать развитию и усовершенствованию охотничьего хозяйства и распространение в народе понятия правильной охоты [3, л. 32].

Члены общества делились на почетных, действительных и соревнователей. Число членов было неограниченно. В общество могли вступать лица всех сословий, кроме охотников-промышленников, несовершеннолетних, за исключением имеющихся классные чины, низших воинских чинов и юнкеров, воспитанников учебных заведений и лиц, подвергшихся ограничению прав по суду [4, с. 5–6]. Сохранившиеся списки учредителей позволяют узнать род деятельности каждого из них. Основной состав был

представлен чиновниками судебного ведомства и министерства внутренних дел. Среди членов общества были врачи, провизоры, лесничие. Одним из учредителей общества был гражданский инженер Станислав Викентьевич Хомич, а также профессора Императорского Томского университета: Эдуард Александрович Леман, Иван Николаевич Грамматикати и Александр Павлович Коркунов.

Порядок финансирования Томского общества правильной охоты предусматривал ежегодное определение размеров единовременных и годовых членских взносов. Исторический факт, зафиксированный 24 марта 1906 г., когда на годовом собрании Томского общества правильной охоты рассматривался вопрос о повышении членского взноса до 7 руб. [5]. Такое решение отражало необходимость адаптации финансовых механизмов общества к текущим потребностям организации. Помимо определения размеров членских взносов на общих собраниях рассматривались итоги деятельности Томского общества правильной охоты за прошедший период. Также на собраниях утверждались меры стимулирования природоохранной деятельности, например премии за поимку браконьеров или отлов опасных хищных животных. В протоколе заседания общества от 4 марта 1898 г. рассматривалось письмо А. Н. Лялина о выдаче ему золотого жетона за 4-х убитых волков [6].

Документы 1915 г. сохранили сведения о том, что Томское общество правильной охоты располагало обширными охотничьими угодьями. К ним относились территории вблизи таких населенных пунктов как д. Аркашева, д. Кисловка, д. Быковка, д. Головина, д. Жуковка, д. Коломина, д. Нижне-Сычевка, д. Сухоречье, д. Казанские юрты [7, с. 24]. Такой масштаб владений позволял обществу не просто вести охоту, но и выстраивать четкие правила её проведения, следить за сохранением популяций дичи и регулировать использование природных ресурсов на большой территории.

В соответствии с уставом члены общества проводили мероприятия, направленные на сохранение популяции дичи, развитие правильной охоты и пресечение браконьерства. В письме Томскому губернатору председатель Томского общества правильной охоты сообщал о масштабном распространении в Томском округе хищнических способов истребления полезной дичи по средствам силков, крючьев, капканов, сетей и т.п. [8, л. 16]. По мнению общества, прекращение или ограничение хищнической охоты может быть достигнуто: «…а) безусловным воспрещением охоты всюду с 1 марта по 29 июня, кроме стрельбы весной на самцов глухарей и тетеревей; б) строгим наблюдением за тем, чтобы при охотах на птиц и зверей (кроме хищных) не было совершено, употребляемо варварских или хищнических способов ловли, ведущих к полному истреблению полезных пород дичи; в) охота в городских, казенных и кабинетских дачах производилась лицами, получившими на нее разрешение подлежащего начальства и при том не иначе – как по билету; г) воспрещением охоты сельским обывателем в общественных дачах без получения приговоров или разрешений сельских обществ, на коих охота производится; д) наблюдение за тем, чтобы продажа дичи не производилась в недозволенное время, а именно с 1 марта по 1 июля; и е) вменением в непременную обязанность подлежащим административным властям, чинам общей и сельской полиции, а также лесной страже, строгого и неукоснительного наблюдения за тем, чтобы охота не производилась вверенном им надзору без надлежащего билета, воспрещенными способами и в недозволенное время…» [8, л. 17].

Томское общество правильной охоты систематически проводили специализированные мероприятия, направленные на полевые испытания подружейных собак и соревнования по садочной стрельбе. Соревнования по стрельбе являлись ключевым эле-

ментом спортивной составляющей деятельности общества. Романов С.И. в «Словаре ружейной охоты» (1877) дает следующее определение: «Садкой называется призовая или вообще состязательная стрельба ловленных птиц. Она обыкновенно производится по голубям, и притом целым обществом охотников, которые стреляют по очереди. В 13 или 20 шагах от того места, где становится стрелок, помещаются садки с голубями, и птицы выпускаются по одиночке по его приказанию. Убитой признается та птица, которая упадет в пределах известной черты; та же которая упадет за ней, не принимается во внимание» [9 с. 413]. По данным отчета Томского общества правильной охоты за 1914 г. соревнования по садочной стрельбе проходили два раза в год в периоды с 1-го января по 1-е марта и с 9-го ноября по 28-е декабря. Призовой фонд включал денежные премии, золотые и серебряные жетоны общества, а также именные призы, учрежденные в честь отдельных членов общества. Так, 30 ноября 1914 г. В. П. Еланцев получил приз почётного члена общества С. В. Хомича. Учреждение дополнительных наград служило дополнительным стимулом для участников и способствовало укреплению традиций внутри охотничьего сообщества.

Таким образом, исследование документов, фиксирующих многообразную деятельность Томского общества правильной охоты, а также их последующее введение в научный оборот позволяет существенно расширить представление о повседневной жизни населения Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Анализ данных материалов открывает доступ к малоизученным аспектам региональной истории, связанным с развитием охотничьего дела и досуга.

Список литературы

1. Задерейчук А. А. К истории создания и деятельности «Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2014. № 2. С. 23–33.

2. Дегальцева Е. А. Спорт в культуре повседневности дореволюционного провинциального города (на примере Сибири) // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях : офиц. сайт. 2026. URL: https://zaimka.ru/degaltseva-sport/ (дата обращения: 20.03.2026).

3. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 233. Оп. 2 Д. 2068.

4. Устав Томского общества правильной охоты. Томск : Тип. губернского управления, 1913. 16 с.

5. Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая. 1906. 12 апреля.

6. Сибирская жизнь: газета политическая, литературная и экономическая. 1898. 10 марта.

7. Отчет состоящего под Августейшим покровительством Его Императорского Высочества великого князя Николая Николаевича Томского общества правильной охоты за 1914 год. Двадцать первый год существования. Томск : Тип. губернского управления, 1915. 24 с.

8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 255.

9. Романов С. И. Словарь ружейной охоты, составленный С. И. Романовым. М. ; СПб. : Н. И. Мамонтов, 1877. 572 с.

Информация об авторе: *Корсакова Надежда Дмитриевна*, аспирант, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» (Россия, г. Барнаул).

УДК 94(47).084

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ В КОНЦЕПТЕ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Ольга Николаевна Коршунова

Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

felix_kor@mail.ru

Аннотация. Тематика вписывается в дискурс преемственности Советского Союза (1917–1991) и дореволюционной России, в котором Советский Союз рассматривается как модификация, модус государства-цивилизации. С отсылкой на исследования историков выделены перспективные направления изучения советской истории с позиций цивилизационного анализа. Парадигмальный формат задает сравнительный ракурс оценки советской индустриальной трансформации, государственного управления и формирования нового типа человека (гомо советикус).

Ключевые слова: модификация, гомо советикус, идентичность, преемственность

Предварить изложение следует с размышлений о том, в чем кроются основания для характеристики советской цивилизации в терминах проекта, эксперимента. О внятном плане построения коммунизма в работах классиков идеи, в документах партии большевиков во главе с В. Лениным, взявшей рычаги управления бывшей империи, не приходится. Все политические решения были движением «на марше» по неведомому, неизведанному пути с экзистенциальными для цивилизации рисками. Проект разрабатывался «с колес» в ситуации внешних вызовов, обострявшихся в кризисные моменты, и опасности рецидивов смутного времени. Принципиально знаковым был выход из кризиса конца 1920 – начала 1921 гг. через возрождение рыночных начал (вызывание «рыночного дьявола», по выражению Л. Троцкого). Сколько-нибудь четких представлений о последующем после НЭПа этапе не было даже в проектном варианте.

В современной отечественной исторической науке обозначился отказ от универсальных объяснительных схем, марксистской абсолютизации закономерностей и посыла о возможности идеальной модели природы человека. Идет поиск новых трактовок феномена советского общества и государства в целом, его «органики». Новые контуры обретает рефлексия вокруг феномена преемственности и востребованности осмысления факторов силы советского общества. Методологический ракурс новационных трактовок и оценок советской истории в координатах цивилизационных критериев эволюционирует в сторону преодоления синдрома всеохватности социально-экономических приоритетов.

Указанные тенденции канализируют искания историков в русло сравнительного анализа модификаций российской цивилизации и вариантов ответа на исторические вызовы до и после 1917 г. Результаты и концептуальные наработки изучения «белах пятен» и лакун истории советского государства и общества подготовили почву для дискурсивного подхода к категории исторических традиций, к историческому опыту формирования ментальных установок молодого поколения через образование, культуру, СМИ, к оценке сопряжения официальной идеологии и патриотизма. Цивилизационный ракурс постижения истории и ее логики наполняет новыми смыслами понятие

прогресса, национальной идеи, симбиотической ткани истории как переплетения составляющих ее компонентов и акторов. В него вписывается историософский дискурс специфики и парадоксов советской цивилизации, органическая связь которой с архетипами национального сознания очевидна. Первым глубинные корни русского коммунизма сквозь призму цивилизационного подхода вскрыл Н. Бердяев. Фиксируя «национализацию русского коммунизма» в середине 1930-х гг., он примечательно пророчил: «Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и национальной международной политике» [1, с. 118].

Коллективной психологии первой половины XX в. была присуща гипертрофированная политизация массового сознания. В лексике и по лекалам того времени это маркировалось понятием «пропаганда». Демонстрационная составляющая («мягкая сила») политики советского государства была значима на ограниченном временном этапе не только по соображениям подталкивания (стимулирования) мировой революции. Она отражала в лексике и штампах времени обращение к менталитету как социально-психологической канве духовного мира человека с его устойчивой предрасположенностью к специфическому стереотипу мышления определенной социоисторической общности [2, с. 227]. Внутри страны была не исключительно идеологемой, транслируемой на широкие массы населения, а скорее составляющей выстраивания специфических форм и взаимодействий общества и власти, индивидуума и социума. Американский философ и историк Л. Холмс корни сталинской антиутопии видит в «амальгаме» идеологии с народной авторитарной культурой, констатируя давление на официальные институты и их идеологию народного быта и поведения, в которых наблюдалось восприятие элементов «модернизации», укреплявших традиционный образ жизни [3, с. 35].

В контекст проблемы формирования нового типа человека «гомо советикус» (А. Зиновьев) вписывается в дискурс состояния религиозного сознания. Исследователи признают, что в целом «воинствующий атеизм» не породил массового протестного движения. К православию официальной церкви население, по крайней мере русское, склонявшееся к староверию, было в лучшем случае равнодушно. С другой стороны, 15 лет поисков модели общего образования, увенчавшиеся созданием «лучшей общедоступной школы в мире», культурная программа с доступом к высокой культуре широких масс, достигнутыми высотами в литературе и искусстве (несмотря на партийное руководство были созданы шедевры), открыли «широкий доступ к культуре профессиональной деятельности, включая государственное управление» [4**,** с. 309]. Это стало одной из предпосылок создания слоя номенклатуры как категории управленцев.

Советский эксперимент вписан в идеологию Просвещения с соответствующими коннотациями прогресса. Модернистские трактовки представляли прогресс как бесконечно линейную траекторию достижения все более специализированных, комплексных и функционально усложненных форм знания и власти [5, с. 23]. В основании концепта технического управления социальными процессами в соответствии с возрастающими материальными запросами лежала вера в демиургические начала науки и техники как в средства победы над голодом, невежеством и болезнями [5, с. 25]. Целевое финансирование и планирование образовательной и культурной сферы пережили фазы борьбы с неграмотностью и малограмотностью и конструирования эффективной системы образования. Сотни государственных вузов и техникумов подготовили миллионы специалистов, в том числе пролетарского происхождения.

Параметры идентичности связаны со степенью единства, сознания причастности граждан великой стране и ее общенациональным проектам. Цивилизационное един-

ство послужило условием цивилизационного прорыва, достигнутого в обстановке экстремальности, предпосылкой выживания во враждебной внешней среде и фактором Победы в Великой Отечественной войне. Такой фокус анализа позволяет по-новому осмыслить триумфы и провалы советской эпохи, вписанные в судьбу советской модификации цивилизации. Примечателен вывод американских экспертов (2023 г.) о том, что Советскому Союзу «удалось создать новую идентичность, которая объединила всех без исключения жителей советского государства нового типа независимо от расовой, религиозной, национальной и прочих принадлежностей» [6, с. 82]. Чувство принадлежности славному прошлому государства возобладало с конца 1930-х, составив показательный маркер цивилизации.

В основе «фундаментальных рядов» цивилизаций лежат ценности, которые перманентны при изменчивости событийных параметрах и, в случае с СССР, были нацелены на конструирование принципиально нового общества. Воспроизведение базовых ценностей означает жизнеспособность цивилизации независимо от ее модификации. Внешний фактор специфики российской цивилизации имел чрезвычайную значимость. Зацикленность и предназначенность России стать империей уже в том, что, по заключению Дж. Хоскинга, она приметна открытостью окружающему миру и торговле, но открыта для вторжения. В любом случае изоляция для России немыслима [7, с. 56]. Выстоять российской цивилизации, включая ее советскую модификацию, удалось в обстановке чрезвычайной. Свою независимость от европейских покушений, по заключению В. Федорова, «Россия – единственная из всех незападных империй», смогла отстоять благодаря уникальности культурного наследия и исторической идентичности [8]. Такое заключение генеральный директор ВЦИОМ сделал на основании изучения книги американского историка-русиста Маршалла Т. По «Русский момент в мировой истории» (издана в 2023 г.)

Вычленяя государственнический фактор цивилизационного выживания, согласимся с утверждением, что большевики были «не низвергателями, а восстановителями российского государства-цивилизации» [6, с. 13]**.** Режим, сопрягавшийся с энтузиазмом и насилием, обеспечили рывок в науке, подготовке технических кадров. И возможно, не только индустриальную политическую подоплеку: помимо востребованных научных и технических кадров культ знаний явился питательной почвой становления новых смыслов жизни, в том числе конкретного человека.

Социо-философский подход может обогатить представления о советском феномене и в формате парадоксов («гений, парадоксов друг»). Поляризованность природы русского человека подметил еще Н. Бердяев. Антитезой смирению и отречению служит бунт во имя справедливости, порожденный жалостью. Состраданию противостоит возможность жестокости. С одной стороны «любовь к свободе, с другой – склонность к рабству» [9, с. 269**].** Ракурс парадоксальности применительно к советскому периоду затрагивает и Л. Холмс [3, с. 135].

Как видим, перспективные векторы изучения темы концентрируются вокруг стержневого сюжета преемственности ценностей; цивилизационных факторов силы, включая волевую составляющую в ее государственно-управленческом воплощении; историософских обобщений как предпосылки формулирования национальной идеи; нового взгляда на причины распада СССР как цивилизации.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.

2. Песоцкая Е. Н. Этнический менталитет как фактор сохранения национальных культурных традиций в условиях глобализации // Россия: многообразие культур и глобализация / отв. ред. И. К. Лисеев. М. : Канон : РООИ «Реабилитация», 2010. С. 222–234.

3. Холмс Л. Ю. Социальная история России: 1917–1941 : пер с англ. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1993. 144 с.

4. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология российской государственности. Континент Россия. СПб. : Питер, 2021. 688 с.

5. Морган Д. Интерпретация модерна: кому принадлежит Просвещение, что это за проект? // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследования социокультурных перемен. Казань : Терра Консалтинг, 1999. Ч. 1. С. 21–34.

6. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката : коллективная монография. 2-е изд. СПб. : Изд-во РХГА, 2023. 328 с.

7. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С. Н. Самуйлова. Смоленск : Русич, 2001. 512 с.

8. Федоров В. «Русский момент»... // Историк. 2025. Вып. 130. URL: https://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/journal/post/7588?ysclid=morbpaxy1r482003120 (дата обращения: 28.02.2026).

9. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: философы русского послеоктябрьского зарубежья: Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский / сост. М. А. Маслин ; отв. ред. Е. М. Чехарин ; вступ. ст. М. А. Маслина, А. Л. Андреева. М. : Наука : Гилея, 1990. С. 43–271.

Информация об авторе: *Коршунова Ольга Николаевна*, доктор исторических наук, профессор кафедры «Государственное управление, история, социология», ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (Россия, г. Казань).

УДК 908

ПОСЕЩАЕМОСТЬ СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ МУЗЕЕВ В 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Дарья Викторовна Кривова

Тульский государственный педагогический университет
имени Л. Н. Толстого, Тула, Россия
Средняя общеобразовательная школа № 1, Алексин, Тульская область, Россия

daria.kriwowa@yandex.ru

Аннотация. Для определения достоверности сцен с музейными посетителями в киноленте «Корона российской империи, или Снова неуловимые» (1971) затрагивается проблематика посещаемости музеев Тульской губернии 1920-х гг. На основе отчетов музеев исследуются категории посетителей, их численность и отзывы о музеях.
Ключевые слова: музеи, посетители, изучение музейной аудитории, Тульская губерния

14 декабря 1971 г. состоялась премьера советского фильма «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» режиссёра Эдмонда Кеосаяна. В нём основные события происходят вокруг похищения императорской короны Российской империи из музея в 1924 г. В связи с этим в киноленте представлено несколько сцен в музее, где хранится корона. Она является главным экспонатом в экскурсиях, которые проводит

музейный работник в фильме. Отличительной чертой этих двух экскурсий являются её экскурсанты. В первом случае музейными посетителями являются простые советские граждане, одетые по-простому и скромно: мужчины – в рубашки и повседневные костюмы, а женщины – в юбки с рубашками или платья, а их волосы спрятаны под платками [1]. Такой стиль одежды был характерен для рабочих и крестьян РСФСР. Во втором варианте наблюдает противоположная ситуация. Экскурсанты одеты в дорогие вечерние костюмы и платья [1]. У женщин сделаны модные причёски, а в качестве украшений выбраны драгоценные камни [1]. Их внешний вид указывает на их высокий статус, следовательно, этими посетителями музея являются высокопоставленные деятели и иностранные представители. В результате данные сцены музейных экскурсий формируют представление о том, что музеи посещали как простой народ, так и высшие персоны. В этой связи целесообразно рассмотреть проблематику категорий музейных посетителей на примере Тульской губернии в 1920-е гг. для подтверждения сцен экскурсий из кинофильма «Корона российской империи, или Снова неуловимые».

Впервые вопрос об изучении музейной публики был поставлен на обсуждение в 1920-х гг. с целью обеспечения «... доступности экспозиций и экскурсий новому массовому посетителю музеев» [2, с. 53]. Новыми массовыми посетителями стали малообразованные рабочие, крестьяне и дети. Впервые в музеях они увидели памятники искусства и старины, поэтому для обеспечения облегчённого восприятия экскурсантами историко-культурных ценностей требовалось изучение их путем учёта количества посетителей, наблюдения за ними и анкетирования их после экскурсий в музее [3, с. 20; 4, с. 369].

Музеи в Тульской губернии стремились использовать все упомянутые методы изучения посетителей. Подробнее рассмотрим каждый из них.

В своей статье советский искусствовед Л.В. Розенталь призывал учитывать музейных посетителей по следующим критериям: по форме посещения количеству посещаемости одного и того же музея, классу и профессии, полу и возрасту, местожительству [3, с. 20]. В 1920-е гг. музеи Тульского края стремились вести учёт по данным категориям посетителей, однако в основном работники учитывали музейную аудиторию по роду занятий, полу и возрасту. Единственными музеями Тульской губернии, которые вели такой подсчёт посетителей, были Тульский художественно-исторический и «Ясная Поляна». В своем отчёте за 1922 г. заведующий Тульским художественно-историческим музеем Г.В. Соболевский представил следующую статистику: «… 13009 человек и 124 экскурсий, из них:

– по полу: женщин – 5327, мужчин – 7682;

– по возрасту: до 15 лет – 4635, до 20 лет – 3040, до 30 лет – 3388, до 40 лет – 1277, до 50 лет – 498, свыше – 171;

– по роду занятий: учащихся – 5484, рабочих – 1888, сельхоз (крестьяне) – 1705, красноармейцев – 896, советских служащих – 1384, домохозяев – 942, безработных – 397, работников умственного труда – 313» [5, л. 78].

В последующие годы произошло сокращение численности посетителей музея и упрощен их учёт. За 1924 – 1925 гг. Тульский художественно-исторический музей обслужил «… 7315 человек, из них: 3398 женщин, 3258 учащихся, 2673 рабочих, 537 крестьян, 295 красноармейцев, 363 безработных и домохозяев» [6, л. 2 об].

Музей-усадьба «Ясная Поляна» приводил следующие показатели за 1923–1924 гг.: «… учащихся 2352 человека, рабочих – 1073, совслужащих – 910, красноармейцев – 213, партработников – 105, крестьян – 52, иностранцев – 1-, прочих – 127» [7, л. 14 об., 15]. В 1925–1926 гг. список был расширен: «Учащихся I и II степени – 1156, служащих –

1001, рабочих из дома отдыха – 946, красноармейцев – 491, пионеров – 427, рабочих – 411, учащихся вузов – 281, учащихся – 177, домохозяев – 84, иностранцев – 69, фельдшеров и врачей – 58, дошкольников – 57, инженеров и агрономов – 57, местных крестьян – 56, дальних крестьян – 54, художников и литераторов – 15, безработных – 7» [8, л. 23].

Таким образом, Тульский художественно-исторический музей и музей-усадьба «Ясная Поляна» преимущественно учитывали посетителей по роду занятий, а остальные музеи Тульского края приводили только общее количество экскурсантов. Основными категориями музейной аудитории были дети, рабочие, крестьяне и красноармейцы. По статистике иностранные посетители в Тульской губернии интересовались музеем-усадьбой «Ясная Поляна», так как проявляли интерес к биографии и творчеству всемирного известного писателя Л. Н. Толстого.

Непосредственное изучение музейных посетителей сводилось к фиксации их реакции во время посещения музеев [3, с. 21]. Для этого вводилась должность наблюдателя. В его обязанности входило «… наблюдение за перемещением … посетителей по музейной экспозиции с тем, чтобы установить, какие разделы, в каком порядке, как долго и как часто посещаются …, сколько времени тратится на осмотр …, какие экспонаты …» [2, с. 50]. В Тульской губернии должность наблюдателя числилась в штате Тульского художественно-исторического музея. В разные годы ими были В.А. Альфонская, М. И. Митюхина и Н. И. Дружинина [9, л. 75 об.; 10, л. 1]. Стоит отметить, что в отчётах музея отсутствует информация об их трудовой деятельности и о реакциях посетителях.

В то же самое время музеи предлагали посетителям оставить свой отзыв в книге впечатлений. Такая книга была в музее-усадьбе «Ясная Поляна» [8, 20]. Его заведующая А. Л. Толстая использовала мнения посетителей в отчёте за 1923–1924 гг. В указанный период экскурсанты «Ясной Поляны» отмечали, что музейным сотрудникам следует «… установить постоянных методов ведения экскурсий …» и вести беседы «… о жизни и деятельности Л. Н. Толстого …», в том числе о его отношении к рабочему движению и революции [7, л. 15]. В последующие годы пожелания посетителей были учтены, поэтому отзывы за 1925–1926 гг. были положительными. Большинство экскурсантов указывали, что «со стороны администрации музея было оказано достаточное внимание в ознакомлении с предметами …» и «… музей в хорошем состоянии и исправности со стороны исторической» [8, л. 21].

Дополнительно свои впечатления музейные посетители оставляли в анкетах. В Тульской губернии они представляли собой «Контрольные листы» с перечнем вопросов, связанных с проведенными экскурсиями в музеях. В основном вопросы имели общий характер: наименование предприятия или клуба, адрес, кто проводил экскурсию, её тема, дата проведения и продолжительность, количество посетителей по половой принадлежности, ведение беседы, кто проявил интерес, отзывы лектора и руководителя [11, л. 30]. Заполнялась информация не всеми участниками экскурсий, а ответственными руководителями. Таким образом, «Контрольные листы» отражали не истинные чувства и эмоции посетителей, вызванных от посещения музеев, а представляли собой сбор сведений о самих посетителях и об музейных экскурсиях.

В заключение стоит отметить, что сцены в музее из киноленты «Корона российской империи, или Снова неуловимые» режиссёра Эдмонда Кеосаяна имеют историческую основу, так как статистика музеев Тульской губернии за 1920-е гг. подтверждает факт посещения музеев в большинстве случаев простым народом и в меньшей степени чиновниками и иностранцами. Простым народом являлись малообразованные рабочие,

крестьяне, красноармейцы и ученики, поэтому для облегченного восприятия ими музейных ценностей началось изучение данных представителей общества и учёт их мнений о музеях. На их основе музейные работники улучшали работу музеев и выстраивали новые варианты взаимодействия с посетителями.

Список литературы

1. Корона Российской империи, или Снова неуловимые / реж. Эдмонд Кеосаян // Энциклопедия отечественного кино. 1971. URL: https://web.archive.org/web/20160405220546/http:/2011.russiancinema.ru/index.php?e_dept_id=2&e_movie_id=2938 (дата обращения: 25.03.2026).
2. Юренева Т. Ю. Изучение музейной аудитории: социологические исследования 1920–1930-х гг. // Культурное наследие России. 2020. № 4. С. 47–54.
3. Розенталь Л. В. Как вести изучение музейного зрителя // Советский музей. 1931. № 2. С. 19–26.
4. Ананьев В. Г. Изучение музейной аудитории в 1920-е годы (по архивным материалам) // Диалог со временем. 2021. № 41. С. 367–373.
5. Государственное учреждение «Государственный архив Тульской области» (далее – ГУ ГАТО). Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3440.
6. ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3070.
7. ГУ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1306.
8. ГУ ГАТО. Ф. Р-249. Оп. 1. Д. 665.
9. ГУ ГАТО. Ф. Р-326. Оп. 3. Д. 3440.
10. ГУ ГАТО. Ф. Р-3932. Оп. 1. Д. 121.
11. ГУ ГАТО. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 616.

Информация об авторе: *Кривова Дарья Викторовна*, магистрант, ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула); учитель истории и обществознания, МБОУ «СОШ № 1» (Россия, Тульская область, г. Алексин).

УДК 94(47).084.9

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ВЛКСМ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)

Станислав Анатольевич Крупнов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

krupnov_sa@mail.ru

Аннотация. В контексте реформ перестройки рассматриваются главные причины, ставшие основой для преобразования ВЛКСМ и переосмысления его сущности на сломе эпох.

Ключевые слова: ВЛКСМ, КПСС, перестройка, мобилизационная модель, реформа, демократизация, демократический централизм, организационная самостоятельность
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. А. Власова.

Перестройка, как известно, стала попыткой руководства КПСС преобразовать основы, на которых со времён революции стояло Советское государство. Начавшаяся

сверху, она стала явлением, коснувшимся всех сфер жизни общества [1, с. 280–281]. Радикальные изменения в экономическом и политическом укладе не могли обойти стороной помощника партии и её кадровый резерв – Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодёжи. В связи с этим центральными идеями данной работы стали: рассмотрение наиболее важных причин, вызвавших острую необходимость реформирования ВЛКСМ в первые годы перестройки, ход изменений в организации и попытка осмысления происходивших в ней событий с точки зрения проблемного анализа.

Коренной проблемой ВЛКСМ, как отмечал В. И. Мироненко, бывший в 1986–1990 гг. Первым секретарём ЦК ВЛКСМ, являлась сама модель, на которой строился и функционировал союз молодёжи [2, с. 10–12]. Мобилизационная модель, свойственная российскому государству, была основой и советского общества. Этой логике развития основную часть своей истории следовал и Ленинский союз молодёжи, бывший лишь одним из элементов существующей системы. В наиболее тяжёлые периоды существования советского государства этот способ организации проявил свои положительные стороны и смог в относительно короткие сроки поднять широкие массы молодёжи для решения проблем государства и общества. С установлением стабильности имевшая место модель не претерпела изменений. Прежде всего, это связывается с неизменностью мобилизационного пути развития. В этой связи комсомол продолжал заполнять пробелы в тех местах, где власть не смогла устранить их собственными силами.

Вторым важнейшим фактором, ставшим причиной перестройки союза молодёжи, были структурные особенности комсомола как двойственной организационной структуры: с одной стороны, представлявшего из себя массовую молодёжную организацию, а с другой, бывшего государственным ведомством по делам молодёжи, ведомым партийно-государственной политикой. Говоря об этом, В. И. Мироненко замечает, что во многом инициатива и пыл советской молодёжи, требовавшие реального выражения в различных сторонах жизни, имели довольно ограниченное выражение [2, с. 49]. Самодеятельность и личный интерес почти не имели места в сложившейся двойственной системе, что отталкивало молодёжь и вскрывало противоречия внутри организации. Ещё с середины 1920-х гг. союз молодёжи постепенно проходил процесс бюрократизации, со временем всё больше отрываясь от своей социальной базы и её интересов. К концу 1970-х гг. авторитет ВЛКСМ в видении молодёжи заметно снизился, что отразилось на отношении рядовых комсомольцев к работе организации и её роли в их жизни, искажал отношение к социализму. К рассматриваемому периоду участие рядовых членов комсомольской организации в решении реальных дел заметно снизилось по сравнению с предыдущими десятилетиями. Ритуальный характер приобретают почти все формы организации участия членов комсомола в управлении союзом молодёжи – от собраний первичных ячеек до конференций и съездов. Почти полностью потерял реальное выражение принцип выборности на руководящие должности, процедура приобрела формальный характер, где многое решала анкета кандидата, а утверждение посредством голосования на упомянутых формах участия в управлении было призвано легитимировать уже утверждённые списки [3, с. 40–41]. Сказанное прямо иллюстрирует фрагмент из речи Первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко на XX съезде ВЛКСМ, прошедшем в 1987 г.: «... Демократический централизм всё более приобретал черты «централизма бюрократического» ...» [3, с. 40].

Кроме этого, можно отметить, что смена поколений и их идеалов тоже сказались на восприятии молодёжью комсомола и социализма. С 1960-х гг. моральный и духов-

ный облик среднего комсомольца сильно изменился, и причин тому множество. Постепенно, но неуклонно романтизм и оптимизм сменялись социальной апатией, которая негативно сказывалась на комсомольском активе. К рассматриваемому периоду заметно снизился уровень контроля за распространением информации, о чём также писал В. И. Мироненко: «Свобода получения и распространения информации была фактически получена до объявления гласности, оно лишь констатировало свершившееся» [2, с. 51–52]. Сильно меняются мировоззренческие установки советской молодёжи, особенно важен вопрос, касающийся зарождения цинизма и безразличия в умах рядовых комсомольцев. Это, как показывает статистика, было лишь каплей в море, однако, всё же имело долгоиграющие последствия для организации на изломе советской эпохи [2, с. 53].

Всё сказанное должно дать хоть и не исчерпывающее, но общее понимание причин, вызвавших необходимость переосмысления сущности комсомола, его идейной основы и пересмотра оснований, на которых долгие годы покоилась крупнейшая в СССР молодёжная организация. Перестройка, начатая с подачи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва, стала уникальным шансом для всей организации осуществить решение накопившихся проблем.

Переходя к вопросу об истории «переходного периода», нужно отметить, что взгляды на реформу союза молодёжи были различными. В конечном итоге сформировались два основных пути развития [2, с. 83–86]. Первая программа, направленная на полную централизацию, ставила во главу угла систему «процессов и процедур», предполагавшую детальное описание всех действий, связанных с управлением организацией. Здесь главным контролёром всех процессов виделся ЦК ВЛКСМ. Вторая, напротив призывала к отказу от бюрократизма и вовлечению передовой и инициативной молодёжи в общее дело. Был избран именно второй путь, отсылающий нас к переосмыслению сложившейся реальности с опорой на идеи В. И. Ленина по вопросу об организации работы массовой молодёжной организации, изложенные в речи на III съезде комсомола «Задачи союзов молодёжи» [4, с. 29]. Решающим моментом для предстоящих перемен в комсомоле стал состоявшийся в апреле 1987 г. XX съезд ВЛКСМ. Он очертил путь развития организации на годы вперёд и стал, по сравнению со съездами предыдущих лет, площадкой, давшей возможность делегатам откровенно и прямо ставить проблемные вопросы и открыто излагать своё мнение о будущем организации. В отчётном докладе первого секретаря ЦК к делегатам съезда были обозначены многие глубокие проблемы и противоречия в работе комсомола, намечены пути их решения и взят курс на революционную перестройку ВЛКСМ [3, с. 46–52].

Итоги работы съезда были оглашены на пресс-конференции, прошедшей 20 апреля 1987 г. Важнейшими направлениями, по которым съезд принял решения, были: принятие нового устава организации, чёткое определение траектории развития союза молодёжи в условиях перестройки и согласование централизованного руководства и демократических начал в работе ВЛКСМ [2, с. 100].

После съезда, кроме упомянутых направлений, принципиально важным стало решение вопросов, связанных с кадровой политикой и финансово-экономической деятельностью ВЛКСМ. Эти составляющие, как отмечал В.И. Мироненко, были одними из самых тугих узлов, связывающих инициативу молодёжи и комсомольских организаций в целом [2, с. 102]. Главной задачей, поставленной ЦК ВЛКСМ, было достижение финансового самообеспечения организации для проведения в жизнь различных молодёжных программ. К 1988 г. была завершена работа по разработке новой нормативно-правовой базы обновляющегося комсомола. Однако, имели место и негативные

стороны перехода к новой модели. К концу 1988 г. споры о правильности избранного пути и проблемах его проведения в реальность, имевшие место ещё с XX съезда ВЛКСМ, укоренились и приняли характер общекомсомольской дискуссии. Из постановления IV пленума ЦК ВЛКСМ 18 ноября 1988 г. становится ясно, что процесс реформирования организации на новых началах во многом имеет противоречивый характер, сосуществующий с непоследовательностью в организации перехода к новым формам работы. Пленум счёл, что основной причиной такого исхода стала неготовность части кадров и актива понимать и принимать новое [2, с. 106]. В развернувшейся борьбе за судьбу реформ ЦК ВЛКСМ занял позицию сторонников демократизации комсомола и углубления преобразований в союзе молодёжи.

Известно, что оценка отдельных событий в отрыве от общих закономерностей и тенденций развития будет несостоятельной, потому необходимо сказать, что положение в стране оказало серьёзное влияние на положение дел в комсомоле и ход его реформирования. Здесь считаем важным затронуть сепаратистские настроения в республиках СССР, особенно прибалтийских. В 1989 г. был поднят вопрос о создании самостоятельных союзов молодёжи в Литовской ССР и РСФСР. Это в перспективе означало, что ЦК ВЛКСМ неотвратимо должен был рассматривать сценарии реорганизации ВЛКСМ на федеративной или даже конфедеративной основе [2, с. 110–112]. Параллельно, на бюро и пленумах ЦК ВЛКСМ звучали призывы к созыву внеочередного съезда союза молодёжи для закрепления нового ориентира в программных документах, регламентирующих принципы и всю работу организации в целом. Фактически, этими событиями завершался первый этап перестройки в комсомоле. Был осознан важный факт, что первостепенным требованием для преодоления негативных тенденций является полный пересмотр существующих основ. Мобилизационная система молодёжной организации не была способна принять те перемены, которое диктовало время. Во многом исследователи истории комсомола связывают этот недостаток с тем, что, отношения между КПСС и ВЛКСМ оставались такими же, в сущности, зависимыми. Ни одна инициатива не получала ход без одобрения со стороны руководства КПСС. Как отмечает В. И. Мироненко, согласование многих вопросов носило трудный и продолжительный характер [2, с. 131]. Комсомол, в первую очередь, рассматривался партией в качестве первопроходца на пути реформирования страны и общества. По существу, консервативно настроенные представители партийного аппарата не были готовы выпускать комсомольские ячейки из своей сферы влияния. Это заметно тормозило перемены, а временами сильно искажало их сущность [5]. Лишь летом 1989 г. М. С. Горбачёв поставил вопрос о полной организационной самостоятельности ВЛКСМ. Эта идея выдвигалась ещё в трудах В.И. Ленина и ставилась им как основа самоорганизации коммунистической молодёжи, но в 1920-е гг. была предана забвению [6, с. 226].

В условиях уже наметившейся тенденции на распад СССР, XXI съезд ВЛКСМ, созванный в 1990 г., признавал проблему сохранности союза в текущем виде и поставил вопрос о том, нужна ли обществу такая Всесоюзная организация молодёжи вообще? Можно сказать, что события, свершившиеся после съезда, только раскручивали маховик, ведущий ВЛКСМ к распаду и последующему самороспуску организации на XXII Чрезвычайном съезде ВЛКСМ, состоявшемся осенью 1991 г., когда судьба СССР уже была предрешена.

Таким образом, сложившаяся к 1991 г. ситуация показывает, что основополагающие принципы системы, на которых долгие годы зиждился ВЛКСМ, не смогли приспособиться к качественно новым условиям и вызовам периода перестройки. Из всего этого закономерной видится трагическая судьба Ленинского союза молодёжи, в итоге ставшего жертвой внутренних противоречий политической системы СССР на изломе советской эпохи.

Список литературы

1. Горбачев М. С. Жизнь и реформы : в 2 кн. М. : Новости, 1995. Кн. 1. 600 с.
2. Мироненко В. И. Комсомол в период реформации советского общества: 1985–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.
3. XX съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, 15–18 апреля 1987 г. : стенографический отчет. М. : Молодая гвардия, 1987. Т. 1. 383 с.
4. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи : Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. М. : Молодая гвардия, 1982. 32 с.
5. Королев А. А. «Поздний» комсомол и «раннее» предпринимательство // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2026. URL: https://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Korolev_Komsomol/?ysclid=morcmvpq5u604372970 (дата обращения: 21.03.2026).
6. Ленин В. И. Интернационал молодежи (Заметка) // Полн. собр. соч. М. : Изд-во полит. лит., 1973. Т. 30. С. 225–229.

Информация об авторе: *Крупнов Станислав Анатольевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 61(091):94(470)"17"

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ И САНИТАРИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Полина Николаевна Крючкова

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

pol1na322@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается история становления государственной системы здравоохранения и санитарного дела в России во второй половине XVIII в., в период правления императрицы Екатерины II. Изучены ключевые институциональные преобразования, борьба с эпидемиями и роль императрицы в этих преобразованиях.
Ключевые слова: Медицинская коллегия, оспопрививание, эпидемиология, Приказы общественного призрения, санитария, Екатерина II
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Перевод и переводоведение» ПензГТУ Т. Ю. Новинской.

История развития медицины в России представляет собой одну из наиболее важных и интересных тем как в контексте истории государства, так и истории родного края, чем и объясняется ее актуальность. Вторая половина XVIII в., время правления императрицы Екатерины II, стала переломным этапом, когда забота о здоровье подданных начала переходить из частной инициативы в сферу государственной ответственности. Изучение данного вопроса имеет важное практическое значение, позволяя проследить истоки современной системы здравоохранения, и способствует патриотическому воспитанию на примере подвижнической деятельности отечественных врачей и самой императрицы.

В центре внимания данной статьи находится процесс формирования системы государственной медицины и санитарии в России с момента учреждения Медицинской

коллегии в 1763 г. до конца правления Екатерины II, когда были заложены основы социальной медицины и эпидемиологии.

Источниковая база включает в себя законодательные акты Российской империи, мемуарную литературу, труды отечественных ученых-эпидемиологов А. Ф. Шафонского [1], Д. С. Самойловича [2] и др., а также современные исследования и публикации ведомственных архивов Роспотребнадзора и Военно-медицинского музея [3].

Ключевым событием в организации государственной медицины стало учреждение в 1763 г. Медицинской коллегии. Этот центральный орган пришел на смену Медицинской канцелярии, созданной при Петре I. В отличие от предшественницы, новая Коллегия получила более широкий круг обязанностей и четкую структуру. В ее ведение входили: организация медицинской помощи населению, надзор за деятельностью казенных и частных аптек (контроль за качеством лекарств), подготовка медицинских кадров, а также научная аттестация – оценка научных трудов российских врачей [4, с. 94].

Настоящим прорывом в профилактической медицине стало внедрение в России практики прививания от оспы – вариоляции. В XVIII в. натуральная оспа оставалась одним из самых смертоносных заболеваний, не щадившим ни простолюдинов, ни знатных особ. В октябре 1768 г., в разгар эпидемии, пригласив из Англии врача Томаса Димсдейла, императрица первой в России сделала прививку себе и наследнику престола, великому князю Павлу [3]. Этот шаг был сопряжен с риском, поэтому процедура прошла в тайне, в присутствии лишь самых доверенных приближенных. В течение первых пяти дней императрица чувствовала себя стабильно, ведя привычный образ жизни, включая приемы обедов и докладов. Однако на шестой день последовало ухудшение самочувствия: поднялась температура, появились головные боли, увеличение лимфатических узлов и пустулы на коже, которые, впрочем, быстро исчезали без следов. 29 октября императрица велела сообщить народу, что полностью излечилась.

Ее поступок имел колоссальное пропагандистское значение, помог разрушить предубеждения и страхи перед прививками в русском обществе. Как писала сама Екатерина, после этого «весь Петербург хочет себе привить оспу» [5]. В том же 1768 г. в столице был учрежден Оспопрививательный дом – первое специализированное учреждение такого профиля, что положило начало вакцинации в России. Как отмечают современные исследователи, именно с этого события берет отсчет история санитарного просвещения в стране [6].

Серьезнейшим вызовом для государственной системы здравоохранения стала эпидемия бубонной чумы («моровой язвы»), поразившая Москву и центральные губернии в 1770–1772 гг. Эпидемия вызвала социальный взрыв – так называемый «Чумной бунт» в Москве в сентябре 1771 г. В этих экстремальных условиях власть продемонстрировала понимание важности санитарного контроля. Действия властей включали введение жестких карантинных мер, изоляцию зараженных и блокирование очагов инфекции для предотвращения распространения болезни.

Указ императрицы, адресованный главнокомандующему Москвы графу Я. А. Брюсу, предписывал принимать самые решительные меры. В борьбе с эпидемией особенно ярко проявили себя отечественные ученые, стоявшие у истоков российской эпидемиологии. Афанасий Шафонский создал фундаментальный труд «Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год» [1], который стал первым научным описанием хода эпидемии и методов борьбы с ней. Вместе с ним активно действовал Даниил Самойлович, впоследствии внесший огромный вклад в изучение природы чумы.

Важнейшим итогом губернской реформы 1775 г. стало создание Приказов общественного призрения. Они стали первыми в России государственными органами, в чьи

обязанности входила комплексная забота о социально незащищенных слоях населения. В ведении Приказов находились гражданские больницы, сиротские дома, богадельни для престарелых и работные дома, а также специализированные учреждения – «дома для душевнобольных» (первые психиатрические лечебницы) [2].

Параллельно с этим по инициативе видного деятеля просвещения И. И. Бецкого в 1763 г. в Москве, позднее в Петербурге были открыты Воспитательные дома для сирот и подкидышей. При них создавались «особые госпитали для неимущих родильниц» с так называемыми «секретными палатами» для женщин, зачавших не в браке. Они могли рожать анонимно, чтобы сохранить честь и избавить ребенка от клейма «незаконнорожденности» [7]. Стремление сократить уровень детской смертности и беспризорности стало важным проявлением государственной заботы о материнстве и детстве.

Наряду с практической медициной развивалась и научная база. Медицинская коллегия активно руководила подготовкой врачей. При ней на Аптекарском острове в Петербурге возник целый комплекс медицинских учреждений, включая первое в России предприятие по производству хирургических инструментов. Появились оригинальные и переводные медицинские труды, рассчитанные на широкую аудиторию. Например, книга Жозефа Морена «Друг здоровья, или карманная книжка...» была переведена на русский язык и служила практическим руководством по гигиене и оказанию первой помощи для просвещенных обывателей [8].

Таким образов, подход к развитию медицины и санитарии при Екатерине II отличается от разрозненных указов предшественников многосторонностью и системностью. В ее правление была создана централизованная система управления медициной – Медицинская коллегия, начали формироваться профилактическая медицина, санитарно-эпидемиологическая служба, закладывались основы социальной медицины.

Именно при Екатерине II медицинское дело в России окончательно оформилось как сфера государственной ответственности, были заложены традиции, которые успешно развивались в XIX в. и легли в основу современного здравоохранения и санитарно-эпидемиологической службы Российской Федерации.

Список литературы

1. Шафонский А. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год: С приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений / По всевысочайшему повелению напечатано. В Москве: При Императорском университете, 1775. 652 с.

2. Бруенок А. В. Самойлович Данило Самойлович // Большая российская энциклопедия. 2026. URL: https://bigenc.ru/c/samoilovich-danilo-samoilovich-ccd2f1 (дата обращения: 03.04.2026).

3. Управление Роспотребнадзора: от царских времен до современности // Окружающая среда Санкт-Петербурга. 2022. 28 декабря. URL: https://clc.li/ykfGF (дата обращения: 02.04.2026).

4. Никитин А. Н. Краткий обзор состояния медицины в России в царствование императрицы Екатерины II. СПб. : Тип. Опекунского Совета, 1855. 94 с.

5. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён // Милитера: Военная литература. 2026. Т. 28, гл. 1. URL: https://militera.lib.ru/common/solovyev1/28_01.html (дата обращения: 03.04.2026).

6. Выставка в Центре! «По страницам истории санитарного просвещения в России» // ФГБУЗ «Центр гигиенического образования населения» Роспотребнадзора. 2023. URL: https://cgon.rospotrebnadzor.ru/istoriya/istoriya-sanitarnogo-prosveshcheniya/vystavki-v-tsentre/vystavka-v-centre-po-stranicam-istorii-sanitarnogo-prosveshheniya-v-rossii/ (дата обращения: 02.04.2026).

7. Костина Е. Ю. История социальной работы // Информационный ресурс «Zzapomni». 2026. URL: https://zzapomni.com/kostina-istoriya-socialnoy-raboty-2003-4545/42 (дата обращения: 03.04.2026).

8. Морен Ж. Друг здоровья, или Карманная книжка, содержащая краткие и ясные наставления: каким образом ходить за больными, приготовлять пищу и лекарства для них... / пер. с франц. студента Моск. ун-та Ивана Войтова. М. : Тип. Августа Семена при Медико-хирург. акад., 1826. 310 с.

Информация об авторе: *Крючкова Полина Николаевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 930

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИЕЙ И КРИТИКОЙ ЦЕРКОВНОГО ФОРМАЛИЗМА

Вадим Федорович Кэтанэ

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

otecvladimirkpenza@mail.ru

Аннотация. Исследуется отношение В. О. Ключевского к Русской православной церкви как к историческому институту, культурно-нравственной силе и важному фактору общественного развития. Показано, что в исторической концепции Ключевского Церковь выступает не только частью религиозной жизни, но и действенным участником колонизации, хозяйственного освоения территорий, образования и нравственного воспитания общества. Особое внимание уделяется роли монастырей и приходской сети в социальной и культурной истории России. Наряду с этим раскрывается критическое отношение Ключевского к церковному формализму, внешней обрядности и отчуждению образованного общества от церковной традиции. Делается вывод, что восприятие Ключевским Русской православной церкви носило сложный и многоплановый характер, соединяя признание ее исторической миссии с критикой деформаций церковной жизни в синодальную эпоху.

Ключевые слова: В. О. Ключевский, Русская православная церковь, церковная история, приход, монастырь, духовенство, церковный формализм, социальная история, культурная история, русская религиозность

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ О. В. Ягова.

Отношение В. О. Ключевского к Русской православной церкви (далее – РПЦ) было двояким: как к историческому институту и культурно-нравственной силе. Примечательно, что для Ключевского Церковь выступает не только «фоном» политической истории, но и одним колонизации, образования, хозяйственного освоения и нравственного воспитания общества. В то же время в личных заметках и письмах фиксируется критическое отношение к превращению религиозной жизни в форму и к отчуждению «образованного общества» от церковной традиции.

Рассуждая о Ключевском и Церкви, важно исходить из двойственной оптики его наследия: с одной стороны – историк, анализирующий институты и практики (монастырь, приход, духовенство) как социальные механизмы; с другой – человек, чья переписка и дневниковые записи показывают личную включённость в церковный быт, но без наивной идеализации.

Как известно, Василий Осипович был сыном сельского священника, погибшего во время грозы, это произвело огромное впечатление на мальчика, который долго еще заикался. Но в учебе он был чрезвычайно успешен и после училища был направлен в Пензенскую духовную семинарию. Ключевский тепло относился ко многим преподавателям, но саму семинарию и семинарскую систему не считал достаточной для себя. Его отношение передает следующий отрывок из письма: «Пенза, семинария, ректор, инспектор, Констехтер, Степан Васильевич! Какие знакомые имена, и сколько противоположных ощущений, благодарных и враждебных воспоминаний подымают они в душе! Попрежнему ли ректор лает на мир божий; по-прежнему ли Константин Федорович просит сочинений и трактует о Магомете? По-прежнему ли Ст[епан] Вас[ильевич] своим мягким, женственным, полным симпатии, хотя немножко гнусящим голоском поведает своим неблагодарным, да, неблагодарным, слушателям тайны откровения? Несравненный человек, который больше и жарче всех желал нам добра, меньше всех делал зла или, лучше сказать, вовсе его не делал и которого, однако ж, меньше всех ценили и понимали и, вероятно, ценят и понимают до сих пор! Тихая, безобидная душа! Возмутительно, безнравственно в высшей степени бросить грязью в такого человека. Привет ему от всей души!» [1, с. 219–220].

Здесь Ключевский упоминает Степана Васильевича Масловского – преподавателя психологии, патрологии и латинского языка в Пензенской духовной семинарии, впоследствии кафедрального протоиерея. Он был любимым преподавателем в семинарии, и одним из первых заметил одаренность Ключевского и всегда поощрял его [1, с. 471].

Ключевский стремился к научной деятельности, в стенах семинарии ему было тесно. Поэтому не закончив семинарию, он решил поступать в Московский государственный университет, для чего ему было необходимо сдать 16 сложнейших экзаменов.

Реформы образования Александра II дошли до семинарий только в 1869 г. Изданный в этом году закон ломал сословные рамки и разрешал детям духовенства поступать после семинарии в университеты. Ключевский же заканчивал семинарию в 1860-м г. и у него такой, возможно, не было. Окончание семинарии помещало бы его в духовное сословие и делало поступления в университет невозможным. Поэтому он заявил об уходе из семинарии, не окончив курса. Ему пришлось выдержать сопротивление правящего архиерея и ректора семинарии, которые грозили ему взысканием затрат на обучение.

Ключевский преодолел все испытания и выдержал серьезнейшие испытания при поступлении на историко-филологический факультет МГУ. Как уже было сказано, всего сдавал он 16 экзаменов. «Первым был русский письменный, сочинение на тему «Мое воспитание». Экзаменующихся предупредили, что «одна орфографическая ошибка отнимает право на поступление в университет». Профессор попросил писать «прямо дело, без философских умствований и предисловий». К великому сожалению, текст этого сочинения Ключевского не дошел до нас (мы специально искали его в университетском архиве, но он не сохранился), а он был бы значительным автобиографическим документом. Юноша дал тут волю своему критическому уму. «Всему досталось, а особенно семинарии», – пишет Ключевский в письме семинарскому приятелю П. Гвоздеву. Он «торжественно» заключил сочинение словами: «Вечная память тебе, патриархальная, незабвенная школа! Ты больше поучала, чем учила». Он не сказал семинарии «спасибо», а пропел ей «вечную память» – так пели над покойниками. Потом он даже спохватился «и потрусил немножко за свою горячность, но все кончилось благополучно» [2, с. 86].

Эпистолярное наследие Ключевского позволяет точно зафиксировать церковный контур его окружения: его адресат и родственник И. В. Европейцев обозначен как священник Боголюбской церкви в Пензе (1847–1867), а сам Ключевский поддерживает регулярную переписку с родственниками из духовной среды и священнической сре-

дой. Переписка также фиксирует связи Ключевского с Пензенской духовной семинарией (в частности – через круг одноклассников).

В письме к И. В. Европейцеву (20 декабря 1863 г.) Ключевский прямо говорит о своём церковном участии: он просит священника помянуть его на службе Рождества и добавляет, что сам «в церкви тоже стою», причём подчёркивает, что стал ходить в храм особенно усердно в связи с работой по толкованию латинских служб XIII в. [2, с. 220]. Этот фрагмент характерен: церковная практика у Ключевского сопрягается с исследовательским интересом к литургической и исторической стороне христианства.

Важная черта его подхода – требование научной проверки исторического движения христианства и основ православия. Здесь угадывается не «антицерковность», а установка историка: Церковь достойна серьёзного изучения именно потому, что является реальным (а не отвлечённым) фактором русской истории. Другой важной чертой Ключевского, как человека и исследователя, был персонализм, имеющий либеральные истоки: «Непреходящей чертой мировоззрения историка было убеждение в примате свободной личности. Его дополняло неотступное нахождение Ключевского среди сторонников начавшихся в 60-е гг. преобразований, которые открыли России путь либеральной модернизации» [3, с. 25].

Отдельный вопрос – отношение Ключевского к русскому монашеству. Возьмем, к примеру его особый интерес к Соловецкому монастырю. Для Ключевского монашество и монастырская сеть – один из ключевых механизмов исторического развития Руси, особенно в северных регионах. В очерках о Соловецком монастыре он показывает, как монастырское присутствие оформляет пространство через культ, инфраструктуру и хозяйство.

Показателен эпизод о первой церкви в Поморье: «первую церковь в Поморье воздвиг Соловецкий монастырь на р. Кеми». Здесь Церковь выступает в буквальном смысле «строителем» культурного ландшафта: храм становится пунктом закрепления населения и символическим центром территории [4, с. 16].

Далее Ключевский раскрывает и «государственно-оборонный» аспект монастырского присутствия. Он фиксирует поручение Соловецкому монастырю управлять Кемской волостью и содержать воинскую охрану от внешних угроз («немецкие люди… приходят войною»). В логике Ключевского монастырь оказывается узлом, соединяющим духовную миссию, хозяйственную деятельность и функции пограничной безопасности – т.е. реальным институтом исторического действия, а не только «религиозной декорацией».

Тем самым РПЦ (через монастырь) у Ключевского – это способ организации периферии государства, формирование сети опорных пунктов культуры и управления. Подобный подход, рассматривающий церковную историю в тесной связи с экономически и социальным контекстами не был характерен для отечественной дореволюционной историографии, но Ключевский доказал продуктивность такого подхода.

Он показал, что приход был не только религиозным центром, но и школой для русского крестьянского общества. Так, в статье «Два воспитания» Ключевский формулирует одну из самых ёмких характеристик традиционного устройства русской жизни: «школой душевного спасения для мирян была приходская церковь с ее священником, духовным отцом своих прихожан» [1, с. 9]. Через приход народ узнавал, как надо верить, почему надо чтить царя и уважать духовенство. У Ключевского приход – это средство интеграции простого народа, причем не только религиозной. Но и социальной, и политической.

В дневниковой записи он говорит о ситуации, когда «слово божие слишком заглушено человеческими звуками», вера «потопает в формах», и «церковь падает на степень театра» [1, с. 287]. Таким образом, у Ключевского можно выделить две логики:

– историко-институциональная (Церковь как деятель истории, воспитание, колонизация);

– критико-культурная (опасность формализма, «театрализация», разрыв образованных слоёв с церковной жизнью).

Отношение Ключевского к РПЦ проявляется и на уровне институциональных пересечений науки и церковной культуры. Комментарии фиксируют, что он преподавал в Московской духовной академии с 1871 г. и был вынужден оставить её по требованию Св. Синода в 1906 г. Сам факт многолетнего преподавания в духовной академии важен: это зона контакта университетской исторической науки и церковного образовательного проекта.

Отметим публичное выступление Ключевского в Московской духовной академии по случаю 500-летия кончины Сергия Радонежского (1892 г.). При этом выдающаяся речь, без преувеличения – шедевр ораторского искусства, под названием «Значение преп. Сергия для русского народа и государства» была напечатана в «Богословском вестнике». Это демонстрирует: Ключевский не просто писал «о Церкви», но входил в церковно-академическое пространство как автор и оратор.

Таким образом, связь В. О. Ключевского с Русской православной церковью нельзя свести ни к «церковному апологетизму», ни к «секулярной критике». Его наследие показывает более сложную конструкцию. Ключевский оказывается одним из тех русских историков, для которых церковная история – это не часть маргинального богословия, а необходимое измерение социальной и культурной истории России.

Список литературы

1. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 9: Материалы разных лет / под ред. В. Л. Янина ; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. М. : Мысль, 1990. 525 с.

2. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М. : Наука, 1974. 661 с.

3. Китаев В. А. В. О. Ключевский и Россия 1860-х гг.: к характеристике общественно-политических взглядов историка // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 17–26.

4. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 8: Статьи. М. : Мысль, 1990. 445 с.

Информация об авторе: *Кэтанэ Вадим Федорович,* магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 070:778.5

ДЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ НА СТРАНИЦАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНСКИЕ ИСКРЫ» В 1920-е гг.

Ольга Арнольдовна Лозовская

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

tassilo@mail.ru

Аннотация. Приведены сведения о состоянии детского кинематографа в Ленинграде в 1920-е гг. и его отражение на страницах ленинградской газеты «Ленинские искры».

Ключевые слова: кино, кинотеатр, фильм, печать, Ленинград, деткоры

Развертывание пионерского движения в СССР способствовало развитию пионерской печати. К концу 1924 г. выходило уже 15 пионерских газет. В Ленинграде тоже была своя газета – «Ленинские искры», первый номер которой вышел в свет 31 августа 1924 г. Поначалу газету распространяли бесплатно сами сотрудники газеты, затем на «Ленинские искры» была объявлена подписка, и уже в течение недели после выхода первого номера на «Ленинские искры» было оформлено 12 тыс. подписок.

Отличительной особенностью работы первых пионерских газет была их тесная связь с детьми: вокруг каждого издания действовала широкая сеть «детских корреспондентов», деткоров, а также «юных корреспондентов», юнкоров. Эти корреспонденты собирали заметки, писали их и распространяли периодические пионерские издания в своих школах и пионерских отрядах.

Среди многочисленных тем, затрагиваемых юными корреспондентами, было кино.

К середине 1920-х гг. кино было ещё сравнительно юным жанром; при этом оно имело огромное влияние на своего зрителя. Тема влияния кино на детей активно обсуждалась педагогами и руководящими лицами, просто неравнодушными гражданами – в том числе на страницах периодической печати.

С 1924 г. – первого номера издания – по 1929 г. включительно в газете «Ленинские искры» было опубликовано около сорока статей и заметок, посвящённых кино.

При этом в 1920-е гг. советского детского кино практически не существовало. Поэтому вполне естественно, что о самих фильмах заметок мало: в 1925 г. в газете было рассказано о трех фильмах – «Дитя цирка» [1, с. 4], «Ванька-пионер» [2, с. 4], «Мишка Звонов – юный пионер» [3, с. 4], приводилась также заметка о съемках фильма «Коровины дети» [4, с. 6], в 1927 году – описывалась «Каштанка» [5, с. 4]. Кроме того, приводился ряд заметок о сценариях будущих фильмов – например, «Перо из Дакота» [6, с. 4], «Хазита», «Федькина правда» [7, с. 4].

Далее эти фильмы на страницах газеты никак не обсуждались: скорее всего, они, как и большинство подобных картин, были плохо сняты и нехудожественны; смотреть их было неинтересно еще и потому, что у подобных «пионерских» фильмов были серьезные конкуренты – западные ленты. Именно эти фильмы привлекали внимание не только детей, но и взрослых зрителей.

В «Ленинских искрах» говорилось об отсутствии хороших, подходящих для детей фильмов. «Нас, главным образом, пичкают американской приключенческой бандитской картиной. Такие картины вредно отражаются на некоторых пионерах и школьниках. Такие ребята увлекаются героями картин Гарри Пилем и другими и начинают им подражать» [8, с. 4] – так говорилось в заметке, подписанной редакцией газеты.

Предполагалось, что в газете откроется постоянный «кино-уголок». Читателям и деткорам предлагалось писать впечатления о просмотренных картинах, их достоинствах и недостатках.

Упомянутый «кино-уголок» (иногда это рубрика называлась «Театр и кино» или «Кино и театр») появлялся на страницах газеты достаточно часто. Деткоры в своих заметках требовали подходящих фильмов: «Пионеру нужны фильмы из пионерской жизни… интересны также революционные фильмы… Даешь хороший пионерский фильм!» [9, с. 4].

Подчеркивая свои требования хорошего детского фильма, газета объявила об общегородском диспуте по вопросам детского кино, который состоялся 23 января 1928 г. На нем прозвучал доклад председателя Художественного совета Совкино, выступали также представители ОБЛОНО, пионерской организации и школ.

В 1929 г. на страницах «Ленинских искр» осветили деятельность первой детской киноконференции Выборгского района Ленинграда, где присутствовало около 400 де-

тей, а также представители Совкино, педагоги и вожатые [10, с. 1]. В прениях пионеры предъявили свои требования к пионерскому фильму; вожатые говорили об отсутствии подробного рекомендательного списка детских фильмов; упоминали об отсутствии хороших сценаристов именно для детского кино.

Кроме того, участники конференции постановили просить райсовет Выборгского района и Ленинградский совет о закрытии церкви на Выборгской улице и об устройстве в ней детского кино.

В Ленинграде кино для детей показывали во взрослых кинотеатрах и заводских клубах. Показывали его мало и редко, о чем писали деткоры: «Детское кино бывает только раз в месяц. Детских утренников тоже мало… есть кино-театр, но только детских утренников почти никогда не бывает, поэтому многие ребята часто ходят на взрослые кино-сеансы и смотрят вещи, которые не приносят пользы, а один только вред» [11, с. 6].

В некоторых клубах, правда, ситуация была лучше: «У нас на «Красном Путиловце» для пионеров каждое воскресенье представлено кино, где демонстрируются хорошие фильмы…» [12, с. 4].

В январе 1927 г. планировалось открыть в Ленинграде первый детский кинотеатр. Предполагалось, что он займет помещение кинотеатра «Буревесник» на нынешней Садовой улице. Кинотеатр был рассчитан на 700 мест.

Кинотеатр не открылся; в «Ленинских искрах» это объяснили тем, что для целого кинотеатра в молодой стране слишком мало картин: «Если бы кино для детей, о котором мы сообщали в одном из прошлых номеров, открылся, то картин для него не хватило бы» [13, с. 6]. Поэтому было решено к февралю открыть в том же помещении не кинотеатр, а театр, в котором будет выступать ТЮЗ, кукольный театр, и лишь по воскресеньям будут проводиться киносеансы.

В октябре 1929 г. с опозданием из-за ремонта открылся кинотеатр «Смена». Конечно, двух кинотеатров не хватало на огромный город. Вследствие этого потребность детей и подростков в кино не удовлетворялась: «Ни одной хорошей картины не пришлось посмотреть в 1927 году ребятам, живущем в центральном районе» [14, с. 3].

Два детских кинотеатра тоже не вполне оправдали надежды: «О безобразиях около этого театра и внутри его… достаточно писали… Положение ничуть не улучшается. Хулиганство процветает по-прежнему» [15, с. 1]. Для решения проблемы предлагалось «ответственному распорядителю… ставить у дверей надежный контроль» [16, с. 3].

В «Ленинских искрах» постоянно поднимается вопрос о постоянной, налаженной, интересной киноработе: «Еще один вопрос, который также имеет для нас большое значение. Это – о массовой работе с детьми. Прежде всего по линии кино…» [14, с. 3].

В том же номере деткор предлагает изучить опыт Москвы и организовать кинокружки. Он справедливо замечает, что зрители по большому счету увлечены только сюжетом, не обращая внимания ни на игру актеров, ни на художественную постановку. Кроме того, деткор надеется, что найдутся такие ребята, которые сами смогут писать сценарии для кино [17, с. 4].

Идею кружков активно поддержали в следующих номерах «Ленинских искр»: «… хорошо было бы создавать такие пионерские кино-кружки. В кружках можно учиться смотреть фильму по-настоящему, распознавать художественную игру артистов. Не мешает организовать кино-кружки и в наших базах, и в школах» [7, с. 4].

«Через кружок можно будет увеличить число пионерских фильмов, может быть, найдутся ребята, которые напишут сценарий для кино. Через кружки пионеры получат, на все интересующие их о кино, ответы» [17, с. 4].

Интересно также то, что в газете освещалась также техническая сторона съемок: рассказывалось о том, например, как в кино выполняются разнообразные трюки, как снимают с воздуха, о создании первого в стране «говорящего кино-аппарата», рассказывалось о съемках фильма «Октябрь» Эйзенштейна [18, с. 4; 19, с. 3; 20, с. 2; 21, с. 2]. Вышла также довольно большая статья «Какие книги прочесть о кинематографе» [22, с. 4].

Таким образом, можно сделать вывод, что тема кино – важнейшего и любимейшего жанра детей - была в полной мере представлена на страницах «Ленинских искр». Рассматривались фильмы, освещалась воспитательная и образовательная роль кино. Редакция газеты умело направляла деткоров, «взрослые» статьи и заметки, мысли и рекомендации удачно дополнялись заметками маленьких зрителей, которые очень хотели как можно скорее получить интересные, хорошо снятые фильмы.

Список литературы

1. Наш кинематограф // Ленинские искры. 1925. № 1. С. 4.
2. Киноуголок // Ленинские искры. 1925. № 4. С. 4.
3. Пионер-кино. Мишка Звонов – юный пионер // Ленинские искры. 1925. № 34. С. 4.
4. Киноуголок. Фильм из жизни беспризорных // Ленинские искры. 1925. № 43. С. 6.
5. Декабрьский М. Каштанка добежала // Ленинские искры. 1927. № 1. С. 4.
6. Театр и кино. Перо из Дакота // Ленинские искры. 1926. № 3. С. 4.
7. Кино и театр // Ленинские искры. 1926. № 9. С. 4.
8. Киноуголок // Ленинские искры. 1925. № 43. С. 4.
9. Даешь хороший пионерский фильм! // Ленинские искры. 1926. № 3. С. 4.
10. Наше слово о нашем кино // Ленинские искры. 1929. № 12. С. 1.
11. Кино не для нас // Ленинские искры. 1929. № 22. С. 6.
12. Пионерское кино // Ленинские искры. 1925. № 8. С. 4.
13. Кино и театр для детей // Ленинские искры. 1927. № 3. С. 6.
14. Мы требуем настоящий детский фильм // Ленинские искры. 1928. № 1. С. 3.
15. Детское кино – детям // Ленинские искры.1928. № 54. С. 1.
16. Театр и кино. Не пускать шпану // Ленинские искры.1926. № 3. С. 3.
17. Театр и кино // Ленинские искры. 1926. № 3. С. 4.
18. Чудеса и трюки // Ленинские искры. 1925. № 14. С. 4.
19. Киносъемка в воздухе // Ленинские искры. 1925. № 15. С. 3.
20. Говорящее кино // Ленинские искры. 1929. № 27. С. 2.
21. Как снималась картина «Октябрь» // Ленинские искры. 1927. № 35. С. 2.
22. Какие книги прочесть о кинематографе // Ленинские искры. 1926. № 42. С. 4.

Информация об авторе: *Лозовская Ольга Арнольдовна*, соискатель кафедры отечественной истории и архивоведения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Россия, г. Казань).

УДК 327

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЙ ЯПОНИИ К РОССИИ

Илья Алексеевич Луняков

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

mr.1337-1453@mail.ru

Аннотация. Рассматривается динамика российско-японских отношений по поводу Курильских островов. Приводятся анализ международных соглашений, заключенных в период с XIX

по XX в., а также аргументации Японии в обоснование своих территориальных претензий к России. Сделан вывод о необоснованности аргументов японской стороны, которые не согласуются ни с историческим контекстом, ни с содержанием международных актов, относящихся к островам Курильской гряды.
Ключевые слова: Курильские острова, территориальные претензии, Симодский трактат, Сан-Францисский договор

С окончания Второй мировой войны прошло уже более восьмидесяти лет, а между Россией и Японией до сих пор нет мирного договора и одной из причин этому является претензия Японии на российские острова Курильской гряды Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. Для определения того, насколько обоснованны претензии Японии, важно не только рассмотрение первенства той или иной страны в освоении островов, но и анализ международно-правового закрепления их статуса в различные исторические периоды. При этом, второй аспект представляется гораздо существеннее, так как, во-первых, он отражает официальную позицию государств, отказ от которой может рассматриваться как попрание международного права, во-вторых, каждая из сторон заявляет о своем первенстве открытия оспариваемых территорий, что в отличие от подписанных договоров не всегда проверяемо на достоверность, в-третьих, сам факт прибытия на острова отрядов казаков с российской стороны либо японцев не свидетельствует об автоматическом отнесении соответствующих территорий к неотделимой части российского или японского государства. Кроме того, притеснение японцами айнов на Курилах в конце XVIII в., спровоцировавшее их восстание [1, с. 89], явно не свидетельствует об отношении Японии к этим островам и их жителям как к своим территориям, требующим более бережного отношения.

Прежде чем анализировать обоснованность позиций сторон в отношении оспариваемых территорий, следует кратко вспомнить хронологию заключения международных актов, касаемых этого вопроса. Первым соглашением между Россией и Японией по поводу Курильских островов стал Симодский трактат 1855 г., в соответствии с которым Сахалин оставался в совместном пользовании, а Курильские острова были поделены по проливу Фриза. Однако в 1875 г. положения трактата были пересмотрены Петербургским договором, по которому к Японии отходили все Курильские острова, а Россия устанавливала свою юрисдикцию над Сахалином. В 1905 г., после русско-японской войны, в Портсмуте был подписан новый договор на японских условиях, согласно которому Япония, сохраняя контроль над Курилами получала южную часть Сахалина.

В 1945 г. СССР заключил Ялтинские соглашения с США и Великобританией, в которых закреплялось, что после разгрома Японии СССР восстанавливает свою юрисдикцию над всем Сахалином и получает Курильские острова. 2 сентября 1945 г. Япония с одной стороны, и девять государств (включая СССР) с другой стороны, подписали акт о безоговорочной капитуляции Японии. Акт о капитуляции отсылал к подписанной ранее Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., предусматривавшей отторжение от Японии ряда территорий, среди которых были и Курильские острова.

В сентябре 1951 г. был подписан Сан-Францисский мирный договор, в соответствии с котором Япония отказывалась от претензий на все Курильские острова, однако, в чью пользу договор не уточнял [2, с. 102]. Из-за разногласий с США по поводу ряда формулировок договора и неприглашения к его подписанию некоторых стран, СССР отказался от подписания договора. Вместе с тем, на уровне двусторонних отношений, после длительных и трудных переговоров СССР и Япония в 1956 г. заключили Совместную декларацию о прекращении войны, в которой предусмотрели возмож-

ность передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора [3, с. 186]. В скором времени между СССР и Японией возникли непреодолимые разногласия, так как Япония, под давлением США начала настаивать на передаче ей не только Хабомаи и Шикотана, но и Кунашира с Итурупом, а СССР ввиду усиления военного американо-японского сотрудничества отказался от обсуждения передачи вообще каких-либо островов [4, с. 3; 5, с. 3].

Аргументация японской стороны, в обосновании своих претензий с течением времени неоднократно менялась, но в целом сводилась к тому, что во-первых, СССР в ходе заключения Ялтинских соглашений договаривался не с Японией, а с США и Великобританией, во-вторых, СССР не подписывал Сан-Францисский мирный договор, а в самом тексте договора нет указания на переход Курильских островов в пользу Советского Союза, в-третьих, Япония не рассматривает острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан как часть островов Курильской гряды по поводу которых и были договоренности, а определяет их как «северные территории».

Вместе с тем, апеллирование к тому, что Ялтинские соглашения, заключаемые без участия Японии не обеспечивают легитимный переход островов под советскую юрисдикцию, не представляется убедительным. На период 1945 г., когда Япония выступала союзником гитлеровской Германии, с которой СССР находился в состоянии войны, заключение каких-либо договоров с Японией было невозможным. При этом, СССР стремился получить контроль над занятой японцами частью Сахалина и Курильскими островами не только в результате военной операции, но и на основании международного соглашения, обосновывающего и легитимизирующего проведение как военной операции, так и последующий контроль соответствующих территорий.

В силу того, что к 1945 г. не было никаких международных институций, к которым можно было бы апеллировать, так как Лига наций фактически утратила свою дееспособность, а ООН еще не была образована, Ялтинские соглашения стали единственно возможной легитимной формой определения дальнейшего мироустройства. Важность Ялтинских соглашений проявилась и в том, что СССР стремился действовать не в одностороннем порядке по праву сильного, а на основе договоренностей. Круг договаривающихся сторон определялся исторической реальностью и не мог включать в себя ни Германию, ни Японию, но при этом в него вошли страны, сыгравшие ключевую роль в создании ООН.

То, что СССР не подписывал Сан-Францисский мирный договор, а в самом договоре не указывалось на переход Курильских островов к какому-либо государству, никак не снимает с Японии взятых ею на себя договорных обязательств по отказу от претензий на эти острова, корреспондирующих ранее заключенному в сентябре 1945 г. Акту о капитуляции Японии, отсылающему к Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. Если по поводу Ялтинских соглашений Япония еще могла заявлять о том, что она в них не участвовала и поэтому не признает достигнутых на них договоренностей, то в отношении Сан-Францисского мирного договора такого уже сказать нельзя. Япония сама подписала отказ от Курильских островов и если отсутствие упоминания в договоре того, кому принадлежат острова не подтверждает российскую юрисдикцию над ними, но и не опровергает ее, то отказ Японии от этих островов полностью исключает возможность японских претензий на эти территории.

Заявления японской стороны о том, что острова Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан не входят в Курильскую гряду, а относятся к «северным территориям», что как бы выводит их из всех предыдущих договоренностей, также несостоятельны. Еще в Симодском трактате 1855 г. сама Япония относила оспариваемые острова к Курилам,

что видно из лингвистического анализа этого документа, имеющего русский перевод [6, с. 169]. Так как Симодский трактат был составлен на голландском языке, в переводах на русский и на японский языки возникли некоторые расхождения. В русском варианте после слов «весь Уруп» наличествует слово «прочие» перед фразой «Курильские острова», а в японском варианте слово «прочие» отсутствует, что позволило японский дипломатии со второй половины XX в. заявлять о невхождении оспариваемых островов в состав Курил, хотя ранее так вопрос не стоял [7, с. 135].

Вместе с тем, даже японский вариант текста Симодского трактата не свидетельствует об однозначном географическом размежевании островов Курильской гряды, тогда как все заявления японских дипломатов и политиков, в которых упоминались острова, не указывали на их географическую сепарацию с японской стороны. Также и последующие международные акты рассматривали Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан в контексте островов Курильской гряды, против чего Япония не возражала вплоть до второй половины XX в. Принятие же в 80-х гг. XX в. в Японии закона, определяющего южнокурильские острова как «исконно японские северные территории», не относящиеся к Курилам, не имеет международно-правового значения и не может рассматриваться как аргумент в пользу территориальных претензий Японии. Иначе любое государство могло бы в одностороннем порядке менять статус любой территории, что мгновенно разрушило бы весь миропорядок.

Таким образом, на основе рассмотрения историко-правового аспекта взаимоотношений России и Японии по поводу Курильских островов можем констатировать следующее. Во-первых, переход островов под советскую юрисдикцию имеет легитимную основу в виде Ялтинских соглашений. Во-вторых, Япония отказалась от претензий на острова в последующих международных договорах. В-третьих, одностороннее включение островов в «северные территории» японским законодательством не имеет международно-правового значения и не налагает на другие государства какие-либо обязательства или ограничения. Из этого можем сделать вывод о несостоятельности территориальных претензий Японии к России.

Список литературы

1. Лим С. Ч. Восстание айнов на острове Кунашир и в Менаси (на северо-востоке Эдзо) в 1789 году // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 87–92.

2. Сан-Францисский мирный договор (Сан-Франциско, 8 сентября 1951 г.) // Сборник материалов и документов по Японии. 1951–1954 гг. М. : ДВО МИД СССР, 1954. С. 89–104.

3. Совместная декларация СССР и Японии о прекращении состояния войны (Москва, 19 октября 1956 г.) // Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М. : Алгоритм, 2015. С. 186.

4. Известия. 1960. 29 января. № 24.

5. Правда. 1960. 26 февраля. № 57.

6. Сапрыкина А. О. Сравнительный анализ текстов Симодского трактата 1855 года на русском и японском языке с точки зрения соответствия признаков прототипического концепта жанра «договор» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79). С. 166–173.

7. Ильинская О. И. Правовые основы территориального размежевания между Россией и Японией // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 129–141.

Информация об авторе: *Луняков Илья Алексеевич*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93

К ВОПРОСУ О РОЛИ Г. ГАПОНА В СОБЫТИЯХ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.

Степан Анатольевич Новиков

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

al_druin@mail.ru

Аннотация. Описываются сложившиеся в исторической науке традиционные трактовки событий 9 января 1905 г. и роли Г. Гапона в них. Анализируются сведения, представленные в «Истории моей жизни» Г. Гапона как организатора и непосредственного участника шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. Приводятся данные современников событий из слоя интеллигенции: М. Горького и Л. Я. Гуревич. Анализируются дневники Николая II на наличие сведений о «Кровавом воскресенье». Излагается мнение В. И. Ленина о роли Г. Гапона в событиях 9 января 1905 г. и их историческом значении.

Ключевые слова: В. И. Ленин, воспоминания современников, Г. Гапон, «Кровавое воскресенье», Л. Я. Гуревич, М. Горький, Николай II, сведения очевидцев

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ А. М. Ефремкина.

«Кровавое воскресенье» – события 9 (22) января 1905 г. в Санкт-Петербурге. В этот день войска и полиция столицы применили оружие для разгона мирного шествия рабочих, направлявшихся с петицией к императору Николаю II. Организатором шествия был Георгий Гапон – священник, создатель и руководитель «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». Правительственное сообщение от 10 января 1905 г. говорило о 76 убитых и 233 раненых, потерпевших от выстрелов [1]. По архивным данным жертвами Кровавого воскресенья стали 150 человек погибшими и 299 человек ранеными [2, с. 63].

С. Н. Семанов описывает устоявшуюся в исторической науке традиционную точку зрения о событиях 9 января 1905 г. Она заключается в том, что Кровавое воскресенье было провокацией, а Г. Гапон – один из ее активных организаторов. Это подтверждается рядом работ, которые С. Н. Семанов приводит как пример подобной точки зрения [3, с. 182]. Историк А. М. Панкратова писала: «Полиция и охранка одобрили план Гапона, замышляя кровавую расправу над рабочими» [4, с. 58]. В. И. Бовыкин писал, что Гапон выдвинул идею шествия к царю с ведома царских властей [5, с. 31]. Однако С. Н. Семанов отказывается от данных трактовок, указывая, что они не подтверждаются документальными сведениями ввиду их отсутствия, называет их «предельно упрощенными» [3, с. 182]. Действительно, подобное схематичное изложение событий не может дать объяснения такому сложному, противоречивому событию, каким было Кровавое воскресенье. Потому необходим анализ непосредственных свидетельств, оставленных участниками, очевидцами и современниками событий 9 января 1905 г. Причем свидетельства нужно отбирать у как можно более широкого круга лиц разных идейных позиций и социального положения.

Классическим, хотя и тенденциозным признается исследование историка С. С. Ольденбурга. В его работе «Царствование Императора Николая II» излагается созвучная вышеописанной позиция только с другой, промонархической стороны. Говоря о внутренних волнениях в России в начале XX в. на фоне русско-японской войны 1904-1905 гг., Ольденбург пишет, что они «были необходимы Японии как воздух»; он утверждает, что революционеры, которых он называет внутренними врагами, не отка-

зывались от помощи внешних врагов. Причем подобные «пожертвования», по словам автора, были многократными. При этом сам же Ольденбург оговаривается, что документальных подтверждений этому нет. В исследовании Ольденбурга находится место и Г. Гапону. По его словам, Гапон «был, несомненно, недюжинным демагогом, а также человеком, весьма неразборчивым в средствах». Также Ольденбург называет его человеком с неясными убеждениями, который «просто плыл по течению», осторожным «вожаком движения», якшавшемся с революционерами [6, с. 293–295]. Таким образом, С. С. Ольденбург видит в причинах революционного подъема внешнее иностранное влияние, шествие рабочих называет заговором социал-демократов, а Г. Гапона – главным заговорщиком и обманщиком рабочих.

Г. Гапон оставил мемуары, издававшиеся под названиями «Записки Георгия Гапона» и «История моей жизни». Описывая его с рабочими обсуждение содержания письма от 8 января 1905 г., направленного Николаю II, Гапон пишет об «искренности и простодушии, которые руководили рабочими». Он был уверен, «что если бы царь явился к народу и что-нибудь случилось бы с ним, люди эти покончили бы с собой» [7, с. 96–97]. После встречи с министром внутренних дел П. Д. Святополк-Мирским Гапон убеждается, что власти, как он пишет, «вероятно, захотят нас остановить». Для предотвращения возможного кровопролития он предостерегает представителей социал-демократической и социал-революционной партий от использования красных флагов, чтобы «не предавать нашей демонстрации революционного характера», говорит рабочим не брать оружие, посылает людей к «известным либералам, в том числе и к Максиму Горькому, <…> чтобы предотвратить кровопролитие» [7, с. 100–102]. Отказ от партийности и революционности Гапон использовал также для консолидации рабочих, так как «партийные возгласы и попытки призвать народ под красные флаги вызывали бурный гнев толпы», а «руководители движения, с Гапоном во главе, употребляли все усилия, чтобы не допустить партийных ораторов и толпу до явных столкновений и не разбить цельности народного настроения» [8].

Описывая утро 9 января, Гапон сообщает, что «весь Петербург превратился в военный лагерь», а «в самой [Петропавловской] крепости были сделаны разные приготовления, как будто японцы, а не безоружные подданные царя грозили ей». Сам Гапон послал рабочих за хоругвями, образами и царским портретом, чтобы придать «всей демонстрации религиозный характер», «подчеркнуть миролюбивый и пристойный характер нашей процессии» [7, с. 105–106]. Таким образом, до самого рокового события Г. Гапон стремился придать акции мирный, нереволюционный характер, а её участникам – вид верных подданных царя, настроенных на диалог с властью, и всячески подчеркивал это. С. С. Ольденбург пишет, что использование икон и царского портрета – лишь маска для успокоения рабочих и придания демонстрантам защиты перед полицией и войсками [6, с. 299].

Г. Гапон описывает важное следствие расстрела рабочих 9 января 1905 г. Он называет это «переменой в его [народа] настроении». Гапон пишет: «Вид сотен безоружных и невинных жертв переполнил чашу народного терпения. Не успевали разгонять толпу, как она снова собиралась в другом месте, ораторы-революционеры, до того дня нежеланный элемент среди рабочих, находили массу слушателей». По сведениям Гапона рабочие стали восприимчивее к агитации революционеров, начали вооружаться и возводить баррикады в разных частях города [7, с. 111–113]. Воспоминания Г. Гапона, таким образом, подтверждают сформировавшийся в науке тезис о том, что Кровавое воскресенье разрушило имевшуюся у населения веру в царя, как защитника простого народа. Что интересно, С. С. Ольденбург высказывает несколько похожую

позицию: «9 января как бы вскрылся гнойник; оказалось, что не только интеллигенция, но и «просто народ <…> в значительной своей части находился в рядах противников существующего строя». Отклик рабочих на революционные лозунги он называет неожиданными [6, с. 300].

Гапон также указывает на жестокость, с которой шествия рабочих разгонялись царскими войсками. Разгон рабочих он называет бойней. С. С. Ольденбург отрицает это, описывая единый для всех мест города, где рабочие столкнулись с войсками, механизм: «Демонстранты доходили до кордона войск, отказывались разойтись, не отступали при холостых залпах и разбивались, когда войска открывали огонь». При этом он оправдывает действия власти, во-первых, защитой ее политический интересов, во-вторых, слабостью полицейского аппарата, который не смог не допустить демонстрацию превентивными мерами [6, с. 299–300]. Правительственное сообщение называет действия войск вынужденной мерой, говоря о случаях нападения рабочих на войска, что не описывается другими источниками [1].

Итак, воспоминания, оставленные Г. Гапоном, иллюстрируют, что события 9 января 1905 г. были действительно кровавыми. Демонстрация рабочих имела мирный и религиозный характер, основанный на вере в царя-защитника, что всячески подчеркивалось как Гапоном, так и другими участниками шествия. Войска разгоняли шествие рабочих, проявляя жестокость и цинизм. Однако описываются и случаи, когда солдаты отказывались, например, стрелять в рабочих или открыто переходили на их сторону, что показывает кризис в верхах, хотя такие случаи и были единичными.

Многое, что описал в своих воспоминаниях Гапон, перекликается с тем, что написала Л. Я. Гуревич – писательница, театральный и литературный критик, общественный деятель, свидетель событий 9 января 1905 г. В своем очерке «Девятое января» она сообщает, что «особенно бросается в глаза восторженная, цельная вера в царя». Революционные лозунги о низвержении самодержавия рабочими не поддерживались. Гуревич пишет, что это лишь «одно из многих указаний на то, что движение было чисто народным и внепартийным». Роль Гапона в январских событиях она называет огромной: «…В наиболее решительный и ответственный момент он явился только могущественным рупором того рабочего коллектива, который вскоре составился вокруг него в «Собрании русских фабричных и заводских рабочих С.-Петербурга». Гуревич утверждает, что именно фигура Гапона завлекла в явно зубатовскую организацию не только простых рабочих, но и представителей рабочей интеллигенции, сознательных рабочих и «кое-кого из партийно окрашенных людей». В итоге, по сведениям Гуревич, трудящиеся стали именовать Гапона «одним таким батюшкой», указывая на правоту его слов, а всех прочих – «негодяями» [8].

Уже после расстрела шествия у Нарвской заставы, увидев множество убитых рабочих, и будучи в безопасном месте, Гапон воскликнет: «Нет у нас больше царя» [7, с. 109]. Его разочарование в царской власти подтверждает другой современник рассматриваемых событий – писатель М. Горький. Он был непосредственным очевидцем шествия рабочих и его разгона. В своем письме Е. П. Пешковой от 9 января 1905 г. он пишет: «[Гапон] теперь говорит, что царя больше нет, нет Бога и церкви, в этом смысле он говорил только сейчас в одном собрании публично и – так же пишет». Описывая положение дел в городе Горький сообщает: «Бастует всё, кроме конок, булочных и электрической станции, которая охраняется войсками. Но вся Петербургская сторона во мраке – перерезаны провода. Настроение – растет, престиж царя здесь убит – вот значение дня». Горький подтверждает жестокость войск и полиции по отношению к рабочим. Он пишет, что «избиение – предумышленное и затеяно в грандиозных раз-

мерах», «сначала все шло мирно, затем кавалерия обнажила шашки и начала рубить». Вину за кровопролитие Горький всецело вменяет правительству. Он описывает, как с другими представителями от рабочих они пытались довести до П. Д. Святополк-Мирского, его товарища К. Н. Рыдзевского, до С. Ю. Витте необходимость допустить их до царя и убрать войска. Результата это не дало. Причем Горький подтверждает слова Гапона о мирном и религиозном характере шествия – об утре 9 января он пишет, что рабочие «шли с церковными хоругвями, с портретами царя и царицы, их вел священник Гапон с крестом в руке» [9].

Именно на время правления императора Николая II Александровича пришлось Кровавое воскресенье. Он вел дневники, в которых, в том числе, писалось о Г. Гапоне и волнениях рабочих. В записи от 8 января 1905 г. Николай II пишет, «со вчерашнего дня забастовали все заводы и фабрики» и «во главе рабочего союза стоит какой-то священник – социалист Гапон». 9 января 1905 г. Николай II оставил такую запись: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» [10, с. 15]. Никак более ни Г. Гапон, ни волнения рабочих в дневниках императора не упоминаются. Таким образом, дневники Николая II содержат одну запись о Г. Гапоне – его упоминание, и одну запись о самом Кровавом воскресенье. Больше писать об этом событии государь нужным не счел. 19 января того же года Николай II принял депутацию рабочих. В разговоре с ними он, не указывая на конкретных лиц, назвал организаторов шествия обманщиками, изменниками и врагами Родины. Рабочих, участвовавших в шествии, он назвал мятежниками и указал, что «мятежною толпою заявлять Мне о своих нуждах – преступно» [11, с. 55]. В тех же красках высказывалось правительственное сообщение. Действия Гапона, его проповедь, оно называет фанатичными и преступными [1]. Таким образом Император Всероссийский пытался представить действия рабочих как результат внешнего вмешательства, не видя их причин в своей политике и не признавая своей ответственности.

Кровавое воскресенье явилось для Николая II искренне неожиданным событием. В своих дневниках в записи от 8 января 1905 г. он писал, что «рабочие до сих пор вели себя спокойно» [10, с. 15]. Этому противоречат сведения, предоставленные Л. Н. Кременецким в записках директору Департамента полиции Санкт-Петербурга А. А. Лопухину. О деятельности Гапона и об определенных приготовлениях Союза к стачкам власти знали еще в последние дни декабря 1904 г., а о шествии в сторону Дворцовой площади – 8 января 1905 г. Было известно содержание проекта петиции, которую рабочие будут стремиться передать царю. При этом отмечается, что «многие рабочие не сочувствуют им [положениям петиции]», и «этих требований рабочие особенно настойчиво добиваться не станут» [12].

О событиях 9 января 1905 г. и о Г. Гапоне писал также В. И. Ленин. Его статья «Революционные дни», впервые напечатанная 31 (18) января 1905 г. в № 4 газеты «Вперед», – также ценный источник сведений. Однако сразу стоит отметить, что к сведениям, предоставляемым им, стоит относиться с некоторой долей осторожности, так как Ленин не являлся очевидцем событий, которые он описывает. На момент 9 января 1905 г. он находился в эмиграции.

Ленин, рассуждая о роли Гапона в организации демонстрации и о том, в действительности ли он является провокатором и проводником идей С. В. Зубатова, приводит ряд фактов. Во-первых, Гапон действительно был участником и руководителем («коноводом», как пишет Ленин) зубатовского «Собрания русских фабрично-заводских

рабочих г. Санкт-Петербурга». Во-вторых, и отечественные, и иностранные газеты подмечали, что стачечное движение ширилось при дозволении полиции, и, что правительство желало «вызвать кровавую расправу [над рабочими] при наиболее выгодных для него условиях». Зубатовцы таким образом стали исполнителями воли правительства, вовлекая в свое общество изначально сторонящихся его рабочую интеллигенцию и сознательных пролетариев. Так правительство получило подконтрольную им демонстрацию и повод для его разгона – способ устрашения рабочих. Ленин допускает (именно допускает) возможность подобного заговорщического характера событий 9 января 1905 г., но не приписывает при этом роль заговорщика самому Гапону. Ленин склоняется все же в сторону признания искренности действий Гапона, так как тот уже после Кровавого воскресенья будет агитировать за продолжение восстания [13, с. 210–211]. Гапон «за один день перешел от призыва – идти с мирным ходатайством к самому царю – к призыву начинать революцию» [13, с. 216].

Действия правительства по подавлению восстания Ленин характеризует как бойню. Бойню, на которую «правительство рассчитывало». По словам Ленина, власть готовилось к разгону шествия с военной точки зрения. Правительство «убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам» [13, с. 212].

Указывая на действия власти и рабочих во время Кровавого воскресенья, Ленин описывал огромную историческую роль этого события. Он писал, что пролетариат, во-первых, познав военный урок правительства, научится искусству гражданской войны, которая будет вестись «в интересах массы народа против тиранов». Теперь, по его словам, когда правительство их заставило, рабочие перейдут к вооруженной борьбе и никакие запреты их не остановят. Во-вторых, народ познал урок «царя-батюшки». Ленин указывает, что (патриархальная, как он пишет) вера в царя разрушалась со временем под действием исторического развития, а 9 января 1905 г. стал тем днем, который «поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянкой веры в царя батюшку» [13, с. 213–218]. Таким образом, именно действия властей – тот фактор, что толкнули рабочих против власти и лично против царя. В. И. Ленин не утверждает, но допускает, что события 9 января 1905 г. – результат заговора царской власти. Гапон в этом заговоре являлся лишь инструментом, искренним в своих убеждениях. Само Кровавое воскресенье Ленин характеризует как событие, имеющее важное историческое значение как для пролетариата, так и для России в целом.

Итак, сведения о событиях 9 января 1905 г. и о роли Г. Гапона в нем представлены широким кругом источников. В общем само Кровавое воскресенье именуется знаменательным историческим событием, но разные авторы видят в нем заговор властей либо трагичный просчет лично Гапона. Характер столкновений между рабочими и армией все стороны однозначно описывают как бойню. Разница состоит в описании причин действий властей. Авторы, которых можно называть провластными, говорят о том, что войска были вынуждены стрелять, ввиду слабости полиции, и чтобы предотвратить дальнейший хаос. Авторы, которые были настроены к царской власти негативно, указывают на жестокость власти и немотивированность ее действий перед безоружными рабочими. Гапон одними современниками описывается как заговорщик и предатель, а другими – как искренний в своих заблуждениях человек, стремившийся наладить взаимодействие между властью и рабочими. Однако именно его заблуждения, которые он распространял среди рабочих, отчасти стали причиной роковых событий 9 января 1905 г. Всеми авторами указывается, что после них Гапон поменял свои убеждения, прекратил сотрудничество с властью и призывал народ к восстанию.

Список литературы

1. Правительственное сообщение о событиях 9 января 1905 г. // Викитека. 2026. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Правительственное_сообщение_о_событиях_9_января_1905_года (дата обращения: 10.03.2026).
2. Петров А. И. Документы ЦГИА Санкт-Петербурга о жертвах 9 января 1905 г. // Отечественные архивы. 2018. № 3. С. 58–63.
3. Семанов С. М. «Кровавое воскресенье» как исторический феномен // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 182–188.
4. Панкратова А. М. Первая русская революция 1905–1907 гг. 2-е изд., доп. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1951. 244 с.
5. Бовыкин В. И. Революция 1905–1907 гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 95 с.
6. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II : в 2 т. Н. Новгород : Чёрная сотня, 2013. Т. 1. 437 с.
7. Гапон Г. А. История моей жизни. Берлин : Берлинское книгоиздательство, 1925. 148 с.
8. Гуревич Л. Я. Девятое января. 1926. // Викитека. 2026. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%B2%D1%8F%D1%82%D0%BE%D0%B5_%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8F_(%D0%93%D1%83%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87) (дата обращения: 10.03.2026).
9. Горький М. Письмо Е. П. Пешковой 9 января 1905 г. // Викитека. 2026. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Письмо_Е._П._Пешковой_9_января_1905_года_(Горький) (дата обращения: 10.03.2026).
10. Мироненко С. В. Дневники императора Николая II (1894–1918) : в 2 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. Т. 2: 1905–1918, ч. 1: 1905–1913. 824 с.
11. Полное собрание речей императора Николая II: 1894–1906 : [сост. по официальным данным «Правительственного Вестника»] / сост. В. Д. Зеленский. СПб. : Друг Народа, 1906. 80 с.
12. Записки начальника Петербургского охранного отделения Л. Н. Кременецкого директору Департамента полиции А. А. Лопухину // Викитека. 2026. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Записки_начальника_Петербургского_охранного_отделения_Л._Н._Кременецкого_директору_Департамента_полиции_А._А._Лопухину (дата обращения: 10.03.2026).
13. Ленин В. И. Революционные дни // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1967. Т. 9. С. 205–229.

Информация об авторе: *Новиков Степан Анатольевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47).06

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ НА ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ: ДИПЛОМАТИЯ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Алина Дмитриевна Новокрещенова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

novokresenovaalina@gmail.com

Аннотация. Рассматривается влияние иностранных держав на историю Российского государства в период дворцовых переворотов. Особое внимание уделяется механизмам дипломатиче-

ского и прямого вмешательства, которые использовали европейские державы для обеспечения своих интересов в России.

Ключевые слова: XVIII в., дворцовые перевороты, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, европейские державы, иностранные державы

В истории Российского государства XVIII в. занимает особое место, ознаменовав собой время бурных политических событий, получивших в историографии обобщающее название «эпоха дворцовых переворотов». Этот период, характеризующийся частой сменой монархов, острой борьбой за власть и стремительными изменениями в высших эшелонах управления, не только определил внутренний ход развития империи, но и оказал значительное влияние на ее внешнеполитический курс и международное положение.

В этот период наблюдался рост влияния гвардии на формирование власти, а также расширение прав важнейшей прослойки общества – дворянства. Традиционно анализ дворцовых переворотов фокусируется на внутриполитических причинах: борьбе придворных группировок, роли гвардии, амбициях отдельных личностей и династических противоречиях. Однако подобный взгляд, сколь бы важным он ни был, остается неполным без учета существенного фактора, активно присутствовавшего на российской политической арене того времени, – влияния иностранных держав.

Видный русский историк начала XX в. Н. И. Кареев обратил внимание на то, что дворцовые перевороты, характерные для античного Рима, Византии и России XVIII в., были редкостью для европейских абсолютных монархий XVII–XVIII столетий [1, с. 39]. Русская историография также признавала уникальность этого явления. В. О. Ключевский выделял целую эпоху дворцовых переворотов, ознаменовавшую появление новых тенденций в российской государственности. Петр I, не оставив четкого указания о наследнике и сломав традиционный порядок наследования по мужской линии, создал почву для борьбы за власть различных группировок. В эту борьбу включаются и иностранные державы [2].

Дипломатическое и прямое вмешательство представителей европейских государств стало неотъемлемой частью механизма, приводившего в движение колесо дворцовых переворотов. Россия, будучи сравнительно молодым, но амбициозным игроком на европейской арене, привлекала пристальное внимание как своих союзников, так и противников. Такие мощные державы, как Франция, Великобритания, Австрия, Пруссия и Швеция не могли оставаться равнодушными к тому, кто именно будет править такой обширной и стратегически важной территорией. Европейские державы старались обеспечить собственные геополитические интересы, с помощью поддержки или других мер по ослаблению тех или иных претендентов на престол, формируя определенные коалиции, манипулируя придворными и даже напрямую влияя на исход борьбы за власть.

В историографии наблюдается существующий пробел. Первостепенно уделяется внимание комплексному изучению механизмов дипломатического и военного вмешательства иностранных держав в процесс смены власти в Российской империи в XVIII в. Важно выйти за данные рамки поверхностного признания иностранного влияния и проанализировать, какие именно европейские страны использовали дипломатические рычаги, финансовые ресурсы, военную силу и разведывательные сети для достижения своих целей в контексте российских дворцовых переворотов.

При анализе правления императрицы Анны Иоанновны, как в дореволюционной, так и в современной российской исторической литературе часто используются такие оценочные понятия как «немецкое засилье» [3], «немецкая партия» [4, с. 55], «партия

иностранцев» [5, с. 450], «бироновщина» [6] или «остермановщина» [7, с. 290]. Эти термины, как правило, придают негативную окраску происходившим политическим процессам. Российская историческая наука традиционно характеризовала период правления Анны Иоанновны как неблагоприятный, связывая его с доминированием иностранных специалистов, в первую очередь немцев, во всех сферах государственной деятельности. Согласно этой точке зрения, императрица, чьи интеллектуальные способности оценивались как невысокие, фактически самоустранилась от управления, предоставив ключевые рычаги власти иностранному окружению под руководством ее фаворита Э. И. Бирона.

Период правления Анны Иоанновны ознаменовался усилением влияния иностранцев в российской элите. Проблема состояла в том, что иностранцы занимали ключевые посты в государственном управлении, армии, сфере науки и культуры, определяли направления внутренней и внешней политики. Если в начале правления Анны Иоанновны в составе правящей элиты (42 человека) около 36 % составляли представители старой российской аристократии и 24 % – иностранцы, то за последующее десятилетие это соотношение значительно меняется. Численность старой знати оставалась относительно стабильной до 1737 г., после чего наблюдался резкий спад (с 15 до 7 человек к концу 1739 г.). Однако этот процесс был временным, и к концу правления Анны Иоанновны, в период с января по октябрь 1740 г., доля старых аристократов в политической элите вновь возросла, достигнув 11 человек, или примерно 26 % [8, с. 295].

Число иностранцев на ключевых постах за время правления Анны Иоановны увеличилось с 10 до 14 человек, составив около 34 %, что привело к численному превосходству над старой знатью к 1737 г. В списке должностей, занимаемых иностранцами, значатся: обер-камергер, вице-президент Коллегии иностранных дел, президент Военной коллегии, президент Коммерц-коллегии, вице-президент Штатс-конторы, генерал-берг-директор, директор Артиллерийской канцелярии, директор Медицинской канцелярии, президент Академии наук, генерал-губернаторы (московский, рижский, ревельский), полковник двух гвардейских полков и обер-гофмаршал. Это вызывало недовольство российского дворянства и появление проектов ограничения иностранного влияния. В частности видный государственный деятель Артемий Волынский разработал «Проект о поправлении внутренних государственных дел». В результате интриг Э. Бирона, А. Остермана и других А. Волынский был обвинён в подготовке государственного переворота и казнен. Такая политика привела к очередному дворцовому перевороту в 1741 г., имевшему цель освободиться от засилья немцев [9, с. 49–50].

С началом царствования Елизаветы Петровны в России наблюдается значительное усиление французского влияния. Императрица, воспитанная в европейских традициях и свободно владея французским, выказывала явную симпатию к Франции. Вслед за этим французский язык стал активно использоваться при дворе, превратившись в предпочтительное средство общения для высшего света Санкт-Петербурга. Эта языковая ситуация отражала общеевропейскую тенденцию эпохи Просвещения, где французский язык играл роль универсального языка европейской интеллигенции, объединяя монархов, дипломатов и деятелей культуры. Французский писатель Д. Бугур отмечал, что знание французского языка было показателем ума для иностранцев [10, с. 14].

Французская литература и театр завоевывают российскую публику. Развивается французский театр, особенно в столице становятся популярными сочинения Расина, Мольера, Вольтера и других французских классиков. Именно в царствование Елизаве-

ты Петровны в Петербурге появляются первые печатные издания на французском: газета «Gazette de St. Pétersbourg» (1756–1759) и литературный журнал «Caméléon littéraire» (1755).

Ключевую роль в возведении на престол Елизаветы Петровны сыграла поддержка со стороны гвардии, а также дипломатическое вмешательство Швеции и Франции. Швеция, находясь в состоянии войны с Россией, видела в Елизавете возможность ослабить противника или добиться уступок. Франция, стремясь ослабить позиции проавстрийской партии при российском дворе, также оказывала Елизавете тайную поддержку. В то же время интересы Австрии и Великобритании были связаны с поддержкой правящего регента Анны Леопольдовны, что делало их оппонентами Елизаветы. Успех переворота во многом зависел от того, чья сторона получила наибольшую поддержку или, по крайней мере, нейтралитет иностранных держав.

С этого времени иностранная дипломатия (преимущественно французская и шведская) пытается вмешиваться во внутренние дела России и за предложения поддержки Елизавете добиваются от нее политических и территориальных уступок, означающих добровольный отказ от завоеваний Петра. Можно выделить посланника Франции Иоахима-Жанна Тротти маркиза де ла Шетарди и посланника Швеции Эрика Матиаса Нолькена. Дипломаты представляли при русском дворе страны-союзницы и имели общую цель, а именно добиться ослабления Российской империи. Для Франции необходимо было ослабить Россию, как соперника, на континенте – Австрии, а Швеция желала заполучить шанс реванша за поражение в Северной войне и пересмотреть условия Ништадского мира, которые являлись для нее крайне неудобными [11, с. 31].

Таким образом, анализ вмешательства европейских держав во внутреннюю политику Российского государства позволил заключить, что периоды политической нестабильности внутри Российской империи становились благоприятной почвой для реализации внешнеполитических амбиций других государств, а их участники и ресурсы часто выступали катализатором, а порой и непосредственным инициатором смены власти. Ведущие европейские державы, такие как Великобритания, Франция, Швеция и Пруссия, активно использовали нестабильность внутри России для достижения собственных стратегических целей, начиная от укрепления своих позиций на континенте и ограничения российского влияния и заканчивая обеспечением благоприятных торговых условий и защиты своих экономических интересов. Дипломатические миссии под видом осуществления обычных межгосударственных отношений зачастую становились центрами сбора информации и координации действий с различными придворными группировками. Все возможные манипулятивные методы служили мощными инструментами давления, позволяющими иностранным агентам влиять на исход борьбы за престол.

Особое значение приобретает тот факт, что дворцовые перевороты сопровождались выходом на международную арену новых сил, которые были готовы к компромиссам с внешними игроками ради удержания или обретения власти. Поэтому каждая новая власть стремилась заручиться поддержкой тех или иных иностранных государств, одновременно предоставляя им новые возможности для вмешательства в дела Российского государства в будущем.

Таким образом, суверенитет Российского государства был весьма условен, так как часто стирались границы внутренней и внешней границы из-за активного вмешательства европейских держав. Полностью отказываться от фактора влияния иностранных государств на правящих элит в контексте дворцовых переворотов нельзя. Данное

влияние не только способствовало дестабилизации монархии, но и оказывало долгосрочное воздействие на внешнеполитический курс России, формируя основные направления ее взаимодействия с европейскими державами и влияя на облик региональной политики.

Список литературы

1. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908. 452 с.
2. Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 т. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002. Т. 1. 592 с.
3. Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII в. // Либмонстр Россия (LIBMONSTER.RU). 2026. URL: https://libmonster.ru/m/articles/view/ВНУТРЕННЯЯ-ПОЛИТИКА-РОССИИ-СЕРЕДИНЫ-XVIII-ВЕКА (дата обращения: 25.03.2026).
4. Строев В. Н. Бироновщина и Кабинет министров : очерк внутренней политики императрицы Анны. Ч. 1: 1730–1735 гг. М. : Тип. Императорского Московского университета, 1909. 212 с.
5. Сборник русского исторического общества. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1870. Т. V. 511 с.
6. Карнович Е. П. Значение бироновщины в русской истории // Отечественные записки. 1873. № 11. С. 93–142.
7. История России с древнейших времен до 1861 г. : учебник для вузов / под ред. Н. И. Павленко. М. : Высш. шк., 2004. 536 с.
8. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. М. : Молодая гвардия, 2002. 362 с.
9. Русский архив. Историко-литературный сборник. 1868. Вып. 1–6. 592 с.
10. Гречаная Е. П. Когда Россия говорила по-французски. М. : ИМЛИ РАН, 2010. 382 с.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с франц. ; под ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. 446 с.

Информация об авторе: *Новокрещенова Алина Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 929:94(470)"18":82–94

РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ: ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ О ПРИЧИНАХ ДУЭЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И Н. С. МАРТЫНОВА

Илья Сергеевич Панин

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

dandadan90@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются причины, приведшие к дуэли 15 (27) июля 1841 г. между выдающимся поэтом XIX в. М. Ю. Лермонтовым и его товарищем Н. С. Мартыновым. Сделан вывод, что, несмотря на многообразие существующих теорий, ключевым фактором трагедии стал и затянувшийся личный конфликт и бескомпромиссность сторон.

Ключевые слова: смертельная дуэль, М. Ю. Лермонтов, Н. С. Мартынов, лермонтоведение, версии дуэли М. Ю. Лермонтова

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Перевод и переводоведение» ПензГТУ Л. В. Лебедевой.

Трагическая дуэль между Ю. М. Лермонтовым и Н. С. Мартыновым, произошедшая 15 (27) июля 1841 г. у подножия горы Машук, до сих пор вызывает множество вопросов о причинах, повлекших к столь роковому исходу – смерти великого поэта. Вот уже более 180 лет литературоведы и историки выдвигают разнообразные гипотезы относительно подлинных мотивов этого события.

В конце XIX в. была опубликована биографическая проза, автором которой является П. А. Висковатов – русский историк и литературовед. Его работа посвящена детальному описанию жизни и творчества М. Ю. Лермонтова [1]. Особое внимание в ней уделяется событиям накануне дуэли и ее причинам. Автор объясняет их условиями общественной жизни и личным конфликтом. Также к первым работам о М. Ю. Лермонтове относятся опубликованные воспоминания А. М. Меринского [2], А. И. Васильчикового [3] и др. Свидетельства А. М. Меринского связаны с жизнью М. Ю. Лермонтова в юнкерской школе. А. М. Меринский рассказывает о его характере, творчестве, отношениях с другими известными людьми и не касается последней дуэли. А. И. Васильчиков же, чьё имя упомянуто в числе свидетелей дуэли, уделяет вопросу возникновения поединка большее внимание, дабы «восстановить факты и описать это горестное происшествие» [3].

По классической версии трагическая дуэль произошла из-за неудачной шутки М. Ю. Лермонтова. До приезда поэта в Пятигорск М. Ю. Лермонтов и Н. С. Мартынов были близкими товарищами, нежели друзьями. По приезду в город М. Ю. Лермонтов с его двоюродным братом А. А. Столыпиным остановились в гостинице «Найтаки», где поэт, спустя двадцать минут пребывания, упомянул некую «мартышку», которая в это время находилась в городе. Так он приятельски отзывался о Н. С. Мартынове. Едкие и острые поддразнивания, часто опускавшиеся М. Ю. Лермонтовым в присутствии близкого круга лиц, буквально стали эталоном его порой несерьёзной и ребяческой личности. «Он не мог жить без того, чтобы не насмехаться над кем-либо; таких лиц было несколько в полку», – писал М. Б. Лобанов-Ростовский [4, с. 314]. Однако М. Ю. Лермонтов относился так не ко всем, а если шутки и заходили слишком далеко, он прилагал всевозможные усилия, дабы загладить вину и попросить прощения.

Существует неподтверждённая теория о том, что Н. С. Мартынова, находящегося под давлением из-за постоянных колкостей М. Ю. Лермонтова и чувства не отстоянной чести, на проведение дуэли подстрекало Третье отделение СЕИВК. В своей работе Г. Богословская, ссылаясь на материалы П. А. Висковатова, объясняет это тем, что «Николая Мартынова было проще подстрекнуть на недоброе дело, чем поручика Лисаневича (который сразу же отказался от этой идеи, обозначив это тем, что не осмелится поднять руку на такого человека)». П. А. Висковатов характеризовал Н. С. Мартынова как «человека ограниченного и с огромным самолюбием, который, когда оно было уязвлено, мог доходить до величайшего озлобления» [5].

Однако есть теории, опровергающие версию о заговоре. Среди значимых лиц, кому так не нравился великий поэт, был и император Николай I. Биографические материалы М. Ю. Лермонтова запрещались к публикации даже во времена правления его сына, Александра II. 12 июля 1841 г. Николай I распорядился, «дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку» [6]. Отсюда и теряется смысл проведения операции по устранению М. Ю. Лермонтова: зачем требовать удаления М. Ю. Лермонтова из Пятигорска, где эта операция якобы и должна проводиться?

Помимо всего прочего, дуэли избежать не вышло. 13 июля 1841 г. на вечере у генеральши М. И. Верзилиной, М. Ю. Лермонтов, заметив недалеко от себя мирно разго-

варивающего с молодой девицей Н. С. Мартынова, вновь опустил очередную шутку, назвав того «дикарём с большим кинжалом». Как вспоминала Е. А. Шан-Гирей, дочь М. И. Верзилиной, эти слова раздались по всей зале, вследствие чего «Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его наполнились гневом». Он сдержанно обратился к М. Ю., Лермонтову, очередной раз напоминая, чтобы тот не произносил своих колкостей при дамах, и вышел из залы. Никто не придал этой ссоре особого значения, но на следующий день Н. С. Мартынов вновь сказал М. Ю. Лермонтову, чтобы тот прекратил язвить, на что тот ответил: «Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?». Н. С. Мартынов ответил решительно «да», и тут же назначили день [7].

В биографии М. Ю. Лермонтова ещё тогда успели внести лепту неправдоподобных теорий относительно причин дуэли. Е. А. Шан-Гирей была крайне удивлена, читая в последних изданиях сочинений М. Ю. Лермонтова следующее: «Старшая дочь ген. Верзилина Эмилия кокетничала с Лермонтовым и Мартыновым, отдавая преимущество последнему, чем и возбудила в них ревность, что и подало повод к дуэли» [7].

Возвращаясь к возможному вмешательству Третьего отделения, можно предположить, что возможно в это время Н. С. Мартынов испытывал на себе действие подстрекателей, которые намекали тому, что любой отказ от дуэли понизит Н. С. Мартынова в статусе и выставит трусом. Э. Г. Герштейн в своей книге приводит примеры того, как Третье отделение СЕИВК, получив информацию о какой-либо предстоящей дуэли, предотвращало ее [8]. Безусловно, ведомство А. Х. Бенкендорфа было осведомлено о готовящейся дуэли М. Ю. Лермонтова с Н. С. Мартыновым – на следующий после дуэли день Пятигорск был буквально наводнен жандармами, однако не в интересах Третьего отделения, которое старалось как можно быстрее избавиться от М. Ю. Лермонтова, было уберегать его от опасности.

Дуэль состоялась у подножия горы Машук 15 (27) июля 1841 г. Никто из друзей М. Ю. Лермонтова не придал особого значения дуэли, надеясь на мирный исход с рукопожатием. Двоюродный брат М. Ю. Лермонтова, А. А. Столыпин, знал М. Ю. Лермонтова как никто другой и понимал, что тот не питал какой-либо злобы к Н. С. Мартынову, напротив, считая того хорошим другом и искренне радуясь каждой встрече с ним. Даже во время дуэли поэт направил пистолет в воздух, тем самым демонстративно показывая свой отказ от поединка. Вместе с этим возникало очень много вопросов. Один из них касается личной обиды Н. С. Мартынова. Гнусная черта поэта опускать не содержащие в себе никакого злого помысла шутки известна всем знакомым поэта, и Н. С. Мартынов не являлся исключением. Почему же Н. С. Мартынов оказался так серьёзен и обиделся? И при этом, почему М. Ю. Лермонтов мог позволить себе и дальше опускать колкости в его адрес? Как упоминалось ранее, если шутки заходили слишком далеко, то М. Ю. Лермонтов немедленно извинялся перед теми, кого обидел. Это касалось не только дам, но и мужчин. На том вечере у генеральши М. И. Верзилиной Н. С. Мартынов спешно покинул комнату, не дав М. Ю. Лермонтову возможности ответить. В ответ на замечание Эмилии «язык мой – враг мой» поэт успокоил ее, уверив, что завтра же они с Н. С. Мартыновым будут друзьями, то есть собирался примириться.

Существует ещё одна неподтверждённая легенда о том, что М. Ю. Лермонтову «наскучила жизнь». Е. Г. Быховец, кузина М.Ю, Лермонтова, писала: «Он мне всегда говорил, что ему жизнь ужасно надоела – судьба его так гнала, государь его не любил, великий князь ненавидел... и тут еще любовь: он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву; она ему была кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был» [9]. А. М. Меринский также вспоминает

в своих рассказах, что восьмого июля М. Ю. Лермонтов находился в странном расположении духа: «то грустен, то вдруг становился он желчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всем его окружавшем». «Чувствую – мне очень мало осталось жить» – произнёс тогда поэт [2, с. 172].

М. П. Глебов, друг М. Ю. Лермонтова, отрицает версию о самоубийстве поэта. По его словам, поэт ехал в Пятигорск с очень хорошим настроением, будто бы он направлялся на званый ужин. Письма М. Ю. Лермонтова из Пятигорска, написанные незадолго до дуэли, также не содержат признаков отчаяния или усталости от жизни. Напротив, они полны энергии и жизненных сил. Кроме того, 15 июля М. Ю. Лермонтов успел пройти 29 ванн, а в день дуэли он приобрел еще один курс. Эта информация зафиксирована в официальном документе «Книга дирекции Кавказских минеральных вод». В нем отражены данные о купленных билетах и вырученных деньгах за ванны на горяче-серных водах [10]. Все эти факты указывают на то, что М. Ю. Лермонтов не собирался заканчивать жизнь самоубийством.

Обстоятельства дуэли М. Ю. Лермонтова и Н. С. Мартынова долгое время оставались неясными. А. Я. Булгаков, основываясь на письмах В. С. Голицына и Н. В. Путяты, описывал её так: «Лермонтов при всех тотчас же готов просить у него прощение, но ответ был: Стреляй! – Я буду стрелять, но только не в тебя, – сказал Лермонтов и выстрелил на воздух». Однако князь А. И. Васильчиков в своих воспоминаниях утверждал, что М. Ю. Лермонтов намеренно оскорбил Н. С. Мартынова, заявив: «Стану я стрелять в такого дурака», что привело к трагедии. В порыве злости Н. С. Мартынов выстрелил, и М. Ю. Лермонтов погиб. Это потрясло всех участников дуэли [3].

Таким образом, единственным поводом для дуэли были постоянные колкости М. Ю. Лермонтова в адрес Н. С. Мартынова. Однако стоит упомянуть и тот факт, что отказ поэта стрелять в своего противника является доказанным, что подтверждается секундантами. Впоследствии это вынужден был признать и сам Н. С. Мартынов. Об этой дуэли было запрещено писать около тридцати лет. Затем были написаны многие тома исследований, но до сих пор о ней практически ничего в точности не известно. Из-за разнообразия и неподтвержденности некоторых фактов и теорий, истинные мотивы и причины данной дуэли до сих пор остаются не раскрытыми.

Список литературы

1. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М. : Современник, 1987. 497 с.

2. Меринский А. М. Воспоминание о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост.: М. И. Гиллельсон, О. В. Миллер. М. : Художественная литература, 1989. С. 170–177.

3. Васильчиков А. И. Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым // Русский архив. 1872. № 1. С. 211–212.

4. Лобанов-Ростовский М. Б. Из записок // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост.: М. И. Гиллельсон, О. В. Миллер. М. : Художественная литература, 1989. С. 314.

5. Богословская Г. Последняя дуэль Лермонтова: история политической версии (1841–1990-е гг.) // Проза.ру. 2025. URL: https://proza.ru/2025/01/07/827 (дата обращения: 01.03.2026).

6. Быков М. Кто убил Лермонтова? // Русский мир. 2011. 1 июля. URL: https://rusmir.media/2011/07/01/poet (дата обращения: 27.02.2026).

7. Шан Гирей Е. А. Воспоминание о Лермонтове // Тарханы. Государственный Лермонтовский музей-заповедник. 2026. URL: https://tarhany.ru/lermontov/vospominanija_sovremennikov_o_m_ju__lermontove/je_a__shan_girej__vospominanie_o_lermontove (дата обращения: 28.02.2026).

8. Левин В. Дуэль Лермонтова (Еще одна гипотеза) // Электронная библиотека TheLib.Ru. 2026. URL: https://thelib.ru/books/levin_vladimir/duel_lermontova_esche_odna_gipoteza-read.html (дата обращения: 02.03.2026).

9. Щеголев П. Е. Книга о Лермонтове. Л. : Прибой, 1929. Вып. 2. 248 с.

10. Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Глава III: Вторая ссылка М. Ю. Лермонтова на Кавказ. Лечебные ванны // Lermontov-lit.ru. 2026. URL: https://lermontov-lit.ru/lermontov/bio/nedumov-lermontovskij-pyatigorsk/lechebnye-vanny.htm (дата обращения: 06.04.2026).

Информация об авторе: *Панин Илья Сергеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 32.019.51+808.51

ОТВЕТ К. К. ЛАБЕНСКОГО НА КНИГУ МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»: ТАКТИКА ОПРОВЕРЖЕНИЯ

Виталий Иванович Пинковский

Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

alennart@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные приемы, используемые К. К. Лабенским в своеобразном неофициальном дипломатическом акте, а именно – в его книге, посвященной опровержению образа России, созданного французским путешественником маркизом де Кюстином. Особое внимание уделяется пониманию К. К. Лабенским западной культуры, частью которой он сам является в качестве участника литературного процесса во Франции. Делается вывод о том, что в совокупности действия русского дипломата производят впечатление тщательно продуманной выигрышной тактики, подводящей западного читателя, на которого и рассчитан ответ К. К. Лабенского, к мнению о предвзятости, некомпетентности и интеллектуальной беспомощности маркиза-русофоба.

Ключевые слова: русофобия в Европе XIX в., западноевропейские мифы о России, отталкивающий образ России и русских в книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году», черты стиля К. К. Лабенского: дедуктивные посылки, строгое следование логике, историко-культурные параллели, ирония

Цель настоящей статьи – описать тактику опровержения К. К. Лабенским (1798–1855) того образа России, который был создан французским писателем и путешественником маркизом Астольфом де Кюстином (Custine, 1790–1857) в книге «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*), опубликованной в 1843 г. (в русском переводе, к сожалению, неполном, книга получила название «Николаевская Россия» [1]). Небольшая книга К. К. Лабенского, написанная по-французски, вышла во Франции в том же году (затем последовали переиздание на французском и перевод на немецкий и английский языки). Это выступление против опуса А. де Кюстина было не единственным: соответствующие работы, инициированные русским правительством, написали Н. И. Греч, Я. Н. Толстой, И. Г. Головин и даже французский адвокат Дюэ. Кадровый дипломат, старший советник Министерства иностранных дел К. К. Лабенский не был исключением, он выполнял должностное поручение и, по мнению С. Гессена и А. Предтеченского, справился с ним лучше, чем другие авторы: «...его книга была ближе к цели, чем писания Греча, Дюэ и Толстого, так как она была написана умным и несомненно талантливым человеком» [1, с. 39]. Исследователи

в целом справедливо отмечают основную установку К. К. Лабенского, который не спорит с французом, а идёт по пути дискредитации его метода. В самых новых публикациях о книге К. К. Лабенского она рассматривается в имагопоэтологическом аспекте [2, с. 156]. Накопленные на сегодняшний день наблюдения можно дополнить культурологическими и психологическими деталями, чтобы охарактеризовать в целом речевую тактику русского дипломата.

Основные усилия К. К. Лабенского направлены на то, чтобы заставить читателя соглашаться с выдвигаемыми автором положениями как с очевидными, само собой разумеющимися. Таковыми являются так называемые «общие места», то есть наблюдения или идеи всем известные и не нуждающиеся в подробных разъяснениях и тем более в доказательствах. Книга начинается с размышления об одном из таких общих мест – о том, как переменчиво общественное мнение, как оно капризно, как склонны к непостоянству в своих предпочтениях и отдельные личности, и целые народы.

К. К. Лабенский напоминает западному читателю об очевидном, памятном любому европейцу средних лет – о том, как сравнительно недавно, во времена борьбы с Наполеоном, отношение к России в Европе было благожелательным: «... не правда ли, что в 1815 г. среди всех народов, которые таинственная судьба смешала в своём сите, мы были, я не скажу, что более ценимыми, но в конечном счёте наименее плохо выглядящими (*le moins mal vue*)» [3, p. 6]. (Перевод здесь и далее наш. – В. П.). В этой оценке обращает на себя внимание использование смягчающей высказывание литоты в характеристике отношения европейцев к русским. Фактически же отношение, например, парижан к русскому воинству было таким, что раздавались ревнивые призывы к ним некоторых французских патриотов перестать «аплодировать привлекательному виду вражеской армии» (*applauder à la belle tenue d'une armeé ennemie*) [4, p. 54], но напоминать об этом европейцам 40-х гг. XIX в. нужно было осторожно, потому что их взгляд на русских изменился. В нём переплелись пренебрежительная насмешливость и страх. Первая из этих составляющих, происходящая от чувства собственного превосходства, выражается в том, пишет К. К. Лабенский, что пьесы и романы переполнены такими комическими персонажами, как «наши мужики и наши бояре» (*nos moujiks et no boyards*). Вторая – в создании образа агрессивной России, которая причастна ко всему плохому в мире: «Возникает ли бунт в Париже, возмущение в Ирландии? Если Россия и не сотворила всё это полностью, то имеет отношение к событиям хотя бы частично» [3, p. 7]. Россия создаёт военную угрозу не только в Европе: она «через монгольские степи и пустыню Гоби посылает китайцам пушки на спинах своих гиппогрифов» [3, p. 7–8].

Когда К. К. Лабенский прибегает к иронической гиперболизации измышлений европейской прессы по поводу России, он, вводя фантастический образ гиппогрифов, указывает на степень европейских антирусских фантазий, а именно – мифологическую. Русский дипломат подводит к мысли: представление европейцев о России есть следствие негативной мифологизации и не имеет ничего общего с реальным положением вещей. И хотя одним из приёмов русского автора является неупоминание в качестве носителя осмеиваемого качества какого-либо определённого народа или государства (с не очень приятным для самолюбия доводом возможно согласиться, если он никого не задевает конкретно, если речь идёт о людях и народах «вообще»), это могло восприниматься как косвенный упрёк в неумении рационалистически оценивать действительность, обращённый в первую очередь к французам, к нации, считающей себя воплощением «острого галльского смысла» (А. Блок), нации, подарившей миру отца рационалистической философии Р. Декарта и отца позитивизма О. Конта, – вот что содержит мысль русского автора.

Разумеется, согласиться с таким задевающим национальное самолюбие даже неявным вердиктом не то чтобы трудно, а просто нельзя, тем более народу, не без оснований считавшему себя носителем образцового просвещения. Способность критической самооценки в разной степени присуща национальным культурам; русским она свойственна, похоже, в избыточной степени, французам – в малой (забавно, например, наблюдать при чтении мемуаров битых участников похода 1812 г. в Россию, как они упорно не признают полководческой мудрости Кутузова, признавая виновным в катастрофе французской армии «генерала мороза» (le générale moroze) [5, p. 128], потому что уступить силам природы не обидно).

К. К. Лабенский, подчёркнуто стоящий на позиции логики, как будто предлагает французскому образованному читателю либо к этой позиции примкнуть, либо остаться на стороне не владеющего логическими приёмами оценки реальности Астольфа де Кюстина. Действительно, практически вся представленная в книге французского писателя информация способна вызвать сомнение в своей достоверности. И, как утверждает К. К. Лабенский, вина маркиза в этом только частичная, поскольку он, как показывает русский автор, один из носителей в общих чертах уже описанного мифологизирующего сознания, свойственного многим европейцам: «Без конца говорят, и господин де Кюстин только повторяет то, что сто раз говорили до него...» [3, p. 60].

Мифологизированное сознание не нуждается в фактах, опираясь на априорные убеждения. Если всё же единичные, случайные, то есть количественно не репрезентативные факты привлекаются, на их основании делаются – вопреки логике – произвольные выводы в пользу заранее определённой позиции. Говоря о готовности маркиза видеть только плохое во всех проявлениях русской жизни, К. К. Лабенский заключает: «...он прибыл в Петербург с готовой Россией в портфеле...» [3, p. 25]. Полемизировать с приверженцами такого сознания по правилам логики бессмысленно, однако можно, используя логические приёмы, не задевая конкретных персон, дискредитировать мифологический метод восприятия мира даже в глазах тех, кто этот метод практикует.

К. К. Лабенский часто использует такой приём, как сравнение, привлекая реалии, хорошо знакомые западному человеку. Так, например, отвечая А. де Кюстину на обвинение в том, что русская история полна примерами раболепия и жестокости, русский писатель разворачивает перечень правителей и эпох французской истории, которые представляют аналогичные качества; касаясь критики маркизом петербургской архитектуры, дипломат пишет, намекая на негативную избирательность французского путешественника, замечающего все вещи в России под определённым углом: «Я знал многих русских, отказывавшихся считать вместе со мной Париж красивым городом только потому, что они въезжали в него через предместье Сен-Марсо» [3, p. 33]. Русскому дипломату даже нет необходимости пояснять, что речь идёт о районе, заселённом беднотой: это известно французскому читателю, как и некоторые другие реалии французской культуры, истории, географии, упоминаемые К. К. Лабенским так, как их может упоминать только человек, знакомый с Францией не понаслышке. Это действительно так: Ксаверий Ксаверьевич Лабенский был русским дипломатом и французским поэтом, издававшим во Франции книги стихов под псевдонимом Jean Polonius (то есть Ян/Иван Поляк); местная критика неизменно отмечала хороший французский язык поэта (мать К. К. Лабенского была француженка, поэт-дипломат и родился в Париже).

Именно по праву «почти своего», то есть человека, причастного к культурному процессу во Франции, К. К. Лабенский характеризует Наполеона в ответ на принижение маркизом де Кюстином деятелей русской истории: «репутация его переоценена, она не столько великая, сколько экстраординарная... Он совершил немыслимые завоевания и не сумел сохранить ни одного... В настоящем от него ничего не осталось, кроме учреждённой им должности супрефекта и производства сахара из свёклы» [3, p. 44].

Начавшаяся в 1840-е гг. официальная реабилитация Наполеона вызвала противодействие у части французского общества. Высказывание русского писателя было, во-первых, как раз в духе французского антибонапартизма, а во-вторых, что не сразу заметно, отчасти в духе самого Наполеона, утверждавшего, что он запомнится не военными победами, а разработанным по его инициативе Гражданским кодексом (Code Napoléon, 1804).

Объективистская установка в книге К. К. Лабенского требует отмечать и те моменты, в которых А. де Кюстин прав, но делается это так, что формальная правота маркиза оборачивается против него, потому что проявляет в очередной раз предубеждённость французского путешественника. Так, например, русский автор соглашается с А. де Кюстином в том, что в России большее значение имеет не дух закона, а дисциплина, иначе говоря, слабо развитое юридическое сознание компенсируется внешним принуждением к порядку, исходящим от власти, уважение к которой объясняется чувством самосохранения, а не раболепием, как это представляется французу [3, p. 37].

Великолепное владение французским языком, знание французской жизни изнутри и понимание её особенностей, учёт некоторых черт национальной психологии французов, безупречная логика – вот основные факторы, обеспечившие успех книги К. К. Лабенского.

Список литературы

1. Кюстин А. де. Николаевская Россия / пер. с франц. Я. Гессена, Л. Домгера ; вступ. ст., ред. и примеч. С. Гессена, Ан. Предтеченского ; предисл. С. Мироненко. М. : Политиздат, 1990. 352 с.

2. Трыков В. П., Дунин С. М. Отповедь «одного русского» маркизу де Кюстину // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 19, вып. 1. С. 156–163.

3. Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitule: La Russie en 1839 / par un Russe. P. : Typographie de Firmin Didot Freres, 1843. 98 p.

4. Jouy É. de. Guillaume le franc-parleur, ou Observations sur les moeurs françaises au commencement du XIX-e siècle. 2 vol. P. : Pillet, 1815–1817. Vol. I. 303 p.

5. Les prisonniers français en Russie (1813–1814). 1859. S. l. 242 p.

Информация об авторе: *Пинковский Виталий Иванович*, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» (Россия, г. Магадан).

УДК 9.930.85

СТРУКТУРА И ПОРЯДОК РАБОТЫ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В 1870–1914 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Ярослав Викторович Пуневский

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия

moskva221090an@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены структура и порядок работы органов городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. на примере Ярославской губернии. Основными источниками для про-

ведения исследования послужили документы, извлеченных из российских архивохранилищ, периодическая печать. Изучены основные элементы структуры органов городского самоуправления, их численность, функции и значение.
Ключевые слова: городское самоуправление, структура, городская дума, городская управа, комиссия

Целью настоящей статьи является изучение основных элементов структуры органов городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. на примере Ярославской губернии, а также порядка их работы. Основным источником для проведения настоящего исследования послужили документы городского общественного управления, извлеченные нами из Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ярославской области и его филиалов. Кроме того, активно использовалась центральная и местная периодическая печать. Хронологические рамки исследования определяются введением в действия «Городового положения» 1870 г. и вступлением Российской империи в Первую мировую войну 1 августа 1914 г.

К учреждениям общественного управления городами Российской империи согласно «Городовому положению» 1892 г. относились городские думы и городские управы с состоявшими при них исполнительными органами. В «Городовом положении» 1870 г. к учреждениям общественного управления относились еще избирательные собрания [1, с. 436]. В 1892 г. появилась возможность ввести общественное управление в упрощенном виде в тех городах, которые не были достаточно развиты в социально-экономическом плане и обладали скудными финансовыми возможностями. В Ярославской губернии во время введения в действие «Городового положения» 1892 г. упрощенное общественное управление было введено в Любиме, Мышкине, Норском посаде и Петровске [2, с. 95].

Надзором за учреждениями общественного управления городами занималось губернское присутствие по городским делам. В состав присутствия по городским делам входили управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель съезда мировых судей, председатель земской управы, городской голова [3, л. 58 об.]. В 1890 г. в тех губерниях, где существовало земство, губернские присутствия по городским делам были преобразованы в губернские присутствия по земским и городским делам. После 1892 г. в состав присутствий был введен губернский предводитель дворянства. Кроме того, они получили право изменять по своему усмотрению распоряжения городских дум и управ [4, с. 291].

Согласно «Городовому положению» 1892 г. заседания городских дум должны были проводиться не менее 4 и не более 24 раз в год. Установленная периодичность заседаний городских дум часто приводила к тому, что к очередному заседанию накапливалось очень большое количество вопросов, которые не могли быть обсуждены гласными с должным вниманием. 28 сентября 1912 г. на повестке ростовской городской думы было 25 вопросов. «Все они проходят быстро, без прений», – отмечали в периодической печати [5]. На заседании ярославской городской думы 1 ноября было поставлено на повестку дня еще больше – 40 вопросов [6].

К началу 1872 г. рыбинскими городским самоуправлением была издана специальная инструкция, посвященная тому, как должно проходить заседание городской думы. Она была довольно подробной и состояла из 32 пунктов. Согласно этой инструкции, гласный, задававший вопрос, должен был делать это стоя. Оповещать гласных о собраниях думы нужно было не менее чем за 2 дня. Протокол заседания подписывался «тотчас после обсуждения». Существовала возможность для гласного остаться при своем мнении, изложив его письменно. Один из пунктов настоящей инструкции

регламентировал даже внешнюю обстановку заседания городской думы: кто, где сидит и прочее [7, л. 1–3].

Остро стояла проблема неявки гласных на заседания. Две формы абсентеизма в городском общественном управлении: неявка на выборы и неявка на заседания думы, были чрезвычайно распространены и имели глубокие причины. Среди этих причин главными были следующие: неготовность к управлению городами со стороны местных общественных деятелей, дисбаланс представительства интересов трех разрядов избирателей, организационные трудности проведения выборов, рост индивидуалистических настроений [8, с. 67]. Борьба с абсентеизмом являлась актуальной проблемой для органов городского самоуправления Российской империи. Активно использовались денежные штрафы и оглашение в печати имен пропускавших заседаниях гласных [9, с. 228].

«Непосещение думских заседаний многими гласными – явление самое заурядное, для многих даже хроническое … отдельные гласные не были в думе вообще … и не явятся по-видимому до тех пор, пока в думе не будет опять обсуждаться вопрос о праздничном отдыхе приказчиков», – отмечали в газете «Голос» 10 февраля 1911 г. [10]. Заставить гласных явиться на заседание городской думы могли только очень значительные события. Например, по сообщению газеты «Голос» «многолюдно» было на одном из заседаний комиссии по благоустройству в Ярославле, связанным с приездом в Ярославль императора [11].

Халатное отношение некоторых гласных к своим обязанностям вызывало недовольство и в среде самих городских дум. Гласный романовской думы Н.А. Тихомиров в виду неявки некоторых гласных на заседания считал нужным требовать от них каждый раз предоставления уважительных причин неявки согласно ст. 61 «Городового положения» 1892 г. Дума согласилась с мнением Н.А. Тихомирова [12].

Даже явившись на заседания городских дум, гласные обычно вели себя в ходе их проведения не очень активно. На одном из заседаний городской думы Пошехонья в ноябре 1899 г., оглашение отчета по городскому общественному банку производилось при наличии в думской зале четверых гласных. Остальные на это время вышли из зала [13]. «Нельзя сказать, что и гласные из числа более аккуратных были ярыми ратоборцами городских интересов. Большинство из них молча садились на свое обычное место, также молча вставали с него, не проронивши не единого слова», – отмечали в газете «Голос» 27 октября 1909 г. по поводу ситуации в городской думе Рыбинска [14].

Городские управы наделялись большей автономией по отношению к городской думе, чем земские управы по отношению к земским собраниям [15, с. 160]. Однако названное преимущество нивелировалось некоторыми другими обстоятельствами. Например, в 1873 г. в Угличе и Ростове на городские управы было возложено исполнение обязанностей ярмарочных комитетов [16, л. 17, 25–25 об.]. Недоставало работникам городских управ служебной и трудовой дисциплины. Что, определенно, не могло не снижать эффективность их работы. Члены городских управ часто смотрели на свою службу как на исполнение повинности [17, с. 108].

Структура городской управы была громоздкой. Ее основу составляли столы и отделы [18, с. 135]. Согласно инструкции о порядке делопроизводства в рыбинской городской управе она должна была работать во все дни, кроме воскресных и табельных. Ряд вопросов требовал только коллегиального обсуждения. В других случаях разрешалось решение вопросов лишь некоторыми членами управы в отдельности. Канцелярию управы составляли три столоначальника (по отправлению рекрутской повинности, по взысканию акциза, по постойной повинности), бухгалтер и его помощник, регистратор, архивариус и «потребное число писцов». Городской голова мог своим личным решением дозволять кратковременные отлучки представителям канцелярии управы [19].

Большое значение имело правильное распределение обязанностей среди членов городских управ. Например, в 1909 г. обязанности между членами ярославской городской управы были распределены следующим образом. В.С. Лопатин отвечал за воинскую повинность, водопровод, театр, ремонт мостовых, оценочные и раскладочные работы. К. А. Белозеров занимался ломбардом, арендными статьями, контролем за заготовкой дров, рабочим и ассенизационным обозами, вывозкой нечистот, Леонтьевской богадельней. Н. Н. Соболев контролировал торговую школу, Александровский детский приют, являлся казначеем. В сферу деятельности Н. Г. Агафонова входили электрическое освещение, трамвай, пожарное депо, скотобойня, сады, бульвары и набережные, городские амбулатории, ломбард [20, л. 2].

Актуальным был вопрос об увеличении количества членов городских управ. «Городовое положение» 1870 г. оговаривало минимальный состав членов городской управы – два человека. В новом законе 1892 г. численность городской управы четко ограничивалась двумя членами. Но их численность могла быть незначительно увеличена по постановлению городской думы или более значительно, но с разрешения Министерства внутренних дел [1, с. 830].

Отношение самих органов городского самоуправления к вопросу о необходимости увеличения численности городской управы иногда было противоречивым и, по всей видимости, изменялось под влиянием возраставших со временем потребностей городского хозяйства. Например, 7 января 1881 г. городская дума Романово-Борисоглебска отклонила вопрос расширения городской управы. Она по-прежнему состояла из городского головы и трех членов [21]. Уже к концу XIX в. позиция городского самоуправления Романово-Борисоглебска по данному вопросу коренным образом изменилась. Но теперь препятствием к увеличению численности городской управы стала позиция губернского начальства. Ярославский губернатор не разрешил городскому самоуправлению Романово-Борисоглебска избрать третьего члена управы, о чем было решено на заседании городской думы 4 августа 1898 г. Согласно ст. 90 «Городового положения» 1892 г., такое избрание было возможно только в губернских городах и, по словам губернатора, «равно в более значительных уездных городах, к числу которых Романово-Борисоглебск не принадлежит» [22].

В конце XIX в. в целом ряде российских городов было разрешено некоторое увеличение количества членов городских управ: до восьми членов в Санкт-Петербурге в 1894 г., в Москве в 1893 г., до пяти членов в Киеве в 1894 г., в Саратове в 1894 г., в Риге в 1896 г., в Нижнем Новгороде в 1897 г., в Одессе в 1897 г., в Тула в 1901 г., в Вильно в 1903 г., до четырех членов в двадцати городах, в т.ч. в Ярославле 20 февраля 1899 г., до трех членов – в двадцати городах [23, л. 83–83 об.]. Ярославский губернатор в своем письме в Министерство внутренних дел от 12 июня 1901 г. в качестве аргумента для доказательства необходимости еще большего увеличения количества членов городской управы в городском самоуправлении Ярославля указывал на «крайнюю обширность и разнообразие» местного хозяйства, а также на то, что городской водопровод «в последнее время достиг значительных размеров» [24, л. 1–2].

Для решения наиболее сложных вопросов, подлежавших компетенции органов городского самоуправления, городскими думами создавались специальные комиссии. В целом, по российским городам институт выбранных городскими думами исполнительных комиссий имел довольное большое значение [25, с. 80]. С другой стороны, вполне обоснованным выглядит мнение К. В. Купченко о том, что «многочисленность различных присутствий, комитетов и комиссий способствовала расширению бюрократизма и волокиты» [26, с. 112].

Комиссии, создававшиеся городскими самоуправлениями Ярославской губернии, были довольно представительными и решали важные вопросы. В Рыбинске в 1873 г. в комиссию по устройству водопровода, работавшую под председательством городского головы Р. И. Кокуева, входило 11 человек [27, л. 120]. 25 апреля 1875 г. в комиссию для проверки отчетов рыбинской городской управы было избрано 5 человек [28, л. 31 об.]. В Пошехонье в 1878 г. образована комиссия «для ближайшего определения взаимных интересов города и земства», в которой работали городской голова В. М. Чистов и 2 гласных городской думы [29]. В Ростове особую значимость приобрела в начале XX в. деятельность комиссии по управлению имениями, завещанными в распоряжение органов городского самоуправления А. Л. Кекиным [30, с. 73].

19 января 1899 г. в ярославской городской думе П. Я. Морозов предложил учредить исполнительные комиссии для заведывания отдельными крупными отраслями городского хозяйства. На что Д. И. Чистяков возразил: «Едва ли в думе найдется много людей, готовых трудиться для города бескорыстно, в ущерб собственным своим делам» [31]. По данным на 1913 г. все комиссии, состоявшие при городском самоуправлении Ярославля, делились на исполнительные и подготовительные. На практике действовали не все комиссии. Наименьшее число членов комиссии было установлено в количестве трех человек, наибольшее число – 20 человек [32, л. 1–1 об.].

Иногда созданные городскими думами комиссии вступали в конфликты с городскими управами. Согласно циркуляру Министерства внутренних дел губернаторам от 25 июля 1901 г. «точный смысл приведенных законов не оставляет сомнения в том, что ближайшее заведывание делами городского хозяйства и управления принадлежит всецело лишь одной городской управе». Создание городской думой комиссий законно, но «таковые ни в коем случае не могут считаться равнозначными с управою исполнительными органами, а являются лишь подчиненными, зависящими от нея». Назначение таких комиссий было очень скромным – оказывать помощь городской управе. В министерстве рекомендовали губернаторам озаботиться изданием и изменением инструкций комиссиям от городских дум. В Ростове инструкция исполнительным комиссиям была утверждена городской думой еще 19 мая 1899 г. В 1901 г. такие инструкции были составлены органам городского самоуправления Данилова и Петровска. Ярославская городская управа предоставила губернскому начальству список уже существовавших исполнительных комиссий. Среди них значились оценочно-раскладочная, комиссия по проверке отчетов управы, санитарно-исполнительная, ревизионная, комиссия по проверке отчетов ломбарда, комиссия для предварительного рассмотрения составленных управой смет, арендная, строительная, водопроводная комиссии. Из них для семи комиссий, по данным на конец 1901 г., не было издано специальных инструкций [33, л. 1].

В марте-сентябре 1895 г. в ростовском городском самоуправлении возник и разрешался спор по жалобе гласных городской думы о неприглашении их в заседание думы для разрешения возложенных на них думой поручений. Они утверждали, что комиссия не желает быть «пассивной зрительницей», а хочет «принять самое горячее участие в порученном думой деле и оправдать доверие». В городской управе поясняли, что комиссия была избрана «не для заведывания какой-либо отдельной частью городского хозяйства и управления, а собственно для осмотра требуемых работ по ремонту казарм» [34, л. 14 об.].

Помимо публичного рассмотрения дел в городской думе и управе в органах городского самоуправления существовали и традиции проведения частных совещаний. Они часто собирались перед выборами городской думы или управы. Они не было прямо разрешены законом, но, вместе с тем, и не были запрещены. В переписке Министерства

внутренних дел и губернского начальства различных регионов Российской империи в 1910 г. активно обсуждался вопрос о законности таких совещаний [35, л. 1–2, 20–35 об.].

Огромную роль в органах городского самоуправления изучаемого нами периода играла фигура городского головы. Совмещение городскими головами своих обязанностей в органах городского самоуправления с личными делами, в значительной степени связанными с ведением предпринимательской деятельности, приводило к частым отлучкам городских голов. Например, городской голова А. И. Вахромеев 11 марта возвратился из Петербурга [36]. 14 августа А. И. Вахромеев выехал в Москву, откуда вернулся 22 августа [37, 38]. 21 декабря 1898 г. А. И. Вахромеев возвратился из Москвы, а 13 февраля 1899 г. опять отбыл в Москву [39, 40]. В 1899 г. после отъезда городского головы Ярославля И. А. Вахромеева его должность исполнял член управы К. И. Кедров вплоть до утверждения губернатором в качестве заместителя городского головы Н. И. Иконникова [41].

Аппарат городского самоуправления обеспечивало большое количество наемных служащих. По смете городского самоуправления Данилова личный состав канцелярии городской думы и управы состоял из следующих лиц: секретарь думы и управы, заведующий делопроизводством, его помощник, заведующий делопроизводством по мещанскому управлению, два переписчика. На их содержание было потрачено 1920 руб. в год [42, л. 42–42 об.]. В 1904 г. городская управа Углича состояла из двух человек. Кроме того, в органах городского самоуправления работали один секретарь управы, один секретарь думы, два присяжных ценовщика, два торговых депутата. Канцелярия управы состояла из следующих наемных служащих: один счетовод, два делопроизводителя, три канцелярских служителя, три сторожа, один фельдшер, три сторожа при училищах, пятнадцать ночных сторожей, шесть фонарщиков, три лестных сторожа, а также работники городского общественного банка, находившего под контролем городского самоуправления – директор, два его товарища, бухгалтер, три конторщика, один сторож [43, л. 1–5].

К 1912 г. штат наемных служащих органов городского самоуправления Ярославля был следующим: помощник секретаря – 1 человек, канцелярия управы – 8 человек, арендный стол – 2 человека, стол по материальной отчетности и содержанию недвижимых имуществ – 8 человек, второй стол – 3 человека, рекрутский стол – 2 человека, строительный стол – 1 человек, регистратор – 2 человека, архивариус – 1 человек, артельщик – 1 человек, чертежник – 2 человека, помощник землемера – 1 человек, полотеры, дворники и другие служители – 8 человек. Их совокупное жалование в месяц составляло 1675,83 рублей. Городская управа Ярославля в 1913 г. состояла из городского головы, заступающего его место, трех членов и городского секретаря [44, л. 11, 122]. По всей видимости, указанная численность служащих в городском самоуправлении Ярославля не являлась достаточно высокой. Например, в сравнимом по размерам и масштабам городского хозяйства с Ярославлем Нижнем Новгороде уже в 1896 г. при управе состояло 100 рабочих по найму [45, с. 241]. О недостаточном количестве служащих по найму в ярославском городском самоуправлении свидетельствует и действия самой городской управы, которая время от времени стремилась пополнить свой штат. Например, в 1900 г. был существенно увеличен штат служащих статистического отделения ярославской городской управы [46].

Таким образом, структуру городского самоуправления России в 1870–1914 гг. составляли городская управа, городская дума и работавшие при них исполнительные органы. Последние главным образом были представлены комиссиями, создававшимися городскими думами для решения определенных вопросов в развитии городского

хозяйства. Значительная роль принадлежала также городскому голове. Одной из главных проблем для органов городского самоуправления Ярославской губернии был недостаток сотрудников, при чем как членов городской управы, так и наемных служащих. Случались конфликты исполнительных комиссий с городскими управами. Некоторые городские головы часто отвлекались от решения городских дел личными проблемами. Существовала проблема с абсентеизмом среди гласных городских дум, а также их недостаточной активностью в ходе проведения заседаний. Названные недостатки с одной стороны свидетельствуют о проблемах в структуре органов городского самоуправления, созданных согласно «Городовому положению» 1870 г., с другой – в значительной степени они были обусловлены объективными причинами: недостаточность финансовых средств, которые находились в распоряжении городского самоуправления, ограниченность контроля за ним со стороны администрации и т.д. В целом, система органов городского самоуправления в 1870–1914 гг. была вполне рабочей, управляемой и способной обеспечить надлежащее решение проблем местного значения.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее – ПСЗРИ-III). СПб., 1892. Т. XII. 1386 с.
2. Марасанова В. М. Городское общественное управление и губернская администрация Верхнего Поволжья после реформ 1870 и 1892 годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3 (203). С. 90–98.
3. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 73. Оп. 1. Д. 5846.
4. Кондрашова А. А. Организация деятельности городского общественного управления по городовому положению 1892 года (на материалах города Ставрополя) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 289–294.
5. Голос. 1912. 2 октября.
6. Голос. 1912. 13 октября.
7. Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РбФ ГАЯО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 17.
8. Савичев А. А. Абсентеизм в системе городского самоуправления в России: историко-правовой аспект // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4 (21). С. 64–67.
9. Городское дело. 1909. № 5-6.
10. Голос. 1911. 10 февраля.
11. Голос. 1913. 19 мая.
12. Голос. 1913. 12 июня.
13. Северный край. 1899. 29 ноября.
14. Голос. 1909. 27 октября.
15. Червонюк В. И. Земское и городское самоуправление России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 153–160.
16. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6018.
17. Емалетдинова Г. Э. Городское самоуправление на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX в. Уфа : Башкирский гос. ун-т, 2003. 216 с.
18. Виноградов В. Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. М. : ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. 390 с.
19. Ярославские губернские ведомости (далее – ЯГВ). Часть официальная. 1872. 15 мая.
20. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 3. Д. 204.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLV, отд. 1: 1870 г. СПб., 1874. 897 с.

22. ЯГВ. Часть официальная. 1881. 13 февраля.
23. ГАЯО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 713.
24. РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3252.
25. Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918. Воронеж : Кварта, 2006. 424 с.
26. Купченко К. В. Органы городского самоуправления и органы государственной власти в пореформенный период: взаимоотношения, надзор и контроль (по материалам Смоленской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Вып. 11, № 9 (64). С. 109–113.
27. РбФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 91.
28. РбФ ГАЯО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 145.
29. ЯГВ. Часть официальная. 1878. 7 августа.
30. Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А. Граждане Ростова: история ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов. 2009. 576 с.
31. Северный край. 1899. 25 января.
32. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 3. Д. 255.
33. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1344.
34. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 347.
35. РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 118.
36. ЯГВ. Часть неофициальная. 1898. 11 марта.
37. ЯГВ. Часть неофициальная. 1898. 14 августа.
38. ЯГВ. Часть неофициальная. 1898. 22 августа.
39. ЯГВ. Часть неофициальная. 1898. 23 декабря.
40. ЯГВ. Часть неофициальная. 1899. 13 февраля.
41. Северный край. 1899. 6 августа.
42. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1949.
43. Угличский филиал Государственного архива Ярославской области (УгФ ГАЯО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 595.
44. ГАЯО. Ф. 509. Оп. 2. Д. 200.
45. Архипова Н. Е. Городская управа Нижнего Новгорода в 1892–1916 гг. // Научный диалог. 2016. № 12 (60). С. 239–248.
46. Северный край. 1900. 26 января.

Информация об авторе: *Пуневский Ярослав Викторович*, кандидат исторических наук, ассистент кафедры гуманитарных и социальных наук, ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет» (Россия, г. Москва).

УДК 321.7

ВЛИЯНИЕ XX СЪЕЗДА КПСС И ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ НА ТЕНДЕНЦИОЗНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1956–1964 гг.

Аркадий Александрович Самсонов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

reklama1912@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы влияния XX съезда КПСС и его результатов на появление и развитие новых тенденций в советской исторической науке в 1956–1964 гг.

Ключевые слова: десталинизация, историография, историческая наука, СССР, кризис науки, концепция, интерпретация
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ О. В. Ягова.

С нашей точки зрения, специфика советской историографии по данной проблематике наиболее полно описана у В. А. Балашова и В. А. Юрченкова [1, с. 87], которые, рассуждая о тенденциозных векторах развития советской историографии этого периода времени, исходят из явления, вошедшего в отечественную историческую науку под характерным названием «оттепель». Они выдвигают тезис о том, что она была подготовлена всей экономической и политической конъюнктурой предшествующего времени, и перед страной встала альтернатива – или десталинизация, или возобладание старых сил, цепляющихся за отживающее. Всё это и определило вектор развития советской историографии в указанный период.

Культовым явлением для характеристики отечественной исторической науки становится выступление на XX съезде академика А. М. Панкратовой, говорившей об уровне ущерба, нанесённом отечественной исторической науке в период культа личности, об умалении роли народных масс в истории, о серьёзном отставании в развитии общественных наук [2, с. 619].

Несмотря на расхожее в исторической науке мнение о радикальном характере отказа от культа личности со стороны Хрущёва, мы не можем утверждать то, что десталинизация происходила гладко и быстрыми темпами. Достаточно серьёзные силы в партийной номенклатуре и среди видных отечественных историков препятствовали столь резкому отказу от привычных советскому обществу идеологических парадигм. Так, например, Маленков, Каганович и Молотов активно сопротивлялись радикальной политике десталинизации, навязывавшейся сверху [3, с. 269], а на историческом факультете МГУ активно проводились обсуждения, вокруг журнала «Вопросы истории», в котором активно навязывалась пропаганда радикального отказа от культа личности.

Всё это по понятным причинам приводило к кризису советской исторической науки, в условиях неопределённости её дальнейшего развития. Сам Хрущёв заявлял о том, что в науке и культуре были люди, которые «теряли шаг, спотыкаясь об обломки прошлого, сбиваясь с пути сами и пытаясь мешать другим» [4, с. 6].

Попытки обращения советской историографии к классикам марксизма-ленинизма свидетельствовали о глубоком идейном и методологическом кризисе исторической науки. Обращаясь ко вновь обретшим популярность трудам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, историки пытались найти новые интерпретации с целью теоретизации происходящих кризисных явлений, однако в результате такого подхода произошёл лишь окончательный «откат» советской исторической мысли к «базовым настройкам», поскольку среди советских историков стала господствовать утопическая идея о «всемирно-исторической победе социализма» [5], что в корне не соответствовало действительности и свидетельствовало о полном отсутствии потенциала изживающей себя советской научно-исторической модели, об её неспособности к «регенерации» и адаптации к новой окружающей действительности.

Урон, нанесённый советской исторической науке сталинизмом, наиболее точно описан авторами коллективной монографии «XX съезд и его исторические реальности»: «Примат теории, родившейся не из реалий, а из доктриальных схем подновлённого, облагороженного сталинизма, определял облик всех отраслей обществоведения в 50-60-е гг. XX в. Дистанция от заблуждений к прозрению оставалась огромной» [6, с. 255].

Однако любой научно-методологический кризис ведёт к появлению ряда новых течений и трансформаций привычных научных концепций. Кризис исторической науки второй половины 50-х гг. XX в. не стал исключением. Следует отметить, что те кризисные процессы, с которыми столкнулась отечественная историческая наука совпали с аналогичными процессами в странах Запада, однако, безусловно, причины для возникновения этих событий были разными. Общей тенденцией, определившей глобальный кризис научного знания, стала гонка вооружений, в условиях наращивания государствами-антагонистами ядерного потенциала, однако внутренние процессы, приведшие к научно-методологическому «истощению» гуманитарных наук, были везде свои.

В СССР данный кризис привёл к возникновению так называемого «нового направления» в отечественной исторической науке, суть которого заключалась в отказе от концепции полного «созревания» капиталистических отношений в России к 1917 г. [7, с. 3], что поставило под серьёзный удар саму идею Октябрьской революции в большевистской трактовке.

Таким образом, мы фиксируем тот факт, что ко второй половине 50-х гг. XX в. в СССР начинают появляться зачатки идеологического плюрализма, однако, безусловно, необходимая материально-теоретическая база для возникновения в СССР состоятельных альтернативных концепций отсутствовали. Тем более, в условиях, когда консервативные настроения в рядах партийной номенклатуры вновь начинали усиливаться.

Однако после XX съезда в советской историографии стали возрождаться и переосмысливаться темы, интерес к которым всегда был достаточно острым. К данному периоду времени мы можем отнести возникновение концепций, которые не теряют своей актуальности и по сей день. Так, например, генезис феодализма на Руси наиболее полно был рассмотрен в работах Б.А. Рыбакова [8, с. 7], которые имеют неоценимую историографическую значимость и сегодня. Историки А. А. Зимин [9, с. 5] и Р. Г. Скрынников изучали эпоху правления Ивана Грозного и политику опричнины в России. Фундаментальные исследования по внешней политике Петра I (Л. А. Никифоров, С. А. Фейгина [10, с. 3]) также были опубликованы в этот период времени.

Таким образом, подобные изменения не прошли бесследно, и отечественная историческая наука действительно совершила очередной качественный «виток» в своём развитии, осуществив попытку выхода из научно-методологического кризиса. Так, например, плодотворно начинает развиваться сотрудничество советских историков с их зарубежными коллегами. В 1955 г. в Риме на X всемирном конгрессе историков приняла участие и советская делегация. Показательным моментом стало то, что здесь прозвучали коллективные доклады М. В. Нечкиной, В. Т. Пашуто, Е. Б. Черняка об эволюции исторической мысли в середине XX в.

Всё это, впрочем, являлось характерными для «оттепели» тенденциями. Краткосрочная интеграция СССР в систему международных отношений, безусловно, привнесла в различные аспекты жизни советского общества «глоток свежего воздуха», однако полное отсутствие потенциала для развития наук гуманитарного профиля, предопределили неизбежность циклической стагнации советской исторической мысли, о чём свидетельствуют массовые административные репрессии, относительно представителей «нового направления» уже в 70-е гг. XX в.

Историки, конечно, не могли дать объективной оценки социально-политическим процессам, происходившим в СССР в этот период времени, поскольку не могли оценить их с позиции исторической ретроспективы, однако сам факт наличия концепту-

альных изменений в советской исторической науке второй половины 50-х – первой половине 60-х гг. XX в. свидетельствует о наличии качественного влияния XX съезда и его решений на отечественную историческую науку.

Список литературы

1. Балашов В. А., Юрченков В. А. Историография отечественной истории (1917 – начало 90-х гг.) : учеб. пособие. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1994. 188 с.
2. XX съезд КПСС (14–25 февраля 1956 г.) : стенографический отчет. Т. 1: Коллектив авторов : сб. документов и материалов цикла «КПСС в стенограммах, документах и материалах». М. : Госполитиздат, 1956. 640 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1971). Т. 7: 1955–1959. 8-е изд., испр. и доп. М. : б. и., 1971. 558 с.
4. Хрущёв Н. С. К новым успехам литературы и искусства (сокр. изложение выступлений на встрече с представителями советской интеллигенции 17 июля 1960 г., на приемах в честь писателей и композиторов РСФСР). М. : Госполитиздат, 1961. 31 с.
5. Наумов В. П., Рябов В. В., Филиппов Ю. И. Об историческом пути КПСС в свете нового мышления // Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 9–75.
6. Барсуков Н. А., Белоусов Р. А., Бокарев В. П. [и др.]. XX съезд КПСС и его исторические реальности / под общ. ред. В. В. Журавлева. М. : Политиздат, 1991. 415 с.
7. Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М. : Мысль, 1964. 358 с.
8. Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М. : Наука, 1964. 240 с.
9. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного : очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М. : Соцэкгиз, 1960. 511 с.
10. Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.

Информация об авторе: *Самсонов Аркадий Александрович*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(470)

ФЕНОМЕН НЕВЫПЛАТ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РОССИИ В 1990-х гг.: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ И ФОРМЫ ПРОТЕСТА

Григорий Валерьевич Сахно

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

za.sakhno@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается один из самых разрушительных элементов переходной экономики в 1990-е гг. – массовые невыплаты заработной платы. Анализируются причины возникновения невыплаты заработных плат, масштабы распространения данного явления и формы протестной активности рабочих в борьбе за свои права. Уделяется внимание «рельсовой войне» шахтеров 1998 г. как наиболее масштабной акции протеста невыплатам заработной платы.

Ключевые слова: заработная плата, задолженности, невыплаты, переходная экономика, «рельсовая война», трудовые отношения, социальная напряженность, протестное движение

Феномен невыплаты заработных плат в России в 1990-е гг. является одним из ключевых показателей развития переходной экономики в рассматриваемый период

времени. Данное явление привело к социально-экономическим изменениям, которые напрямую отразились на уровне жизни и материального благосостояния населения.

В российской историографии проблема невыплаты заработных плат в 1990-е гг. рассматривается сквозь призму социально-экономических процессов на переходном этапе развития экономики. А. Б. Чубайс, анализируя невыплаты заработных плат в 1990-е гг., отмечает, что «неплатежи в 1990-е – одна из наиболее разрушительных составляющих перехода к рыночной экономике, которая поставила под угрозу социально-политическую стабильность российского государства» [1, с. 143]. При этом требуется дальнейшее изучение масштабов и наиболее распространенных форм протеста в 1990-е гг., возникшие в результате невыплаты заработных плат, для большего понимания специфики социально-политического и экономического развития российского государства в рассматриваемый период времени.

Феномен массовой невыплаты заработных плат в России в 1990-е гг. был обусловлен рядом взаимосвязанных факторов, к числу которых относятся макроэкономические, институциональные и поведенческие. Так, по состоянию на конец июля 1997 г., в России задолженности со стороны государства по выплате заработных плат в бюджетных отраслях и оборонно-промышленном комплексе составляли 11,4 трлн. рублей, а с учетом задолженностей по выплате заработных плат в системе правоохранительных органов и военной отраслях – почти 20 трлн. рублей [2]. К концу 1997 г. общая задолженность по невыплатам заработных плат в государстве составила 50 трлн. рублей [2].

На макроэкономическом уровне ведущую роль в возникновении массовых невыплат заработных плат оказа глубокий спад промышленного производства. Индекс промышленного производства к 1999 г., в сравнении с 1990-м, снизился на 51 %. При этом производительность труда к 1994 г. снизилась на 63 % от 1991 г. [2]. В условиях высокой инфляции и снижения оборота денежной массы большая часть предприятий была не в состоянии осуществлять текущие платежи по заработным платам. В результате чего начали активно разрушаться прежние экономические связи вследствие отсутствия эффективных механизмов финансирования предприятий в России в 1990-е гг.

Одним из важнейших институциональных факторов массовой невыплаты заработных плат в 1990-е гг. стал приватизационный процесс. Работники предприятий не могли отследить виновных в невыплате заработных плат вследствие размытости границ ответственности между государством, региональными властями и собственниками, в результате чего рабочие оказывались дезориентированы. К тому же в России в рассматриваемый период времени отсутствовали законодательно закрепленные эффективные механизмы защиты прав работников в трудовых отношениях. Действующее в 1990-е гг. в России еще бывшее советское законодательство не содержало кодифицированных и легально закрепленных в нормативно-правовой базе механизмов принуждения работодателей к своевременной выплате заработной платы с последующей ответственностью за неосуществление данной обязанности.

На уровне регионов и отдельных предприятий ведущую роль в возникновении феномена невыплаты заработных плат в России в 1990-е гг. сыграли микроэкономические и поведенческие факторы. С 1992 г. начала повсеместно на предприятиях в России распространяться стратегия выживания в условиях переходной экономики.

В условиях дефицита государственных средств на выплату заработных плат рабочим предприятия начали использовать неплатежи в качестве метода кредитования своей деятельности за счет рабочих. Попытки призвания к законодательным инициативам и выработке легальных инструментов решения проблемы невыплаты заработных плат в России в 1990-е гг. оказались малоэффективными в условиях, когда менеджмент скупал акции и использовал административный ресурс.

Масштабы задолженностей по невыплате заработной платы в России в 1990-е гг. достигли критических показателей. К концу 1997 г. общая задолженность по невыплатам заработных плат в государстве составила 50 трлн. рублей. Особую остроту феномен невыплаты заработных плат в России в данный период времени приобрел после дефолта 1998 г. Задолженность по выплате заработных плат была неравномерной, как по отраслям производства, так и по категориям работников. С 1997 г. активно начинается забастовочное движение, когда показатели невыплаты заработных плат достигли критических значений.

В январе 1997 г. прошла забастовка работников бюджетной сферы, преимущественно, учителей, в которой приняли участие 511 тыс. педагогов из 11 тыс. школ России. В результате можно стало констатировать, что масштабы невыплаты заработной платы к 1998 г. охватили более 75 % территории России [1, с. 143].

Помимо забастовок наиболее распространенными формами протеста неплатежам заработной платы в России в 1990-е гг. стали социально-политические акции, демонстрации, петиции, некоторые из которых переросли в масштабные выступления работников, как, например, «рельсовая война» 1998 г. Протестная борьба работников против невыплат заработной платы в 1990-е гг. в России прошла в несколько этапов.

На первом этапе, прошедшем с 1989 по 1991 гг., рабочие выдвигали в первую очередь экономические требования – упорядочить выплаты законно предназначенных для участников трудовых правоотношений заработных плат. Требования рабочих не оказали практического воздействия, в результате чего с 1989 г. начинается шахтерское движение. С 1989 г. в забастовках против невыплаты заработных плат участвовали 45,5 тысяч горняков и бастовали 670 предприятий, 388 из которых вели деятельность в угольной промышленности [2].

На втором этапе, с 1992 по 1994 гг., начался резкий рост протестных настроений. Он был обусловлен либерализацией цен в стране и повсеместным уже и формальным падением доходов населения. К 1992 г. количество забастовок в России по поводу неплатежей заработной платы увеличилось в 20 раз, в сравнении с 1990 г. Основным субъектом борьбы за трудовые права населения на данном этапе стали уже не шахтеры, а работники бюджетной сферы – учителя, врачи и прочие.

Третий этап протестного движения по невыплате заработных плат прошел с 1995 по 1998 гг. и стал наиболее масштабным. В этот период времени движения работников стали наиболее организованными и приобрели ярко выраженные и структурированные формы протеста. В 1997 г. было зафиксировано 17 тыс. забастовок, что составило максимальное число протестов за всю историю постсоветского развития России [2]. Именно на данном этапе и началась «рельсовая война» шахтеров.

«Рельсовой войной» в ходе борьбы рабочих за выплату заработных плат в России в 1990-е гг. именуется серия протестов шахтеров, прошедшая весной и летом 1998 г. в России. В ходе своих акций горняки и шахтеры перекрывали железнодорожные пути, в том числе и Транссибирскую магистраль, отказываясь возобновлять их работу, пока не будут налажены выплаты заработной платы рабочим.

11 июня 1998 г. 300 шахтеров из Воркуты разбили палаточный лагерь у Дома правительства на Краснопресненской набережной. Протестующие стучали касками по Горбатому мосту, «чтобы мешать чиновникам работать». Первоначальные требования касались погашения долгов по заработной плате, однако по мере развития событий горняки выступили с требованиями отставки правительства и президента [3]. Акция шахтеров продолжалась до октября 1998 г., после чего пошла на спад в условиях начавшейся частичной стабилизации экономики России.

Попытки законодательного решения проблемы невыплаты заработной платы рабочим заняли продолжительный период времени. Предлагаемые инициативы и законопроекты отклонялись, вследствие несогласованности интересов между ветвями власти. В результате проблема начала разрешаться в 2001 г., когда был принят Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в которым были закреплены статьи, закрепляющие ответственность работодателя за нарушение трудового законодательства и невыплату заработных плат. При этом данная мера также оказалась малоэффективной [4, с. 9].

Таким образом, феномен массовых невыплат заработных плат в России в 1990-е гг. стал следствием системного кризиса переходной экономики. Он был обусловлен совокупностью макро- и микроэкономических, институциональных и поведенческих показателей. Масштабы невыплаты заработных плат в России критических показателей достигли во второй половине 1990-х гг., когда общая сумма задолженностей по выплате заработных плат рабочим превышала 50 трлн рублей.

Протестная активность работников в борьбе за свои трудовые права прошла в несколько этапов, пик которой пришелся на 1997 и 1998 гг. Формы протестов были самыми разнообразными: от забастовок до акций и протестов, наиболее известной из которых стала «рельсовая война» шахтеров 1998 г. Законодательные попытки во второй половине 1990-х гг. по разрешению проблемы невыплаты заработных плат оказались малоэффективными, а реальное решение проблемы началось после 2000-х гг. после стабилизации макроэкономических показателей.

Список литературы

1. Чубайс А. Б. Неплатежи в российской экономике 1990-х: непредвиденный институт // Вопросы экономики. 2023. № 7. С. 142–158.

2. Сафонов А. Л. Производительность труда: история. Часть вторая // Солидарность. Центральная профсоюзная газета. 2017. 13 сентября. URL: https://www.solidarnost.org/Blog/aleksandr-safonov/Proizvoditelnost_truda_istoriya_2.html (дата обращения: 22.03.2026).

3. Формы протеста у Белого дома в 1998 году // Коммерсантъ. 2006. 20 мая. URL: https://www.kommersant.ru/doc/675067 (дата обращения: 22.03.2026).

4. Соболев Э. Н. Россия: заработная плата и динамика забастовочной активности // Россия и современный мир. 2016. № 3 (2). С. 6–24.

Информация об авторе: *Сахно Григорий Валерьевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ (ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ И ТРУДА В КОНЦЕ 1980-х гг.

Карина Владимировна Силина

Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Смоленск, Россия

silina.carina2016@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность Смоленского городского совета ветеранов (пенсионеров) войны и труда в период перестройки. Вводятся в научный оборот архивные материалы

из фондов Смоленского обкома КПСС, хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области.

Ключевые слова: военно-патриотическая работа, городской совет ветеранов, общество ветеранов войны и труда, Российское общество «Знание»

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные науки» Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А. М. Иванова.

Курс на обновление общества, объявленный руководством КПСС в апреле 1985 г., оказал серьезное влияние на общественное сознание и вызвал нарастание широкой массовой активности по формулированию альтернативных предложений по всем направлениям развития общественной жизни. В целом во второй половине 1980-х гг. на территории СССР действовала разветвленная сеть неформальных организаций: около 100 всесоюзных, более 200 республиканских и около 800 местных общественных организаций. По данным бюро Смоленского обкома КПСС в области к середине 1987 г. было зарегистрировано 19 названий различных неформальных объединений и групп. В их состав входила определенная часть интеллигенции и молодежи, большинство из которых были сгруппированы на основе увлечений и интересов [1, с. 116].

В 1987 г. на общественных началах в г. Смоленске был образован городской Совет ветеранов войны и труда, в который вошло 59 ветеранов. Одновременно образованы Президиум в количестве 17 человек и 6 комиссий по различным направлениям деятельности [2, с. 230]. Городской совет ветеранов насчитывал в своих рядах 51 человека. Работа совета планировалась на полугодие. Всего за 1989–1991 гг. было проведено шесть Пленумов городского совета ветеранов, на которых обсуждались наиболее важные вопросы: о социально-бытовом и культурно-массовом обслуживании ветеранов, проживавших в Доме-интернате «Вишенки», об опыте работы Макеевского городского совета ветеранов, о первом этапе пенсионного обеспечения участников Великой Отечественной войны, об активизации общественно-политической работы в ветеранских организациях города, о внеочередном съезде народных депутатов РСФСР, об обмене опытом работы ветеранской общественности городов Витебска и Смоленска. В деятельности президиума и Пленумов активное участие принимали члены городского совета ветеранов: А. П. Подобу, Н. Т. Шкуратова, П. А. Боровкова, В. А. Пантелеева, И. Я. Капустина, И. А. Арестова, В. В. Гаврилова, Н. А. Дехнич, В. С. Садчикова, П. С. Котова, В. С. Горина и другие [3, л. 11–12].

За период с 1989 по 1991 гг. в городской совет обратилось 513 человек. Им оказывалась соответствующая помощь через правомочные органы, в необходимых случаях совет обращался за поддержкой в исполкомы местных советов народных депутатов. Большинство жалоб были обоснованы и вызваны недоработками, а порой и бюрократическим невниманием к бытовым вопросам со стороны работников аппарата местных Советов. По инициативе городского совета ветеранов была проведена работа Ленинского, Заднепровского и Промышленного райСО по вопросу социальной помощи на дому, обеспечения ветеранов войны и труда санаторно-курортным лечением, выделения материальной и денежной помощи нуждающимся пенсионерам (по линии органов социального обеспечения, райвоенкоматов и других ведомств).

Комиссия по вопросам социального обеспечения и медицинского обслуживания (председатель – Н. А. Дехнич) содействовала расширению объема и повышению эффективности диспансеризации и медицинской помощи ветеранам. Комиссия осуществляла контроль за развитием сети специального жилья для одиноких ветеранов, состоянием дел в доме-интернате, выполнением плана строительства объектов соци-

ального обеспечения, оказывала содействие в ускорении их строительства. Члены комиссии осуществляли контроль за выполнением установленного порядка назначения и выплаты пенсий, предоставлением предусмотренных законом льгот, организаций врачебно-трудовой экспертизы, протезирования. Комиссия содействовала развитию различных форм обслуживания одиноких престарелых граждан, шефству предприятий и организаций над Домом-интернатом, созданию в нем обстановки взаимопомощи и творческой поддержки, чуткого, внимательного и доброжелательного отношения к нуждам проживающих в нем [3, л. 13–14].

Продуктивной была работа комиссии по жилищно-бытовому обслуживанию ветеранов и рассмотрению их жалоб и заявлений (председатель – П.А. Боровкова). На ее заседаниях рассматривались следующие вопросы: об опыте работы советов ветеранов при ЖЭУ-9 и ЖЭУ-6, о состояние торгового обслуживания ветеранов города, о ходе обеспечения инвалидов войны и семей погибших жильем, телефонной связью в районах города. В Смоленске действовал городской центр социального обслуживания ветеранов, в котором работало 20 отделений, охватывавших 1616 ветеранов, нуждавшихся в помощи (в Ленинском районе – 356 человек, в Промышленном – 420, в Заднепровском – 840 человек). В числе обслуживаемых: 175 участников войны, 64 инвалида, 87 семей погибших военнослужащих, 276 инвалидов труда, всего 892 престарелых граждан – в возрасте 70–80 лет и 418 старше 80 лет.

По состоянию на 1 января 1988 г. в Смоленске в льготной очереди на обеспечение жильем находилось 568 семей инвалидов и семей погибших военнослужащих. За три года (1988-1990 гг.) было предоставлено 341 новых квартир. Оставались необеспеченными 107 семей, в основном одинокие люди, которым нужны были однокомнатные квартиры. Городской Совет народных депутатов поддерживал совет ветеранов, но никаких мер по строительству специального дома для одиноких престарелых инвалидов войны и труда не предпринималось [3, л. 17].

С вводом в эксплуатацию АТС на 10 тыс. номеров в Заднепровском районе сократилось число заявлений и обращений ветеранов по вопросу телефонизации квартир.

Выросло число жалоб на неудовлетворительное обслуживание в торговле: если в 1989 г. их было – 20, то в 1990 г. – 49 и за пять месяцев 1991 г. – 25. Поскольку вопросы торгового обслуживания и особенно некоторые категории (инвалидов и участников войны, одиноких престарелых и других лиц) оказался довольно сложным, городской совет ветеранов в 1990 г. образовал дополнительную специальную комиссию по торговле во главе с П. Н. Семеновым. В комиссию вошли ветераны торговли, представлявшие различные районы города. На заседаниях комиссии (в 1991 г. проведено 6 заседаний) рассматривались самые злободневные вопросы упорядочивания продажи продовольственных и промышленных товаров. Районными советами ветеранов проводились проверки правильности прикрепления к специализированным магазинам, которые выявили допускаемые вольности в данном вопросе. Организовывался контроль за продажей предпраздничных наборов, при все скудности возможностей, анализировались жалобы и предложения, записанные покупателями в магазинах, принимались меры к устранению отмеченных недостатков, в работе поставщиков, особенно мясных и молочных продуктов. Была достигнута договоренность с исполкомом Горсовета об открытии дополнительного спецмагазина по обслуживанию инвалидов и других прикреплённых лиц. Но в работе данного магазина имелись недостатки: сотрудники торгового отдела горисполкома мало интересовались нуждами инвалидов и ветеранов, таблички о внеочередном обслуживании данного контингента граждан отсутствовали в торговых точках.

Городской совет ветеранов войны и труда также проводил некоторую работу по организации культурного отдыха ветеранов. Например, за период 1988-1990 гг. для ветеранов был дан концерт оркестра русских народных инструментов В. Дубровского, концерт артистов Смоленской филармонии, посвященный 45-летию Победы, осуществлена поездка в г. Витебск и знакомство с его достопримечательностями и др. Проведённые мероприятия, обогащали духовную жизнь ветеранов, расширяли их кругозор.

Одним из важнейших направлений в работе ветеранов являлось нравственное воздействие на молодое поколение. Встречи ветеранов, воинов-интернационалистов с молодыми рабочими, студентами, учащимися становились традицией. Ветераны являлись организаторами, инициаторами деятельности музеев, уголков боевой славы на предприятиях, в ВУЗах, школах, техникумах, училищах. Они принимали участие в работе различных кружков, клубов при домоуправлениях, поисковой работе. Обсуждение вопросов патриотического воспитания молодежи на Пленумах городского совета ветеранов войны и труда активизировало эту деятельность. Ветераны отмечали: *«нам необходимо было избавиться от идеологической зашоренности, больше уделять внимание не политической, а нравственной стороне дела, учится диалогу в этой работе, взаимодействию с различными движениями и политическими силами. Гуманизм, любовь к Родине, уважение к старшим, тому, что создано трудом предшествующих поколений – это во все века было главными ценностями. Их надо сохранить. Они основа веры, без которой человек, как корабль без руля»* [3, л. 14].

Важным направлением в работе городского совета ветеранов являлось обобщение и распространение опыта лучших ветеранских организаций. В Смоленске числилось три районных совета ветеранов войны и труда, каждый из которых передавал свой накопленный опыт. Например, в Заднепровском районе города действовали организация авиационного завода (председатели Горбачев, Демьянов), льнокомбината (председатель Д. К. Исаева), завода «Инструмент» (председатель Баранов), комбината строительных материалов (председатель Гришанов), локомотивного депо (председатель Шаманов), швейного объединения «Восход» (председатель Запасникова), первой городской клинической больницы (председатель Заболотный) и другие.

В начале 1990-х гг. наблюдалось снижение инициативы среди ветеранов, уход некоторой части от активных дел. В большинстве ветеранских организаций чувствовался спад. Объяснялся он тем, что в процессе перехода к рынку особенно страдали пенсионеры: их увольняли первыми в ходе кадровых перестановок. У многих из них был незаменимый опыт, высокая квалификация. Вопросы трудоустройства пенсионеров и инвалидов становился все более трудно разрешаемым и требовал усиленного внимания к нему, однако, системных решений и мероприятий в данном направлении не последовало.

Таким образом, в 1988-1991 гг. Смоленский городской совет ветеранов войны и труда уделял основное внимание защите политических и социальных прав пенсионеров, улучшению обеспечения их материальных, бытовых и культурных запросов. Для этой цели использовались различные формы деятельности: важные вопросы рассматривались на Пленумах, заседаниях президиума, созданных при советах комиссиях. Осуществлялся ежедневный индивидуальный прием ветеранов по личным вопросам, практиковалось обсуждение наиболее острых вопросов на встречах с руководителями областного и городского Совета народных депутатов, торговли, социального обеспечения, здравоохранения и т.д. Поддерживался и распространялся лучший опыт работы ветеранской общественности. Все это способствовало решению многих ветеранских проблем. Ветеранские организации принимали участие в патриотическом и нравствен-

ном воспитании молодёжи. Наряду с этим приходилось констатировать снижение инициативы в ветеранском общественном движении, вызванного политической и экономической нестабильностью исторического периода развития страны.

Список литературы

1. Иванов А. М. Смоленщина на пороге перемен: общественно-политические процессы в период перестройки. Смоленск : ФГБОУ ВО «Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации», 2025. 220 с.
2. Силина К. В. Военно-патриотическая работа Советского комитета ветеранов войны и труда в середине 1980-х гг. по материалам Смоленской области // Историко-культурные связи славянских народов: от союза племен до союза государств : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / авт.- сост.: Е. А. Ульяненкова, А. М. Иванов ; под общ. ред. Е. А. Ивановой. Смоленск, 2024. С. 229–240.
3. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 2765. Оп. 1. Д. 39.

Информация об авторе: *Силина Карина Владимировна*, студентка, ФГБОУ ВО «Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Смоленск).

УДК 791

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980–1990-х гг.: МЕЖДУ СВОБОДОЙ И РАСПАДОМ

Виктория Алексеевна Фатевичева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

fatevichevaviktoria@yandex.ru

Аннотация. Анализируется системный кризис киноотрасли в СССР и постсоветских государствах с 1985 по 1999 г. Рассматривается переход от «чернухи» и идеологического вакуума перестройки к полному экономическому и институциональному коллапсу 1990-х: распад Госкино, крах проката, экспансия пиратства. Выявляются ключевые противоречия эпохи: между свободой творчества и отсутствием ресурсов, между гипернатурализмом и мифологизацией прошлого. Делается вывод, что обретенная свобода без институциональной и экономической опоры оказалась травматичной, предопределив формирование жестко централизованной модели государственной поддержки кино в последующий период.
Ключевые слова: советский кинематограф, постсоветский кинематограф, перестройка, кино 1990-х, кризис кинопроизводства, Госкино, кинопрокат, «чернуха», культурная идентичность, кино и рынок, кинофестивали
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ О. В. Ягова.

Период с 1985 по 1999 г. стал для кинематографии на пространстве СССР и постсоветских государств временем радикальной и болезненной трансформации, не имеющей аналогов в мировой истории кино. Этот процесс был обусловлен не столько эво-

люцией эстетических парадигм, сколько глубинным системным кризисом, в котором сошлись политическая либерализация, экономический коллапс и культурная анемия. Движение от позднесоветского «кинематографа перестройки» к постсоветской киноиндустрии сопровождалось рядом взаимообусловленных проблем, определивших его кризисный характер.

В позднесоветский период (1985–1991 гг.) киноиндустрия почувствовала эйфорию раскрепощения и первый кризис институтов. Начало перестройки ознаменовалось для кинематографа феноменом «чернухи» и «возвращённого кино». Отмена предварительной цензуры, формально с 1986 г., привела к взрывному интересу к ранее запретным темам: сталинским репрессиям («Покаяние» Т. Абуладзе, 1984), девиациям, социальной патологии, истории СССР как истории насилия («Так жить нельзя» С. Говорухина, 1990). Этот процесс, названный киноведом М. С. Трофименков «шоковой терапией», выполнял важную публичную функцию катарсиса. Однако уже к концу 1980-х проявляются первые проблемы. Среди них: идеологический вакуум и утрата ориентиров, кризис системы Госкино, демонтаж «большого стиля» и поиск новой эстетики.

Если раньше целью, даже в подцензурных условиях, было «говорить правду», то с исчезновением цензуры исчез и сам предмет преодоления. Кино утратило объединяющую сверхзадачу, не обретя новой. Монопольная государственная система производства и проката, основанная на плановом финансировании и централизованном распределении копий, вступила в противоречие с рыночными веяниями. Падение госдотаций при сохранении бюрократического аппарата привело к параличу. Кинопроцесс стали спасать хозрасчётные творческие объединения и первые кооперативы, но они работали в условиях правовой неопределённости. Авторское кино, «аура» которого во многом держалась на противостоянии системе, потеряло почву. Появившиеся на волне свободы низкобюджетные, подчас спекулятивные ленты, эксплуатировавшие интерес к «запретному», часто были эстетически беспомощны, что девальвировало саму идею кинематографического высказывания.

Постсоветский кинематограф (1992–1999 гг.), характеризуется системным коллапсом и борьбой за выживание в системе, так как распад СССР усугубил кризис до уровня катастрофы, а ключевой проблемой стал тотальный экономический крах отрасли. Прежде всего, это было связано с тем, что госфинансирование обвалилось: в новой России и других республиках государство практически полностью свернуло финансирование кинопроизводства. Выпуск фильмов в Российской Федерации упал со 150–200 картин в год в конце 1980-х гг. до 20–40 в середине 1990-х гг. Киностудии, гигантские индустриальные комплексы, оказались на грани банкротства, выживая за счёт сдачи павильонов и площадок под телесериалы и рекламу.

Единая всесоюзная прокатная сеть рухнула. Кинотеатры, часто располагавшиеся в убыточных дворцах культуры, массово закрывались или перепрофилировались. Освободившуюся нишу мгновенно занял видеопрокат, основанный на пиратских копиях голливудских блокбастеров. Это сформировало у первого постсоветского поколения зрителей вкус к западному, преимущественно американскому, развлекательному продукту, отучив платить за отечественное кино.

В результате распада Советского Союза кинематограф новых независимых государств оказался перед сложным выбором: строить национальную модель (как в Прибалтике, Грузии) или пытаться интегрироваться в условный «русскоязычный» рынок. Само же российское кино, утратив имперский масштаб, мучительно искало новую

идентичность: между ностальгией по советскому («Особенности национальной охоты» А. Рогожкина, 1995), криминальным натурализмом («Брат» А. Балабанова, 1997) и европеизированным авторским кино («Утомлённые солнцем» Н. Михалкова, 1994) [1, с. 112]. Однако эти успехи были точечными и не складывались в систему.

Главным системным противоречием эпохи стало рассогласование между политической свободой и экономическими условиями для её реализации. Кинематографисты получили невиданную творческую автономию, но лишились главного – государства как заказчика, мецената и распределителя. Рынок же не спешил заполнять вакуум, ведь частные инвесторы видели в кино высокорисковый бизнес, а не искусство.

Это привело к парадоксальному феномену. С одной стороны, возник вакуум и маргинализация авторского кино. С другой – именно в этих условиях, в полной мере проявились альтернативные практики, которые в советское время существовали на периферии. Таковыми являлись документальное кино, оно пережило короткий ренессанс, став самым оперативным и честным «протоколом эпохи» (работы В. Манского, С. Лозницы); видеоарт и медиа-искусство (группа «Купидон», А. Тер-Оганьян) использовали новые технологии для радикальных художественных жестов, комментируя социальный распад и региональные школы, которые, освободившись от диктата Москвы, пытались выработать собственный язык, часто обращаясь к этническому мифу и архетипам.

Однако эти явления оставались уделом узкого круга интеллектуалов и фестивальной публики, не оказывая существенного влияния на массового зрителя.

Помимо экономических проблем, кино столкнулось и с эстетическим парадоксами, заключавшимися в сосуществовании гипернатурализма и мифологизации. С одной стороны, доминировала установка на тотальный документализм, так называемую «правду жизни», достигшая апогея в фильмах Виталия Каневского («Замри – умри – воскресни!», 1989) и Василия Пичула («Маленькая Вера», 1988), где социальный патологизм возводился в художественный принцип. С другой стороны, происходила активная мифологизация советского прошлого как способа осмысления травматического настоящего, этот процесс проявлялся в двух формах. Первая форма – ностальгический миф в работах Никиты Михалкова («Урга», 1991) и Карена Шахназарова («Цареубийца», 1991), создававших идеализированные образы дореволюционной России или советской имперской мощи как антитезы хаосу 1990-х. Вторая – травматический миф в фильмах «ташкентской школы» (Али Хамраев, Юлдаш Агзамов), где национальная идентичность конструировалась через призму коллективной памяти о сталинизме и насильственной коллективизации [2, с. 154]. Это противоречие отражало глубинный кризис репрезентативных стратегий: кино больше не могло быть «правдой», но ещё не научилось быть «вымыслом» в условиях нового культурного ландшафта.

Кризис кинематографа имел выраженные психологические и кадровые последствия. Можно проследить феномен так называемого «упущенного поколения», он заключается в том, что режиссёры, дебютировавшие на рубеже 1980–1990-х (Сергей Ливнев, Евгений Юфит, Борис Юхананов), оказались в ситуации творческой изоляции. Их экспериментальные поиски, возможные в условиях свободы, но лишённые институциональной поддержки, остались маргинальными, не получив развития в следующих десятилетиях.

Массовый отток технических специалистов (операторов, звукорежиссеров, монтажёров) в рекламу и телевидение привёл к деградации производственной культуры.

Утрачивались сложные технологии съёмки, навыки работы с плёнкой, что впоследствии затруднило возрождение высокобюджетного кино.

Так, лишившись единого идеологического противника в лице советской системы и чётких критериев оценки, профессиональная критика распалась на множество изолированных дискурсов. Влиятельные журналы, например, «Искусство кино», теряли аудиторию, уступая место развлекательным изданиям и телевизионным обзорам [3, с. 112].

Важной составляющей кризиса стало изменение места советского/постсоветского кино в мировом культурном пространстве. Если в перестроечный период западные фестивали активно интересовались «чернухой» как политическим феноменом, то в 1990-е произошла существенная переориентация. Европейские фестивали начали воспринимать российское кино не как свидетельство политических изменений, а как часть мирового арт-хауса. Это привело к успехам Александра Сокурова («Мать и сын», 1997) и Андрея Звягинцева («Возвращение», 2003), чьи работы соответствовали ожиданиям «медленного», философского кино. Фильмы, получавшие признание на Западе (работы Киры Муратовой, Сергея Дворцевого), часто оставались неизвестными отечественному зрителю, создавая ситуацию культурного раздвоения, то есть существования двух независимых кинематографий: фестивальной и коммерческой. Более того, распад единого культурного пространства привёл к тому, что на международных фестивалях стали отдельно представляться российские, украинские, казахстанские и другие национальные кинематографии, каждая из которых искала собственную идентичность.

Таким образом, проблемы развития кинематографа в 1985–1999 гг. представляют собой многоуровневый кризис системы, где экономический коллапс сочетался с культурной дезориентацией и институциональной деградацией.

Уникальность ситуации заключалась в том, что свобода оказалась травматичной: отсутствие цензуры не привело к художественному расцвету, а обнажило отсутствие внутренних ресурсов для самостоятельного развития в условиях рыночной стихии. Кинематограф 1990-х стал зеркалом социального распада, где эстетические стратегии были прямым отражением общественных травм – дезинтеграции, ностальгии по утраченной целостности, столкновения с жестокими реалиями нового капитализма.

Этот опыт создал травматическое наследие, которое будет влиять на российский кинематограф в последующие десятилетия: страх перед рыночной стихией, ожидание государственной поддержки как единственного условия выживания, ностальгическая идеализация советской системы кинопроизводства. Восстановление отрасли после 2000 г. происходило уже на принципиально иных основаниях – через создание централизованной модели государственно-частного партнёрства, которое, с одной стороны, позволило преодолеть хаос 1990–х, а с другой – воспроизвело многие черты старой системы контроля, но уже в новых экономических условиях.

Список литературы

1. Новейшая история отечественного кино, 1986–2000. Т. 2: К-П / редкол.: Любовь Аркус [и др.]. СПб. : Сеанс, 2001. 526 с.

2. Абдуллаева З. К. Кира Муратова: искусство кино. М. : Новое лит. обозрение (НЛО), 2008. 415 с.

3. Плахов А. С. Всего 33. Звезды мировой кинорежиссуры. Винница : АКВИЛОН, 1999. 463 с.

Информация об авторе: *Фатевичева Виктория Алексеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 004,6:94(470)

ОГАС: УТЕРЯННОЕ ЦИФРОВОЕ ПРЕВОСХОДСТВО СССР И ЕГО ПРИЗРАЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ

Владислав Алексеевич Февралев

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

vlad.fevralev@mail.ru

Аннотация. Анализируется проект Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), разработанный под руководством академика Виктора Михайловича Глушкова в 1960–1970-х гг. Рассматривается архитектура системы, представлявшей собой трехуровневую сеть вычислительных центров для тотальной автоматизации управления плановой экономикой СССР. Исследуются причины краха проекта, среди которых ключевыми стали бюрократическое сопротивление ведомств, опасение чиновников за потерю власти и отсутствие политической воли на высшем уровне. Особое внимание уделяется концептуальной преемственности: показано, что, вопреки современным мифам, ОГАС не была прямым техническим прототипом нейросетей (таких как DeepSeek), однако ее теоретические основы – в области кибернетики, управления большими данными и оптимизации систем – заложили философский фундамент для последующих разработок в сфере искусственного интеллекта. ОГАС стала символом упущенной возможности цифровой трансформации социалистической экономики, опередившей свое время.

Ключевые слова: ОГАС, Виктор Михайлович Глушков, плановая экономика СССР, история вычислительной техники, автоматизированная система управления, искусственный интеллект, цифровая экономика

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Перевод и переводоведение» ПензГТУ Л. В. Лебедевой.

В 1970 г., когда американские ученые только начинали разработки с прототипом интернета (ARPANET), в СССР академик АН СССР Виктор Михайлович Глушков представил Политбюро проект, который на десятилетия опережал свое время. Речь шла о создании Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) – грандиозной цифровой сети, способной охватить всю экономику огромной страны. Если бы этот план воплотили в жизнь, история могла бы пойти по совершенно иному пути: Советский Союз получил бы «цифровую нервную систему» плановой экономики задолго до появления привычного нам интернета. Проект внедрен не был, но идеи В.М. Глушкова о тотальной автоматизации и управлении данными оказались настолько живучими, что сегодня некоторые исследователи и энтузиасты проводят параллели между его наследием и современными нейросетями DeepSeek и ChatGPT.

Академик В. М. Глушков, возглавлявший Институт кибернетики АН УССР в г. Киеве, был одержим идеей борьбы с «бумажным барьером». В 1960-е гг. советская экономика задыхалась в ворохе отчетов. Плановая система работала по принципу «сделано – отчитались», причем отчеты доходили до чиновников месяцами [1, с. 3–5]. ОГАС должен был решить эту проблему радикально. Архитектура системы предполагала трехуровневую структуру [2]:

1. Низовой уровень. Десятки тысяч компьютеризированных предприятий и фабрик, которые вводили данные о производстве в реальном времени.

2. Средний уровень. 30–50 мощных городских вычислительных центров, агрегировавших информацию по регионам.

3. Высший уровень. Главный вычислительный центр в г. Москве, подключенный к Госплану [3, с. 42–45].

В. М. Глушков предлагал создать безбумажную информатику. По его замыслу, это позволило бы рассчитывать оптимальные планы для всей экономики СССР не раз в год, а чуть ли не в режиме реального времени, мгновенно выявляя диспропорции и дефицит. Он оценивал стоимость строительства этой сети в 20 миллиардов рублей и срок в 15 лет [4, с. 87–90].

Встает вопрос – почему же ОГАС, поддержанный на уровне передовых ученых, так и не был построен? Принято считать, что виной всему косность советской бюрократической машины. И это действительно так, но история оказалась драматичнее. Когда в 1970 г. В. М. Глушков пришел с докладом в Политбюро, заседание проходило в отсутствие Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина. Этим воспользовался министр финансов СССР В. Ф. Гарбузов. Он парировал предложения кибернетика, заявив, что начинать нужно не с глобального переустройства, а с развития простой технической инфраструктуры, без «цифрового планирования». Однако истинная причина была глубже. ОГАС был не просто сетью, он был политической реформой. Автоматизированная система управления по В. М. Глушкову автоматически отменяла огромную армию чиновников-плановиков, министерских работников и статистиков. Вся их власть над цифрами и отчетами уходила в прошлое. Как пишут исследователи О.В. Китова и В. А. Китов, «министерства начали создавать собственные вычислительные центры» – но они были разрозненными, их не объединили в единую сеть. Таким образом, проект пал жертвой не столько технической отсталости, сколько сопротивления «человеческого фактора» – ведомственных интересов и страха потери власти [5, с. 11–12].

В 2025 г. информационное пространство России всколыхнула новость: якобы создатели китайской нейросети DeepSeek признались, что использовали советские разработки ОГАС 1985 г. Новость оказалась фейком, запущенным сатирическим агентством «Панорама». Однако, как это часто бывает, в каждой шутке есть доля правды [6].

Могла ли система, созданная для плановой экономики, стать прародителем нейросетей? Прямых технических заимствований (кода) нет и быть не могло. Однако существует философская и концептуальная связь.

1. Кибернетика как методология. В. М. Глушков был не просто инженером, он – крупнейший теоретик кибернетики. В своих трудах, таких как «Введение в кибернетику» и «Основы безбумажной информатики», он заложил основы теории автоматов и систем оптимизации. Современные нейросети – это прямое развитие этих кибернетических идей о самообучающихся системах [7, с. 970–971].

2. «Советский искусственный интеллект». В рамках подготовки ОГАС Глушков настаивал на создании языков программирования высокого уровня и систем, приближенных к естественному человеческому языку, чтобы управлять техникой могли не только программисты, но и инженеры-экономисты.

3. Управление данными. ОГАС был задуман как гигантский банк данных, анализирующий колоссальные объемы информации для принятия решений. Сегодня именно большие данные (Big Data) и их анализ кормят нейросети. В каком-то смысле, нейросети – это та самая «кибернетическая машина» Глушкова, которая должна была давать «оптимальные решения», но выросшая на мощностях современных GPU, а не на советских ЭВМ [3, с. 78–80].

В. М. Глушков мечтал превратить страну в единый «суперкомпьютер», управляемый математическими алгоритмами для всеобщего блага. Сегодня алгоритмы управляют нашими лентами новостей, финансами и транспортом.

ОГАС остался великим замыслом, который не смогли реализовать из-за человеческой инерции. И хотя прямой линии от системы Глушкова к ChatGPT или DeepSeek нет, сам принцип мышления – попытка создать искусственный интеллект для управления сложными системами – является прямым наследием тех киевских кибернетиков.

Подводя итог, следует отметить, что ОГАС представляет собой уникальный пример масштабного научно-технического проекта, опередившего свое время, но не реализованного в силу комплекса социально-политических и бюрократических причин. Ключевыми факторами неудачи стали: ведомственная разобщенность, сопротивление номенклатуры, опасавшейся потери контроля над информационными потоками, а также отсутствие последовательной политической воли руководства страны.

С концептуальной точки зрения, теоретические разработки В. М. Глушкова в области кибернетики, управления большими массивами данных и оптимизации сложных систем заложили фундамент, который впоследствии был востребован при создании систем искусственного интеллекта и нейросетевых технологий. При этом важно подчеркнуть: между ОГАС и современными нейросетями (ChatGPT, DeepSeek) нет прямой технологической преемственности. Однако методологическое родство – стремление к автоматизации принятия решений на основе анализа больших данных – бесспорно.

Таким образом, история ОГАС демонстрирует не только упущенную возможность цифровой трансформации социалистической экономики, но и подтверждает тезис о том, что технологические прорывы невозможны без соответствующей социально-политической среды, готовой к институциональным изменениям. Наследие В. М. Глушкова продолжает влиять на развитие отечественной и мировой цифровой культуры, оставаясь напоминанием о том, что идеи часто живут дольше, чем системы, для которых они создавались.

Список литературы

1. Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М. : Статистика, 1975. 160 с.

2. Кутейников А. В. История проекта создания автоматизированной системы управления советской экономикой (ОГАС) в 1960–1980-х гг. // Виртуальный компьютерный музей. 2011. URL: https://www.computer-museum.ru/histussr/ogas_sorucom_2011.htm (дата обращения: 20.03.2026).

3. Глушков В. М., Валах В. Я. Что такое ОГАС. М. : Наука, 1981. 160 с.

4. Глушков В. М. Основы безбумажной информатики. 2-е изд., испр. М. : Наука, 1987. 552 с.

5. Китова О. В., Китов В. А. Они были первыми – основополагающий вклад в отечественную цифровую экономику А. И. Китова и В. М. Глушкова // Цифровая экономика. 2019. № 1 (5). С. 5–16.

6. Российский телеканал принял пародийную новость про «советские разработки» в основе DeepSeek // Fontanka.ru. 2025. 2 февраля. URL: https://www.fontanka.ru/2025/02/02/75059168/ (дата обращения: 28.03.2026).

7. Поляк Ю. Е. Сбывшиеся и несбывшиеся прогнозы академика Глушкова // Электронные библиотеки. 2023. Т. 26, № 6. С. 962–991.

Информация об авторе: *Февралев Владислав Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 93/94

КУПЧИХИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Аврора Юрьевна Фогель

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

aur.ath@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль купчих в общественной жизни Сибири во второй половине XIX – начале XX в. с учетом региональной специфики. Сделан вывод о том, что, преследуя разные цели и мотивы, купчихи во многом способствовали улучшению жизненных условий населения региона, помогали нуждающимся и способствовали просветительской деятельности.
Ключевые слова: Сибирь, благотворительность, общественная жизнь, общественная активность, женщины

Начиная с середины XIX в. общественная жизнь в Сибири становится более оживленной. В этом отношении регион имел рад характерных особенностей, обусловленных социально-экономическим развитием и территориальным расположением. Так, для Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. характерны достаточно низкая плотность населения по сравнению с европейской частью страны, пересечение личного состава городских дум и крупных общественных организаций в связи с малочисленностью образованных и социально активных граждан, низкий уровень образования и грамотности. Особенно низким уровень образования был среди женщин – к началу XX в. в Сибири насчитывалось до 97 % неграмотных сельских женщин [1, с. 85]. Тем не менее женщины из различных сословий – от мещанок до дворянок – все активнее принимали участие в общественной жизни: участвовали в работе общественных организаций и органов местного самоуправления, организовывали массовые мероприятия, занимались просветительской деятельность и благотворительностью. Активную общественную позицию занимало купеческое сословие, во многом определявшее тенденции общественной, культурной, бытовой жизни региона.

Понимая особенности региона, особое внимание купчихи-благотворительницы уделяли образованию, просвещению повышению грамотности населения, развитию училищ разного уровня, курсов, гимназий и высшего образования. Такой интерес мог быть обоснован личными мотивами: очень многие благотворительницы и сами обладали невысоким уровнем образования. По свидетельству современников, среди бийских купцов насчитывалось «никак не более десятка людей, кончивших городское училище, получивших среднее образование вовсе нет. Большинство хозяев и приказчиков едва умеют писать свою фамилию» [2, с. 94].

Предпринимательница и благотворитель Елена Григорьевна Морозова долгие годы являлась председателем благотворительного общества и Общества попечения о начальном образовании в г. Бийске, в пользу которого она пожертвовала участок земли площадью 20000 м^2 под строительство школы, попечительницей бийской женской гимназии, почетной блюстительницей Успенского и Николаевского женских приходских училищ, а также принимала активное участие в судьбе других городских учебных заведений и оплачивала многие их нужды. Однако до конца жизни она сама не умела читать и писать, и даже духовное завещание за нее подписал ее доверенный К. К. Лемке. После ее смерти в 1909 г. председателем благотворительного общества

и членом Совета Общества попечения о начальном образовании стала ее племянница, Анна Онисимовна Пискарева [1, с. 86]. Их общественная деятельность стала реализацией их активной жизненной позиции, ранее проявлявшейся в сфере бизнеса.

Среди представительниц Сибирского купечества, активно способствовавших развитию образования и просвещения, также выделяется Мария Александровна Шанина, регулярно совершавшая пожертвования в пользу школ, училищ и детских приютов, в том числе ей были выделены средства на создание коммерческого училища и ремонт здания Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Помимо этого, она оказывала помощь студентам и гимназистам. Самый большой взнос она сделала в 1916 г. – 25 тыс. руб. на создание в городе Народного университета, в то время как Городской управой было внесено 10 тысяч [3, с. 80].

Другим популярным направлением общественной активности среди сибирских купчих по-прежнему оставалась религиозная благотворительность. Во многом это было продиктовано тем, что благотворительность в принципе была правилом хорошего тона в обществе, а в контексте православной традиции более приемлемым, имея достаточный доход, было делиться с ближними. Средства жертвовались «на помин души» умерших, строительство и содержание храмов, а также порой выделялась часть наследства в завещаниях.

Так, купчиха Прасковья Панфиловна Шкроева, продолжая благотворительную деятельность своего покойного мужа, регулярно жертвовавшего крупные суммы на сибирские храмы, пожертвовала средства на строительство каменной Параскевинской церкви, церковно-приходской школы и богадельни с церковью во имя святого Стефана Савваита [4, с. 87].

Томская купчиха второй гильдии Екатерина Ивановна Михеева была известна своими пожертвованиями в пользу нуждающихся, и когда к ней обратился Епископ Томский Порфирий с прошением, она внесла денежные средства на обустройство женской общины Иоанно-Предтеченского монастыря и способствовала поиску других спонсоров. После подписания Святейшим Синодом в 1864 г. указа об учреждении женской общины в городе Томске, Екатерина Ивановна была назначена начальницей и попечительницей монастыря, под личным руководством которой и началось строительство [5, с. 363]. Помимо этого, Игуменья Зинаида, настоятельница монастыря в 1908 г., прямо указывала в монастырских документах, что «церкви, монастырь, причт, сестры и монастырское училище содержатся на проценты от неприкосновенного капитала, пожертвованного основательницей монастыря Е. И. Михеевой» [4, с. 110].

Активно благотворительностью в данном направлении занималась совладелица Барнаульского водочного и Иткульского винокуренного завода «Платонов и Судовская» Евдокия Ивановна Судовская. В 1895 г. ей было составлено завещание, в котором она просила распределить накопленное во время ее жизни материальные блага, в том числе и на Богородице-Казанскую общину [6, с. 42]. В 1904 г. для монастыря был построен крупнейший в Барнауле храм в честь Казанской иконы Божьей Матери, вмещавший до 1,5 тыс. человек. Одновременно были выстроены другие постройки – келейный корпус, двухэтажное здание церковно-приходской школы, жилые дома [7, с. 157].

Отдельным направлением благотворительной деятельности является участие в работе различных благотворительных и общественных организаций, спектр которых был достаточно широким. Так, в трудах Е. А. Дегальцевой, посвященных Западной Сибири, общества подразделяются на филантропические, просветительские, краеведческие, научные, связанные с искусством, спортивные, профессиональные, сельскохо-

зяйственные [1, с. 29–31]. Через труд в общественных организациях женщины формировали условия для более достойной жизни сирот, инвалидов, и людей, по разным причинам оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах. Тем самым они воспитывали в себе и окружающих чувство сопричастности, единства.

Так, ярким примером является деятельность Российского общества Красного Креста, важной вехой в работе которого стала Русско-японская война. В Сибири проводилась мобилизация, переброска войск, закупки продовольствия для армии, а также забота о больных и раненых воинах. В первый же месяц после начала войны в регионе начали возникать дамские комитеты. В Томске открылся комитет под председательством попечительницы Томской общины сестер милосердия Красного Креста Н. И. Образцовой, в Барнауле – под председательством члена Барнаульского общества Красного Креста Ю. А. Пранг, в Новониколаевске – под председательством супруги управляющего Сибирским торгово-промышленным банком – Чуфаровой, в Красноярске – под председательством купчихи Е. П. Кузнецовой. В дамских комитетах женщины одновременно занимались как сбором пожертвований по подписным листам в пользу нуждающихся, так и собственноручным трудом: от стирки белья раненых, до изготовления комплектов, которые отправлялись в места ведения боевых действий [8, с. 282].

Активная общественная деятельность представительниц купеческого сословия была не просто одни из очень немногих способов самореализации, доступных женщине во второй половине XIX – начале XX вв., но и во многом дополняла или заменяла деятельность органов власти. Преследуя разные цели и мотивы, купчихи во многом способствовали улучшению жизненных условий населения региона, помогали нуждающимся и способствовали просветительской деятельности, и столь стремительная активизация общественной деятельности сибирских женщин через благотворительность не осталась незамеченной прессой и получила высокую оценку: «Теперь женщины уже вносят неоспоримый заметный плюс в культурный рост Сибири и содействуют ее прогрессу» [9, с. 5].

Список литературы

1. Дегальцева Е. А. Участие женщин в социокультурной жизни дореволюционной Сибири // Культурологические исследования в Сибири. 2002. № 2 (8). С. 83–90.

2. Гончаров Ю. М. Население города Бийска во второй половине XIX – начале XX в. // Научные чтения памяти Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2004. С. 81–100.

3. Гайдук М. Ю., Ситникова Е. В. Роль купечества в формировании застройки городов Западной Сибири в XIX – начале XX века (на примере Тюмени и Тобольска) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kupechestva-v-formirovanii-zastroyki-gorodov-zapadnoy-sibiri-v-xix-nachale-xx-veka-na-primere-tyumeni-i-tobolska (дата обращения: 27.03.2026).

4. Верхотурова В. В. Общественная деятельность городской женщины Западной Сибири во второй половине XIX в.: на материалах Томской губернии : дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 177 с.

5. Филиппович М. В. Основание и открытие Иоанно-Предтеченского женского монастыря в городе Томске // Этюды культуры : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Томск, 21 апреля 2015 г.) / под ред. Э. И. Черняка. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2015. С. 362–369.

6. Скопа В. А. Организация и деятельность Богородице-Казанского женского монастыря в г. Барнауле (конец XIX – начало XX века) // Современная научная мысль. 2025. № 3. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-i-deyatelnost-bogoroditse-kazanskogo-zhenskogo-monastyrya-v-g-barnaule-konets-xix-nachalo-xx-veka (дата обращения: 27.03.2026).

7. Скубневский В. А. Благотворительность предпринимателей Алтая во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 155–159.

8. Фогель А. Ю. Женское милосердие: отделения Красного Креста в Сибири во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // Женщины и мужчины в экстремальной повседневности народов России и мира : материалы XVIII Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН (г. Казань, 25–28 сентября 2025 г.) / отв. ред. Н. Л. Пушкарева ; сост.: А. И. Громова, А. В. Жидченко, О. И. Секенова, И. И. Ханипова : в 2 ч. М. : ИЭА РАН, 2025. Ч. 1. С. 281–284.

9. Культурная роль женщин в Сибири // Сибирские вопросы : периодический сборник. 1908. № 49–52. С. 2–6.

Информация об авторе: *Фогель Аврора Юрьевна*, аспирант кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» (Россия, г. Барнаул).

УДК 908

СИНТЕЗ ИСТОРИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ПЕНЗЫ

Татьяна Александровна Белая

Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

tanyawh1te@yandex.ru

Аннотация. На примере клубного дома «Капитал» в г. Пензе рассматриваются предпосылки возвращения современных архитекторов к классике. Анализируется стиль европейской эклектики, который представляет собой синтез элементов классицизма, барокко и других исторических стилей, подобранных для современных архитектурных задач.

Ключевые слова: архитектурный облик Пензы, классическая европейская эклектика

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Перевод и переводоведение» ПензГТУ Л. В. Лебедевой.

Объектом исследования выступает клубный дом «Капитал», находящийся в г. Пензе на улице Карла Маркса, 5 – образец классической европейской эклектики. Его создатель – известный казанский архитектор Л. Г. Горник, автор знаменитого Дворца земледельцев в Казани. Стиль эклектики подразумевает под собой сосредоточение лучшего из каждого стиля классической архитектуры. В здании клубного дома классика сочетается с византийскими элементами, а мотивы барокко и ренессанса прослеживаются в ротондах, башнях и скульптурах атлантов.

Клубный дом – это понятие, относящееся к недвижимости, которая выделяется особым комфортом и роскошным стилем. Точность замечания «сообщение о принадлежности к клубному морфотипу посылают параметры помещений, которые существенно больше относительно жилья эконом» [1] подчеркивает тот факт, что клубный дом «Капитал» имеет 12 квартир и 4 пентхауса с площадью от 160 м^2 и высотой потолков 3,56 м [2].

Эксклюзивность этого объекта демонстрирует его уникальное оформление, которое встречается крайне редко среди привычных городских построек. Особое место среди декора занимают антропоморфные элементы в виде атлантов. Атлант – это мужественная скульптура, поддерживающая перекрытие здания или заменяющая собой колонну. Скульптуры атлантов активно использовались в архитектуре Санкт-Петербурга в конце XVIII и начале XIX столетий, а исторически их образы восходят к античной Греции. Атланты, как мифологические создания внушительных размеров, чаще всего изображаемые с небосводом на плечах, производят впечатление монументальности современной постройки и превращают жилой дом в произведение архитектурного искусства. Среди декоративных элементов также выделяются башни, визуально вытягивающие и возвышающие здание. Такой приём характерен для многих сооружений готических и неоготических направлений в архитектуре. Стиль эпохи Возрождения олицетворяют колонны, симметрия и баланс форм, а также фрески, резные детали и ранее упомянутые скульптуры. Барокко прослеживается в наличии фигурных рамок и выгнутых элементов – эркеров, которые внутри являются частью ком-

наты. Из византийского стиля позаимствована резная скульптурная обработка стен, а ротонды отсылают к классицизму [3, с. 8–20]. Архитектором со всего мира были собраны элементы из различных архитектурных направлений, что подтверждает принадлежность клубного дома «Капитал» к эклектическому стилю.

От анализа экстерьерных деталей клубного дома следует перейти к осмыслению глубокого внутреннего замысла архитектора. Место, на котором построен дом, имеет явный исторический контекст – улица Карла Маркса представляет собой старейшую улицу Пензы, которая в бытность свою Никольской стала основой быстрорастущего городского посада. Современное название улицы появилось в феврале 1919 г. в связи с планируемым возведением памятника Карлу Марксу. Пространственная структура улицы завершается Пензенским ботаническим садом, образованным весной 1917 г. по инициативе ученого-ботаника И. И. Спрыгина, в честь которого и назван.

Окружающая зона имеет высокую историческую ценность: здесь расположен памятный камень Емельяну Пугачеву. Согласно имеющимся сведениям, в восемнадцатом веке в доме, принадлежавшему купцу А. Я. Кознову, был устроен торжественный прием Пугачеву [4; 5, с. 38]. Дом купца не сохранился, но на его месте возвели памятный обелиск, отсылающий к событиям 1774 г.

В непосредственной близости от клубного дома также расположился один из старейших ландшафтных памятников России. Данный исторический объект представляет собой дубовый лес, история которого насчитывает 200 лет. Формирование парка датируется 1821 г., и инициировано указом императора Александра I «О устроении городов», в котором было «изъяснено Высочайшее повеление, чтобы стараться в каждом губернском городе иметь публичный сад». Первоначальный топоним «Верхнее гулянье» сохранился до 1857 г. и было заменено после того, как П. Мамонтову было разрешено построить Летний театр на нижнем каменном основании именно в парке. В 1911 г. по случаю празднования 100-летия со дня рождения В. Г. Белинского Городская Дума создала специальную комиссию и предложила присвоить городскому парку имя В. Г. Белинского. Новое название быстро стало привычным и употреблялось повсеместно [6, с. 514, 515].

Историческая значимость этого места подтверждается тем, что в разное время здесь бывали поэты, писатели, ученые, общественные и государственные деятели: В. А. Жуковский, П. И. Сумароков, В. В. Маяковский, В. В. Каменский, А. Н. Будищев, И. И. Лажечников, М. Ю. Лермонтов, М. Н. Загоскин, В. Г. Белинский, Д. В. Давыдов, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Г. Малышкин, Н. И. Замойский, Ф. И. Буслаев, И. И. Спрыгин, В. А. Магницкий, М. Г. Попов, Е. П. Коровин, В. В. Попов, Н. И. Лобачевский, И. Н. Ульянов, В. О. Ключевский, К. А. Савицкий, Н. Н. Бурденко и многие другие [6, с. 488–497].

На улице Богданова находится здание художественного училища имени К. А. Савицкого, упомянутого ранее в числе посетителей парка Белинского. Стоит отметить, что эта постройка также выполнена в стиле эклектики: «Рисовальная школа создавалась Максимовым с большим размахом и смелостью, нежели реальное училище. Это редкий в ту пору для провинции стиль – близкий к функционализму, но еще не освободившийся от китнеровской эклектики» [7, с. 100].

Кроме того, соседняя для улицы Красной улица Московская также застроена домами в стиле, близком к эклектическому: «В 1858 г. улица Московская была полностью уничтожена пожаром. Построенные после этого здания уже не могли по своему облику сравниться с прежними. Архитектурная мысль, опиравшаяся до того на классическое наследие, не успела еще набрать навыки характерного для периода эклектики

соединения разнородных художественных элементов. К тому же, если раньше купцы не прочь были предъявить собственные дома в качестве визитной карточки своего благосостояния, то, потерпев от пожара большие убытки, они стали более рационально подходить к украшению домов» [5, с. 143].

Если обратить внимание на другие здания XIX в., то можно усмотреть в них стиль классицизма, который подробно проанализирован на конкретных примерах в работе О. А. Сиренко: «Среди архитекторов, причастных к созданию художественного облика губернской столицы, можно назвать архитектора Я. А. Ананьина. И хотя точно неизвестно о всех зданиях, построенных по его проекту в Пензенской губернии, с уверенностью можно утверждать, что здания присутственных мест (для размещения государственных учреждений) были возведены по проекту, подписанному именно им. Яков Ананьевич Ананьин работал с такими архитекторами, как А. Ф. Кокоринов, Ж-Б. Валлен-Деламот, И. Е. Старов. Все они работали в стиле классицизма» [4]. Эти факты свидетельствуют о том, что данный стиль был выбран неслучайно – зданию нужно было удачно интегрироваться в ряд более ранних памятников архитектуры и при этом внести что-то новое в современный облик города. Упадок строгого классицизма пришелся на 1830-е гг., переход к эклектике детерминирован технико-экономическими сдвигами, возникшими в ходе промышленной революции. Развитие технологий выявило ограниченность классического стиля в решении задач нового времени. В Пензе это явление проявило себя в 1874 г. и было связано со строительством Сызрано-Вяземской железной дороги. Железнодорожный вокзал стал знаковым объектом той эпохи, обеспечившим функциональную обоснованность планировочных решений, а не только свежий внешний вид.

Таким образом, обращение современных архитекторов к классическому стилю обусловлено несколькими факторами. В первую очередь, стремлением разгадать загадки коллег из прошлого – например, до сих пор неизвестно, как были построены египетские пирамиды, и историки по всему миру работают над тем, чтобы раскрыть тайну древних строителей. Технологии строительства последующих эпох (в данном случае, период классицизма) понять намного проще. Во-вторых, они ищут возможности показать свое уважение к трудам мастеров того времени. Около десяти лет архитектору пришлось заниматься самообразованием, изучая классику, чтобы спроектировать Дворец земледельцев и клубный дом «Капитал». В-третьих, имеет место желание украсить город уникальной постройкой, ведь классическая архитектура всегда вызывает положительный отклик у городского населения и обеспечивает сохранение исторического культурного достояния предков.

Список литературы

1. Зиятдинов З. З., Михалчева С. Г. Клубные дома в крупном городе: определение, философия, резоны // Архитектон: известия вузов. 2022. № 4 (80). URL: https://archvuz.ru/2022_4/22/ (дата обращения: 27.03.2026).

2. Клубный дом «Капитал». URL: https://капиталклуб.рф (дата обращения: 06.04.2026).

3. Агеева Е. Ю., Акилова Е. В., Костина Е. В. Архитектурные стили конца XIX – начала XX в. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского гос. архит.-строит. ун-та, 2011. 70 с.

4. Сиренко О. А. Классицизм как основа архитектурного облика исторического центра города Пензы // КиберЛенинка – научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klassitsizm-kak-osnova-arhitekturnogo-oblika-istoricheskogo-tsentra-goroda-penzy?ysclid=mnlnohnq3l261237016 (дата обращения: 27.03.2026).

5. Дворжанский А. И., Шишкин И. С. История пензенских улиц. Улица Московская. М. : Локус Станди, 2012. 496 с.

6. История Пензенского края : в 3 т. / под общ. ред. О. В. Мельниченко. Т. 2: История Пензенского края XIX века / под ред. В. И. Первушкина. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. 640 с.

7. Лапшина Е. Г., Савельева Л. В. Архитектура города Пензы и вклад столичных архитекторов в формирование ее образа на рубеже XIX–XX вв. // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. № 4 (61). С. 97–113.

Информация об авторе: *Белая Татьяна Александровна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

АДРИАН МИХАЙЛОВИЧ УСТИНОВ: ОПЫТ ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дарья Сергеевна Гордеева

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

dasha_gordeeva_20043@mail.ru

Аннотация. На примере биографии помещика Адриана Михайловича Устинова (1802–1885) рассматривается история дворянской усадьбы. На основе архивных источников и историографического анализа раскрывается личность владельца в социокультурном контексте эпохи и определяется его роль в развитии села Бековo Сердобского уезда Саратовской губернии. Сделан вывод о том, что с момента владения имением А. М. Устиновым, благодаря его личностным качествам, экономической и просветительской деятельности, село Бековo становится устойчивым провинциальным производственно-экономическим образованием и социокультурным центром прилегающего сельского поселения.

Ключевые слова: Адриан Михайлович Устинов, усадьба Устиновых, село Бековo, дворянская усадьба, Саратовская губерния

Благодарность: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Изучение роли дворянской усадьбы невозможно без анализа личности ее владельца, так как именно хозяин поместья играл ключевую роль в становлении и ведении всего хозяйства.

В русской истории фигура «просвещенного помещика» занимает особое место. Это не просто владелец земли и душ, а проводник культуры, образования и прогресса в губернской глуши, человек, соединяющий в себе европейскую образованность с заботой о процветании данного ему имения.

К числу таких помещиков можно отнести Адриана Михайловича Устинова – владельца поместья в с. Бековo Сердобского уезда Саратовской губернии. Его жизнь и деятельность, разворачивавшиеся на фоне «золотого века» русской культуры и великих реформ, представляют собой уникальный пример того, как идеалы гуманизма и просвещения воплощались в конкретные экономические и социальные проекты.

Родился Адриан Михайлович 18 июля 1802 г. в Саратове, в семье богатого купца Михаила Адриановича Устинова и Варвары Герасимовны Осоргиной, дочери подполковника Герасима Григорьевича Осоргина [1, с. 11]. Всего у них было пятеро детей:

Александр, Василий, Михаил, Адриан и Григорий [2]. Их отец, Михаил Адрианович, владел большими землями в Аткарском, Балашовском, Саратовском, Петровском, Кузнецком и Сердобском уездах [3, л. 2]. Построив огромное состояние на винных откупах, он смог пробиться в дворянское сословие. В 1818–1822 гг. вместе с сыновьями был внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Саратовской Губернии [3, л. 2]. Приобретая земли в различных уголках России, Устинов закладывал фундамент будущего «родового гнезда». Одним из таких «родовых гнезд» станет Бековское поместье, которое перейдет четвертому сыну Адриану Михайловичу.

С самого рождения Адриан Михайлович был записан на государственную службу. В один год «поступил» на службу в экспедицию государственных доходов канцеляристом, в шесть лет он дослужился до звания губернского секретаря, а в 11 – титулярного советника [1, с. 20].

Михаил Адрианович прививал своим детям любовь к образованию с самого раннего детства, так как только образованный человек мог перейти в дворянское сословие. «Успевайте, любимые мои дети, в учении и тем доставьте любящему вас отцу отраду и утешение, который для вас посвящает всю свою жизнь», – писал своим сыновьям петербургский купец [4, с. 72]. После получения домашнего образования Адриан успешно сдал экзамены по русскому, немецкому и французским языкам, истории России, всеобщей и древней, алгебре, геометрии, физике, географии и поступил в 1818 г. в Московский университет [1, с. 20]. Здесь он будет учиться вместе со своим братом Михаилом до 1849 г.

Именно московский период жизни станет временем формирования мировоззрения А. М. Устинова. Здесь будущий бековский помещик познакомится с историком Борисом Николаевичем Чичериным и мемуаристом Дмитрием Дмитриевичем Благовым. Чичерин не раз будет говорить о Адриане Михайловиче. Так, например, описывая Любичи в летнее время, Борис Николаевич вспоминает: «Адриан Михайлович Устинов, добрейший человек, недальнего ума, но живой, образованный, все читавший, большой охотник до споров, притом страстный садовод, обладатель великолепных оранжерей» [5, с. 109].

Учебу в университете Адриан Михайлович совмещал с государственной службой. С 1819 г. А. М. Устинов начинает свою службу в штате Коллегии иностранных дел.

Период государственной службы сблизил Адриана Михайловича с министром финансов Дмитрием Александровичем Гурьевым и Михаилом Михайловичем Сперанским, занимавшим в 1816–1819 гг. должность пензенского гражданского губернатора, а с 1821 г. являвшимся членом Государственного Совета по департаменту законов.

С 1823 г. Адриан Михайлович становится чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе Дмитрии Голицыне. С 1824 г. – надворным советником. В этом же году А. М. Устинов получает орден Святой Анны III степени.

В 1824 г. Адриан Михайлович женится на Анне Карловне Шиц, являющейся воспитанницей Екатерины Владимировны Апраксиной, сестры московского генерал-губернатора Дмитрия Владимировича Голицына [6, с. 20]. У семьи рождается пятеро детей: Михаил, Владимир, Сергей, Екатерина и Юлия [3, л. 3]. В 1829 г. Адриан Михайлович в чине коллежского советника уходит в отставку и переезжает в имение отца – в село Бековo Сердобского уезда Саратовской губернии.

Отцом было отписано А. М. Устинову 15 тысяч десятин земли и более 3600 крестьян. Сама усадьба занимала третью часть села Бековo. В ней находились зеркальный дворец, каменная кладовая, хлебный деревянный амбар, два каменных конюшенных

двора, огромный сад-парк, оранжерея, что составляло гармоничный комплекс бековской усадьбы [7, с. 3–16].

Хозяйство в имении Адриан Михайлович начал вести на высшем уровне. Его образование, новое культурное видение, которое строилось непосредственно на идеях Просвещения, дружба с яркими государственными деятелями стали воплощением того культурного образа, который удалось создать помещику в родовом имении. Это был человек, которого одинаково интересовала экономика, политика, философия, литература. Адриан Михайлович смог создать образ рачительного хозяина, у которого не было цели показывать «театр просвещенного дворянина» [8, с. 81]. Следуя терминологии учёного-аграрника А. А. Кауфмана, усадьбу семьи Устиновых можно считать новым типом помещичьего хозяйства – «культурно-капиталистическим» [9, с. 8–9], представлявшим собой прогрессирующие экономии. И даже отмена крепостного права в 1861 г. не смогла пошатнуть намеченные планы Устинова, сумевшего подстроиться под новые капиталистические условия.

Адриан Михайлович в ведении хозяйства демонстрировал смекалку и рациональное ведение дел. Все крестьяне были переведены с барщины на оброк и барские повинности (запрудить мельницы, заготовить дрова и т.д.). В селе были открыты винокуренный и механическо-литейный заводы, водяная мукомольная мельница. В сельское хозяйство активно внедрялись новые агротехнические методы. На полях выращивали рожь, овёс, горох, гречиху, просо, чечевицу, лён, подсолнечник и картофель [1, с. 43].

Много времени Адриан Михайлович отводил садоводству и животноводству. В его имении более 18,5 дес. земли занимали сады, где росли яблони, вишня, земляника и ягодные кустарники. Рядом с барским домом находилась оранжерея – маленький ботанический сад семьи Устиновых. Здесь выращивали самые экзотические растения – апельсины, абрикосы, фикусы, кофейные деревья, ваниль. В парке, окружавшем усадьбу, росли многочисленные кусты сирени и 180 сортов «воздушных роз». Сам Устинов очень любил цветы, они украшали ежедневно его дом. Любимым цветком помещика была азалия.

Основными направлениями в животноводстве были овцеводство и коневодство. В 1830-е гг. Адриан Михайлович даже проводил опыты по улучшению пород простых овец, скрещивая их с овцами английской дишлейской породы. Численность овец доходила до 5000 голов [1, с. 43]. Овцеводство стало не только источником доходов помещика, но и способствовало развитию шерстеваляльного производства.

Держал Устинов и конный завод. Лошадей доставляли из самой Османской империи. Видимо, этому поспособствовали государственные связи Адриана Михайловича, так как ему часто приходилось бывать на юге империи, когда он служил в Азиатском департаменте коллегии иностранных дел. Разводили в основном лошадей арабской породы. Ежегодно в августе в Бековo проводились конные бега, а в 1872 г. было основано Сердобское общество охотников конского бега [1, с. 44].

Развитие коневодства в имении привело к открытию в 1877 г. кумысного лечебного заведения для больных туберкулёзом, которое пользовалось популярностью не только в Российской империи, но и в Европе. От этого и неофициальное второе название – «Крым Московии» [10, с. 27–34]. Лечебница располагалась на г. Шихан. Здесь имелись две дачи, с которых открывался прекрасный вид на село и саму усадьбу. Дача была обсажена сиренью и различными цветами. Здесь имелось помещение, предназначенное для отдыха и проведения культурных и развлекательных мероприятий – курзал, в котором располагалась сцена, огромный зал для танцев, бильярд и буфет-столовая. Ежегодно лечебницу посещало до 100 человек. Одним из знаменитых курортников был автор повести «Трудное время» – Василий Алексеевич Слепцов. В 1880 г. о кумы-

солечебном заведении Устинова было написано в книге Д. М. Герценштейна «Кумысолечебные заведения Приволжского края».

Ежегодно с 25 сентября по 1 октября в селе проводилась Покровская ярмарка, на которую приезжали торговцы со всех уголков Российской империи. Здесь продавали «красные, пушные, щепные и железные товары, деготь, лошадей, рогатый скот и овец» [1, с. 23] на сумму 33000 рублей. Для развития Покровской ярмарки в 1874 г. в Беково была построена первая в России частная железная дорога.

Адриан Михайлович, как и его отец, был ценителем образования. Он стремился создать вокруг себя атмосферу интеллектуальной жизни и приобщал к этому всех жителей села. Для развития образования в селе было открыто три училища – одно мужское, одно женское и одно церковно-приходское [11, л. 60 об.]. Гостями усадьбы часто становились знаменитые люди. Судьба свела Устинова с декабристами – Иваном Николаевичем Горсткиным, Дмитрием Александровичем Давыдовым, Василием Петровичем Зубковым, Борисом Карловичем Данзас.

Адриану Михайловичу были близки поэзия, музыка, живопись. Он любил красоту и эстетику, играл на виолончели и фортепиано, коллекционировал картины различных художников. Фотографии Бековского Краеведческого музея содержат сведения о залах дома Устиновых, в которых располагались картины известных авторов. Интересно и то, что по приезде в Москву Адриан Михайлович вместе со своими детьми всегда посещал Третьяковскую галерею. Очень сильно его привлекали работы Василия Верещагина «Апофеоз войны», «Двери Тамерлана», «У дверей мечети», «Смертельно раненный» [1, с. 110]. Работы Айвазовского, Васильева, Брюллова, Щепкина, Писемского также оставили приятный отпечаток в душе Устинова.

Дружественные связи устанавливал бековский помещик и с русскими писателями. Близким знакомым семьи был Александр Сергеевич Пушкин, с которым Адриан Михайлович познакомился еще при исполнении гражданской службы в доме Д. В. Голицына или В. П. Зубкова. Сохранился альбом М. А. Устинова, который хранится в Саратовском государственном архиве. Д. Ю. Мурашов в своей книге «Старая усадьба: забытые истории» публикует некоторые записи Адриана Михайловича, в том числе и записи стихотворений различных авторов: графа Алексея Константиновича Толстого «Русский Бог», Фёдора Тютчева, Петра Каратыгина, Александра Ивановича Герцена. Владелец усадьбы не просто копировал близкие ему по духу строки известных авторов, но и анализировал их, выражая собственное отношение к происходящему. Альбом фиксирует мировоззренческую позицию Устинова, отражая его приверженность конституционному устройству России и республиканским идеям. В библиотеке Адриана Михайловича находились номера журналов «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русская старина».

Феномен «просвещенного помещика» немыслим без высокого нравственного авторитета. Современники называли Устинова «великолепным Адрианом», а к концу жизни – «благородным старцем» [4, с. 73]. За этими эпитетами стояло уважение к его честности, порядочности и деятельному добру.

Из жизни Адриан Михайлович ушёл в 1885 г. от воспаления лёгких. Похороны его прошли скромно. Попрощаться с помещиком пришли не только близкие и родные, но и крестьяне села. Похоронен он был в семейном склепе рядом с Покровской церковью, которая была разрушена 1930-е гг. От могилы Адриана Михайловича в настоящее время ничего не осталось.

Адриану Михайловичу удалось создать образ просвещенного помещика, который благодаря открытости, воодушевлению и незаурядному уму построил микромир – центр экономической и культурной жизни губернии. В его личности слились либе-

ральные убеждения, новаторство, творческое начало и любовь к провинции. Он доказал возможность существования рентабельного хозяйства, где передовые технологии и экономика сопряжены с процветающей социокультурной сферой. В эпоху жестких социальных границ он проявил истинное благородство, окружив заботой не только семью, но и всех жителей усадьбы.

Список литературы

1. Мурашов Д. Ю., Гололобов Е. В. Старая усадьба: забытые истории. Пенза : б.и., 2021. 163 с.
2. Рассказова Л. В. Грабовка – усадьба Устиновых // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 2. С. 97–110.
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 661. Оп. 1. Д. 2.
4. Мурашов Д. Ю., Сокова О. С. Бековский край: страницы истории. Пенза : б.и., 2017. 176 с.
5. Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. М., 1929. 279 с.
6. Мурашов Д. Ю. Альбом Устиновых. Пенза, 2025. 131 с.
7. Максимов Е. К. Усадьба Устиновых в Беково // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Саратов, 1998. С. 3–16.
8. Кориенко С. В. Золотая летопись Пензенского края : книга для полезного чтения. Минск : Минская фабрика цветной печати, 2007. 400 с.
9. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. Конец XIX – начало XX века. М. : Наука, 1969. 397 с.
10. Уланова О. И., Фаюстова Н. В. Предпринимательское дело династии Устиновых // Бизнес. общество. власть. 2023. № 1-2 (47–48). С. 27–34.
11. ГАПО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 37.

Информация об авторе: *Гордеева Дарья Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(470)

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ БЕЛЮСОВ – «ПЕРВОПРОХОДЕЦ» ОТЕЧЕСТВЕННОГО ШИФРОВАЛЬНОГО ДЕЛА

Георгий Станиславович Забродин

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

egorzabrodin2022@mail.ru

Аннотация. Рассматривается биография основоположника шифровальной службы в СССР, уроженца города Сурска Городищенского района Пензенской области Петра Николаевича Белюсова. Раскрываются история организации шифровального дела в СССР и формирование Восьмого отделения Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Ключевые слова: Петр Николаевич Белюсов, Великая Отечественная война, Сурск, шифровальное дело, Генштаб

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Е. В. Воейкова.

Великую Отечественную войну можно по праву назвать самым тяжёлым периодом в истории нашей страны. Нашему государству удалось одержать победу над, казалось бы, непобедимым противником в лице нацистской Германии, фашистской Италии и их союзников. Во многом победить удалось, благодаря сплочению всего советского народа. Поэтому эта война и получила название «Отечественная». Невозможно отрицать, что военное время, как правило, является двигателем прогресса для стран, принимающих в ней участие. Помимо введения новых видов оружия, танков и прочих военных элементов, зарождаются и новые технологии. Такой технологией можно считать и шифровальное дело. В годы Великой Отечественной войны данная отрасль претерпела колоссальных изменений. В статье рассматривается становление шифровальной службы Генерального Штаба. От работы шифровальщиков зависел успех проводимых наступательных операций на полях сражений. Одной из первоочередных задач высшего руководства Третьего Рейха был перехват каналов связи между шифровальной службой и верховным главнокомандованием. От того, насколько секретно и точно дойдёт зашифрованный приказ воинским подразделениям, настолько успешно в дальнейшем будет развиваться ход боевых действий. В данной статье речь идёт о человеке с очень интересной судьбой. Подробности его жизни стали известны совершенно недавно. Личность этого человека всю его жизнь была овеяна загадками и тайнами. Его с полной уверенностью можно назвать одним из основателей шифровального дела в нашей стране. Имя этого заслуженного человека – Пётр Николаевич Белюсов.

Он родился 26 января 1897 г. в посёлке Никольский Хутор Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне – город Сурск Городищенского района Пензенской области) в семье рабочих Асеевской суконной фабрики. В 5 лет мальчик лишился отца, поэтому парню с ранних лет приходилось помогать матери зарабатывать деньги. Уже с 10 лет молодой человек начинает работать на фабрике мойщиком тканей. Параллельно он учился в трёхлетней приходской школе в посёлке. По окончании трёхлетней приходской школы он переехал к матери и отчиму в Кузнецк. Прожив там два года, он успел поработать в найме у верёвочника, на паровой мельнице и даже чернорабочим у кустаря. С ранних лет парень знал цену деньгам и всегда старался поддержать свою большую семью. Ведь на тот момент у него было уже 3 сестры и 2 брата. В 1913 году он уехал в Пензу, где устраивается работать в аптеке Островского. На то время в Пензе насчитывалось 7 аптек, в числе которых была и аптека Островского. Наряду с аптекой Бартмана она была самой престижной в городе. В 1916 г. 19-летний Белюсов был призван в армию и направлен в 95-й запасной полк в городе Казани. Так начался военный путь рядового П. Н. Белюсова.

К осени 1917 г. он был переправлен в 306-й Мокшанский пехотный полк 77-й пехотной дивизии. Эта дивизия известна своим участием в Брусиловском прорыве 1916 г. Однако, Белюсову было суждено пробыть в полку около 3 месяцев и уже в январе 1918 г. он был демобилизован и уехал в город Петровск Саратовской губернии. В том же 1918 г. Пётр Белюсов вступил в ряды только недавно образованной Красной Армии и переехал в Саратов. В составе Саратовского полка он участвовал в боях против Чехословацкого корпуса и частей генерала А. И. Деникина. Там же, в Саратове, он поступил на пехотно-пулемётные курсы и через год с успехом их закончил. После окончания курсов П. Н. Белюсова в составе 14-го Западного полка направили в Беларусь в должности командира взвода Минского караульного полка. За точное выполнение приказов П. Н. Белюсов был назначен командиром роты. Так воинская карьера Петра Белюсова пошла вверх. В 1923 г. П. Н. Белюсов был направлен в Москву в качестве слушателя школы для комсостава «Выстрел»[1] [1]. На курсах Петра Николаевича особенно заинтересовала тема шифроваль-

[1] Автобиографии П. Н. Белюсова от 15 апреля 1948 г. // Материалы музея дома культуры г. Сурска МБУК «Городищенский районный Дом культуры» Городищенского района Пензенской области.

ных машин, особенностей шифрования, а также методика тайной передачи информации. На конец 1920-х гг. эта тема была как никогда актуальна.

Пока П. Н. Белюсов только начинал свой путь к изучению шифрования, ещё один человек занимался чертежами первой советской шифровальной машины под кодовым названием ШМВ-1. Эта аббревиатура расшифровывалась как Шифровальная Машина Волоска. Её создатель Иван Павлович Волосок (1900-1982) считается «отцом» шифровальных аппаратов нового типа. Он стал ведущим конструктором шифровальной и кодировочной техники военного и послевоенного периодов [1, с. 288]. За основу был взят принцип наложения комбинаций так называемой гаммы бесконечного ключа на комбинации знаков открытого текста. В результате выходила криптограмма с гарантированной стойкостью. Носителем знаков гаммы являлась перфолента, изготовленная с помощью специального устройства, получившего название «Икс», так как по виду напоминал латинскую букву Х. Проще говоря, в итоге получался носитель, представлявший собой ленту, на которой изображалось что-то неразборчивое простому глазу. Это было оригинальным и удачным изобретением, позволявшую получить шифроленту с гаммой случайной последовательности, что обеспечивало необходимую гарантированную стойкость шифрования любых сообщений. Однако ШМВ-1 не вошёл в серийное производство по причине громоздкости и дороговизны [2, с. 190].

Тем временем, после окончания стрелковой школы П. Н. Белюсова назначили начальником штаба полка, затем и командиром полка этой школы. В 1936 г. Пётр Николаевич окончил Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе с дипломом 1-й степени. Вскоре, уже весной 1938 г. Петра Николаевича назначили на должность начальника 1 отдела Генерального Штаба РККА. В обязанности этого отдела входило оперативное планирование и руководство войсками [3].

Стоит отметить, что после мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1940 г. и анализа итогов советско-финской войны Главным военным советом было признано целесообразным расширить состав Генштаба до 8 управлений [4, с. 196]. Уже в августе 1938 г. Петру Николаевичу было суждено возглавить только что образованный 8-й отдел Генерального Штаба, который отвечал за шифрование приказов командования. Тем самым, он навсегда вписал своё имя в историю отечественной шифровальной службы. 8-й отдел Генштаба за годы войны зашифровал десятки тысяч приказов и распоряжений, особо он отличился при контрнаступлении войск под Москвой зимой 1941–1942 гг. Во многом благодаря чёткому выполнению задач и умению действовать в самых экстренных ситуациях отдел шифровальщиков внёс большой вклад в общую Победу. Сам П. Н. Белюсов был награждён множеством орденов и медалей. Среди них медаль «За победу над Германией» и орден Отечественной войны I степени.

Послевоенное время П. Н. Белюсов встретил в статусе генерал-лейтенанта. Будучи начальником отдела шифровальной службы, Пётр Николаевич Белюсов выступил инициатором создания высшего учебного заведения по подготовке кадров для Службы защиты государственной тайны. Разумеется, и в довоенное время существовали курсы по подготовке, но они не представляли собой централизованное учебное учреждение и не имели чётко выраженной программы. Более того, данные курсы по понятным причинам постоянно меняли место дислокации. С 1 января 1950 г. начало свою работу Краснодарское училище специальной связи. Первым начальником этого училища стал А. П. Ежов, под руководством которого удалось в короткие сроки создать уникальную учебно-методическую базу и разработать эффективные методики обучения. Постановлением Совета Министров СССР от 10 февраля 1977 г. училищу было присвоено имя видного советского военачальника, генерала армии Сергея Матвеевича Штеменко.

Однако создателю и идейному вдохновителю данного ВУЗа, Белюсову, до этого времени дожить не удалось. Он умер в Москве 6 июля 1970 г. Всю свою жизнь он посвятил шифровальной службе. Возможно, поэтому и в наше время его имя весьма малоизвестно. Тем не менее, его дело не осталось незамеченным. 19 марта 2020 г. в стенах Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации состоялось торжественное открытие бюста Петра Николаевича Белюсова. В 2022 г. в честь 125-летия была выпущена памятная марка с портретом Петра Николаевича (тираж –120 тыс. экземпляров) [5].

Петра Николаевича Белюсова можно по праву назвать первопроходцем в шифровальном деле в СССР. Он стал первым начальником только что образованного 8-го отдела Генштаба РККА, в обязанности которого входило точное донесение приказов верховного главнокомандования и обеспечение их полной секретности. Также, он стал инициатором создания первого в стране высшего учебного заведения, готовящего будущих продолжателей шифровального дела.

Список литературы

1. Бутырский Л. С., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографический фронт Великой Отечественной. М. : Гелиос АРВ, 2011. 688 с.

2. Гребенников В. В. Криптология и секретная связь. Сделано в СССР. М. : Алгоритм, 2017. 475 с.

3. Скупов Б. А. Генеральный штаб РККА – «военный мозг» страны Советов в 1941–1945 годах // Строительный эксперт. 2025. 19 апреля. URL: https://ardexpert.ru/article/27967?ysclid=mouekvdkwz307063492 (дата обращения: 21.03.2026).

4. Ларин Д. А. Криптографическая служба России. Очерки истории : монография. М. : Гелиос АРВ, 2017. 384 с.

5. В Москве состоялась церемония гашения почтовой марки, посвященной генерал-лейтенанту П. Н. Белюсову, и почтовой карточки, посвященной генерал-майору А. П. Ежову // Красная звезда. 2022. 14 ноября. URL: http://redstar.ru/pamyati-pervyh-zashhitnikov-voennoj-tajny/?ysclid=moueqtbf66600420756 (дата обращения: 21.03.2026).

Информация об авторе: *Забродин Георгий Станиславович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Иван Николаевич Иноземцев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Kerskij@mail.ru

Аннотация. На основе данных ранее не опубликованных источников рассматривается состояние материально-технической базы здравоохранения Пензенской области в послевоенный период. Сделан вывод о том, что при общем снижении степени негативного влияния сохраняв-

шиеся инфраструктурные и материально-технические проблемы значительно осложняли работу медико-санитарных органов и снижали ее эффективность.
Ключевые слова: восстановление народного хозяйства, здравоохранение, материально-техническая база, Пензенская область

Повышение доступности и качества оказания медицинской помощи в послевоенный период было тесно сопряжено с увеличением объемов выделяемых отраслевых бюджетных ассигнований. Так, к концу четвертой пятилетки сумма затрат на здравоохранение Пензенской области в сравнении с 1945 г. возросла на 98 % (с 61,1 до 120,9 млн руб.); к концу пятой пятилетки в сравнении с 1950 г. – на 14 % (до 137,6 млн руб.) [1, с. 310].

Рост отраслевого бюджета наряду с проведением реформы здравоохранения, безусловно, послужили основой для улучшения санитарно-хозяйственной и материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений, однако к середине 1950-х гг. коренным образом ситуацию в этом вопросе не изменили.

Одной из ведущих проблем по-прежнему оставалась нехватка зданий, соответствующих функционалу медицинских учреждений. Рост больничной сети обеспечивался во многом за счет уплотнения имеющегося коечного фонда, расположенного в старых зданиях. Их капитальный ремонт и реконструкции, а также постройка и ввод в эксплуатацию новых зданий осуществлялись достаточно медленно, вследствие чего возникала проблема перегрузки коечного фонда и невыполнения плановых показателей развертывания новых коек. Нередки были случаи, когда в силу отсутствия необходимых помещений запланированные к развертыванию койки передавались в другое лечебное учреждение или даже в другой район. Значительная часть учреждений попрежнему размещалась в неприспособленных помещениях. Так, например, к концу 1953 г. большая часть районных СЭС работала в зданиях райисполкомов, а лаборатория Камешкирской СЭС располагалась на чердаке [2, л. 99; 3, л. 7, 57].

Большие сложности в деятельности медицинских учреждений создавало отсутствие централизованного водоснабжения и канализации. Если в городах положение постепенно улучшалось (например, в 1953 г. в Пензе к канализации было подключено большинство больниц, а водопроводной водой обеспечивалось более 80 % населения), то в райцентрах и селах указанные проблемы ощущались особенно остро [4, л. 14]. Например, депутат Терновского райсовета И. Кистанов в своей статье, опубликованной в газете «Сталинское знамя», писал: «*Ленинская больница стала неузнаваемой… Вокруг корпусов растёт большой сад, посажено много плодовых деревьев, сотни кустов вишни, смородины и малины. Возле здания и специального отделения высажено 900 сосен. Однако больница нуждается в помощи районных организаций. Здесь плохо дело обстоит с водоснабжением: воду берут из колодца, которые никак не удовлетворяет потребностям больницы*» [5, с. 3].

Вышеозначенные проблемы в совокупности вели к возникновению недочетов санитарно-гигиенического характера, на которые часто указывали руководящие органы. Например, в 1953 г. заведующий облздравотделом П. И. Ивайков на собрании актива медработников сообщал: *«Очень грязно и неуютно в Салтыковской районной больнице, летом было много мух, и главный врач Плетнёв смирился с такими порядками. В Земетсинской больнице прикрываясь ремонтом распустили грязь, а в палате для всех больных лежат одновременно мужчины и женщины. Неужели в таком большом здании нельзя положить мужчин и женщин в отдельные палаты…»* [3, л. 9–10].

Значительно снижала возможности по своевременному предоставлению медицинских услуг нехватка собственного транспорта у учреждений системы здравоохранения. Например, по состоянию на конец 1953 г. из 139 сельских больниц и амбулато-

рий автомобильный транспорт имели только 23 больницы, конный транспорт – 74 больницы и 9 амбулаторий. В 53 учреждениях какой-либо собственный транспорт отсутствовал полностью. К началу 1950-х автотранспорт отсутствовал в половине районных СЭС, а в случаях его наличия часто простаивал по причине дефицита бензина [3, л. 53; 6, л. 26; 7, л. 9].

Определенные трудности в работе лечебных учреждений были обусловлены перебоями в поставках топлива, электроэнергии, продуктов питания, мягкого и твердого инвентаря [3, л. 34–35; 6, л. 6, 24]. Однако, следует заметить, что к началу 1950-х гг. в сравнении с военным периодом степень их негативного влияния была уже менее ощутимой, что объективно связано с улучшением материальных возможностей советской экономики.

Улучшилось оснащение лечебных учреждений медицинской техникой и медоборудованием. Так, за период с 1946 по 1955 гг. включительно количество рентгеновских аппаратов в области увеличилось с 35 до 108 (33 находились в Пензе и 75 в районах области), т.е. рентгеновскими аппаратами были оснащены все медучреждения г. Пензы и все районные больницы. С 1955 г. рентгеновские установки начали поступать и в участковые сельские больницы (золотаревскую, чаадаевскую, верхозимскую и др.) [4, л. 11].

В 1948 г. усилиями местных рентген-техников Смолянского и Адельгейма в Пензе был сконструирован первый в городе флюорограф, переданный впоследствии в областной туберкулезный диспансер. К концу 1955 г. в области функционировало уже 8 флюорографов (4 в Пензе и по одному в Кузнецке, Сердобске, Каменке и Нижнем Ломове) и 2 томофлюорографа (в областной больнице и туберкулезном диспансере) [4, л. 12; 8, с. 2].

Клинико-диагностические лаборатории и физиотерапевтическую аппаратуру имели все городские и сельские районные больницы. Из 75 участковых больниц физиотерапевтические кабинеты работали в 4 учреждениях, клинико-диагностические лаборатории – в 18. С выходом в 1954 г. «Положения об электрокардиографическом кабинете» было положено начало массовому применению метода электрокардиографии в СССР. Так, в Пензенской области к концу 1955 г. кабинеты ЭКГ действовали в 3 городских учреждениях [9, л. 9].

В то же время в вопросе оснащения материально-техническими средствами наблюдались серьезные издержки. Например, общей проблемой лечебных учреждений являлась нехватка пленок и запчастей для рентгеновских аппаратов, хирургического инструментария и других видов специального медико-санитарного имущества [3, л. 52; 6, л. 8; 10, л. 94].

Схожей была ситуация с обеспечением медикаментами. Несмотря на наметившиеся положительные сдвиги объема поступающих лекарственных средств было явно недостаточно для удовлетворения потребностей населения. Так, в первой половине 1950-х имелись серьезные перебои в поставках сульфаниламидов, сердечных средств, препаратов группы алкалоидов, пенициллина, синтомицина, витаминов, парафина, дифтерийной и противостолбнячной сывороток, сердечных средств, спирта и т.п. Только в 1954 г. медикаментов, предметов ухода, медицинского инструментария оборудования и было недопоставлено на общую сумму в 336 тыс. руб. (в т.ч. медикаментов на 190 тыс. руб.) [3, л. 85; 6, л. 21, 80; 11, л. 23 об., 29]. Как и ранее часть медицинской продукции (настойки, капли, мази, сиропы, растворы, экстракты, концентраты, спирты, масла, линименты, таблетки) изготавливалась силами собственных производств из местного растительного лекарственного сырья. Например, в 1954 г. галеново-фасовочным производством и оптической мастерской выпущено валовой продукции на сумму 1 161 тыс. руб. [11, л. 30 об.–31; 12, с. 4].

Таким образом, несмотря на заметное увеличение объема бюджетных ассигнований, в силу объективных особенностей развития советской экономической модели и финансирования здравоохранения по остаточному принципу, полностью обеспечить материальные потребности медицинских учреждений и ликвидировать имеющийся дефицит, особенно в условиях послевоенного восстановления страны, практически не представлялось возможным. Сохранявшиеся инфраструктурные и материально-технические проблемы (отсутствие централизованного водоснабжения и канализации, недостаток приспособленных зданий и помещений, транспорта, медицинского оборудования (особенно сложного), мягкого и твердого инвентаря, продуктов питания, топлива и медикаментов), хотя степень их негативного влияния и была менее ощутимой, чем в военные годы, значительно осложняли работу медико-санитарных органов и снижали ее эффективность.

Список литературы

1. Иноземцев И. Н. К вопросу о финансировании здравоохранения Пензенской области в послевоенный период (1945–1955 гг.) // Лебедевские чтения : сб. ст. по материалам XXVI Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Пенза, 14–16 апреля 2025 г.) / под ред. И. Н. Иноземцева. Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. С. 308–314.
2. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1150.
3. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1158.
4. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1037.
5. Кистанов И. В сельской больнице // Сталинское знамя. 1950. № 130 (742). 1 июля. С. 3.
6. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1122.
7. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1165.
8. Бельский Г. Первый флюорограф в Пензе // Сталинское знамя. 1948. № 104 (9201). 26 мая. С. 2.
9. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1221.
10. ГАПО. Ф. Р-1320. Оп. 1. Д. 1091.
11. ГАПО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 116.
12. Рабинович С. Производство лекарственных препаратов // Сталинское знамя. 1946. № 94 (8675). 11 мая. С. 4.

Информация об авторе: *Иноземцев Иван Николаевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История России и методика преподавания истории», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ)

Алексей Вячеславович Канельский

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

boss.kanelsky@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос развития рекламы в Пензенском крае в период с конца XIX до начала XX в. Анализируются причины активизации и методы рекламной деятельности

и их развитие. На основе изучения материалов Пензенской губернии раскрываются основные особенности развития рекламного дела в Российской империи, связанные с общими тенденциями экономического и социального развития в изучаемый период.
Ключевые слова: экономическое развитие Российской империи, Пензенская губерния, рекламная деятельность, печатное дело
Благодарности: статья подготовлена под руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ А. В. Тишкиной.

Конец XIX в. в Российской империи ознаменован ростом промышленности. Бурный рост был вызван технологической революцией и включением России в мировую экономическую систему. Появление первых источников электроэнергии позволило увеличить число выпускаемой продукции на производствах. Рост объёма выпускаемой продукции вынуждал промышленников искать способы расширения круга покупателей.

С этой целью владельцы производств использовали методы маркетинга, один из основных – привлечения покупателей посредством рекламы товара. Параллельно росло число печатных издательств по всей территории Российской империи (с 1855 по 1894 г. число типографий возросло в 13,5 раз) [1, с. 416]. Рост печатных изданий также обусловлен послаблениями в цензуре. В 1865 г. выходит указ Александра II «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати», который предполагал освобождение от предварительной цензуры повременных изданий, оригинальные сочинения объёмом не менее 10 печатных листов и переводы объёмом не менее 20 печатных листов [2]. Впрочем, при Александре III цензурный контроль вновь усиливается. Число бумажных носителей информации росло экспоненциально, упрощался процесс получения информации. Это позволило производителям установить коммуникацию с потенциальными покупателями через листовки и страницы газет.

Возникают такие организации, как рекламные конторы, основной деятельностью которых является посредничество между издательствами и рекламодателями. Они скупали полосы в газетах и перепродавали их своим клиентам. Первые рекламные конторы формировались иностранцами, которые проживали в России в течение нескольких лет. Иностранцы играли ключевую роль в формировании рекламной культуры в России.

Одновременно с развитием рекламы в газетах, возрастает использование для этих целей баннеров и вывесок. Так, на Московской улице г. Пензы фасады магазинов были полностью закрыты баннерами с тексом, который содержал информацию о товарах, которые можно приобрести в этом магазине [3, с. 517]. Примером может служить «Аптекарский магазин В. С. Эпштейна» [4, с. 70]. Уникальный маркетинговый ход использовали фотомастерские в г. Пензе. Покупатели получали свои фотографии, вставленные в паспарту, с обратной стороны был адрес и название мастерской, причём оформление у каждого фотографа было своеобразным [4, с. 218].

Основным средством коммуникации через бумажные носители информации стала газета. На территории Пензенской губернии таковую роль выполняла газета «Пензенские губернские ведомости», которая являлась официальной газетой Пензенской губернии. Первый номер вышел в 1838 г., она выпускалась еженедельно, но с 1877 г. выпуск номеров становится ежедневным. По содержанию с 1837 г. появилось разделение на 2 части – официальная и неофициальная. Рекламные объявления публиковали в неофициальной части под заголовком «Частные объявления». ПГВ были самыми дешевыми по цене по сравнению с другими изданиями, так как газета являлась казенной собственностью [5, с. 12].

Первые рекламные объявления были немногочисленны и состояли из сплошного текста, по типу новостной ленты. Бурный рост численности рекламных объявлений

в газетах начался с 70-х гг. XIX в. Ярким примером такой рекламы является объявление фотографа Вакуленко, выпущенное в ПГВ за 1884 г. и состоящее из нескольких предложений в одном текстовом абзаце [6].

С течением времени реклама трансформировалась и начала приобретать черты современной. Преображение началось с выделения обособленных слов из сплошного текста с помощью шрифта или размера кегля. Рекламное объявление начало терять характер сплошного сообщения, появлялось деление текста на смысловые части. Одним из ранних примеров такой рекламы служит объявление, данное в ПГВ мануфактурным магазином А. П. Кузнецова и содержащее 7 абзацев текста, каждый из которых имел разный внешний вид [7].

К концу XIX в. реклама становится массовой. Именно из неё читатель получает сведения о товарах. Многие издания делают ставку на рекламные объявления, так как они становятся основным способом заработка губернских газет. Стоимость рекламного объявления постоянно росла, но в основном цены на рекламу варьировались в диапазоне от 10-ти до 50-ти копеек, в зависимости от размера, числа размещений и места в рекламном блоке [8, с. 49]. Потребность в рекламе возросла настолько, что крупная финансовая буржуазия была готова арендовать целую газетную страницу. Такая аренда произошла в газете «Новое время». Цена этой аренды для промышленного банка составила 1000 рублей [9, с. 28].

Следующей вехой в развитии рекламных объявлений стало появления обрамления вокруг текста рекламы. Одним из популярных вариантов было ограничение текста орнаментом в форме круга по всему периметру. Такой орнамент присутствует в объявлениях торгового дома Е. Е. Будылина (реклама продуктов питания), магазина А. Гельпея (фотографические аппараты), музыкального магазина Д. Е. Миллера (рояли, пианино) [10; 11; 12] в г. Пензе.

Параллельно с обрамлением в практику входит вставка рисунков в рекламу. В объявлении Никольско-Бахметевской хрустальной фабрики в 1884 г. был напечатан герб Российской империи [13]. Позднее изображения становятся уникальными. Так, в рекламе велосипедов от разных фирм («Гумберг», «Олдей»), предлагавших к покупке свой товар в г. Пензе, их изображение значительно отличается [14; 15].

С появлением технологии печати различных изображений в практику входит выворотная печать, при которой текст лишь обводится чернилами, краской закрываются не буквы, а фон. Такая реклама могла иметь маленькие размеры и носить эстетический характер. Например, у магазина А. Кроля, продающего часы и оптические приборы, она представляла собой форму билета с изображением часов внутри [16].

Рекламодатели уже к концу XIX в. выработали несколько приемов, которыми старались привлечь покупателей из числа читателей газеты. В основном, их можно разделить на три категории: описание новизны или уникальности товара, акцент на доступную цену, либо его популярность среди населения. Иногда все эти приемы сочетались в одном объявлении. Так, реклама от магазина в доме Немировского в г. Пензе содержала выражения «из Москвы» (то есть модное, популярное изделие), «только что полученное» (новое, свежее), «по дешевым ценам» (доступное для покупки) [17].

Итак, в период конца XIX – начала XX вв. на страницах газеты «Пензенские губернские ведомости» можно было обнаружить самые разнообразные рекламные объявления – от товаров первой необходимости до сеансов хироманта. При этом наряду с товарами российского производства можно было встретить представление импортных товаров. Основной перечень составляли товары второй необходимости, предметы роскоши, услуги и места проведения досуга. Реклама других товаров появлялась реже, хотя и её можно было увидеть на страницах газеты.

Основными покупателями рекламы являлись крупные транснациональные компании, фабрики, торговые дома и магазины, редко встречаются объявления отдельных лиц.

Таким образом, материалы Пензенской губернии демонстрируют, что рекламное дело в России в результате длительного развития сопровождало промышленный подъем в российской экономике. Основные приемы рекламы, сформировавшиеся в конце XIX – начале XX вв., остаются актуальными и по сей день.

Список литературы

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 27. 480 с.
2. О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати : указ Сенату от 06.04.1865 // Дилетант. 2026. URL: https://diletant.media/articles/34714270/?ysclid=mouf0z9t3a484101044 (дата обращения: 04.03.2026).
3. История Пензенского края : в 3 т. / под ред. В. И. Первушкина. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2023. Т. 2. 640 с.
4. Шишкин И. С. Пенза. Листая старый альбом... Фотографии 1860–1910-х гг. Пенза, 2012. 224 с.
5. Житкин Д. Н., Доровин Б. А. История средств массовой информации Пензенского края : учеб. пособие. Пенза, 1998. 341 с.
6. Пензенские губернские ведомости (далее – ПГВ). 1884. № 209.
7. ПГВ. 1884. № 206.
8. Бриленкова А. В. Коммерческая реклама в России (1861–1917 гг.). СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 207 с.
9. Николаева Д. В. Газетная реклама в России на рубеже веков (1894–1905). М. : МГУ, 2002. 212 с.
10. ПГВ. 1901. № 64.
11. ПГВ. 1901. № 102.
12. ПГВ. 1900. № 143.
13. ПГВ. 1884. № 274.
14. ПГВ. 1896. № 80.
15. ПГВ. 1896. № 73.
16. ПГВ. 1912. № 290.
17. ПГВ. 1896. № 215.

Информация об авторе: *Канельский Алексей Вячеславович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(470.30):654

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАДИОВЕЩАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1944 гг.

Лариса Александровна Королева[1], Илья Денисович Вазеров[2]

[1,2]Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

[1]la-koro@yandex.ru
[2]history@pguas.ru

Аннотация. На основе данных ранее не опубликованных источников Государственного архива Пензенской области рассматривается состояние материально-технической базы радифика-

ционной системы Пензенского региона в 1943–1944 гг. Характеризуются оснащение радиоузлов Наркомата связи, причины их простоев и деятельность областной дирекции радиотрансляционной сети по повышению эффективности работы. Анализируется кадровый корпус местной радиоотрасли. Сделан вывод о недостаточном материальном снабжении работ по радиофицированию региона, что негативно сказывалось на организации вещания на местах.
Ключевые слова: радиовещание, радиофикация, дирекция радиотрансляционной сети, Пензенская область
Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20273. https://rscf.ru/project/25-28-20273/

В СССР развитию радиовещания придавалось большое значение. Во время Великой Отечественной войны радио способствовало мобилизации всех ресурсов на борьбу с захватчиками. Несмотря на ограниченность материальных и финансовых средств на местах изыскивали возможности для поддержания радиосистем в рабочем состоянии и их развития.

В Пензенской области в 1941–1942 гг. имелось 38 действующих радиоузлов Наркомата связи (26 – сельских и 12 – городских); в 1943 г. в связи с переходом отдельных районов области в состав соседних регионов их количество сократилось до 36 (24 – сельских и 12 – городских) [1, л. 38; 2, л. 5; 3, л. 3; 4, с. 55]. В 1944 г. количество радиоузлов НКСвязи возросло до 39 за счет строительства новых радиоузлов в нерадиофицированном старом районе – Земетчинском и вновь организованном Нечаевском районе. Все строительство было осуществлено из материалов и оборудования местных ресурсов. Общая мощность радиоузлов в 1943 г. составляла 7889 ватт, в 1944 г. – 8209 ватт. Собственных энергобаз на радиоузлах области на 1 января 1944 г. насчитывалось 21, в течение года было установлено три новых двигателя на старых радиоузлах с целью лучшей обеспеченности их электроэнергией. На трех радиоузлах вместо генераторов ЗДН-1000 или РН-5 работали одноколлекторные маломощные динамомашины, что приводило к двойному расходу горючего, т.к. накальные и анодные аккумуляторы приходилось заряжать отдельно. Отправленные по указанию Наркомата в Москву две динамомашины на ремонт не «вернули».

В соответствии с приказом Народного Комиссара Связи № 101 от 10 февраля 1944 г. и заданием заместителя Наркома А. Д. Фортушенко № 7220 от 29 февраля 1944 г., Дирекция радиотрансляционной сети Пензенской области (ДРТС) вела работу по сокращению простоев узлов и линейных повреждений на радиотрансляционных сетях, устранению абонентских повреждений на радиотрансляционных сетях, обеспечению хорошего звучания на каждом радиоузле. В центральных циркулярах указывалось на необходимость учесть практику работы органов связи в военное время и использовать оптимальные методы работы.

Для выполнения поставленных задач силами ДРТС были обследованы все радиоузлы с целью выявления их реального состояния и ликвидации технических неполадок. В течение первого полугодия 1944 г. был осуществлен средний и капитальный ремонт двигателей и динамо-машин собственных энергобаз (один нефтяной двигатель и 6 бензиновых двигателей). 16 газогенераторов ГРУ-3 ввели в постоянную эксплуатацию. Однако в силу изношенности двигателей они были мало приспособлены к работе с газогенераторами ГРУ-3. Специально подготовленный техник регулярно объезжал все радиоузлы и запускал газогенераторы. В 15 радиоузлах были частично поставлены новые (10) и отремонтированы все старые анодные и накальные аккумуляторы; два радиоузла были снабжены полностью новыми щелочными аккумуляторами, один – кислотным. Село Веселовка было вновь радиофицировано. В райцентрах Земетчино и Нечаевка построили новые радиоузлы, каждый из которых имел питание от постоян-

ного тока и переменного. Один радиоузел в Вадинске обеспечили электроэнергией (подан самостоятельный ввод) от местной электростанции. В Тамале и Сердобске был реконструирован и умощнен узел. В Кондоле построена и пущена микрогэс. На случай аварии были смонтированы три аварийных усилителя и резервная передвижная энергобаза. В областных мастерских ДРТС было налажено изготовление омических ограничителей для покрытия потребностей в них для всей области. Населенные пункты области – Соседка, Шемышейка, Фабричное, Мокшан, имевшие большие простои радиоузлов, были доукомплектованы техническим персоналом.

Одна абонентская линия была переведена на фидерное питание. Однако для упорядочения линейного хозяйства только Пензенского радиоузла и перевода линий Кузнецкого радиоузла на фидерную систему дополнительно требовалось 10 фидерных трансформаторов мощностью по 100 ватт, 30 абонентских трансформаторов мощностью по 10 ватт. Кроме того, для перемотки вышедших из строя фидерных и абонентских трансформаторов и динамомашины был необходим обмоточный провод, который давно уже не поставлялся в регион. Как правило, на радиоузлах имелось только по одному комплекту аккумуляторов, изношенность которых достигала 50 % первоначальной емкости. Функционировавшие анодные аккумуляторы были не в состоянии обеспечить план радиовещания, увеличенный с 20 января 1944 г. с 4 до 6 ч в день.

Несмотря на некоторое улучшение материально-технического обеспечения радиоузлов проблема их простоев сохраняла актуальность. Так, в январе 1944 г. радиоузлы не работали 644 ч., в феврале – 721, в марте – 1045,7 ч, в апреле – 741,7 ч, в мае – 1487,7 ч, в июне – 870 ч. По мнению и.о. директора Областной радиотрансляционной сети А. А. Разумовского, данное обстоятельство «говорило о самотеке в работе некоторых радиоузлов» [5, л. 6]. Основными причинами простоев радиоузлов являлись отсутствие подачи электроэнергии ведомственными электростанциями, горючего для энергобаз и технические неполадки. Многие радиоузлы питались от электростанций других ведомств, по большей части, от так называемых электростанций МТС и МТМ, которые не давали электроэнергию с постоянной частотой и напряжением. В июле 1944 г. бензина ни на одной нефтебазе области не было, и ДРТС приходилось для многих районов получать бензин в Пензе и с нарочным отправлять по железной дороге. Под техническими неполадками подразумевались линейные и абонентские повреждения из-за «запущенности» линейного хозяйства, поскольку в течение нескольких предыдущих лет капитального ремонта не проводилось. Ремонт линейного хозяйства сводился к ремонту столбовых линий и абонентских точек, замене столбов, укреплению столбовых подпор, установке приставок и ограничителей и т.п. В 1944 г. было отремонтировано столбовых линий 69,7 км, заменено 149 столбов, укреплена 91 подпора, установлено 62 приставки, отремонтировано 168 км проводов, заменено 5,9 км проводов, отремонтировано 2099 абонентских точек, установлено 920 ограничителей. Средняя продолжительность времени на устранение линейных повреждений составляла 4,2 ч, абонентских повреждений – 6,5 ч. Особенно плохо обстояло дело с ремонтом в Бедно-Демьяновском, Бессоновском, Голицынском, Наровчатском, Сосновоборском районах. В 1943 г. из заявленных 2000 пластин для анодных аккумуляторов было получено 720. В 1944 г. Наркомат отпустил в область для линейных работ лишь 500 изоляторов. Для понимания незначительности цифр приводим «потребный минимум материалов для линейных работ»: «а) проволоки 3-миллиметровой – 3 тонны, б) проволоки 1,5-миллиметровой – 2 тонны, в) изоляторов ТФ-3, ТФ-4 – 5 тысяч штук, г) крюков КН-16, КН-14 – 5 тысяч штук, д) военно-полевого кабеля – 20 тысяч штук» [5, л. 8]. В первом полугодии 1944 г. на капитальное строительство, ремонт и приобретение необходимых материалов было израсходовано 33196 руб.

Количество радиоточек в области, обслуживаемых радиоузлами НКСвязи, в 1943 г. составляло 30358, в 1944 г. – 31162. Ликвидация радиоточек происходила, главным образом, из-за отъезда из области значительной массы эвакуированных и невнесения клиентами абонентской платы. Например, за 1943 г. и январь – февраль 1944 г. задолженность составила 75 тыс. руб.

Кадровый состав радиоотрасли составляли инженеры, техники, монтеры, мотористы и др. На 1 июня 1944 г. штат был недоукомплектован 22 чел. Из имевшихся 123 работников 4 были коммунистами и 13 комсомольцами; один имел высшее образование, 4 – среднеспециальное, 118 – низшее и неполное среднее. Возрастной состав: 44 чел. – до 18 лет, 38 чел. – с 18 до 30 лет, 41 чел. – старше 30 лет. Таким образом, фиксировался дефицит инженерно-технических работников, наличный состав техников в большинстве своем был низкого технического уровня. Собственно в ДРТС фиксировался недокомплект в 5 чел. – старший инженер, старший инспектор техинспекции, инспектор техинспектора, участковый техник-механик, экономист. Только на 13 радиоузлах работали кадры «полноценные, могущие самостоятельно производить технические работы», на остальных – монтеры. Для исправления ситуации техники ДРТС выезжали в районы, обучали радиоработников на местах, проводили изыскательные работы [5, л. 7].

Таким образом, радиохозяйство Пензенской области в 1943–1944 гг. было недостаточно обеспечено техническими средствами и электроэнергией. Не все районы области были радиофицированы. Тем не менее, постепенно оснащенность радиоузлов улучшалась, часто за счет внутренних местных ресурсов.

Список литературы

1. ГАПО. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 90.
2. ГАПО. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 98.
3. ГАПО. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 101.
4. Симонова И. Н. Радиовещание в Пензенской области 1918–1991 гг. Пенза : ПГУАС, 2024. 136 с.
5. ГАПО. Ф. Р-2132. Оп. 1. Д. 115.

Информация об авторах: *Королева Лариса Александровна*, доктор исторических наук, профессор, декан Института цифрового управления, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства» (Россия, г. Пенза);
Вазеров Илья Денисович, ассистент кафедры «История и философия», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства» (Россия, г. Пенза).

УДК 396.3:906(470.40)

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Марина Дмитриевна Крошечкина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

marinakroshechkina13@yandex.ru

Аннотация. «Женский вопрос» в российской публицистике второй половины XIX – начала XX в. стал одним из наиболее актуальных, в том числе на страницах пензенской периодиче-

ской печати. Анализируется динамика изменения представления женщин на страницах пензенских газет, выявляются основные сферы деятельности женщин и специфичные черты развития женского движения.

Ключевые слова: «женский вопрос», пензенское краеведение, периодическая печать, благотворительность, «Пензенские губернские ведомости»

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, ассистента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Н. А. Кобловой.

Прежде всего, необходимо определиться с понятием «женский вопрос». И. И. Юкина отмечает, что в России «женский вопрос» первоначально (а именно в 1830–1840-е гг.) включал в себя достаточно широкий круг проблем, начиная от женского воспитания и образования до осознания социальной значимости женщин [1, с. 31–32]. Уже в начале XX в. «женский вопрос» был переосмыслен марксистами и, главным образом, представлял собой вопрос об отсутствии равноправия женщин в обществе, браке и государстве.

А. Бебель считал, что решение «женского вопроса» не ограничивается предоставлением женщинам юридических прав и повышением их образовательного статуса, поскольку без экономической независимости их положение существенно не изменяется [2, с. 40–41].

В сущности, все представленные точки зрения сводятся к следующему: «женский вопрос» представляет собой взгляды на равноправие женщин с мужчинами в различных сферах общественной жизни, а конкретное его содержание менялось в зависимости от актуальных вызовов современности.

Однако решение вопроса о достижении равноправия между женщинами и мужчинами не представляется возможным, пока женщина не является самостоятельным субъектом социальных действий и не воспринимается как таковая в публичном поле.

В пензенской периодической печати на 1892 г. нередки случаи, когда женщины упоминаются через их принадлежность к мужчине. К примеру, в выпуске «Пензенских губернских ведомостей» упоминается, как «общество избрало своей председательницей супругу председателя уездной земской управы Евгению Алексеевну Рошковскую…» [3]. Данный факт, хотя и говорит о том, что женщины в общественном сознании не до конца сепарированы от мужчин, все-таки не свидетельствует об их положении как несамостоятельном.

Нельзя забывать о сословном факторе: женщины, чьи имена упоминаются в газетах, занимали достаточно высокое положение в обществе: подавляющее большинство является представительницами купеческого, либо мещанского сословия. К примеру, в «Пензенских губернских ведомостях» упоминаются мещанка Д.А. Лисицына, купчиха В. С. Дубровская, княжна М. А. Шаховская [4; 5]. Стоит отметить, что у русских женщин, в отличие от их европейских современниц, было равное с мужчинами право на владение имуществом и занятие коммерческой деятельностью. Этим правом, особенно в случае смерти отца либо супруга, женщины активно пользовались [6]. Занятиями предпринимательской деятельностью и объясняется их появление на страницах газет: они упоминались в доходных списках и в объявлениях о торгах.

Большая часть сведений о женщинах, которую можно почерпнуть из газет, так или иначе связана с благотворительностью. Эта сфера выделилась как ответ на события русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: патриотический подъем, а также рост числа жертв привели к росту благотворительной инициативы, связанной с попечением о больных и раненных воинах. По мнению Н. А. Кобловой, именно война стала тем

переломным моментом, благодаря которому женщины впервые смогли не только появиться, но и успешно реализоваться как общественные деятельницы [7, с. 112].

Одним из способов реализации благотворительной деятельности являются пожертвования и финансирование заведений общественного призрения: О. Н. Кек пожертвовала 100 рублей на проведение симфонического собрания, а Е. А. Вырубова за счет собственных средств и частных пожертвований стала содержать столовую на 100 человек [8; 5]. Фактически, средствами для подобных занятий обладали преимущественно предпринимательницы.

Одновременно с этим благотворительницы выделяют средства на развитие народного образования: в частности, супругой губернатора Л. А. Татищевой в 1873 г. была организована ремесленная школа для девочек [7, с. 109]. Кроме этого, при губернской земской больнице существовала школа сельских повитух, в которую поступало 54 ученицы, начало обучение – 35, а закончило – 33 девушки [9]. На данном примере можно увидеть, что растет уровень социальной ответственности не только у представительниц высших сословий, но и у рядовых горожанок.

Достаточно значимым направлением благотворительности является деятельность сестер милосердия, которая становится особенно заметна в годы Первой мировой войны: многие женщины трудились в тылу, организовывали сбор пожертвований на нужды армии и снабжали армию бинтами, бельем и т.д.

Стоит отметить, что вышеописанные явления осуществлялись под эгидой различных общественных организаций. Так, в 1914 г. было создано Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Ещё раньше, в 1867 г., создается национальная некоммерческая благотворительная организация Российское общество Красного Креста. Участницы дамского кружка Красного Креста оказывали значительное влияние в сфере социального служения в Пензе, поскольку значительная часть столовых и приютов были открыты благодаря им.

Как уже упоминалось ранее, среди женских занятий выделялась предпринимательская деятельность. Однако она была не единственной сферой, в которой пензенские женщины имели возможность профессионально развиваться.

На страницах газет упоминается выступление драматической актрисы Мокур-Красовской и ее сложная роль Медеи в спектакле. Если в выпуске № 6 «Пензенских губернских ведомостей» 1892 г. содержится лишь информация о том, что она исполняет заглавную роль пьесы, то в последующих выпусках ее выступления анализируются и активно поддерживаются. Вместе с актрисой в заметке упоминается кассирша А. Л. Трузе, что также дает представление о профессиональной занятости пензячек изучаемого периода.

Имеются упоминания о врачебной и религиозной деятельности: так, присутствуют свидетельства о фельдшерице М. А. Калининой и послушницах монастыря, которые выполняют функции сестер милосердия и совместно работают в лазарете [10].

Следующей женской профессией в пензенской периодике можно назвать профессию учительницы: имеются сведения о назначении внушительной пенсии отставной учительнице начального училища Вере Гавриловне Корниловой из Керенского уезда [11]. Кроме этого, упоминается о том, что учительница приюта Н. М. Попыгина обучает детей грамоте по вечерам [12].

До 1917 г. в пензенской периодике не упоминаются работницы: сведения о них начинают появляться после свержения в России монархии и представлены они преимущественно в рамках политической агитации большевиков на страницах их партийной газеты «Борьба» [13].

Следует отметить, что начиная с первой русской революции, контекст репрезентации женского вопроса подвергается радикализации и становится более политизированным даже в таком консервативном регионе, как Пензенская губерния. Это в первую очередь заметно в сфере образования: так, Н. А. Коблова, реконструируя образ женщины-революционерки, среди ее отличительных черт выделяет получение права на преподавание [7, с. 127]. Учительницы, днем обучавшие детей грамоте, по вечерам проводили агитацию среди взрослых.

Кроме этого, ею отмечается активное участие пензенских девушек в протестах: старшеклассницы епархиального женского училища приняли участие в забастовке, после которой 139 учениц было отчислено [7, с. 125].

В периодической печати активно ведутся споры, касающиеся финансирования женских гимназий, условий их содержания, а также управления ими. Например, в 1913 г. краеугольными вопросами становятся строительство здания второй женской гимназии, оборудование классных комнат и вместе с этим – недостаточность начальниц на имеющееся количество учениц [14; 15].

Одновременно с этим в Пензе проводится первое собрание Лиги равноправия женщин. Само собрание носило неуверенный характер, но было важным явлением, демонстрирующим стремление женщин к консолидации и отстаиванию своего права быть наравне с мужчиной [16].

Таким образом, репрезентация «женского вопроса» в дореволюционных пензенских периодических изданиях делится как тематически, так и хронологически: были выделены сферы, в которых женщины были представлены полнее всего. Стоит учитывать, что часть сведений доступна лишь по определенным слоям женского населения: в пензенской дореволюционной периодике не представлено информации о занятиях крестьянок и работниц.

Хронологически же стоит отметить, что с 1860-х гг. (с момента появления Красного Креста) до 1905 г. «женский вопрос» касался преимущественно благотворительной деятельности, направленной на попечение людей, не способных позаботиться о себе самостоятельно, и народного образования. С революции 1905–1907 гг. до революции 1917 г. наблюдается резкая политизация женского движения. Однако, несмотря на такое резкое изменение, в развитии движения прослеживается стремление женщин к консолидации и объединению, что выразилось в создании женских благотворительных и, уже позднее, политических организаций.

Список литературы

1. Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности / под ред. Т. А. Мелешко. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.

2. Бебель А. Женщина и социализм : пер. с нем. / предисл. В. Бильшая. М. : Госполитиздат, 1959. 592 с.

3. ПГВ. 1892. № 2. 3 января. С. 3.

4. ПГВ. 1892. № 12. 16 января. С. 2.

5. ПГВ. 1892. № 5. 8 января. С. 3.

6. Воскресенская В. А. Женское предпринимательство в Пензенской губернии в XVIII–XIX веках // Музейный вестник. 2013. № 1 (66). URL: https://museumpenza.livejournal.com/43769.html#_edn3 (дата обращения: 03.11.2025).

7. Коблова Н. А. Женщины в публичном пространстве российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии) : дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2025. 330 с.

8. ПГВ. 1892. № 1. 1 января. С. 3.

9. ПГВ. 1892. № 8. 11 января. С. 2.
10. ПГВ. 1915. № 120. 31 мая. С. 2.
11. ПГВ. 1913. № 270. 16 октября. С. 2.
12. Чернозем. 1916. № 28 (35). 5 февраля. С. 3.
13. Борьба. 1917. № 34. 23 августа (5 сентября). С. 2.
14. ПГВ. 1913. № 110. 30 апреля. С. 2.
15. ПГВ. 1913. № 111. 1 мая. С. 2.
16. Чернозем. 1917. № 61 (414). 16 марта. С. 3.

Информация об авторе: *Крошечкина Марина Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47)

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В СВЯЗИ С МИЛИТАРИЗАЦИЕЙ В СССР В КОНЦЕ 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Дмитрий Евгеньевич Монахов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

dimamon2017@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются механизмы влияния на массовое сознание в СССР в конце 1920-х гг. в связи с милитаризацией. Сделан вывод о том, что сформированные представления о возможной военной угрозе подготовили массовое сознание советских граждан к будущим радикальным преобразованиям в СССР.

Ключевые слова: военная тревога, массовое сознание, милитаризация, средства массовой коммуникации

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Г. А. Чернова.

Конец 1920-х гг. стал особым периодом советской истории, когда ярко проявилась государственная политика по воздействию на массовое сознание. Реализация будущих радикальных мер, связанных с форсированной индустриализацией и коллективизацией, изменивших впоследствии социально-экономическое положение внутри страны, сопровождалась формированием в массовом сознании представлений о военной угрозе и связанной с ней милитаризацией жизни [1, с. 649].

Понимаемая как подчинение экономической и общественной жизни государства целям подготовки к войне, милитаризация массового сознания была обусловлена в конце 1920-х гг. несколькими факторами. Среди них исследователи выделяют, с одной стороны, понимание в руководстве страны того факта, что большевикам скорее всего придется строить социализм одним, без международной поддержки. С другой стороны, милитаризацию массового сознания подталкивал целый ряд внешнеполитических кризисов, случившихся в конце 1920-х гг. [2, с. 9].

Одним из наиболее ярких эпизодов, являвшихся внешнеполитическим катализатором милитаризации массового сознания, стала, на наш взгляд, «военная тревога» 1927 г. Под ней исследователи понимают острый внешнеполитический кризис, оказавший сильное влияние на внутреннюю политику Советского Союза [3, с. 190]. К его содержанию относят в первую очередь разрыв дипломатических отношений с Великобританией и конфликт с правительством Чан Кайши в Китае, приведший к разгрому китайских коммунистов.

О том, как происходила милитаризация массового сознания в рассматриваемый период, мы постараемся выяснить на примере Пензенской губернии.

Как отмечал исследователь С. Г. Кара-Мурза, в обществах с авторитарным политическим режимом ориентиры и нормы поведения, к которым побуждали, декларировались совершенно открыто, и они были жестко и явно связаны с декларированными ценностями общества [4, с. 28]. Одним из ключевых механизмов влияния на массовое сознание было использование средств массовой коммуникации, среди которых наиболее распространенным была периодическая печать.

В Ежедневной газете Пензенского Губкома ВКП (б) «Трудовая правда» в номере от 27 января 1927 г. была помещена статья о международном положении СССР и обороне страны, представляющая собой фрагменты из речи наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова, произнесенной на объединенном заседании Всесоюзного съезда Авиахима и Общества содействия обороне СССР.

Характеризуя обстановку вокруг СССР как «грозящей военной опасностью», нарком подчеркивал, что для обеспечения безопасности страны «наше общество (Авиахим) должно состоять из военизированных членов организации, которые должны поставить себе задачу военизировать всю нашу страну» [5]. Таким образом, здесь ярко прослеживается установку на милитаризацию массового сознания. Подчеркивается, что международное положение сейчас таково, что «мы на всякий случай принять срочные меры общественного характера, невзирая ни на какой шум, ни на какие выкрики со стороны наших буржуазных соседей» [5].

Данная публикация была сделана вначале 1927 г., когда внешнеполитический кризис только назревал, но уже к лету 1927 г. международная обстановка ещё более обострилась (в британском парламенте было принято решение разорвать дипломатические отношения с СССР, произошло предательство Чан Кайши китайских коммунистов). И практические шаги по милитаризации массового сознания были предприняты в рамках «Недели обороны», проводившейся с 10 по 17 июля 1927 г., проводившейся под эгидой объединенного Осоавиахима.

В циркуляре Пензенской губернской комиссии по проведению «Недели обороны» были определены следующие задачи: «а) подъем интереса широких масс трудящихся к вопросам обороны страны, поднятие уровня военной подготовки масс, распространение военных знаний, усиление роли ячеек Осоавихима, как застрельщика и организатора всей этой массовой работы; … ж) уделение максимального внимания работе по пропаганде идей обороны Советского Союза и авиахимической грамотности; … т) протолкнуть возможно глубже военную и военизируемую печать в широчайшие массы трудящихся. О том, что мероприятия должны были привлечь максимально широкие массы населения, свидетельствует упоминание в циркуляре самых разных социальных групп населения (допризывники, женщины, рабочие и крестьяне, учащиеся, студенты, молодежь в целом, инженеры, техники, агрономы, врачи, учителя и др. [6, с. 52–53].

Кроме того, для достижения поставленных целей властями рекомендовалось массово использовать радио и кино в целях централизации агитации и пропаганды.

Так, в течение недели на собраниях рабочих, крестьян и служащих губернии читались доклады об усилении обороны страны. В клубах и избах-читальнях проводились встречи с участниками Первой мировой и Гражданской войн; устраивались уголки и выставки Осоавиахима. При пензенских клубах массового организовывались стрелковые тиры и кружки первой помощи Красного Креста. В парке им. В. Г. Белинского был организован радиоконцерт с докладом «Наши задачи в области обороны страны». В заключительный день «Недели обороны» состоялась демонстрация членов Осоавихима совместно с рабочими, крестьянами и служащими, в которой отдельными колоннами шли физкультурники, пионеры, модельные кружки и др. Демонстрация «носила характер боевого карнавала с карикатурами, лозунгами, значками, знаменами и т.д.» [6, с. 54]. После этого на ипподроме прошел показательный бой красноармейцев и скачки конного резерва милиции и конного отряда одного из местных полков.

Как видим, государство привлекло большое количество ресурсов и механизмов для формирования в массовом сознании советских граждан представлений о возможной военной угрозе.

О том, насколько эти средства оказались эффективными, мы можем узнать из информационных сводок ОГПУ, содержащих сведения об общественных настроениях и поведении жителей губернии в рассматриваемый период. Сводки представляли собой машинописный текст компилятивного характера, имевший «пирамидальную» структуру и адресованный для высших органов власти. На наш взгляд, данный тип источников является наиболее репрезентативным в работе, так как сведения содержавшиеся в сводках передавались строго ограниченному кругу адресатов под грифом «совершенно секретно», опирались на осведомительную сеть, включающую представителей широких групп населения (крестьяне, рабочие, служащие), а также регулярно обновлялись один раз в две недели, что позволяет нам проследить динамику общественных настроений.

В нашей работе мы проанализировали содержание информационных сводок ОГПУ по Пензенской губернии в период с 15 сентября по 15 октября 1927 г., когда прошло некоторое время после шумных кампаний, призванных милитаризировать массовое сознание.

Говоря о настроениях среди пензенских рабочих необходимо отметить, что благодаря усилиям органов власти они были осведомлены о ключевых международных событиях, связанных с «военной тревогой» (например, о массовой забастовке английских шахтеров в 1926 г., ставшей одним из поводов к будущему разрыву дипломатических отношений). При этом в рабочей среде велись активные разговоры о возможной войне на основе газетных материалов, велось их обсуждение. В целом пензенские рабочие отмечали, что несмотря на политику лиц, «которые явно стремятся к войне» не следует падать духом, а прикладывать все усилия для избежания конфликта [7, л. 6]. Настроения рабочих в связи с текущими международными событиями характеризуются как «бодрые и уверенные» [7, л. 32]. Хотя и отмечались отдельные случаи недовольства проводимой политикой, они, по мнению создателей сводки, не носили массового характера и относились к частным разговорам.

Описывая настроения крестьян в уездах губернии прослеживается мысль, что они подавляющим большинством «выражают уверенность в правильности политики Соввласти по сохранению мирных отношений с капиталистическими государствами», но при

этом в случае возможного конфликта выражается готовность защищать Советскую власть [7, л. 4]. Отметим, что в массовом сознании крестьян необходимость защищать Советскую власть напрямую связывалась с их материальным благополучием. Так, на одном их митингов крестьяне Рузаевского уезда губернии отмечали: «в случае объявления войны нам надо будет идти в армию, так как в случае свержения Соввласти землю могут отбить опять помещики, опять придется работать по 20 часов в сутки и жить впроголодь» [7, л. 11]. Антисоветская агитация, развернутая в связи с международной обстановкой по большей части представителями кулачества, как отмечают составители сводок, не оказывала серьезного влияния на крестьян и к ней относились безразлично [7, л. 54].

Незначительное место отводится в информационных сводках категории служащих, среди которых отмечается снижение интереса к общественной жизни. Большую часть описания сводок сосредоточена на описании бытовых проблем этой категории граждан, к которым относили сокращение штата и низкую заработную плату [7, л. 35]. Скорее всего скудность информации о служащих могла быть вызвана меньшим вниманием к этой категории граждан со стороны ОГПУ.

Таким образом, в конце 1920-х гг. в массовом сознании населения действительно прочно укоренились идеи милитаризации и представления о возможной военной угрозе. Данные установки распространялись властями через разные механизмы, к которым можно отнести подготовку газетных статей, массовые акции, проведение собраний, митингов, концертов, радиопередач и др.

Данные действия привели к тому, что жители страны связывали свое благополучие с прочностью системы, поэтому стремились её защитить. При этом отдельные разговоры, противоречащие партийным и государственным установкам, не были массовыми и не вызывали поддержки у большинства. В целом можно сделать вывод о том, что, воспользовавшись «военной тревогой», власти смогли тогда, воздействуя на массовое сознание, мобилизовать граждан для проведения последующих масштабных социально-экономических изменений в стране, связанных с форсированной индустриализацией и коллективизацией.

Список литературы

1. Даренская И. В. Конструирование образа СССР как «осаждённой крепости» в контексте милитаризации общественного сознания на Урале на рубеже 1920–1930-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 649–658.

2. Галкова О. В., Петрова И. А. Милитаризация жизни советской молодежи в 1920-х – начале 1930-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 4. С. 8–17.

3. Лившин А. Я. «Военная тревога» 1927 года и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 190–206.

4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Родина, 2025. 432 с.

5. Международное положение СССР и оборона страны // Трудовая правда. 1927. 27 января. № 20.

6. Вазерова А. Г., Дашкин Р. М. «Неделя обороны СССР» в Пензенской губернии (1927 г.) // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2020. № 4 (29). С. 53–58.

7. ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 237.

Информация об авторе: *Монахов Дмитрий Евгеньевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 347.61

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В УСЛОВИЯХ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЗАРЕЧНОГО В 1958 г. – НАЧАЛЕ XXI в.)

Светлана Михайловна Немкова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

230_9_nemkova@mail.ru

Аннотация. Анализируются особенности правовой охраны и защиты материнства и детства в условиях закрытых городов на примере города Заречного Пензенской области в период с 1958 по 2000 г. Исследуется социальная политика в отношении материнства и детства в условиях закрытых административно-территориальных образований. Рассматриваются типы учреждений и развитие инфраструктуры в Заречном, реализующей охрану материнства и детства.

Ключевые слова: охрана материнства и детства, закрытый город, Заречный, социальная политика, государственная поддержка, медицинское и льготное обслуживание

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. А. Власова.

Охрана материнства и детства представляет собой одно из самых приоритетных направлений государственной политики как в настоящее время, так и в предыдущие исторические периоды. Она реализуется при помощи мероприятий медицинского и социального характера, которые направлены на обеспечение, укрепление и поддержание здоровья женщин, детей, а также на создание благоприятных и комфортных условий для их рождения и дальнейшего воспитания [1, с. 117].

Охрана материнства и детства в СССР в период с 1958 по 1991 г., а затем и в России до начала XXI в. осуществлялась через сочетание законодательных мер и правового механизма поддержки материнства и детства и через развитие сети медицинской и социальной инфраструктуры. Исключение не составляли и города закрытого типа, каким, например, является город Заречный Пензенской области, образованный в 1958 г.

Охрана материнства и детства в условиях города Заречный Пензенской области в рассматриваемый период осуществлялась преимущественно посредством системы здравоохранения. Еще в 1955 г. по Приказу министра Здравоохранения СССР М. Д. Ковригиной в городе Заречный была открыта медико-санитарная часть № 59. Изначально она занималась обслуживанием Управления строительства № 592 и их семей, но впоследствии, с 1960 г, она стала проводить регулярные медицинские осмотры для школьников и воспитанников детских садов и яслей [2, с. 331].

С конца 1960-х гг. в городе Заречный начинают развиваться узкоспециализированные направления медицинской помощи беременным женщинам, матерям и детям. Осваиваются новые методы обследования, в частности детей, такие, как лимфография, артериография, активно начинают использоваться практики обезболивания при родах. Одним из главных направлений развития охраны материнства и детства в Заречном была санитарно-просветительская работа с целью повышения качества медицинского обслуживания в городе.

С целью защиты прав и интересов граждан, в частности матерей и членов семей с детьми, в соответствии с Законом от 28.06.1991 № 1499-I «О медицинском страховании граждан в РСФСР», в Заречном открывается и начинает функционировать Меди-

цинская акционерная страховая компания (Зареченский филиал). Главной целью отдела медицинской экспертизы данной организации было обеспечение защиты и охраны законных интересов и прав граждан, в том числе беременных женщин и семей с детьми [3].

В период с 1989 по 1990-е гг. сеть медицинских учреждений, занимающихся медицинским обслуживанием детей и матерей, беременных женщин активно расширяется: открываются новые корпуса станционеров, новые больницы, а также новые поликлиники, например, в 1990 г. был открыт корпус детской поликлиники по адресу Проспект 30-летия Победы.

Для обеспечения более эффективной охраны и защиты интересов детей в городе Заречном с момента его основания также начинают открываться учреждения дошкольного и школьного типов. В рассматриваемый период времени сеть образовательных учреждений для детей постоянно расширялась, совершенствовалась и качественно улучшалась [2, с. 157]. Если в 1958 г. на момент основания города Заречный в нем функционировали только детские сады и детские ясли, то уже с 1960-х гг. качество учреждений данного типа повышается и начинают открываться ясли-сады. Динамику дошкольных образовательных учреждений в период с 1958 по 1995 гг. можно проследить в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика численности сети дошкольных учреждений в г. Заречный в период с 1958 по 1995 гг.[1]

Период	Наименование типа учреждения		
	Д/ясли	Д/сады	Ясли/сады
1958–1960 гг.	Кол-во – 3 Число мест – 300	Кол-во – 4 Число мест – 525	–
1961–1965 гг.	Кол-во – 1 Число мест – 100	–	Кол-во – 5 Число мест – 1115
1966–1970 гг.	–	–	Кол-во – 3 Число мест – 700
1971–1975 гг.	–	–	Кол-во – 3 Число мест – 840
1976–1980 гг.	–	–	Кол-во – 2 Число мест – 560
1981–1985 гг.	–	–	Кол-во – 1 Число мест – 280
1986–1990 гг.	–	–	Кол-во – 2 Число мест – 640
1991–1995 гг.	–	–	Кол-во – 2 Число мест –560

В рассматриваемый период наблюдается непостоянство численной динамики учреждений дошкольного образования. При этом с каждым годом улучшается из качественное и структурное оснащение, с 1966-х гг. в Заречном открываются в основном ясли-сады совмещенного типа, что открывает ряд преимуществ, как для матерей, так и для детей, социализация которых стала осуществляться более эффективными методами.

Для повышения качества и эффективности реализации интересов детей в Заречном с момента его открытия активно развивается сеть учреждений дополнительного образова-

[1]Киреев А. П. Энциклопедия города Заречного: 50-летию Заречного посвящается. Заречный, 2008. С. 158.

ния, создаются дома культуры («Дружба», – в 1959 г., «Юбилейный» – в 1967 г.), дома детского творчества. В 1969 г. в Заречном состоялось торжественное открытие дома детского творчества, которое впоследствии до 1991 г. носило название «Дом пионеров и школьников». На его базе функционировали различные спортивные, художественные кружки и секции, театральная, творческая студии. Данная организации давала возможность зареченским детям участвовать в олимпиадах, всероссийских конкурсах, соревнованиях и первенствах [2, с. 170].

Рис. 1. Дом детского творчества г. Заречный,
открытый в 1969 г.

В 1963 г. не только для детей и подростков, но и для взрослых начинает свою работу в городе Заречный дворец культуры «Современник». Данное учреждение позволяло людям разного возраста посещать культурно-просветительские мероприятия, как индивидуально, так и с семьей, тренироваться, ходить на концерты и обеспечивать досуг.

Рис. 2. Дворец культуры «Современник», открытый
в г. Заречном в 1963 г.

В 1997 г. начинаются открываться детские оздоровительные лагеря, которые позволяли реализовывать и образовательную, и медицинскую поддержку материнства и детства. Так, в 1997 г. был открыт ДОЛ «Комарики», который ежегодно принимал 300 детей и подростков. Программы воспитания и обеспечения интересов детей в данном оздоровительном лагере признавались на общероссийском уровне инновационными. В 1998 г. ДОЛ «Комарики» города Заречный получил звание «Лучшее оздоровительное учреждение Пензенской области». Вариативная программа воспитания и развития детей в данном лагере в 1999 г. была признана одной из лучших и удостоилась звания «Город Златоград» [2, с. 160].

С 1990-х гг. в городе Заречный, как и во всей России, начинает усиливаться внимание власти к здоровью и положению женщин, проживающих в сельской местности. Для охраны их интересов в области семьи и детства, в соответствии с Постановлением Верховного Суда РСФСР от 01.11.1990 г. № 298–3/I «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, семьи, охраны материнства и детства на селе», было уделено внимание поддержанию положения женщины с целью обеспечения рождения и поддержания воспитания детей,

В данном Постановлении устанавливались с 1 января 1991 г. для женщин, работающих в сельской местности, продолжительность ежегодного основного отпуска не менее 28 календарных дней, один дополнительный выходной день в месяц без сохранения заработной платы и 36-часовая рабочая неделя. Такая мера позволяла на практике обеспечить большую продолжительность совместного пребывания матери с ребенком, что всецело соответствует одному из ведущих направлений государственной политик в области охраны и поддержания интересов его граждан.

Охрана материнства и детства в Заречном становится более эффективной и качественной с 1970-х гг., когда в городе начинают создаваться детские организации не только государственные, но и в соответствии с частными и инициативами. Так, в 1976 г. в городе создается и начинает свою работу Детско-юношеский центр «Юность», который реализовал подготовку и развитие детей разного возраста по таким направлениям, как патриотическое, эстетическое, физкультурно-оздоровительное, военное, туристическое и прочие.

Постановлением главы Администрации города Заречный от 01.04.1996 г. № 195 открывается детско-юношеский центр «Поиск». На базе данного центра работали такие секции и кружки, как футбол, хоккей, пулевая стрельба, спортивное ориентирование и другие [4]. Подобный центр может считаться многофункциональным учреждением дополнительного образования.

Таким образом, охрана материнства и детства в рассмотренный период являлась приоритетным направлением государственной политики. В городе Заречный Пензенской области с момента его освоения, с 1958 г., сразу стали открываться образовательные, медицинские и культурно-досуговые учреждения с целью обеспечения интересов семей с детьми, поддержания здоровья женщин.

Охрана материнства и детства в городе Заречный также обеспечивалась на законодательном уровне посредством исполнения Постановлений Верховного Суда РСФСР, и реализации инициатив и локальных актов администрации города на местном уровне. В период с 1958 по 2000-е гг. сеть учреждений, направленных на охрану и поддержание здоровья матери и ребенка, всестороннее их развитие постепенно расширялась и качественно улучшалась. Охрана и защита детства и материнства в условиях закрытых городов реализовывалась в соответствии с общероссийскими указаниями, но обладала и локальной спецификой. Например, изначально некоторые

учреждения открывались для обслуживания нужд города, как, например, медицинская санитарная часть № 59 для строителей, которая только спустя годы стала специализироваться на здоровье и развитии матери и ребенка.

Список литературы

1. Лиходей Е. М. Трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 1. С. 115–125.

2. Киреев А. П. Энциклопедия города Заречного: 50-летию Заречного посвящается. Заречный, 2008. 663 с.

3. О медицинском страховании граждан в Российской Федерации : закон РФ № 1499-1 от 28.06.1991 : [в ред. от 24.07.2009] // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». 2026. URL: https://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-28061991-n-1499-1-o/?ysclid=movhqjr4z489179667 (дата обращения: 05.13.2026).

4. Нормативно-правовые документы Администрации г. Заречного Пензенской области // Официальный сайт Администрации ЗАТО г. Заречного Пензенской области. 2026. URL: http://www.zarechny.zato.ru/npd/normativno-pravovye-dokumenty?field_doc_date_value%5Bvalue%5D&doc_number=&page=121&ysclid=mjbri6htva87320496 (дата обращения: 05.03.2026).

Информация об авторе: *Немкова Светлана Михайловна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ЧЕМБАРА, СВЯЗАННЫЕ С ВИЗИТОМ НИКОЛАЯ I В 1836 г.

Диана Сергеевна Севостьянова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

sewostyanowa.diana@gmail.com

Аннотация. Рассматривается незапланированный визит члена Императорского дома Романовых в уездный город Чембар Пензенской губернии 26 августа 1836 г. Анализируется жизнь Николая I в течение двух недель. Особое внимание уделяется памятным местам, которые связаны с императором.

Ключевые слова: Пензенская губерния, г. Чембар, г. Белинский, император Николай I, столица, дорожное происшествие, пансион, уездное училище

Благодарности: работа подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Т. Н. Кузьминой.

Город Белинский в Пензенской области, находящийся в 20 км от Тархан – лермонтовской усадьбы, которая всегда полна посетителей, сегодня выглядит сонным и тихим. Так было здесь почти 190 лет назад, когда жизнь в Чембаре резко изменилась. Именно здесь император Николай I провел две недели.

В течение своей рабочей поездки 26 августа 1836 г. император Николай I получил тяжелую травму, недалеко от уездного города Чембара. Так, экипаж, в котором находились император Николай I и начальник тайной полиции А. Х. Бенкендорф, сорвался с крутого склона. Император серьёзно пострадал, получив перелом левой ключицы и потеряв ненадолго сознание, а Бенкендорф – легкие ушибы [1, с. 523].

Сразу после аварии прибыла новая повозка с Я. А. Подкладчиковым и врачом уезда Ф. Цвернером. Медицинская помощь Николаю I была оказана сразу на месте происшествия. Однако продолжить путь в экипаже оказалось невозможным из-за сильных болей. Вследствие этого император решил пройти пешком оставшийся путь до города – семь верст [2, с. 11].

Весь период пребывания продовольствие доставлялось из Пензы, а необходимые вина присылали из столицы России, так как местные напитки оказались некачественными. В уезде, в здании Чембарского училища, Николай I провел почти две неделю, пока окончательно не поправил своё здоровье [3, с. 645].

В своих воспоминаниях А. Бенкендорф отмечал: «Император сильно страдал, в первые дни пребывания в Чембаре стояла страшная жара, казалось, что лето специально пришло туда с тем, чтобы встретить нас и уберечь от непогоды, которая сопровождала нас всю поездку. Ставший Всероссийским дворцом хилый дом не спасал от жары, и врачи не сразу заметили, что кроме ключицы было сломано верхнее ребро, что усиливало боли. Император жаловался, но, проявлял ту силу характера, которая выделяла его во всех случаях жизни, даже при телесных страданиях» [3, с. 646].

Сохранилось и предписание насчет покупок: «Рыбы живой: судаков, лещей, окуней – по шесть штук... разной дичи: рябчиков, дупелей, тетеревей – сколько можно... филеек – четыре штуки вырезных... чаю черного – пять фунтов... свечей восковых – один пуд...». Еще повелевалось доставить «икры лутчейсвежей шесть фунтов». Обосновавшись в Чембаре, Николай 1 не изменял привычному режиму: «Вставал в пять часов утра, занимался делами – выслушивал доклады, налагал резолюции, просматривал свежие публикации» [2, с. 17].

Во время пребывания Николая I местные жители окружали уездное училище в грустном молчании, составляя постоянную царскую стражу и удаляя всякий шум.

Местное чиновничество перестало ходить на службу по улице, на которую выходили окна уездного училища, – стало обходить его окольными путями. Это было связано с опасением, что государь начнёт расспрашивать о службе.

5 сентября, около полудня, император впервые совершил короткую прогулку по улицам города. Его внимание привлекли на рыночной площади сооружения – храм Покрова Пресвятой Богородицы и здание тюрьмы. В листовках было отмечено: «Государь Император чувствует себя весьма хорошо, и сращение до того укрепилось, что Его Величество мог одеться и прохаживаться на открытом воздухе».

8 сентября Николай I выразил благодарность своим помощникам щедрыми подарками и денежными вознаграждениями. Глава местных дворян и градоначальник были удостоены награды в размере одной тысячи рублей каждый. Врач Ф. Цвернер получил личный подарок и пять тысяч рублей на нужды строительства лечебницы. Для завершения возведения храма Покрова Святой Богородицы государь выделил еще тысячу рублей. Остальные также получили денежные поощрения и знаки внимания [4, л. 698].

Впоследствии Бенкендорф написал впечатления о пребывании в уезде: «Эти 15 дней показались мне 15 месяцами, и я был столь же счастлив, как и император, уехать отсюда. На протяжении первых 20 верст он весь светился от радости» [5].

Стоит также отметить, что во время визита Николая I в Чембар произошли значительные преобразования, которые были направлены на создание атмосферы, близкой к столичной. Были предприняты меры для обеспечения комфорта царской свиты, включая улучшение снабжения, приобретение новой мебели и доставку вина из Москвы. Для обеспечения бесперебойной связи с Петербургом было увеличено количество лошадей для почтовых троек. Также для нужд визита были привлечены военнослужащие, временно отпущенные из полков, часть из которых заняла должности в домашней прислуге и полиции. Особое внимание было уделено усилению пожарной команды и правоохранительных органов, для чего были присланы дополнительные силы из Пензы. Городничему было поручено обеспечить порядок, безопасность, чистоту и благопристойность в городе [3, с. 645].

Местные дворяне приняли решение, пытаясь сохранить память о визите государя. Так, в 1837 г. они учредили при уездном училище пансион для воспитания бедных дворянских детей. В здании, где останавливался царь, позднее была устроена домашняя церковь [2, с. 18].

Кроме того, трагедия привела к изменениям и в регионе. Например, прежнюю дорогу перестроили таким образом, чтобы исключить повторение данной аварии в будущем. Маршрут стал проходить через села Калдусы и Кикино.

В сентябре 2005 г. в Государственном музее-усадьбе В. Г. Белинского в г. Белинском состоялось открытие мемориальной доски на здании бывшего Чембарского уездного училища, где в 1836 г. останавливался император Николай I.

В 2017 г. с инициативой установить памятный знак на месте крушения царского экипажа выступил пензенский журналист А. Шилин. Торжественная церемония открытия мемориальной доски на месте крушения экипажа императора Николая I прошла в с. Шелалейка Белинского района 7 сентября 2017 г.

В заключение можно отметить, что визит Николая I в провинциальный город Чембар в 1836 г. стал значимым событием в исторической памяти региона. Этот визит не только укрепил связь, но и оставил заметный след в культурной и общественной жизни города. Память о нем сохраняется в памятниках, которые свидетельствуют о важности этого события. Визит императора стал одним из моментов в истории города, который подчеркивает его значимость в рамках российской государственности того времени.

Список литературы

1. Ильченко Д. В. Император Николай Павлович в уездном городе Чембаре с 25 августа по 8 сентября 1836 г. // Русская старина. 1890. Т. 36, вып. 10–12. С. 523–534.

2. Шишкин И. С. Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Серия книг. М. : Новые решения, 2015. Т. 5. 272 с.

3. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. Т. 2: 1802–1837 / публ. М. В. Сидоровой и А. А. Литвина ; пер. с франц. О. В. Маринина. М. : Российский фонд культуры, 2012. 760 с.

4. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2217.

5. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. Т. 2: 1826–1837 // Библиотека fb2.top. 2026. URL: https://fb2.top/vospominaniya-1826-1837-576027/read/part-11?ysclid=movivl3t1p939969020 (дата обращения: 19.03.2026).

Информация об авторе: *Севостьянова Диана Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ КИНОПОКАЗА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Арина Алексеевна Селезнёва

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

arina.selezneva2006@mail.ru

Аннотация. Рассматривается состояние киносети Пензенской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). На основе архивных материалов анализируются деятельность кинотеатров, работа киноустановок, техническое состояние оборудования и кадровый потенциал отрасли в условиях военного времени, выполнение финансовых планов. Особое внимание уделяется сравнению организации кинопоказа в административном центре области и сельской местности.

Ключевые слова: кино, кинопоказ, Великая Отечественная война, Пензенская область

Благодарности: работа подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Д. В. Якуповой.

В годы Великой Отечественной войны Пензенская область представляла собой тыловой регион с развитой социокультурной инфраструктурой. Огромное значение в условиях военного времени играло киноискусство, выступающее мощным средством идеологического воздействия. Кино способствовало формированию патриотических чувств, поднятию боевого духа и аккумуляции сил советских людей.

К 1940 г. количество киноустановок в Пензе достигало 217, из которых 107 являлись стационарными, а 110 – передвижными. Однако в условиях войны, к 1945 г. число функционирующих киноустановок сократилось до 154, в том числе 78 стационарных и 76 передвижных [1, с. 193]. Уменьшение количества киноустановок в период военного времени обусловлено экономическими и кадровыми факторами, однако организация кинопоказа продолжалась.

В Пензе действовал кинотеатр «Пролетарий», оборудованный зрительным залом на двести посадочных мест и зоной ожидания. Однако состояние помещений кинотеатра требовало значительных улучшений. Согласно архивной документации, стены здания не были декорированы, а окна не имели занавесок: вместо них прикреплялась светомаскировочная бумага. В зоне ожидания зрителей находился один небольшой круглый стол, на котором располагались три экземпляра газеты «Сталинское знамя». Мебель полностью отсутствовала, а интерьер был недостаточно комфортным для зрителей [2, л. 33]. Однако, несмотря на технические проблемы с отоплением и оформлением интерьеров, кинотеатр продолжал свою работу в плановом режиме, особенно в выходные дни, когда количество сеансов достигало восьми, из которых пять – для взрослой аудитории и три – для детей. В будние дни количество сеансов составляло шесть: четыре для взрослой аудитории и два для детской. Высокая посещаемость кинотеатра подтверждалась выполнением финансового плана, даже с превышением показателей [2, л. 33].

Безусловно, важной составляющей кинопоказов была агитационная работа. Перед сеансами организовывались выставки и политические беседы, посвященные положению на фронтах и подвигам в тылу. Тематика выставок носила преимущественно военно-патриотический характер, что усиливало воспитательный эффект от просмотра

фильмов. Организовывались киносеансы фильмов военного, исторического, учебного содержания, кинолент отражающие современные события. В архивных документах упоминается демонстрация таких кинофильмов как: «Иван Грозный» [3, л. 5], «Человек с рублем» [4, л. 52], «Иран», «Битва за Севастополь», «Битва за Россию», «Радуга», «Фронт» [4, л. 52]. Однако некоторые киноленты находились в прокате ограниченный период, например, кинокартина «Иран» за 1944 г. из 305 дней демонстрировалась на экране только 54 дня (17,3 %), остальное время пролеживала на складе или была в пути. Кинофильмы «Радуга» и «Фронт», использовались лишь на 33–36 % [4, л. 52], что составляло треть от их потенциального кинопоказа. Низкий процент использования фильмов обуславливался транспортным сбоем, дефицитом топлива, нарушениями в планировании и координации кинопоказа, а также частыми техническими неполадками оборудования.

В Пензе проводил работу и кинотеатр «Октябрь», открытый в 1931 г. [5, с. 92]. Организация демонстрации кинолент была сопряжена с объективными трудностями: нехваткой оборудования, проблемами с отоплением и недостатком кадров. В конце июня 1941 г. с большим успехом прошёл показ фильма «Александр Невский», о чём сообщил корреспондент газеты «Сталинское знамя» [6, с. 4]. Помимо этой кинокартины, в прокат выходили и другие фильмы военной тематики, что поддерживало спрос на киноленты.

В годы войны кинотеатры посещали различные категории граждан, но большинство составляли женщины. К началу 1944 г. доля лиц женского пола в промышленности возросла до 52–72 %, они и стали главной производительной силой в тылу, следовательно, составляли значительную часть зрительской аудитории [7, с. 387]. Это можно объяснить тем, что большая часть мужчин были мобилизованы на фронт. Особое значение имела и детская аудитория. В кинотеатре «Пролетарий» ежедневно проводились специальные детские сеансы: в выходные дни – 3, в будни – 2, пользовавшиеся широким спросом [2, л. 33]. Высокая посещаемость подтверждалась превышением плановых финансовых показателей. В 1941 г. он составлял 1300 рублей, но фактически достигал 2500 рублей и более [2, л. 33]. Публика была готова посещать до 10 сеансов в день, и даже при таком количестве залы переполнены [2, л. 33]. Как мы видим, интерес к кино не снижался, поскольку оно оставалось важным источником просвещения, эмоциональной силы в тяжелых условиях военного времени.

Особой категорией зрителей были раненые бойцы, находившиеся в эвакогоспиталях Пензенской области, которых насчитывалось около 90 [7, с. 401]. Организация досуга для пациентов являлась важной задачей: в отчетах указывается, что в некоторых госпиталях, например в Лунинском, кинопоказы осуществлялись регулярно, 1–2 раза в неделю [7, с. 374].

В районах области ситуация отличалась от областного центра. Основной формой кинообслуживания здесь были не стационарные киноустановки, а передвижные, что обусловлено низким уровнем финансирования райцентров. Они получили широкое распространение из-за необходимости обеспечить доступ к кино для населения сельской местности и в удалённых районах, где строительство кинотеатров было экономически нецелесообразно.

На 1 июня 1943 г. в области числились 31 стационарных и 102 передвижных комплекта киноаппаратуры. Однако из этого числа только 57 комплектов находились в действующем состоянии, а 76 бездействовали [8, л. 1]. К 30 марта 1945 г. общее количество госучреждений киносети насчитывало 90 государственных и 49 профсоюзных киноустановок, из которых 35 бездействовало [4, л. 50].

Такое количество бездействующих киноустановок обусловлено рядом обстоятельств. В первую очередь, техническое состояние областной киносети оценивалось как крайне тяжелое: значительная часть аппаратуры была выведена из строя. К 1943 г. из-за неисправности и отсутствия запчастей бездействовали 44 аппарата [8, л. 1]. Преобразователи, объективы, обмоточный провод, магнето, лампы и даже экранный материал были в остром дефиците [9, л. 87]. К 1945 г. 14 установок требовали капитального ремонта или были некомплектны [4, л. 50]. Областная киноремонтная мастерская также испытывала дефицит в техническом оснащении для выполнения среднего и капитального ремонта, а выездные работы специалистов были нечастыми [4, л. 52]. Ключевой причиной являлся и кадровый дефицит. В Пензенской области отсутствовало повышение квалификации работающих киномехаников, теоретические знания и практический опыт которых находились на крайне низком уровне. Из 91 киномеханика только 6 имели среднее образование и 41 – категорию квалификации. Остальные 85 человек были с неполным средним образованием, из них 61 человек II категории киномехаников, и 10 человек работали без установленной категории [4, л. 51]. Подготовка новых кадров была сорвана: из 64 мест, выделенных области на курсах в Саратове, было направлено лишь 16 человек [8, л. 1]. Киномеханики, часто остававшиеся без контроля, не имели утверждённых маршрутов передвижения, из-за чего передвижки обслуживали лишь ограниченное количество населённых пунктов: например, в Городищенском и Головинщинском районах население не имело возможности посещать киносеансы на протяжении двух лет [8, л. 1].

Проблемы усугублялись отсутствием приспособленных помещений. Архивные документы 1944 г. указывают, что в 16 районных центрах, таких как Сосновоборск, Исса, Наровчат, Чембар, Пачелма и др., стационарных киноустановок не было вовсе [9, л. 87]. В Даниловке, Башмаково, Иссе в кинотеатрах не было мебели, а в Терновском и Кучкинском районах вовсе не было помещений. Звуковые и немые кинопередвижки были не приспособлены к разъездным условиям из-за отсутствия чехлов и экранов, что вело к поломкам [4, л. 52]. В Нижнем Ломове кинотеатр в 1945 г. простаивал по пять месяцев из-за отсутствия электроэнергии [3, л. 3]. В Каменске работала установка на заводе «Сельмаш», но администрация завода требовала от киномеханика передавать фильмы воинским частям вне очереди, срывая планы обслуживания гражданского населения [3, л. 5].

Вследствие всех этих проблем финансовое положение районных киносетей было нестабильным. В Соседском районе в 1944 г. план по валовому сбору был выполнен только на 24 %, а плановая прибыль не была достигнута: план составлял 21 тысячу рублей, фактически был зафиксирован убыток в 4 тысячи рублей [3, л. 7]. Нижнеломовский район за 1944 г. дал убыток в размере 14 436 рублей [3, л. 2].

На сельских экранах демонстрировались преимущественно старые кинофильмы, новых картин не хватало. Редко показывались киножурналы, естественнонаучные и учебно-технические фильмы [4, л. 52]. Это снижало информативную ценность кинопоказов. Однако даже в сложнейших обстоятельствах военного времени кинообслуживание сельского населения сохраняло важное культурное, агитационное значение и продолжало функционировать.

Таким образом, в Пензенской области в годы Великой Отечественной войны действовала инфраструктура кинопоказа. В областном центре, несмотря на сложности и недостатки в интерьерах, киносеть работала активно, привлекая зрителей различных категорий, превышались финансовые показатели. В районах же обстановка была сложнее – дефицит кадров, запчастей, электроэнергии и подходящих помещений при-

водил к простоям оборудования, убыткам. Тем не менее, даже в тяжелых условиях военной жизни продолжалась деятельность по организации кинопоказа как для городских, так и сельских жителей, став для тыловиков отдушиной и морально-ценностной опорой.

Список литературы

1. Пензенская область за 50 лет Советской власти : стат. сб. Пенза : Приволж. кн. изд-во, 1967. 258 с.
2. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 717.
3. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 1039.
4. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 1356.
5. Забродина Н. И. Хроника культурной жизни Пензенского края. XVIII–XX вв. Пенза, 2009. 212 с.
6. Сталинское знамя. 1941. 26 июня. № 148.
7. Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. 526 с.
8. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 959.
9. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 864.

Информация об авторе: *Селезнёва Арина Алексеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 94(47).084.3

«ГОЛОДБЕЖЕНЦЫ» В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1921–1924 гг.)

Анна Владимировна Тишкина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

madam.tishckina2010@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается содержание понятия «голодбеженцы» в период голода начала 1920-х гг. на примере Пензенской губернии. Анализируется деятельность Центрального управления по эвакуации населения (Центроэвак), а также местных органов по организации помощи беженцам: питание, медико-санитарное обслуживание, проезд.
Ключевые слова: голод начала 1920-х гг., Советская Россия, Пензенская губерния, «голодбеженцы»

Голод начала 1920-х гг. стал серьезным испытанием и трагедией миллионов крестьянских семей, в том числе в Пензенской губернии. Ситуация, сложившаяся в регионе в первой половине 1920-х гг., рассматривается в ряде современных краеведческих работ [1–3].

В изучаемый период Пензенская губерния была признана частично голодающей, несмотря на неоднократные обращения в Центр с просьбами о продовольственной помощи. Следовательно, она продолжала сдавать продукты по продовольственной разверстке и оказывала помощь голодающим губерниям и их жителям.

Одной из примет времени в Пензенской губернии было явление «голодбеженцев», как их называют в документах Государственного архива Пензенской области

(ГАПО). Люди, спасающиеся от ужасов голода, наводнили преимущественно железнодорожные станции, вокзалы, населенные пункты. Среди них были как организованные беженцы, так и стихийные.

Существовавшая с 1918 г. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев была в 1919 г. переведена в ведение НКВД СССР и в 1920 г. переименована в Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак). В период голода в задачи управления входило упорядочение стихийной миграции населения в стране, обслуживание беженцев на местах посадок-выгрузок, питание и медико-санитарная обработка.

По отчетам Центроэвак можно отметить, что с лета 1921 г. пристани Волги и железнодорожные станции голодающих районов оказались запруженными беженцами, прежде всего крестьянами, уходившими целыми семьями из обжитых мест. Часть двигалась гужевым путем, часть – «живым потоком» параллельно с линиями железных дорог. Основное направление их движения – Сибирь, Туркестан. В некоторых железнодорожных пунктах по пути следования образовывались лагерные городки переселенцев, снятых с поездов.

28 июля 1921 г. вышло постановление ВЦИК о планомерном выселении из голодных губерний с указанием нормы выселения на август 1921 г. – 105 тыс. чел. на 11 губерний и областей: Саратовской, Самарской, Симбирской, Уфимской, Астраханской, Царицынской, Вятской губерний и Мордовской, Немкоммуны, Чувашской областей, а также Татреспублики [4, с. 114]. Однако количество уезжавших значительно превысило норму. Масса переселенцев, не попавшая в нормы плановой эвакуации, шла «самотеком», не имея определенно намеченных районов вселения. Это значительно осложняло предполагавшееся трудоустройство беженцев в районах вселения, порождало неразбериху.

Пензенская губерния непосредственно находилась на пути следования беженцев, часть из них здесь задерживалась. По документам ГАПО, наибольшее количество их прибыло из Симбирской, Саратовской, Самарской, Казанской, Таврической, Челябинской, Акмолинской губерний, реже – из Владимирской, Курской, Тверской, Рязанской, Томской, Московской губерний, Донской области [5, л. 31]. Очевидно, что этот перечень не совпадает с планами организованного переселения.

Наиболее крупные центры сосредоточения голодбеженцев в Пензенской губернии – железнодорожные станции в г. Пензе и Рузаевке. Из воззвания Рузаевской уездной комиссии помощи голодающим: «…Граждане и гражданки, зная ужасное, тяжелое, безвыходное, голодное положение всего Поволжья не только через газеты нашей Советской Республики, но и самих поволжан, проезжающих через наш Рузаевский уезд для спасения своих жизней в глубь Республики, бросивших на родине последние свои пожитки, не можем же хладнокровно и спокойной душой, не только смотреть на этих несчастных беженцев, слушать про тот голодный ужас, которым охвачено в настоящее время все Поволжье, не так еще давно отдававшее все свои силы, весь свой избыток хлеба в нашу доблестную Красную армию, … но мы должны и сделать великое, благородное и доброе дело! Протянуть свои руки с посильной помощью вышеназванному люду … Граждане, гражданки, жертвуйте! Кто чем и сколько может в помощь Поволжья. Каждая посильная искренняя жертва будет принята с сердечною благодарностью умирающими от голода поволжанами …» [5, л. 4].

Поддержка прибывающих и транзитных беженцев, их медицинское обслуживание и другая помощь ложились тяжким бременем на местные органы власти, хотя Центр также выделял средства. В начальный период голода собранные продукты и деньги направлялись в соседнюю Симбирскую губернию. Затем вывоз помощи был

прекращен, ее направили прибывающим детям («голоддетям»). Около 1000 детей были приняты на полное содержание и направлены в детские дома, бараки, бывшие имения помещиков, колхозы и совхозы. 200 детей размещались в Мокшанском уезде, 200 – в Инсарском, 150 – в Нижнеломовском, 250 – в Чембарском, 110 – в Наровчатском [6, л. 20об.].

К февралю 1922 г. общее количество испытывающих трудности с питанием в губернии определялось губернским комитетом помощи голодающим в 460000 чел. Ситуация осложнялась наличием 4000 беженцев из Поволжья, в том числе 3500 детей. Их число к апрелю увеличилось до 6150. Вокзалы в Пензе и Рузаевке были перегружены, нависла угроза эпидемии холеры. Был введен временный запрет на выезд из уездов губернии для разгрузки вокзалов и переправки беженцев дальше [7, л. 24]. К осени поток «голодбеженцев» через станцию Пенза увеличился до 10000 чел. в месяц [8, л. 46]. Они двигались большими массами, как по железным, так и по проселочным дорогам. Часть из них, в количестве 5000 чел., разместили в бараках, около 8000 детей – в детских домах. Остальная масса беженцев бродила по селам и улицам городов в поисках пропитания. Отделение Приволжского округа Красного Креста организовало врачебно-питательный пункт на 800 пайков на станции Пенза-I [7, л. 31]. Вследствие антисанитарии быстро распространились эпидемии сыпного тифа, холеры, брюшного тифа и других опасных болезней.

В Пензе было организовано 5 детских приемников вместимостью 633 чел., в уездах – 9, на 600 чел. Всего принято переселенцев и беженцев 12617 чел., из них детей – 2489, взрослых – 10128. Наибольшее количество беженцев прибыло из Симбирской, Саратовской, Самарской, Казанской губерний [5, л. 31].

В соответствии с предписаниями центральных органов власти, принято решение распределить беженцев среди населения благополучных уездов из расчета 1 человек на 10 семей. Некоторые уезды сообщали о невозможности подобной меры, так как всё население в большей или меньшей степени испытывало трудности с продовольствием. Была организована неделя помощи голодающим, на это время вводился дополнительный налог, проводились благотворительные концерты, трудоустройство беженцев и другие меры [7, л. 12].

Летом-осенью 1922 г. в Пензе отмечается распространение нищенства, бродяжничества. Губернская комиссия помощи голодающим (Губкомпомгол) решила передать часть детей на иждивение торговцам. Однако эта мера не встретила понимания, тогда решили применять закрытие торговых предприятий. В целом пытались принимать меры по разгрузке губернии от беженцев, в том числе выдачу документов для бесплатного проезда на родину. Часть детей вернули в Симбирскую губернию [7, л. 50–51]. С 25 августа по 1 октября организован сбор пожертвований, как деньгами, так и продуктами: «сравнительно сносный урожай сего года почти повсеместно обеспечивает население потребным хлебом и изживает ту голодную обостренность, которая существовала до начала уборки хлеба» [7, л. 52]. Часть беженцев продолжали передвижение в Поволжье, часть – на Украину, при этом скапливались в Пензе (преимущественно из соседних Самарской, Саратовской губерний), кормить их было нечем. Врачебно-питательный пункт, организованный Красным Крестом, переезжал в г. Пермь. Ежемесячно через ст. Пенза проходило до 10 тыс. чел. голодбеженцев, то же – через Рузаевку [8, л. 46]. Ставилась задача накормить и одеть детей, были организованы дома матери и ребенка. Строились бараки, отправлялись просьбы в Москву о продовольственной помощи беженцам, инвалидам. К концу осени 1922 г. вопрос разгрузки Пензы от беженцев считался ликвидированным, так как все находились либо

в пути, либо уехали. Оставалась проблема детей из голодных губерний: детдома перегружены, средств не хватало [7, л. 63].

Труднее всего было учесть и организовать переселенцев, передвигавшихся самотеком. Минимальные, приблизительные данные Центроэвак за период июня 1921-августа 1922 г.: 590 тыс. чел., из них осели в Сибири 350 тыс. чел., в Туркестане – 90 тыс. чел., на Украине – 50 тыс. чел., в центральных губернях – 100 тыс. чел.. Если прибавить к этим цифрам 723061 чел. организованных голодбеженцев, получим общее количество около 1 315 тыс. чел. за указанный период [4, с. 118].

Губернские и уездные управления Цэнтроэвак продолжали работать до марта 1922 г., затем передали свои полномочия линейным эвакуационным пунктам. С 1 июля 1922 г. была прекращена бесплатная перевозка голодобеженцев в Европейской России, а с 1 августа – из Сибири. Во втором полугодии 1922 г. эвакопункты также подверглись ликвидации. Их задачи были переданы Линейным переселенческим пунктам Наркомзема, а также губернским комиссиям содействия сельскому хозяйству [3, с. 198].

С весны 1922 г. отмечались попытки организованной реэвакуации голодбеженцев, началось так называемое «обратничество». Пенза также входила в число ее центров. Этот процесс растянулся на много месяцев, периодически повышаясь до угрожающих размеров. Стихийное движение осложняло перевозку продгрузов, грозило срывам весенней сельскохозяйственной кампании. По мнению работников эвакуационных органов, «выселенчество не сохранило жизней больше, чем сохранилось бы их на месте жительства. Истощенный, ослабленный выселенец делался легкой добычей эпидемического заболевания, умирал в большинстве случаев от болезней и распространял эпидемии, угрожая ими всей Республике» [4, с. 122]. Опыт перевозки около 1,5 млн. голодных беженцев, детей и взрослых, показал необходимость создания более мобильных и гибких пунктов по обслуживанию беженцев по типу работавшего в г. Пензе питательного пункта Красного Креста.

16 декабря 1922 г. в ЦК Последгол в Москву была отправлена телеграмма, что в 9-ти волостях Городищенского уезда положение ухудшается, возвращаются из Сибири на родину обнищавшие беженцы голода – до 20000 чел., они увеличивают общее число голодающих на 40 %, нужна помощь Центра. Предполагалось, что к марту 1923 г. число голодающих увеличится на 56089 едоков и достигнет более 100 000 остроголодающих [9, л. 50–58]. Относительное улучшение продовольственной ситуации произошло только к лету 1923 г.

Однако проблема голодных беженцев вновь обострилась из-за так называемого «обратничества». Например, в июне 1923 г. беженцев-возвратников стало больше, до 1000 чел., которые шли из Украины, самотеком [10, л. 325]. К середине лета их количество увеличилось. В 1923 г. реэвакуировано 5000 «голодбеженцев», обслужено 21229 транзитных беженцев [11, л. 7]. Количество беженцев во всех уездах губернии стало снижаться только летом 1924 г.

Однако к осени 1924 г. снова последовала засуха и плохие виды на урожай в Пензенской губернии. Пензенская комиссия содействия сельского хозяйства заранее просила денег у центральных органов на отправку голодбеженцев на родину. Реэвакуация проводилась в поволжские губернии, количество выезжавших исчислялось сотнями человек. Тем временем Наркомзем рекомендовал не отправлять в данном направлении, так как поволжские губернии были признаны неблагополучными по урожаю 1924 г. [12, л. 123]. В крайнем случае, предварительно согласовать с местами назначения, получить согласие этих районов. Речь шла о соседних Самарской, Саратовской, Царицынской, Ульяновской губерниях, районе немцев Поволжья.

Таким образом, передвижение голодных беженцев происходило в различных направлениях, волнообразно, в большой степени стихийно, достигая гигантских пределов и вовлекая в процесс все население Советской России. Последствия наблюдались в различных сферах: экономике, политике, демографии, духовной культуре.

Список литературы

1. Сухова О. А., Тишкина А. В. Социально-экономическое положение губернии после окончания Гражданской войны // История Пензенского края : в 3 т. Т. 3: Пензенский край в XX – начале XXI века / под ред. О. А. Суховой. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. С. 170–180.
2. Тишкина А. В. Голод начала 1920-х гг. в Пензенской губернии // Сборник статей по материалам XXIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника и 80-летию образования Пензенского государственного университета / под ред. О. А. Суховой. Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 393–396.
3. Сухова О. А. Стратегии демографического поведения в условиях голода в первой половине 1920-х гг. (на примере Пензенской губернии) // Глобальные вызовы демографическому развитию : сб. науч. ст. : в 2 т. / ред.: О. А. Козлова [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Института экономики Уральского отделения РАН, 2022. Т. I. С. 193–203.
4. Итоги борьбы с голодом в 1921–22 гг. : сб. ст. и отчетов. М. : ЦК Помгол, 1922. 499 с.
5. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 42.
6. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 4.
9. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 40.
10. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 44.
11. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 43.
12. ГАПО. Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 47.

Информация об авторе: *Тишкина Анна Владимировна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История России и методика преподавания истории», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза).

УДК 94(470)«1941/1945»

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1941 г.

Игорь Владимирович Филинов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Filinovigorfilinov@yandex.ru

Аннотация. На основе документов Государственного архива Пензенской области исследуются основные проблемы, существовавшие на Пензенской железной дороге в 1941 г. Эффективному функционированию железной дороги мешали аварии, низкий профессионализм руководящих кадров, антисанитария на станциях.

Ключевые слова: Пензенская железная дорога, Народный комиссариат путей сообщения (НКПС), аварии, разгрузка, Великая Отечественная война
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством доктора исторических наук, профессора кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Е. В. Воейкова.

Железные дороги для экономик крупных государств также необходимы как кровеносная система для человека. По железнодорожным магистралям перевозится все: от людей до грузов различного назначения. Особенно это касается Пензенской железной дороги, которая являлась в военные годы одним из важнейших железнодорожных узлов в Европейской части РСФСР. В год 85-летия начала Великой Отечественной войны оправданно вспомнить отдельные аспекты функционирования железной дороги Пензенской области в первый год войны, тем более, что в краеведческой литературе данная тема исследована недостаточно.

Пензенская железная дорога была организована 19 апреля 1939 г. постановлением Совнаркома СССР № 519 «Об организации Пензенской железной дороги» и просуществовала до апреля 1942 г. Согласно приказу Народного комиссара путей сообщения в нее входили железнодорожные пути, шедшие от Кузнецка до Пачелмы (с востока на запад) и от Красного узла до Таловой (с севера на юг) [1, с. 264–265].

С различными проблемами Пензенская железная дорога столкнулась еще до Великой Отечественной войны. Начало войны лишь обострило существовавшие ранее проблемы. Движение эшелонов на дороге, если верить оценкам советских времен, уже к концу июня 1941 г. повысилось на 22 % [2, с. 41]. Наличие проблем на железной дороге после начала войны отражено в протоколе заседания Пензенского обкома ВКП(б) от 30 июня 1941 г. «О ходе воинских перевозок по Пензенской железной дороге». В постановлении бюро обкома отмечается, что воинские перевозки проводятся неудовлетворительно: имели место задержки в отправке и в загрузке огромного количества воинских эшелонов на 10–19 часов [3, л. 22]. В данном документе вина возлагается на начальника дороги Т. В. Гребениченко, которого обвиняли в «слабом оперативном руководстве перевозками». Однако больший интерес вызывают другие документы (протокол «О крушении пассажирского поезда № 43 на ст. Пенза III» от 12 августа 1941 г. и справка «о крушениях и авариях на Пензенской жел.[езной] дороге», от того же числа), в которых этот руководитель также упоминается. В справке перечисляются аварии, денежный ущерб, а также людские жертвы вследствие этих аварий за 3 квартала (вплоть до середины августа) 1941 г. [4, л. 24–27]. В протоколе же его обвиняют в растерянности и неспособности перестроить железную дорогу на военные нужды. Но интересно не только это. Из текста следует, что проблемы были задолго до начала войны: в 1 квартале было 14 крушений и 2 аварии с жертвами, во 2 половине года – 6 крушений [4, л. 26]. Совокупный материальный ущерб за 2 квартала составил 518 128 руб.[1]

Постановлением ранее упомянутого протокола от 12 августа 1941 г. было вынесено решение просить ЦК ВКП(б) о снятии неэффективного руководителя Т. В. Гребениченко с его должности. Из этого же протокола видно, что доклад по теме заседания зачитывал исполняющий обязанности начальника Пензенской железной дороги Платонов.

С перевозками грузов ситуация обстояла неблагополучно, но причины были далеко не в недостатке грузов или отсутствии соответствующей инфраструктуры, а в том, что дороги были перегружены из-за высокого грузопотока, вызванного началом войны и эвакуацией, отчего вагоны, вместо положенных по нормативу 1–2 часов,

[1] Подсчитано автором по: ГАПО Ф. П-148. Оп. 1. д. 397

ждали несколько суток, когда их разгрузят. В стенограмме заседания бюро Пензенского обкома ВКП(б) от 18 декабря 1941 г., по вопросу «о развозе и выгрузке местного груза[1]» указано, что на 17 декабря 1941 г. в Пензенском отделении находилось 1443 вагона местного груза [5, л. 63]. 1056 из них (то есть основная часть) были на станциях Пенза I, II, III, IV (см. табл. 1).

Таблица 1

Расположение основной части вагонов местного груза на пензенской железной дороге и их соотношение (по состоянию на 17 декабря 1941 г.) [2]

Станция	Всего	Вагонов под выгрузку	Приблизительное соотношение
Пенза I	105	55	1,91:1
Пенза II	216	10	21,6:1
Пенза III	502	29	17,3:1
Пенза IV	204	85	2,4:1
Полевые станции	29	_	_
Итого	1056	179	5,9:1

Стоит сразу отметить, что соотношение общего количества простаивающих и разгружаемых вагонов в 5,9:1 носит лишь обобщенный характер, так как скрывает за собой катастрофические превышения на Пензе II и Пензе III в 17 и в 21 раз. Вагоны, которые не разгружались, занимали пространство, необходимое для функционирования железной дороги.

Относительно приемлемый показатель для военных лет показывает только станция Пенза I и, частично, Пенза IV. На станции Пенза III, к примеру, существовало 24 пути. Каждый из путей был приспособлен под определенные специализации грузов, однако, переполненность путей приводила к тому, что грузы иногда помещали на другие пути, перемешивая вагоны разных назначений, грузов и направлений, что приводило в отдельных случаях к противоположной переадресовке[3] вагонов.

Надо отдать должное железнодорожникам, они пытались бороться с нарастающим хаосом. Чтобы не допускать подобных явлений, начальник Пензенского отделения даже запретил начальникам станций без его ведома производить переадресовки. Для освобождения станций от вагонов, было решено разгрузить Пензу II и III от разборочных поездов, которые были предназначены для укладки и разборки путей и перевозили оборудование для их ремонта [5, л. 63].

Судя по ряду сохранившихся в бывшем партийном архиве Пензенской области документов, господствующая в СССР идеология накладывала существенный отпечаток на оценку сложившейся ситуации. Партийное руководство на станции Пенза II, где ситуация была наиболее тяжелой из всех станций, по большей части возлагало вину на недостаточную работу с партийным активом, молодежью и работниками.

В данном случае налицо набор устоявшихся идеологических штампов эпохи, подменяющий собой анализ реальных проблем. Так, на закрытом партсобрании работников данной станции 31 октября 1941 г. предлагалось «сделать постановки, добиться, чтоб на ст. Пенза II демонстрировать кинофильмы», а также «заняться воспитательной

[1] Груз, с которым выполняют местные операции, планируемые начальниками железных дорог.

[2] Подсчитано автором по: ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 394. Л. 63

[3] Процедура, при которой перевозчик меняет станцию назначения перевозимого груза.

работой среди масс». Причинами неудач и ухудшения работы станции называли отсутствие «политико-массовой» и «политико-воспитательной» работ партии «среди рабочих масс» [6, л. 20].

Неутешительные сведения о разгрузке вагонов приводил начальник Пензенской железной дороги Платонов, чье мнение было зафиксировано в упомянутой ранее стенограмме от 18 декабря 1941 г. По его словам, с ноября до первой декады декабря 1941 г., количество вагонов на станциях только росло, а количество выгрузок – наоборот уменьшалось, распоряжения не выполнялись, что приводило к изданию приказов по одному и тому же вагону по несколько раз [5, л. 64].

Безусловно, эти проблемы сказывались и на работе железнодорожного транспорта в стране в целом. Так, по указанию И. В. Сталина, на железных дорогах за сутки должно было разгружаться не менее 1600 вагонов. На Пензенской дороге данное указание не выполнялось, даже когда поставили норму разгрузки в 1200 вагонов за каждую декаду декабря [5, л. 73]. Этот план выполнялся лишь на половину (табл. 2).

Таблица 2

Фактическая выгрузка за декабрь 1941 г.

Отделения движения	1 отд.	2 отд.	3 отд.	4 отд.	5 отд.	Всего по дороге
Норма	150	235	140	435	240	1200
За I декаду	67	105	62	194	106	534
За II декаду	101	132	85	213	138	669

Помимо несвоевременной разгрузки вагонов серьёзной проблемой стала опасная санитарная и эпидемиологическая ситуации. Это следует из письма уполномоченного комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Пензенской области А. Новикова от 19 ноября 1941 г., где он докладывал об этом секретарю Пензенского обкома А. Т. Кабанову. По его словам, ситуация не только не улучшилась, но и вызвала вспышку эпидемических заболеваний «в настоящее время» (то есть в конце ноября 1941 г.), с которыми дорожный санитарный отдел был не в состоянии справиться. На это влияло в том числе то, что эвакуированным гражданам оказывалась недостаточная медицинская помощь, а в зданиях вокзалов не выполнялись должные санитарные меры, такие как уборка, проветривание и т.д. В письме также приводятся шокирующие случаи, когда 20 октября 1941 г. с эшелона сняли мертвого красноармейца, положив его на мусорную кучу, а в ящике возле мусорной ямы были обнаружены трупы детей [5, л. 26–27]. Вызвано это было в первую очередь некомпетентностью управленцев на местах.

Данный эпизод рисует сложную и неприукрашенную картину того, что происходило на привокзальной Пензе в те трагические дни осени 1941 г. Ситуация была тяжелой, но даже не смотря на это, партийные организации, работники и руководители Пензенской железной дороги продолжали искать пути выхода из данной ситуации.

Таким образом, 1941 г. для пензенской железной дороги оказался тяжелым. В данной статье были рассмотрены лишь самые основные проблемы, которые стояли перед Пензенскими железнодорожниками, продолжавшими выполнять свою работу. История Пензенской железной дороги требует дальнейшего изучения.

Подводя итог, можно выделить перечень из трёх, самых основных проблем, мешавших эффективному функционированию железной дороги: малая пропускная способность линейных станций, которая с каждым месяцем после начала войны только понижалась; недостаточная компетентность руководящего состава; антисанитария на станциях, приводящая к ухудшению эпидемиологической ситуации.

Список литературы

1. Сачков А. В. Пензенские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Пензенская область : энциклопедия / под ред. О. В. Мельниченко. Пенза : Областной издательский центр, 2025. С. 263–266.
2. Пензенская область в годы Великой Отечественной войны / под ред. Г. В. Мясникова. Саратов : Приволж. кн. изд-во (Пенз. отд-ние), 1985. 192 с.
3. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 396.
4. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 397.
5. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 394.
6. ГАПО. Ф. П-2601. Оп. 1. Д. 10.

Информация об авторе: *Филинов Игорь Владимирович*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В 1980–1991 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Татьяна Андреевна Шаповалова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

gunitsevat@mail.ru

Аннотация. Рассматривается процесс изменений системы военно-патриотического воспитания молодежи в Пензенской области в 1980–1991 гг. Выявляются основные методы воспитательной работы, а также факторы, обусловившие трансформацию данной системы.
Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, Пензенская область, система воспитания, комсомол, Афганская война
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ Т. Н. Кузьминой.

Система военно-патриотического воспитания молодежи в СССР в 1980-х гг. претерпевает значительные изменения. Анализ документов Пензенской области позволяет не только проследить закономерности этого процесса, но и увидеть, как общесоюзные тенденции преломлялись, сталкиваясь с нарастающими социальными проблемами.

В 1980-е гг. военно-патриотическое воспитание молодёжи в СССР с целью формирования гражданина – патриота своей страны, готового к защите Отечества, оставалось важной частью государственной политики. В школах обязательным предметом являлась начальная военная подготовка, создавались музеи или уголки воинской и трудовой славы, проводились встречи с ветеранами, военно-спортивные игры «Зарница», «Орленок».

Начало десятилетия характеризовалось высокой степенью милитаризации общественной жизни, что было вызвано условиями продолжающейся холодной войны. Вопросы патриотического воспитания молодежи находились в центре внимания партийных, комсомольских и общественных организаций.

В своей деятельности партийные и комсомольские органы опирались на теоретически обоснованную базу военно-патриотического воспитания. Ее фундамент составляли такие принципы, как научность и историзм, неразрывная связь теории с практикой, воспитание в коллективе и через коллектив. Особое значение придавалось координации усилий всех ведомств и организаций, участвовавших в этой работе, а также учету возрастных и индивидуальных особенностей молодых людей. Важными ориентирами служили также преемственность в воспитательной деятельности, всесторонний анализ изменений в военном деле и органическое единство национальных и интернациональных интересов. Все эти принципы реализовывались комплексно, через традиционные педагогические методы: убеждение, поощрение, личный пример, а в необходимых случаях – и принуждение. Примечательно, что данные методы не были чем-то уникальным и соответствовали общепринятым в советской педагогике подходам, хотя их применение в конкретных ситуациях во многом оставалось делом добровольным и зависело от инициативы на местах [1, с. 21–22, 42].

В Пензенской области вопросы патриотического воспитания также являлись предметом особого внимания. Так, собрание актива Пензенской областной партийной организации 22 мая 1980 г. обсудило вопрос «О состоянии и мерах улучшения оборонно-массовой работы и военно-патриотического воспитания населения в области», продемонстрировав относительную стабильность во всех сферах государственной жизни. Докладчик и выступающие активно апеллировали к авторитету В. И. Ленина, а именно, к его учению о защите социалистического Отечества. Основной акцент направлен на комплексный подход, объединение партийных и комсомольских организаций, а также ДОСААФ.

На собрании отмечалась активизация идеологической, политико-воспитательной работы: «В области проводится определенная работа в этом направлении, выработана и осуществляется система мер. Вопросы военно-патриотической и оборонно-массовой работы обсуждаются на заседаниях пленумов и бюро районных и городских комитетов партии, на сессиях Советов народных депутатов, собраниях актива парторганизаций. На основании принятых постановлений осуществляется комплексное решение задачи подготовки молодежи к службе в Вооруженных Силах, к защите социалистического Отечества». В качестве положительного примера приводился опыт города Кузнецка и Октябрьского района Пензы [2, л. 6].

Ключевыми формами работы являлись героико-патриотические чтения, Всесоюзный поход по местам боевой славы, шефство над ветеранами, работа школьных музеев. Особенно подчеркивалась роль «шефства молодежи над ветеранами и инвалидами войны, семьями погибших воинов», в котором заняты «свыше двухсот отрядов красных следопытов, около пятисот постов и штабов юных тимуровцев» [2, л. 8].

Однако уже в это время, на фоне общей удовлетворенности, были моменты, требующие рассмотрения. В докладе отмечалось, что работа часто носит «эпизодический» характер, приурочена только к памятным датам и юбилейным торжествам. Остро назревала проблема материальной базы: «До настоящего времени в отдельных школах нет военных кабинетов (Пачелмский район), в ряде школ эти кабинеты размещены в непригодных подвальных помещениях (Городищенский район). 75 процентов школ требует обновления учебных наглядных пособий в военных кабинетах и переоборудования самих кабинетов». Также указывалось на недостаток оборудованных мест для стрельбы в рамках сравнения с соседними областями [2, л. 13].

К середине 1980-х гг. в документах появляется тревога по поводу новых, нетрадиционных угроз для советской молодежи. Справки Пензенского обкома КПСС «О по-

литически вредных проявлениях среди молодежи области, связанных с распространением наркомании» и «О политически вредных проявлениях, связанных с организацией неформальных объединений» раскрывают часть проблем, далеких от красивой картины общественной жизни. В тексте документа говорится, что «идеологические центры и спецслужбы противника в своей подрывной деятельности серьезное внимание уделяют идейному перерождению и моральному разложению советской молодежи» [3, л. 3]. Для достижения данной цели, противник руководствуется такими путями как: побуждение к наркомании, пьянству, сексуальной распущенности. Наряду с безобидными клубами по интересам, фиксируются попытки создания групп «псевдопатриотического характера». В ответ на эти вызовы обком КПСС разрабатывает меры по «усилению идеологической, политико-воспитательной и профилактической работы среди молодежи» [3, л. 1].

К началу нового десятилетия на фоне политических и экономических потрясений кризис военно-патриотического воспитания становится очевидным. Доклад областного военкома В.В. Белоусова на «Собрании актива по вопросам состояния и мерах по дальнейшему усилению патриотического воспитания молодежи и подготовки ее к службе в Вооруженных Силах СССР» 1 апреля 1991 г. пронизан ощущением критической обстановки. «Такова реальная действительность, которая настоятельно требует от нас существенного улучшения качества подготовки молодежи к службе в ВС СССР, совершенствования военно-патриотического воспитания», – заявил военком [4, л. 44].

Однако, несмотря на мрачный фон, фиксируются впечатляющие результаты работы области. По итогам подготовки молодежи к службе в ВС СССР и призыва ее на действительную военную службу Пензенская область в 1990 г. заняла первое место из 17 республик и областей округа. Это доказывает то, что прежняя система и усилия энтузиастов на местах еще давали результат. Вместе с тем В.В. Белоусов приводил пугающую статистику: в 1989 г. от призыва уклонилось 50 человек, в 1990-м – уже 200 [4, л. 45–50]. Можно с горечью констатировать изменение общественной морали. Родители начали гордиться тем, что сумели «отстоять» сына от службы.

В связи с этим, по мысли выступающих, ключевую роль должно сыграть наследие Афганской войны. В докладе В.В. Белоусова этому уделяется особое внимание: «Афганистан породил много проблем. Но один итог для нас важен. По свидетельству даже наших противников, русский солдат остается сегодня лучшим в мире... Молодежь, вернувшаяся домой после горных боев, бесспорно, сейчас лучшая часть нашей молодежи. и мы должны опираться на нее в патриотическом воспитании пензенской молодежи». На момент составления документа в области было зарегистрировано 10 военно-патриотических объединений, насчитывающих более 4,5 тысяч человек, и большинство из них возглавляют воины-интернационалисты. Наиболее многочисленным названо пензенское объединение «Вертикаль» под руководством В. Л. Бакунина. В то же время военком вынужден был признать, что социальные проблемы «воинов-афганцев», в частности обеспечение жильем, до конца не решены, что подрывает воспитательный эффект [4, л. 47–48].

Таким образом, в 80-е гг. система военно-патриотического воспитания проходит путь от жестко регламентированной, но уже сталкивающейся с проблемами материальной базы основой, через шок от новых социальных болезней к состоянию глубокого кризиса и общественного недоверия в 1991 г. Афганская война, с одной стороны, стала источником новых социальных проблем, а с другой – породила наиболее авторитетную в глазах молодежи группу воспитателей – «воинов-интернационалистов». Однако их потенциал не мог быть реализован полностью из-за нерешенных социально-бытовых проблем.

Список литературы

1. Рябов Л. П., Коханович Л. И. Система патриотического и военно-патриотического воспитания учащейся молодежи : сб. метод. рекомендаций. М. : НИИВШ, 1989. 68 с.
2. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6214.
3. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6998.
4. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 7319.

Информация об авторе: *Шаповалова Татьяна Андреевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 908

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ В ПЕНЗЕНСКУЮ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Елизавета Александровна Шонина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

elizavetashonina@mail.ru

Аннотация. На основе материалов Государственного архива Пензенской области и опубликованной литературы рассматриваются бытовые условия жизни детей, эвакуированных в Пензенскую область в период с 1941 по 1943 г. в составе детских учреждений (детские дома, интернаты, детские сады, дома младенца и пр.). Исследуются особенности и проблемы материального и санитарного обеспечения эвакуированного контингента.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Пензенская область, эвакуация, дети, детские учреждения, быт, материальное обеспечение
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ И. Н. Иноземцева.

Проблема эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны получила достаточно широкое освещение в отечественной историографии, в том числе и в региональной. Так, в монографии В. В. Федотова затрагиваются общие вопросы приема и размещения эвакуированного населения на территории Среднего Поволжья, включая Пензенскую область, отражаются вопросы жилищного и продовольственного обеспечения переселенцев, освещаются некоторые особенности их адаптации к условиям тыловой повседневности [1]. Описание общей организации бытового устройства эвакуированных в Пензенскую область с фрагментарным упоминанием положения детей представлено в статье Т. А. Евневич [2].

Достаточно подробный материал, подготовленный В. А. Власовым, посвященный эвакуации и различным аспектам пребывания на территории Пензенской области в годы войны эвакуированных граждан, в первую очередь, ленинградцев, содержится в коллективной монографии «Побратимы» [3]. Схожие данные приводятся в третьем томе «Истории Пензенского края» [4].

Ключевые количественные и географические параметры эвакуации детских учреждений, данные о размещении по районам, организации подсобных хозяйств и вещевой помощи обобщены в статье Н. И. Полосина, опубликованной во втором

томе «Пензенской энциклопедии» [5]. Однако, при всей ценности фактического материала, данная статья носит больше статистический характер и практически не затрагивает повседневные бытовые условия жизни детей. Интерес для изучения медико-санитарных аспектов повседневности эвакуированного населения, представляет диссертационное исследование И. Н. Иноземцева, в котором анализируется состояние системы здравоохранения региона, санитарно-бытовые условия жизни населения и гигиеническая культура [6].

Таким образом, при наличии общих работ по истории эвакуации в Пензенскую область, в которых вопросам жилищного, вещевого и продовольственного обеспечения эвакуированных отводится ощутимая роль, проблема бытовых условий жизни конкретно детского контингента остается недостаточно освещенной и требует дальнейшей разработки.

Пензенская область, обладавшая выгодным транспортно-географически положением, стала одним из центров эвакуации: промышленной, санитарной и эвакуации населения. В 1941–1942 гг. в регион было эвакуировано 65 промышленных предприятий, в том числе 13 машиностроительных заводов. За весь военный период было развернуто 64 эвакогоспиталя [6, с. 5].

Согласно архивным данным, уже на 1 августа 1941 г. в область прибыло 68 145 человек [7, л. 67–71 об.]. Всего же в 1941–1942 гг. в область было эвакуировано 124 300 человек, из которых 54 200 составляли дети [8, с. 137]. В дальнейшем, несмотря на отчетливую нисходящую динамику численности эвакуированных, вплоть до начала активной реэвакуации во второй половине 1943 г., численность прибывших граждан оставалась весьма значительной. Так, в июне 1942 г. в области насчитывалось 121,7 тыс. эвакуированных, в январе 1943 г. – 100 тыс., в январе 1944 – 83,5 тыс., в январе 1945 г. – 43,4 тыс., в декабре 1945 г. – 32,4 тыс. [6, с. 204].

В период наибольшей концентрации эвакуированных (первая половина 1942 г.) ок. 10 % (11,8 тыс. чел.) размещались в Пензе, ок. 15 % (17, 9 тыс. чел.) – в других городах области, а подавляющее большинство – ок. 75 % (92,1 тыс. чел.) – было расселено в сельской местности.

Расселение по районам области (по данным на 1 июня 1942 г.) производилось следующим образом: наибольшее количество эвакуированных находилось в Пензе – 11, 8 тыс. чел. (ок. 10 %), в Кузнецком районе – 9 тыс. чел. (7,4 %), в Сердобском – 5,4 тыс. чел. (4,4 %), в Башмаковском – 4,2 тыс. чел. (3,5 %), в Николаевском, Городищенском, Шемышейском, Мокшанском, Сосновоборском, Головинщинском и Большевьясском районах численность эвакуированных колебалась от 3 до 4 тыс. человек. В других районах численность эвакуированных была не выше 3 тыс. человек [9, л. 50].

Касательно пола и возраста эвакуированных, следует отметить, что большую часть закономерно составляли женщины и дети. Так, на 1 января 1943 г. 32 % эвакуированных (35 214 чел.) составляли представители мужского пола, 68 % (74 819 чел.) – женщины. 36,5 % (40 186 чел.) от числа всех переселенцев составляли дети в возрасте до 15 лет, эвакуированные из прифронтовых районов СССР как со своими семьями, так и в составе детских учреждений (детских садов, детских домов, интернатов, домов младенца и санаториев, пионерских лагерей, музыкальных школ) [10, л. 51].

Следует отметить, что обобщение данных о доли и точной численности детей, эвакуированных в составе детских учреждений, ранее не проводилось и является актуальной исследовательской задачей. На данный момент нам известно лишь общее число детских дошкольных, школьных, вспомогательных и специальных учреждений, размещенных в годы войны в Пензенской области, – более 60 учреждений (из том числе

18 – в г. Пензе) [4, с. 319], а также доступны разрозненные архивные материалы о численности детей, находящихся в учреждениях того или иного типа, по состоянию на различные военные периоды.

Так, например, к 1 сентября 1942 г. в Пензенской области работало 7 эвакуированных детских домов и 17 домов интернатов (7 школьных и 10 дошкольных), в которых находилось 3 592 эвакуированных детей. К 1 октября того же года число воспитанников детдомов сократилось до 2 593, а к середине ноября 1943 г. – до 1 946 [11, л. 14 об., 27, 28 об., 29]. Это объяснялось как началом реэвакуации, так и передачей части детей на воспитание в местные семьи.

Наибольшее количество детских учреждений насчитывалось в восточных и центральных районах области. Крупнейшими детскими домами являлись: детдом № 26 в с. Анненково Кузнецкого района (110 детей), № 5 в с. Евлашево того же района (120 детей), детдом глухонемых в с. Междуречье Николо-Пестровского района (126 детей), а также Белобережский детдом в с. Наровчат (256 детей). Эвакуированы они были из Москвы и Орловской области [11, л. 14, 29 об.].

Среди школьных интернатов выделялись учреждения, эвакуированные из Москвы и Ленинграда: Московская школа глухонемых в п. Чаадаевка Городищенского района (109 детей), интернат НКМВ в с. Веселовка Терновского района (120 детей), интернат академии им. Фрунзе в с. Явлейке Кузнецкого района (257 детей) и многие другие [11, л. 14].

Дошкольные интернаты прибывали в основном из Москвы. Также были интернаты из Ленинграда, один из Смоленска. Наиболее крупные располагались в Городищенском районе: интернаты № 7 (83 ребенка) и № 11 (75 детей) в самом городе, а также № 16 в с. Нижний Хутор Городищенского района (67 детей). На даче «Белое Озеро» в Барановском районе работал интернат ленинградской фабрики «Красный Треугольник» (220 детей) [11, л. 14 об.].

Особую группу составляли медицинские учреждения, эвакуированные из Москвы, Киева и Орла. Среди них: карантин-распределитель № 1 в с. Сосновка (106 человек); Дом ребенка № 5 Коминтерна, размещенный в Кичкилейке (134 человека); объединенные Дома младенца № 16 и 18 в п. Чаадаевка Городищенского района (160 детей). Работали санатории: «Малютка» в Асеевке (172 ребенка) и санаторий рахитиков в Золотаревке (108 детей). Самым крупным медицинским учреждением стал Киевский Дом ребенка в Сердобске, который занимал 9 отдельных зданий и насчитывал 475 детей [7, л. 288; 11, л. 22 об., 23 об.].

Как видим, к осени 1942 г. в Пензенской области сложилась разветвленная сеть эвакуированных детских учреждений. Перед властями встал комплекс задач по материально-бытовому обеспечению детей, многие из которых прибыли уже ослабленными и нуждались в помощи. Их пребывание было связано с рядом проблем, обусловленных экстремальными условиями военного времени.

В первую очередь встал вопрос о помещениях для проживания детей. Не хватало пригодных зданий. Большинство детских домов, интернатов и домов ребенка были размещены в непредназначенных для проживания зданиях – школах, клубах, бывших поселковых советах. Многие помещения были в плохом состоянии, требовали ремонта, некоторые из них были аварийными, что создавало угрозу здоровью и жизни детей.

Тяжелая ситуация складывалась в учреждениях, которые вынужденно переводили из одного здания в другое, еще менее приспособленное. Так, детский интернат № 16, располагавшийся в начальной школе Николо-Пестровского района, по решению облисполкома должен был переехать в заводской клуб, совершенно непригодный для

жилья. Здание было холодное, неудобное, что особенно усложняло пребывание детей в осенне-зимний период. Была и проблема большого скопления детей в одном помещении, которая наблюдалась в доме отдыха «Белое Озеро» Николаевского района, где одновременно размещались интернат фабрики «Красный Треугольник» и интернат завода «Каучук» [11, л. 14 об.]. Совместное проживание большого количества детей на одной территории ухудшало санитарно-гигиенические условия. Недостатки имели и другие здания, предоставленные для размещения эвакуированных учреждений.

Помимо состояния самих помещений, где проживали эвакуированные дети, проблемой являлся и дефицит топлива. В условиях холодного климата, отсутствия центрального отопления в большей части зданий, наличие достаточного количества топлива было одним из главных вопросов. Каждому учреждению выделялись лесные или торфяные делянки для самостоятельной заготовки топлива. Однако, несмотря на это, система заготовки и вывозки топлива была несовершенной. Потребность детских учреждений в топливе на отопительный сезон 1942–1943 гг. составляла 9600 кубометров. Однако, по состоянию на 15 октября 1942 г. было заготовлено только 5000 кубометров, из которых вывезено 3000 [11, л. 27].

Заготовка обычно велась собственными силами учреждений – к работам привлекали старших воспитанников, воспитателей и обслуживающий персонал. Главной проблемой было не само отсутствие дров, а отсутствие транспорта для их вывозки. Недостаток топлива в зачастую плохо оборудованных для жилья помещениях также создавал угрозу здоровью детей: возрастал риск простуд, пневмонии, обострения хронических заболеваний. Кроме того, невозможность полноценно отапливать помещения сказывалась на всем укладе жизни детей, затрудняя даже соблюдение элементарных гигиенических процедур.

Тяжело обстояло дело с обеспечением детей одеждой и обувью, особенно в осенне-зимний период. В архивных материалах встречаются данные о нехватке теплой одежды, обуви, а также предметов первой необходимости (чулок, варежек и нательного белья). Во многих детских учреждениях дети не имели пальто и теплой обуви, сменного нательного белья [11, л. 15]. Учреждениям выделялись промтовары, но этого количества было недостаточно. Обеспеченность одеждой и обувью у разных учреждений сильно отличалась. Так, в Белобережском детдоме на 256 детей имелось 200 пальто и 90 пар теплой обуви. Это означало, что более 50 детей оставались без верхней одежды, а более 160 – без валенок, что делало невозможным их пребывание на улице зимой. 2 сентября 1942 г. Пензенский облисполком принял решение № 1256, предписывавшее изготовить 2000 пальто для детей в детдомах и интернатах, однако материала для пошива было недостаточно [11, л. 29 об.].

В этих условиях огромную роль играла помощь местного населения. Так, в районах области создавались Фонды помощи, куда жители приносили валенки, овчины, ватники. На месте шили полушубки и рукавицы – часть отправлялась на фронт, а часть шла для эвакуированных. Зимой эвакуированные прибывали в одних шерстяных носках, без обуви, и только благодаря собранным местными жителями вещам удавалось обеспечить их минимум одежды [12, л. 4].

Важным фактором, определявшим состояние здоровья детей, являлось качество питания. Установленные государством нормы снабжения на практике сталкивались с различными препятствиями: общий дефицит продовольствия, перебои в работе органов, отвечающих за снабжение. Детские учреждения недополучали жиры, мясо, молоко и овощи. В отчетной и контрольной документации неоднократно отмечается, что мясо выдавали по 3–10 г. на ребенка в день – этого было мало для растущего организ-

ма, тем более что многие дети прибывали в область уже ослабленными и истощенными [11, л. 22 об.]. Молоко также было в остром дефиците. Данную проблему многие учреждения решали за счет создания подсобных хозяйств. Детские дома и дома ребенка имели собственные огороды, содержали скот и птицу, что в некоторой степени помогало компенсировать недостаток продуктов. Например, Дом ребенка № 5 имел огород, 3-х лошадей и 4-х коров, а также пчельник [11, л. 22 об.].

Несомненно, важной частью для создания нормальной жизнедеятельности и понижения смертности среди эвакуированных детей было медико-санитарное обеспечение. Пензенская область в целом смогла создать систему медицинского обслуживания детских учреждений, которая, несмотря на многие трудности, справлялась со своими задачами. Санитарное состояние помещений оценивалось как удовлетворительное, в большинстве детских домов и интернатов поддерживалась чистота. Учреждения были обеспечены врачебным и средним медперсоналом. При каждом детском доме и интернате имелась медсестра или врач. В Киевском Доме ребенка, расположенном в г. Сердобске, работало 7 врачей, что позволяло вести квалифицированное наблюдение за каждым ребенком. Проводилась и профилактическая работа, включающая обязательные прививки. Были сделаны прививки против оспы и дифтерии. Однако, помимо успехов, существовали и проблемы, главной из которых был недостаток мыла: от необходимых 4–5 тонн выделялось только 1–2 тонны [11, л. 15 об., 23 об., 27 об.].

В документах прямо указывается, что инфекционные заболевания (корь, скарлатина, дифтерит) возникали из-за скученности, недостатка мыла, а также недостатка медикаментов. Тем не менее, в целом в большинстве учреждений удавалось сдерживать заболеваемость. Например, в санатории рахитиков, размещенном в с. Золотаревка Терновского р-на, в феврале 1942 г. было зарегистрировано 3 случая скарлатины, не давшие большого распространения благодаря проведенным медико-санитарным мероприятиям [11, л. 22 об.].

На фоне перечисленных выше проблем в бытовых условиях жизни эвакуированных детских учреждений, важную роль играла помощь со стороны местных предприятий, организаций и населения. 2 сентября 1942 г. Пензенский облисполком принял решение о закреплении шефствующих организаций за детскими учреждениями. Шефские организации оказывали разноплановую помощь: занимались сбором одежды, продуктов питания, обработкой земли в приусадебных хозяйствах детских учреждений, подвозкой дров и т.д. Однако примеры неэффективной организации шефства также были нередким явлением [11, л. 29 об.].

Таким образом, проведенный анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что бытовые условия жизни детей, эвакуированных в Пензенскую область с детскими учреждениями, были достаточно тяжелыми. В условиях нехватки топлива, одежды, продуктов питания, приспособленных для жизни помещений, создавалась угроза для здоровья и жизни детей. Вместе с тем, достаточно хорошо организованное медико-санитарное обслуживание давало возможность снизить риски возникновения заболеваний среди эвакуированного детского контингента. В целом в экстремальных условиях военных лет, благодаря деятельности органов управления, шефствующих организаций и помощи местных жителей удавалось, со значительными колебаниями и издержками, обеспечивать минимальный набор базовых благ, необходимых для поддержания жизни эвакуированных детей.

Список литературы

1. Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2009. 155 с.

2. Евневич Т. А. Организация бытового устройства эвакуированного в Пензенскую область населения в Великую Отечественную войны // Пензенское краеведение. 2015. № 2 (14). С. 12–15.

3. Власов В. А. Эвакуация из Ленинграда в Пензенскую область // Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается : коллективная монография / отв. ред. Ю. З. Кантор. М. : РОССПЭН, 2019. С. 359–378.

4. История Пензенского края : в 3 т. / под общ. ред. О. В. Мельниченко. Т. 3: Пензенский край в XX – начале XXI века / под ред. О. А. Суховой. 2-е изд., доп. и испр. Пенза : Институт регионального развития Пензенской области, 2024. 768 с.

5. Полосин Н. И. Учебные учреждения, эвакуированные в Пензу // Пензенская энциклопедия. 2-е изд., уточн. и доп. / гл. ред. А. Ю. Казаков. Пенза, 2019. Т. 2. С. 586.

6. Иноземцев И. Н. Здравоохранение и медико-санитарные аспекты повседневной жизни населения Пензенской области в годы Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2023. 316 с.

7. ГАПО. Ф. Р-2038. Оп. 1. Д. 496.

8. Кашаев П. В., Кондрашин В. В. Пенза – город трудовой доблести // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 135–153.

9. ГАПО. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 6.

10. ГАПО. Ф. Р-2413. Оп. 1. Д. 11.

11. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 722.

12. ГАПО. Ф. Р-2378. Оп. 4. Д. 202.

Информация об авторе: *Шонина Елизавета Александровна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 303.82

ОТ СОПЕРЕЖИВАНИЯ К АНАЛИЗУ: ПРИЕМЫ РАБОТЫ С ТЕМОЙ «ДИССИДЕНТЫ И НЕФОРМАЛЫ» НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Елизавета Андреевна Абрамова

Непецинская средняя общеобразовательная школа,
Коломна, Россия

elizavetaabramova555@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются методические приемы изучения темы диссидентского движения в СССР (1964–1985), позволяющие избежать крайностей героизации и очернительства. В центре внимания – формирование у учащихся исторического мышления через сочетание эмпатии и анализа. Представлены конкретные приемы: эмоциональный якорь, работа с документом, «галерея портретов», реконструкция общественного мнения, аудиальный анализ, синквейн. Обосновывается ключевая задача учителя – не трансляция готовых оценок, а развитие способности задавать вопросы и видеть сложность исторических явлений.

Ключевые слова: диссиденты, инакомыслие, методика преподавания истории, историческое мышление, самиздат, работа с источниками

Тема диссидентского движения в СССР (1964–1985) – одна из самых сложных в школьном курсе истории России. Диссиденты продемонстрировали высокую гражданскую ответственность. У диссидентства нет истории в традиционном смысле: нет основателей, теоретиков, даты возникновения. По сути дела, трудно даже определить – кто и когда стал участником движения протеста. С момента своего зарождения оно было неоднородным. В нем нашли отражение самые разнообразные взгляды [1, с. 154]. И дело не только в обилии имён и событий. Главная трудность заключается в том, что учителю предстоит объяснить явление, которое, противоречит официальной картине мира, долгое время транслировавшейся в школе и семье (для многих родителей и бабушек-дедушек диссиденты – «враги» или «предатели»); требует от учеников зрелого исторического мышления – способности видеть ситуацию с разных сторон, отказываться от чёрно-белых оценок; эмоционально нагружена – здесь невозможно оставаться «бесстрастным транслятором фактов», но и скатываться в публицистику нельзя.

Предлагаемые методические рекомендации – это не готовый план урока, а набор инструментов и приёмов, которые учитель может адаптировать под свой класс, свой стиль и конкретные цели. Главный принцип: от фактов – к пониманию, от простого – к сложному, от сопереживания – к анализу.

Следует избегать героизации («все диссиденты – святые мученики»), очернительства («все они работали на ЦРУ»), современных аналогий (не стоит проводить прямые параллели с сегодняшними событиями – это политизирует урок и уводит от

истории), информационной перегрузки (5–6 ярких фигур), излишней эмоциональности, игнорирования позиции власти.

Приём 1. Эмоциональный якорь

Начать лучше не с дат и определений, а с того, что ученики могут почувствовать. Вариант: «Закройте глаза. Представьте, что вы написали стихи или рассказ, который важен для вас. Но вы не можете его опубликовать – никто не печатает. Тогда вы перепечатываете его на машинке в трёх экземплярах и передаёте друзьям. За это вас могут арестовать. Что вы почувствуете?» Такой приём запускает эмпатию, создаёт эмоциональную связь с темой.

Приём 2. Визуальный ряд

Показать две фотографии: портрет Л. Брежнева на трибуне и «бульдозерную выставку» 1974 г. [2]. Спросить: «Что общего между этими картинками?» «А что противоположно?».

Приём 3.1. Приём сравнения

Полезно развести понятия:

Диссидент – открыто выступает против политики власти, часто платит за это свободой.

Неформал – ищет новые формы в искусстве (музыка, живопись, кино), не обязательно занимается политикой.

Эмигрант – покидает страну (по политическим, творческим или бытовым причинам) [3, с. 75].

Приём 3.2. Приём «три вопроса»

Предложить ученикам самим сформулировать вопросы, на которые они хотели бы получить ответы. Например: «Кто такие диссиденты?», «Чего они хотели?», «Почему власть их преследовала?». Вопросы фиксируются на доске, и в ходе урока учитель к ним возвращается. Это превращает пассивное слушание в активный поиск.

Приём 4. Работа с документом «От первого лица»

Учитель предлагает записку Ю. Андропова и Р. Руденко. Работа с ней должна быть организована через систему вопросов: «О чём этот документ? (О том, как КГБ борется с диссидентами)», «Какие слова используют авторы для обозначения диссидентов? («антисоветские элементы», «политически вредные группировки»). О чём говорит эта лексика?», «Какова цифра? (За пять лет – 3096 групп, 13 602 человека). Что эти цифры могут означать?», «Какой метод предлагается? (Письменное предупреждение, затем – наказание). Почему власть предпочитает «профилактику», а не сразу аресты?»

Важно добавить: власти действительно казалось, что диссиденты угрожают стабильности. Холодная война, страх перед «пятой колонной», опыт Венгрии (1956) и Чехословакии (1968) – всё это формировало паранойю.

Приём 5. «Галерея портретов»

Андрей Сахаров – правозащитник, физик, создатель водородной бомбы, позже – критик режима. Александр Солженицын – писатель-обличитель, фронтовик, лауреат Ленинской премии, затем – автор «Архипелага ГУЛАГ». Владимир Высоцкий – неформал-бард, его песни не вписывались в официальные рамки. Юрий Орлов – организатор, создатель Московской Хельсинкской группы.

После краткого знакомства с фигурами ученики получают задание: придумать один вопрос, который они задали бы этому человеку. Вопросы могут быть разными: «Не жалеете?», «Чего вы добились?», «Страшно было?». Обсуждение вопросов часто оказывается глубже, чем обсуждение ответов.

Приём 6. Социологический опрос (реконструкция)

Предложить ученикам представить себя в роли социологов, которые в 1975 г. проводят опрос: «Как вы относитесь к людям, которые критикуют советскую власть?»

Ученики в группах придумывают возможные ответы разных социальных групп: рабочий завода, сельский учитель, партийный функционер, молодой инженер, пенсионер-фронтовик.

После обсуждения учитель подводит к выводу: диссидентов поддерживало меньшинство, большинство либо не понимало, либо считало их «врагами», либо было равнодушно.

Приём 7. «Слушаем эпоху»

Включить короткий фрагмент:

1. Официальная песня (например, «День Победы» в исполнении Л. Лещенко)

2. Песня В. Высоцкого («Охота на волков» или «Кони привередливые»)

3. Песня ВИА «Песняры» («Беловежская пуща»)

Спросить: чем отличаются тексты? настроение? что можно было сказать открыто, а что – только «для своих»?

Приём 8. Завершение урока

Синквейн – стихотворение из пяти строк, нерифмованное, но строго структурированное:

Одно слово (существительное) – тема.

Два слова (прилагательные) – описание.

Три слова (глаголы) – действия.

Четыре слова – фраза, выражающая отношение.

Одно слово – синоним, обобщение.

Ученики составляют свои синквейны (индивидуально или в парах). Это не только подведение итогов, но и возможность для рефлексии.

Тема диссидентства в СССР – это не просто страница учебника. Это разговор о том, что значит быть человеком в несвободном обществе. Задача учителя – не дать ученикам готовый ответ, а научить их задавать вопросы. Потому что именно умение задавать вопросы – главное, что отличает свободного человека. Предложенные приёмы являются лишь инструментами. Главное – интонация учителя: уважительная к прошлому, честная в фактах, открытая к диалогу. Только тогда разговор о диссидентах станет для школьников не заучиванием имён и дат, а встречей с живыми людьми, их выборами, их судьбами.

Список литературы

1. Романкина И. А. Основные направления диссидентского движения в СССР 1960–1970-х гг. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 3 (8). С. 154–156.

2. Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М. : Вече, 2008. 382 с.

3. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко, 1970–1985 гг. / предисл. К. Аймермахера ; пер. с нем. М. Г. Ратгауза. М. : АИРО-XX, 1997. 316 с.

Информация об авторе: *Абрамова Елизавета Андреевна*, учитель, МОУ «Непецинская средняя общеобразовательная школа» (Россия, г. Коломна).

УДК 371.311

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ ИСТОРИИ И ИНФОРМАТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Валерия Ильинична Андреева[1],
Ирина Владимировна Бойко[2]

[1,2]Средняя общеобразовательная школа № 47 г. Пензы, Пенза, Россия

[1]valeria.andreeva2018@yandex.ru
[2]boyko.ira@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается организация проектной деятельности в рамках интегрированных уроков истории и информатики на примере проекта «Использование технологии QR-кодов для формирования представления школьников о ключевых событиях Великой Отечественной войны». Описаны этапы реализации проекта: от постановки цели и задач до финальной презентации. Представлен практический опыт создания образовательного макета части территории СССР с системой QR-кодов, а также разработки сопутствующих цифровых материалов (презентации, раздаточных материалов, интерактивного теста). Проанализированы преимущества интегрированных проектов, выявлены основные сложности их организации, подчеркнута практическая значимость методики.
Ключевые слова: интегрированный урок, проектная деятельность, история, информатика, QR-коды, образовательный проект

Термин «интегрированный урок» закрепился в педагогической лексике в 1980–1990-х гг., в связи с тенденцией к объединению нескольких дисциплин. Развитие идеи интеграции в обучении связано с педагогической деятельностью К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского, П. П. Блонского, С. Т. Шацкого и др. Термин интегрированного урока возник как результат развития педагогической мысли, мы можем определить его как учебное занятие, который объединяет обучение по нескольким дисциплинам в рамках конкретной темы. Интеграция между различными дисциплинами должна углубить и расширить материал по теме учебного занятия.

По определению кандидата педагогических наук Л. Н. Вавиловой, интегрированный урок – это особый вид урока, на котором обозначенная тема, вопрос или проблема рассматриваются средствами двух или нескольких дисциплин. При этом осуществляется синтез и систематизация знаний и умений, что обеспечивает формирование у обучающихся целостной картины мира и способствует освоению ими соответствующих компетенций [1, с. 50].

Интегрированные уроки играют ключевую роль в современной системе образования, в связи с требованиями ФГОС, ориентированных на формирование целостной картины мира и развитие универсальных учебных действий.

Еще одна значимая тенденция современного образования – проектная деятельность. Например, в городе Пенза в 2025–2026 учебном году ввели курс внеурочной деятельности «Обучение служением», а с 2026–2027 учебного года планируется ввести дисциплину на постоянной основе совместив ее с проектной деятельностью, которая является обязательной для учеников старшей школы. Поскольку оформление проектов чаще всего требует навыков компьютерной грамотности, мы решили организовать проектную деятельность в рамках нескольких учебных дисциплин – истории и инфор-

матики. Мы разберем организацию проектной деятельности в рамках интегрированных уроков на примере разработанного проекта: «Использование технологии QR-кодов для формирования представления школьников о ключевых событиях Великой Отечественной войны».

Метод проектов помогает учащимся активно вовлекаться в изучение предметов, развивать свои умения и навыки, а также применять полученные знания на практике [2, с. 501]. На первом этапе организации проектной деятельности выделяется цель проекта, задачи. Далее согласовываются методы и способы работы с учащимися по достижению цели и задач проекта. Во время реализации проекта «Использование технологии QR-кодов для формирования представления школьников о ключевых событиях Великой Отечественной войны» совместно с учителем учащиеся создали макет части Советского Союза с нанесением объектов содержащие систему QR-кодов: Брестская крепость, Ленинград, Москва. Ученики на начальном этапе изучают предложенные материалы, собирают дополнительные сведения – фотографии, описания ландшафта, создают бумажный эскиз с обозначением основных элементов. Это позволяет чётко представить будущую композицию и распределить задачи. Изготовление самого макета начинается с подготовки основы – фанеры или плотного картона (в нашем случае был плотный картон) нужного размера, на котором размечается территория согласно эскизу. Затем с помощью воздушного пластилина формируется рельеф: создаются горы, холмы и равнины, а текстурная паста используется для детализации поверхности. После высыхания рельефа ученик под руководством учителя раскрашивает его гуашью. На завершающей стадии макета добавляются декоративные элементы: искусственная трава и деревья размещаются на соответствующих участках. Учитель при этом контролирует процесс, даёт советы по технике работы с материалами и помогает в сложных моментах, а ученик выполняет основную практическую часть (рис. 1).

Рис. 1. Пример готового макета с системой QR-кодов

Параллельно учителя истории и информатики совместно с учениками готовят информационные материалы. Они отбирают ключевые факты о сражениях, иллюстративный материал, и составляют структуру презентации. Учитель помогает с дизайном и компоновкой слайдов. Для раздаточного материала выбирается формат, подходящий конкретному сражению войны. Например, в занятии по обороне Брестской крепости это работа с конспектом майора П. М. Гаврилова. Готовится краткая информация с основными фактами и интересными сведениями, а педагог консультирует по оформле-

нию. Также совместно прорабатывается сценарий урока: определяется структура занятия с использованием макета, продумываются вопросы для обсуждения с классом и планируется время на каждый этап.

Следующим этапом становится создание интерактивных элементов совместно с учителем информатики. Сначала разрабатывается тест по теме проекта, выбирается формат заданий (выбор одного варианта, множественный выбор, открытые вопросы), а затем проводится тестирование и корректировка. Для проекта также был разработан именной сертификат, который автоматически выдается после прохождения теста. Далее все материалы (презентация, раздаточный материал, тест) оцифровываются и размещаются в облачном хранилище с доступом по ссылке. С помощью онлайн-генераторов создаются QR-коды для каждой ссылки, которые затем проверяются на работоспособность. Готовые QR-коды печатаются и размещаются на макете рядом с соответствующими объектами, а также добавляются на раздаточные материалы и в презентацию, что позволяет аудитории мгновенно получать доступ к цифровым ресурсам.

На этапе презентации проекта ученик демонстрирует макет классу, рассказывает об особенностях региона с опорой на визуальные элементы, использует презентацию для наглядности, раздаёт подготовленные материалы и предлагает пройти тест через QR-код. В результате совместной работы создаётся наглядный макет части СССР с детализированным ландшафтом, комплект информационных материалов (презентация, раздаточный материал, сценарий урока) и интерактивный элемент в виде теста с QR-кодами. Проект способствует развитию у ученика навыков командной работы, исследовательских умений и креативного мышления.

С помощью QR-кода можно организовать различные квесты, что очень нравится учащимся, таким образом формируется заинтересованность предметом [3, с. 40]. Использование макета с системой QR-кодов позволит провести в рамках классных и внеурочных занятий памятно-мемориальные мероприятия, посвящённые решающим сражениям и другим важнейшим событиям Великой Отечественной войны.

Практическая значимость проекта состоит в создании универсальной методики, которая может быть адаптирована для различных образовательных учреждений, а также в развитии у учащихся навыков работы с цифровыми ресурсами. Это не только обогащает учебный процесс, но и способствует сохранению исторической памяти среди молодого поколения.

Рассмотри плюсы и минусы организации проектной деятельности в рамках интегрированных уроков. Преимущества такой формы работы значительны и затрагивают сразу несколько аспектов образовательного процесса. Проектная деятельность в рамках интегрированных уроков способствует формированию целостного мировоззрения у учащихся. Объединение нескольких учебных дисциплин (например, истории, географии, изобразительного искусства и информатики в описанном проекте) позволяет преодолеть фрагментарность знаний, которая часто возникает при изолированном изучении предметов. Ученики видят взаимосвязи между разными областями знаний и понимают, как они работают в комплексе.

Важен рост мотивации к обучению. Необычная форма урока, вовлечение в творческую деятельность и создание реального продукта (макета, презентации, теста) пробуждают у школьников искренний интерес к предметам. Учащиеся перестают воспринимать знания как абстрактные факты из учебника и начинают видеть их практическую ценность, что особенно важно для подростков.

Ключевым преимуществом является практико-ориентированность подхода. В ходе проекта ученики применяют знания в нестандартных ситуациях, приближённых

к реальным жизненным и профессиональным задачам: работают с историческими картами и источниками, анализируя данные, используют художественные навыки, осваивают цифровые инструменты (генерация QR-кодов, работа с облачными сервисами); Проектная деятельность также активно развивает интеллектуальные умения: анализ и обобщение информации, критическое мышление – проверка достоверности источников, сопоставление разных точек зрения, аргументация своей позиции.

К минусам организации данного вида деятельности можно отнести ограниченность количества участников. Учитель физически не может эффективно курировать большое число проектов одновременно. Индивидуальное сопровождение, обсуждение идей, контроль этапов выполнения требуют значительного внимания. Оптимальная группа для такого проекта – 1–3 ученика, что ограничивает охват учащихся.

Высокие временные затраты как для педагога, так и для учеников. Подготовка и реализация интегрированного проекта выходят за рамки стандартной учебной нагрузки: учителю необходимо потратить время на разработку междисциплинарного содержания, согласование с коллегами (например, с учителем информатики), подбор материалов, продумывание критериев оценки; ученикам приходится выделять дополнительные часы на исследование темы, создание макета, репетицию презентации.

Организационные сложности. Интеграция дисциплин требует координации между учителями разных предметов, что не всегда легко реализовать из-за различий в учебных планах, расписании и методических подходах.

Технические и материальные ограничения. Реализация некоторых проектов (как в примере с QR-кодами и цифровым тестом) зависит от наличия оборудования (компьютеры, принтер), доступа в интернет, облачных сервисов и расходных материалов (пластилин, текстурная паста, гуашь). В условиях ограниченного бюджета школы это может стать препятствием.

При командной работе существует риск неравномерного распределения обязанностей: один участник нередко оказывается перегружен задачами, в то время как вклад остальных остаётся крайне незначительным.

Чтобы избежать подобной ситуации, преподавателю важно заранее чётко определить роли каждого ученика в проекте и продумать надёжную систему мониторинга их деятельности – это поможет обеспечить справедливое участие всех членов группы.

Интегрированные проекты, способствуют развитию актуальных навыков XXI в. и обогащают образовательный процесс. Однако их успешная реализация предъявляет к педагогам серьёзные требования: необходимо тщательно спланировать каждый этап работы, выделить дополнительные ресурсы (временные, методические, организационные) и быть готовым к значительной организационной нагрузке.

Если заранее предусмотреть механизмы обратной связи, корректировки задач и поддержки менее активных участников, педагог сможет эффективнее задействовать потенциал интегрированных проектов, раскрывая не только учебные, но и личностные возможности учащихся: умение сотрудничать, брать на себя ответственность, находить решения для поставленных задач.

Список литературы

1. Вавилова Л. Н. Интегрированный урок: особенности, подготовка, проведение // Образование. Карьера. Общество. 2017. № 3 (54) С. 46–51.

2. Хван Н. Т. Проектное обучение в истории и обществознании: вызовы, возможности и практические рекомендации // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 4 (85). С. 499–510.

3. Сергеева А. Г., Шаповалова А. Э. Использование QR-кода в процессе обучения как способ заинтересованности обучающихся // Вестник науки. 2018. № 9 (9). С. 39–40.

Информация об авторах: *Андреева Валерия Ильинична*, учитель истории и обществознания, МБОУ СОШ № 47 г. Пензы (Россия, г. Пенза);
Бойко Ирина Владимировна, учитель информатики и математики, МБОУ СОШ № 47 г. Пензы (Россия, г. Пенза).

УДК 372.893

МЕТОД ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОКЕЙСА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Арина Сергеевна Загарина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

arina.bachurina@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема целенаправленного формирования гражданской идентичности в условиях современной школы, что закреплено в федеральных государственных образовательных стандартах как ключевая задача исторического образования. Исследуется методический прием историко-антропологического микрокейса, синтезирующий принципы антропологически ориентированной истории, проблемного обучения и кейс-метода. Прием направлен на осознание школьниками связи макропроцессов отечественной истории с личным выбором, ценностями и поступками конкретного человека. Раскрываются теоретическое обоснование приема, его структура (исторический контекст, персонифицированный документ, проблемный вопрос, рефлексивный этап) и поэтапный алгоритм применения на уроке.
Ключевые слова: гражданская идентичность, историческое образование, методика преподавания истории, антропологический подход, кейс-метод, проблемное обучение, личностные результаты
Благодарности: статья подготовлена под руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ А. В. Тишкиной.

Миссией программы развития современного образования, по мнению А. Г. Асмолова, является реализация общенациональной идеологии и политики, позволяющей достичь таких системных социальных и ментальных эффектов, как гармонизация общества, социальная стратификация, рост конкурентоспособности страны, формирование гражданской идентичности как основы развития демократического общества. В контексте подобной программы образование выступает как ведущая социальная деятельность общества, порождающая гражданскую идентичность и формирующая менталитет народа, ценности, социальные нормы поведения отдельных личностей, больших и малых социальных групп. В данной программе стандарт образования выступает как общественный договор, а повышение качества, доступности и мобильности образования – как инструменты, обеспечивающие миссию образования. Подобная национальная программа развития образования и может быть охарактеризована как программа социокультурной модернизации образования [1, с. 65–68].

В современной образовательной парадигме, заданной ФГОС, историческое образование перестает быть лишь трансляцией суммы знаний о прошлом [2]. Оно становится важнейшим инструментом социализации личности, формирования ее ценностно-смысловых ориентиров и идентичности. Гражданская идентичность понимается как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан одного государства, общность политических, историко-культурных, правовых характеристик государства, признаваемых гражданскими обязанностями и правами [3, с. 3327].

Урок истории обладает уникальным потенциалом для решения этой задачи, так как напрямую работает с нарративами памяти, образами прошлого и примерами гражданского поведения. Однако традиционная «событийно-политическая» история, сфокусированная на макропроцессах и деятельности элит, зачастую дистанцирует школьника от исторического процесса. Ученик выступает пассивным наблюдателем, а не рефлексирующим участником диалога с прошлым. Возникает противоречие между необходимостью формирования личностно-освоенной гражданской идентичности и методами обучения, не обеспечивающими глубокого личностного включения. Разрешению данного противоречия и посвящена настоящая статья.

Теоретическую основу описываемого приема составляет триада: антропологический подход задает содержательное наполнение (фокус на человеческом измерении истории), проблемное обучение определяет процессуальный механизм (движение от познавательного затруднения к рефлексивному решению), а кейс-метод предоставляет конкретную операциональную форму (технологию организации работы с персонифицированной исторической ситуацией). Их интеграция обеспечивает переход от изучения истории как внешнего, объективированного процесса к ее проживанию как совокупности осмысленных человеческих поступков, что является сущностным условием для конструирования осознанной, рефлексивной и ответственной гражданской идентичности молодого поколения [4, с. 4–6].

Практическая реализация метода историко-антропологического микрокейса представляет собой последовательную, логически выстроенную систему учебных действий, направленную на поэтапное погружение учащегося в историческую реальность с последующей смысловой и ценностной рефлексией. Данный алгоритм обеспечивает управляемость педагогического процесса при сохранении его поискового и дискуссионного характера.

Начальным этапом является контекстуализация, которая выполняет функцию семантического «ключа» и исторического горизонта. В течение двух-трех минут педагог актуализирует или кратко обозначает основные социально-политические, экономические и культурные векторы изучаемой эпохи, акцентируя ее ключевые противоречия и вызовы. Например, при изучении периода коллективизации учитель может охарактеризовать его как эпоху радикальной трансформации аграрного уклада, сопряженной с ломкой традиционных общинных отношений, идеологическим давлением и масштабными социальными последствиями. Важно избегать оценочных категорий на данном этапе, создавая нейтральную, но содержательную рамку для последующего анализа, чтобы не предопределять выводы учащихся.

Следующей фазой выступает предъявление и первичное восприятие кейса. Учащимся предоставляется компактный, тщательно отобранный исторический документ личного происхождения – фрагмент письма, дневниковой записи, стенограммы выступления, фотодокумента с авторской подписью. Этот материал должен обладать «человеческим голосом», отражающим личный опыт, эмоции, сомнения или убеждения автора. К примеру, это может быть отрывок из письма раскулаченного крестьяни-

на родственникам или запись комсомольца-двадцатипятитысячника о первых днях работы в деревне. Организационно материал может быть роздан на карточках, спроецирован на экран или зачитан. Отводится 2–3 минуты на его самостоятельное, внимательное прочтение или просмотр, что обеспечивает первичное эмоциональное и интеллектуальное соприкосновение с источником.

Центральным организующим элементом всего процесса является постановка проблемного вопроса (дилеммы). Сформулированный педагогом вопрос должен быть открытым, лишенным однозначного ответа в тексте источника и фокусироваться на внутреннем конфликте, моральном выборе или объяснении мотивации автора в контексте ранее обозначенных исторических обстоятельств. Его функция – трансформировать личный документ из объекта ознакомления в предмет исследования. Например: «Какими мотивами – страхом, искренней верой, карьерным расчетом или стремлением адаптироваться к новой реальности – мог руководствоваться автор данного письма? Как в его частной истории отразилось столкновение личных интересов и государственной политики того времени?» Этот вопрос задает вектор для последующей аналитической работы.

Основную временную нагрузку несет этап аналитической работы в малых группах (10–12 минут). Учащиеся, объединенные в группы по 3–4 человека, совместно исследуют документ. Их задача: проанализировать текст, выделить ключевые смыслы, факты, эмоциональные оценки; соотнести личный опыт автора с макроконтекстом эпохи; выработать коллективную интерпретацию в рамках поставленной проблемной дилеммы и подготовить лаконичное, аргументированное представление своей позиции. Роль учителя на этом этапе – фасилитация: он перемещается между группами, задает наводящие вопросы, стимулирует дискуссию, помогает преодолеть тупиковые рассуждения, но не навязывает готовых трактовок.

Далее следует фаза презентации результатов и публичной дискуссии (10 минут). Представители от каждой группы кратко излагают выработанную точку зрения, приводя аргументы из текста и исторического контекста. После презентаций учитель инициирует общую дискуссию, в ходе которой сопоставляются и обсуждаются различные, зачастую противоречивые, интерпретации одного и того же источника. Педагог выступает в роли модератора, задавая уточняющие вопросы («А как вы объясните вот эту фразу автора?», «Не противоречит ли ваша гипотеза известным фактам о…?»), акцентируя многофакторность исторического выбора и принципиальную возможность множественности обоснованных трактовок. Это культивирует толерантность к иному мнению и понимание сложности исторической реальности.

Кульминацией и смысловым завершением работы является рефлексивно-оценочный этап (5–7 минут), непосредственно нацеленный на формирование гражданской идентичности. Здесь учитель переводит разговор с плоскости исторического анализа в плоскость личностно-ценностных и гражданских смыслов. Задаются вопросы метауровня: «Какой нравственный и гражданский опыт людей той эпохи, отраженный в документе, является значимым для нас сегодня?», «Какие дилеммы, с которыми столкнулся автор, остаются актуальными в контексте прав и обязанностей современного гражданина?», «Как понимание подобных частных историй меняет наше восприятие масштабных исторических процессов?». Этот этап призван помочь учащимся осознать связь прошлого и настоящего, преемственность исторического опыта и свою собственную роль как граждан, осмысливающих это наследие и несущих ответственность за настоящее и будущее страны. Таким образом, алгоритм обеспечивает движение от исторического факта (документ) через его критический анализ (проблема, дискуссия) к личностному и гражданскому самоопределению (рефлексия).

Конкретизация теоретико-методических положений наиболее наглядно проявляется в моделировании учебных ситуаций. Ниже представлен пример применения метода историко-антропологического микрокейса в курсе отечественной истории.

Тема: «Великая Отечественная война: человек на фронте и в тылу».

Кейс: Фрагмент фронтового письма младшего лейтенанта, написанного в короткой передышке между боями осенью 1942 г. под Сталинградом. В тексте соседствуют лаконичное, скупое описание боевой задачи («завтра предстоит выбить их с той высотки»), бытовая деталь («сварили немного картошки, делили по равной ложке»), теплое воспоминание о доме и тревога за семью в эвакуации, а также философская рефлексия: «Иногда думаю, увижу ли я снова простые вещи: как дождь идет по крыше, как отец чай заваривает. И понимаю, что именно за это и держусь здесь, в этом аду».

Проблемный вопрос: «Можно ли считать позицию автора письма примером «обычного» патриотизма? Как в тексте сочетаются универсальные, общечеловеческие ценности (дом, семья, жизнь) и конкретно-историческая гражданская задача защиты Отечества? В чем источники его стойкости: в идеологии, в инстинкте самосохранения или в осознанной защите личного, «малого» мира?»

Потенциал для формирования идентичности: анализ позволяет уйти от клишированного образа «безликого героя» к пониманию подвига как личного, осмысленного и трагического выбора обычного человека. Это способствует формированию не риторического, а глубоко личностного уважения к прошлому и осознанию ценности мира как условия для реализации простых человеческих прав.

Систематическое применение метода историко-антропологического микрокейса приводит к качественным изменениям как в познавательной деятельности учащихся, так и в сфере формирования их личностных позиций, что в совокупности и составляет основу зрелой гражданской идентичности.

Во-первых, метод обеспечивает глубокую персонализацию и гуманизацию исторического знания. Преодолевается характерная для традиционного подхода дистанция между учеником и «большой историей». Школьник вступает в диалог не с абстрактной эпохой, а с конкретным человеком, что запускает механизмы исторической эмпатии – способности понять мотивы и переживания другого в иных временных и культурных условиях. Это знание перестает быть внешним, превращаясь в личностно освоенный опыт, который является фундаментом для подлинного, а не декларативного патриотизма.

Во-вторых, развивается критическое и историческое мышление. Необходимость анализировать субъективный документ, сопоставлять его с объективным контекстом, выдвигать и защищать интерпретации в дискуссии формирует комплекс важнейших компетенций: работу с источником, анализ причинно-следственных связей, оценку достоверности и многозначности исторического свидетельства. Учащийся осваивает модель мышления, основанную не на принятии готовых истин, а на их самостоятельном построении через диалог и доказательство.

В-третьих, формируется сложная, многомерная и рефлексивная гражданская идентичность. Отказ от черно-белых трактовок прошлого («все было прекрасно» / «все было ужасно») позволяет школьнику осознать преемственность отечественной истории во всей ее противоречивости и драматизме. Он начинает воспринимать себя не как наследника только побед или только трагедий, а как наследника целостного, сложного опыта нации, который требует не ритуального поклонения или тотального отвержения, но ответственного осмысления. Это воспитывает гражданскую зрелость, чуждую как нигилизму, так и некритичной апологии.

В-четвертых, создается устойчивая эмоционально-ценностная связь с прошлым. Переживание, пусть и опосредованное, человеческих судеб делает историю «теплой»,

близкой. Возникающее чувство сопричастности – не к абстрактной державе, а к людям, которые ее строили, защищали, ошибались и страдали, – становится мощным воспитательным ресурсом. Оно формирует основу для ответственности за сохранение памяти и культурного наследия.

В-пятых, метод работает на достижение ключевых метапредметных результатов (УУД): регулятивных (планирование работы в группе), познавательных (анализ, синтез, интерпретация), коммуникативных (ведение диалога, аргументация). Таким образом, его эффективность носит интегративный характер, охватывая предметные, личностные и метапредметные аспекты современного исторического образования в их неразрывной связи.

Таким образом, историко-антропологический микрокейс выступает не просто методическим приемом, а целостной педагогической технологией, которая трансформирует образовательное пространство урока истории в лабораторию по осмыслению гражданственности. Он позволяет преодолеть разрыв между академическим знанием о прошлом и личностным становлением гражданина, для которого история становится не сводом ответов, а пространством для вечных и актуальных вопросов о долге, свободе, справедливости и личном выборе.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–87.

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования : приказ Минобрнауки России № 413 от 17.05.2012 : [в ред. от 11.12.2020] // ФГОС. 2026. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/ (дата обращения: 15.03.2026).

3. Иванов Д. С. Гражданская идентичность как научная проблема // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2018. С. 3327–3329.

4. Долгова Т. В. Кейс-метод в современном образовании: сущность, структура и применение // Мастерская педагога. 2024. № 10. С. 2–14.

Информация об авторе: *Загарина Арина Сергеевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 371.3:93

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СЕРВИСА «УЧИ.РУ» В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ В МЛАДШИХ КЛАССАХ

Елена Дмитриевна Ивашкина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

lenaivashkina29@gmail.ru

Аннотация. Рассматривается практика применения образовательного сервиса «Учи.ру» в процессе преподавания истории в младших классах. Анализируются методические возможности платформы для формирования базовых исторических представлений у учащихся младших

классов. Особое внимание уделено интерактивным заданиям, позволяющим представить исторические события и персонализировать восприятие прошлого. Представлены приемы работы с интерактивными модулями платформы. Сделан вывод об использовании «Учи.ру» как инструмента пропедевтики исторического образования. Приводятся примеры заданий, наиболее результативных для формирования начальных исторических знаний у детей 7–10 лет.
Ключевые слова: начальная школа, обучение истории, младшие школьники, образовательный сервис «Учи.ру», цифровые образовательные ресурсы
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Современные образовательные технологии и ресурсы открывают новые возможности для преподавания гуманитарных наук в школе, особенное внимание уделяется истории, начиная с начальной школы. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования (ФГОС НОО), ученик должен формировать базовые навыки работы с информационными и цифровыми технологиями (ИКТ-компетентность) [1]. Это указание связано с необходимостью подготовки младших школьников к обучению в цифровом обществе. Существует много доступных цифровых образовательных ресурсов и сервисов, которыми может пользоваться педагог, однако сегодня рассмотрим платформу «Учи.ру». Именно данная программа позволяет современному ученику сделать первые шаги в изучении – увлекательным и доступным [2, с. 23].

В рамках работы данного цифрового образовательного ресурса учитель может: создавать интерактивные карточки и тренажеры; предлагать задания с визуальной опорой (иллюстрации, карты, схемы); составлять игровые механизмы (последовательности, соотнесение пар, заполнение пропусков); предлагать разноуровневые задания для учеников; получать мгновенную обратную связь [2, с. 27].

Всё вышеперечисленное особенно ценно при работе в начальной школе. Данная платформа предлагает: игровой формат, яркую наглядность, что помогает преодолеть абстрактность исторических понятий на уроках [3, с. 64].

В нашей статье разберем, как именно можно использовать платформу на уроках Окружающего мира, и приведем конкретные примеры заданий для УМК «Школа России» с методическими комментариями.

УМК «Школа России» включает пропедевтический курс истории в начальной школе – в рамках предмета А. А. Плешакова «Окружающий мир» (2-4 классы). Программа знакомит младших школьников с ключевыми событиями отечественной истории, культурным наследием и традициями народов России [3, с. 70].

В учебниках рассматриваемого УМК, история представлена в следующих блоках: «Где мы живём?»; «Жизнь древних славян»; «Времена Древней Руси»; «Страницы истории Отечества»; «Россия в XVIII–XIX веках»; «История нашей страны в XX веке» [4, с. 78].

Рассмотрим, как сервис «Учи.ру» можно интегрировать в изучение некоторых тем.

1. Тема: «Жизнь древних славян» (3 класс).

Задание на платформе: «Соотнеси жилище и народ».

Суть задания: ученикам предлагается несколько изображений: юрта,изба,чум, яранга. Предлагается найти соответствие: народ – жилище [5, с. 37].

Методический комментарий: данное задание закрепляет представление учеников о связи между народом и типом жилища, а также об условиях расселения. Формируются следующие УУД: структурирование знаний, целеполагание.

2. Тема: «Времена Древней Руси» (3–4 класс).

Задание на платформе: «Расставьте события по порядку».

Суть задания: рабочий лист с событиями: «Крещение Руси», «Объединение Киева и Новгорода князем Олегом», «Создание славянской азбуки Кириллом и Мефодием» (рис. 1).

Рис. 1. Рабочий лист для 3–4 класса по теме «Времена Древней Руси»

Методический комментарий: данное задание помогает учащимся сформировать хронологические представления о событиях. Формируются следующие УУД: формиро-вание основ исторической грамотности, прогнозирование.

3. Тема: «Россия в XVIII веке. Пётр I» (4 класс).

Задание на платформе: «Найди на портрете».

Суть задания: среди представленных портретов исторических личностей (Петр I, Екатерина II, Александр Невский, Иван III), нужно выбрать того, кто является основателем Санкт-Петербурга (рис. 2).

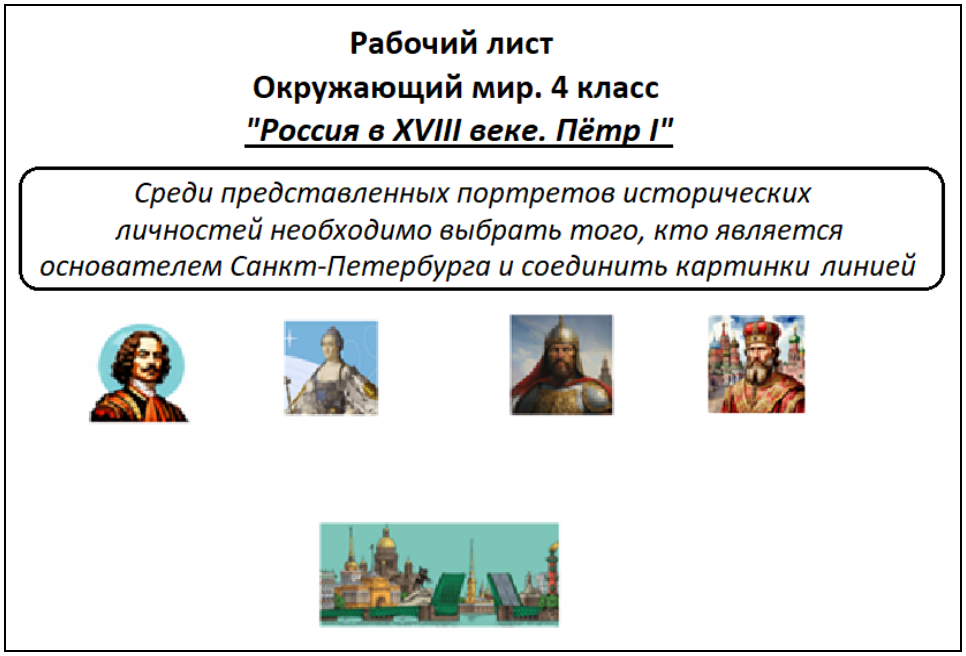

Рис. 2. Рабочий лист для 4 класса по теме «Россия в XVIII в. Пётр I»

Методический комментарий: данное задание закрепляет образное представление об исторических личностях. Формируются следующие УУД: ценностно-смысловая ориентация, прогнозирование.

4. Тема: «Великая Отечественная война» (4 класс).

Задание на платформе: «Заполни пропуски в представленном тексте».

Суть задания: представлен текст о блокаде Ленинграда с пропусками:

«В _____ году началась блокада Ленинграда. Она длилась _____ дней. Жители получали всего _____ граммов хлеба в день».

Варианты: 1941, 900, 125.

Методический комментарий: данный вид задания помогает детям тренировать память, а также внимание. Формируются следующие УУД: оценка, структурирование знаний, ценностно-смысловая ориентация [6, с. 141].

Таким образом, очевидно, что использование цифровых образовательных ресурсов в школе необходимо. Анализ методических возможностей сервиса «Учи.ру» позволяет сделать вывод о том, что данная платформа повышает наглядность исторических материалов, помогает использовать задания с разным уровнем подготовки детей, экономит время учителя на поиск необходимых наглядных материалов, а также усиливает мотивацию младших школьников за счет игровой формы заданий.

Стоит отметить, что потребность в полной замене традиционных методов обучения на данный момент отсутствует. Необходимо грамотно и умело сочетать цифровые ресурсы с привычными видами работы. Такой подход помогает заложить прочный фундамент для дальнейшего успешного изучения гуманитарных наук в школе.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования : приказ Министерства просвещения РФ № 286 от 31 мая 2021 г. // Гарант. 2026. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400807193/?ysclid=movlu2ld24474197950 (дата обращения: 13.02.2026).

2. Созонова С. Д., Сафонова Е. Ю. Использование возможностей интерактивной образовательной онлайн-платформы «Учи.ру» на уроках в начальной школе // Педагогическое мастерство : материалы XXIX Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2022 г.) / под ред. И. Г. Ахметова [и др.]. Казань : Молодой ученый, 2022. С. 23–27.

3. Деменева Н. Н., Бондарева Н. И., Дедова О. Ю. Современные технологии проведения урока в начальной школе с учетом требований ФГОС : пособие для учителей начальных классов, директоров и завучей общеобразовательных учреждений, студентов педагогических вузов и колледжей. М. : АРКТИ, 2019. 152 с.

4. Смирнова М. С., Россинская А. Н., Штанова Л. Е. Методика преподавания предмета «Окружающий мир» в начальной школе. Изучение историко-обществоведческого материала : учеб. пособие для среднего профессионального образования / под ред. М. С. Смирновой. М. : Юрайт, 2023. 196 с.

5. Плешаков А. А. Окружающий мир. 3 класс : учебник : в 2 ч. М. : Просвещение, 2023. Ч. 2. 159 с.

6. Плешаков А. А., Крючкова Е. А. Окружающий мир. 4 класс : учебник : в 2 ч. М. : Просвещение, 2023. Ч. 2. 160 с.

Информация об авторе: *Ивашкина Елена Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 930(075.8)

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МОДУЛЬНО-БЛОЧНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ПРОФИЛЬНОМ КЛАССЕ НЕГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА

Александр Владимирович Каширский

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

alexkashirprimary@gmail.com

Аннотация. Рассматривается практика применения модульно-блочной технологии изучения исторического материала. Предлагается использование модульно-блочной технологии изучения материала на уроке истории с учетом специфики опыта работы педагога непрофильного предмета с классом профильного негуманитарного цикла. Приводятся различные формы урока для изучения нового материала и интеллектуальная игра как способ закрепления.
Ключевые слова: технология модульно-блочного изучения, метод группировки графической наглядности, профильный класс негуманитарного цикла, урок истории

При анализе современной системы общего образования в призме узкопрофильных программ, очевидным является вопрос о необходимости применения специфических технологий и методов при обучении непрофильным дисциплинам. В современных реалиях школы профилирование класса одарённых детей означает четко очерченную сферу научно-образовательно деятельности которой будет отдаваться предпочтение при освоении основного общего или среднего общего образования. Хотя подобная система хорошо подходит под принцип ФГОС о «вариативности содержания», но при этом не всегда может удовлетворять требованию о «непрерывности образования». Именно для поддержания гармоничного процесса обучения и корреляцией с профильными дисциплинами, предлагается использование технологии модульно-блочного изучения.

Технологией модульно-блочного обучения является способ организации учебного процесса и учебного материала, при котором изучаемая дисциплина делится на отдельные блоки (модули). Каждый модуль представляет собой законченный фрагмент программы, который содержит учебные цели и задачи, методические рекомендации по достижению этих целей и задач, а также средства контроля для выявления уровня достижений образовательных результатов [1, с. 120–121].

Психолого-педагогическое обоснование эффективности применения технологии базируется на возрастных психологических особенностях обучающихся 8–11 профильных классов, а также на анализе практического применения технологии в процессе изучения курса Всеобщей истории в 9-м физико-математическо-информационном профильном классе Государственного бюджетного нетипового образовательного учреждения Пензенской области «Губернский лицей».

Исходя из Федеральной рабочей программы по общеобразовательному предмету «История», разделенной на два раздела – «Всеобщая история» и «История России», мы имеем возможность сформировать определенную систему изучения необходимого материала. Процесс систематизации курса «Всеобщая история» строится на объединении уроков по главам учебника. На основе данного деления составляются интерактивные задания, которые ранжируются на несколько подтипов:

1) **Групповое исследование**. Данная форма работы является основной при познании материалов учебника и состоит в групповом изучении. Важно отметить, что

происходит именно деление класса на исследовательские группы, но никак не деление пунктов параграфа между обучающимися. Группы, которым необходимо исследовать определенную часть материала могут дублироваться, за счет чего не возникает формализации проведения занятия [2].

Данный метод позволяет всесторонне рассмотреть материал и имеет возможность внедрения дополнительного комплекта урока – дискуссии или дебатов. Подобная форма урока, применительно к учебнику 9 класса по Всеобщей истории под ред. В. Р. Мединского подходит для следующих тем: «Экономика делает решающий рывок», «Путём великих реформ: государства, парламенты, партии», «Великобритания: экономическое лидерство и политические реформы», «США: дом, расколотый надвое», «Франция: Вторая империя и третья республика», «Германия: от железа и крови к месту под солнцем», «Австро-Венгрия и Балканы: национальные противоречия и компромиссы», «Китай и Япония: разные ответы на вызовы модернизации», «Латинская Америка: нелёгкий груз независимости».

2) **Интерактивная лекция**. В связи с особенностью содержания некоторых тем уроков, имеющие большое количество контекстных ответвлений и уточнений, необходимо применение такого формата урока как «лекция». Но в реалиях основного общего образования и возрастных особенностей, в формат должен быть внедрён интерактивный компонент в виде работ с иллюстративным или картографическим материалом. Сложный для восприятия на слух и чтение материал учебника необходимо изучать в комплектности с основными графическими компонентами [1, с. 207–212].

Подобная форма работы стимулирует не только концентрацию внимания на рассказе учителя, но и способствует моментальному закреплению знаний путём ассоциативного ряда в виде иллюстраций или географических материалов.

Подобная форма успешно показала себя на практике при проведении следующих уроков: «Международные отношения в XIX в.», «Франция и Южная Европа: путями революций», «Центральная и Юго-Восточная Европа: империи и нации», «Италия: запоздавшая нация», «Индия и Афганистан: подчинение и борьба», «Африка в XIX в.: захваты и эксплуатация».

3) **Дорожная интеллектуальная карта.** Формат дорожной карты мало изучен и применим в современной системе образования, ввиду его метапредметности с проектной деятельностью и сферой креативных индустрий, что отталкивает методистов. Но адаптированная форма была апробирована и показала свою эффективность. Суть метода работы с дорожной интерактивной картой заключается в единоличном изучении обучающимся параграфа, создание «опорных точек» изучаемой темы с дополнительной информацией, которая в последующем оформляется в виде дорожного пути, поля настольной игры или интеллектуальной маршрутной карты. Данный метод решает важную задачу всех предметов гуманитарного цикла – обучение и развитие навыка креативного и образного мышления. Этой стороне образования при формировании профильности класса уделяется катастрофически малый объем времени, ввиду этого именно такая метапредметная дисциплина как «История» обязана решать такую задачу [3].

Данный метод особо применим на темах, не имеющих увеличенный объем информации, но дополненный иллюстративным материалом. Это: «Общество в движении», «Наука и образование в XIX в.», «Век художественных исканий», «Великобритания: мастерская мира сдаёт позиции», «Османская империя и Иран: на осколках былого величия», «Китай и Япония: разные ответы на вызовы модернизации».

На данном этапе рассмотрение самого процесса изучения нового материала заканчивается. Вторым важным этапом во всей технологии является процесс проверки

и первичного закрепления знаний. Ввиду частного отсутствия возможности проведения контрольных работ и полноценных уроков повторения и обобщения материалов, оптимальным методом была выбрана интеллектуальная викторина в форме «Что? Где? Когда?».

На основе результатов групповых исследований и интерактивных дорожных карт, учителю необходимо составить вопросы с открытым ответом, для решения которых необходимы не только знания материала учебника, но и систематическая логика, которая является неотъемлемой частью деятельности физико-математического и химико-биологического профиля обучающихся. Ввиду большого объема текста и требуемой анализа информации, целесообразным будет использование искусственного интеллекта, способного к составлению открытых вопросов и заданий на основе проанализированных текстов и тезисов [4, с. 89–94].

Итоговым моментом урока повторения, обобщения и закрепления станет сама интеллектуальная игра, в которой класс, делящийся на группы по 3–4 человека, отвечают в бланк на заданные вопросы [2].

Таким образом, в данной практике не применяются традиционные конструкции уроков по истории. Особенность мышления профильных классов способствует к использованию именно модульно-блочного подхода в систематизации материала. Также подобная форма решает проблему вероятных пропущенных уроков, причиной чего являются многочисленные олимпиады и часы профильных предметов. При оценке результативности данного метода можно привести количественные показатели. Итогов первого триместра обучения, процент освоения образовательной программы составил всего 86 %, а уровень успеваемости 95 %. После введения данной методики во 2 триместре, произошли значительные изменения с положительной динамикой: процент освоения образовательной программы составил 98 %, а уровень успеваемости вырос до 100 %. Стоит отметить, что данная методика позволила не только освоить программу, рассчитанную на определенное количество уроков, но и выровнять общий объем освоения программы, укомплектовав не пройденные темы из первого триместра.

Итогом общего анализа составленной методики стало не только теоретическое обоснование, но и практическое применение с позитивной динамикой. Данные формы работы применительны не только к профильным классам, но и к общеобразовательным, имеющим определенные трудности в освоении программы. Коллективность и интерактивность форм работы стала ключевыми точками в данной методике. Она уверенно может быть интегрирована в образовательный процесс уже сейчас и для этого есть все предпосылки.

Список литературы

1. Куписевич Ч. Основы общей дидактики. М. : Высш. шк., 1986. 367 с.
2. Горобец Л. Н., Гладченко В. Е. Методические условия формирования коммуникативных умений учащихся на основе блочно-модульного подхода // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-2. С. 129–133.
3. Умарова Д. З. Технология блочно-модульного обучения как перспектива повышения качества обучения // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 11-2 (144). С. 58–60.
4. Иоффе А. Н., Комаров Р. В. Педагогический дизайн: блоки и модули // Образовательная политика. 2019. № 3 (79). С. 88–99.

Информация об авторе: *Каширский Александр Владимирович*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 372.893

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Александр Алексеевич Козунов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

a_kozunov@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности организации и раскрываются приемы работы с картографическим материалом на уроках истории. Выделяются типы карт, используемых на уроках истории.

Ключевые слова: урок истории, картографические умения, картографические материалы

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Формирование картографических умений предусмотрено Федеральным государственным образовательным стандартом, а также Федеральной рабочей программой по дисциплине «История» [1; 2]. ФРП предусматривает строгую преемственность формирования навыков работы с картой. Так, если в 5-м классе учащиеся учатся находить и показывать объекты, используя легенду карты, то уже в 9-м классе учащиеся должны определять изменения, произошедшие в результате значительных социально-экономических процессов.

Особенность исторической карты заключается в ее специфике по сравнению с географической картой. Исторические карты создаются на основе географических, но берут минимальное количество географической информации, акцентируя внимание на социально-экономических и политических событиях. Также важно отметить, что в то время, как географические карты статичны, исторические – динамичны, поскольку отражают развитие событий через систему условных обозначений.

В настоящее время выделяют три основных типа карт по содержанию:

– общие, которые иллюстрируют события в стране или группе стран;

– обзорные, которые иллюстрируют явления на протяжении длительного периода;

– тематические, которые иллюстрируют отдельные события.

В школьном учебно-методическом комплексе преимущественно используются карты тематического типа, однако для полноценного развития картографических умений важно использовать на уроках истории все типы карт.

Система государственной итоговой аттестации школьников (ОГЭ и ЕГЭ) предусматривают задания, предполагающие работу с картой. Согласно «Статистическому отчету о результатах государственной итоговой аттестации в Пензенской области» (2024 г.), с заданиями на проверку картографических умений справляются около 64 % учащихся. Наибольшую сложность вызывает задание, предусматривающее соотношение карты с историческими событиями. М. А. Скворцова объясняет эти трудности с недостаточной оснащенностью школ картографическими материалам, как количественным (карт в школе нет вовсе, или же их очень мало), так и качественным (карты в школе есть, но низкого качества, например, обветшали со временем). Также, трудности связаны со слабой реализацией межпредметной связи между историей и географией. Значительное влияние на качество развития картографических умений оказывает уровень методической подготовленности учителя истории [3, с. 153–154].

Для преодоления этих проблем в организации работы учащихся с картами на уроках истории важно использовать как классические, так и современные методики. М. Т. Студеникин в своих работах призывает сочетать на уроках истории настенные и настольные карты, когда учащиеся вначале самостоятельно выполняют задания по картам, которые размещены в атласах или учебниках, либо же были подготовлены учителем в качестве раздаточного материала. Затем, результат выполнения проверяется на демонстрационной карте [4, с. 106].

Проанализировав методическую литературу, можно выделить следующие приёмы работы с картой:

1. Учитель должен научить детей осознанному чтению условных обозначений карты, показать, что хаотичный поиск информации на карте неэффективен. Учащиеся должны уметь читать легенду карты, и есть разнообразные приемы для развития данного умения. Эффективным приемом здесь является прием «создание совей легенды», когда учащиеся самостоятельно рисуют символы для обозначения событий/объектов на контурных картах.

2. Учащиеся должны не только показывать объекты на карте, но и словесно описывать его местоположение. Здесь важно требовать от учащихся использовать правильную терминологию, правильные географические названия. К тому же, необходимо не просто отдельно обозначать на карте события, объекты, но и давать им сущностную характеристику [5, с. 48].

3. Необходима преемственность карт. Это достигается через сравнение уже изученной карты с новой, их мысленным наложением. К тому же, учитель должен обращать внимание на «динамику» событий, показывать изменение государственных границ и т.д.

4. Так же важно организовывать систематическую работу с контурной картой. Контурные карты являются действенным инструментом обучения. Однако, результативность данного приема зависит от качества организации работы с картой, которая требует тщательного объяснения алгоритма заполнения карты и актуальности исполнения задания в контурной карте [6, с. 12].

Использование предложенных методов можно проиллюстрировать на уроке истории для 5-го класса по теме «Государство на берегах Нила». Учитывая, что это одна их первых тем, где школьники встречаются с исторической картой, крайне важно заинтересовать учащихся работой с картой, объяснить необходимость и важность данной работы.

На уроке используется прием «путешествия» из родного города (в нашем случае г. Пенза) в Египет, с демонстрацией на настенной карте или мультимедийном экране, что позволит снизить психологический барьер перед «незнакомой» картой. Учащимся предложено проблемное задание: «Правда ли, что Египет со всех сторон защищен природой?». Работая с картой Древнего Египта, пятиклассники проанализировали природные преграды (пустыни, пороги Нила, море), что позволило им не только локализовать объекты, но и сделать выводы и причинах возникновения государства именно в долине Нила.

На этапе закрепления материала, использовались задания на «оживление» карты: учащиеся выходили к доске и, опираясь на легенду карты, они показывали границы Верхнего и Нижнего Египта, направление течения Нила. Такой подход соответствует принципу, что знакомство с картой должно быть деятельностным, включать элементы воображаемого путешествия (для 5 класса).

Использование картографических материалов на уроках истории далеко выходит за рамки простой иллюстрации текста учебника. Работы с картой направлена на достижение конкретных предметных результатов, зафиксированных во ФГОС и ФРП. Систематическое использование приемов способствует развитию пространственного мышления и критического анализа [7].

На современном уроке нам доступно использование цифровых технологий., которые открывают широкие горизонты для использования картографических материалов на уроках истории. В частности, в уроки можно включать интерактивные карты. Однако, важно не отказываться полностью от традиционного формата, так необходимого для успешного прохождения государственной итоговой аттестации.

Список литературы

1. О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 413 от 17 мая 2012 г. : приказ Министерства просвещения РФ № 732 от 12.08.2022 // Гарант. 2026. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405172211/?ysclid=mowvslj5gd483206577 (дата обращения: 25.03.2026).

2. Федеральная рабочая программа основного общего образования предмета «История» (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2022 // ФГБНУ «Институт содержания и методов обучения имени В. С. Леднева : офиц. сайт. 2026. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/17_ФРП_История_5-9-классы.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

3. Скворцова М. А. Использование картографического материала на уроках истории // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2022 : материалы Междунар. студ. науч.-практ. конф. (г. Магнитогорск, 22–25 марта 2022 г.). Магнитогорск : Магнитогор. гос. техн. ун-т имени Г. И. Носова, 2022. С. 152–156.

4. Студеникин М. Т. Методика преподавания истории в школе : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : ВЛАДОС, 2000. 240 с.

5. Морозов А. А. Формирование картографических умений учащихся: системный подход и федеральная образовательная программа основного общего образования // Преподавание истории в школе. 2024. № 9. С. 46–52.

6. Ковешникова О. Т. Контурная карта как средство формирования знаний и умений у учащихся в обучении истории // Преподавание истории в школе. 2020. № 3. С. 11–15.

Информация об авторе: *Козунов Александр Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 372.8(93+82)

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ БИНАРНЫХ УРОКОВ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ОБРАЗ КНЯЗЯ ОЛЕГА В ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЕ»

Александр Алексеевич Панфёров[1], Светлана Александровна Мамонова[2]

[1]Пензенский государственный университет, Пенза, Россия
[2]Средняя общеобразовательная школа с. Бессоновка, Бессоновка, Пензенская обл., Россия

[1]panferoval2003@mail.ru
[2]s.mamonova2017@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается практика применения бинарных уроков как формы обучения, направленной на формирование у учащихся целостного представления о мире через интеграцию знаний из смежных дисциплин. Особое внимание уделяется практическому применению данной формы урока на примере темы «Образ князя Олега в истории и литературе» в рамках

образовательных областей «Общественно-исторические науки» и «Русский язык и литература». Рассматриваются теоретические основы бинарных уроков, их соответствие ФГОС, а также роль в достижении метапредметных результатов обучения. Особое внимание уделяется методическим аспектам проведения бинарного урока, направленного на формирование у учащихся представления о нетождественности художественного произведения и исторической действительности, отраженной в нем. Подробно раскрыты этапы урока, механизмы педагогического воздействия и результаты.
Ключевые слова: бинарный урок, методика обучения истории, методика обучения литературе, князь Олег, исторический источник, литературное произведение, метапредметные результаты, критическое мышление
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Современное образование стоит перед вызовом: сформировать всесторонне и гармонично развитую личность, обладающую не только прочными предметными знаниями, но и широким кругозором, развитым критическим мышлением, способностью к самостоятельной познавательной деятельности и эффективному взаимодействию. В этом контексте особую актуальность приобретает поиск и внедрение, наиболее эффективных методик обучения, способствующих достижению этих амбициозных целей.

Одним из таких перспективных направлений является методика проведения бинарных уроков. В. А. Андреев рассматривает бинарный урок как разновидность инновационного урока: «Инновационный урок – это такой урок, который имеет нечто новое, оригинальное, творчески привнесенное учителем изменение в цели, содержание, методы, средства или даже в саму форму организации занятий» [1, с. 89]. Бинарный урок – это форма организации учебного процесса, при которой два учителя, как правило, представители разных предметных областей, проводят совместное занятие, объединяя знания, методы и приемы своих дисциплин для углубленного изучения одной темы. Такая форма урока позволяет выйти за рамки узкой предметной специализации, продемонстрировать учащимся многогранность изучаемого явления и показать его взаимосвязь с другими областями человеческого знания [2, с. 65].

Возможности включения бинарных уроков как формы организации учебных занятий в образовательный процесс обладают широким потенциалом. Бинарные уроки особенно эффективны при изучении тем, где исторические события тесно переплетаются с литературными произведениями, философскими концепциями, научными открытиями или художественными стилями. Изучение исторических деятелей, развитие исторических событий, культурных явлений – все это может быть обогащено посредством интеграции знаний из смежных дисциплин. Такая интеграция способствует формированию у учащихся целостной картины мира, развивает системное мышление и позволяет им увидеть, как различные знания дополняют и обогащают друг друга [3, с. 118–130].

Форма проведения бинарных уроков полностью соответствует современным ФГОС. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) ставит во главу угла формирование метапредметных результатов обучения, которые включают в себя универсальные учебные действия (УУД): познавательные, регулятивные, коммуникативные и личностные [4].

Бинарные уроки, являясь, по своей сути, мощным инструментом для достижения именно этих метапредметных результатов, стимулируют учащихся к активному поиску информации, сравнению различных точек зрения, совместной деятельности и критическому осмыслению полученных знаний.

В частности, история и литература как школьные предметы, обладают колоссальным потенциалом для объединения в рамках бинарного урока. Литературные произведения часто черпают вдохновение из исторических событий и личностей, интерпретируя их через призму художественного вымысла. Изучение образа исторического деятеля через призму как исторических источников, так и литературных произведений позволяет учащимся глубже понять сложность человеческого характера, роль личности в истории и специфику художественного осмысления реальности [5].

В обучении истории бинарные уроки способствуют формированию исторического мышления, умения отличать факт от интерпретации, понимать многогранность исторических процессов. В обучении литературе – развитию литературоведческого анализа, пониманию взаимосвязи литературного произведения с историческим контекстом, формированию навыков толкования художественного текста.

Настоящая статья ставит своей целью продемонстрировать практическую реализацию проведения бинарных уроков на примере темы: «Образ князя Олега в истории и литературе», которая призвана сформировать у учащихся понимание нетождественности художественного произведения и исторической реальности, а также научить их анализировать и сопоставлять информацию из различных источников.

Урок был проведен учителем истории Панфёровым А.А. и учителем русского языка и литературы Мамоновой С.А. в рамках реализации программы «Школа молодого педагога» в МБОУ СОШ с. Бессоновка для 6 «В» класса и показал высокие результаты включенности в работу и положительный эмоциональный отклик учащихся.

На организационном этапе педагоги приглашают учеников в увлекательное путешествие, где история сплетается с литературой, а факты с воображением: создают интригу, призывая окунуться в прошлое и разгадать его тайны.

Целеполагание осуществляется через постановку проблемного вопроса: *«Можем ли мы поставить знак равенства между историческим источником и литературным произведением?»* Учителя организуют дискуссию, создавая проблемную ситуацию: *«Историк-Летописец – это всегда писатель, его труды литературны. А Писатель – летописец-историк, произведения которого всегда историчны. Можно читать произведения, не вдаваясь в исторические подробности, и изучать историю, не наполняя её литературными образами. Убеждение в высказанной нами мысли рождает множество мифов, которые формируют ложные представления о действительности».*

Перед учащимися ставится задача: разгадать героев урока – князя Олега и А. С. Пушкина – на слайдах представлены три картинки-ассоциации, связанные с историческим героем и писателем. Через соотнесение картинок с персонажами учителя проводят актуализацию знаний по ранее пройденному и изученному материалу (по истории – «Начало династии Рюриковичей», по литературе – «А. С. Пушкин. Стихотворения «Зимняя дорога», «Туча» и другие. Пейзажная лирика поэта») [6; 7]. Посредством эвристической беседы формулируется тема и цель урока: *«Пушкин не только Писатель, но и Историк, который для создания своих творений обращался в т.ч. и к летописям. Одним из подобных образов стал «Вещий Олег». До сегодняшнего дня для большинства людей история Олега, созданная Пушкиным, воспринимается как реальная, исторически достоверная. Таким образом, существует Олег как лицо историческое и Олег как образ художественной литературы»*. Ученики выдвигают гипотезу о возможном различии образов.

Основная часть урока построена в форме историко-литературного исследования: ученики ставят перед собой задачи: изучить и сравнить исторический и литературный образы князя Олега, выявить их сходства и различия, понять причины расхождения.

Для формирования первичного представления о князе Олеге как о литературном герое учитель литературы вживую читает отрывок из «Песни о Вещем Олеге» А.С. Пушкина, создавая эмоциональное отношение учеников к персонажу. Ученикам предлагается ответить, каким предстает Олег перед ними в этих строках? Учитель литературы задает наводящие вопросы, направляя внимание на детали, чувства и авторское отношение [6].

Для сравнения образа Олега в литературе и истории учащиеся делятся на 2 группы: «Историки» и «Литературоведы».

«Историки» анализируют летописные свидетельства о деяниях и смерти Олега в «Повести временных лет», «Новгородской летописи», «Архангелогородском летописце»). Учащиеся составляют хронологию событий [7; 8]. «Литературоведы» углубляются в мир поэзии: дочитывают «Песнь о Вещем Олеге» и также составляют ленту времени [6].

В итоге группы приходят к противоречию:

Таблица 1

Различия в хронологии между историческим и литературным источниками о князе Олеге

Историки	Литературоведы
Встреча с волхвом → оставление коня → поход на Царьград → Смерть	Поход на Царьград → Встреча с волхвом → предательство коня → Смерть

Учителя отмечают расхождение в исторической и литературной хронологиях: *«Одно из двух: либо Пушкин в достаточной степени не владел историческим материалом, либо данные летописей неточны, а Пушкин гений и достоверно знал об исторических событиях. Но мы с вами сделали весьма поверхностный анализ. Чтобы разрешить возникшие разногласия, нам нужно глубже проанализировать тексты литературного и исторического источника».*

Следующий этап групповой работы – смена состава: выделяется отдельная группа «Лингвистов», которые *«помогут понимать даже те эпохи, которые от нас далеко»*.

Учителя и учащиеся формулируют новую задачу: создать и сравнить два образа – Олега исторического и Олега литературного: 1) Что значит образ исторического деятеля? Из чего он складывается? (*из деяний, которые входят в историю*); 2) Что значит художественный образ? Что включает в себя это понятие? (*характеристика, качества личности, поступки*); 3) Лингвисты, работая с текстом «Песни» пытаются ответить на вопрос: «Удалось ли Пушкину воссоздать эпоху Древней Руси? Что ему в этом помогает?»

Для работы ученики определяют роли в группе и выбирают выступающих, которые представят итоговую работу.

В результате работы группы делают выводы о сходствах и различиях образов, о роли автора. Учитель литературы отмечает, что Пушкин – великий мастер слова, который создает не исторический отчет, а художественное произведение, основанное на исторических преданиях, но наполненное его собственным видением исторических реалий.

Учителя снова организуют дискуссию: *«Теперь вы согласны, что между литературой и историей можно поставить знак равенства?»* Ученики отрицают данный вывод. *«Почему же ваше мнение поменялось?»* Ученики предполагают, что это два разных предмета, не связанных между собой.

Таблица 2

Работа в группах сменного состава. Задания и результаты работы

Историки	***Лингвисты***	***Литераторы***
Анализируют исторический образ: 1) Интерпретация смерти 2) Личностный портрет исторического Олега	Выписывают архаизмы и историзмы, объясняют их значения	Анализируют литературный образ: 1) Интерпретация смерти 2) Личностный портрет лирического героя
Представляют образ: *1) Объединитель земель* *2) Защитник от кочевников-хазар* *3) Борец за торговые права купцов (договоры)* *4) Полководец* *5) Герой*	Вывод лингвистов: *Пушкин использует слова, которые передают атмосферу эпохи, он воссоздает историческую действительность. Называют архаизмы*	*Представляют образ:* *1) Вещий* *2) Жаждет узнать судьбу* *3) Желает обмануть судьбу* *4) Слабый, трусливый, боится смерти* *5) Оскорбляет кудесника* *6) Предает друга* *7) Надменный*

«Если так, зачем тогда писатели обращаются к истории? Работа лингвистов нас убедила, что Пушкин очень хорошо знал историю, и тем не менее, допустил отступления от исторической действительности. Для чего он это сделал?» Ответы детей: для того, чтобы создать «своего» Олега и через его образ решить проблемы, значимые для самого писателя. *«Так значит ли это, что история и литература совсем не взаимосвязаны?»* Дети приходят к выводу, что одно дополняет другое, образ Олега исторического оживляет и наполняет образ Олега литературного.

Отсюда – формула на доске (визуализация): Литература не равно История, но они влияют друг на друга.

Подводя итоги урока, ученики оценивают достижение поставленных целей, осмысливают полученные знания. Учителя спрашивают: «*Можно ли изучать историю, не обращаясь к литературе? И стоит ли по произведения литературы изучать историю?»*

По окончании беседы педагоги отмечают: *«Произведение Пушкина известнее летописного источника. А нам, внимательным читателям, изучая литературу всегда следует обращаться к истории. Литературно-исторических мифов в нашей культуре бесчисленное количество. Развенчать их – наша задача. Но об этом уже наши будущие уроки».*

На этапе рефлексии ученики обсуждают, сподвиг ли их урок по-новому посмотреть на эти два предмета – историю и литературу, в чем конкретно.

В завершении урока ученики получают дифференцированное домашнее задание. Участникам группы «историки» нужно прочитать «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина, а «литературоведы» обращаются к летописным свидетельствам об Олеге в учебнике [6; 7].

Подводя итог, отметим, что практика применения бинарных уроков открывает значительные перспективы для повышения качества обучения истории и смежным дисциплинам. Интеграция предметных областей позволяет не только углубить знания учащихся, но и сформировать у них важные жизненные компетенции, необходимые для успешной адаптации в современном, быстро меняющемся мире. Дальнейшее исследование и систематизация подобных практик могут стать важным шагом на пути к более эффективной и отвечающей вызовам времени методике преподавания.

Список литературы

1. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1996. Кн. 1. 565 с.
2. Матвиенко С. В. Бинарные занятия в системе современного образования // Вестник науки и образования. 2020. Ч. 1, № 4 (82). С. 64–66.
3. Абасов З. А. Нетрадиционные уроки как педагогическая новация // Инновации в образовании. 2004. № 3. С. 118–130.
4. Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования : приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 370 от 18.05.2023 // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452180/ (дата обращения: 20.03.2026).
5. Гиголаева А. Т., Вегера А. А., Чумакова Я. В. Технология проведения бинарных уроков гуманитарного цикла // Молодой ученый. 2023. № 28 (475). С. 131–133. URL: https://moluch.ru/archive/475/104841 (дата обращения: 20.03.2026).
6. Рыжкова Т. Два урока по «Песни о Вещем Олеге» // Литература. 2010. № 11. URL: https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=201001104 (дата обращения: 20.03.2026).
7. Чернов Д. И. Поурочные разработки по истории России. 6 класс : пособие для учителя. 2-е изд. М. : ВАКО, 2026. 288 с.
8. Повесть временных лет: Произведения древнерусской литературы в переводах Д. С. Лихачева. СПб. : Азбука, 2020. 379 с.

Информация об авторах: *Панфёров Александр Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза);
Мамонова Светлана Александровна, учитель русского языка и литературы, МБОУ СОШ с. Бессоновка (Россия, Пензенская обл., с. Бессоновка).

УДК 372.893

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА НА УРОКАХ ИСТОРИИ РОССИИ (XVIII–XIX вв.)

Дарья Владимировна Ситникова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

dxnanop@yandex.ru

Аннотация. Обосновывается актуальность интеграции гендерной проблематики в школьный курс отечественной истории. Предлагается конкретный методический прием – создание «многослойного исторического портрета» – для анализа роли женщины в истории XVIII–XIX вв., выходящего за рамки стереотипных представлений. Анализируется формирование у учащихся навыков критического мышления, работы с разнообразными историческими источниками и понимания многомерности исторического процесса через персональную историю.
Ключевые слова: методика преподавания истории, гендерная история, исторический портрет, визуализация, Россия XVIII–XIX вв., Екатерина II, декабристки, женское образование
Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Изучение исторических личностей на уроках истории является важной частью образования, так как позволяет учащимся лучше понять прошлое, и вдохновиться достижениями великих людей.

Современные требования ФГОСов ориентируют педагога на формирование у обучающихся целостного представления об историческом процессе, включая его социальные и культурные аспекты [1].

Важность и необходимость изучение личности на уроках истории нашло отражение во многих научных работах. Так, например данная проблематика освещается в работах А. В. Шурхно [2], А. В. Мусиенко [3].

Для эффективного изучения исторических личностей применяются различные методы и приемы, которые помогают учащимся лучше понять и запомнить информацию, одними из самых эффективных на современном этапе развития школьного образования Е.А. Полиенко небезосновательно называет игровые [4].

Однако роль женщины в истории России зачастую остается на периферии школьного нарратива, сводясь к нескольким выдающимся фигурам. Это создает «слепые зоны» в понимании социокультурного контекста эпохи.

Для решения данной проблемы был разработан и апробирован методический прием, позволяющий системно и наглядно раскрыть влияние и роль женщин разных социальных страт в ключевых процессах XVIII–XIX столетий.

Целью предлагаемого методического приема «Многослойный исторический портрет» является не просто знакомство с биографией известной личности, а реконструкция через ее образ типичных и уникальных черт эпохи, социальных лифтов, ограничений и способов женской «agency» («субъектности»).

Суть приема заключается в том, что учащимся предлагается не просто изучить текст о той или иной исторической фигуре, а коллективно создать на доске или цифровой платформе (например, в Miro, Jamboard) визуальный «портрет», состоящий из нескольких концентрических слоев-кругов.

Каждый слой представляет определенный ракурс анализа. Описание реализации приема можно рассмотреть на уроке по теме «Женщина и власть в России XVIII века» на примере Екатерины II.

В начале урока формулируется проблемный вопрос: «Какими путями женщина в России XVIII в. могла достичь верховной власти и реализовать ее?». Затем начинается создание «многослойного портрета». В центре размещается портрет Екатерины II, и учащиеся кратко фиксируют, какое первое впечатление и образ власти она проецирует.

В следующем круге вокруг портрета учащиеся, работая с отрывками из «Записок» Екатерины, отмечают ключевые решения и действия, демонстрирующие ее волю, адаптацию и стратегию: изучение языка и обычаев, завоевание поддержки гвардии, самостоятельное образование.

На третьем уровне анализируются внешние условия. Учащиеся, опираясь на тексты документов, отмечают положение женщины по закону, состояние института монархии к 1762 г., роль дворцовых переворотов как «женского» политического инструмента эпохи.

В самом широком, четвертом круге фиксируются господствующие представления эпохи о роли женщины, обсуждается, как Екатерина использовала эти дискурсы и как им противоречила. После заполнения слоев учитель организует дискуссию, направляя учащихся к ответу на проблемный вопрос. Выводы фиксируются: путь Екатерины был уникальным сочетанием личной активности, использования слабости легитимных институтов и мастерского управления публичным образом в рамках и поверх существующих социокультурных норм.

Данный прием можно адаптировать и для других тем, например, «Женский подвиг и жертвенность в первой половине XIX века» на примере жен декабристов.

В центре в этом случае размещается коллективный образ. В первом слое анализируются мотивы решения ехать в Сибирь на основе писем и мемуаров.

Во втором слое исследуется правовой контекст: анализ юридических последствий их выбора.

В третьем слое рассматривается формирование культурного мифа о жертвенности и его влияние на общественное мнение, который заслонил реальные многогранные личности.

Апробация приема на практике в ходе проведения уроков истории в школе показала его высокую эффективность, которая была проанализирована через этапы рефлексии, проверки домашнего задания по темам, актуализации на последующих уроках, а также в рамках контрольной работы.

В ходе интерпретации данных, полученных в ходе анализа был сделан вывод о том, что исследуемы прием позволяет деконструировать стереотип, так как ученики видят, что даже такая известная фигура, как Екатерина II, – не просто «великая императрица», а продукт сложного взаимодействия личности и обстоятельств. «Многослойный исторический портрет» визуализирует абстракции, делая понятия «агентность», «правовое поле», «общественный дискурс» конкретными и понятными. Он обеспечивает преемственность, позволяя сравнивать разные эпохи через женские образы, выявляя изменение и сохранение моделей женского поведения. Кроме того, он (прием) развивает метапредметные навыки: анализ текстов и изображений, критическое мышление, групповую работу, публичную аргументацию.

Таким образом, предложенный методический прием «Многослойный исторический портрет» является эффективным инструментом для интеграции гендерного аспекта в школьный курс истории. Он способствует более глубокому и объемному пониманию эпохи, показывает историю не как цепь событий, совершаемых исключительно мужчинами-правителями и полководцами, а как процесс, в котором активно участвовали и женщины, действуя в рамках и преодолевая навязанные им социальные и культурные ограничения. Данный подход полностью соответствует требованиям ФГОС к развитию исторического мышления и формированию целостного представления о прошлом.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения РФ № 287 от 31 мая 2021 г. : [в ред. от 18.06.2025] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/?ysclid=mowyofr4j3983150146 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Шурхно А. В. Роль личности в истории – воспитательная детерминанта модернизации исторического образования // Северо-восточный научный журнал. 2007. № 1. С. 22–25.

3. Мусиенко А. В. Методика изучения роли личности на уроках истории // Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и вузе : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. (г. Благовещенск, 6 апреля 2017 г.). Благовещенск : Благовещен. гос. пед. ун-т, 2017. Вып. 2. С. 36–39.

4. Полиенко Е. А. Изучение исторических личностей на уроках истории посредством игр // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-2 (92). С. 129–132.

Информация об авторе: *Ситникова Дарья Владимировна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 372.893

РОЛЕВАЯ СИТУАЦИЯ «РАЗРЫВ ШАБЛОНА» КАК ИММЕРСИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Марина Дмитриевна Таминкина

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

marchenko1714@mail.ru

Аннотация. Приводятся теоретическое обоснование и практический анализ специфической иммерсивной техники – ролевой ситуации с «разрывом шаблона» – в контексте развития креативного мышления учащихся 10–11-х классов в курсе отечественной и всеобщей истории. Конкретизируется понятие «разрыв шаблона» как педагогический прием, заключающийся во внесении в смоделированную историческую ситуацию неожиданного, проблемного элемента, требующего от участников импровизации, выхода за рамки заученных алгоритмов и поиска нестандартных решений в рамках заданных ролевых условий.

Ключевые слова: иммерсивное обучение, креативное мышление, ролевая ситуация, «разрыв шаблона», историческое моделирование, старшая школа, методика преподавания истории

Благодарности: статья подготовлена под руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ А. В. Тишкиной.

Высокая степень интеграции новых информационных технологий в образовании даёт основания для эволюции некоторых форматов обучения (от электронного и онлайн-обучения до гибридного (смешанного)) и появления новых. Если перечисленные форматы дополняют или дублируют классическое контактное обучение, то иммерсивное обучение базируется на полном погружении обучающихся в искусственно созданную (виртуальную) среду [1, с. 175]. Иммерсивность как способ восприятия обеспечивается эффектом трёхмерного окружения с помощью технологий виртуальной (VR), дополненной (AR), смешанной (MR) и расширенной реальности (XR) – иммерсивных технологий (ИмТ). Формирование образовательного опыта и представления о среде и способах осуществления практических действий обучающимися осуществляется за счёт прохождения им сценариев в виртуальных или дополненных мирах в режиме реального времени [2, с. 121–122].

Под применением ИмТ в образовании понимается использование образовательных продуктов, созданных на базе VR, AR, XR или MR в учебных целях. Модель реализации ролевой ситуации с «разрывом шаблона» представляет собой структурированный процесс, состоящий из пяти взаимосвязанных этапов, последовательно переводящих учащихся от освоения исторического контекста к глубокой импровизационной деятельности и последующей рефлексии. Его успешность определяется тщательной подготовкой каждого этапа, где роль учителя эволюционирует от сценариста и инструктора к модератору и фасилитатору [3].

Современные ФГОС среднего общего образования акцентируют необходимость формирования у обучающихся не только системы знаний, но и навыков критического, аналитического и творческого мышления. В контексте школьного курса истории креативность проявляется в способности к нестандартной интерпретации источников, реконструкции альтернативных перспектив, гибкому моделированию причинно-следственных связей и импровизации в условиях исторической неопределённости [4].

В этой связи возникает потребность в методических приёмах, способных углубить иммерсивный эффект и активизировать когнитивные процессы высокого порядка. Таким приёмом является преднамеренное создание в рамках ролевой ситуации «разрыва шаблона» – контр-исторического или проблемного поворота, выводящего участников из зоны репродуктивного комфорта.

В рамках иммерсивного подхода, который выходит за пределы простой наглядности или театрализации, акцент смещается на создание целостной, психологически достоверной учебной среды, обеспечивающей эффект глубокого погружения. Этот эффект характеризуется чувством «нахождения там», где учащийся, преодолевая границы условности, временно отождествляет себя с контекстом деятельности. В классической ролевой игре на уроках истории такая иммерсия часто имеет предсказуемый и линейный характер, следуя жесткому сценарию известного события. Однако потенциал для развития именно креативного, а не репродуктивного мышления, раскрывается полнее при введении элемента контр-ожиданий или управляемого кризиса.

Понятие «разрыва шаблона» в психологии связано с техниками, направленными на выход из автоматических, стереотипных реакций. В педагогический контекст его переносит необходимость преодоления клишированного, «учебнического» восприятия истории, где причинно-следственные связи представляются данными и незыблемыми. С методической точки зрения, «разрыв шаблона» в иммерсивной ролевой ситуации – это преднамеренное внесение преподавателем-модератором в кульминационный момент моделирования нового, непредусмотренного исходным сценарием фактора (информационного, событийного, персонажного). Этот фактор нарушает предсказуемую логику развития события, известную учащимся из учебника, и создает «момент исторической неопределенности», аналогичный тому, в котором действовали реальные исторические персонажи.

Эффективность данного приема обеспечивается комплексом взаимосвязанных психолого-педагогических механизмов. Во-первых, запускается механизм когнитивного диссонанса и поисковой активности. Внезапное несоответствие между сложившейся у участника в ходе игры ментальной моделью ситуации и введенным «разрывом» создает интеллектуальный дискомфорт, который служит мощным стимулом для активного пересмотра стратегии, генерации новых гипотез и путей разрешения кризиса.

Начальным и фундаментальным является этап контекстуальной и ролевой подготовки. На этом этапе учитель формулирует историческую проблему, в рамках которой будет происходить моделирование (например, «Выработка условий Версальского мирного договора 1919 года» или «Принятие решения о форсировании Днепра в Ставке ВГК осенью 1943 года»). Учащиеся получают общий пакет документов, карт, аналитических материалов, позволяющих погрузиться в эпоху. Ключевым элементом становится распределение ролей с помощью подробных «ролевых карт». В карте указывается не только имя и статус персонажа (президент США, нарком, генерал, делегат от малого государства), но и его базовые установки, стратегические цели, личные амбиции, скрытые мотивы, а также круг союзников и оппонентов. Важнейшее дидактическое условие, которое доводится до всех участников, – знание общего исторического контекста, но неизвестность момента и содержания будущего «разрыва». Это создает основу для подлинной, а не симулированной неопределенности.

Следующий этап – первичное ролевое погружение – служит «разогревом» и адаптацией. Участники начинают взаимодействовать в соответствии с исходными условиями: выступают с программными речами, ведут предварительные переговоры, формируют коалиции, оттачивают аргументацию. Целью данной фазы является не до-

стижение конкретного результата, а «вживание» в образ, освоение языка и логики эпохи, создание первичного игрового напряжения. Учитель наблюдает за процессом, мягко корректируя явные анахронизмы, но не вмешиваясь в стратегию игроков. Этот этап важен для формирования у учащихся чувства уверенности в своей роли и предсказуемости среды, что впоследствии усилит эффект от вводимого «разрыва».

Ключевым звеном технологии является этап введения «разрыва шаблона». В заранее выбранный учителем-модератором момент, когда дискуссия или процесс принятия решений выходит на пик интенсивности, в игру вносится непредвиденный элемент. Он должен быть исторически правдоподобен (не фантастичен), но нарушать сложившийся баланс сил или информационную картину. Например, в ходе дебатов в Ясской городской управе в 1877 г., решающей вопрос о поддержке Россией восстания против Османской империи, в зал вносят донесение о резне, учиненной башибузуками в соседней области, с требованием немедленной реакции. Или в ходе совещания у Сталина в октябре 1941 г. поступает сообщение о том, что предполагаемое направление главного удара немцев изменилось. «Разрыв» может быть материальным (подложный документ, «экстренное сообщение») или вербальным (заявление «агента», изменение позиции ключевого игрока по инструкции модератора). Главное – его внезапность и проблемность для всех сторон.

После этого начинается центральный с точки зрения развития креативности этап импровизационного взаимодействия и принятия решений. Именно здесь участники, столкнувшись с дестабилизирующим фактором, вынуждены мгновенно пересматривать свои стратегии. Предыдущие коалиции могут распасться, аргументы – утратить силу, цели – потребовать корректировки. Учащиеся вступают в интенсивную, нерегламентированную дискуссию, выдвигают новые, часто альтернативные варианты действий, ищут нестандартные компромиссы. Учитель на этой фазе минимально вмешивается в содержание, выступая лишь как хронометрист и гарант соблюдения правил, позволяя участникам самостоятельно «прожить» кризис и найти из него выход, оставаясь в рамках логики своей роли и исторических реалий.

Завершающим и рефлексивным является этап анализа и «выхода из иммерсии». После фиксации итогового решения или по истечении игрового времени проводится коллективное обсуждение. Его задача – перевести эмоциональный и импровизационный опыт в плоскость осознанного учебного знания. Вопросы для рефлексии направлены на несколько аспектов: личностно-деятельностный («Какие чувства вы испытывали в момент «разрыва»? Как изменилась ваша тактика?»), содержательно-исторический («Насколько предложенные решения были адекватны контексту эпохи? Какие аналогии с реальными историческими событиями вы видите?») и метакогнитивный («Какой интеллектуальный опыт вы приобрели? Какие навыки оказались наиболее востребованными?»). Этот этап позволяет закрепить сформированные креативные навыки, связать игровой опыт с теоретическим материалом и завершить процесс обучения, предоставив учащимся возможность осмыслить собственный путь от стереотипа к творческому поиску.

Техника «разрыва шаблона» вносит качественные изменения в характер познавательной деятельности учащихся и демонстрирует высокую эффективность как инструмент развития креативного мышления: повышение гибкости мышления, оригинальности и разработанности исторических суждений, а также глубину эмоционально-рефлексивного погружения.

Наиболее ярко позитивная динамика проявляется в развитии нестандартного мышления. Если в стандартных условиях учащиеся чаще стремятся найти единствен-

ный «правильный» (согласно учебнику) выход, то ситуация управляемого кризиса стимулирует генерацию множества возможных сценариев: от силового ответа и дипломатического маневра до пропагандистской обработки и тактического отступления. Например, при моделировании «Брестского мира» ввод информации о начале масштабных беспорядков в Берлине может вызвать не только известные исторические позиции («продолжать войну» или «подписать мир на любых условиях»), но и гипотезы об организации сепаратных переговоров с отдельными землями Германии, агитации в окопах противника и даже условной сдачи Петрограда для сохранения армии. Это способствует преодолению бинарного, черно-белого восприятия исторического выбора.

Данная учебная ситуация повышает гибкость и оригинальность исторических суждений, переход от шаблонных, заученных формулировок к более сложным, синтетическим аргументам. Обучающиеся вынуждены учитывать одновременно несколько противоречивых факторов: военно-стратегических, экономических, идеологических и личностно-психологических. Так, в ситуации «разрыва» на Потсдамской конференции (сообщение об успешном испытании ядерного устройства не США, а нейтральной Швецией) аргументы игроков выходят за рамки простого дележа сфер влияния. Участники, представлявшие У. Черчилля, Г. Трумэна и И. Сталина, могут строить прогнозы о возможности создания нового нейтрального блока, необходимости экстренного научно-технического обмена, рисках превентивного удара по шведским объектам и даже о потенциальном временном союзе бывших противников против нового технологического вызова. Подобные суждения отличаются высокой степенью контекстуальной оригинальности, не будучи при этом анахроничными.

В процессе применения данного способа повышается разработанность и аргументационная плотность высказываний. Необходимость отстаивать свою импровизационную позицию перед другими игроками заставляет учащихся активно привлекать дополнительный исторический материал. В этот момент может ощущаться острая нехватка знаний о конкретных экономических показателях, биографических деталях или военных доктринах эпохи, что мотивирует на последующее углубленное самостоятельное изучение статистических данных, цитат из мемуаров.

Наконец, метод оказывает значительное влияние на развитие эмоционального интеллекта и исторической эмпатии. Этому способствует сильное эмоциональное вовлечение, позволяющее, например, почувствовать груз ответственности исторического деятеля. Этот опыт переживания когнитивного диссонанса в безопасной учебной среде способствует более тонкому, неоднозначному пониманию мотивов поступков реальных исторических персонажей. Учащиеся чаще анализируют ситуацию в категориях вынужденного выбора в условиях дефицита времени и информации, избегая стандартных клише.

Таким образом, техника «разрыва» не только тренирует интеллектуальную гибкость, но и формирует важнейшее личностное отношение к истории как к драме человеческих решений, а не как к каталогу готовых фактов и оценок. Систематическое применение данной иммерсивной технологии способствует комплексному развитию креативных компетенций, необходимых для критического осмысления прошлого и проектирования будущего.

Список литературы

1. Корнилов Ю. В. Иммерсивный подход в образовании // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 174–178.

2. Давыдова Д., Гильванов Р. Г., Кукушкина Я. В., Романова И. Ю. Иммерсивные технологии в высшем образовании // Известия Петербургского университета путей сообщения. 2023. Т. 20, № 1. С. 120–132.

3. Ананин Д. П., Сувирова А. Ю. Иммерсивные технологии в образовательной практике российской высшей школы // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 5. С. 112–135.

4. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования : приказ Минобрнауки России № 413 от 17.05.2012 : [в ред. от 11.12.2020] // ФГОС. 2026. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/ (дата обращения: 15.03.2026).

Информация об авторе: *Таминкина Марина Дмитриевна*, студентка, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 372.83

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Анетта Тарасовна Тарасенко

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

anetta07092002@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования финансовой грамотности при изучении обществознания в основной школе с учетом нормативных требований ФГОС и Закона об образовании. Установлено, что применение проектных заданий повышает уровень финансовой грамотности, в то время как традиционная методика малорезультативна из-за отсутствия связи между экономическими понятиями и повседневным опытом школьников.

Ключевые слова: финансовая грамотность, обществознание, ФГОС, Закон об образовании, проектная деятельность, функциональная грамотность, семейный бюджет, возрастная адаптация, межпредметные связи, финансовая безопасность

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «Всеобщая история и обществознание» ПГУ Л. Ю. Федосеевой.

Финансовая грамотность в педагогическом смысле – это не сумма знаний о деньгах, а способность человека принимать обоснованные решения о привлечении, использовании и сбережении финансовых ресурсов. Она включает три компонента: когнитивный (понимание финансовых продуктов и рисков), поведенческий (готовность к плановым тратам и накоплениям) и ценностный (отношение к долгу, риску, личной ответственности).

Без такого трёхуровневого определения теряется специфика школьного обучения: нельзя считать грамотным того, кто знает проценты по вкладу, но берёт необдуманные кредиты.

На уроках обществознания эта разница между знанием и действием проявляется острее всего, потому что предмет даёт развёрнутую теорию экономики, но редко переводит её в плоскость личного финансового поведения.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в статье 12 закрепляет, что содержание образования должно обеспечивать формирование навыков адаптации к жизни в обществе.

Статья 41 добавляет: образовательная организация создаёт условия для обучения и воспитания, направленных на формирование культуры безопасного образа жизни [1].

Финансовая грамотность прямо подпадает под эти нормы – неумение управлять деньгами создаёт реальные угрозы (долговые ямы, мошенничество, потеря жилья).

Однако закон не содержит отдельного упоминания финансовой грамотности, что порождает проблему: школы включают её факультативно, а не системно. Урок обществознания остаётся главным, но необязательным каналом такого обучения.

ФГОС основного общего образования в требованиях к личностным результатам указывает на готовность к саморазвитию и личностному самоопределению. В метапредметных результатах – на способность использовать знаково-символические средства, в том числе при работе с финансовыми документами.

В предметных результатах по обществознанию закреплено понимание роли экономики в жизни общества и умение решать практические задачи в области семейного бюджета [2]. Но стандарт не задаёт чёткой системы финансовых компетенций по классам. Это приводит к фрагментарности. Особенность формирования финансовой грамотности на уроках обществознания в том, что она оказывается растворённой в других темах, а не выделена в самостоятельный модуль.

Понятие финансовой грамотности требует уточнения именно для школы. Взрослый вариант (умение выбирать активы, анализировать рынок) для подростка нерелевантен. Учащийся 8–9 класса оперирует карманными деньгами, подарками, подработками. Его финансовая грамотность – это планирование трат до следующей получки, отказ от спонтанных покупок в приложениях, различение реальной скидки и маркетингового трюка.

На уроках обществознания такой возрастной сдвиг почти не учитывается: учебники оперируют семейным бюджетом гипотетической семьи из двух взрослых. Эффективность резко падает, потому что ученик не узнаёт себя в задаче. Правильный подход – моделирование ситуаций, где субъектом является он сам: бюджет школьника, риск подписки на онлайн-игру, последствия перевода денег незнакомцу [3, с. 80–81].

ФГОС также требует достижения функциональной грамотности, то есть способности применять знания в нестандартных жизненных ситуациях. Финансовая грамотность здесь выступает одной из составляющих наравне с читательской и математической. Но на практике межпредметная связь остаётся декларацией.

Учитель обществознания редко координируется с учителем математики, хотя расчёт процентов по кредиту требует одной и той же формулы. Учитель информатики не знает, что на обществознании проходят цифровое мошенничество.

Особенность формирования финансовой грамотности в том, что она требует горизонтальной интеграции, а школьная система построена вертикально – по отдельным предметам.

Из закона об образовании следует принцип вариативности: школа может выбирать формы и методы. Это позволяет включать проектную деятельность без нарушения стандартов

Экспериментальные данные показывают: после серии проектов (расчёт личного бюджета, сравнение вкладов, анализ кредитного договора) доля учащихся с низким уровнем финансовой грамотности сокращается на треть. В контрольных группах без проектов динамика незначительна [4, с. 78]. Прирост достигается не за счёт дополнительных часов, а за счёт смены формата – ученик перестаёт быть слушателем и стано-

вится аналитиком собственных денежных решений. ФГОС прямо допускает такую организацию через требование «приобретение опыта деятельности».

Понятие финансовой грамотности неразрывно связано с пониманием риска. Однако стоит отметить, что для ребенка риск заключается не в глобальных экономических проблемах, на которые чаще всего обращают внимание взрослые, а в повседневных действиях с финансами, которые могут привести к негативным последствиям. К таковым можно отнести, покупку подписок в интернете, микро-кредиты в играх, переводы с карты, которые потом приводят к уголовной ответственности [5, с. 229].

Следовательно, на уроках обществознания отдельного внимания заслуживает блок не просто грамотного ведения финансов, но и рисков, а также противоправных деяний в этой сфере.

Таким образом, формирование финансовой грамотности для школы должно быть операциональным: измеримым через конкретные действия (составил бюджет, сравнил два кредита, распознал мошенника).

ФГОС и Закон об образовании создают формальную основу – требования к адаптации, функциональной грамотности, опыту деятельности. Но они не задают методики.

Поэтому на уроках обществознания финансовая грамотность формируется не через отдельные темы, а через сквозное включение практических задач в экономику, право и социальные отношения. Без проектных форм, анализа реальных договоров и возрастной адаптации содержания стандарты остаются благими пожеланиями. С такой адаптацией обществознание становится единственным предметом, где деньги перестают быть абстракцией и превращаются в инструмент повседневной безопасности.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 : [в ред. от 28.02.2025] // КонсультантПлюс. 2026. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.03.2026).

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения РФ № 287 от 31 мая 2021 г. : [в ред. от 18.06.2025] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/?ysclid=mowyofr4j3983150146 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Осипов А. А. Формирование финансовой грамотности обучающихся на уроках обществознания // Педагогический форум. 2024. № 1 (13). С. 80–81.

4. Кузнецова В. А. Проектная деятельность по развитию финансовой грамотности на уроках обществознания в 8 классе // Россия и мир: история и современность : тез. XIII Всерос. конф. студентов и молодых ученых (г. Сургут, 18 апреля 2025 г.). Сургут : Сургут. гос. пед. ун-т, 2025. С. 77–78.

5. Гуськова А. Г. Влияние глобальных факторов на содержание образования финансовой грамотности на уроках обществознания // Непрерывное образование в контексте будущего: экосистемный взгляд на педагогическую деятельность : сб. науч. тр. по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 19–20 апреля 2022 г.). Ярославль ; М. : Канцлер, 2022. С. 227–232.

Информация об авторе: *Тарасенко Анетта Тарасовна*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 372.893

ТАЙМЛАЙН КАК ЭЛЕМЕНТ ХРОНОСТРУКТУРЫ ЕДИНОГО УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

Кирилл Павлович Фокин-Сазонов

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

hlebushek098@gmail.com

Аннотация. Анализируется хроноструктура современного учебника по истории Древнего мира (авторы: В. Р. Мединский и А. О. Чубарьян). За основу взята композиция хроноструктуры, разработанная Л. Н. Алексашкиной. Выявлено, что из пяти возможных элементов учебник располагает только двумя. Особое место отводится рассмотрению таймлайнов. Доказывается важность таймлайнов для формирования у школьников представлений об историческом времени. Делается вывод о потенциальных возможностях таймлайнов, помещенных в учебные книги.

Ключевые слова: таймлайн, хроноструктура, единый учебник истории

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Представления о времени наряду с представлениями о фактах и пространстве составляют структуру исторического знания. В связи с этим знания по хронологии и умения работать с ней являются ключевыми в школьном историческом образовании. Федеральный государственный образовательных стандарт основного общего образования среди прочих предметных результатов по предмету «История» выделяет умение определять последовательность событий, явлений, процессов, умение соотносить события истории между собой, умение рассказывать об исторических событиях, явлениях, процессах, демонстрируя понимание и знание необходимых фактов и дат, умение устанавливать причинно-следственные, пространственные, временные связи [1].

Основы понимания хронологии закладываются в 5 классе, когда школьники знакомятся с систематическом курсом истории. Согласно Федеральной рабочей программе пятиклассник должен научиться объяснять смысл основных хронологических понятий (век, тысячелетие, до нашей эры, наша эра); называть даты важнейших событий истории Древнего мира, по дате устанавливать принадлежность события к веку, тысячелетию; определять длительность и последовательность событий, периодов истории Древнего мира, вести счет лет до нашей эры и нашей эры [2].

Л. Н. Алексашкина, размышляя о построении школьного курса истории, вводит понятие хроноструктуры, под которой понимает построение системы знаний в соответствии с категориями времени» [3, с. 106]. Одним из инструментов обучения в руках учителя является учебник. Выделяется несколько элементов хроноструктуры, которые должны присутствовать в учебнике для формирования опорных хронологических знаний:

1) Лента времени в начале параграфов;

2) Хроника событий;

3) Выделение дат особым шрифтом в тексте;

4) Перечни дат для запоминания;

5) Хронологические и синхронистические таблицы [3, с. 61].

Лента времени уже не одно десятилетие признаётся основным пособием, позволяющим успешно справиться с изучением летоисчисления [4, с. 20]. Это утверждение

основано на наблюдении, что понимание протяженности времени становится более четким, если дать ученику его графическое изображение [4, с. 10]. Лента (линия) времени помогает объяснить понятия измерения и единиц исторического времени (год, десятилетие, век, тысячелетие) [3, с. 107]. При этом под линией времени понимают линию, разделённую поперечными черточками на равные отрезки, означающими определенное количество лет [4, с. 10]. На линии располагаются точки, означающие те или иные события. Лента времени – это наглядное пособие, представляющее собой полосу определенной ширины, изображающую линию времени. Всё чаще в современной литературе для обозначения описываемого явления используется понятие таймлайн. Название не меняет сути: это всё ещё наглядный инструмент, позволяющий представить общие хронологические рамки, временной диапазон явлений.

С 2025 г. в школьную практику вошёл единый учебник по истории Древнего мира за авторством В. Р. Мединского и А. О. Чубарьяна. Рассмотрим, какие элементы хроноструктуры нашли своё воплощение в массовой учебной книге.

В учебнике отсутствуют хронологические или синхронистические таблицы. Отдельной рубрики, содержащей перечни дат на полях или в конце параграфов, также не представлено. Хотя такой механизм в учебнике есть для формируемых понятий (рубрика «Основные понятия» приводится в начале параграфов). В книге присутствует обозначение важнейших дат в тексте: они выделяются жирным шрифтом.

Рассмотрим отдельно ленты времени как элемент хроноструктуры. Лента отсутствует на форзаце или нахзаце (это место отводится картам). Своеобразная лента времени появляется во введении на странице 6, чтобы сформировать представление о счёте лет в истории. Учебник имеет специальный сигнал-символ для ленты времени, который встречается в начале некоторых параграфов. Хронологические данные, для которых предназначен этот символ, представлены тремя способами:

1) Предъявление события. Например, в параграфе 34 «Священный огонь Олимпии» под символом «лента времени» указана дата: 776 г. до н.э. – первые Олимпийские игры [5, с. 193].

2) Предъявление процесса. Например, в параграфе 24 под символом «лента времени» указан диапазон VIII–VI в. до н.э. – Великая греческая колонизация [5, с. 143].

3) Предъявление ряда событий. Например, к параграфу 43 «Пунические войны» под символом «лента времени» содержится список дат по заявленной теме [5, с. 239].

При любом из описанных способов лента времени как графический объект отсутствует. Последний способ скорее мог быть назван «хроника событий», поскольку, по сути, это список имевших место во времени фактов.

Таймлайн же в учебнике мог бы выступить в роли стабильной наглядности и способствовать непроизвольному запоминанию хронологической информации. Методисты указывают, что учащиеся с большим трудом и далеко не сразу усваивают особенности летоисчисления [4, с. 8]. С этой точки зрения, представляется необходимым использовать потенциал таймлайнов по максимуму: предъявление информации, например, о Пунических войнах в виде горизонтальной оси позволил бы школьникам визуально оценить длительность событий; постоянное возвращение к таймлайну на форзаце по мере изучения новых дат мог бы дать возможность соотносить события из истории разных государств, а также систематизировать данные об изученных процессах.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в современной школьной практике сохраняется противоречие между требованиями нормативных документов к уровню сформированности хронологических умений учащихся и реальными средствами их формирования в учебнике. Таймлайн, являющийся по своей природе графическим ин-

струментом, призванным формировать представления о длительности и последовательности событий, теряет свой дидактический потенциал при нивелировании этой самой природы. Признавая важность визуальной развёртки ключевых событий для формирования у учащихся целостных представлений об историческом периоде или процессе, подчеркнем необходимость систематической работы с представлениями о времени, особенно на стадии формирования базовых знаний.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения РФ № 287 от 31 мая 2021 г. : [в ред. от 18.06.2025] // Консультант. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/?ysclid=mowy7cqk6o192937628 (дата обращения: 10.03.2026).
2. Федеральная рабочая программа основного общего образования предмета «История» (для 5–9-х классов образовательных организаций). М., 2022 // ФГБНУ «Институт содержания и методов обучения имени В. С. Леднева» : офиц. сайт. 2026. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/17_ФРП_История_5-9-классы.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
3. Алексашкина Л. Н. Преподавание истории в школе: от педагогического проекта к практике : пособие для учителя. М. : Русское слово – учебник, 2018. 272 с.
4. Линко Г. М., Петрова Е. В. Работа с хронологией в школе : пособие для учителя. Л. : Учпедгиз, 1960. 83 с.
5. Мединский В. Р., Чубарьян А. О. История. Всеобщая история. История Древнего мира: 5-й класс : учебник. М. : Просвещение, 2025. 304 с.

Информация об авторе: *Фокин-Сазонов Кирилл Павлович*, магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

УДК 372,893:737

ПРИМЕНЕНИЕ БОНИСТИКИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Николай Алексеевич Ховарев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

kolyahovarev@yandex.ru

Аннотация. Анализируется педагогическая значимость бонистики – исторической дисциплины, исследующей бумажные денежные знаки. Доказывается, что применение бонистического материала на уроках истории способствует развитию у учеников как предметных, так и метапредметных навыков. Предложены методики внедрения изображений и исторических аспектов банкнот в учебный процесс при изучении экономической истории, политической пропаганды и культурного развития России и других стран. Особое внимание уделяется тому, как бонистика помогает наглядно объяснять сложные исторические явления, такие как инфляция, гражданская война и индустриализация.

Ключевые слова: бонистика, наглядность в обучении истории, экономическая история, денежные знаки, источниковедение

Благодарности: статья подготовлена под научным руководством кандидата исторических наук, доцента кафедры «История России и методика преподавания истории» ПГУ В. Н. Паршиной.

Современный этап развития исторического образования выделяется поиском новых методов формирования у учащихся умений работы с историческими источниками. Так, согласно требованием ФГОС к предметным результатам освоения программы по Истории, школьники должны овладеть умением находить и критически анализировать для решения познавательных задач исторические источники разных типов и привлекать контекстную информацию при работе с историческими источниками [1].

Основная задача учителя, не просто передача фактов, а обучение школьников умению «читать» документы своего времени, проводить их анализ и делать самостоятельные выводы.

Бонистика, представляющая собой вспомогательную историческую дисциплину о бумажных денежных знаках, остаётся недостаточно востребованной в современной школьной практике. Несмотря на то, что её потенциал для отражения социально-экономических процессов зачастую выше, чем у более популярной нумизматики, методические возможности бонистики в образовательном процессе раскрыты неполно. Целью данной работы является демонстрация образовательной ценности бонистики и разработка практических методик её применения на уроках истории для средних и старших классов. Актуальность исследования определяется запросом на обновление средств наглядности и необходимостью повышения мотивации учащихся через непосредственный контакт с подлинными материальными свидетельствами эпохи, доступными для визуального и тактильного изучения. Оформившись как самостоятельная научная отрасль в XX столетии, бонистика исследует банкноты, являющиеся оперативным индикатором государственной политики. Их дизайн, в отличие от более консервативных монет, оперативно меняется, неся в себе информацию о полиграфических технологиях, господствующих художественных стилях (модерн, конструктивизм и др.), эволюции государственной символики и официальной идеологии. [2, с. 34–37].

Использование бонистического материала на уроках решает несколько практических задач:

1. Конкретизация абстрактных экономических концепций. Бумажные денежные знаки выступают эффективным инструментом материализации сложных экономических категорий, таких как инфляция, деноминация, система товарно-денежного обращения или карточное распределение. Визуальное знакомство с банкнотой с гигантским номиналом или специализированным талоном трансформирует эти абстрактные понятия в конкретные, осязаемые свидетельства исторических процессов, облегчая их усвоение.

2. Развитие навыков критического анализа. Банкнота, являясь формально официальным государственным документом, представляет собой комплексный исторический источник. Изучение её графического оформления и истории стремительного обесценивания позволяет учащимся получить более глубокое и многогранное представление о политических и экономических кризисах, чем это возможно при работе только с текстом учебника. Дешифровка символов и изображений на денежных знаках раскрывает механизмы пропаганды и помогает понять, какие идеологические установки и общественные ценности власть стремилась транслировать населению в конкретный исторический период [3, с. 32–35].

3. Установление межпредметных связей. При изучении банкнот различных стран ученики задействуют знания из географии, например, определяют страну по изображённым объектам, а также из биологии анализируя флору и фауну на купюрах (как на долларе Белиза или валюте Замбии). Это способствует формированию целостного мировоззрения.

Внедрение бонистики не подразумевает создание отдельного учебного курса, именно этот методический инструмент легко интегрируется в уже существующую программу уроков. Рассмотрим наиболее результативные приёмы его использования.

Прием «Диагностика эпохи по кошельку» – это метод погружения в исторический контекст, через сравнительный анализ денежных купюр, который может быть в основе выявления основных изменений в обществе.

Так, при изучении периодов экономических кризисов (например, Гражданская война, послевоенное восстановление, «шоковая терапия» 1990-х) полезно применять сравнение денежных знаков по их номиналам. Учитель показывает ученикам две банкноты с разными номиналами, например, царский кредитный билет 1898 г. на 1 рубль и совзнак 1921 г. номиналом 1000 (рис. 1–2).

Рис. 1. Расчетный знак 1921 г.: номинал 1000 рублей

Рис. 2. Кредитный билет 1898 г.: номинал 1 рубль

Задавая вопросы: «Почему номиналы отличаются настолько сильно?», «Что можно было приобрести на эти деньги в тот период?» и «Как изменилось положение человека, если его зарплата осталась прежней, а цены взлетели?» – педагог направляет учеников к самостоятельному осмыслению процессов инфляции и снижения покупательной способности заработка.

Прием – «Анализ визуального ряда». Этот метод направлен на развитие визуальной грамотности и критического анализа через пристальное изучение изображений на купюрах.

Банкноты советской эпохи представляют собой важный источник для изучения истории пропаганды. В 1920–30-е гг. на деньгах исчезли изображения царей, их заменили образы рабочего, крестьянина, красноармейца и индустриальных пейзажей, что отражало идеалы нового общества (рис. 3–4).

Рис. 3. Денежные знаки 1960-х годов: период правления Н. С. Хрущева

Рис. 4. Денежный билет СССР 1938 г.: пример отражения общей тенденции развития общества в купюрах

Учащимся предлагается проанализировать «идеологический посыл» банкнот разных периодов. Например, банкноты 1947 г. выполнены в стиле сталинского ампира: строгие орнаменты, портрет Ленина, символика мощи и единства, что подчеркивало культ вождя и государственную мощь после войны. В то время как банкноты 1961 г. отражают «хрущевскую оттепель» – более упрощённый дизайн, акцент на сельское хозяйство и мирный труд, что свидетельствовало о смещении ценностей в сторону развития экономики и повседневной жизни.

Задание помогает учащимся, опираясь только на изображения, выявить ключевые государственные приоритеты каждого исторического этапа через символику денежных знаков.

Прием «Урок-расследование».

Особый познавательный потенциал для формирования региональной идентичности учащихся представляет изучение локальных денежных систем периода Гражданской войны и ранней советской власти. В условиях экономической нестабильности органы городского управления, промышленные предприятия и кооперативные объединения в различных регионах выпускали собственные денежные суррогаты – боны. Педагог может организовать проектную деятельность, направленную на исследование вопроса о наличии подобных замещающих средств обращения в истории конкретного города или области.

К примеру, в регионах Урала и Сибири циркулировали «сибирские рубли» правительства Колчака, в Средней Азии – денежные знаки Туркестанской республики, а на многих предприятиях функционировала система хлебных чеков. Анализ таких локальных исторических свидетельств позволяет школьникам не только освоить методологию работы с источником, но и ощутить непосредственную связь с крупными историческими процессами, происходившими в стране.

Рис. 5. Денежные суррогаты 1920-х гг.: пример локального денежного творчества в условиях дефицита мелкой разменной монеты

Практическое внедрение элементов бонистики в учебный процесс в старших классах (9–11 класс) позволяет констатировать значительный рост мотивации учащихся и углубление понимания исторического материала. Школьники, ранее не проявлявшие особого интереса к экономической истории, активизируются, задавая конкретные вопросы о реальной покупательной способности денег и различиях в уровне жизни социальных групп. Параллельно работа с банкнотами способствует актуализации знаний о политических деятелях и государственной символике. Так, сопоставление изображения безкоронного орла на деньгах Временного правительства с современным государственным гербом становится эффективным поводом для дискуссии о трансформации и преемственности власти в России.

Ключевым фактором является работа с материальными объектами. Использование на уроке подлинных денежных знаков (даже не представляющих высокой коллекционной ценности) или их полноцветных реплик оказывает более сильное эмоционально-познавательное воздействие, чем статичная иллюстрация в учебнике. Физический контакт с артефктом, осознание того, что это подлинный предмет, бывший в обращении в изучаемую эпоху (например, «бумажка, которую мог держать рабочий в 1920 году»), создаёт мощный эффект погружения и личной связи с прошлым.

Таким образом, бонистика выступает не как узкое коллекционирование, но как значимый педагогический инструмент в рамках исторического образования. Интеграция бумажных денежных знаков в учебный процесс позволяет визуализировать сложные экономические концепции, формирует у учащихся навыки критического анализа исторического источника и способствует построению целостного понимания социально-экономических процессов. Банкнота является концентрированным выражением «духа времени», кодирующим информацию через комплекс символов, цифровых данных и художественных образов.

Внедрение бонистических материалов отвечает требованиям современных Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), ориентированных на переход от репродуктивной модели обучения к деятельностной и исследовательской. Дальнейшее развитие данного направления предполагает разработку элективных курсов по историческому краеведению на основе изучения региональных коллекций денежных знаков, а также создание специализированных цифровых архивов и баз данных банкнот. Это расширит возможности их применения на интерактивных образовательных платформах и в условиях дистанционного обучения.

Список литературы

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения РФ № 287 от 31 мая 2021 г. : [в ред. от 18.06.2025] // КонсультантПлюс. 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389560/?ysclid=mowy7cqk6o192937628 (дата обращения: 10.03.2026).

2. Разумов С. А. Илларион Игнатьевич Кауфман и научная бонистика в России // Преподавание истории в школе. 2022. № 9. С. 34–37.

3. Разумов С. А. Сергей Иванович Чижов и становление научной бонистики в России // Преподавание истории в школе. 2022. № 8. С. 32–35.

Информация об авторе: *Ховарев Николай Алексеевич*, студент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Россия, г. Пенза).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Богомолова Д. Ю.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 3

Буртасов Д. А.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИЗАЙН-ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ EDTECH 6

Вдовин Д. С.
ВАРВАРИЗАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ ПО ДАННЫМ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА 8

Водопьянов А. С.
ОСОБЕННОСТИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 12

Галимова Л. М.
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ УВАЖИТЕЛЬНОСТИ ПРИЧИН ОТСУТСТВИЯ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКА И РАБОТОДАТЕЛЯ 16

Девяткина И. А.
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АПРОПРИАЦИИ 20

Докина А. Д.
СЕМЬЯ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 24

Ермаков М. Е.
РАЗВИТИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С МОРСКИМ ПИРАТСТВОМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 26

Зацепина Е. А.
ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ 1917 г.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕЙ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 29

Зверева Ю. В.
ПРОБЕЛЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ УЧЕТА ДЕТСКОГО МНЕНИЯ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ 32

Иванчев Н. А.
РОЛЬ АМЕРИКАНСКОГО ЗАКОНА ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ США 36

Канахина О. А.
МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ 40

Каржина С. С.
ИНСТИТУТ ОСПАРИВАНИЯ ОТЦОВСТВА В ПРАВОВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ 43

Киселева Д. С.
ГЕНЕЗИС ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОССИИ 46

Ломакина Ю. Р.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОДИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В АЗИИ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И ЯПОНИИ) 50

Маринина Д. С.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 54

Мироненко С. М.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МНЕНИЯ ПУТЕМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА 57

Павлуткина Е. А.
ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ 61

Панфёров А. А.
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ У РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ 64

Сахно Г. В.
КПСС И КПРФ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ 70

Яковенко А. Р.
ПРАВОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПИКЕТИРОВАНИЯ И ЗАБАСТОВКИ 74

АРХЕОЛОГИЯ

Баранов И. А.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ О БУРТАСАХ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ 78

Винничек В. А., Булушев А. С.
ДРЕВНИЕ ХАКАСЫ В ВЕРХНЕМ ПОСУРЬЕ 82

Иконников Д. С., Ставицкий В. В., Калмина О. А., Калмин О. О.
КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОРДВЫ: ЭПОХАЛЬНАЯ ДИНАМИКА 84

Ягов О. В., Понякин А. А.
ПЕНЗЕНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 89

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Афонина А. А.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ АНГЛИИ И СТАНОВЛЕНИЕ КОМПОЗИТАРНОЙ МОНАРХИИ (XIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVII в.) 92

Вдовин Д. С.
АНГЛИЙСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ..... 96

Викулов М. Н., Тихов П. В.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ДЕСПОТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЛАДА ЦЕПЕША И ИВАНА ГРОЗНОГО 100

Воронов Г. А.
СОЗНАНИЕ ИСТОРИКА В КОНЦЕПЦИИ Р. ДЖ. КОЛЛИНГВУДА 103

Исламова Э. Р., Эпштейн В. А.
ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1960–1980-е гг.) 107

Каширский А. В.
АПОСТОЛЬСКАЯ НУНЦИАТУРА КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ СВЯТОГО ПРЕСТОЛА 111

Косарева М. А.
ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В XX в. 114

Кулагин Н. О.
РОССИЯ И ЗАПАД: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗЛИЧИЕ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ..... 117

Ларина Ю. Д.
ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА 1980–2020-х гг. В КИТАЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕМЕН 122

Ломакина Ю. Р.
ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЕВРОПЕ И США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 125

Мамедли Б. А. оглы
К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ИСТОРИОГРАФИИ АЗЕРБАЙДЖАНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI в.) 128

Нарбекова А. Р.
ЖЕНЩИНЫ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ ЕВРОПЫ 1848 г.: РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ 132

Новокрещенова А. Д.
НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧЕХИИ В XV в. (ПО ДАННЫМ ТРАКТАТА ЛАВРЕНТИЯ ИЗ БРЖЕЗОВОЙ) 135

Оборок А. Р.
КРИТИКА ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИСТОРИИ КАРЛОМ ПОППЕРОМ 138

Павлуткина Е. А.
ПРАВА ЖЕНЩИН В АНГЛИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в.: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ 141

Родионова В. В.
БАРТОЛОМЕ ДЕ ЛАС КАСАС И ЕГО «ИСТОРИЯ ИНДИЙ» (XVI в.) 144

Севостьянова Д. С.
ПРАЗДНИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА 147

Трусов А. А.
ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГА
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 150

Шанцева Н. А.
ФЕНОМЕН ВАКОН ЁСАЙ: АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА
В ЯПОНСКОЙ ВОИНСКОЙ ЭТИКЕ КОНЦА XIX в. 153

Шувалов В. И.
ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНОЙ СТАТУСНОЙ СОЛИДАРНОСТИ СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ИДЕЙ ГЕОПОЛИТИКИ 156

ИСТОРИЯ РОССИИ

Абакумов Е. В.
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР И НАМЕСТНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ
В УФИМСКОМ НАМЕСТНИЧЕСТВЕ (1781–1796): МЕХАНИЗМЫ
СУБОРДИНАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ 160

Акимцев Д. А.
КОНЦЕПТ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПОДХОД
ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АСПЕКТОВ КРЕСТЬЯНСКОГО
МИРОВОСПРИЯТИЯ 163

Бузынин М. С.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ
БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 165

Бурдонова Д. С.
ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАК ЯЗЫК ЭЛИТЫ: ФУНКЦИИ И СТАТУС
В КНЯЖЕСКИХ КРУГАХ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА 169

Гребенкин А. Н., Буянский Д. Д.
МЕРЫ ПООЩРЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОХРАННОЙ КОМАНДЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX в. 174

Гущин А. А., Ягов О. В.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2021–2025 гг.:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 178

Дёмин М. А.
ПРОБЛЕМА ВЫВОДА СОВЕТСКИХ/РОССИЙСКИХ ВОЙСК ИЗ СТРАН
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1989–1994 гг. 181

Дробенчук В. С.
ВЛИЯНИЕ ОКРУЖЕНИЯ НА ПРАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
И ПРИНИМАЕМЫЕ ИМИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ 185

Ермаков И. А.
СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ В СИБИРИ В XVII в. КАК ИНСТРУМЕНТ
КОЛОНИЗАЦИИ.....188

Исионова А. И.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ
ДЛЯ СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В 1945–1953 гг.: ОСОБЕННОСТИ
И ПРОТИВОРЕЧИЯ 191

Карнопов В. А.
ВОЕННАЯ РЕФОРМА ПАВЛА I: ПОПЫТКА СДЕЛАТЬ ИЗ РУССКОЙ АРМИИ ПРУССКУЮ 194

Корсакова Н. Д.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТОМСКОГО ОБЩЕСТВА ПРАВИЛЬНОЙ ОХОТЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. 197

Коршунова О. Н.
СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ В КОНЦЕПТЕ ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ 200

Кривова Д. В.
ПОСЕЩАЕМОСТЬ СОВЕТСКИМИ ГРАЖДАНАМИ МУЗЕЕВ В 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ) 203

Крупнов С. А.
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ВЛКСМ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991) 206

Крючкова П. Н.
РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ И САНИТАРИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II 210

Кэтанэ В. Ф.
ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИЕЙ И КРИТИКОЙ ЦЕРКОВНОГО ФОРМАЛИЗМА 213

Лозовская О. А.
ДЕТСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ НА СТРАНИЦАХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЛЕНИНСКИЕ ИСКРЫ» В 1920-е гг. 216

Луняков И. А.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕТЕНЗИЙ ЯПОНИИ К РОССИИ 219

Новиков С. А.
К ВОПРОСУ О РОЛИ Г. ГАПОНА В СОБЫТИЯХ 9 ЯНВАРЯ 1905 г. 223

Новокрещенова А. Д.
ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕРЖАВ НА ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ: ДИПЛОМАТИЯ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО 228

Панин И. С.
РОКОВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ: ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ И ПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ О ПРИЧИНАХ ДУЭЛИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА И Н. С. МАРТЫНОВА 232

Пинковский В. И.
ОТВЕТ К. К. ЛАБЕНСКОГО НА КНИГУ МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»: ТАКТИКА ОПРОВЕРЖЕНИЯ 236

Пуневский Я. В.
СТРУКТУРА И ПОРЯДОК РАБОТЫ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В 1870–1914 гг. (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ) 239

Самсонов А. А.
ВЛИЯНИЕ XX СЪЕЗДА КПСС И ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ
НА ТЕНДЕНЦИОЗНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКЕ В 1956–1964 гг. 246

Сахно Г. В.
ФЕНОМЕН НЕВЫПЛАТ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РОССИИ В 1990-х гг.:
ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ И ФОРМЫ ПРОТЕСТА 249

Силина К. В.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМОЛЕНСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ
(ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ И ТРУДА В КОНЦЕ 1980-х гг. 252

Фатевичева В. А.
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО
КИНЕМАТОГРАФА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980–1990-х гг.:
МЕЖДУ СВОБОДОЙ И РАСПАДОМ 256

Февралев В. А.
ОГАС: УТЕРЯННОЕ ЦИФРОВОЕ ПРЕВОСХОДСТВО СССР
И ЕГО ПРИЗРАЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В ЭПОХУ НЕЙРОСЕТЕЙ 260

Фогель А. Ю.
КУПЧИХИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. 263

ИСТОРИЯ ПОВОЛЖЬЯ И ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ

Белая Т. А.
СИНТЕЗ ИСТОРИЧЕСКИХ СТИЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ
ПЕНЗЫ 267

Гордеева Д. С.
АДРИАН МИХАЙЛОВИЧ УСТИНОВ: ОПЫТ
ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 270

Забродин Г. С.
ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ БЕЛЮСОВ – «ПЕРВОПРОХОДЕЦ»
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ШИФРОВАЛЬНОГО ДЕЛА 274

Иноземцев И. Н.
К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ
СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг. 277

Канельский А. В.
РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ) ...280

Королева Л. А., Вазеров И. Д.
МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАДИОВЕЩАНИЯ
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1943–1944 гг. 283

Крошечкина М. Д.
«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОЙ
ГУБЕРНИИ) 286

Монахов Д. Е.
МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В СВЯЗИ С МИЛИТАРИЗАЦИЕЙ В СССР В КОНЦЕ 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ) 290

Немкова С. М.
ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В УСЛОВИЯХ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ЗАРЕЧНОГО в 1958 г. – НАЧАЛЕ XXI в.) ... 294

Севостьянова Д. С.
ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ЧЕМБАРА, СВЯЗАННЫЕ С ВИЗИТОМ НИКОЛАЯ I В 1836 г. 298

Селезнёва А. А.
РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ КИНОПОКАЗА В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 301

Тишкина А. В.
«ГОЛОДБЕЖЕНЦЫ» В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1921–1924 гг.) 304

Филинов И. В.
ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В 1941 г. 308

Шаповалова Т. А.
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В 1980–1991 гг. (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 312

Шонина Е. А.
БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ В ПЕНЗЕНСКУЮ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 315

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ, ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ И ПРАВА

Абрамова Е. А.
ОТ СОПЕРЕЖИВАНИЯ К АНАЛИЗУ: ПРИЕМЫ РАБОТЫ С ТЕМОЙ «ДИССИДЕНТЫ И НЕФОРМАЛЫ» НА УРОКАХ ИСТОРИИ 321

Андреева В. И., Бойко И. В.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ УРОКОВ ИСТОРИИ И ИНФОРМАТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ) 324

Загарина А. С.
МЕТОД ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОКЕЙСА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ 328

Ивашкина Е. Д.
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СЕРВИСА «УЧИ.РУ» В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ В МЛАДШИХ КЛАССАХ 332

Каширский А. В.
К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МОДУЛЬНО-БЛОЧНОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ В ПРОФИЛЬНОМ КЛАССЕ НЕГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА 336

Козунов А. А.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ НА УРОКАХ ИСТОРИИ 339

Панфёров А. А., Мамонова С. А.
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ БИНАРНЫХ УРОКОВ В ОБУЧЕНИИ ИСТОРИИ НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ «ОБРАЗ КНЯЗЯ ОЛЕГА В ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЕ» 341

Ситникова Д. В.
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА НА УРОКАХ ИСТОРИИ РОССИИ (XVIII–XIX вв.) 346

Таминкина М. Д.
РОЛЕВАЯ СИТУАЦИЯ «РАЗРЫВ ШАБЛОНА» КАК ИММЕРСИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ 349

Тарасенко А. Т.
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ 353

Фокин-Сазонов К. П.
ТАЙМЛАЙН КАК ЭЛЕМЕНТ ХРОНОСТРУКТУРЫ ЕДИНОГО УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА 356

Ховарев Н. А.
ПРИМЕНЕНИЕ БОНИСТИКИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ 358

Научное издание

ЛЕБЕДЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей по материалам
XXVII Всероссийской научно-практической конференции

г. Пенза, 16 апреля 2026 г.

П о д р е д а к ц и е й
Иноземцева Ивана Николаевича

Все материалы представлены в авторской редакции

Корректор *Н. А. Сидельникова*
Компьютерная верстка *Р. Б. Бердниковой*
Дизайн обложки *О. И. Жаровой*

Подписано в печать 18.08.2026.
Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 43,25.
Заказ № 276. Тираж 60.

Издательство ПГУ
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru